УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. Вернадского

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 4 (70). № 4

Симферополь
2018

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 4 (70). №4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2018

ISSN 2413-1733

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832
от 18 мая 2015 года.

**Печатается по решению Научно-технического совета
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
протокол № 7 от 25 декабря 2018 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»**:

Ротань Владимир Гаврилович, д. ю. н., проф. (главный редактор)
Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (выпускающий редактор)
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Биляев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.
Тонков Евгений Евгениевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Донская Людмила Дмитриевна, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Таран Павел Евгеньевич, к. ю. н., к. ф. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Подписано в печать 25.12.2018. Формат 70x100/16.
30,55 усл. п. л. Тираж 50 экз. Заказ № НП/221.
Подписной индекс объединенного каталога «Пресса России»
38906. Цена 881 руб. Дата выхода в свет 13.02.2019.
Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
КФУ имени В. И. Вернадского
295051, Симферополь, бул. Ленина, 5/7
http://sn-law.cfuv.ru

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 3–10.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 340.114.5+378.016

ПРОЯВЛЕНИЯ НИГИЛИСТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРАВУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МВД РОССИИ

Адаховская С. В.

ФГБОУ ВО «Нижегородская академия МВД России»

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме нигилистического отношения к позитивному праву. Целью статьи является анализ методов и способов преодоления и снижения нигилистического отношения к позитивному праву в стенах образовательных учреждений МВД России. Статья подводит некоторые итоги наблюдения за поведением курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России в части воспитания сотрудников в духе соблюдения законности и активного правомерного поведения.

Автором рассматриваются направления деятельности постоянного состава образовательных учреждений МВД России, которые могут повлечь преодоление нигилистического отношения к праву. К первоочередной задаче обучения и воспитания в образовательных учреждениях МВД России автором отнесено повышение у будущих правоприменителей правовой культуры, складывающейся из юридической грамотности, правосознания, профессиональной компетенции и правового воспитания.

Автором подчеркивается необходимость, с одной стороны, строгого контроля за дисциплиной курсантов, с другой стороны – разработки концепции стимулирования их деятельности. Предлагается выделение в рабочих программах часов для обучения навыкам работы со справочными правовыми системами, внедрение в практическую деятельность сотрудников органов внутренних дел справочных правовых систем с внутриведомственными нормативными правовыми актами, дальнейшее развитие и функционирование ИСОД и программного обеспечения, облегчающих и ускоряющих делопроизводство.

Ключевые слова: нигилистическое отношение, позитивное право, преодоление и снижение нигилистического отношения, правовая культура, юридическая грамотность, правосознание, правовое воспитание.

Преодоление правового нигилизма и снижение его уровня как в российском обществе, так и в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел является важной проблемой для сегодняшней России. Разрешение этой проблемы – процесс длительный, предполагающий изменение объективных условий жизни всего общества и в большей степени связан с выходом России из кризиса, устранением воздействия негативных факторов.

Необходимость постоянного изучения правового нигилизма и форм его проявления в сфере деятельности органов внутренних дел связано с тем, что уничтожительный характер правового нигилизма заключается в том, что он может достигать таких уровней и силы, которые влекут за собой разрушение правовой системы – правотворческих и правоприменительных ее сегментов [1].

Сегодня постоянно отмечается, что эффективность предпринимаемых шагов по противодействию правовому нигилизму непосредственным образом зависит от качества образования юристов страны, уровня их профессиональной подготовки. Корректировка рабочих программ дисциплин профессиональной подготовки юристов осуществляется в настоящее время путем простого дополнения существующих дисциплин и всегда носит «догоняющий» характер по отношению к юридической практике [2]. Необходимо предоставить большую свободу педагогам при формировании рабочих программ дисциплин, чем дозволено на сегодняшний день, для реализации оперативного реагирования на изменения действующего законодательства.

Возросший спрос на юристов высшей квалификации обусловил возникновение многочисленных частных образовательных учреждений. Квалифицированные и практически подкованные преподаватели и учебно-методическая база в таких учреждениях, как правило, отсутствуют, что приводит к большим сомнениям в качестве подготовки специалистов. Подобная тенденция ведет не только к дискредитации юридического образования, создает предпосылки для злоупотреблений в сфере юридической практики, но и усиливает правовой нигилизм.

Происходящие в настоящее время в обществе и государстве реформы, совершенствование, приведение к международным стандартам законодательства Российской Федерации предполагают повышение действенности правового регулирования социальных процессов, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, усиление эффективного воздействия на правоотклоняющееся поведение. Очевидно, что реализация этой стратегии напрямую связана с поднятием на новый качественный уровень профессионального правового сознания, роста правовой культуры сотрудников органов внутренних дел. От их правомерного поведения во многом зависит решение многих актуальных задач современного этапа развития общества и государства. Вот почему крайне важно обратить особое внимание на профессиональное правосознание сотрудников ОВД, формирующееся, в основном, в процессе обучения в образовательном учреждении МВД России в форме очного, заочного обучения или профессиональной подготовки и переподготовки.

Существует множество различных точек зрения на возможные пути преодоления правового нигилизма [3]. Как правило, предлагается поднять качество законопроектной работы, совершенствовать правоприменительную практику, повысить общую и правовую культуру граждан, их правовое правосознание; укрепить законность и правопорядок; подготавливать высококвалифицированных юристов. Все эти предлагаемые меры осуществляются «сверху», то есть по инициативе государства, но подлинный порядок нельзя установить с помощью одного лишь государства, он складывается «внутри» гражданского общества, воспитывается в том числе в процессе обучения, в частности, в образовательных учреждениях МВД России.

К первоочередной задаче обучения и воспитания в образовательных учреждениях МВД России необходимо отнести повышение у будущих правоприменителей правовой культуры, складывающейся из юридической грамотности, позитивного правосознания, профессиональной компетенции и правового воспитания.

Очень важный момент в процессе обучения – это акцентирование внимания обучающихся на то, что применение права не является исключительно властной деятельностью должностного лица, а осуществляется в рамках правоприменительного отношения, все участники которого (в т. ч. правоприменитель) наделены как права-

ми, так и обязанностями по отношению друг к другу, выход за рамки предоставленных прав (правомочий) не допустим и наказуем.

Необходимо повышение общего и, в частности, правового просвещения населения, доведение правовых норм и предписаний до всеобщего сведения с помощью средств массовой информации, возрождение занятий политинформации. Из последних тенденций сюда необходимо отнести нормативное закрепление обязанности курсантов 5 курса очной формы обучения участвовать в проведении единого дня государственно-правового информирования сотрудников органов внутренних дел, в том числе и в его подготовке. Информированность в области права, понимание в каждом случае его подоплеки (логики) имеют большое и очевидное значение.

Перед постоянным составом образовательных учреждений МВД России стоит цель – повысить роль правовой пропаганды. Высокое правопонимание должно обеспечиваться как путем налаживания широкой и доступной правовой информации, так и посредством введения стройной системы поэтапного юридического образования и правового воспитания. В этом деле сложно переоценить роль «курсовых» командиров.

В последние годы была принято достаточное количество правовых актов, устанавливающих ответственность сотрудников органов внутренних дел. Необходимо их не только довести до сведения курсантов образовательных учреждений МВД России, но и постоянно знакомить с подготавливаемыми МВД России обзорами нарушений дисциплины и законности среди сотрудников органов внутренних дел.

В настоящее время имеется достаточное правовое регулирование деятельности сотрудников органов внутренних дел. Однако часть необходимого в правоприменительной деятельности вузов МВД России правового регулирования отсутствует. Так, отсутствует строевой устав органов внутренних дел. В связи с этим курсовые офицеры вынуждены пользоваться строевым уставом Вооруженных сил Российской Федерации [4]. При обучении юристов в первую очередь необходимо показать им наличие, стабильность и адекватность имеющегося правового регулирования. Если же правоотношения длительное время остаются вне поля правового регулирования, тогда и возникает процесс выработки нигилистического отношения к позитивному праву.

Другой аспект преодоления нигилистического отношения к праву возникает в процессе повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел. Систематическое повышение квалификации правоприменителей стало в настоящее время актуальным требованием. Повышение квалификации может проводиться в рамках как направленного обучения, так и самообразования, с выездом в образовательное учреждение, так и, наиболее активно применяемое в последнее время, с помощью дистанционных технологий без отрыва от служебной деятельности. В образовательных учреждениях МВД России дистанционные технологии были массово апробированы при подготовке сотрудников к Чемпионату мира по футболу – 2018. Во всех случаях сотрудникам необходимо предоставить в распоряжение обучающихся теоретически и практически обоснованные методические рекомендации, разработанные на современной научной базе, материалы для подготовки к теоретическим и тестовым вопросам. Важной целью юридического образования является воспитание высокого профессионального правосознания и правовой культуры юристов.

Необходимо отметить, что ни один человек при выполнении своих служебных обязанностей не будет их выполнять качественно при отсутствии стимулов в работе, даже при наличии сдерживающей политики в виде строгих наказаний. Следовательно, необходимо разработать концепцию стимулирования деятельности правоприменителей. О стимулах в праве говорилось достаточно, но в основном проведенные исследования говорили о стимулах для граждан, реализующих свои права, а не для правоприменяющих должностных лиц. Следует продуманно подойти к рациональному использованию возможностей поощрительных норм и избегать чрезмерного применения мер принуждения. Обязательно соблюдение меры в сочетании убеждения и принуждения. Необъективные наказания могут порождать чувство несправедливости, притупляют здоровую служебную инициативу, делают сотрудников органов внутренних дел инертными и равнодушными к выполняемым обязанностям.

Как известно, внешнее воздействие на волю и сознание людей может носить различный характер, но в целом сводится к двум основным методам: методу стимулирования определенных видов деятельности и методу властных предписаний, то есть методам убеждения и принуждения. Метод убеждения призван побуждать к правомерному поведению, а метод принуждения применяется для сдерживания противоправной активности.

Принуждение как метод формирования позитивного профессионального правосознания используется обычно в тех случаях, когда другие методы воздействия на мотивацию и поведение субъектов оказываются недейственными. Он выражается в прямом директивном требовании выполнить что-либо или не нарушать запрет деятельности.

Однако как постоянная форма воздействия на профессиональное правосознание принуждение малоэффективно, но и полностью от него отказываться нецелесообразно. К угрозе и прямому принуждению приходится прибегать в исключительных случаях, когда иные методы оказываются безрезультатными, помня при этом, что «принудить к чему-то можно только того, кто хочет, чтобы его принудили» [5, с. 141].

Философ И. А. Ильин говорил, что «нигилизм – это один из элементов, своеобразная черта общественного сознания, особенность национальной культуры» [6, с. 23]. Он обоснованно отмечал, что с помощью только карательных мер добиться искоренения правового нигилизма не удастся, справедливо полагая, что честным и законопослушным можно быть только по личной убежденности, в силу личного решения, иначе гражданин из опоры превращается в «брешь в правопорядке».

Как правильно указано в дорожной карте дальнейшего реформирования ОВД РФ [7] необходимо сформировать в системе МВД России условия, обеспечивающие высокую личную заинтересованность каждого сотрудника в добросовестном исполнении служебных обязанностей как гарантии сохранения высокооплачиваемой и престижной работы, а также получения во время прохождения службы и после выхода в отставку достойного пакета социальных льгот.

Еще одним методом преодоления нигилистического отношения к праву может быть перестройка деятельности правоприменительных органов, включая органы внутренних дел, основное содержание профессиональной деятельности которых составляет правоприменение. Важным моментом в образовании становится внедре-

ние в сознание курсантов понятия и действия принципа законности в деятельности сотрудников органов внутренних дел, возможность ограничений прав и свобод человека и гражданина только на основании федерального законодательства.

Немаловажное значение в вузе МВД России имеет обучение навыкам работы со справочными правовыми системами. Ведь давно известно: «Юрист не тот, кто все знает, а тот, кто знает, где найти информацию». В этой связи первостепенное значение приобретает умение работать с такими распространенными справочными правовыми системами, как «Консультант плюс» и «Гарант». В настоящее время эти системы имеют множество поисковых и аналитических возможностей, навыками работы с которыми не владеет обучающийся. «Консультант плюс» проводит курсы подготовки работы с правовой системой, которые оказали бы положительное влияние как на переменный, так и постоянный состав образовательных учреждений системы МВД России. Положительным моментом, в том числе для противодействия нигилистическим тенденциям, было бы выделение в рабочих программах небольшого количества часов для обучения курсантов (и не помешало бы профессорско-педагогическому составу) такого рода навыкам.

Еще одним положительным аспектом можно назвать разработку и внедрение в практическую деятельность сотрудников органов внутренних дел СПС «Страст юрист», в которой располагаются внутриведомственные нормативные правовые акты. Для приближения теории образования к практической сфере деятельности было бы неплохо снабдить образовательные учреждения МВД России такой обновляемой базой, в первую очередь, профессорско-педагогический состав.

Одним существенным моментом в противодействии правовому нигилизму можно выделить необходимость проведения систематизации ведомственной нормативной базы и устранение существующих противоречий [8, с. 166]. В настоящее время нормотворчество МВД России проявляется в издании укрупненных приказов. Примером может стать Приказ МВД России от 01.02.2018 № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации», отменивший более 40 приказов МВД России, но не внесший существенных изменений в правовое регулирование [9].

Ряд подразделений МВД России на региональном уровне использует в своей деятельности аналогичное СПС «Страст юрист» программное обеспечение для формирования базы нормативных правовых актов конкретного подразделения МВД России (им может быть как образовательное учреждение МВД России, так и ОМВД России на уровне субъекта РФ). Эту практику необходимо распространить на все подразделения и, в первую очередь, на образовательные учреждения, что позволит упростить поиск необходимого правового регулирования и отслеживание соответствия имеющихся правовых актов актам с большей юридической силой.

Основываясь на историческом опыте Германии (указы графа Вюртембергского) необходимо воспитать неприемлемость массовым сознанием любых нарушений правовых запретов, равенство всех перед законом, формирование уважения граждан к закону, повышение авторитета государственной власти и правоохранительной системы.

Необходимо отметить, что в последние годы в регламентации деятельности полиции имеется много положительных моментов: это и сервис электронного документооборота (ИСОД), и удаленный доступ к базам информационного центра, и

программное обеспечение, позволяющее ускорить работу или поиск информации (электронный паспорт на административный участок, электронное личное дело). Однако, как показывает практика, действующая электронная система не отлажена и фактически идет дублирование документов в электронном виде и на материальном (бумажном) носителе, что увеличивает объем работы сотрудников в два раза. Надеемся, что с течением времени обмен информацией между подразделениями ОВД и иными «правоохранительными» органами будет исключительно электронным с помощью защищенных каналов связи, как, например, осуществляется сегодня в налоговых органах.

Как указано в дорожной карте дальнейшего реформирования ОВД РФ [7], перед МВД России стоит задача скорректировать работу образовательных учреждений МВД России в направлении повышения их профессионализации и создания единой многоуровневой системы профессиональной подготовки и переподготовки кадров, увязанной с порядком прохождения службы в органах внутренних дел;

Важно творчески использовать зарубежный опыт в подготовке кадров; организовать международную кооперацию в области научных исследований, разработку методических и нормативных документов; всесторонне расширять сотрудничество с зарубежными партнерами в подготовке специалистов дефицитного профиля, в т. ч. по борьбе с организованной и экономической преступностью, наркобизнесом, коррупцией, киберпреступностью, создать банк данных достижений в сфере полицейского образования [7].

Не совсем обоснованно, на мой взгляд, законодательно установленное требование о наличии ученой степени для замещения должности доцента образовательного учреждения системы МВД (предусмотренное в правовом регулировании исключение в виде большого практического опыта, как правило, не применяется). В связи со спецификой профессиональной деятельности на должности профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений МВД России необходимо отбирать сотрудников органов внутренних дел, исключительно имеющих практический опыт деятельности в ОМВД России на районных уровнях. Если этого не сделать, мы будем наблюдать дальнейший разрыв между практикой и теоретическим обучением.

Вспоминая сотрудников дорожно-патрульной службы, должности которых раньше относились к должностям младшего начальствующего состава, и в связи с тем, что сотрудники патрульно-постовой службы полиции чаще других служб контактируют с населением, из-за чего по их отношению и юридической грамотности делается вывод о компетентности всей полиции, считаем необходимым установить требование для замещения должностей патрульно-постовой службы полиции лицами, имеющими, как минимум, среднее профессиональное юридическое образование.

Таким образом, будет достигнута цель обучения и воспитания курсантов в образовательных учреждениях МВД России – их правомерное поведение, которое выражается в позитивном отношении сотрудника к правовым принципам и нормам и характеризуется солидарностью с принципами и требованиями правовых норм.

Список литературы:

1. Апсалямов Р. Г., Шмакова А. П., Остроухова П. А. Парадигма инновационных, научно-исследовательских, теоретико-философских алгоритмов по пути преодоления правового нигилизма в современной России. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-yurisprudentsii-i-puti-resheniya-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodno/sektsiya-2-konstitutsionnoe-pravo-munitsipalnoe-pravo/paradigma-innovatsionnykh-nauchno-issledovatelskikh-teoretiko-filosofskikh-algoritmov-po-puti-preodo. Дата обращения 18.06.2018.
2. Ястребов А. В. В мире права. 2000 № 1./интернет-версия журнала. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1146417. Дата обращения 10.06.2018.
3. Варламова Н. Правовой нигилизм: прошлое, настоящее … и будущее России? // Адкрытае грамадства. 2002 № 1 (12). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.data.minsk.by/opensociety/1.02/6.html. Дата обращения 10.06.2018; Саакян М.В. Пути повышения правовой культуры российского общества. [Электронный ресурс]. Режим доступа: yberleninka.ru/article/v/puti-povysheniya-pravovoy-kultury-rossiyskogo-obschestva-1. Дата обращения 10.06.2018.
4. утв. Приказом Министра обороны РФ от 11.03.2006 № 111. // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] Режим доступа: http:consultant.ru. Дата обращения: 01.05.2018.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М., 1990.
6. Ильин И. А. О сущности правосознания. – М. 1993.
7. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok.html. Дата обращения 10.06.2018.
8. Противодействие правовому нигилизму в сфере правоприменительной деятельности ОВД (теоретико-прикладной аспект). Дисс. на соис. уч. степени к. ю. н. – СПБ, 2008.
9. Приказ МВД России от 01.02.2018 № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации»// Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 23.03.2018.

Adakhovskaya S. V. Nihilistic attitude to law during the education in the university of Ministry of Internal Affairs in Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 3-10.

The article is devoted to the actual problem of nihilistic attitude to positive law. The purpose of the article is to analyze the methods and ways for overcoming and reducing the nihilistic attitude to positive law during the education in the university of Ministry of Internal Affairs in Russia. The article sums up some results of monitoring the behavior of students in institute of Ministry of Internal Affairs in Russia in terms of educating employees in the spirit of respect for law and active lawful behavior.

Author examines the activities of teachers in institute of the Ministry of Internal Affairs in Russia, which helps to overcome the nihilistic attitude towards law. Author considers that enlargement a legal culture which consists of legal literacy, awareness, professional competence and legal breeding is the primary task of education in the institutes of the Ministry of Internal Affairs in Russia.

The author emphasizes the need, on the one hand, of strict control over the discipline of students, on the other hand, the development of the concept of stimulating their activities. It is proposed to allocate hours in the work programs for training the skills of working with reference legal systems, the plantation of reference legal systems with department legal acts, the further development and operation of the electronic document management service and software that facilitate and accelerate the work.

Key words: nihilistic attitude, positive law, overcoming and reducing the nihilistic attitude, legal culture, legal literacy, legal awareness, legal education

Literatura:

1. Apsalyamov R. G., SHmakova A. P., Ostrouhova P. A. Paradigma innovacionnyh, nauchno-issledovatel'skih, teoretiko-filosofskih algoritmov po puti preodoleniya pravovogo nigilizma v sovremennoj Rossii. [EHlektronnyj resurs] Rezhim dostupa: http://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-yurisprudentsii-i-puti-resheniya-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodno/sektsiya-2-konstitutsionnoe-pravo-munitsipalnoe-pravo/paradigma-innovatsionnykh-nauchno-issledovatelskikh-teoretiko-filosofskikh-algoritmov-po-puti-preodo. Data obrashcheniya 18.06.2018.
2. YAstrebov A. V. V mire prava. 2000 № 1./internet-versiya zhurnala. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1146417. Data obrashcheniya 10.06.2018.
3. Varlamova N. Pravovoj nigilizm: proshloe, nastoyashchee … i budushchee Rossii? // Adkrytae gramadstva. 2002 № 1 (12). [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.data.minsk.by/opensociety/1.02/6.html. Data obrashcheniya 10.06.2018; Saakyan M.V. Puti povysheniya pravovoj kul'tury rossijskogo obshchestva. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: yberleninka.ru/article/v/puti-povysheniya-pravovoy-kultury-rossiyskogo-obschestva-1. Data obrashcheniya 10.06.2018.

4. utv. Prikazom Ministra oborony RF ot 11.03.2006 № 111. // Dokument opublikovan ne byl. [EHlektronnyj resurs] Rezhim dostupa: http:consultant.ru. Data obrashcheniya: 01.05.2018.
5. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava. M., 1990.
6. Il'in I.A. O sushchnosti pravosoznaniya. M. 1993.
7. Dorozhnaya karta dal'nejshego reformirovaniya organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok.html. Data obrashcheniya 10.06.2018.
8. Protivodejstvie pravovomu nigilizmu v sfere pravoprimenitel'noj deyatel'nosti OVD (teoretiko-prikladnoj aspekt). Diss. Na sois. Uch. stepeni k.yu.n. SPB, 2008.
9. Prikaz MVD Rossii ot 01.02.2018 № 50 «Ob utverzhdenii Poryadka organizacii prohozhdeniya sluzhby v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii»// Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii http://www.pravo.gov.ru, 23.03.2018.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 11–18.

УДК 340.111

О ЗНАЧЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Анохин А. Н., Курабцева А. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются проблемы совершенствования системы правового регулирования. Акцент сделан на необходимости выявления и разрешения противоречий в структуре данной системы: структуре строения, структуре организации, структуре функционирования. Противоречия представлены в виде развивающихся проблемных ситуаций, обнаружение которых достигается при помощи поискового прогнозирования, а разрешение – при помощи нормативного прогнозирования. Указывается, что противоречия в структуре системы являются производными от противоречий более высокого порядка –, конфликта интересов субъектов системы. Подчеркивается роль поискового и нормативного прогнозирования в урегулировании данной группы противоречий.

Ключевые слова: юридическое прогнозирование, правовое регулирование.

Проблемы теории и практики правового регулирования относятся к числу традиционных в отечественной юридической науке. Многогранность категории «правовое регулирование» требует от ученых всестороннего и комплексного исследования, необходимости акцентирования внимания на различных ее аспектах, выделения, помимо технико-юридических (инструментальных) характеристик, еще и социально-правового измерения и наполнения. Последнее направление дает возможность выйти за пределы собственно юридической догматики и сосредоточить научный интерес на социально-правовых основах понимания правового регулирования, имеющих в большей степени прикладную значимость.

С таких позиций правовое регулирование рассматривается как социальный процесс, нормативный способ социального регулирования [1, с. 27], указывается, что это нормативно-организованный, последовательно осуществляемый комплексный процесс, направленный на результативное воплощение правовых норм в жизнь [2, с. 8]. Особо подчеркивается необходимость понимания правового регулирования как формы управления обществом [3, с. 4], важность его перевода в плоскость проблематики теории управления.

Управленческий подход позволил распространить на теорию правового регулирования соответствующий инструментарий науки о законах прогнозирования – теории прогнозирования (прогностики) и адаптировать его к проведению правовых исследований. В результате был сделан вывод о том, что прогнозирование, выступая особым актом познания закономерностей развития и преобразования социальной действительности, опосредует все стадии процесса правового регулирования и в таком качестве служит его основой [5, с. 5]. Однако потенциал прогнозирования может быть творчески использован и при конструировании системной организации правового регулирования. Отсюда цель статьи – показать значение юридического прогнозирования в совершенствовании структуры системы правового регулирования.

Необходимо указать, что прогнозы составляются с целью определения направлений и тенденций развития какого-либо процесса, вероятных сроков наступления того или иного события. При этом сроки, объем, числовые характеристики и прочее в прогнозе носит вероятный характер и обязательно предусматривает возможность внесения корректировок. Эти корректировки обеспечиваются непрерывностью производства прогнозов, сохраняя тем самым устойчивость управления процессом. [6, с. 89, 90].

В теории прогностики среди различных критериев типологизации прогнозов выделяют один основополагающий – «целевой»: для чего разрабатывается данный прогноз. В соответствии с этим критерием различаются два типа прогнозов: поисковые и нормативные.

Поисковые (их также называют генетическими, исследовательскими) предполагают прогнозирование развития явлений путем условного продолжения в будущее тенденций этого развития в прошлом и настоящем, при этом абстрагируются от решений, способных видоизменить существующие тенденции. Такие прогнозы отвечают на вопросы: «В каком направлении идет развитие?», «Что вероятнее всего произойдет при сохранении существующих тенденций?» [7, с. 22].

Важно уточнить, что возникает не просто об ожидаемом состоянии в связи с наметившимися тенденциями, а об ожидаемом проблемном состоянии – о том назревающем разрыве между сущим и должным, между действительным и желательным, который следует устранить соответствующими усилиями. На выявление именно таких состояний и нацелен поисковый прогноз. [8, с. 5].

Рассматривая общий механизм генезиса социальной проблемы, выделяют ее основные структурные компоненты: существовавшую социальную обстановку (когда социальные проблемы были существенно иными), социальные институты, созданные в тех условиях для решения проблем, возникновение новой обстановки (по мере решения проблем), растущая неадекватность старых институтов в новой обстановке (назревание проблемы), осознание необходимости создания новых институтов для решения назревающих проблем [8, с. 49].

В соответствии с изложенным отметим, что в теории правотворчества используется аналогичный термин – «проблемная ситуация» [9, с. 27], выявление и исследование которой выступает исходным этапом как процесса правотворчества, так и правового регулирования в целом. В юридической литературе отмечается, что суть проблемной ситуации в правовом регулировании может быть определена как разрыв между должным и сущим, между возросшем уровнем общественных отношений и фактически существующим уровнем их правового опосредования. Проблемная ситуация может отражать недостаточную урегулированность того или иного общественного отношения, недостаточную меру развитости государственно-правовых форм в определенной сфере общественных отношений. Она может выражаться в противоречии между сложившимися формами и методами государственного воздействия на определенную сферу общественных отношений и реальными потребностями общественной жизни [10, с. 28–29].

В более конкретизированном и развернутом виде проблемная ситуация должна быть представлена как противоречие в структуре системы правового регулирования, показывая степень рассогласования между сущим и должным. Сущее – фактическое состояние структуры системы правового регулирования. Должное – состоя-

ние соответствия структуры системы правового регулирования установленным (заданным) требованиям. При совпадении сущего и должного отсутствует проблемная ситуация.

В методологическом отношении важно различать три аспекта исследования структуры системы. Первый аспект называют субстанциональным. В соответствии с ним, под структурой понимается закон строения, взаимосвязь всех пространственно-ограниченных элементов системы. Система представляется целостным объединением этих элементов [11, с. 48–49].

Под организационным аспектом структуры системы понимается совокупность всех прямых и обратных связей, то есть связей между всеми ее подсистемами, а также между системой и внешней средой [11, с. 50].

Функциональный аспект включает структуру процессов изменений в системе. Под структурой понимают совокупность отношений между существенными переменами этой системы. Функциональная структура – это выражение закона перехода от начальных состояний системы к конечным [11, с. 51].

С учетом изложенного, структура строения (субстанциональная) системы правового регулирования основывается на выделении её элементного – «субъектно-объектного» состава (регулирующей и регулируемой подсистем). Конкретизация субъектного состава с позиции государственного управления обществом предполагает построение иерархии субъектов: субъектов правотворчества, осуществляющих нормативно-правовое регулирование, и субъектов правоприменения, осуществляющих индивидуально-правовое регулирование. Эти две подсистемы образуют единую систему субъектов правового регулирования, которая поэтапно воздействует на объекты регулирования.

Общество, выступая глобальным объектом правового регулирования, интегрирует в себе иерархически построенную систему объектов – сложноорганизованных системных образований с присущими им связями. Общество, рассматриваемое в параметрах правового регулирования, превращается в формализованную сферу правового регулирования, и как глобальная система сохраняет при этом свои наиболее важные связи и характеристики [5, с. 4].

Необходимо уточнить, что система, будучи субъектом по отношению к данному объекту, сама является объектом или одним из элементов объекта, управляемого другим субъектом, что свидетельствует о своеобразной перестановке мест в системе управления. Поэтому, субъектно-объектные связи складываются не только в отношениях прямой подчиненности объекта субъекту, но и на всех уровнях управления. Каждый субъект, выполняя свои функции, одновременно выступает в качестве объекта для субъектов вышестоящих уровней [12, с. 117].

Принимая во внимания приведенные положения, заметим, что поисковое прогнозирование направлено на выявление проблемной ситуации – возможных противоречий (степени рассогласования) в структуре строения. Противоречия в данной структуре имеют место: 1) если в новых условиях сложилось (и осознанно) несоответствие изменившейся обстановке системы субъектов правового регулирования и, исходя из этого, возникла необходимость корректировки ее состава и выстраивания иной иерархии; 2) если в новых условиях возникла (и осознана) потребность корректировки объектного состава и выстраивания иной иерархии объектов правового регулирования; 3) если в новых условиях сложилось (и осознано) несоответствие

друг другу систем субъектов и объектов правового регулирования и назрела необходимость корректировки их иерархий в целом.

Структура организации выступает в форме комплекса прямых и обратных связей, а предполагает, что в системе правового регулирования устанавливаются прямые связи «субъект-объект» и обратные связи «объект-субъект». В развернутом варианте прямые и обратные связи воплощаются в правовых статусах (функции, полномочия, обязанности, ответственность) субъектов регулирующей и регулируемой подсистем. Субъектный состав регулирующей подсистемы, в соответствии с принципом функциональной замкнутости, «замыкается» на «входе» и «выходе» объекта (субъектного состава регулируемой подсистемы), образуя тем самым «замкнутую» систему регулирования. Назначение структуры организации (каналов связи) заключается в обеспечении оптимального циркулирования информационных потоков между подсистемами всех иерархических уровней.

Поэтому рассогласования в данной структуре выражаются в нарушении нормальной циркуляции регулятивной информации по каналам связи. Следовательно, поисковое прогнозирование должно быть нацелено на выявление возможной проблемной ситуации: 1) если обнаружены противоречия в структуре строения системы и в результате этого осуществляются мероприятия корректирующего характера; 2) если в новых условиях сложилась (и осознана) необходимость проведения согласования иерархий прямых и обратных связей в системе в целом; 3) если в новых условиях требуется установление дополнительных прямых (обратных) связей и корректировка (реорганизация либо отмена) действующих, с предполагаемым преобразованием и уточнением содержания связей (функций, полномочий, обязанностей, ответственности).

Структура функционирования выступает в форме процесса правового регулирования, состоящего в воздействии по каналам прямой и обратной связи субъектного состава на объекты, с целью их преобразования в заданных параметрах. Стадиями данного процесса являются: правотворчество (правотворческий процесс), действие права (процесс действия права), правоприменение (процесс применения права). Будучи функциональным аспектом «замкнутой» системы правового регулирования, эти стадии (процессы) регламентируют последовательность преобразования объектов, где правотворчество выполняет роль «входа» информации об объекте, а правоприменение – «выхода».

Структура функционирования, являясь следствием сущностных характеристик структуры строения и структуры организации, логически завершает структуру системы в целом. Поэтому состояния структур строения и организации порождает соответствующее состояние структуры функционирования. С учетом сказанного, поисковое прогнозирование должно констатировать возможную проблемную ситуацию в структуре функционирования: 1) если обнаружены противоречия в структурах строения и организации, с проведением мероприятий корректирующего характера; 2) если нарушена регламентация (организация) процесса правового регулирования, что нарушает логику последовательного преобразования объекта; 3) если неадекватно изучен механизм (закономерности) развития объектного состава и содержание процесса не соответствует потребностям его надлежащего преобразования.

Итак, установление при помощи поискового прогноза противоречий в структуре системы правового регулирования служит предварительным этапом ее познания и

совершенствования. Но следует иметь в виду, что роль противоречий в развитии системы не может быть определена однозначно. Противоречия – источник развития системы, однако развитие включает в себя как восходящий, так и нисходящий этапы. Поэтому говорить о противоречии как только о положительном или только отрицательном факторе развития было бы ошибочно. Противоречия выступают источником как прогрессивного, так и регрессивного этапов развития.

Иначе говоря, в каждом случае требуется анализ конкретных противоречий в конкретной ситуации, с тем чтобы определить их положительную или отрицательную роль для развития системы в целом и в соответствии с этим оказывать то или иное воздействие [13, с.156–157].

Изложенные положения указывают на необходимость качественной оценки результатов поискового прогноза. Выявленное и прогнозируемое развитие противоречия должно быть оценено комплексно. В этом контексте приведение «сущего» (фактического состояния системы) в соответствие с «должным» (требуемым состоянием системы), то есть снятие противоречия, проявляется в форме процесса управления противоречием, его развитием в заданном направлении до полного разрешения (снятия) либо замедлением, прерыванием в случае негативной направленности.

Вместе с тем прогнозирование создания и реализации процесса управления противоречием относится к сфере нормативных прогнозов. Этот тип прогнозов предполагает прогнозирование достижения желательных состояний, явлений на основе заранее определенных норм, идеалов, целей. Такие прогнозы отвечают на вопрос: как достичь желаемого? Прогноз строится на определенной шкале возможностей функции распределения вероятности: от заданного состояния в будущем к наблюдаемым тенденциям с соответствующим их изменением при определении перспектив [7, с. 22–23].

Поэтому прогноз процесса управления противоречием в структуре системы правового регулирования заключается в том, что на результаты поискового прогнозирования – состояние объекта – накладывается нормативная модель заданного (требуемого) состояния исследуемого объекта, что включает в себя прогнозирование вероятностных тенденций, обусловленных проведением конкретных мероприятий корректирующего характера.

Существенно также и то, что нормативный прогноз должен подтвердить либо опровергнуть соответствие того или иного варианта нормативной модели результатам поискового прогноза, отражающего перспективу саморазвития объекта [5, с. 8].

Таким образом, нормативный прогноз является нормативной моделью прогнозируемого процесса управления противоречием в структуре строения, организации, функционирования «системы правового регулирования». Модель включает в себя целевой блок прогноза – желаемое итоговое (либо ряд промежуточных) состояние той или иной структуры как результат предполагаемого снятия противоречия, а также исполнительный блок прогноза – комплекс альтернативных мероприятий корректирующего характера, осуществляемых в определенной логической и хронологической последовательности.

Построение нормативной модели прогноза начинается с формализации главной цели и её конкретизации – декомпозиции на подцели (выстраивание иерархии подцелей). Главная цель может относиться к структуре (строения, организации,

функционирования) системы в целом, ряду иерархических уровней (межуровневая цель), к отельным уровням и элементам. Поэтому иерархия целей будет располагаться в диапазоне соответствующей структуры, формализуя тем самым возможности для прогнозирования.

Следующий этап состоит в формировании исполнительного блока прогноза – альтернативных путей достижения целевого блока (многовариантных возможностей преобразования сущего в должное). Выстраивание исполнительного блока происходит в соответствии с иерархией прогнозируемых целей, где каждой иерархически установленной цели (подцели) корреспондируются альтернативные комплексы последовательно проводимых мероприятий по её достижению.

Формой фиксации данных прогностических конструкций служат иерархические ряды прогнозируемой системы – ряды альтернативных проектов нормативных актов и актов применения права, относящихся к общегосударственному, региональному, местному, локальному уровням регулирования.

Приведенные положения носят общий характер и применимы к исследованию проблем совершенствования системы правового регулирования. Однако дополнительная теоретическая и практическая сложность заключаются в выявлении противоречий более высокого порядка – конфликта интересов субъектов (систем) различных иерархических уровней. Данные противоречия состоят в наличии у каждого субъекта (системы) – системы в целом, подсистем ряда иерархических уровней, подсистем отдельных иерархических уровней, элементов, собственных интересов, определяющих направленность их развития, сочетающихся между собой лишь частично.

С точки зрения приоритета интересов системы в целом, представленной высшим (результирующим) иерархическим уровнем, интересы всех систем (подсистем, элементов) нисходящих уровней должны носить полностью производный от результирующего уровня характер. Их собственные интересы, обусловленные закономерностями саморазвития, будут подчинены исключительно параметрам, заданным высшим уровнем, и могут с ними не совпадать (например, общегосударственный интерес тотально починяет себе региональные и местные (локальные) интересы). В этом случае возможна деформация объектов и, как крайность, – их разрушение. Подобная ситуация порождается при жестко централизованном правовом регулировании как элементе тоталитарного режима. Поэтому проводимые в таких условиях поисковое и нормативное прогнозирование исказит реальную динамику развития системы правового регулирования, отождествив её с интересами системы в целом, представленной высшим регулятивным уровнем.

С другой стороны, признание исключительности внутрисистемных интересов в ущерб общесистемным (интегративным), что может иметь место при полностью децентрализованной системе правового регулирования, способно ослабить интегративные качества системы и разрушить её структуру, привести в итоге к состоянию дезорганизации и хаоса. Следовательно, и здесь поисковое и нормативное прогнозирование, выражая приоритетную направленность реализации лишь внутренних интересов, усугубит существующую реальность, и его результаты утратят свою значимость.

Как представляется, проблема соотношения общесистемных и внутрисистемных интересов (целого и его частей), а, собственно, и возможностей правильного

использования инструментария прогнозирования может быть решена на основе применения принципа дополнительности. Речь идет о необходимости согласования (взаимодополнения) интересов системы в целом и систем (подсистем, элементов) её иерархических уровней. Должен быть выработан паритетный баланс между интегративными связями, воплощенными в «восходящей» структурной иерархии и представленными в своём завершенном виде интересами высшего иерархического уровня системы, воплощенными в «нисходящей» структурной иерархии, выражающими интересы отдельных подсистем и элементов. Поэтому в целях оптимизации комплексной модели системы правового регулирования необходимо сохранять интегративные связи, представленные в модели централизованного правового регулирования, до степени, гарантирующей устойчивость системы, с другой стороны, дозировать эти связи (степень централизации) до уровня, препятствующего вмешательству в сферу внутренних интересов подсистем и элементов, что воплощается в модели децентрализованного правового регулирования.

Итак, изложенное позволяет утверждать, что совершенствование системы правового регулирования предполагает необходимость выявления противоречий в структуре данной системы и управления ими до степени требуемого разрешения (снятия). Именно процесс управления противоречиями служит инструментом творческого развития системы в заданном направлении и способом корректировки состояний её структуры (строения, организации, функционирования). Этот процесс, для повышения его эффективности, должен реализоваться на основе использования результатов поискового и нормативного прогнозирования, обосновывающих целесообразность принимаемых правотворческих и правоприменительных решений.

Исследование показало, что противоречия в структуре системы являются производными от противоречий более высокого порядка – конфликта интересов субъектов системы. И здесь именно поисковое и нормативное прогнозирование способно установить весь диапазон альтернативных возможностей комплексного сочетания элементов централизованного и децентрализованного правового регулирования, обнаружить перечень негативных факторов, препятствующих требуемому порядку осуществления процесса регулирования.

Список литературы:

1.Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. – 400с.
2. Абрамова А. А. Эффективность механизма правового регулирования: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.01. – Красноярск, 2006. – 206 с.
3. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования. – М.: Юридическая литература, 1972. – 258 с.
4. Анохин А. Н. О понимании правового регулирования как особой формы управления обществом // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – Том 26 (65). – 2013. – №1. – С. 24–29.
5. Анохин А. Н. Проблемы исследования прогнозирования как основы правового регулирования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. – Т. 2(68). – №1. – С. 3–11.
6. Лисичкин В. А. Теория и практика прогностики. – М.: Наука, 1972. – 223 с.
7. Прогнозирование в социологических исследованиях. Методологические проблемы. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
8. Бестужев-Лада И. В. Поисковое социальное прогнозирование: перспективные проблемы общества (опыт систематизации). – М.: Наука, 1984. – 271с.
9. Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое и учебное пособие) / Под редакцией А. С. Пиголкина. – М.: Формула права, 2010. – 608 с.
10. Гаврилов О. А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. – М.: Институт государства и права РАН, 1993. – 128 с.

11. Кравец А. С. Вероятность и системы. – Воронеж: Изд. Воронежского университета. 1970. – 192 с.
12. Тихомиров Ю. А. Публичное право. Учебник. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 496 с.
13. Аверьянов А. Н. Системное познание мира: методологические проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.

Anokhin A.N., Kurabtseva A.P. About the importance of making legal predictions in improving the system of legal regulation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 11-18

The article considers the problem of improving the system of legal regulation. Emphasis is placed on the need to identify and resolve contradictions in the structure of the system: the structure of the building, the structure of the organization, the structure of functioning. The contradictions presented in the form of developing problem situations, the detection of which is achieved with the help of search prediction and a resolution by normative forecasting. Indicates that the contradictions in the structure system are derived from the contradictions of a higher order – of the conflict of interests of the subjects of the system. Emphasizes the role of search and normative forecasting in the settlement of this group of contradictions.

Keywords: structure of the system of legal regulation, problematic situation, search and normative forecast.

Spisok literatury:

1.Tikhomirov YU.A. Pravovoyeregulirovaniye: teoriyaipraktika. M.: Formula prava, 2010. - 400s.
2. Abramova A.A. Effektivnost' mekhanizmapravovogoregulirovaniya: dissertatsiyakandidatayuridicheskikhnauk: 12.00.01- Krasnoyarsk, 2006. - 206 s.
3. Gorshenev V.M. Sposobyiorganizatsionnyyeformypravovogoregulirovaniya. M.: yuridicheskayaliteratura, 1972. - 258s.
4. Anokhin A. N. O ponimaniipravovogoregulirovaniyakakosoboyformyupravleniyaobshchestvom // UchenyyezapiskiTavricheskogonatsional'nogouniversitetaim. V.I. Vernadskogo. Seriya «Yuridicheskiyenauki».Tom 26 (65). 2013. №1. S. 24-29.
5.Anokhin A. N. Problemyissledovaniyaprognozirovaniyakakosnovypravovogoregulirovaniya// UchenyyezapiskiKrymskogofederal'nogouniversitetaimeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiyenauki. - 2016.- T2(68).№1.- S. 3-11.
6.Lisichkin V.A. Teoriyaipraktikaprognostiki.- M.: Nauka, 1972.- 223s.
7.Prognozirovaniye v sotsiologicheskikhissledovaniyakh. Metodologicheskiyeproblemy. M.: Mysl', 1978- 272 s.
8. Bestuzhev – Lada I.V. Poiskovoyesotsial'noyeprognozirovaniye: perspektivnyyeproblemyobshchestva (opytsistematizatsii). M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1984. - 271s.
9. Zakonotvorchestvo v RossiyskoyFederatsii (nauchno-prakticheskoyeiuchebnoyeposobiye)/ Pod redaktsiyey A.S. Pigolkina. M.: Formula prava, 2010. - 608 s.
10. Gavrilov O.A. Strategiyapravotvorchestvaisotsial'noyeprognozirovaniye. M.: Institutgosudarstvaiprava RAN, 1993. - 128 s.
11. Kravets A. S. Veroyatnost' isistemy. Voronezh :Izd. Voronezhskogouniversiteta. 1970. - 192 s.
12. Tikhomirov Y. A. Publichnoyepravo.Uchebnik.- M.: Izdatel'stvo BEK, 1995.- 496 s.
13. Aver'yanov A. N. Sistemnoye poznaniye mira: metodologicheskiye problemy. M.: Politizdat, 1985. – 263 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 19–27.

УДК 34

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕ КАК СУБЪЕКТЕ ПРАВА: ЗАРОЖДЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И КРИЗИС ИДЕИ

Архипов С. И.

Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург)

В статье анализируются представления о государстве как субъекте права, взгляды древних греческих философов, римских юристов, мыслителей Средневековья, а также И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля, других авторов. Рассматриваются основные этапы зарождения и развития идеи государства как правового феномена, причины ее кризиса. Отмечается, что кризис идеи правового государства является следствием глобального кризиса западной традиции права и всей Западной цивилизации, также причина заключается во внутренних противоречиях и других недостатках концепции правового государства. Автор указывает на достоинства и выступает с критикой отдельных положений философских и юридических концепций о государстве.

Ключевые слова: государство, субъект права, юридическое лицо, правовое государство, суверенитет, правовая коммуникация.

Представления о государстве как о правовом субъекте зарождаются уже в античном сознании. Платон рассматривал государство как в себе нечто разумное, совершенное. Государство должно выражать справедливость, быть в своей идее справедливым. При этом он различал идеальное и исторически конкретное государство. Государство, существующее в конкретный исторический период, воплощает в себе особые нравственно-правовые качества своих граждан, их вожделения, добродетели, идеалы: «В каждом из нас присутствуют как раз те же виды нравственных свойств, что и в государстве»; «В государстве и в душе каждого отдельного человека имеются одни и те же начала, и число их одинаково» [14, с. 186, 192]. Идеальное же государство должно заключать в себе всеобщую добродетель, основываться на законах как определениях разума. Его правители призваны быть служителями законов: «Я действительно убежден, что спасение государства зависит от этого больше, чем от чего-то иного. В противном случае государство гибнет. Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги» [14, с. 473–474].

Некоторые современные авторы в данном тезисе древнегреческого философа усмотрели первое изложение идеи правового государства, что представляется спорным. Дело в том, что в платоновском идеале нет разделения государства на правовое, политическое, нравственное и т. д., оно представляет собой монолит, нерасчлененное единство. Зрелому древнегреческому сознанию свойственна целостность, правовые представления не выделялись в отдельную систему, не противопоставлялись политическим, этическим, религиозным взглядам, но это уже не то наивное патриархальное сознание, которое соответствует периоду зарождения государственности. Для греческого духа, как справедливо отметил Гегель, был

пригоден лишь демократический строй, основанный не на патриархальном доверии, а на законах, на правовом и нравственном образе мыслей [2, с. 277–278]. В представлениях Платона о государстве уже присутствует правовой аспект, осознание важности законов, правовых норм, судебных решений для формирования наилучшего социального строя. В этом смысле идеи Платона можно рассматривать в качестве важной предпосылки понимания государства как правового феномена.

Для Аристотеля, как и для Платона, государство первично по отношению к семье и отдельным гражданам, оно есть целое, которое предшествует частям. Государство аккумулирует в себе представления о добре, справедливости, другие духовные качества людей, его цель – служение общему благу. Аристотель рассматривал государство коммуникативно: как общение свободных людей [13, с. 391]. При этом государство для него есть высшая форма человеческого общения, которое он определял как политическое, основанное на принципах власти и подчинения; право же опосредует взаимодействие субъектов политических отношений, служит «мерилом справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [13, с. 313]. Закон, по его мнению, должен властвовать над всеми, где нет законов, там нет и государственного устройства; как необходимый элемент политического общения закон не может основываться на страстях, должен заключать в себе разум.

Важным пунктом в представлении Аристотеля о государстве является положение о самодостаточности или самодовлении (автаркия) государства. Речь идет не о суверенитете как правовой независимости государства, а о наличии необходимых человеческих ресурсов, территории, источников питьевой воды, плодородных земель, транспортных артерий, близости к морю, морских гаваней, труднодоступности для внешнего врага и т. д. Понятие самодостаточности – скорее политико-экономическое, чем правовое, оно характеризует внешние и внутренние условия жизнедеятельности государства. Некоторые же авторы, например Г. Еллинек, рассматривали его как этическую категорию, определяющую основное условие, от которого зависит осуществление цели государства, но не зависит его свободное самоопределение в сфере его деятельности, внешней и внутренней политике [5, с. 286]. Аристотель, хотя и говорил о правах, обязанностях государства, принимаемых им законах, однако правовое бытие государства не являлось специальным предметом его исследования, для него высшей наукой о благе человека и государства являлась политика, по отношению к которой право выполняет служебную роль, выступает средством достижения политических целей.

К числу других ценных идей греческих мыслителей, оказавших существенное влияние на современное понимание государства как субъекта права, можно отнести мысль о договорно-правовой природе государства (Ликофрон, Эпикур), а также представления о государстве как глобальном, общепланетарном объединении людей (учение о мировом государстве – космополисе) и человеке как равноправном разумном существе – гражданине Вселенной (стоики Зенон и Хрисипп), которые оказались востребованными уже на другом витке социальной истории, заново переосмыслены в рамках кантовской теории всеобщего гражданско-правового состояния.

В отличие от Древней Греции римское правовое сознание оформилось как самостоятельная система представлений, в рамках которых государство получило

признание в качестве особого правового лица. Римскими юристами оно стало восприниматься не как нечто божественное или естественно-природное, нравственный или политический союз, а юридико-прагматически – как казна, имущественно-правовой центр. Такое весьма специфическое понимание государства, можно предположить, основывалось на особой системе ценностей, присущей римскому сознанию. Как отмечал Р. Иеринг, «мы должны оставить дома весь наш теперешний образ представления о государстве и правовом порядке, когда вступаем на древнеримскую почву» [6, с. 94]. Римское государство создавалось не на высоких нравственных началах, идеях справедливости, социального долга или патриархальных чувствах, а на физической силе, грабеже. Слово «брать», как утверждает Р. Иеринг, соответствует римскому образу мыслей и латинский язык при его бедности тем не менее богат выражениями, которые первоначально имели это значение: «Emere в позднейшей латыни значит покупать, но где римляне позднейшего времени покупали, их предки обыкновенно брали» [6, с. 96]. Не индивид, личность являлись высшей ценностью, а вещь, имущество, добыча; поэтому субъект права, включая государство, – это прежде всего собственник вещей. Римское представление о государстве выражало имущественные вожделения весьма своеобразного человеческого сообщества, основанного легендарными преступниками Ромулом и Ремом. По сути, римское частноправовое представление о государстве производно от римской «народной» идеи захватнической собственности, есть ее продолжение. Но главное заключается не в имущественном меркантилизме или преступных вожделениях римлян, а в том, что римское правовое сознание открыло миру государство как правовую персону, юридическое лицо. В этом смысле современные теории правового государства есть лишь развитие римских представлений о государстве как правовом феномене.

Еще одной важной вехой в формировании представлений о государстве как правовом лице и воплощении их в социальной реальности является идея государства-суверена. В средневековой Европе (прежде всего во Франции) в процессе борьбы монархов с крупными земельными феодалами и церковью рождается идея государственного суверенитета как независимости сначала главы государства (монарха), а затем и государства в целом от внешних и внутренних сил. Как отмечал Г. Еллинек, «не мыслители, чуждые жизни, открыли его в своих ученых кабинетах, его создали те великие силы, борьба которых составила содержание ряда столетий» [5, с. 285]. Европа, испытавшая на себе тяготы феодальных междоусобиц, выстрадала идею суверенитета. Внешнее оформление она нашла в трудах Ж. Бодена, который первоначально рассматривал ее в смысле отрицания обусловленности государства международными или внутренними нормами, обязательствами, затем попытался определить ее позитивный смысл посредством установления отдельных правомочий государства (по принятию законов, учреждению органов, назначению должностных лиц, объявлению войны и мира и т. д.). Идея суверенитета довольно глубоко и основательно укоренилась в общественном и научном сознании, а его наличие стало рассматриваться в качестве обязательного, важнейшего признака государства.

Если граждане Древней Греции или Рима не воспринимали государство как нечто суверенное, автономное, независимое от них, противостоящие им («Что такое государство, как не достояние народа? … достояние общее, достояние, во всяком

случае, гражданской общины»; «где существует тиран, там не просто дурное государство, … а … вообще не существует государства» [16, с. 220, 230]), то в средневековой Европе в общественном сознании произошел отрыв государства от его граждан, от народа. Если идея суверенитета знаменует разрыв правовой связи государства с народом, а во внешней сфере с другими государствами и международным правопорядком, то можно ли эту идею признать правовой? Не случайно, например, в процессе своего исследования понятия суверенитета Г. Еллинек пришел к выводу о том, что суверенитет есть вовсе не абсолютная, а историческая категория, следовательно, наличие суверенитета нельзя рассматривать в качестве важнейшего признака государства [5, с. 312].

Среди правовых идей, оказавших существенное влияние на правовое сознание народов, способствовавших прогрессивному развитию государства как социального института, особое значение имеет идея правового государства. Она долгое время вызревала в общественном сознании, аккумулируя в себе гуманистические ценности, социально-правовые идеалы Западного мира. По сути, она не представляет собой, как принято считать, единую теорию (правового государства), скорее это общее течение мысли, mainstream либерально-правового сознания, объединяющий в себе разные подходы к пониманию права, государства, их соотношению. Попытки дать общее определение правового государства, сформулировать логически стройную систему принципов его устройства предпринимались многими исследователями, но они так и не увенчались успехом.

Среди различных вариантов идеи правового государства наиболее аргументированной, хотя и небесспорной, представляется версия, изложенная в трудах И. Канта. В своей масштабной картине гражданско-правового состояния общества он не только определил общие контуры правового государства, того идеала, к которому следует стремиться человечеству, но и предложил пути решения проблемы мирного сосуществования государств, а также обосновал причины, побуждающие людей формировать государственный строй, основывающийся на правовых началах. Анализируя тенденции социального развития, ход всемирной истории, Кант высказал предположение о том, что человечество идет по пути достижения предустановленной цели, «тайного замысла природы». Каждый индивид заключает в себе исходные задатки, заложенные в нем природой, которые обеспечивают ему возможность социального развития, создания оптимального общественного устройства. Природа через конфликты, раздоры, столкновения интересов внутренне подталкивает людей к социальному созиданию, к достижению неведомой им цели. Именно в антагонизмах Кант видел главную причину, источник общественного развития, двигатель правового прогресса. То, чего не может достичь отдельный индивид в течение своей жизни, способен осуществить человеческий род в целом [7, с. 12–14]. Конечная цель, ради осуществления которой природа даровала человечеству необходимые ему качества, задатки, – это создание общества свободных, равноправных людей, всеобщего гражданско-правового состояния.

Согласно Канту, государство есть «объединение множества людей, подчиненных правовым законам», оно в своей идее должно соответствовать «чистым принципам права» [10, с. 233, 234]. При этом право он определял как «совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [10, с. 139]. В

отличие от греческих философов, для которых право не являлось высшей социальной ценностью, по мнению Канта, «во всем мире нет ничего более святого, чем право других людей», поэтому «все моралисты и учителя должны настолько, насколько это возможно, представлять действия из доброты, как действия по долгу, и сводить их к праву» [8, с. 306, 308]. Кант, основываясь на принципах свободы и равенства, руководствуясь идеей подчинения всех единому закону, предлагал взять за основу модель государственного устройства республиканского типа.

Правовое устройство государства предполагает наличие трех властей: законодательной, исполнительной и судебной. В соответствии с концепцией Канта принятие законов должно быть прерогативой народа, исполнительную власть должен осуществлять коллективный субъект (правительство) или единоличный – правитель. Судебная власть, как и законодательная, должна принадлежать народу, осуществляться посредством суда присяжных. Никакая из властей, включая верховную (законодательную), не может вторгаться в сферу действия другой власти, все они должны быть сбалансированы, уравновешены, взаимно дополнять друг друга.

Границы правового государства в теории Канта раздвинуты до общепланетарного масштаба для достижения глобальной цели – искоренения всех войн, создания вечного мира между народами. Поскольку на пути построения единого мирового государства стоят национальные интересы отдельных государств и народов, то он соглашался на компромиссный вариант – «негативный суррогат союза, устраняющего войны» [9, с. 22–23] – федерацию свободных государств, которая призвана не властвовать, не навязывать мировому сообществу свою волю, а исключать всякую возможность войны. Развивая идею древнегреческих стоиков о мировом гражданстве, Кант предлагал идти по пути создания союза граждан «общечеловеческого государства» [9, с. 13, 26]. Именно гражданам он отводил решающую роль в новом мироустройстве, государство же как правовое объединение должно выполнять в нем служебную функцию, осуществлять общую волю, социальные интересы индивидов.

Кантовские идеи о государстве как субъекте, основанном на принципах права, нашли отражение и получили дальнейшее развитие в теории Гегеля. По его мнению, государство должно быть царством свободной воли, полным осуществлением идеи свободы, творением человеческого разума, заключать в себе высшую ступень самосознания духа [3, с. 103, 104, 328–422; 4, с. 279–289]. Исходя из принципа разумности принятия государственных решений, Гегель полагал, что управлять государством должны наиболее подготовленные, лучшие. Причем не только в части осуществления административных функций, но и в сфере правотворческой деятельности, а также осуществления правосудия. Принципиально важным с точки зрения определения перспектив развития государственного строя является тезис Гегеля о том, что всякий социальном прогресс есть прогресс правовой [12, с. 325], т. е. развитие государства, отдельных институтов, всей социальной системы вне права невозможно, без права нет социальной истории.

Кантовско-гегелевские идеи о закономерном, поступательном развитии общества, постепенном приближении человечества к социально-правовому идеалу стали своего рода всеобщей аксиомой. Идея правового государства начала победное шествие по миру, получила признание и закрепление в конституциях ряда стран.

Однако в XX веке произошел «тектонический» надлом в социально-правовом сознании, вера в неизбежность правового прогресса, в скорое построение правового государства оказалась подорванной, появились сомнения в осуществимости самой идеи. Во-первых, это связано с двумя мировыми войнами, разрушившими миф о способности человечества рационально, ненасильственно посредством права разрешать социальные конфликты. Оказалось, что насильственно-политические способы решения национально-государственных задач не утратили своей актуальности, не померкли на фоне правовых идеалов. Зачем идти по непростому пути согласования воль, совмещения интересов (правового взаимодействия), когда можно силой принудить другого, тем самым добиться искомого результата. В этом смысле показательным является то, что тот самый народ, который, по мнению Гегеля, достиг высшей ступени цивилизации (именуемой им «германским царством»), не вдохновился идеалами своих выдающихся мыслителей – основоположников теории правового государства, предпочел им неправовую идею мирового господства. Для американцев идеалы свободы, концепция прав человека также не стали препятствием на пути борьбы за мировое господство. Образ восходящей «золотой лестницы», по которой шаг за шагом человечество идет к наилучшему социально-правовому устройству, оказался разрушенным, а вместе с ним и вера народов в «светлое правовое будущее».

Во-вторых, кризис идеи также связан с теми внутренними противоречиями, иными недостатками, которые существуют в конструкции правового государства. Если взять за основу кантовское определение права, то возникает вопрос о том, как идея правовой свободы совмещается с идеей государственной власти? Не произошло ли смешения в одной конструкции разных систем социальной коммуникации (правовой и политической)? Известный немецкий социолог Никлас Луман не без оснований утверждал, что в Новое время возникла тенденция к объединению двух систем: политической и юридической; при определении государства они не различались [15, с. 39]. Данное утверждение представляется верным, но с одной лишь поправкой: тенденция к смешению двух систем наметилась еще в античности (в наибольшей степени она проявилась в трудах Аристотеля, в его понимании закона как элемента политического общения), в Новое время она только усилилась.

В теории правового государства не решен главный вопрос: о его природе, она правовая, политическая или, может быть, гибридная? Если природа государства правовая, то оно должно основываться на принципах свободы, равенства субъектов и совмещения их произволов (что соответствует кантовскому определению права, но не его идее разделения властей). Если она политическая, то в основе организации государства должна лежать идея власти и подчинения. Теория разделения властей хотя и ограничивает произвол государства, но не меняет его политическую природу. Поэтому в сфере правовой коммуникации она является инородным телом, элементом, заимствованным из другой социально-коммуникативной системы. Если правовое государство – это политико-правовой кентавр, гибридная система, то каким образом в нем соединяются две разнородные социально-коммуникативные системы? На эти вопросы отцы – основатели теории правового государства не дали однозначного ответа, а в современной теории права философские представления о правовом государстве критически не осмыслены, не переработаны в собственно

правовую теорию государства, поэтому вопрос о природе правового государства остался не решенным.

Если рассматривать правотворчество и осуществление правосудия как виды социальной деятельности, то в зависимости от того, в какую систему коммуникации они будут встраиваться, их цели, задачи будут существенно различаться. Исходя из принципов правовой коммуникации, роль законодателя, а равно судьи состоит в том, чтобы быть связующим звеном между субъектами права, объективным, беспристрастным посредником, создающим правовую связь, с помощью которой различные, зачастую диаметрально противоположные интересы сторон, совмещаются. В одной из ранних работ К. Маркс, находящийся под воздействием идей Гегеля, сравнивал законодателя с естествоиспытателем, который не делает законов, не изобретает их, а только формулирует, выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений [11, с. 162, 285]. Историческим примером такого правотворчества как профессионального юридического вида деятельности, не связанного с государственной властью и политическим принуждением, является деятельность римских юристов, создавших уникальную систему частного права, которая стала достоянием всего мирового сообщества. Примером же объективного, независимого от государственной власти суда является суд присяжных.

Исходя из принципов политической коммуникации, перед законодателем и судом стоят совершенно другие цели, они призваны осуществлять волю суверена, быть органами государственной власти. Интересы непосредственных участников отношений здесь уходят на второй план, на первом – властвующего меньшинства или большинства. В данной системе коммуникации роль юристов как профессиональных посредников утрачивается, они вытесняются из законодательного собрания, уступая место «представителям народа»: дояркам и кухаркам, за которыми стоят властвующие элиты. По сути, юристы в политизированном обществе теряют правотворчество как вид профессиональной юридической деятельности, превращаются в простых оформителей воли суверена. У правового сообщества остается лишь последний бастион – суд, но если последовательно проводить идею суда как органа государственной власти, то можно потерять и его, а вместе с ним и юридическую профессию.

Коме того, в теории правового государства не решен вопрос о соотношении принципов устройства государства и юридической формы, в которую они могут быть воплощены. Дело в том, что форма юридического лица создавалась под частноправовые, имущественные отношения, идея же правового государства – под публично-правовую сферу, здесь важны другие качества, свойства государства. Не случайно многие исследователи, которые пытаются без переработки приложить форму юридического лица к публично-правовым отношениям, сталкиваются с большими трудностями. Следует отметить, что уже и в частной сфере наметилась тенденция к отказу от конструкции юридического лица. Российский законодатель в ст. 124 Гражданского кодекса впервые в истории российской цивилистики вывел государство из состава юридических лиц, он Российскую Федерацию и ее субъектов именует «иными участниками» гражданско-правовых отношений, если следовать его логике, эти субъекты чем-то похожи на юридические лица, но не являются таковыми. Не определив особенности государства как субъекта права, он создал

«черную дыру» в праве. Напомним, что форма юридического лица создавалась прежде всего под государство и муниципии, потребовалось сотни лет, чтобы ее окончательно установить. Российский же законодатель с легкостью отверг ее, не предложив при этом ничего взамен.

В-третьих, кризис идеи правового государства, по сути, есть лишь часть, фрагмент более глобального кризиса западной традиции права и всей Западной цивилизации. Он, как утверждает, Г. Д. Берман, является величайшим в истории, затрагивает саму структуру западного правового порядка, важнейшие правовые ценности, основу правового сознания [1, с. 48 и след.]. Истоки данного кризиса, по мнению американского правоведа, заключены как в самой западной культуре, так и за ее пределами, внешне кризисные процессы проявляется в столкновениях, конфронтации с Восточными, Южными цивилизациями и их философиями. Если раньше Западная цивилизация несла миру высокую правовую культуру, юридические знания, новые идеи, технологии, теперь же она сама сомневается в них, их пригодности; все чаще звучат слова о том, что западное право устарело уже и для самого Запада.

В западной правовой культуре идея правового государства хотя и занимает важное место, тем не менее представляет собой лишь отдельный фрагмент глобального правового наследия, встраивается в общую систему правовых представлений, ценностных ориентиров. Когда подвергаются сомнению и критике основы, базовые ценности правовой культуры, то это не может не сказаться на отдельных правовых теориях, идеях, базирующихся на них. Казавшаяся ранее незыблемой идея правового государства все больше подтачивается вирусом, проникшим в западную правовую культуру, и теперь ее будущее уже не представляется таким безоблачным, каким оно виделось до начала кризиса. Для России, которая находится на стыке Западной и Восточной цивилизаций, впитала в себя ценности разных культур, важно определить свой собственный вектор правового развития, попытаться синтезировать на новом фундаменте те важные правовые идеи, включая идею правового государства, которыми заслуженно гордится Западный правовой мир.

Список литературы:

1. Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. – М., 1998. – 624 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. – СПб., 1993. – 480 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия истории. Соч. В 14 тт. Т. VIII. – М.–Л., 1935. – 468 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М., 1990. – 524 с.
5. Еллинек Г. Общее учение о государстве. – СПб., 1903. – 532 с.
6. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. – СПб., 1875. Ч. 1. – 309 с.
7. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. В 8 тт. Т. 8. – М., 1994. – 718 с.
8. Кант И. Из “Лекций по этике» (1780–1782гг.) // *Этическая* мысль: Науч.-публицист. чтения. – М., 1988. – 384 с.
9. Кант И. К вечному миру. Философский проект //Соч. В 8-ми т. Т. 7. – М., 1994. – 495 с.
10. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Соч. В 6 тт. Т. 4. Ч. 2. – М. 1965. – 478 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. Изд. 2-е. – М., 1954. – 696 с.
12. Нерсесянц В. С. Философия права Гегеля. – М., 1998. – 352 с.
13. Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. – М., СПб., 2003. – 864 с.
14. Платон. Государство. Законы. Политик. – М., 1998. – 798 с.
15. Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества: Монография. – Ижевск, 1997. – 124 с.

16. Цицерон. О государстве // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 1. Античный мир и Восточные цивилизации. – М., 1999. – 750 с.

Arkhipov Sergey. The idea of the state as the subject of rights: origin, development and crisis of the idea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 19-27.

The article analyzes views of the state as a subject of law, the views of ancient Greek philosophers, Roman lawyers, thinkers of the middle Ages, as well as I. Kant and G.V.F. Hegel and others authors. The main stages of origin and development of idea of the state as legal phenomenon, the causes of its crisis are considered. It is noted that the crisis of the idea of the rule-of-law state is a consequence of the global crisis of the Western tradition of law and the entire Western civilization, and the reason is the internal contradictions and other shortcomings of the concept of the rule-of-law state.

The author points out strengths and weaknesses of philosophical and legal concepts of the state.

***Key words*:** state, subject of law, legal entity, rule-of-law state, sovereignty, legal communication.

Spisok literatury:

1. Berman G.D. Zapadnaya tradiciya prava: ehpoha formirovaniya. 2-e izd. M., 1998. - 624 s.
2. Gegel' G.V.F. Lekcii po filosofii istorii. SPb., 1993. - 480 s.
3. Gegel'. G.V.F. Filosofiya istorii. Soch. V 14 tt. T. VIII. M.-L., 1935. - 468 s.
4. Gegel'. G.V.F. Filosofiya prava. M., 1990. – 524 s.
5. Ellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve. SPb., 1903. – 532 s.
6. Iering. R. Duh rimskogo prava na razlichnyh stupenyah ego razvitiya. SPb., 1875. CH. 1. - 309 s.
7. Kant I. Ideya vseobshchej istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane // Soch. V 8 tt. T. 8. M., 1994. - 718 s.
8. Kant I. Iz “Lekcij po ehtike” (1780-1782gg.) //EHticheskaya mysl': Nauch.- publicist. chteniya. – M., 1988. - 384 s.
9. Kant I. K vechnomu miru. Filosofskij proekt //Soch. V 8-mi t. T. 7. M., 1994. - 495 s.
10. Kant I. Metafizika nravov v dvuh chastyah // Soch. V 6 tt. T.4. CH. 2. M. 1965. - 478 s.
11. Marks K., EHngel's F. Soch. T. 1. Izd. 2-e. M., 1954. - 696 s.
12. Nersesyanc V.S. Filosofiya prava Gegelya. M., 1998.- 352 s.
13. Platon, Aristotel'. Politika. Nauka ob upravlenii gosudarstvom. M., SPb.. 2003. - 864 s.
14. Platon. Gosudarstvo. Zakony. Politik. M., 1998. - 798 s.
15. Poskonina O.V. Niklas Luman o politicheskoj i yuridicheskoj podsistemah obshchestva: Monografiya. Izhevsk, 1997. - 124 s.
16. Ciceron. O gosudarstve // Antologiya mirovoj pravovoj mysli. V 5 t. T. 1. Antichnyj mir i Vostochnye civilizacii. M., 1999. - 750 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 28–34.

УДК 342.6

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАБОТЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2018–2020 ГОДАХ

Велигодский Д. В.
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье раскрывается проблема противодействия коррупции в современной РФ, проанализированы ключевые мероприятия, направленные на совершенствование нормативно-правовой базы, просветительской и исследовательской работы, задачи и функции всех ветвей федеральной, региональной власти, органов местного самоуправления и средств массовой информации по повышению эффективности антикоррупционной деятельности.

Ключевые слова: антикоррупционное правосознание, антикоррупционный стандарт, конфискация, конфликт интересов, координация, коррупция, органы власти, система запретов и ограничений.

В 2018 году исполняется 10 лет со дня принятия и вступления в силу Федерального Закона от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции», который стал не только важным этапом в развитии национального законодательства Российской Федерации, но и ознаменовал новые подходы в уголовно-правовом обеспечении конкретных мер, направленных на преодоление этого негативного явления [1].

В указанном законе даны два определения понятия «коррупция». Во-первых, он определяет данное правонарушение как злоупотребление профессиональными полномочиями, дачу или получение взятки, коммерческий подкуп или незаконное использование своего положения должностным лицом.

Во-вторых, коррупция рассматривается как совокупность перечисленных выше процессов, но уже совершаемых юридическим лицом. Отметим, что Федеральный закон называет противодействием коррупционным правонарушениям конкретную деятельность федеральных государственных органов, направленных на предупреждение коррупции, устранение её причин, минимизацию последствий рассматриваемых правонарушений.

Важность данного Федерального закона заключается и в том, что на его основе были приняты другие федеральные и федеральные конституционные акты, постановления Правительства, Президента РФ, а также некоторые муниципальные акты. Стало нормой принятие национальных планов противодействия коррупции, которые определяют конкретные задачи, стоящие перед государством на определенном этапе развития.

Национальный план противодействия коррупции является системным документом программного характера, направленным на борьбу с коррупцией и её предупреждение, утверждаемый Указом Президента РФ сроком на два года. Впервые такой план был утвержден 31 июля 2008 г. Он принимался 6 раз – в 2008, 2010, 2012, 2014, 2016 и 2018 гг. Действующим на данный момент является Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 гг., утвержденный Указом

Президента РФ В. В. Путина 29 июня 2018 года [2]. Ряд авторов также уделяет внимание исследованию планов противодействия коррупции [3, 4, 5, 6].

Значительная часть действующего нормативно-правового документа является продолжением предыдущих Национальных планов. Он состоит из 8 разделов 43 пунктов, обзора документа и является рамочным документом для внедрения внутриведомственных антикоррупционных планов. Исполнителями Национального плана назначены все ветви федеральной и региональной власти, общественные организации и средства массовой информации.

Целью настоящей статьи является анализ основных положений Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 гг. и методические рекомендации для студентов юридических факультетов по его изучению.

Автор в данной статье сосредоточил основное внимание на решение следующих основных задач, изложенных в Национальном плане:

– проанализировать систему запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции;

– изучить меры по обеспечению единообразного применения законодательства РФ о противодействии коррупции в целях повышения эффективности механизмов урегулирования конфликта интересов;

– рассмотреть меры по противодействию коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц;

– обобщить порядок осуществления контроля за доходами и расходами лиц, занимающих государственные должности;

– проанализировать систему информационных, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания;

– рассмотреть меры по совершенствованию противодействия коррупции в сфере бизнеса;

– обобщить нормативно-правовую базу по вопросам противодействия коррупции;

– изучить меры, направленные на повышение эффективности международного сотрудничества РФ в области противодействия коррупции, укрепления международного авторитета России.

В первом разделе Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 гг. не только изложены основные положения системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, а и намечены меры по совершенствованию этой работы. Здесь ведущая роль отведена Правительству РФ, которое в течение второй половины 2018 г. и начала 2019 г. обязано разработать и утвердить методику оценки планов противодействия коррупции федеральных государственных органов и методику проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах РФ, а также разработать и внести в Государственную Думу проекты федеральных законов, предусматривающих совершенствование антикоррупционных стандартов, совершенствование мер ответственности в отношении лиц, замещающих в порядке назначения государственные должности, порядок получения подарков отдельными категориями лиц, разработку критериев, согласно которым несоблюдение запретов, ограниче-

ний и требований, установленных в целях противодействия коррупции, будет относиться к правонарушениям, влекущим за собой увольнение со службы или с работы.

Генеральной прокуратуре РФ поручено информировать до 1 марта 2019 г. председателя президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции о результатах деятельности, осуществляемой правоохранительными органами. Высшим должностным лицам субъектов РФ рекомендовано обеспечить ежегодное проведение социологических исследований по оценке уровня коррупции в регионах, повысить эффективность мероприятий по профилактике коррупционных и иных правонарушений, подчинить органы субъектов РФ по профилактике коррупционных и иных правонарушений непосредственно высшим должностным лицам субъектов РФ, организовать проведение общественных обсуждений проектов планов противодействия коррупции на 2018–2020 гг., органам государственной власти субъектов РФ обеспечить регулярное информирование федеральных органов власти РФ о выполнении региональной антикоррупционной программы, а население – в сети Интернет.

В следующем элементе структуры Национального плана – втором разделе изложена суть того, какие должны быть проведены мероприятия, обеспечивающие единообразное применение законодательства РФ о противодействии коррупции в целях повышения эффективности механизмов предотвращения и урегулирования конфликта интересов. Содержание этой работы сформулировано в 11 пунктах раздела. Первые три из них реализует Правительство РФ совместно с Генеральной прокуратурой РФ. Они охватывают вопросы проведения мониторинга реализации лицами, замещающими должности, назначения на которые и освобождение от которых осуществляется Правительством РФ, урегулирования конфликта интересов, в том числе и законодательным путем, принимаемых лицами замещающих государственные должности РФ, государственные должности субъектов РФ, муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы.

Начиная с первого Национального плана, принятого в 2008 г., меры по урегулированию конфликта интересов являются одним из основных ключевых направлений документа. В текущей версии Правительству РФ поручено принять меры по недопущению конфликта интересов сотрудников и работников государственных организаций, созданных для обеспечения деятельности федеральных государственных органов.

Правительству и Генеральной прокуратуре РФ поручено рассмотреть вопрос о целесообразности введения административной ответственности за нарушение требований законодательства РФ о противодействии коррупции, касающихся предотвращения и урегулирования конфликта интересов, внести изменения в анкету о супругах, братьях, сёстрах, о братьях и сестрах своих супругов в целях выявления возможного конфликта интересов.

Настоящим Национальным планом предусмотрена разработка нормативно-правовых актов привлечения к ответственности членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ за непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, а также за иные нарушения требований законодательства РФ о противодействии коррупции.

Такие же поручения относительно соответствующих работников даны Верховному Суду РФ, Генеральной прокуратуре РФ, Министерству труда и социальной защиты РФ, руководителям федеральных государственных органов.

Текущая версия Национального плана предусматривает систематические проверки соблюдения лицами, замещающими должности в федеральных государственных органах, органах власти субъектов РФ и органах местного самоуправления, требования законодательства РФ о противодействии коррупции, касающихся предотвращения и урегулирования конфликта интересов. Планом также предусмотрены конкретные сроки информирования Президента РФ и Национального антикоррупционного Совета РФ.

Высшим должностным лицам субъектов РФ и руководителям органов местного самоуправления в пределах своих полномочий предписано обеспечить принятие мер по повышению эффективности контроля за соблюдением работниками требований законодательства РФ о противодействии коррупции, кадровой работы.

Новизной ныне действующего Национального плана является выделение в отдельный третий раздел специальных мер по противодействию коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и отдельных видов юридических лиц.

В связи с этим Правительству РФ поручено подготовить предложения о целесообразности уточнения условий, при которых может возникнуть конфликт интересов между участниками закупки и заказчиком, установить требования, направленные на недопущение возникновения конфликта интересов между участником закупки и заказчиком, определить сведения, подлежащие обязательному раскрытию должностными лицами заказчика в целях недопущения возникновения конфликта интересов, а также порядок раскрытия таких сведений, установить обязанность участника закупки предоставлять заказчику информацию в целях выявления обстоятельств, свидетельствующих о возможности возникновения конфликта интересов с заказчиком. Планом также предусмотрена обязанность участника закупки предоставлять заказчику декларацию об отсутствии факта привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения. При начальной цене контракта для обеспечения государственных нужд 50 млн руб., а муниципальных 5 млн руб. установлена обязанность общественного обсуждения закупок товаров, работ и услуг, причем запрещено привлекать к исполнению государственных и муниципальных контрактов субподрядчиков из числа юридических лиц, подконтрольных руководству заказчика и близким родственникам, зарегистрированных в оффшорных зонах.

За нарушение установленного Планом порядка предусмотрена административная ответственность.

Поручено Министерству труда и социальной защиты РФ с участием заинтересованных федеральных государственных органов разработать методические рекомендации по проведению в федеральных государственных органах, органах государственной власти субъектов РФ, органах местного самоуправления, государственных внебюджетных фондах и иных организациях, осуществляющих закупки, работы, направленной на выявление личной заинтересованности государственных и муниципальных служащих, работников при осуществлении таких закупок, которые приводят или могут привести к конфликту интересов.

Предусмотренные настоящим Национальным планом отдельные виды осуществления контроля за расходами и механизма обращения в доход РФ имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, образуют определенную систему, которая закреплена в IV разделе. Здесь же изложены меры по повышению полноты и прозрачности предоставляемых сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Текущая версия плана предусматривает расширение видов имущества, подлежащего обращению в доход РФ, при отсутствии сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, совершенствование порядка осуществления контроля за расходами, создание единой базы данных декларации доходов, расходов и имущества должностных лиц, их супругов, близких родственников – в частности, компьютерных программ для мониторинга и автоматизированного анализа деклараций государственных служащих на базе специального ПО «Справки БК», введение единой формы представления кредитными организациями гражданам сведений о наличии счетов и иной информации, необходимой для заполнения справок о доходах и расходах, обеспечение информационной безопасности в государственных органах власти.

Действующий план в V разделе предусматривает достаточно обширные меры по общему профессиональному антикоррупционному просвещению, популяризации в обществе антикоррупционных стандартов и развитию общественного правосознания. В связи с этим Правительству РФ поручено внести предложения о внесении в законодательство РФ изменений в типовые профессиональные программы по вопросам противодействия коррупции, обеспечить ежегодное повышение квалификации федеральных государственных служащих, в должностные обязанности которой входит участие в противодействии коррупции и служащих субъектов РФ, и муниципальных органов, а также включение в федеральные государственные образовательные стандарты образования положения, которые предусматривают формирование у обучающихся компетенции, позволяющей выработать нетерпимое отношение к коррупционному поведению. Предусмотрено также реализовать комплекс мероприятий по повышению эффективности деятельности пресс-служб государственных органов власти всех уровней и органов местного самоуправления по информированию населения о результатах работы соответствующих органов, организовать проведение социологических исследований, по результатам которых подготовить предложения по совершенствованию антикоррупционной деятельности. В этой работе запланировано использование современных технологий, проведение просветительских мероприятий, семинаров-совещаний и научно-практических конференций, создание механизма предоставления грантов организациям.

Поручено Министерству юстиции РФ с участием Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, ФСБ РФ и Федеральной службы по финансовому мониторингу произвести мониторинг деятельности некоммерческих организаций, уставами которых предусмотрено участие в противодействии коррупции, и проанализировать соответствие их деятельности заявленным целям.

Меры по защите заявителей предусмотрены в VI разделе Национального плана. Правительству РФ и Генеральной прокуратуре РФ предписано разработать меха-

низм получения в автоматизированном режиме сведений о юридических лицах, привлеченных к административной ответственности за коррупционные правонарушения, введения антикоррупционных стандартов, предотвращения злоупотреблений служебным положением со стороны должностных лиц правоохранительных и контрольных органов.

Правоохранительным органам и Следственному комитету РФ поручено систематизировать практику применения меры пресечения в виде заключения под стражу при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности, усилить надзор за соблюдением законодательства РФ о защите лиц, сообщающих о фактах коррупции, от преследования и ущемления их законных прав и интересов.

Одной из ключевых задач VII раздела анализируемого документа является систематизация и актуализация нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, а также устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции.

План предписывает разработку Правительством РФ совместно с Верховным Судом РФ, Генеральной прокуратурой РФ и Следственным комитетом РФ проекта федерального закона о включении лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в перечень должностных лиц, предусмотренный примечаниями к статье 285 УК РФ, с участием заинтересованных федеральных государственных органов, подготовить предложения по систематизации законодательства РФ о противодействии коррупции, обзоры судебной практики по уголовным делам, проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

Завершает Национальный план VIII раздел о повышении эффективности международного сотрудничества РФ в области противодействия коррупции, реализация конкретных мер которого позволит повысить международный авторитет России.

Подводя итог проведенному анализу «Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 гг.», сделаем несколько выводов:

– во-первых, ключевой задачей документа является координация усилий по противодействию коррупции в РФ;

– во-вторых, он является рамочным документом для внедрения внутриведомственных антикоррупционных планов;

– в-третьих, исполнителями Национального плана назначены все основные ветви федеральной и региональной власти, общественные организации и средства массовой информации;

– в-четвёртых, значительная часть текущего документа является продолжением предыдущих Национальных планов;

– в-пятых, по каждому блоку мероприятий плана установлены сроки представления докладов о выполнении поручений, а общий контроль возложен на специальную рабочую группу при Президенте РФ.

Список литературы:
1. Федеральный Закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О противодействии коррупции» // «Собрание законодательства РФ», 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.
2. Указ Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378 «О национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы» // «Собрание законодательства РФ», 02.07.2018, № 27, ст. 4038.
3. Лаврентьев А. Р. Контроль за реализацией национальных планов противодействия коррупции // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства». – Ответственный редактор А. В. Мартынов. – 2017. – Издательство: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород) – С. 261–270.
4. Алистратова А. В. Национальный план противодействия коррупции и его место в системе правового регулирования антикоррупционной деятельности // Сборник научных трудов членов Тамбовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». «Актуальные вопросы юридической науки и практики» – Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Принт-Сервис» (Тамбов) – Ответственный редактор В. Ю. Стромов. – Тамбов, 20 октября 2017 г. – С. 155–160.
5. Шадрин Д. В. Совершенствование противодействия коррупции в рамках Национального плана противодействия коррупции на 2016-2017 годы. // Журнал: novainfo.ru – Издательство: Долганов Алексей Александрович. – Башкирский государственный аграрный университет. – Том. 3. № 62. 2017 г. С. 433-436.
6. Алексеев С. Л., Сергеева Ю. С., Шайдуллин Р. Н. Реализация национального плана по противодействию коррупции на 2016–2017 годы через программу повышения квалификации «основы противодействия коррупции» // Материалы Всероссийского круглого стола. «Совершенствование деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции». – Казань, 09 декабря 2016 – 09 декабря 2017 г. – Издательство: Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Казань). – 2017. – С. 14–18.

Veligodskii D. V. Improvement of anti-corruption work in the Russian Federation in 2018-2020 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 28-34.

The article reveals the problem of counteracting corruption in modern Russia, analyzed key activities aimed at improving the regulatory and legal framework, educational and research work, the tasks and functions of all branches of the federal, regional authorities, local governments and the media to improve the effectiveness of anti-corruption activities.

Keywords: anticorruption sense of justice, anticorruption standard, confiscation, conflict of interests, coordination, corruption, authorities, system of prohibitions and restrictions.

Spisok literatury:
1. Federal'nyj Zakon ot 25.12.2008 №273-FZ (red. ot 03.08.2018) «O protivodejstvii korrupcii» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 29.12.2008, №52 (ch. 1), st. 6228.
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 29.06.2018 №378 «O nacional'nom plane protivodejstviya korrupcii na 2018 - 2020 gody» // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 02.07.2018, №27, st. 4038.
3. Lavrent'ev A. R. Kontrol' za realizaciej nacional'nyh planov protivodejstviya korrupcii // Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye voprosy kontrolya i nadzora v social'no znachimyh sferah deyatel'nosti obshchestva i gosudarstva». – Otvetstvennyj redaktor A.V. Martynov. – 2017. – Izdatel'stvo: Nacional'nyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N. I. Lobachevskogo (Nizhnij Novgorod) – C. 261-270.
4. Alistratova A. V. Nacional'nyj plan protivodejstviya korrupcii i ego mesto v sisteme pravovogo regulirovaniya antikorrupcionnoj deyatel'nosti // Sbornik nauchnyh trudov chlenov Tambovskogo regional'nogo otdeleniya Obshcherossijskoj obshchestvennoj organizacii «Associaciya yuristov Rossii». «Aktual'nye voprosy yuridicheskoj nauki i praktiki» – Izdatel'stvo: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Print-Servis» (Tambov) – Otvetstvennyj redaktor V.YU. Stromov. – Tambov, 20 oktyabrya 2017 g. – S. 155-160.
5. SHadrin D. V. Sovershenstvovanie protivodejstviya korrupcii v ramkah Nacional'nogo plana protivodejstviya korrupcii na 2016-2017 gody. // ZHurnal: novainfo.ru – Izdatel'stvo: Dolganov Aleksej Aleksandrovich. – Bashkirskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet. – Tom: 3. Nomer: 62. God: 2017. S. 433 436.
6. Alekseev S. L., Sergeeva YU. S., SHajdullin R. N. Realizaciya nacional'nogo plana po protivodejstviyu korrupcii na 2016-2017 gody cherez programmu povysheniya kvalifikacii «osnovy protivodejstviya korrupcii» // Materialy Vserossijskogo kruglogo stola. «Sovershenstvovanie deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov po protivodejstviyu korrupcii». – Kazan', 09 dekabrya 2016-09 dekabrya 2017 g. – Izdatel'stvo: Kazanskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii (Kazan'). – 2017. – C. 14-18.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 35–56.

УДК 342.951: 336.221

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ, ФУНКЦИОНИРОВАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ УСТАНОВЛЕНИЯ, АДМИНИСТРИРОВАНИЯ, ВЗИМАНИЯ И УПЛАТЫ КУРОРТНОГО СБОРА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Евсикова Е. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье проводится анализ и раскрываются вопросы формирования, функционирования и деятельности Общественного совета по осуществлению общественного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора в Республике Крым. В рамках данного научного исследования автор проводит анализ положений Федерального закона от 29.07.2017г. № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае», а также законодательства субъектов Российской Федерации в сфере проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры, раскрывая при этом особенности порядка формирования, функционирования и деятельности Общественного совета при управлении Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу (на основе анализа положений Приказа Управления Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу от 6 июня 2017 года № Пр-61 «Об утверждении положения об общественном совете при управлении Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу»); Общественного совета по осуществлению общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований Фонда развитий курортной инфраструктуры Краснодарского края (на основе анализа положений Постановления Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 28.04.2018 г. № 221 «Об утверждении Порядка формирования и осуществления деятельности Общественного совета по осуществлению общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры»); Общественного совета по вопросам проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае (на основе анализа положений Постановления Правительства Ставропольского края от 13.03.2018 г. № 82-п «О некоторых мерах по реализации Федерального закона «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае» и Закона Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае»). В результате проведенного исследования автор выносит свои предложения по разработке и принятию Постановления Совета министров Республики Крым «Об утверждении порядка формирования, функционирования и деятельности Общественного совета по осуществлению общественного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора в Республике Крым».

Ключевые слова: налоги и сборы, курортный сбор, проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры, общественный контроль, общественный совет.

Налоговая система Российской Федерации за последние 27 лет много раз претерпевала существенные изменения, направленные на ее оптимизацию, а также развитие и совершенствование с целью ориентации не на фискальную функцию налогов и сборов, а на регулирующую, что вполне оправданно в условиях перехода к рыночной форме хозяйствования. Указанные изменения обусловлены необходимостью дальнейшего усовершенствования концептуальной основы развития системы налогов и сборов в Российской Федерации с учетом правовых особенностей, функ-

ций и специальных юридико-организационных принципов каждого вида налогов и сборов указанной системы (федеральных, региональных, местных) [1, с. 137].

Вместе с тем одной из первостепенных задач, стоящих сегодня перед Российской Федерацией, является создание оптимальной и комфортной среды для развития курортов и туризма как важной составляющей экономической системы государства в целом и экономических систем субъектов Российской Федерации (далее – субъектов РФ), которые имеют определенную курортную и туристическую базу, как правило устаревшую и нуждающуюся в модернизации и восстановлении, но не имеют необходимых финансовых ресурсов для ее поддержания, восстановления и развития.

Следует отметить, что вопросам финансирования работ по поддержанию, восстановлению и развитию объектов санаторно-курортной и туристической инфраструктуры как на федеральном, так и на региональном уровне не уделялось достаточного внимания, в силу чего данная сфера экономики должным образом не развивалась ни на уровне субъектов РФ, ни на федеральном уровне в целом.

Актуальность данной темы исследования обусловлена тем, что 23.06.2017 Государственная Дума Российской Федерации приняла в первом чтении проект, внесенный Правительством 04.05.2017, а 19.07.2017 приняла окончательный вариант Федерального закона «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае» от 29.07.2017 № 214-ФЗ (далее – ФЗ № 214-ФЗ) [2], в силу чего изучение проблем законодательного урегулирования введения курортного сбора в Республике Крым, Алтайском Краснодарском и Ставропольском краях [3, с. 144], а также особенностей нормативно-правового обеспечения порядка формирования, функционирования и деятельности Общественного совета по осуществлению общественного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора в Республике Крым является сегодня особенно востребованным и важным.

Основной текст. Как нами уже не раз отмечалось, вопросы правовой природы и правового статуса курортного сбора на сегодняшний день остаются открытыми и до конца не урегулированными ни с точки зрения теоретиков, ни с позиции практиков и законодателей, что может вызвать достаточно много проблем при непосредственной реализации положений ФЗ № 214-ФЗ и регионального законодательства о проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры путем установления, введения и взимания курортного сбора.

Поскольку при разработке и принятии ФЗ № 214-ФЗ не учтено, что система налогов и сборов РФ включает только региональные налоги, а именно: транспортный налог, налог на игорный бизнес, налог на имущество организаций, т. е. региональные сборы и курортный сбор в частности, НК РФ не предусмотрен. В свою очередь, к местным налогам и сборам относятся только земельный налог, налог на имущество физических лиц и торговый сбор. Так, исходя из смысла ч. 2 ст. 1 ФЗ № 214-ФЗ, курортный сбор является местным сбором, поскольку вводится в муниципальных образованиях, территории которых включены в территорию эксперимента, а не на территориях соответствующих субъектов, что соответствует принципам построения налоговой системы Российской Федерации, закрепленных в НК РФ, который предусматривает, что в Российской Федерации устанавливаются следую-

щие виды налогов и сборов: федеральные, региональные и местные, соответственно региональные налоги устанавливаются законами субъектов Российской Федерации и обязательны к уплате на территориях соответствующих субъектов РФ, а местные вводятся в действие и прекращают действие на территориях соответствующих муниципальных образований, что предусмотрено и ФЗ № 214-ФЗ. Однако, исходя из смысла ст. 5 ФЗ № 214-ФЗ, курортный сбор является региональным сбором, поскольку вводится законом соответствующего субъекта РФ, устанавливаются территория эксперимента, размер курортного сбора, порядок и сроки его перечисления в бюджет субъекта РФ, т. е. доходы от курортного сбора будут поступать в бюджет субъекта РФ, а не в местный бюджет, что еще раз подтверждает, что курортный сбор, по замыслу авторов ФЗ № 214-ФЗ, является региональным сбором [4, с. 199].

Как видим, курортный сбор устанавливается ФЗ № 214-ФЗ и вводится в действие законом соответствующего субъекта РФ, на территории которого он будет взиматься, а также будет зачисляться в бюджет соответствующего субъекта РФ, на территории которого проводится эксперимент [3, с. 146–147].

В то же время достаточно много вопросов и споров со стороны различных представителей юридической и экономической науки вызывает и сама необходимость введения курортного сбора. Так, например, Бабич М. Е. предлагает уполномоченным федеральным органам исполнительной власти проработать вопрос об установлении таможенных и инвестиционных льгот, стимулирующих сохранение и развитие курортов, увеличение объема туристического потока до оптимальных показателей, увеличение количества повторных поездок, расширение набора потребляемых туристами услуг и увеличение периода пребывания туристов на отечественных курортах [5].

Берлин С. И. и Уберия А. Р. отмечают, что введение курортного сбора может привести к неоднозначным последствиям для туристско-рекреационной отрасли России, а именно:

- увеличение стоимости путевок и проживания во всех категориях средств размещения, что негативно скажется на возможностях отдыха граждан с более низким уровнем дохода, что, в конечном итоге, приведет к снижению конкурентоспособности российского санаторно-курортного и туристского комплексов как на отечественном, так и на международном рынках туристско-рекреационных услуг;

- риск возникновения и развития коррупционной составляющей вследствие желания плательщиков курортного сбора уклониться от его уплаты, а также возникновения различных коррупционных схем при создании Фонда, в который будут направляться средства на развитие курортной инфраструктуры;

- неопределенность и неурегулированность методологической составляющей взимания курортного сбора как на законодательном, так и на правоприменительном уровне;

- введение курортного сбора на территории РФ будет нецелесообразно и малоэффективно, поскольку сбор принесет довольно малую сумму в бюджеты поселений, снизит конкурентоспособность российского туристско-рекреационного комплекса, усугубит отток туристов от российских курортов, даст возможность для новых правонарушений и потребует большие денежные средства на его администрирование [6].

В свою очередь, Джанжугазова Е. А. указывает, что проблема курортного сбора не просто актуальна, она имеет серьезное общественное значение, так как курорты и туристские центры всегда будут нуждаться в дополнительном финансировании, позволяющем содержать и развивать курортную инфраструктуру, а, следовательно, туристы, пользующиеся этой инфраструктурой, должны принимать в этом участие. Вместе с тем нельзя забывать, что люди самостоятельно выбирают место отдыха, значит, взимание курортных сборов может вызывать их недовольство и снижать интерес к курортам, взимающим подобные сборы, что требует максимальной прозрачности. В этой связи органы местного самоуправления территорий, на которых туристы уплачивают курортный сбор, должны сделать эту процедуру понятной и прозрачной для туристов, особенно если это касается информации о том, куда расходуются собранные средства. Очень важно также организовать систему контроля за уплатой сбора и обеспечить целевое использование собранных средств [7].

Таким образом, в рамках данного исследования определенный научный интерес представляет именно изучение вопросов нормативно-правового обеспечения формирования, функционирования и деятельности Общественного совета по осуществлению общественного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора.

Однако сразу отметим, что федеральный законодатель уделил недостаточно внимания вопросам формирования, функционирования и деятельности Общественного совета по осуществлению общественного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора в субъектах РФ.

Так, ст. 12 ФЗ № 214-ФЗ предусматривает, что Общественный совет создается при уполномоченном органе субъекта РФ в целях осуществления общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры (далее – ФРКИ), а в состав Общественного совета должны быть включены представители операторов курортного сбора, представители общественных и экспертных организаций, действующих на территории проведения эксперимента. При этом порядок формирования и осуществления деятельности Общественного совета утверждается высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ.

Также ст. 12 ФЗ № 214-ФЗ предусматривает, что основными функциями Общественного совета являются:1) осуществление общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований ФРКИ; 2) выработка предложений по организации проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры и формированию перечня работ по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и ремонту объектов курортной инфраструктуры, подлежащих финансовому обеспечению за счет бюджетных ассигнований ФРКИ; 3) разработка предложений по определению размера курортного сбора, по определению иных категорий лиц, освобождаемых от уплаты курортного сбора, а также предложений о прекращении взимания курортного сбора на территориях отдельных муниципальных образований, участвующих в проведении эксперимента; 4) иные функции, предусмотренные порядком формирования и осуществления деятельности Общественного совета.

В то же время подходы субъектов РФ к решению вопросов организации порядка формирования, функционирования и деятельности Общественного совета по осу-

ществленного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора характеризуются несогласованностью и противоречивостью.

Анализ соответствующих нормативно-правовых актов субъектов РФ, регламентирующих данную сферу правоотношений, показывает, что одни субъекты РФ (Краснодарский край) разработали отдельное постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 28.04.2018 № 221 «Об утверждении Порядка формирования и осуществления деятельности Общественного совета по осуществлению общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры» (далее – Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 28.04.2018 № 221) [8]; другие (Ставропольский край) утвердили порядок формирования и осуществления деятельности Общественного совета по вопросам проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае в рамках общего постановления Правительства Ставропольского края, регламентирующего некоторые меры реализации ФЗ № 214-ФЗ и Закона Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае» (далее – Постановление Правительства Ставропольского края от 13.03.2018 № 82-п) [9]; третьи (Алтайский край) вообще не стали создавать отдельную структуру – Общественный совет по осуществлению общественного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора, а передали соответствующие полномочия по общественному контролю за целевым расходованием бюджетных ассигнований ФРКИ Алтайского края уже сформированному и действующему Общественному совету при управлении Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу [10]; четвертые (Республика Крым) на сегодняшний день не разработали и не сформировали надлежащее нормативно-правовое обеспечение организации порядка формирования, функционирования и деятельности Общественного совета по осуществлению общественного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора в Республике Крым (возможно, в силу того, что введение курортного сбора в Республике Крым отложено на 01 мая 2019 г.).

Таким образом, в рамках данного исследования определенный научный интерес представляет изучение и анализ нормативно-правовых актов субъектов РФ, регламентирующих порядок формирования, функционирования и деятельности Общественного совета по осуществлению общественного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора, а также выработка конкретных предложений по разработке и принятию постановления Правительства Республики Крым «Об организации порядка формирования, функционирования и деятельности Общественного совета по осуществлению общественного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора в Республике Крым».

Примечательно, что наиболее полное определение «общественного совета» дается в Постановлении Правительства Ставропольского края от 13.03.2018 № 82-п, которое определяет, что Общественный совет по вопросам проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае является совещательным органом и осуществляет деятельность в целях обеспечения согласова-

ния интересов граждан Российской Федерации, органов государственной власти Ставропольского края, органов местного самоуправления муниципальных образований Ставропольского края, санаторно-курортных учреждений, туристских организаций, общественных объединений Ставропольского края по вопросам развития курортной инфраструктуры в Ставропольском крае, осуществления общественного контроля за ходом проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае и целевым расходованием бюджетных ассигнований фонда развития курортной инфраструктуры в Ставропольском крае

В свою очередь, Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 28.04.2018 г. № 221 определяет, что Общественный совет по осуществлению общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры Краснодарского края создается при Министерстве курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края и является совещательно-консультативным органом, осуществляющим свою деятельность на общественных началах.

Согласно Приказу Управления Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу от 6 июня 2017 года № Пр-61 «Об утверждении положения об общественном совете при управлении Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу» (далее – Приказ Управления Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу от 6 июня 2017 года № Пр-61) [11], Общественный совет при управлении Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу является консультативным органом и создается с целью наиболее эффективного взаимодействия управления с Общественной палатой Алтайского края, общественными организациями, представителями научного сообщества и деловых кругов при реализации полномочий, отнесенных к ведению управления, а также общественного контроля, в том числе за целевым расходованием бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры Алтайского края, что уже является нарушением требований ст. 12 ФЗ № 214-ФЗ, поскольку порядок формирования и осуществления деятельности Общественного совета должен утверждаться высшим исполнительным органом государственной власти соответствующих субъектов РФ, участвующих в проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры, а не уполномоченным органом исполнительной власти субъектов РФ, ответственным за проведение эксперимента, т. е. Управлением Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу, которое никак не может быть высшим органом исполнительной власти Алтайского края.

Правовую основу деятельности Общественного совета при управлении Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу составляют Конституции РФ, федеральные законы, правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, Устав (Основной закон) Алтайского края, законы Алтайского края и иные нормативные правовые акты. Аналогичную норму содержит и Постановлении Правительства Ставропольского края от 13.03.2018 № 82-п, которое также определяет, что Общественный совет по вопросам проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, Уставом (Основным законом)

Ставропольского края, законами Ставропольского края и иными нормативными правовыми актами Ставропольского края.

В то же время следует отметить, что Общественный совет не просто осуществляет свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации и субъектов РФ, но, прежде всего, в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [12], а также ФЗ № 214-ФЗ и соответствующим законодательством субъекта РФ о проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры путем установления, введения и взимания курортного сбора, что также необходимо предусмотреть в соответствующем нормативно-правовом акте, регламентирующем вопросы формирования, функционирования и деятельности Общественного совета.

Примечательно, что задачи Общественного совета регламентированы только нормами Приказа Управления Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу от 6 июня 2017 года № Пр-61, в соответствии с которым основными задачами Общественного совета при управлении Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу являются: 1) развитие взаимодействия управления с общественными объединениями, научными учреждениями и иными некоммерческими организациями и использование их потенциала для повышения эффективности реализации управления полномочий в сфере туризма, курортного дела, международных связей и межрегионального сотрудничества Алтайского края; 2) участие в рассмотрении вопросов, относящихся к сфере деятельности управления, вызвавших повышенный общественный резонанс, и выработка предложений по их решению.

В то же время основными функциями Общественного совета при управлении Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу являются:

1) проведение общественных экспертиз проектов нормативных правовых актов, перечень которых утвержден правовыми актами Правительства Алтайского края и управления, в сфере деятельности данного органа исполнительной власти с вынесением заключений;

2) рассмотрение вопросов, связанных с разработкой стандартов предоставления государственных услуг и осуществлением контроля за их исполнением;

3) сбор и анализ объективной информации о проблемах в сфере деятельности управления. Выявление на основе проведенного анализа положительного и отрицательного опыта работы в данном направлении. Подготовка предложений по решению указанных проблем;

4) рассмотрение поступивших гражданских инициатив, направленных на реализацию функций управления;

5) подготовка предложений по совершенствованию законодательства Алтайского края, а также выработка иных мер по регулированию процессов в соответствующей сфере деятельности;

6) взаимодействие со средствами массовой информации по освещению вопросов, обсуждаемых на заседаниях Общественного совета;

7) иные функции, предусмотренные Федеральным законом от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»;

8) выработка предложений по организации проведения эксперимента и формированию перечня работ по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и ремонту объектов курортной инфраструктуры, под-

лежащих финансовому обеспечению за счет бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры Алтайского края;

9) разработка предложений по определению размера курортного сбора, по определению иных, помимо установленных Федеральным законом от 29.07.2017 № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае», категорий лиц, освобождаемых от уплаты курортного сбора, а также предложений о прекращении взимания курортного сбора на территориях отдельных муниципальных образований;

10) осуществление общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры Алтайского края;

11) иные функции, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Общественный совет при управлении Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу осуществляет свою деятельность в соответствии с утвержденным на его заседании планом работы, который в дальнейшем направляется начальнику управления Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу для сведения. Основной формой деятельности Общественного совета являются заседания, которые проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в полугодие, и считаются правомочными, если на них присутствует более половины членов Общественного совета (Председатель Общественного совета, заместитель председателя Общественного совета и секретарь Общественного совета избираются на первом заседании).

При этом решения Общественного совета при управлении Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу принимаются открытым голосованием простым большинством голосов его членов, присутствующих на заседании, а при равенстве голосов решающим является голос председательствующего – в форме заключений, предложений и обращений, носят рекомендательный характер и отражаются в протоколах заседаний, которые подписывают председатель Общественного совета и секретарь Общественного совета.

Кроме того, по запросам Общественного совета Управление Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу в 20-дневный срок представляет Общественному совету необходимые для исполнения полномочий сведения, за исключением сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну.

Вместе с тем Постановление Правительства Ставропольского края от 13.03.2018 № 82-п определяет, что основными функциями Общественного совета по вопросам проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае являются:

1) осуществление общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований ФРКИ;

2) разработка предложений по организации проведения эксперимента и формированию перечня работ, указанного в ч.8 ст. 9 ФЗ № 214-ФЗ;

3) разработка предложений по определению размера платы за пользование курортной инфраструктурой в Ставропольском крае и иных категорий лиц, освобождаемых от уплаты курортного сбора на территории муниципальных образований

Ставропольского края, указанных в статье 3 Закона Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае»;

4) подготовка предложений о прекращении взимания курортного сбора на территориях муниципальных образований края;

5) разработка предложений по совершенствованию механизма проведения эксперимента;

6) осуществление общественного контроля за проведением эксперимента;

7) заслушивание органа исполнительной власти Ставропольского края, ответственного за проведение эксперимента, с ежегодной информацией о ходе проведения эксперимента.

При этом Общественный совет по вопросам проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае имеет право:

1) запрашивать и получать в установленном порядке от территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти Ставропольского края, органов местного самоуправления муниципальных образований края, организаций информацию и материалы, необходимые для осуществления деятельности общественного совета;

2) направлять предложения и решения Общественного совета в территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, органы исполнительной власти Ставропольского края, органы местного самоуправления муниципальных образований края с целью выработки согласованных решений по вопросам проведения эксперимента;

3) формировать по основным вопросам своей деятельности постоянно действующие комиссии и временные рабочие группы из числа членов Общественного совета, а также в случае необходимости привлекать к работе в них ученых и специалистов, не входящих в состав Общественного совета;

4) размещать в средствах массовой информации материалы по вопросам деятельности Общественного совета.

Также Постановление Правительства Ставропольского края от 13.03.2018 № 82-п определяет, что Общественный совет по вопросам проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае осуществляет свою деятельность в соответствии с планом его работы, а заседания Общественного совета проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в квартал (повестку заседания Общественного совета и порядок проведения определяет его председатель). При этом заседание Общественного совета считается правомочным, если на нем присутствует не менее половины членов. Присутствие на заседании членов Общественного совета обязательно, а делегирование членами Общественного совета своего права на участие в заседаниях иным лицам не допускается. В случае отсутствия возможности у члена Общественного совета участвовать в заседании он вправе изложить свое мнение по обсуждаемым вопросам в письменной форме и направить его в Общественный совет для учета его мнения при принятии решения.

Кроме того, на заседание Общественного совета по вопросам проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае могут быть приглашены в установленном порядке должностные лица территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной

власти Ставропольского края, органов местного самоуправления муниципальных образований края без права совещательного голоса, а также представители общественных объединений и других организаций, представители средств массовой информации. Решения Общественного совета принимаются простым большинством голосов присутствующих на заседании Общественного совета членов Общественного совета, оформляются протоколом, который подписывается председательствующим на заседании Общественного совета и секретарем Общественного совета, а при равенстве голосов членов Общественного совета голос председательствующего на заседании Общественного совета является решающим.

В свою очередь, Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 28.04.2018 № 221 определяет, что основными функциями Общественного совета по осуществлению общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры Краснодарского края являются:

1) осуществление общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований ФРКИ;

2) выработка предложений по организации проведения эксперимента и формированию перечня работ по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и ремонту объектов курортной инфраструктуры, подлежащих финансовому обеспечению за счет бюджетных ассигнований ФРКИ;

3) согласование перечня работ по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и ремонту объектов курортной инфраструктуры, подлежащих финансовому обеспечению за счет бюджетных ассигнований ФРКИ;

4) разработка предложений по определению размера курортного сбора, по определению иных категорий лиц, освобождаемых от уплаты курортного сбора, а также предложений о прекращении взимания курортного сбора на территориях отдельных муниципальных образований;

5) взаимодействие в установленном порядке с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти Краснодарского края и органами местного самоуправления муниципальных образований Краснодарского края по вопросам проведения эксперимента.

Кроме того, Общественный совет по осуществлению общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры Краснодарского края вправе:

1) в установленном порядке приглашать на свои заседания должностных лиц органов государственной власти Краснодарского края, органов местного самоуправления муниципальных образований Краснодарского края (по согласованию), представителей общественных объединений и других организаций, осуществляющих деятельность в сфере санаторно-курортного и туристского комплекса (по согласованию), с целью обсуждения вопросов, выносимых на заседание Общественного совета;

2) привлекать специализированные организации и экспертов к рассмотрению вопросов, выносимых на заседание Общественного совета.

При этом Общественный совет по осуществлению общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры Краснодарского края по мере необходимости, но не реже двух раз в

год проводит заседания, рассматривает вопросы, отнесенные к компетенции Совета, принимает по ним решения. Заседание Общественного совета считается правомочным, если на нем присутствует не менее половины его членов. А в случае невозможности участия в заседании член Общественного совета информирует об этом председателя Общественного совета не менее чем за сутки до его проведения. Свое мнение по выносимым на заседание Общественного совета вопросам, а также решение по ним в случае невозможности участия в заседании член Общественного совета может направить председателю Общественного совета в письменной форме не позднее дня, предшествующего дню проведения заседания. При голосовании его мнение и принятое им решение учитываются на общих основаниях. По рассмотренным вопросам Общественный совет открытым голосованием простым большинством из числа присутствующих, а также членов Общественного совета, направивших свое мнение по выносимым на заседание Общественного совета вопросам, принимает решения. Каждый член Общественного совета обладает правом одного голоса. В случае равенства голосов решающим является голос председателя Общественного совета или его заместителя, председательствующего на заседании Общественного совета. Решения Совета оформляются секретарем Общественного совета в виде протоколов, которые подписываются председательствующим на заседании Общественного совета. Копии протоколов направляются секретарем Общественного совета в день подписания в министерство для размещения на официальном сайте министерства в сети Интернет.

В то же время в случае проведения заочного голосования секретарь Общественного совета в целях сбора мнений членов Общественного совета направляет листы заочного голосования с приложением необходимых материалов в их адрес с указанием срока представления заполненных листов заочного голосования, а члены Общественного совета, в свою очередь, представляют свою позицию по результатам рассмотренных материалов в срок, установленный председателем Общественного совета. Решение Общественного совета по итогам заочного голосования Общественного совета оформляется секретарем в виде протокола заочного голосования Общественного совета не позднее 10 рабочих дней после завершения сбора всех листов заочного голосования членов Общественного совета, который подписывается председателем Общественного совета. Копия протокола заочного голосования Общественного совета направляется секретарем Общественного совета в день подписания в министерство для размещения на официальном сайте министерства сети Интернет.

Таким образом, как показывает анализ нормативно-правовых актов субъектов РФ в сфере регулирования правоотношений по формированию, функционированию и деятельности Общественного совета, действующее законодательство субъектов РФ характеризуется достаточной противоречивостью, ошибочностью, дублированием отдельных положений федерального и регионального законодательства, что, однозначно, приведет к возникновению различных проблем и судебных споров при реализации федерального и регионального законодательства по проведению эксперимента по развитию курортной инфраструктуры путем установления, введения и взимания курортного сбора.

В силу того, что в Республике Крым до сих пор не разработан и не принят соответствующий нормативно-правовой акт, регламентирующий порядок формирова-

ния, функционирования и деятельности Общественного совета по осуществлению общественного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора в Республике Крым, считаем необходимым предложить авторскую редакцию Постановления Совета Министров Республики Крым «Об утверждении порядка формирования, функционирования и деятельности Общественного совета по осуществлению общественного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора в Республике Крым», а именно:

«I. Общие положения

1. Общественный совет по осуществлению общественного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора в Республике Крым (далее – Общественный совет) является совещательно-консультативным органом и осуществляет деятельность на общественных началах в целях обеспечения согласования интересов граждан Российской Федерации, органов государственной власти Республики Крым, органов местного самоуправления муниципальных образований Республики Крым, санаторно-курортных учреждений, туристских организаций, общественных объединений Республики Крым по вопросам развития санаторно-курортной и туристической инфраструктуры в Республике Крым, осуществления общественного контроля за ходом проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым путем установления, введения, взимания и уплаты курортного сбора, обеспечением своевременности, полноты и достоверности исчисления, уплаты, взимания и перечисления курортного сбора операторами курортного сбора, целевым расходованием бюджетных ассигнований фонда развития курортной инфраструктуры в Республике Крым (далее – ФРКИ Республики Крым), а также соблюдения требований федерального и регионального законодательства при осуществлении регионального государственного контроля за исполнением плательщиками курортного сбора и операторами курортного сбора требований федерального и регионального законодательства в сфере проведения эксперимента по развитию санаторно-курортной и туристической инфраструктуры в Республике Крым.

Понятия, используемые в настоящем Порядке, применяются в значениях, определенных Федеральным законом от 29.07.2017 № 214-ФЗ “О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае” (далее – Федеральный закон).

2. Общественный совет в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, Федеральным законом от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ “Об основах общественного контроля в Российской Федерации”, Федеральным законом от 29.07.2017 № 214-ФЗ ""О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае” и иными федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, Конституцией (Основным законом) Республики Крым, Законом Республики Крым от 30 ноября 2017 года № 435-ЗРК/2017 “О введении курортного сбора” и иными законами Республики Крым и нормативными правовыми актами Республики Крым, а также настоящим Порядком.

II. Основные задачи, функции и полномочия Общественного совета

3. Основными задачами Общественного совета являются:

3.1. развитие взаимодействия органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, с общественными объединениями, научными учреждениями и иными некоммерческими организациями и использование их потенциала для повышения эффективности реализации управления полномочий в сфере туризма, курортного дела, международных связей и межрегионального сотрудничества Республики Крым;

3.2. участие в рассмотрении вопросов, относящихся к сфере деятельности органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, вызвавших повышенный общественный резонанс, и выработка предложений по их решению.

4. Основные функции Общественного совета:

4.1. проведение общественных экспертиз проектов нормативных правовых актов, перечень которых утвержден правовыми актами Совета министров Республики Крым и органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, в сфере деятельности данного органа исполнительной власти с вынесением заключений;

4.2. рассмотрение вопросов, связанных с разработкой стандартов предоставления государственных услуг и осуществлением контроля за их исполнением;

4.3. сбор и анализ объективной информации о проблемах в сфере деятельности органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым. Выявление на основе проведенного анализа положительного и отрицательного опыта работы в данном направлении. Подготовка предложений по решению указанных проблем;

4.4. рассмотрение поступивших гражданских инициатив, направленных на реализацию функций органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым;

4.5. подготовка предложений по совершенствованию законодательства Республики Крым, а также выработка иных мер по регулированию процессов в соответствующей сфере деятельности;

4.6. взаимодействие со средствами массовой информации по освещению вопросов, обсуждаемых на заседаниях Общественного совета;

4.7. иные функции, предусмотренные Федеральным законом от 21.07.2014 № 212-ФЗ "Об основах общественного контроля в Российской Федерации";

4.8. выработка предложений по организации проведения эксперимента по развитию санаторно-курортной и туристической инфраструктуры путем установления, взимания и уплаты курортного сбора, механизма его администрирования и осуществления регионального государственного контроля за соблюдением федерального и регионального законодательства в сфере проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры, а также по формированию перечня работ по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и ремонту объектов санаторно-курортной и туристической инфраструктуры, подлежа-

щих финансовому обеспечению за счет бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры Республики Крым;

4.9. согласование перечня работ по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и ремонту объектов санаторно-курортной и туристической инфраструктуры, подлежащих финансовому обеспечению за счет бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры Республики Крым;

4.10. разработка предложений по определению размера курортного сбора, по определению иных, помимо установленных Федеральным законом от 29.07.2017 N № 214-ФЗ "О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае", категорий лиц, освобождаемых от уплаты курортного сбора, а также предложений о прекращении взимания курортного сбора на территориях отдельных муниципальных образований;

4.11. осуществление общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры Республики Крым;

4.12. осуществление общественного контроля за проведением эксперимента в целом, а также работой и отчетностью органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, и работой и отчетностью органов местного самоуправления муниципальных образований, участвующих в проведении эксперимента, и операторов курортного сбора, осуществляющих свою деятельность на территориях муниципальных образований, участвующих в проведении эксперимента;

4.13. заслушивание органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, с ежегодной информацией о ходе проведения эксперимента;

4.14. взаимодействие в установленном порядке с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти Республики Крым и органами местного самоуправления муниципальных образований Республики Крым, участвующих в проведении эксперимента, по вопросам проведения эксперимента;

4.15. иные функции, предусмотренные законодательством Российской Федерации

5. Общественный совет вправе:

5.1. в установленном порядке приглашать на свои заседания должностных лиц органов государственной власти Республики Крым, органов местного самоуправления муниципальных образований Республики Крым (по согласованию), представителей общественных объединений и других организаций, осуществляющих деятельность в сфере санаторно-курортного и туристского комплекса (по согласованию), ведущих ученых и специалистов в сфере санаторно-курортного и туристского комплекса (по согласованию) с целью обсуждения вопросов, выносимых на заседание Общественного совета;

5.2. привлекать специализированные организации и экспертов к рассмотрению вопросов, выносимых на заседание Общественного совета;

5.3. запрашивать и получать в установленном порядке от территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти Республики Крым, органов местного самоуправления муниципальных образований, участвующих в проведении эксперимента, организаций информацию и материалы, необходимые для осуществления деятельности Общественного совета;

5.4. направлять предложения и решения Общественного совета в территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, органы исполнительной власти Республики Крым, органы местного самоуправления муниципальных образований, участвующих в проведении эксперимента, с целью выработки согласованных решений по вопросам проведения эксперимента;

5.5. формировать по основным вопросам своей деятельности постоянно действующие комиссии и временные рабочие группы из числа членов Общественного совета, а также в случае необходимости привлекать к работе в них ученых и специалистов, не входящих в состав Общественного совета;

5.6. размещать в средствах массовой информации материалы по вопросам деятельности Общественного совета.

III. Порядок формирования и организация деятельности Общественного совета

6. Общественный совет создается в качестве совещательно-консультативного органа при органе исполнительной власти Республики Крым, ответственном за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым.

7. Состав Общественного совета ежегодно формируется органом исполнительной власти Республики Крым, ответственным за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, в количестве не более 21 человека из числа кандидатов, выдвинутых операторами курортного сбора, общественными или экспертными организациями, действующими на территории эксперимента. Состав Общественного совета ежегодно утверждается приказом органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым.

8. В целях формирования состава Общественного совета представителями операторов курортного сбора, общественных и экспертных организаций, действующих на территории эксперимента, выразившими свое согласие на участие в деятельности Общественного совета, ежегодно в январе месяце на официальном сайте органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, в "Интернет" размещается уведомление о начале процедуры формирования состава Общественного совета.

В уведомлении должен быть указан срок (не менее 21 календарного дня с даты размещения уведомления) и адрес направления операторами курортного сбора, общественными и экспертными организациями, действующими на территории эксперимента, писем о выдвижении кандидатов в состав Общественного совета. В письме указываются фамилия, имя, отчество кандидата, дата его рождения, сведения о месте работы и должности кандидата, гражданстве, о его соответствии требованиям, предъявляемым к членам Общественного совета, а также об отсутствии ограничений для вхождения в состав Общественного совета.

К письму должно быть приложено письменное согласие кандидата войти в состав Общественного совета, на размещение представленных сведений о кандидате

на официальном сайте органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, в сети "Интернет", а также согласие на обработку персональных данных кандидата органом исполнительной власти Республики Крым, ответственным за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, в целях формирования состава Общественного совета.

В течение 10 рабочих дней со дня завершения срока приема писем орган исполнительной власти Республики Крым, ответственный за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, формирует сводный список кандидатов на включение в состав Общественного совета. Состав Общественного совета утверждается приказом органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, в течение 10 рабочих дней со дня формирования сводного списка.

В случае, если в сводный список включено больше кандидатов, чем предусмотрено пунктом 7 настоящего Порядка, приоритет при формировании состава Общественного совета отдается кандидату, письмо в отношении которого поступило ранее.

9. В состав Общественного совета не могут входить лица, замещающие государственные должности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, и лица, замещающие муниципальные должности и должности муниципальной службы, а также другие лица, которые в соответствии с Федеральным законом от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ "Об Общественной палате Российской Федерации" и Законом Республики Крым от 15 апреля 2014 года № 1-ЗРК "Об Общественной палате Республики Крым" не могут быть членами Общественной палаты Российской Федерации или Общественной палаты Республики Крым.

10. Срок полномочий Общественного совета истекает со дня вступления в силу приказа органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, об утверждении нового состава Общественного совета.

11. В случае поступления в адрес органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, письма от оператора курортного сбора, общественной или экспертной организации, действующих на территории эксперимента, о замене своего представителя в составе Общественного совета на другого представителя, выразившего согласие на участие в деятельности Общественного совета, и (или) об исключении своего представителя из состава Общественного совета орган исполнительной власти Республики Крым, ответственный за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, вносит в течение 21 рабочего дня со дня регистрации данного письма соответствующие изменения в приказ органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, об утверждении состава Общественного совета при условии соответствия

предложенного кандидата требованиям, предъявляемым к членам Общественного совета.

12. Полномочия члена Общественного совета прекращаются в случае:

- истечения срока его полномочий;
- подачи им заявления о выходе из состава Общественного совета;
- неспособности его по состоянию здоровья участвовать в работе Общественного совета;
- вступления в законную силу вынесенного в отношении члена Общественного совета обвинительного приговора суда;
- признания члена Общественного совета недееспособным, безвестно отсутствующим или умершим на основании решения суда, вступившего в законную силу;
- избрания его на должность Президента Российской Федерации, избрания депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, избрания (назначения) членом Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, избрания депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также на выборную должность в органе местного самоуправления;
- назначения его на государственную должность Российской Федерации, должность федеральной государственной службы, государственную должность Республики Крым, должность государственной гражданской службы Республики Крым или должность муниципальной службы;
- смерти члена Общественного совета;
- переезда на постоянное место жительства за пределы территории Республики Крым;
- утраты гражданства Российской Федерации;
- замены его в составе Общественного совета и (или) исключения его из состава Общественного совета на основании письма.

13. Полномочия члена Общественного совета приостанавливаются в случае:

- предъявления ему в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, обвинения в совершении преступления;
- назначения ему административного наказания в виде административного ареста;
- регистрации его в качестве кандидата на должность Президента Российской Федерации, кандидата в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти, кандидата на выборную должность в органе местного самоуправления, доверенного лица или уполномоченного представителя кандидата (политической партии), а также в случае вхождения его в состав инициативной группы по проведению референдума в Российской Федерации.

14. Общественный совет осуществляет свою деятельность в соответствии с утвержденным на его заседании планом работы, копия которого в дальнейшем направляется руководителю органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым. План работы Общественного совета утверждается ежегодно на один календарный год;

15. Основной формой деятельности Общественного совета являются заседания, которые проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в квартал и

считаются правомочными, если на них присутствует более половины членов Общественного совета.

16. Повестку заседания Общественного совета и порядок его проведения определяет председатель Общественного совета.

17. Присутствие на заседании общественного совета членов общественного совета обязательно. Делегирование членами общественного совета своего права на участие в заседаниях общественного совета иным лицам не допускается.

18. В случае невозможности участия в заседании член Общественного совета информирует об этом председателя Общественного совета не менее чем за сутки до его проведения. Свое мнение по выносимым на заседание Общественного совета вопросам, а также решение по ним в случае невозможности участия в заседании член Общественного совета может направить председателю Общественного совета в письменной форме не позднее дня, предшествующего дню проведения заседания. При голосовании его мнение и принятое им решение учитываются на общих основаниях.

19. Председатель Общественного совета, заместитель председателя Общественного совета и секретарь Общественного совета избираются ежегодно на первом заседании Общественного совета.

20. Председатель Общественного совета:

20.1. определяет приоритетные направления деятельности Общественного совета, организует его работу и председательствует на заседаниях;

20.2. вносит на утверждение Общественного совета планы работы, формирует повестку заседания Общественного совета, состав экспертов и иных лиц, приглашаемых на заседания;

20.3. координирует деятельность Общественного совета;

20.4. взаимодействует с руководителем органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, по различным вопросам реализации функций и полномочий Общественного совета;

20.5. подписывает протоколы заседаний и другие документы Общественного совета;

20.6. представляет Общественный совет в органах государственной власти, органах местного самоуправления, организациях и т.д.

21. В отсутствие председателя Общественного совета его функции выполняет заместитель председателя Общественного совета, который избирается на первом заседании из числа членов Общественного совета.

22. Секретарь Общественного совета:

22.1. организует текущую деятельность Общественного совета;

22.2. информирует членов Общественного совета о времени, месте и повестке дня его заседания, а также об утвержденных планах работы;

22.3. обеспечивает во взаимодействии с членами Общественного совета подготовку информационно-аналитических материалов к заседанию по вопросам, включенным в повестку дня;

22.4. организует делопроизводство;

22.5. выполняет поручения председателя Общественного совета;

22.6. организует своевременную подготовку протоколов заседаний, направляет членам Общественного совета материалы по повестке дня;

22.7. организует информирование членов Общественного совета о времени, месте и повестке дня заседания Общественного совета, а также рассылку подготовленных к заседанию материалов членам Общественного совета;

22.8. направляет в орган исполнительной власти Республики Крым, ответственный за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, протоколы заседаний Общественного совета для опубликования на официальном сайте органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет".

23. Члены Общественного совета имеют право:

23.1. вносить предложения относительно формирования планов работы Общественного совета и повестки дня его заседания;

23.2. знакомиться с документами и материалами по проблемам, вынесенным на обсуждение Общественного совета;

23.3. предлагать кандидатуры экспертов для участия в заседаниях Общественного совета;

23.4. возглавлять и входить в состав рабочих и экспертных групп, формируемых Общественным советом.

IV. Порядок принятия и оформления решений, принятых Общественным советом

24. По рассмотренным вопросам Общественный совет открытым голосованием простым большинством из числа присутствующих, а также членов Общественного совета, направивших свое мнение по выносимым на заседание общественного совета вопросам, принимает решения.

25. Принятие решений Общественного совета путем заочного рассмотрения материалов и заочного голосования не допускается.

26. Каждый член Общественного совета обладает правом одного голоса.

27. В случае равенства голосов решающим является голос председателя Общественного совета или его заместителя, председательствующего на заседании Общественного совета.

28. Решения Общественного совета оформляются секретарем Общественного совета в виде протоколов, которые подписываются председательствующим на заседании Общественного совета.

29. Копии протоколов направляются секретарем Общественного совета в день подписания в орган исполнительной власти Республики Крым, ответственный за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, для размещения на официальном сайте органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, в сети "Интернет".

30. Члены Общественного совета, не согласные с решением Общественного совета, могут изложить свое особое мнение, которое в обязательном порядке вносится в протокол заседания.

31. Не позднее чем за 5 рабочих дней до очередного заседания Общественного совета секретарь Общественного совета направляет всем членам Общественного совета рабочие материалы по вопросам повестки дня, проект повестки дня.

32. По решению Общественного совета на заседании Общественного совета в повестку дня текущего или следующего заседания включаются вопросы, предложенные членами Общественного совета.

33. Организационно-техническое обеспечение деятельности Общественного совета осуществляет орган исполнительной власти Республики Крым, ответственный за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, который также осуществляет опубликование протоколов заседаний и Общественного совета на официальном сайте органа исполнительной власти Республики Крым, ответственного за проведение эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, в сети "Интернет" не позднее 10 рабочих дней с даты их получения».

Таким образом, принятие указанного нормативно-правового акта, регламентирующего порядок формирования, организации и деятельности Общественного совета по осуществлению общественного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора в Республике Крым, будет способствовать обеспечению быстрого, максимально простого и прозрачного порядка формирования и осуществления деятельности такой важной и необходимой структуры, как Общественный совет, который будет осуществлять общественный контроль в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора в Республике Крым, что, в конечном итоге, будет способствовать эффективности проведения эксперимента по развитию санаторно-курортной и туристической инфраструктуры в Республике Крым.

Список литературы:

1. Евсикова Е. В., Жигулина В. В. К вопросу о введении туристического налога (сбора) в Российской Федерации / Е.В. Евсикова, В. В. Жигулина / Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3 (94). – С. 136–138.
2. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1125891/.
3. Евсикова Е. В. Проблемы законодательного урегулирования введения курортного сбора в Республике Крым, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском краях / Е.В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). – № 2. – С. 143–161.
4. Евсикова Е. В. К вопросу о введении курортного сбора: исторический опыт и реалии сегодняшнего дня / Е.В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – Т. 3 (69). № 2. – С. 197-210.
5. Бабич М. Е. Пробелы законодательства о курортах и перспективы введения курортного сбора в России // М. Е. Бабич / Имущественные отношения в Российской Федерации. Экономика и экономические науки. – № 11 (182) 2016. – 2016. – С. 96–105. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://cyberleninka.ru/article/n/probely-zakonodatelstva-o-kurortah-i-perspektivy-vvedeniya-kurortnogo-sbora-v-rossii.
6. Берлин С. И., Уберия А. Р. О целесообразности введения курортного сбора // С. И. Берлин, А. Р. Уберия // Юридические науки. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://cyberpedia.su/1x3fa8.html.
7. Джанжугазова Е. А. Курортный сбор в фокусе общественной дискуссии // Е. А. Джанжугазова // Российские регионы: взгляд в будущее. Экономика и экономические науки. – 2018. – С. 99–113. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://cyberleninka.ru/article/n/kurortnyy-sbor-v-fokuse-obschestvennoy-diskussii.
8. Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 28.04.2018 г. № 221 «Об утверждении Порядка формирования и осуществления деятельности Общественного совета по осуществлению общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://docs.cntd.ru/document/557283030.
9. Постановления Правительства Ставропольского края от 13.03.2018 г. № 82-п «О некоторых мерах по реализации Федерального закона «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае» и Закона

Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.garant.ru/hotlaw/stav_real/1187428/.
10. Распоряжение Правительства Алтайского края от 29.01.2018г. № 12-р. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://www.altairegion22.ru/upload/iblock/32d/30_pp_29.01.2018.pdf.
11. Приказ Управления Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу от 6 июня 2017 года № Пр-61 «Об утверждении положения об общественном совете при управлении Алтайского края по внешним связям, туризму и курортному делу» (с изменениями на 19 июня 2018 г.). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://docs.cntd.ru/document/450239747.
12. Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (с изменениями на 29 декабря 2017г.). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://docs.cntd.ru/document/420208751.
13. Закон Республики Крым от 30 ноября 2017 года № 435-ЗРК/2017 «О введении курортного сбора». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://rg.ru/2017/12/05/krim.html.
14. Закон Алтайского края от 1 ноября 2017 года № 76-ЗС «О введении платы за пользование курортной инфраструктурой в Алтайском крае». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://rg.ru/2017/11/29/altkrai-zakon76-reg-dok.html.
15. Закон Краснодарского края от 27 ноября 2017 года № 3690-КЗ «О введении курортного сбора на территории Краснодарского края и внесении изменений в Закон Краснодарского края "Об административных правонарушениях"». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://rg.ru/2017/11/29/krasnodar-zakon3690-reg-dok.html.
16. Закон Ставропольского края от 8 декабря 2017 года № 130-кз «О некоторых вопросах проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае». [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://rg.ru/2017/12/12/stavropol-zakon130-reg-dok.html.

Evsikova E.V. To the question of formation, functioning and activities of public council for implementation of public control in the sphere of establishment, administration, collection and payment of resort collection in the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 35–56.

In article the analysis is carried out and questions of formation, functioning and activities of Public council for implementation of public control in the sphere of establishment, administration, collection and payment of resort collection in the Republic of Crimea reveal. Within this scientific research the author carries out the analysis of provisions of the Federal law of 29.07.2017 No. 214-FZ "About carrying out an experiment on development of resort infrastructure in the Republic of Crimea, Altai region, Krasnodar region and Stavropol region" and also legislations of territorial subjects of the Russian Federation in the sphere of carrying out an experiment on development of resort infrastructure, revealing at the same time features of an order of formation, functioning and activities of Public council in case of control of Altai region on external relations, tourism and resort business (on the basis of the analysis of provisions of the Order of Control of Altai region on external relations, tourism and resort business of June 6, 2017 No. Pr-61 "About the adoption of the provision on public council in case of control of Altai region on external relations, tourism and resort business"); Public council on implementation of public control over target expenditure of budgetary appropriations of Fund of development of resort infrastructure of Krasnodar region (on the basis of the analysis of provisions of the Resolution of the Head of administration (governor) of Krasnodar region of 28.04.2018 No. 221 "About the statement of the Order of formation and implementation of activities of Public council for implementation of public control over target expenditure of budgetary appropriations of Fund of development of resort infrastructure"); Public council concerning carrying out an experiment on development of resort infrastructure in Stavropol region (on the basis of the analysis of provisions of the Resolution of the government of Stavropol region of 13.03.2018 No. 82-p "About some measures for implementation of the Federal law "About carrying out an experiment on development of resort infrastructure in the Republic of Crimea, Altai region, Krasnodar region and Stavropol region" About some questions of carrying out an experiment on development of resort infrastructure in Stavropol region "). As a result of the conducted research the author carries out the sentences on development and acceptance of the Resolution of Council of ministers of the Republic of Crimea "About the statement of an order of formation, functioning and activities of Public council for implementation of public control in the sphere of establishment, administration, collection and payment of resort collection in the Republic of Crimea".

Keywords: taxes and fees; resort collecting; carrying out an experiment on development of resort infrastructure; public control; public council.

Spisok literaturi:

1. Evsikova E.V., Zhigulina V.V. K voprosu o vvedenii turisticheskogo naloga (sbora) v Rossiiskoi Federatsii / E.V. Evsikova, V.V. Zhigulina / Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. - 2016.- № 3 (94). - S. 136-138.
2. Federal'nyi zakon ot 29 iyulya 2017 goda № 214-FZ «O provedenii eksperimenta po razvitiyu kurortnoi infrastruktury v Respublike Krym, Altaiskom krae, Krasnodarskom krae i Stavropol'skom krae». [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1125891/.
3. Evsikova E.V. Problemy zakonodatel'nogo uregulirovaniya vvedeniya kurortnogo sbora v Respublike Krym, Altaiskom, Krasnodarskom i Stavropol'skom krayakh / E.V. Evsikova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. - 2017. - T. 3 (69). - № 2. - S. 143-161.
4. Evsikova E.V. K voprosu o vvedenii kurortnogo sbora: istoricheskii opyt i realii segodnyashnego dnya / E.V. Evsikova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2018. – T. 3 (69). № 2. – S. 197-210.
5. Babich M.E. Probely zakonodatel'stva o kurortakh i perspektivy vvedeniya kurortnogo sbora v Rossii // M.E. Babich / Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii. Ekonomika i ekonomicheskie nauki. – № 11 (182) 2016. - 2016. – S. 96-105. [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : https://cyberleninka.ru/article/n/probely-zakonodatelstva-o-kurortah-i-perspektivy-vvedeniya-kurortnogo-sbora-v-rossii.
6. Berlin S.I., Uberiya A.R. O tselesoobraznosti vvedeniya kurortnogo sbora // S.I. Berlin, A.R. Uberiya // Yuridicheskie nauki. [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : https://cyberpedia.su/1x3fa8.html.
7. Dzhanzhugazova E.A. Kurortnyi sbor v fokuse obshchestvennoi diskussii // E.A. Dzhanzhugazova // Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee. Ekonomika i ekonomicheskie nauki. – 2018. – S. 99-113. [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : https://cyberleninka.ru/article/n/kurortnyy-sbor-v-fokuse-obschestvennoy-diskussii.
8. Postanovlenie Glavy administratsii (gubernatora) Krasnodarskogo kraya ot 28.04.2018 g. № 221 «Ob utverzhdenii Poryadka formirovaniya i osushchestvleniya deyatel'nosti Obshchestvennogo soveta po osushchestvleniyu obshchestvennogo kontrolya za tselevym raskhodovaniem byudzhetnykh assignovanii Fonda razvitiya kurortnoi infrastruktury». [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : http://docs.cntd.ru/document/557283030.
9. Postanovleniya Pravitel'stva Stavropol'skogo kraya ot 13.03.2018 g. № 82-p «O nekotorykh merakh po realizatsii Federal'nogo zakona «O provedenii eksperimenta po razvitiyu kurortnoi infrastruktury v Respublike Krym, Altaiskom krae, Krasnodarskom krae i Stavropol'skom krae» i Zakona Stavropol'skogo kraya «O nekotorykh voprosakh provedeniya eksperimenta po razvitiyu kurortnoi infrastruktury v Stavropol'skom krae». [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.garant.ru/hotlaw/stav_real/1187428/.
10. Rasporyazhenie Pravitel'stva Altaiskogo kraya ot 29.01.2018g. № 12-r. [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : https://www.altairegion22.ru/upload/iblock/32d/30_pp_29.01.2018.pdf.
11. Prikaz Upravleniya Altaiskogo kraya po vneshnim svyazyam, turizmu i kurortnomu delu ot 6 iyunya 2017 goda № Pr-61 «Ob utverzhdenii polozheniya ob obshchestvennom sovete pri upravlenii Altaiskogo kraya po vneshnim svyazyam, turizmu i kurortnomu delu» (s izmeneniyami na 19 iyunya 2018g.). [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : http://docs.cntd.ru/document/450239747.
12. Federal'nyi zakon ot 21 iyulya 2014 goda N 212-FZ "Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii" (s izmeneniyami na 29 dekabrya 2017g.). [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : http://docs.cntd.ru/document/420208751.
13. Zakon Respubliki Krym ot 30 noyabrya 2017 goda № 435-ZRK/2017 "O vvedenii kurortnogo sbora". [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : https://rg.ru/2017/12/05/krim.html.
14. Zakon Altaiskogo kraya ot 1 noyabrya 2017 goda № 76-ZS "O vvedenii platy za pol'zovanie kurortnoi infrastrukturoi v Altaiskom krae". [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : https://rg.ru/2017/11/29/altkrai-zakon76-reg-dok.html.
15. Zakon Krasnodarskogo kraya ot 27 noyabrya 2017 goda № 3690-KZ "O vvedenii kurortnogo sbora na territorii Krasnodarskogo kraya i vnesenii izmenenii v Zakon Krasnodarskogo kraya "Ob administrativnykh pravonarusheniyakh". [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : https://rg.ru/2017/11/29/krasnodar-zakon3690-reg-dok.html.
16. Zakon Stavropol'skogo kraya ot 8 dekabrya 2017 goda № 130-kz "O nekotorykh voprosakh provedeniya eksperimenta po razvitiyu kurortnoi infrastruktury v Stavropol'skom krae". [Elektronnyi resurs] // [Rezhim dostupa] : https://rg.ru/2017/12/12/stavropol-zakon130-reg-dok.html.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 57–65.

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВИДОВОГО МНОГООБРАЗИЯ ПОМОЩИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иванов С. А.

Петродворцовый филиал коллегии адвокатов «Санкт-Петербург»
(Санкт-Петербург, Россия)

Упоминание в Конституции Российской Федерации категории «помощь» в двух статьях, с одной стороны, фактически закрепляет институциональные основы фокусных видов помощи (ч. 1 ст. 1 и ст. 48), а с другой – обусловливает необходимость их отграничения от смежных правовых явлений, также формализованных на базовом отечественном уровне (к примеру, гарантии, поддержка и др.). Российская правовая система категорию помощи восприняла масштабно и разноаспектно как на законодательном, так и на подзаконном уровне. В связи с чем предметом данного исследования и выступили современные законодательные нормы, регулирующие различные виды помощи. Основываясь на результатах проведенного анализа общегосударственных источников права, использующих для соответствующих целей правового регулирования категорию «помощь», автором обозначены обобщенные виды помощи в российской правотворческой практике. В их числе: конституционно детерминированные, производные (от них) и аутентичные. Резолютивно обозначена тенденция к институционализации помощи, выразившейся в применении со стороны законодателя типового подхода к конструированию соответствующих правовых норм и их систематизации в профильных актах. Последнее также позволило обозначить перспективу универсализации модели правового закрепления института помощи в отечественной правовой системе.

Ключевые слова: помощь, юридическая помощь, медицинская помощь, помощь адвоката в уголовном процессе, гарантии, закон.

В Конституции Российской Федерации категория «помощь» упоминается всего в двух статьях, фактически закрепляя институциональные основы фокусных видов помощи (ч. 1 ст. 1 и ст. 48) [1]. Однако российской правовой системой соответствующее понятие воспринято более масштабно и разноаспектно как на законодательном, так и на подзаконном уровне. Настоящее исследование посвящено аналитическому аспекту современных отечественных норм законодательного уровня, формализующих различные виды помощи.

Так, в Федеральном конституционном законе от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [3], выступающем источником конституционно-правовых ограничений субъективных прав граждан – в особых условиях наряду с таковыми содержится ряд юридических и организационных гарантий, сопряженных с категорией «помощь». К примеру, относительно имущественных и социальных прав граждан в режиме чрезвычайного положения, в том числе, гарантирована «необходимая помощь на условиях и в порядке, установленных Правительством Российской Федерации» (ст. 29). Помимо этого, в целях сбалансированной правовой регламентации указанного специального режима также используется категория международной гуманитарной помощи (в рамках отсылочной нормы ст. 39), юридически гарантирующая осуществление данного вида помощи в соответствии с международно-правовыми нормами, наряду с анонсированием организационной

гарантии – обязательного установления порядка такого осуществления российским Правительством.

Напротив, в Федеральном конституционном законе от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [2] установлены не уравновешивающие, а дополнительные организационные гарантии функционирования данного правозащитного института, который сам выступает обязательной организационной гарантией ряда субъективных прав и свобод в современной России: право и возможность федерального Уполномоченного по правам человека оказания коллегам в субъектах Федерации организационной, правовой, информационной и иной помощи в пределах законодательно определенных полномочий (п. 1 ч. 2 ст. 36.2), а также возможность создания при Уполномоченном экспертного совета для оказания первому консультативной помощи в области прав и свобод личности (ст. 41).

Наличествует категория «помощь» и в юридической формулировке организационно-гарантирующей роли аппарата судов общей юрисдикции (п. 6 ч. 1 ст. 39 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [8]), в том числе обеспечивая эффективное функционирование необходимой организационной гарантии права на судебную защиту, этимологически сопряженного с правом на юридическую помощь.

В свою очередь Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [4] уже использует категорию «помощь» в иных – не конституционно определенных – аспектах, фактически без сопряжения с ними. Так, ст. ст. 30–32 обязательным элементом компетенции соответствующих комиссий референдума закрепляют оказание профильной методической, организационно-технической и иных видов помощи нижестоящим комиссиям. С другой стороны, закон фиксирует и определенную возможность оказания помощи одним участником референдума другому при осуществлении процедуры голосования (ст. 74). При этом, несмотря на существенное расширение сферы правового использования рассматриваемой категории – обеспечения политических прав, в отличие от закрепленных в Конституции личных и социальных прав, – сохраняется общая тенденция в конструировании ее законодательного оформления: помощь как субъективное право или полномочие, обязательно – основы и особенности организации деятельности компетентных субъектов по осуществлению (оказанию) помощи (организационная гарантия) и, при необходимости, – конкретный порядок (процедура, действие) такого осуществления (оказания) и иные детали формализации помощи (процессуальные или другие вспомогательные гарантии).

Следует уточнить, что вышеуказанные акты исчерпывают перечень конституционно определенных федеральных законов, в которых использовалась категория «помощь». Между тем, последняя задействована законодателем (ситуационно) и для регулирования федеративных отношений. К примеру, согласно Федеральному конституционному закону от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [9] в отношении жителей обозначенных субъектов Федерации подтверждено равное с гражданами России право на медицинскую помощь и конкретные организацион-

но-правовые гарантии ее оказания – в соответствии с профильной государственной программой (ч. 5 ст. 11).

В свою очередь ч. 4 ст. 5 Федерального конституционного закона от 14 октября 2005 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» адресует как федеральным, так и региональным органам государственной власти полномочия (обязательства) по оказанию помощи «коренным малочисленным народам в сохранении национальной самобытности, развитии их национальных языков и национальных культур…», одновременно устанавливая организационную гарантию их реализации: «…в том числе путем наделения муниципальных образований государственными полномочиями в области защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, проживающих на территориях данных муниципальных образований» [5]. Причем такая конструкция типична для законов с аналогичным предметом регулирования [6, 7].

Значительно больший объем фокусных норм нашел свое отражение в кодифицированных источниках как материального, так и процессуального права. В связи с содержательным многообразием материала о помощи кодифицированные источники не включены нами в данное исследование.

Что касается текущего федерального законодательства (не кодифицированного), то оно отличается конкретизацией фокусного предмета регулирования. Так, в целом медицинской помощи посвящен Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [22], в котором не только фиксируется официальное ее понятие (п. 3 ст. 2), наряду с необходимыми сопряженными дефинитивными конструкциями (пациент, медицинская деятельность, медицинская услуга, медицинская организация и пр.), но и раскрываются принципы оказания медицинской помощи – в системе принципов охраны здоровья (п. п. 2, 6, 7 ст. 4), а также контекстно (п. 11 ч. 1 ст. 14) и непосредственно (ст. ст. 31–36) конкретизируются виды медицинской помощи, впоследствии используемые в правотворческой деятельности компетентных органов власти. Более того, в законе раскрывается базовое содержание права на медицинскую помощь, включая производное от него право-гарантию на бесплатную медицинскую помощь и пр., а также базовые организационные и процессуальные гарантии ее оказания (ст. 19), детализируемые в иных положениях закона. Причем указанные права включены в перечень субъективных прав и юридических обязанностей граждан в сфере охраны здоровья, что свидетельствует о цели системного обеспечения профильного статуса личности в соответствующих правоотношениях. Нашли отражение здесь и ключевые полномочия органов публичной власти, в том числе связанные с обеспечением права на медицинскую помощь (гл. 3). В свою очередь гл. 5 «Организация охраны здоровья» насыщена фокусными нормами-гарантиями, касающимися осуществления медицинской помощи, исходя из ее видового многообразия и сопряженных с этим особенностей организационного обеспечения. Данная тенденция специально-обеспечительного характера реализована и в последующих главах законодательного акта.

В свою очередь, сущность квалифицированной и иной юридической помощи, отраженные в российской Конституции, контекстно раскрывается в Федеральном

законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [19]. Именно здесь квалифицированная юридическая помощь ассоциируется законодателем, в первую очередь, с адвокатской деятельностью, а также уточняются иные виды юридической помощи (ст. 1). При этом содержание юридической помощи, оказываемой адвокатом, определяется через перечень юридически значимых действий последнего, который носит открытый характер (ст. 2). Таким образом, законодатель, по сути, позиционирует адвоката как ведущего субъекта, призванного осуществлять квалифицированную юридическую помощь, а также производные ее виды. В дополнение закон закрепляет базовые статусные гарантии оказания такой помощи адвокатом (ст. ст. 3, 18) и развивает это направление, закрепляя иные виды фокусного обеспечения – непосредственно (ст. ст. 6–8) и опосредованно (ст. ст. 9–17) организационного характера.

Расширяет и детализирует гарантии оказания юридической помощи, обозначенные в Конституции Российской Федерации, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [23]. Здесь фокусный вид юридической помощи уже приобретает вид производного субъективного права (ст. 2) с последующим закреплением особенностей его правовой регламентации (ст. 3 и др.). Здесь же предпринимается попытка ликвидации конституционной неопределенности в вопросе о квалифицированном характере бесплатной юридической помощи (п. 1 ч. 2 ст. 1). Однако при этом законодатель четко фиксирует организационно-гарантийный характер данного вида помощи, о чем прямо говорит в ст. 1 закона. Подтверждает данный тезис и структура самого акта, указывающая на законодательное закрепление полномочий органов публичной власти в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью (гл. 2), организационно-правовых основ государственного (гл. 3) и негосударственного (гл. 4) сегментов системы указанного вида помощи, а также информационных (гл. 5) и финансовых (гл. 6) гарантий получения бесплатной юридической помощи.

Имеют место и законодательные акты, исключительным предметом регулирования которых выступают виды помощи, не заявленные в российской Конституции. К таковым можно отнести, к примеру, Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [16]. При этом следует отметить, что композиционно, в контексте использования базовой категории «помощь», такие акты соотносимы с ранее обозначенными и иными, проанализированными в процессе исследования.

Также здесь прослеживается еще один подход законодателя к конструированию норм и их групп с использованием категории «помощь»: как правило, организационные гарантии обозначенных ранее субъективных прав, закрепленные в российской Конституции, в профильных федеральных законах формулируются уже в качестве производных (от основных, конституционных) субъективных прав личности или, контекстно, полномочий органов публичной власти, а обеспечивающие их осуществление нормы фиксируют дополнительные организационные и, при необходимости, процессуальные гарантии.

В свою очередь, основания для группировки законодательных актов о помощи отличаются большим разнообразием. В частности, фокусные федеральные законы (в которых содержательно использована категория «помощь») можно систематизировать следующим образом.

1. По объекту регулирования выделяются законы, в которых используются:

– конституционно детерминированные виды помощи – непосредственно закрепленные в Конституции России (например, Федеральный закон от 2 мая 1997 г. № 76-ФЗ «Об уничтожении химического оружия» [12], Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [21], Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»);

– производные от конституционно закрепленных виды помощи (например, Федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» [17], Федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» [25]);

– аутентичные виды помощи – не опосредованные конкретными конституционными установлениями (например, Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации» [15], Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»).

Дополнительной классификацией здесь выступает деление законодательных актов количественному критерию на:

– однообъектные – используется для целей правового регулирования только один вид помощи (к примеру, Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [18], Федеральный закон от 5 апреля 2003 г. № 44-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» [20]);

– многообъектные – используются для целей правового регулирования несколько видов помощи в различном их сочетании (к примеру, Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [13], Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [14]).

2. По субъекту правоотношений – адресатов оказания помощи выделяются законы:

– с общим субъектом (например, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»);

– со специальным субъектом (например, Федеральный закон от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» [10], Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [11], Федеральный закон от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»);

– комплексные, с общим и специальным субъектом (например, Федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации», Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [26]).

Таким образом, основываясь на результатах проведенного анализа, среди общегосударственных источников права, использующих для соответствующих целей правового регулирования категорию «помощь», можно выделить три ключевые группы: 1) источники, фиксирующие и (или) конкретизирующие, дополняющие конституционные установления о помощи – медицинской, юридической, адвоката-защитника в уголовном процессе; 2) источники, фиксирующие и конкретизирующие и (или) дополняющие производные от формализованных в Конституции России виды помощи 3) источники, фиксирующие и конкретизирующие и (или) дополняющие аутентичные, не закрепленные в российской Конституции и не производные от них виды помощи. Соответственно, исходя из специфики правового регулирования, представляется возможным следующим образом обозначить обобщенные виды помощи в российской правотворческой практике: конституционно детерминированные, производные (от них) и аутентичные.

При этом содержательно-композиционная оценка соответствующих источников права как конституционного, так и иных отраслей, а также межотраслевого характера, позволяет прийти к заключению о системной институционализации категории «помощь» в правовой системе российского государства, претендующей на статус модельно-композиционной универсальности: вне зависимости от критерия группировки и оснований анализа соответствующих правовых норм прослеживается тенденция к системному закреплению «помощи» в качестве субъективного права и, контекстно, полномочий органов публичной власти, а также организационных, и, при необходимости, процессуальных, гарантий его осуществления.

Резюмируя, можно прийти к следующему выводу: категория «помощь» весьма востребована в отечественной правотворческой практике. Здесь российский законодатель вариативен: помимо закрепленных в Конституции, в нормативных правовых актах (в первую очередь, законодательных) фиксируются как производные, так и аутентичные виды помощи, в том числе комплексного, межотраслевого характера.

В свою очередь, фокусный анализ источников права, в содержании которых использован данный термин, свидетельствует о тенденции к его институционализации, обусловленной применением со стороны законодателя типового подхода к конструированию соответствующих правовых норм и их систематизации в профильных актах. Последнее также позволяет говорить о перспективе универсализации модели правового закрепления института помощи в отечественной правовой системе.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
2. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (ред. от 31.01.2016 г.) // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011; http://www.pravo.gov.ru
3. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ред. от 03.07.2016 г.) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; http://www.pravo.gov.ru
4. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (ред. от 18.06.2017 г.) // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710; http://www.pravo.gov.ru
5. Федеральный конституционный закон от 14.10.2005 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» // СЗ РФ. 2005. № 42. Ст. 4212.
6. Федеральный конституционный закон от 30.12.2006 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» (ред. от 02.06.2007 г.) // СЗ РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 1; № 23. Ст. 2690.
7. Федеральный конституционный закон от 21.07.2007 г. № 5-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» // СЗ РФ. 2007. № 30. Ст. 3745.
8. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (ред. от 21.07.2014 г.) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898; http://www.pravo.gov.ru.
9. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (ред. от 28.12.2017 г.) // СЗ РФ. 2014. № 12. Ст. 1201; http://www.pravo.gov.ru.
10. Федеральный закон от 30.03.1995 г. № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» (ред. от 23.05.2016 г.) // СЗ РФ. 1995. № 14. Ст. 1212; http://www.pravo.gov.ru.
11. Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ред. от 07.03.2018 г.) // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563; http://www.pravo.gov.ru
12. Федеральный закон от 02.05.1997 г. № 76-ФЗ «Об уничтожении химического оружия» (ред. от 05.02.2018 г.) // СЗ РФ. 1997. № 18. Ст. 2105; http://www.pravo.gov.ru
13. Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (ред. от 29.12.2017 г.) // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219; http://www.pravo.gov.ru
14. Федеральный закон от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (ред. от 01.07.2017 г.) // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331; http://www.pravo.gov.ru.
15. Федеральный закон от 04.05.1999 г. № 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации» (ред. от 24.11.2008 г.) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2221; http://www.pravo.gov.ru
16. Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (ред. от 07.03.2018 г.) // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3699; http://www.pravo.gov.ru
17. Федеральный закон от 18.06.2001 г. № 77-ФЗ «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» (ред. от 23.05.2016 г.) // СЗ РФ. 2001. № 26. Ст. 2581; http://www.pravo.gov.ru
18. Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 23.04.2018 г.) // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418; http://www.pravo.gov.ru
19. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017 г.) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102; http://www.pravo.gov.ru
20. Федеральный закон от 05.04.2003 г. № 44-ФЗ «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и ока-

зания им государственной социальной помощи» (ред. от 02.07.2013 г.) // СЗ РФ. 2003. № 14. Ст. 1257; http://www.pravo.gov.ru
21. Федеральный закон от 29.11.2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (ред. от 27.06.2018 г.) // СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6422; http://www.pravo.gov.ru
22. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 07.03.2018 г.) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; http://www.pravo.gov.ru
23. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (ред. от 28.11.2015 г.) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725; http://www.pravo.gov.ru
24. Федеральный закон от 23.02.2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 27.06.2018 г.) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; http://www.pravo.gov.ru
25. Федеральный закон от 23.02.2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (ред. от 28.12.2016 г.) // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 721; http://www.pravo.gov.ru
26. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (ред. от 07.03.2018 г.) // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7007; http://www.pravo.gov.ru.

Ivanov S. A. Constitutional and legal regulation of a species diversity in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 57–65.

The mention in the Constitution of the Russian Federation of the category "assistance" in two articles, on the one hand, actually fixes the institutional foundations of focal types of assistance (Part 1, Article 1 and Article 48), and on the other, causes them to be delimited from related legal phenomena , also formalized at the basic domestic level (for example, guarantees, support, etc.). The Russian legal system perceived the category of assistance in a large and diverse manner, both at the legislative and sub-legislative levels. In this connection, the subject of this study was the modern legislative norms regulating various types of assistance. Based on the results of the analysis of national sources of law that use the category "assistance" for the relevant purposes of legal regulation, the author identifies generalized types of assistance in Russian lawmaking practice. Among them: constitutionally determined, derived (from them) and authentic. The tendency towards institutionalization of assistance expressed in the application on the part of the legislator of a typical approach to the construction of appropriate legal norms and their systematization in profile acts is indicated resolutely. The latter also allowed to outline the prospect of universalization of the model of legal support of the institution of assistance in the domestic legal system.

Keywords: assistance, legal aid, medical assistance, lawyer's assistance in criminal proceedings, guarantees, law.

Spisok literatury

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 5.02.2014 g. № 2-FKZ) // SZ RF. 2014. № 9. St. 851.
2. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 26.02.1997 g. № 1-FKZ «Ob Upolnomochennom po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii» (red. ot 31.01.2016 g.) // SZ RF. 1997. № 9. St. 1011; http://www.pravo.gov.ru
3. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 30.05.2001 g. № 3-FKZ «O chrezvychajnom polozhenii» (red. ot 03.07.2016 g.) // SZ RF. 2001. № 23. St. 2277; http://www.pravo.gov.ru
4. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 28.06.2004 g. № 5-FKZ «O referendume Rossijskoj Federacii» (red. ot 18.06.2017 g.) // SZ RF. 2004. № 27. St. 2710; http://www.pravo.gov.ru
5. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 14.10.2005 g. № 6-FKZ «Ob obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novogo sub"ekta Rossijskoj Federacii v rezul'tate ob"edineniya Krasnoyarskogo kraya, Tajmyrskogo (Dolgano-Neneckogo) avtonomnogo okruga i EHvenkijskogo avtonomnogo okruga» // SZ RF. 2005. № 42. St. 4212.
6. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 30.12.2006 g. № 6-FKZ «Ob obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novogo sub"ekta Rossijskoj Federacii v rezul'tate ob"edineniya Irkutskoj oblasti i Ust'-Ordynskogo Buryatskogo avtonomnogo okruga» (red. ot 02.06.2007 g.) // SZ RF. 2007. № 1 (1 ch.). St. 1; № 23. St. 2690.

7. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21.07.2007 g. № 5-FKZ «Ob obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novogo sub"ekta Rossijskoj Federacii v rezul'tate ob"edineniya CHitinskoj oblasti i Aginskogo Buryatskogo avtonomnogo okruga» // SZ RF. 2007. № 30. St. 3745.
8. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 07.02.2011 g. № 1-FKZ «O sudah obshchej yurisdikcii v Rossijskoj Federacii» (red. ot 21.07.2014 g.) // SZ RF. 2011. № 7. St. 898; http://www.pravo.gov.ru
9. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21.03.2014 g. № 6-FKZ «O prinyatii v Rossijskuyu Federaciyu Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub"ektov – Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya» (red. ot 28.12.2017 g.) // SZ RF. 2014. № 12. St. 1201; http://www.pravo.gov.ru
10. Federal'nyj zakon ot 30.03.1995 g. № 38-FZ «O preduprezhdenii rasprostraneniya v Rossijskoj Federacii zabolevaniya, vyzyvaemogo virusom immunodeficita cheloveka (VICH-infekcii)» (red. ot 23.05.2016 g.) // SZ RF. 1995. № 14. St. 1212; http://www.pravo.gov.ru
11. Federal'nyj zakon ot 24.11.1995 g. № 181-FZ «O social'noj zashchite invalidov v Rossijskoj Federacii» (red. ot 07.03.2018 g.) // SZ RF. 1995. № 48. St. 4563; http://www.pravo.gov.ru
12. Federal'nyj zakon ot 02.05.1997 g. № 76-FZ «Ob unichtozhenii himicheskogo oruzhiya» (red. ot 05.02.2018 g.) // SZ RF. 1997. № 18. St. 2105; http://www.pravo.gov.ru
13. Federal'nyj zakon ot 08.01.1998 g. № 3-FZ «O narkoticheskih sredstvah i psihotropnyh veshchestvah» (red. ot 29.12.2017 g.) // SZ RF. 1998. № 2. St. 219; http://www.pravo.gov.ru
14. Federal'nyj zakon ot 27.05.1998 g. № 76-FZ «O statuse voennosluzhashchih» (red. ot 01.07.2017 g.) // SZ RF. 1998. № 22. St. 2331; http://www.pravo.gov.ru
15. Federal'nyj zakon ot 04.05.1999 g. № 95-FZ «O bezvozmezdnoj pomoshchi (sodejstvii) Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij i dopolnenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii o nalogah i ob ustanovlenii l'got po platezham v gosudarstvennye vnebyudzhetnye fondy v svyazi s osushchestvleniem bezvozmezdnoj pomoshchi (sodejstviya) Rossijskoj Federacii» (red. ot 24.11.2008 g.) // SZ RF. 1999. № 18. St. 2221; http://www.pravo.gov.ru
16. Federal'nyj zakon ot 17.07.1999 g. № 178-FZ «O gosudarstvennoj social'noj pomoshchi» (red. ot 07.03.2018 g.) // SZ RF. 1999. № 29. St. 3699; http://www.pravo.gov.ru
17. Federal'nyj zakon ot 18.06.2001 g. № 77-FZ «O preduprezhdenii rasprostraneniya tuberkuleza v Rossijskoj Federacii» (red. ot 23.05.2016 g.) // SZ RF. 2001. № 26. St. 2581; http://www.pravo.gov.ru
18. Federal'nyj zakon ot 07.08.2001 g. № 115-FZ «O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma» (red. ot 23.04.2018 g.) // SZ RF. 2001. № 33 (ch. I). St. 3418; http://www.pravo.gov.ru
19. Federal'nyj zakon ot 31.05.2002 g. № 63-FZ «Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» (red. ot 29.07.2017 g.) // SZ RF. 2002. № 23. St. 2102; http://www.pravo.gov.ru
20. Federal'nyj zakon ot 05.04.2003 g. № 44-FZ «O poryadke ucheta dohodov i rascheta srednedushevogo dohoda sem'i i dohoda odinoko prozhivayushchego grazhdanina dlya priznaniya ih maloimushchimi i okazaniya im gosudarstvennoj social'noj pomoshchi» (red. ot 02.07.2013 g.) // SZ RF. 2003. № 14. St. 1257; http://www.pravo.gov.ru
21. Federal'nyj zakon ot 29.11.2010 g. № 326-FZ «Ob obyazatel'nom medicinskom strahovanii v Rossijskoj Federacii» (red. ot 27.06.2018 g.) // SZ RF. 2010. № 49. St. 6422; http://www.pravo.gov.ru
22. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 g. № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii» (red. ot 07.03.2018 g.) // SZ RF. 2011. № 48. St. 6724; http://www.pravo.gov.ru
23. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 g. № 324-FZ «O besplatnoj yuridicheskoj pomoshchi v Rossijskoj Federacii» (red. ot 28.11.2015 g.) // SZ RF. 2011. № 48. St. 6725; http://www.pravo.gov.ru
24. Federal'nyj zakon ot 23.02.2013 g. № 15-FZ «Ob ohrane zdorov'ya grazhdan ot vozdejstviya Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» (red. ot 27.06.2018 g.) // SZ RF. 2012. № 53 (ch. 1). St. 7598; http://www.pravo.gov.ru
25. Federal'nyj zakon ot 23.02.2013 g. № 15-FZ «Ob ohrane zdorov'ya grazhdan ot vozdejstviya okruzhayushchego tabachnogo dyma i posledstvij potrebleniya tabaka» (red. ot 28.12.2016 g.) // SZ RF. 2013. № 8. St. 721; http://www.pravo.gov.ru
26. Federal'nyj zakon ot 28.12.2013 g. № 442-FZ «Ob osnovah social'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossijskoj Federacii» (red. ot 07.03.2018 g.) // SZ RF. 2013. № 52 (ch. I). St. 7007; http://www.pravo.gov.ru.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 66–77.

УДК 340.12 (500):348.97

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ БИБЛИИ

Кащенко С. Г., Таран П. Е.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В Ветхом Завете Библии отражена ранняя история евреев и различные способы воздействия в их среде на общественные, в том числе и на внутрисемейные отношения. В статье рассмотрены многочисленные предписания правового, религиозно-правового, религиозного и морально-этического характера в Ветхом Завете, которые использовались для регламентации внутрисемейных отношений у древних евреев. Это привело к ликвидации у них промискуитета и к упорядочению и стабилизации семейных отношений.

Ключевые слова: Библия, Ветхий Завет, Тора, Бытие, Исход, Левит, Второзаконие, Соломон, Экклесиаст, закон, завет, скания (святилище).

Одним из важнейших стимулов, побуждавших древних евреев к вступлению в семейные отношения, было их стремление получить возможность удовлетворять свои естественные сексуальные потребности законным путем.

Регулированию их в Ветхом Завете уделялось немало внимания. Объяснялось это тем, чтобы они в их сфере «не поступали по гнусным обычаям, по которым поступали прежде.., не делали этих мерзостей» [2, 18:26,30].

Одной из таких «мерзостей» было удовлетворение древними евреями на начальном этапе их истории своих сексуальных потребностей противоестественным путем. Ветхий Завет в категорической форме запретил мужчинам «ложиться с мужчиною, как с женщиною, это мерзость. И ни с каким скотом.., чтобы излить (семя) и осквернится от него».

За совершение таких «мерзостей» в Ветхом Завете предписывалось виновных предавать смерти, а использовавшуюся ими при этом скотину тоже убивать [2, 20:13, 15, 22, 23]. Такое же наказание должно было применяться и к женщинам за скотоложство: «Если женщина подойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей и женщину, и скотину» [2, 20:16].

Другими «мерзостями» сексуального характера, тоже первоначально распространенными среди древних евреев, были промискуитет, т.е. беспорядочные и нерегламентированные сексуальные отношения между ними, и кровосмесительство, отрицательно сказывавшееся на потомстве.

Кроме вышеуказанных «мерзостей», Ветхий Завет также запретил естественные сексуальные отношения мужчин вне семьи: «И для чего тебе, сын мой, увлекаться постороннею и обнажать груди чужой?! Утешайся женою… твоею, любезною ланью и прекрасною серною: груди ее да упоят тебя во всякое время, любовью ее услаждайся постоянно» [2, 18:20].

Мужу также не разрешалось вступать в сексуальные отношения с другими женщинами, входившими в состав его семьи. А если он этот запрет нарушал, его долж-

но было ожидать наказание, вид которого зависел от степени родства и числа задействованных в них женщин.

Среди них было и религиозное наказание – проклятие ожидало того мужа, который «ложился со своей сестрой, с дочерью отца или матери, с сестрой жены и с тещей» [3, 22: 20, 23, 27, 30]. Муж, который вступал в сексуальное общение со своей невесткой или с «женою отца своего», подлежал смерти [2, 20:11–12]. А мужа, который имел его одновременно и с женой, и с тещей, ожидал костер, на котором следовало сжечь и его, и жену, и ее мать, «чтобы не было беззакония» [2, 20:14].

Чтобы не пробуждать у мужей сексуальное вожделение, ведущее к прелюбодеянию, им предписывалось «не приближаться к родственнице с тем, чтобы открыть ее наготу». За нарушение этого предписания виновного ожидала преждевременная смерть в земной жизни и непредставление богом возможности жить в небесном мире [2, 18:26].

Однако Ветхий Завет дозволял мужу (кроме жены) использовать в сексуальном отношении своих рабынь, за исключением тех, которые уже были «обручены (другому) мужу, но еще (им) не (были) выкуплены». Когда же муж и их использовал в качестве своих сексуальных партнерш, то это считалось уже не преступлением, а греховным действием. Чтобы очиститься от него, ему следовало принести в скании «жертву повинности», после чего он получал от священнослужителя прощение [2, 19:20–22].

Ветхозаветные нормы не только осуждали похоть и сексуальную распущенность мужей и воспрещали им внебрачные сексуальные связи, но и тех из них, кто в них вступал, характеризовали как лиц, «у которых нет ума» и которые тем самым «губят свою душу» [2, 20:10].

Эти нормы предупреждали мужа, который намеревался совершить прелюбодеяние, что его ожидают «побои и позор… и что бесчестие его не изгладится, потому (что) ревность и ярость мужа (прелюбодейки) не пощадят его в день мщения, не примет (он) никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты не умножал даров» [4, 22:23–27].

Иное наказание ожидало мужа, если он вступал в сексуальные отношения с «отроковицей обрученной», но еще не женой. Если такое действо имело место в городе и отроковица при этом не кричала, то их обоих следовало «привести к воротам того города и побить их камнями до смерти». Когда же совокупление происходило в поле, то забиванию подвергался только муж, а отроковица не считалась виновной, потому что даже если она и кричала, то некому было спасти ее [3, 22:23–27].

Более легкое наказание должно было следовать для мужа, совершившего прелюбодеяние «с девицею необрученною». Причем оно не зависело от того, кричала она или не кричала при этом, и от того, где оно происходило. В этом случае он должен был уплатить ее отцу 50 сиклей серебра и взять ее в жены без права на развод с нею, «потому что он опорочил ее» [3, 22:28, 29].

Очень суровое наказание ожидало и мужа, и замужнюю женщину, если между ними имело место сексуальное общение: «Если кто будет прелюбодействовать с женою замужнею.., да будут преданы смерти и любодей, и любодейка» [2, 20:10].

В Ветхом Завете имелось предупреждение мужу, который намеревался совершить прелюбодеяние и надеялся на то, что «никто не увидит меня», при этом и поэтому «всевышний не вспомянет греха моего и не накажет». «Ему (богу), – подчер-

кивалось в Ветхом Завете, – известно было все прежде, нежели сотворено было, ровно как и по совершении такой человек будет наказан (богом)» [5, 23:24–30].

В «Книге премудрости (пророка) Иисуса Сирахова сына» давались рекомендации мужьям, как им избежать блуда вне семьи. Для этого им не следовало «выходить навстречу развратной женщине, не оставаться долго с девицею, чтобы не плениться ее искусством обольщения, не засматриваться на девицу, чтобы не соблазниться ее прелестями, не отдавать души своей блудницам».

Кроме того, мужьям во избежание блуда предлагалось «не смотреть по сторонам на улицах города и не бродить в нем по пустырям; не сидеть с чужой женой, не оставаться с нею на пиру за вином» и помнить, что многие мужчины встали на путь блуда «чрез красоту женскую: от нее, как огонь, загорается любовь» [5, 9:3–10].

Утверждалось, что тщетной является попытка жены-прелюбодейки скрыть, что она «произвела наследника от чужого». Следствием ее прелюбодеяния должно было стать то, что «дети ее не укоренятся и ветви ее не дадут плода и она оставит память о себе на проклятие и позор ее не изгладится» [5, 23:31–35].

Если муж подозревал жену в измене, он должен был для установления истины поступить так, как ему предписывал ветхозаветный «Закон о ревновании: когда жена изменяет мужу и осквернена или когда на мужа найдет дух ревности и он будет ревновать жену свою» [6, 5:29–30].

В этом случае ему надлежало привести жену к священнослужителю в сканию, прихватив для жертвы богу десятую часть ефы ячменной муки. Там левит изготовлял раствор из «священной воды» и земли и давал его выпить подозреваемой.

«И когда, – говорилось в законе ревновании, – (священнослужитель) напоит ее водой (раствором), тогда, если она не чиста и сделала преступление против мужа.., то опухнет чрево ее и отпадет лоно, и будет эта жена проклята (и муж может с ней развестись). Если же жена (была) не осквернена и была чиста, то будет невредима (и чрево, и лоно)» [6, 5:11–27].

Важное место в ветхозаветном регулировании внутрисемейных отношений занимали и те предписания, которые упорядочивали и регламентировали «Законом чистоты» сексуальные отношения между супругами. Во время менструаций женщина считалась нечистой.

«Если женщина, – говорилось в этом законе, – имеет истечение крови, текущей из тела ее, то она должна сидеть 7 дней во время очищения своего, и всякий, кто прикоснется к ней, нечист будет.., и все, на что она ляжет в продолжение очищения своего, нечисто, и все на чем сядет, нечисто; и всякий, кто прикоснется к постели ее, должен вымыть одежды свои и омыться водою» [2, 15:19–21, 24].

В ветхозаветном «Законе о чистоте» в связи с этим содержалось следующее предписание мужу: «И к жене во время очищения нечистот ее не приближайся… Если кто ляжет с женою во время болезни кровоочищения.., оба они да будут истреблены из народа своего» [2, 20:18–19].

Жена по истечении 7 дней должна была принести в скании 2 горлицы или 2 голубя «в жертву за (ее) грех», что очищало ее «пред господом от истечения нечистоты ее». После этого она снова была готова к безгрешному сексуальному общению [2, 15:28–29].

Другим важным ветхозаветным религиозно-правовым актом, регламентировавшим сексуальные отношения между супругами, был «Закон о родившей (ребенка)

мужского или женского пола» [2, 12:27]. Рождение женой ребенка считалось греховным и нечистым делом с ее стороны, после чего она являлась и грешницей, и нечистой. И ее муж, и ее дети не должны были к ней прикасаться, поскольку они тоже после этого становились нечистыми.

Для мужа сексуальное общение с нечистой супругой воспрещалось: «Если переспит с нею муж, то нечистота будет и на нем; он тоже нечист будет 7 дней и всякая постель, на которой он ляжет, будет нечистой» [2, 15:20–21, 24].

Продолжительность очищения у роженицы зависела от того, какого пола ребенка она произвела на свет. Если это был мальчик, то оно должно было состоять из 2 этапов: первый продолжался до совершения над ним на восьмой день процесса обрезания крайней плоти. А второй длился 33 дня, во время которых роженица должна была «сидеть, очищаясь от кровей своих». Более продолжительным был процесс очищения у жены, родившей девочку: он продолжался 74 дня.

И в первом, и во втором случае для окончательного очищения роженица должна была в скани принести в жертву богу для искупления своего греха горлицу. После этого священнослужитель объявлял ее чистой, и теперь она могла после посещения миквэ для омовения вступать в интимные отношения с мужем [2, 12:2–7].

Чтобы у супругов не пробуждались сексуальные желания во время, когда между ними сексуальные отношения запрещены, позднейшее еврейское право запретило между ними любые телесные контакты, которые могут привести к их сексуальному возбуждению.

И сейчас в это время им не рекомендуется обниматься, целоваться и прикасаться друг к другу. Супруги должны спать раздельно. Мужу не рекомендуется передавать жене какой-либо предмет в ее руки. Его следует положить на стол, с которого она его заберет. Супругам в эти дни даже не рекомендуется совместно ехать в одном автомобиле. А если это имеет место, то одному из них лучше находиться на заднем сиденье.

После вступления в брак муж и жена становились носителями установленных Ветхим Заветом определенных внутрисемейных прав и обязанностей.

При этом они находились в неравном правовом положении. Муж являлся главой семьи, в подчинении которого находилась жена, которую он имел право воспитывать и наказывать. Ему принадлежала решающая роль при решении всех возникающих в семье вопросов.

Он представлял семью и в ее отношениях с властными структурами, и членами еврейской общины.

На муже лежала обязанность материального обеспечения жены, на уровне его возможностей, но не ниже того уровня, на котором он жил сам. Для этого ему следовало заниматься или земледелием, или ремеслом, или торговлей.

При выполнении мужем своей обязанности по материальному обеспечению семьи ему рекомендовалось соблюдать меру, не стремиться к чрезмерному богатству: «Серебра и золота, – говорилось во Второзаконии, – не умножай себе чрезмерно» [3, 17:17].

Экклесиаст (сын второго иудейского царя Давида и проповедник) так объяснял причины этого: «Кто любит серебро, тот не насытится серебром, и кто любит богатство, тому нет пользы от него. И это суета! И какое благо для владеющего им: разве только смотреть своими глазами? Как вышел он нагим из утробы матери своей, та-

ким и отходит и ничего не возьмет от труда своего… Какая же польза ему? » [7, 5:9, 10, 14].

Отношения между супругами строились по принципу: «Жена не убоится мужа». «Досада, стыд и большой срам, – подчеркивалось в одном из наставлений пророка Иисуса, – мужу, если он не глава жене. Не давай жене власти и если она не ходит под рукою твоею, то отсеки ее от плоти своей (разведись)» [5, 25:24, 28].

Ветхий Завет также рекомендовал мужу «не отдавать жене души твоей, чтоб она не восстала против власти твоей » [5, 9:1,2]. Одновременно при этом ему предлагалось пользоваться своей властью над ней осмотрительно, «не быть слишком строгим и не выставлять себя слишком мудрым», помнить, что «нет человека праведного на земле, который бы делал (только) добро и не грешил бы» [7, 7:16, 20].

Мужу предлагалось «наслаждаться жизнью и женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей и которую дал тебе бог под солнцем на все суетные дни твои» [7, 8:19]. А древнееврейские толкователи Ветхого Завета обязывали мужа по-доброму относиться не только к любимой жене. Они прославляли того мужа, который любит всякую жену как себя, а уважает ее больше себя». По Талмуду мужу перед еврейскими праздниками рекомендовалось приобретать жене нарядную одежду [10, с. 419].

В Торе не очень конкретно определялись обязанности жены в семье, а мудрый царь Соломон так их конкретизировал [4, 31:12–28]:

- жена постоянно должна заботиться о муже и о детях;
- встать еще ночью и готовить еду для семьи;
- наблюдать за хозяйством «в доме своем и не есть хлеба праздности»;
- готовить «двойную одежду» для всей семьи;
- «задумываться о поле… и приобретать от плодов рук своих, насаждать виноградник»;
- помнить, что «красота жены в убранстве дома ее».

Конкретизировались царем Соломоном и ветхозаветные правила этического порядка, которыми тоже следовало руководствоваться жене:

- «она воздает ему (мужу) добром, а не злом во все дни жизни своей»;
- «жена добродетельная радует своего мужа и лета его исполняет миром»;
- «любезность жены услаждает ее мужа»;
- «добрая жена – счастливая доля: с нею и у богатого, и у бедного – сердце довольное и лицо во всякое время веселое»;
- «уста свои открывает с мудростью и краткое наставление на языке ее»;
- «красота жены – веселое лицо и всего вожделенное для мужа, если есть на языке ее приветливость и кротость»;
- «лучше жить в земле пустынной, нежели с женою сварливою и сердитою»;
- «большая беда – жена, преданная пьянству, и она не скроет своего срама» [4, 20:10; 21:19; 26: 2–4, 16].

В Ветхом Завете указывались и те правила, соблюдение которых было обязательно и для мужа, и для жены. Важнейшими из них были те, которые определяли их взаимоотношения с богом Яхве и его заветами:

- «не бесчести имя бога твоего» [5, 18:21];
- «приносите господу жертву мирную.., чтобы приобрести себе (его) благоволение» [2, 19:5];

- «не обращайтесь к идолам и богов литых не делайте себе» [5, 19:4];
- «исполняйте постановления мои и храните законы мои» [5, 25:8].

Имелись в Ветхом Завете и правила морально-этического порядка, которые супругам рекомендовалось соблюдать при общении друг с другом:

- «не обижайте друг друга» [2, 25:17];
- «любящего меня я люблю» [4, 8:17];
- «не замышляй против ближнего своего зла» [4, 3:29];
- «не ссорься с человеком без причины, когда он не сделал тебе зла» [4, 3:30];
- «отверни от себя лживость уст и лукавого языка удали от себя» [4, 4:24];
- «от всякого труда есть прибыль, а от пустословия только ущерб» [4, 14:23];
- «лучше кусок сухого хлеба и с ним мир (в семье), нежели дом, полный заколотого скота, с раздором (ссорой)» [4, 17:1].

Супругу рекомендовалось в случае необходимости защищать жену от грозившей ей опасности со стороны посторонних лиц [8, 21:22]. Одобрялись и действия жены, в том числе физического порядка, когда она стремилась защитить мужа. «Когда дерутся между собою мужчины, – говорилось во Второзаконии, – и жена одного подойдет, чтобы отнять (мужа) из рук бьющего его», она может применять к нему насилие, но при этом «не схватить его за срамной уд» [3, 25:11].

Важным объектом ветхозаветного регулирования внутрисемейных отношений были и взаимоотношения между родителями и детьми. Права и обязанности мужа в его взаимоотношениях со своими детьми определялись достаточно четко, а жены не очень.

Ответственность за подготовку подрастающего поколения в духе иудаизма перед богом и еврейской общиной возлагались на мужа. По всем вопросам, связанным с жизнью и воспитанием детей, решения принимал муж. Он должен был постоянно заботиться о своих детях, растить и оберегать их, обеспечивать им нормальные условия для существования, предоставлять жилище, одежду и питание, готовить их к взрослой жизни.

Однако в Ветхом Завете не было конкретного указания насчет того, до какого их возраста он должен это делать. Первоначально древнееврейские толкователи приняли по этому вопросу обязующее постановление, согласно которому отец должен был содержать и воспитывать детей до 6 лет. Позже Сангедрин (главный суд Иудеи) постановил, что отцу это следует делать до взросления своих детей – сына до 13, а дочери – до 12 лет [11].

В личные права, предоставлявшиеся детям, входило право знать своих родителей, жить и воспитываться в их семье, право на их заботу. Однако они не имели права на выражение своего мнения перед родителями и на уважение своего достоинства с их стороны.

Из имущественных прав дети пользовались не только правом на получение от отца материального содержания. Они также имели право на владение имуществом отца при его им разделе и в порядке его наследования. Но они не могли самостоятельно вступать в имущественные отношения и заключать деловые сделки. Правовой статус детей в этой сфере не был одинаковым. Особые имущественные права при этом имел старший сын.

В одной из статей Ветхого Завета говорилось о том, что если у мужа 2 жены – одна любимая, а другая нет, которые родили ему по сыну, то правом первородства

должен пользоваться сын нелюбимой. Поэтому отце при разделе своего имущества и при наследовании должен выделить ему двойную долю, так как он «начаток силы его» [3, 21:15–17].

В своих отношениях с родителями детям следовало руководствоваться следующими ветхозаветными наставлениями, в том числе морально-этического порядка:

- дети должны исполнять все, что им в этом отношении предписывал Ветхий Завет;

- при возникновении противоречий между предписаниями Ветхого Завета и требованиями родителей детям следовало руководствоваться первыми;

- «храни заповедь отца твоего и не оставляй матери твоей» [4, 6:20];

- «бойтесь каждый матери своей и отца твоего» [2, 19:13];

- «почитай отца твоего и мать твою, (чтобы тебе было хорошо) и чтобы продлить дни твои на земле» [8, 20:12];

- «не спорь с родителями и не отзывайся о них дурно», «ибо проклят злословящий отца своего и матерь свою» [3, 27:16];

- «прими отца твоего в старости и не огорчай в жизни его… Оставляющий отца – то же, что богохульник, и проклят от господа раздражающий мать свою» [7, 3:12-16];

- «кто ударит отца своего или мать свою, того предать смерти» [8, 21:15];

- «говори юноша, если нужно тебе, едва 2 слова, когда будешь спрошен; говори главное, многое в немногих словах. Будь как знающий и вместе с тем умеющий молчать» [5, 32:9–10];

- «пред лицом седого вставай и почитай лицо старца» [2, 21:32].

Одним из объектов ветхозаветного регулирования внутрисемейных отношений было воспитание детей в семье. Основная роль при этом отводилась отцу, а об участии в нем матери почти ничего не говорилось. Имевшиеся в связи с этим предписания отцу значительно различались в отношении воспитания сына и дочери.

Ветхий Завет предписывал каждому отцу прежде всего заниматься воспитанием сына: «Стыд отцу – рождение невоспитанного сына» [5, 22:3, 5]. Подчеркивалось, что если он будет в этом отношении игнорировать свои родительские обязанности, то будет иметь «огорчение в непристойных поступках его».

Отмечались и те благоприятные последствия для отца, если он будет должным образом «трудиться над сыном». В этом случае отец будет иметь от него своевременную помощь, когда она от него потребуется, а также сможет «среди знакомых хвалиться им». Кроме того, это даст ему возможность «возбуждать зависть у врага, а перед друзьями радоваться о нем».

Чтобы сыновья были должным образом воспитаны, отцу следовало их учить, причем верхний предел такого обучения не ограничивался: «Есть у тебя сыновья? Учи их с юности» [5, 7:25]. Ветхий завет предписывал отцу не перманентно, а постоянно «трудиться над сыном», не пускать воспитательный процесс на самотек.

Давались в Ветхом завете и конкретные предписания отцу о том, как ему достичь позитивных результатов в воспитании сына. Чтобы он не был дерзким и упрямым, «как необъезженный конь», отцу следовало не давать ему возможности поступать по своему усмотрению, своевременно реагировать на его неразумные поступки: «Не давай ему воли в юности и не потворствуй неразумению его..., не давай власти над собой» [3, 33:19].

Важную роль в воспитании должно было играть временное наказание сына за неповиновение и игнорирование им наставлений отца: «Чаще наказывай его, чтобы в последствие утешаться им». Положительный характер отношения отца к сыну, степень его родительской любви Ветхим Заветом определялись тем, насколько он в процессе его воспитания использует физическое насилие: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына, а кто любит, тот с детства наказывает его» [4, 13:25].

При физическом наказании сына отцу рекомендовалось не жалеть его, при этом помнить, что «если накажешь его розгою, он не умрет.... и спасешь душу его от преисподней» [4, 23:13, 14].

Наказание сына за неповиновение и за неправедные и неразумные проступки Ветхим Заветом дозволялось не только розгою: «Нагибай выю его в юности и сокрушай ребра его, доколе оно молодо, дабы, сделавшись упорным, оно не вышло из повиновения».

При воспитании сына отцу рекомендовалось всегда быть строгим, не проявлять при этом мягкосердечие, потому что если «лелеять дитя, оно устрашит тебя», а когда будешь «играть с ним, оно опечалит тебя». Отцу также предписывалось «не смеяться с сыном, чтобы не горевать с ним и после не скрежетать зубами своими», не прощать проступков и неразумных действий [5, 32:1–13].

«Сына буйного и непокорного, неповинующегося голосу отца своего и матери своей», игнорирующего их наставления и на которого не действовали принимавшиеся ими для его исправления меры, ожидало предусмотренное Второзаконием наказание. Такого сына родители должны были привести к старейшинам своего населенного пункта и заявить им: «Сей сын наш буен и непокорен, не слушает слов наших, мот и пьяница». Если уговоры старейшин на него не действовали, то «все жители» должны были «побить его камнями до смерти». Считалось, что такое суровое наказание будет иметь воспитательное значение и для других непослушных сынов, поскольку они «услышат и убоятся» [3, 21:20–21].

Основной целью отцовского воспитания было привитие сыновьям установлений Ветхого Завета и постоянного стремления к их исполнению. Для этого отцу предписывалось постоянно воздействовать на них в этом направлении: «Учи им (заветам) сыновей своих, говоря о них, когда ты сидишь в доме твоем и когда идешь дорогою, и когда ложишься, и когда встаешь, и напиши их на косяках дома твоего» [3, 11:19].

Воспитав должным образом сына, отец тем самым подготовил себе достойную смену. «Умер отец, – подчеркивалось в «Книге (пророка) Иисуса сына Навина», – и как будто не умирал, ибо оставил по себе подобного себе; для врагов он оставил мстителя, а для друзей – воздающего благодарность» [5, 30:4–6].

Отдельно Ветхим Заветом устанавливались обязанности отца по воспитанию дочери. При этом подчеркивалось, что дочь для него «тайная постоянная забота» и что «попечение о ней не дает ему спокойно спать».

Основным в воспитании дочери была подготовка ее к замужеству. А главным в нем было сохранение до него ею невинности. В связи с этим в Левите было такое обращенное к отцу предписание: «Не допускай дочери твоей, допуская ее до блуда, чтобы не блудодействовала земля и не наполнилась земля развратом» [2, 19:29]. Подобное предусматривалось и Второзаконием: «Не должно быть блудниц из дочерей Израилевых» [3, 23:17].

А в «Книге премудрости (пророка) Иисуса сына Сирахова» подчеркивалось, что пока дочь находится на родительском попечении («в детстве»), главной обязанностью отца является забота о том, «как бы не отцвела и не осквернилась, и не сделалась беременною в отцовском доме» [5, 42:9,10].

Утратившая невинность дочь могла выйти замуж только в том случае, если ее будущий муж соглашался взять ее такой себе в жены. Особенно недопустимым считалось блудодеяние дочери священнослужителя, поскольку она этим бесчестила своего отца. Поэтому ее за блудодеяние предписывалось сжечь [2, 21:9].

Отцу рекомендовалось держать дочь в строгости, «не показывать ей веселости своего лица». А также постоянно следить за ее поведением и в случае необходимости «поставить крепкую стражу, чтобы она, улучивши послабление, не злоупотребила собою» [5, 26:11].

Отец должен был заботиться не только о том, чтобы его дочь была непорочной, но и том, чтобы она была стыдливой, потому что бесстыдная и наглая дочь – печаль родившему «и позорит его» [7, 22:3–5].

Если дочь не отличалась стыдливостью, отцу предлагалось усилить над нею надзор, «чтоб она не сделала тебя посмешищем для врагов, притчею в городе и упреком в народе и не осквернила тебя перед обществом» [5, 42:11].

Воспитание дочери заканчивалось выходом ее замуж. В Ветхом Завете подчеркивалось, что «разумная дочь (сама) приобретает себе мужа». Если же она разумом не отличалась, то об этом должен был позаботиться отец, «подарив ее мужу разумному» [5, 26:27]. Обращалось также внимание отца на то, что выдать ему замуж бесстыдную и наглую дочь будет трудно, поскольку она позорит не только его, но и ее будущего мужа и все ее презирают [5, 22:3–5].

Забота отца о достойном моральном уровне дочери не должна была заканчиваться и после выдачи ее замуж. Он должен был и после этого следить за тем, «чтобы она не нарушала супружеской верности и в сожительстве с мужем не осталась бесплодною» [5, 42:10].

Обязательным для мужа, жены и других членов семьи было строгое соблюдение ими всех установленных заветами Яхве религиозных праздников. В соответствии с ними они могли без всяких ограничений «шесть дней подряд делать свои дела» – домашние, в поле, на винограднике, в саду, при строительстве, в торговле, по найму и т. д.

А каждый седьмой день – суббота – должен был для них являться «днем покоя», который нельзя было нарушать: «И субботы мои храните» [2, 19:3], потому что они «знамение между мною (Яхве) и сынами Израилевыми навеки, потому что в шесть дней сотворил господь небо и землю, а в седьмой почил и покоился» [8, 31:17].

В субботу членам семьи запрещался любой труд, им даже не дозволялось разжигать огонь в печи для приготовления еды, наказывать провинившихся детей, поднять найденный кошелек, вступать в сексуальные отношения. Всякого, нарушившего «завет вечный» о «субботе покоя», по Ветхому Завету ожидало не только божье, но и самое суровое земное наказание: «Всякий, кто сделает дело в день субботний, да будет предан смерти» [8, 31:15–16].

Одним из главных религиозных праздников, который ежегодно должны были отмечать члены семьи, был праздник Пасхи, происхождение которого было связано с исходом евреев из Египта. В одном из заветов Яхве пророку Моисею во время

этого праздника предписывалось «веселиться пред господом, богом твоим, ты и сын твой и раб твой». В праздновании должны были принимать участие и левит, и пришелец, и сирота, и вдова, которые во время его оказывались в жилище семьи [3, 16:11].

Ее члены активно ежегодно отмечали и другие религиозные праздники, в том числе праздник кущей, праздник опресноков и праздник седмицы. Все праздники отмечались не только весельем и пирами, но и во время их нужно было являться «пред лицом господа» – в сканию – и не с пустыми руками: «каждый с даром в руке» для жертвоприношения богу [3, 16:16].

Особым, но разовым семейным праздником был восьмой день после рождения мальчика, когда у него производилось обрезание. Это производилось в соответствие с заветом Яхве о том, что надо «обрезать весь мужской пол.., его крайнюю плоть», чтобы это было «знамением завета между мною (Яхве) и вами (древними евреями)» [9, 17:10–11].

Этому обрезанию придавалось большое значение. Еврей, в отношении которого в свое время оно не было произведено, являлся неполноправным членом еврейской общины. Он не мог принимать участие в суде и самоуправлении и вступать в брак.

И муж, и жена должны были соблюдать во время приготовления и использования еды правила и ограничения, которые устанавливались ветхозаветным «Законом о скоте, о птицах, о всех животных, живущих в водах, пресмыкающихся на земле» [2, 11:46].

В соответствии с ним они разделялись на чистых, мясо которых дозволялось употреблять для еды, и нечистых, мясо которых есть было нельзя [2, 11:47].

Закон дозволял евреям есть мясо тех жвачных животных, у которых были раздвоены копыта и на копытах имелся глубокий разрез. А употребление мяса тех жвачных, которые не имели раздвоенных копыт (свиней, зайцев, тушканчиков, верблюдов) запрещалось.

Из животных и птиц, живущих в воде и воздухе, евреи могли использовать для еды тех из них, у которых были чешуя и перья. Но исключение при этом составляли орлы, лебеди, грифы, коршуны, соколы, вороны, пеликаны и цапли [2, 11:9, 13].

Мясо нечистых животных и птиц не только нельзя было употреблять в пищу. «Если же, – говорилось в законе, – какое-нибудь из них упадет на какой-нибудь глиняный сосуд, то находящееся в нем будет нечисто и сам сосуд разбейте», а «печь и очаг (в этом случае) должно разломать.., они нечисты» [2, 11:33,35].

Содержались в указанном законе и положения, которые устанавливали правила шехиты – обязательного для евреев ритуального убоя дозволенного для употребления скота.

По результатам убоя животных, их мясо разделялось на кошерное – пригодное для еды, и некошерное, использование которого для нее воспрещалось.

По завету Яхве евреи не могли употреблять в качестве еды кровь «чистых» животных и птиц. В нем разъяснялось, что «душа тела в крови и я (бог) назначил ее вам для жертвенника, чтобы очистить души ваши, ибо кровь сия душу очищает» [5, 17:11].

Поэтому евреи при приготовлении кошерной еды из мяса «чистых» животных и птиц должны были после их убоя спустить их них кровь и покрыть ее землею [2, 17:13].

Были в Ветхом Завете и предписания морально-этического порядка, имевшие отношение к процессу употребления евреями еды.

Они рекомендовали им, севши за стол, «не раскрывать на него гортани», «есть как человек», «не протягивать своей руки прежде других», «не быть алчным», «не пресыщаться» и «переставать есть первым из вежливости».

Подчеркивалось, что так должен поступать во время еды всякий «благовоспитанный» еврей, и что это принесет ему только пользу: он не будет страдать одышкою, бессонницей, холерой и «резью животе, которая бывает у человека ненасытного» [5, 31:13, 18–21,23].

Употребление вина Ветхим Заветом не воспрещалось: «Будем же наслаждаться благами.., преисполнимся дорогим вином.., везде оставим следы веселия, ибо это наша доля» [5, 2:6–9]. Но одновременно подчеркивалось, что при винопитии «отрада сердцу и утешение душе» имеют место лишь, когда вино употребляется «умеренно и вовремя». А когда пью его много и не вовремя, особенно «при раздражении и ссоре», может привести к негативным последствиям – «к увеличению ярости неразумного до преткновения», особенно «при раздражении и ссоре». Чтобы этого избежать, евреям рекомендовалось «не быть среди упившихся.., не говорить им оскорбительных слов и не пренебрегать их требованиями» [5, 31:30–37].

Вопреки предписаниям Ветхого Завета о всеобщем состоянии евреев в браке не все древнееврейские семьи отличались устойчивостью и стабильностью, что иногда приводило к их разрушению. Это должно было происходить без административного и судебного разбирательства решения.

Неограниченное право на расторжение брака имел только муж: он мог в любое время, найдя в своей жене «что-нибудь противное», им воспользоваться, не обращая внимание на то, как она к этому относится [3, 24:1].

В Ветхом Завете имелась специальная статья, в которой регламентировался процесс прекращения брачного состояния. Чтобы избавиться от жены, муж должен был «написать ей разводное письмо, дать ей в руки и отпустить ее из дома своего» [3, 24:1].

Сначала муж должен был нанять писца для его изготовления в присутствии свидетелей. Затем муж бросал разводное письмо в руки жене. После этого жена обходила комнату одна, что символизировало о том, что она теперь обрела новый независимый статус. Затем раввин ей говорил о том, что она снова может выйти замуж через 90 дней – иначе могут возникнуть проблемы с установлением отцовства, если она забеременеет [12, с. 521].

Стремясь уменьшить количество разводов, пророк Иисус (сын Сирахова) рекомендовал мужьям не торопиться с разводом, учитывать при этом достоинства жены: «Не оставляй умной и доброй жены, ибо достоинства ее драгоценнее золота. Есть у тебя жена по душе, не отгоняй ее» [5, 7:21,28].

В Ветхом Завете Библии имелись многочисленные правовые, религиозно-правовые, религиозные и морально-этические предписания, которые использовались для регламентации семейных отношений в Иудее и Израиле. Это привело к исчезновению среди древних евреев промискуитета, к упорядочению и стабилизации семейных отношений.

Семья в Ветхом Завете трактовалась как одно из необходимых служений богу. Однако такая высокая ее оценка сочеталась в нем с вполне здравым взглядом на че-

ловеческую природу и на то, что люди в семье не всегда способны ужиться друг с другом. Поэтому хоть развод и не поощрялся, но и не воспрещался.

Список литературы:

1. Библия или книги священного писания Ветхого и Нового завета. – С параллельными местами. – Издание одиннадцатое. – С благословения святейшего правительствующего Синода. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1913. – 1548 с.
2. Библия. Ветхий завет. Левит.
3. Библия. Ветхий завет. Второзаконие.
4. Библия. Ветхий завет. Книга притчей Соломоновых.
5. Библия. Ветхий завет. Книга премудрости (пророка) Иисуса сына Сирахова.
6. Библия. Ветхий завет. Числа.
7. Библия. Ветхий завет. Книга Экклесиаста или проповедника (Слово Экклесиаста сына Давидова царя в Иерусалиме).
8. Библия. Ветхий завет. Исход.
9. Библия. Ветхий завет. Бытие.
10. Талмуд [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.jewish.gu/educatio/talmud/talmud01.htm .
11. Дашевский З. Курс «Законы семьи» [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.machanaim.org/yearreun/dachbrak/lek9.htm .
12. Телушкин И. Древнееврейский мир: Важнейшие сведения о еврейском народе, его истории и религии. – М.: Лехаим, 1998. – 574 с.

Kashchenko S. G., Taran P. E. A regulation of the intrafamily relations in the Old Testament of the Bible // Sci-entific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 66–77.

The Old Testament of the Bible contains the early history of the Jews and various ways of influencing the social, including intrafamily relations. The article deals with numerous Old Testament prescriptions of the legal, religious and moral-ethical character, which were used to regulate intrafamily relations among the ancient Jews. This led to the elimination of their promiscuity and to the ordering and stabilization of family relations.

Key words: Bible, Old Testament, Torah, Genesis, Exodus, Leviticus, Deuteronomy, Solomon, Ecclesiastes, law, testament, sanctuary.

Spisok literatury

1.Bibliya ili knigi svyashchennogo pisaniya Vethogo i Novogo zaveta. – S parallel'nymi mestami. – Iz-danie odinnadcatoe. – S blagosloveniya svyatejshego pravitel'stvuyushchego Sinoda. – Sankt-Peterburg: Sinodal'naya tipografiya, 1913. – 1548 s.
2.Bibliya. Vethij zavet. Levit.
3.Bibliya. Vethij zavet. Vtorozakonie.
4.Bibliya. Vethij zavet. Kniga pritchej Solomonovyh.
5.Bibliya. Vethij zavet. Kniga premudrosti (proroka) Iisusa syna Sirahova.
6.Bibliya. Vethij zavet. CHisla.
7.Bibliya. Vethij zavet. Kniga EHkklesiasta ili propovednika (Slovo EHkklesiasta syna Davidova carya v Ierusalime).
8.Bibliya. Vethij zavet. Iskhod.
9.Bibliya. Vethij zavet. Bytie.
10. Talmud. - [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: www.jewish.gu/educatio/talmud/talmud01.htm .
11. Dashevskij Z. Kurs «Zakony sem'i». – [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: www.machanaim.org/yearreun/dachbrak/lek9.htm .
12.Telushkin I. Drevneevrejskij mir: Vazhnejshie svedeniya o evrejskom narode, ego istorii i religii. – M.: Lekhaim, 1998. – 574 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 78–84.

УДК 34:656.073«20»

ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОГРУЗОЧНЫХ РАБОТ АКЦИОНЕРНЫМ ОБЩЕСТВОМ «ЭКСПОРТХЛЕБ» В 1923 Г.

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье указано, что 30 апреля 1923 г. был утвержден устав акционерного общества Экспортхлеб, получившего монопольное право на продажи зерновых продуктов из СССР за рубеж. При организации АО «Экспортхлеб» не были заранее продуманы и спланированы погрузочно-разгрузочные операции, который в этот период осуществляли различные как частные, так и государственные организации. Дополнительно осложнялась ситуация отсутствием современных технических средств погрузки и доставки грузов, сложностями с восстановлением и эксплуатацией имеющихся таких средств. Ставки на производство разного типа работ по экспорту хлеба, в том числе и в морских торговых портах, в 1923 г. разрабатывались и внедрялись Наркоматом транспорта.

Ключевые слова: Экспортхлеб, погрузочные и разгрузочные операции, морской торговый порт.

В 1920–1930-х гг. важную роль в деятельности морских торговых портов играли различные акционерные общества, занимающиеся экспортными операциями. В зависимости от того, что больше отгружалось из того или иного порта, развивалась и портовая инфраструктура, нередко получавшая узкую специализацию [1]. К тому же отдельными нормативными актами закреплялось такое разделение [2; 3].

Одним из наиболее известных из таких обществ был «Экспортхлеб», устав которого был утвержден СНК РСФСР 30 апреля 1923 г. Цель АО: продажа хлебофуражных продуктов за границу от русских экспортеров; хранение, транспортировка и сдача этих продуктов заграничным покупателям.

Учредителями общества стали Народный комиссариат внешней торговли, Государственный банк, Всероссийский центральный союз потребительских обществ, акционерное общество торговли хлебными и другими сельскохозяйственными продуктами «Хлебопродукт», Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации и Всероссийский кооперативный банк.

Основной капитал АО «Экспортхлеб» был определен в сто тысяч червонцев, разделенных на 2000 акций по 50 червонцев каждая [4].

Специальным постановлением от 28 июля 1923 г. СНК СССР предоставило «Экспортхлебу» «монопольное право вывоза за границу всевозможных хлебных и масляничных продуктов как в сыром, так и в обработанном виде» [5, л. 63].

Свою деятельность «Экспортхлеб» открыл с 15 августа этого же года. Правление общества размещалось в Москве, на ул. Тверской и площ. Революции, д. 1/21. Состав правления был такой: председатель правления и президиума – Красин Л. Б., его заместители – Шейнман А. Л., Смирнов А. П. Директор-распорядитель – Пригарин А. В.

«Экспортхлеб» организовал отделения в России: в Петрограде, Новороссийске, Феодосии, Мариуполе, Николаеве и Одессе; за границей: в Копенгагене, Гамбурге, Риге и Ревеле; бюро – в Берлине; представительства: в Англии (Аркос), Италии, Турции, Швеции, Норвегии, Финляндии [5, л. 19].

План организации экспорта хлеба АО «Экспортхлеб» был утвержден правлением 11 июля 1923 г. Им, в частности, предусматривалось, что основой деятельности дирекции «Экспортхлеба» является утвержденный особой полномочной комиссией при СТО план хлебного экспорта на 1923–1924 гг. Организации, вошедшие в контингент по плану, утвержденному СТО на 1923–1924 г., должны были представить к 15 июля «Экспортхлебу» ориентировочный план своей заготовительной деятельности по реализации урожая текущего года на период с 1 августа по 31 декабря 1923 г. и вместе с тем обязывались с 1 сентября предъявлять «Экспортхлебу» свои реальные планы (заявки) на экспорт хлеба на 6-недельный срок.

В плане (заявке) следовало предусмотреть: а) род и количество по каждой культуре хлебопродуктов в отдельности; б) районы заготовки и пункты концентрации (вывозные порты) с указанием ж/д линий или речных путей. Эти сведения являются для «Экспортхлеба» подсобным ориентировочным материалом; в) себестоимость хлебопродуктов в порто-франко или на пограничном пункте.

Ответственность за сохранность и своевременное продвижение экспортного хлеба от станции погрузки до порта назначения или сухопутного передаточного пункта возлагалась полностью на собственника груза.

Хлебоэкспортные грузы, прибывающие на адрес «Экспортхлеба», выкупались с согласия последнего конторой «Экспортхлеба» с оформлением за счет комитета в особых актах и документах (коммерческие акты, акты экспертизы) всех дефектов груза. Все эти акты и документы передавались владельцу груза.

Приемку зерна по качеству следовало производить по сертификатам хлебной инспекции Наркомпрода или по спецификации хлебозаготовительных организаций, если приемщик их не оспаривал. В соответствии с данными спецификациями или сертификатом приемщик назначал пункт выгрузки.

В случае оспаривания сертификата или спецификации при вскрытии вагона из него полагалось брать среднюю пробу, укладывать ее в особый мешочек и накладывать пломбы приемщика и сдатчика. Означенный образец с отметкой на мешке и ярлыком, с пометкой к какому вагону данная проба относится, поступал для совместного анализа. В этом случае пункт выгрузки назначался приемщиком «Экспортхлеба» за его личной ответственностью.

В случае разногласий при составлении акта о приемке между хлебозаготовительной организацией и «Экспортхлебом» относительно количества и качества принимаемого продукта спорный вопрос передавался на разрешение местной хлебной арбитражной комиссии, деятельность которой определялась особыми положениями.

«Экспортхлеб» обязан был входить в соглашение с НКПС о предоставлении грузополучателю права взятия проб из всех прибывающих в порт или пограничный пункт вагонов независимо от выкупа.

Грузы, прибывшие на адрес «Экспортхлеба», распоряжением конторы последнего выгружались в указываемом им помещении в зависимости от рода и качества хлебопродукта, причем помещения для выгрузки некондиционного хлеба и требу-

ющего переработки должны были быть по возможности приспособлены к хранению грузов без смешения различных партий.

Приемку экспортных грузов как со складов владельцев, так и на склады следовало производить тем же порядком, как и прибывающих в порт вагонов.

Приемка грузов от их владельцев производилась «Экспортхлебом» так: а) в приемке груза за подписями приемщика и сдатчика выдается грузовладельцу приемная расписка по установленной форме с обозначением количества и качества и с немедленным оформлением приемки в особых квитанциях в конторе «Экспортхлеба»; б) на основании приемных расписок составлялись в местной конторе акты приемки на бланках установленной формы, с выдачей дубликата ее заготовителю, в квитанцию комитету выписывалось количество, поступившее на склады, в зависимости от стандарта по принятому у него качеству; в) «Экспортхлеб входил» в соглашение с Госбанком о принятии последним к учету выдаваемых владельцам документов; г) грузы, подлежащие переработке, ссыпали в склады, специально для этой цели предназначенные, в зависимости от характера переработки, и перерабатывались за счет комитетов, которым выдавалась предварительная квитанция на принятое количество и качество; д) количество зерна, полученное от переработки, распределялось между комитетами пропорционально первоначально принятому количеству и качеству, при этом в распоряжение комитетов передавалось соответствующее количество отходов по тому же принципу; е) на принятое таким образом зерно, полученное после переработки, в указанной выше пропорции, выдавалась комитету окончательная приемная квитанция и дальнейший расчет с комитетом производился на основании этой окончательной квитанции; ж) при поступлении некондиционного зерна комитет мог перерабатывать его и на своих складах применительно к установленным нормам (стандартам) своими средствами и за свой счет.

За все убытки, связанные с несвоевременным выкупом или несвоевременной переадресовкой грузов, прибывающих в адрес «Экспортхлеба» с его согласия хотя и некондиционного качества, отвечал «Экспортхлеб».

В тех случаях, когда данная партия хлеба по своим высоким качествам не укладывалась ни в один из типов или классов действующей классификации, то по заявлению комитетов он мог храниться в необозначенном виде, с возложением на комитет всех дополнительных расходов по хранению и т. д.

Прибывшее в адрес «Экспортхлеба» и погруженное на пароход зерно распределялось комитетом по принципу строгой очередности в зависимости от поступления его по каждому стандарту отдельно и соответственно количеству данной организации и данного стандарта, имевшемуся на лицо в момент погрузки, если не последовало отдельного соглашения между владельцем груза и «Экспортхлебом» или если не было особого постановления правления «Экспортхлеба».

Если хлеб находился на складе хлебозаготовительной организации, то последняя могла грузить своими силами и средствами, причем в этом случае на нее целиком падала полная материальная ответственность за срочность погрузки со всеми вытекающими из нее последствиями.

К обязанностям дирекции «Экспортхлеба» относилась также организация наблюдения и ответственность за продвижением экспортируемого хлеба по заграничным ж/д и водным путям с момента приятия груза на пограничном передаточном пункте и до сдачи его покупателю, т. е.: а) выполнение таможенных формаль-

ностей; б) расчеты по провозной плате с заграничными транспортными органами (поскольку они не закончены при отправлении); в)страхование груза по заграничным путям сообщения по поручению комитета и если груз уже не застрахован; г) перегон груза через границу и перегрузка; д) выкуп и выгрузка в пункте назначения за границей; е) составление в надлежащих случаях актов, фиксирующих неисправности транспорта заграницей и ведение претензионных дел по таким актам с заграничными транспортными органами [6, л. 11–13].

С целью активизации деятельности «Экспортхлеба» в порту г. Николаева в октябре 1923 г. была начата организация постройки элеватора Госбанка [5, л. 235]. Первым делом была организована лаборатория элеватора, в которой производилось определение только натуры зерна и его засоренности, при этом то и другое делается неправильно. Влажность зерна не определялась, что лишало возможность администрации элеватора следить за состоянием зерна во время его хранения [7, л. 10–11].

В ходе подготовки к экспортной компании зерна 26 июля 1923 г. уполномоченному Укрэкспортхлеба в Николаеве Наркомтранс сообщил следующие ставки на производство разного типа работ по экспорту хлеба:

1. съемка и вес зерна при условии веса мешка от 4–5 пудов – 0,40 коп. с пуда;

2. погрузка на телеги при условии хода не более 10 саж. и веса мешка от 4–5 пуд. – 045 коп. с пуда;

3. погрузка с телеги на пароход, при условии горизонтального хода не более 10 саж. и веса мешка от 4–5 пуд. – 0,45 коп. с пуда;

4. за выход на пароход в вертикальном положении за каждую сажень засчитывается на основную ставку 5 %;

6. погрузка из вагонов на пароход зернохлеба в мешках – 0,45 коп. с пуда;

7. за набивки в мешки при погрузке из вагонов на пароход насчитывается 20 % на основную ставку;

8. выгрузка зерна из вагонов в воронку элеватора – 0,19 коп. с пуда.

9. выгрузка зерна с подвод в воронку элеватора – 0,45 коп. с пуда;

10.перекатка вагонов на расстоянии 35 саж.: груженых – 36 коп. с вагона и порож. – 18 коп.;

11. шкивка в пароход – 0,13 коп. с пуда;

12. вертикал на партию в магазинах по доске за каждый аршин – 20 % на основную ставку.

Все вышеперечисленные ставки на переработку экспортируемого хлеба не предусматривали каких-либо других вариантов в ставках союза РМТ: бордюров, ступенек, арфы на пароходе и т. п. но, предупреждалось, что если таковые будут иметь место, то начисления тоже будут производится согласно тарифа.

Вышеуказанные ставки исчислялись в товарных рублях и в эти исчисления входили все процентные начисления [8, л. 1].

Существовали и иные организации, занимающиеся предоставлением услуг подобного рода. Так, к примеру, Николаевское отделение одесского Губтранса предлагало свои услуги по выгрузке, погрузке зерна для экспорта, включая работы экспедиторов, т. е. по выкупу вагонов и наблюдению прибытия таковых, необходимые для вышеуказанной операции мешки и брезенты Окртранс не представлял в связи с их отсутствием, весь же прочий инвентарь – кадки, мерки, лопаты и т. п. – Окртранс предоставлял. Кроме того, сообщалось, что:

1. за выгрузку зерна в воронки элеватора, принимая во внимание прокатку порожних груженных вагонов, с 1000 пудов Окртранс взимал в товарных рублях 3 р. 55 коп.;

2. за выгрузку зерна из вагонов на пароход, принимая во внимание вертикал на пароход, дальний ход, прокладку порожних и груженных вагонов, с 1000 пудов взимал в товарных рублях 25 руб.;

3. за загрузку зерна из вагонов в магазины, принимая во внимание дальний ход, вертикал на партию, прокатку порожних и груженых вагонов, с 1000 пудов взималось (без перевески) в товарных рублях 19 р. 05 коп. тоже с перевеской в товарных рублях 24 р. 75 коп.;

4. за погрузку из магазина на пароход, принимая во внимание перевеску в магазиноукладку на подводы, перевозку, сгрузку с подвод вертикал на пароход и дальний ход, с 1000 пудов взималось в товарных рублях 36 р. 60 коп.

Все же ненормальности или неясности, которые могли возникнуть при выполнении той или иной работы, предлагалось устранять и регулировать совместно с «Экспортхлебом», не тормозя хода работы [8, л. 2].

Параллельно с этим уполномоченному «Экспортхлеба» в Николаеве Никокртранс предложил взять на себя выполнение работ по перевозке гужевым транспортов экспортируемого зерно-хлеба по таким ставкам:

1. перевозку с магазинов «Экспортхлеба», находящихся на Мельничной и Заводской ул., к пароходам, стоящим в заграничном порту, – по 5/8 коп.;

2. перевозку хлебных грузов с элеватора и заграничного порта в магазины, находящиеся в указанном п. 1 месте, по ¾ коп.;

3. перевозку всех хлебных грузов с каботажной гавани и вокзала в магазины, находящиеся в указанном в п. 1 месте, – 1,4 коп.;

4. перевозку легковесных грузов по 1 р. 50 коп. с пароконной платформы за один конец в городе, вокзале и порту;

5. за все поименованные в п. 1, 2, 3 и 4 работы, которым расценка произведена в товарных рублях, «Укрэкспорт» хлеба также производил оплату по курсу товарного рубля в день предъявления счетов на произведенные работы с переводом на курс червонцев. При этом вышеуказанные цены действовали по 1 сентября 1923 г. [8, л. 3].

Кроме чисто погрузочных работ, «Экспортхлебу» в порту Николаева необходимо было согласовать свою деятельность с работой и условиями (материальными) торгового порта. Исходя из этого, Николаевская контора «Укрэкспортхлеба» сообщала «Экспортхлебу» в Москву 18 июля 1923 г. о том, что причальная линия 2-х набережных (Коммерческой и В. Международного о-ва) Николаевского морпорта допускала причал полным лагом 10 судов, 500 фут. длиной с 26 фут. осадкой. У каботажной и городской набережных молит причалить еще около 5 пароходов с осадкой от 18 до 26 фут. Рейд допускал стоянку от 50 до 100 пароходов. Одновременно могли грузиться или жмыхами или зерном все пароходы, но погрузочные средства были рассчитаны на погрузку зерна через элеватор и вручную на 200000 пудов в день.

При погрузке зерна только одним элеватором, а всеми остальными погрузочными средствами жмыхов можно было погрузить в день:

зерна 80–100 т. пудов, а жмыхов – 40 т. пудов, причем на 1 люк парохода можно погрузить не свыше 2500 пудов жмыхов в день.

При этом из складов до парохода зерно и жмыхи подвозятся на пароконных платформах. У союза портовых рабочих имелось 80 таких платформ, допускающих нагрузку до 100 пуд. Среднее расстояние подвозки составляло около версты.

В распоряжение николаевской конторы «Украэкспортхлеба» передавалось 5 складов площадью около 1100 кв. саж. Кроме того, у элеваторного конвейера могли причалить полным лагом 2 пятисотфутовых парохода. Конвейер этот имел 16 подающих в пароход труб, т. об. Оба парохода могли грузится одновременно в сутки по 40–50 т.пуд. [5, л. 21].

При этом наладить нормальную отгрузку экспортных зернопродуктов в 1923 г. еще не удалось. Так, в частности, известно, что к концу ноября этого года существовали трудности по отгрузке груза Госсельсиндиката (пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза) [6, л. 24].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. При организации АО «Экспортхлеб» не были заранее продуманы и спланированы погрузочно-разгрузочные операции, которые в этот период осуществляли различные как частные, так и государственные организации. Дополнительно осложнялась ситуация отсутствием современных технических средств погрузки и доставки грузов, сложностями с восстановлением и эксплуатацией имеющихся таких средств.

Список литературы:

1. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.

2. Постановление СТО от 25 апреля 1933 г. № 375 «О передаче погрузочно-разгрузочных работ по экспорту угля в Мариупольском порту в ведение НКВТорга». СЗ СССР за 1933 г.

3.Постановление СТО от 3 февраля 1931 г. « 47 «О работах по погрузке и выгрузке лесоматериалов в портах». СЗ СССР за 1931 г.

4. История России в документах. Акционерное общество для продажи хлебопродуктов за границу «Экспортхлеб», 5 акций в 500 рублей каждая, 2500 рублей, выдана Всероссийскому центральному союзу потребительских обществ «Центросоюз», выпуск 2, Москва, 1926 год. – URL: hisdoc.ru/papers/24968/

5. Государственный архив Николаевской области. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 30. (175).

6. Государственный архив Николаевской области. Р-945. Оп. 1. Д. 25.

7. Государственный архив Николаевской области. Р-945. Оп. 1. Д. 32.

8. Государственный архив Николаевской области. Р-945. Оп. 1. Д. 36.

Klimenko E. P. legal organization of loading operations by joint-stock company Exportkhleb in 1923 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 78–84.

April 30, 1923 was approved by the Charter of the joint stock company Exportkhleb, which received a monopoly on the sale of grain products from the USSR abroad. During the organization of a / O export, loading and unloading operations, which were carried out by various both private and public organizations, were not thought out in advance and planned. The situation was further complicated by the lack of modern technical means of loading and delivery of goods, difficulties with the restoration and operation of existing such means. Rates for production of different types of works on export of bread, including in sea trade ports, in 11923 were developed and introduced by the people's Commissariat of transport.

Keywords: export, loading and unloading operations, commercial sea port.

Spisok literatury:

1.Zmerzlyj B.V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v CHernomorsko-Azovskom regione v konce XVIII – nachale HKH v. / B.V. Zmerzlyj. – Simferopol': CHP «Predpriyatie Feniks», 2014. – 512 s.

2.Postanovlenie STO ot 25 aprelya 1933 g. N 375 «O peredache pogruzochno-razgruzochnyh rabot po ehk-sportu uglya v Mariupol'skom portu v vedenie NKVTorga». SZ SSSR za 1933 g.

3.Postanovlenie STO ot 3 fevralya 1931 g. N 47 «O rabotah po pogruzke i vygruzke lesomaterialov v portah». SZ SSSR za 1931 g.

4. Istoriya Rossii v dokumentah. Akcionernoe obshchestvo dlya prodazhi hleboproduktov za granicu "EHk-sporthleb", 5 akcij v 500 rublej kazhdaya, 2500 rublej, vydana Vserossijskomu central'nomu soyuzu po-trebitel'skih obshchestv "Centrosoyuz", vypusk 2, Moskva, 1926 god. – URL: hisdoc.ru/papers/24968/

5. Gosudarstvennyj arhiv Nikolaevskoj oblasti. F. R-945. Op. 1. D. 30. (175).

6. Gosudarstvennyj arhiv Nikolaevskoj oblasti. R-945. Op. 1. D. 25.

7. Gosudarstvennyj arhiv Nikolaevskoj oblasti. R-945. Op. 1. D. 32.

8. Gosudarstvennyj arhiv Nikolaevskoj oblasti. R-945. Op. 1. D. 36.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 85–92.

УДК 340.15:347.79

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ УПРАВЛЕНИИ ТОРГОВЫМИ ПОРТАМИ РСФСР В 1922 г.

Коваль А. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуется «Положение об управлении торговыми портами», принятое 30 июня 1922 г. Оно состояло из 4 глав: гл. 1 – «Общие положения», гл. 2 – «О начальнике портового управления», гл. 3 была посвящена помощникам начальника порта и различным структурным частям управления портом; в гл. 4 указывался «Круг ведения частей портового управления». Указывается, что это Положение было тщательно продуманным, детальным нормативным актом, полная реализация которого на деле, в силу различных причин, оказалась весьма сложным делом, в том числе из-за того, что оно было плохо согласовано с постоянно меняющейся системой управления как страны в целом, так и транспорта в частности. Тем не менее оно выполнило такие задачи, как определение прав и обязанностей руководства торговых портов. Дальнейшее правовое урегулирование данной проблемы происходило весьма бурно, что приводило к частому изменению законодательства и подзаконных актов.

Ключевые слова: положение, управление, морские торговые порты, портовые управления.

Как указывалось в наших предыдущих публикациях, система управления торговыми портами в РСФСР с окончанием основных событий Гражданской войны и с началом НЭПа оказалась очень запутанной и недееспособной [1, с. 54–68]. Требовалось создание нового нормативного акта, который упорядочил бы этот процесс.

Именно по этой причине 30 июня 1922 г. было утверждено «Положение об управлении торговыми портами». Оно состояло из 4 глав: гл. 1 – «Общие положения», гл. 2 – «О начальнике портового управления», гл. 3 была посвящена помощникам начальника порта и различным структурным частям управления портом; в гл. 4 указывался «Круг ведения частей портового управления».

В главе 1 устанавливалось, что «морской торговый порт обнимает заключающиеся в установленных границах портовые воды (гавани и рейды) и прибрежное пространство с находящимися на нем всякого рода сооружениями и приспособлениями, к портовым операциям относящимися» (ст. 1)

К порту, к тому же, могли быть приписаны пристанские пункты, не имеющие самостоятельного значения и отдельного административного управления [2, с. 32].

Морские торговые порты разделялись по их значению на три разряда. Разделение портов по разрядам возлагалось на ЦУМОРом и должно было утверждаться Наркомпутем. К портам первого разряда относились приморские пункты транзитного характера, имеющие крупное экономическое значение для торговли страны, требующие наибольшей технической подготовки в виду сложности совершаемых в них операций. Порты этого разряда должны были характеризоваться: обширным районом тяготения, разнообразием товаров, крупным развитием экспорта и импорта и значительным развитием большого и малого каботажа.

Второй разряд составляли порты транзитного характера с большим оборотом грузов, значительным, но не столь обширным, как в портах первого разряда, районом тяготения, не столь сложной классификацией грузов и относительно слабым развитием импорта и дальнего каботажа.

Третий разряд образовывали, во-первых, транзитные порты, характеризующиеся теми же основными признаками, что и порты второго разряда, но имеющие сравнительно меньшее экономическое значение и более ограниченный район тяготения грузов, а во-вторых – порты местного значения (ст. 2).

Примечанием устанавливалось, что в отдельных случаях и внутренние порты, которые приобрели, в силу обстоятельств, исключительное экономическое значение для государства, могли быть относимы к портам первого и второго разряда.

При необходимости изменение существующих границ порта и пристанских пунктов устанавливалось НКПС и должно было утверждаться в законодательном порядке (ст. 3).

Управление морскими торговыми портами являлось органом управления, подчиненным центральному управлению морского транспорта и заведующим портов в административном, техническом и хозяйственном отношениях (ст. 4).

Кроме того, устанавливалось, что:

а) по вопросам, касающимся развития коммерческо-хозяйственной деятельности портов, по увеличению их доходности, а также надзора за политическим состоянием портов, Управления портов должны были сносится с Уполнаркомпути при Облэкосо;

б) портовые управления обязывались по требованию Уполнаркомпути сообщать немедленно все запрашиваемые сведения и справки и исполнять их распоряжения в пределах Положения об Уполнаркомпути при областном Облэкосо;

в) все вопросы, касающиеся деятельности морских портов, подлежащие обсуждению в Облэкосо, полагалось вносить через Уполнаркомпути; к нему же или его местному представителю надлежало начальникам торговых портов обращаться за всякого рода разъяснениями и содействием в случае получения непосредственных распоряжений от Облэкосо;

г) также предусматривалось, что все сношения управлений портов с Уполнаркомпути при Облэкосо одновременно в копии должны были сообщатся в ЦУМОР (ст. 5.) [2, с. 33].

Начальнику портового Управления, как уже указывалось, была посвящена глава II Положения. В ней устанавливалось, что во главе торгового порта стоит начальник порта, ответственный перед Центральным управлением морского транспорта за всю совокупность работы порта (ст. 6).

Начальники порта 1-го разряда утверждались через Наркомпуть по представлению Отдела портов ЦУМОРа через начмора, а начальники портов II и III разрядов утверждаются через Главначпуть[1] по представлению Отдела портов ЦУМОРа через НАЦМора (ст. 7).

Начальник порта объявлялся распорядителем и руководителем всей административно-технической, эксплуатационной, хозяйственной и счетной деятельности

[1] Права Главначпути согласно приказу № 11519 от 8/х – 1923 г. перешли к начальнику административного управления НКПС.

порта и должен был руководствоваться в своей деятельности узаконениями и распоряжениями правительства как общими, так и специальными, касающимися труда и профсоюзов, распоряжениями НКПС, главного начальника П. С., этим положением и специальными инструкциями начальникам портов (ст. 8).

При этом, распоряжения и руководство технической деятельностью порта возлагались на помощника начальника порта по технической отрасли.

В порядке руководства и управления портов начальнику порта предоставлялось:

1) сноситься по делам порта непосредственно с губернскими, уездными и местными органами управления всех ведомств;

2) представлять в ЦУМОР на утверждение кандидатов на должности помощников начальника порта и назначать непосредственно, утверждать на соответственные должности по управлению порта всех остальных сотрудников согласно действующему по этому вопросу положению;

3) разрешать в установленном порядке отпуска подведомственным ему служащим;

4) налагать в административном порядке взыскания на служащих портового управления на основаниях, установленных положением о правах лиц технической администрации в отношении наложения дисциплинарных взысканий;

5) принимать все законные меры для своевременного снабжения порта всеми необходимыми материалами, средствами и рабочей силой;

6) заключать в пределах предоставленных ему полномочий от имени портового управления всякого рода договоры, условия и соглашения [2, с. 34];

7) при пожарных и несчастных случаях, грозящих опасностью людям, портовым сооружениям, судам и товарам: при наводнениях, лесных заломах, ледоходе, столкновении судов, авариях и т. п. – требовать от находящихся в порту судов, от учреждений и лиц немедленного предоставления имеющихся у них для борьбы с огнем и подачи помощи средств, подвижного состава и т. п.;

8) задерживать суда до устранения неисправности, если при освидетельствовании судна окажется, что оно не удовлетворяет действующим положениям, правилам и инструкциям, а также в случае неуплаты владельцем судна причитающихся с него взысканий или непредставления достаточного обеспечения в уплате;

9) в случае нарушения в пределах порта действующих восстановлений о внешней торговле и мореплавании – возбуждать обвинение против виновного в судебном порядке;

10) по определению помощника по технической части – отпускать кредиты на исполнение всех работ строительных, землечерпательных, изыскательных, по ремонту и постройке портовых плавучих средств, равно транспортных судов, если ремонт этих последних будет возложен на порт, и по спасанию и подъему затонувших судов в пределах утвержденной в общем порядке сметы и производственных программ по ЦУМОРу на суммы, не превышающие установленных для местных органов НКПС нормы (ст. 10).

При этом, однако, устанавливалось, что, во-первых, утверждение и разрешение к исполнению работ, перечисленных в п. 10, предоставлялось помощнику начальника порта по технической отрасли; во-вторых, проекты и сметы на новые работы, связанные с развитием порта, увеличением его постоянных причальных линий и

территории, с улучшением его навигационных качеств, а также с задачами по общему благоустройству и оборудованию его судоремонтных средств, независимо от суммы их, представлялись начальником порта на утверждение ЦУМОРа.

Новые типы гидротехнических и гражданских сооружений и механических устройств также подлежали представлению в ЦУМОР;

11) продавать ненужное и негодное имущество порта установленным для этого порядком;

12) распоряжаться кредитами, отпускаемыми на содержание порта, в пределах кредитных ассигнований;

13) в случае экстренной необходимости принимать неотложные меры по предотвращению опасностей, грозящих жизни или здоровью людей, портовым сооружениям и товарам или свободному движению судов по водам порта, а также по исправлению происшедших повреждений с доведением о сем каждый раз до сведения Округа [2, с. 35];

14) требовать исполнения его законных распоряжений всеми другими ведомствами, действующими на территории порта, и в случае неисполнения его требований – производить необходимые действия своим распоряжением (ст. 9).

Отдельно в Положении были выделены обязанности начальника порта:

1) наблюдение за исполнением в пределах порта действующих декретов, правительственных распоряжений, изданных в отношении порта обязательных постановлений и принятие мер к предупреждению и пресечению их нарушения;

2) содержание и ремонт всех искусственных и гражданских сооружений, находящихся на портовой территории, а также общее наблюдение за благочинием и порядком в порту;

3) заведование портовыми лоцманами;

4) оказание всемерного содействия органам НКПС и дп. ведомствам по исполнению ими своих обязанностей в пределах порта;

5) составление и проведение в жизнь предположений: а) об издании обязательных постановлений, регулирующих внутреннюю жизнь порта; б) об условиях отдачи и отвода участков портовой территории с находящимися на ней всеми портовыми сооружениями и складочными помещениями; в) о потребностях порта по его улучшению, развитию, переустройству, капитальному ремонту, оборудованию и устройству верфей, доков, элеваторов, подъездных к порту путей, спасательных станций, пожарной охраны, ледокольных средств и т. п. (ст. 11).

В главе III устанавливалось, что у начальника порта имеется установленное число помощников, причем заместителем является помощник по технической отрасли (ст. 13).

Помощники начальника порта 1-го разряда назначались через Главначпуть[2] по представлению Отдела портов через начмора, а помощники начальников портов 2 и 3 разрядов назначались начмором по представлению Отдела портов (ст. 14).

Для рассмотрения и разрешения административно-хозяйственных вопросов, касающихся совместной деятельности Портового управления и др. ведомств, при начальнике порта под его председательством состояло Совещание по портовым де-

[2] Согласно приказу № 11519 от 8/х 1923 г. права Главначпуть перешли к начальнику административного управления.

лам, состав, предмет и порядок занятий которого определялся особым положением о нем (ст. 15).

Для урегулирования вопросов, касающихся совместной деятельности Портового управления и других органов НКПС (ЦУЖел ЦУМТ), при начальнике порта и под его председательством предусматривалась комиссия из представителей ответственных органов НКПС с совещательными функциями (ст. 16) [2, с. 36]. Комиссия эта могла собираться по мере надобности и особого обслуживающего ее аппарата не имела.

В ведении и распоряжении начальника порта также состояло Портовое управление, подразделяющееся на соответственные части, а именно: 1) общую, 2) административную, 3) счетную, 4) строительную, 5) механико-судовую, 6) связи и электротехники и 7) материальную (ст. 17).

При этом в портах 1 и 2 разрядов первые три части состоят в непосредственном ведении помощника начальника порта по административной отрасли, а последние четыре – в ведении помощника по технической части; расположенные в портах гидрометеорологические станции находились в хозяйственном отношении в ведении начальника порта и действовали основании особого положения.

Устанавливалось, что во главе каждой части портового управления находился начальник таковой, подчиненный начальнику порта и ответственный за постановку дела вверенной ему отрасли деятельности портового управления (ст. 18).

Круг ведения частей портового управления (глава 4 Положения) устанавливался такой: проведение в жизни распоряжений высших органов НКПС; выяснение потребности и недостатка технического персонала и рабочей силы, изыскания и распоряжение рабочей силой; выявление потребностей всякого рода материалов, оборудования и проч.; наблюдение и руководство во всякого рода работах, производимых портовым управлением; исследование методов производства всякого рода работ и подготовка данных для выработки мер к их улучшению; представление в ЦУМОР всех данных и материалов для составления производственных планов и программ и составление всякого рода технических проектов; представление в ЦУМОР всякого рода периодических сведений, отчетности и статистических данных; участие в деле профессиональной подготовки агентов по соответственным отраслям работы (ст. 19) [2, с. 37].

К кругу ведения отдельных частей портового управления были отнесены: ведение всеми вопросами общеадминистративного характера, которые по своему свойству не относятся к ведению других частей портового управления; выполнение действующих правил, связанных с бесплатным проездом по железнодорожным и водным путям сообщения и провозом домашнего имущества, выдача билетов и нарядов служащим управления; консультация по правовым вопросам и ведение судебных дел; редактирование приказом по управлению, рассылка официальных и др. изданий; ведение дел личного состава; статистика труда; хозяйство управления; инструктирование всех подчиненных портовому управлению агентов по вопросам, касающимся ведения части; выяснение потребности в продовольствии и др. предметах, означенных сведений в ЦУМОР; распределение поступающего продовольствия между служащими и рабочими порта; разработка вопросов нормирования и расценки труда (ст. 20).

На административную часть возлагалось: заведование портовыми водами, прибрежным пространством и находящимися на нем всякого рода сооружениями, а также ледокольными, пожарными и иными приспособлениями и средствами; заведование портовыми лоцманами; регулирование движения и стоянки судов в пределах порта, а также порядка охраны судов и т. п.; регистрация прихода, отхода и перестановки судов; наблюдение за порядком нагрузки и выгрузки судов и за передвижением и хранением товаров и вообще за соблюдением порядка и благочиния в порту; наблюдение за выгрузкой балласта и очисткой судов от мусора и принятие мер против загрязнения порта и фарватеров; наблюдение за производством в пределах порта промыслов: рыбного, водолазного, буксирного, перевозного, по нагрузке и выгрузке судов и иных; принятие мер предупреждения пожаров и иного рода несчастных случаев, могущих грозить опасностью людям, портовым сооружениям, судам, товарам или свободному движению по водам порта [2, с. 38]; принятие мер к спасению людей, судов и грузов при кораблекрушениях, столкновениях и авариях в районе порта, а также заведование делами о кораблекрушениях; регулирование железнодорожного движения в пределах порта по соглашению с соответствующими органами НКПС; надзор за исполнением издаваемых Совещанием по портовым делам обязательных постановлений; производство технического, совместно с представителем мехвнико-судововой части, осмотра судов для предупреждения выхода в море судов, находящихся в неблагонадежном состоянии и чрезмерно или неправильно нагруженных, а также для исследования причин несчастных случаев; производство расследования аварийных случаев; установление корабельного и пр. сборов на основании действующих инструкций и правил; содержание порта в состоянии готовности к приему и отпуску судов, пассажиров и грузов в надлежащем порядке как в отношении благоустройства, так и в отношении пожарном, санитарном и охраны, а также наблюдение за содержанием в исправности сигнализации и морских предостерегательных знаков в порту и у входа в порт; предоставление заинтересованным ведомствам, учреждениям и частным лицам складочных помещений и механических приспособлений и отвод портовой территории на условиях, определяемых Совещанием по портовым делам; наблюдение за пользованием ведомствами, учреждениями и частными лицами отведенными им участками портовой территории, складочными помещениями и механическими приспособлениями; укомплектование и учет личного состава порта и портовых плавучих средств, а также надзор за комплектом команды на посещающих порт судах под флагом РСФСР (ст. 21).

На счетную часть возлагалось: составление расходных смет портового управления (эксплуатационных, строительных, по вспомогательным операциям и пр.); запрос и получение денежных средств по утвержденным сметам и разрешенным кредитам; производство всякого рода расчетов со служащими и рабочими, с дебиторами и кредиторами Портового управления, подотчетными лицами и учреждениями; учет всех кредитов, фондов и производимых управлением расходов, а также взимание и учет всякого рода портовых сборов; учет имущества и всех вообще материальных ценностей порта; заведование и учет кассы Портового управления; бухгалтерский учет всех оборотов Портового управления [2, с. 39]; составление периодической финансовой и материальной отчетности по оборотам Портового управления; составление годового финансового отчета (ст. 22).

Соответствующие статьи Положения устанавливали круг ведения прочих частей управления порта: ст. 23 – части строительной, ст. 24 – части механико-судовой; ст. 25 – части связи и электротехники, ст. 26 – чатериальной части [2, с. 40–41].

Как видно из представленного материала, «Положение об управлении торговыми портами» 1922 г. было тщательно продуманным, детальным нормативным актом, полная реализация которого на деле, в силу различных причин, оказалась весьма сложным делом, в том числе из-за того, что оно было плохо согласовано с постоянно меняющейся системой управления как страны в целом, так и транспорта в частности. Тем не менее оно выполнило такие задачи, как определение прав и обязанностей руководства торговых портов. Дальнейшее правовое урегулирование данной проблемы происходило весьма бурно, что приводило к частому изменению законодательства и подзаконных актов [3–7].

Список литературы:

1.Коваль А. В. Организация управления портами в 1917–1923 гг. в Черноморско-Азовском регионе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 1. – С. 54–68.

2. Сборник законов и распоряжений по морскому транспорту (по июнь 1924 г.). Составлен Организационно-Кодификационной Частью Административного Управления НКПС. – М.: Транспечать, 1924. – 431 с.

3. Коваль А. В. Организация и деятельность комитетов по портовым делам в Черноморско-Азовском регионе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – С. 44–57.

3. Коваль А. В. Реформы управления портами в СССР в 1931–1933 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. – Т. 2 (68). №1. – С. 52–59.

4. Коваль А. В. Реорганизация управления портами в СССР в 1934 г. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. Т. 2 (68). №2. – С. 58–73.

5.Коваль А. В. Правовые основы создания и деятельности комиссариатов путей сообщения и внешней торговли СССР // // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – С. 35–49.

6. Коваль А. В. Реформа управления речным и морским транспортом 1930 г. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 3. – С. 61–77.

7.Коваль А. В. Развитие системы управления торговыми морскими портами в СССР в 1923–1929 гг. // Власть закона. – 2016. – № 1 (25). – С. 268–277.

Koval A. Position about a management by trade ports in RSFSR 1922 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 85–92.

"Statute is In-process investigated about a management by trade ports", accepted on June, 30 1922 It consisted of 4 chapter: 1. "generals", 2. "About the chief of port management", 3. was sanctified to the helpers of port admiral and different structural parts of management by port; 4. "Circle of conduct of Parts of Port Management" was specified. Specified, that this Statute was a carefully carefully thought out, detailed normative act, complete realization of that in business, by virtue of different reasons, appeared very difficult business, including because it was badly concerted with constantly changing control system of both country on the whole and transport in particular. Nevertheless, it executed such tasks as determination of rights and duties of guidance of trade ports. The further legal settlement of this problem took place very stormily, that caused the frequent change of legislation and подзаконных acts.

Keywords: Statute, management, marine trade ports, port managements.

Spisok literatury:

1.Koval' A. V. Organizaciya upravleniya portami v 1917–1923 gg. v CHernomorsko-Azovskom regione // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2015. T. 1 (67). №1. S. 54–68.

2. Sbornik zakonov i rasporyazhenij po morskomu transportu (po iyun' 1924 g.). Sostavlen Organizacionno-Kodifikacionnoj CHast'yu Administrativnogo Upravleniya NKPS. – M.: Transpechat', 1924. – 431 s.

3. Koval' A. V. Organizaciya i deyatel'nost' komitetov po portovym delam v CHernomorsko-Azovskom regione // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2015. T. 1 (67). №2. S. 44–57.

3. Koval' A. V. Reformy upravleniya portami v SSSR v 1931–1933 gg. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2016. T. 2 (68). №1. S. 52–59.

4. Koval' A. V. Reorganizaciya upravleniya portami v SSSR v 1934 g. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2016. T. 2 (68). №2. S. 58–73.

5.Koval' A. V. Pravovye osnovy sozdaniya i deyatel'nosti komissariatov putej soobshcheniya i vneshnej torgovli SSSR // // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2017. T. 3 (69). №1. S. 35–49.

6. Koval' A. V. Reforma upravleniya rechnym i morskim transportom 1930 g. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2017. T. 3 (69). №3. S. 61–77.

7.Koval' A. V. Razvitie sistemy upravleniya torgovymi morskimi portami v SSSR v 1923–1929 gg. // Vlast' zakona. 2016. №1 (25). S. 268–277.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 93–104.

УДК 94

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА НА ТЕРРИТОРИИ МОРСКИХ ТОРГОВЫХ ПОРТОВ В СССР В 1920-Х ГГ.

Любинецкий А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В данной публикации раскрываются особенности правового регулирования деятельности железнодорожного транспорта в торговых портах в 1920-х гг. Указывается, что основными нормативными актами, предназначенными для этого, стали: постановление от 15 января 1927 г. о порядке обслуживания паровозами подъездных путей промышленных предприятий; положение о промышленных подъездных железнодорожных подъездных путях, состоящих в ведении Высшего совета народного хозяйства СССР и союзных республик от 22 июля 1927 г.; различные приказы Народного комиссариата путей сообщения; постановление от 3 октября 1933 г. «Об утверждении правил эксплуатации подъездных путей необщего пользования»; *Устав железных дорог СССР*. Указано, что железнодорожные пути, расположенные на территории морских портов, в исследуемый период были путями общего пользования, а не подъездными, и принадлежали соответствующим железным дорогам. Строительство новых и реконструкция существующих железнодорожных путей на территории морских портов осуществлялась железнодорожными органми, но при условии обязательного согласования соответствующих проектов с заинтересованными портами.

Ключевые слова: торговые порты, правовое регулирование, железные дороги, подъездные пути.

Важное значение для работы торговых портов как в рассматриваемый период, так и сегодня имеет их тесное взаимодействие с железнодорожным транспортом. К сожалению, историко-правовых работ, посвященных данной проблеме, весьма немного. Среди них можно выделить лишь публикации Змерзлого Б. В., в которых он раскрывает особенности данного процесса в имперский период [1, с. 431–436], а также работу М. К. Александрова-Дольника, частично затрагивающую соответствующие нормы советского права [2].

С становлением советской государственности следовало унормировать и данный вопрос. Как известно, после 1917 г. руководство всеми железными дорогами и подъездными путями было возложено на НКПС. В 1926 г. подъездные пути необщего пользования широкой и узкой колеи, сооружаемые для нужд государственных предприятий, были переданы на их баланс. Постановлением СТО от 15 января 1927 г. установлен порядок обслуживания паровозами подъездных путей промышленных предприятий [3], а 22 июля 1927 г. утверждено Положение о промышленных подъездных железнодорожных подъездных путях, состоящих в ведении ВСНХ СССР и ВСНХ союзных республик [4].

Вопросы конкретного взаимодействия и правового положения органов железнодорожного транспорта в морских торговых портах чаще всего регулировались приказами НКПС. Первый такой приказ был издан НКПС в 1923 г., однако он оказался несовершенным, а потому был заменен соответствующим приказом от 6 сентября

1926 г. «О железнодорожном хозяйстве на территории портов, находящемся в ведении НКПС».

В нем, в устранение имевшихся случаев разногласий толкования портовыми управлениями и железными дорогами права последних на находящихся территорий портов железнодорожных зданий, сооружений и пути, а также занятые под ними участки земли, предлагалось принять к руководству следующее.

Во-первых, устанавливалось, что в пределах границ портов находится в ведении железных дорог, в техническом и хозяйственном отношениях, следующее имущество:

1) складочные помещения в таком количестве, определяемом для каждого порта в зависимости от местных условий, которое обеспечивало бы правильную работу припортовых железнодорожных станций по скорейшему обороту подвижного состава и по выполнению возложенных на дороги уставом железных дорог[1] обязанностей по приему грузов на кратковременное хранение до отправления и на хранение грузов по их прибытии;

2) все железнодорожные пути, за исключением частновладельческих сооружений после февраля 1922 г., а также переданных государственным предприятиям в порядке постановления СТО от 29 февраля 1924 г.;

3) все прочие земли и сооружения, используемые железными дорогами как из числа принадлежащих ранее железной дороге, так и из числа перешедших в НКПС в порядке национализации (разд. «А»).

При этом на точно установленные назначенного для этого по каждому порту особой комиссией всего указанного в этом разделе (А) имущества, имеющегося и передаваемого в пределах портовых территорий в ведение железных дорог, таковое имущество зачислялось в основной капитал железной дороги.

Во-вторых, устанавливалось, что в пределах границ портов в безвозмездном техническом и хозяйственном пользовании железных дорог находились следующие территории:

1) под всеми состоящими в ведении железных дорог складочными помещениями (п. 1 лит. «А») зданиями, сооружениями, служебными и другими территориями, определяемыми нижеуказанными комиссиями в пределах технической и эксплуатационной необходимости дороги;

2) под всеми железнодорожными путями общего и необщего пользования, включая и междупутья, определяемого установленным предельным расстоянием приближения подвижного состава (разд. «Б»).

Изъятие территории из пользования железных дорог под складочные помещения, железнодорожные пути, здания, сооружения и прочее порт мог осуществлять только по соглашению с железной дорогой, причем возникающие разногласия по этим вопросам окончательно разрешались НКПС (прим. 1).

Что же касается путей, пролегающих на искусственных сооружениях (пирсах, причалах и пр.), то ремонтом, перестройкой и переносом этих искусственных сооружений распоряжалось портовое управление; железные дороги, в свою очередь, обязывались переносить в необходимых случаях пролегающие по ним железнодо-

[1] *Устав железных дорог СССР*. Утв. пост. СНК СССР 10 февраля 1935 г. (СЗ СССР 1935 г. № 9, ст. 73; 1936 г. № 3, ст. 29, № 14, ст. 122, № 64, ст. 467; 1937 г. № 60, ст. 260, № 76, ст. 378; 1938 г. № 1,ст. 4)

рожные пути своими средствами и за свой счет. Если же инициатива переноса или перекладки путей исходила от ЦУМОРа или других учреждений, то работы эти относились за счет последних (прим. 2).

В-третьих, складочные помещения для производства железными дорогами операций по долгосрочному хранению в тех портах, где это железным дорогам представлялось необходимым, передавались портом, в пределах возможности и без ущерба для порта, в пользование железной дороги на временной основе за плату на особо льготных условиях, устанавливаемым по соглашению ЦУМОРа и с управлением ЦУЖЕЛ (разд. «В»).

В-четвертых, устанавливалось, что все находящиеся в пределах границ портов в ведении или пользовании железных дорог складские помещения, здания, сооружения, пути и территория находились в административном подчинении в ведении начальника порта в смысле наблюдения за исполнением обязательных по порту постановлений и распоряжений управлений портов относительно территорий: противопожарного, санитарного, хранения и обращения с легковоспламеняющимися и взрывчатыми грузами, охраны складочных помещений и т. п. (разд. «Г»).

В-пятых, ремонт и содержание в исправности всех железнодорожных путей общего пользования возлагался на железные дороги и его следовало проводить в порядке технической и эксплуатационной необходимости распоряжением и средствами железных дорог. Ремонт и сооружение путей не общего пользования полагалось производить железной дорогой за счет владельцев или арендаторов складов и иных помещений, обслуживаемых этими путями, на основании особых с ними договоров.

К путям общего пользования были отнесены все те ветви, которые не объявлены установленным порядком для общего пользования и которые, обслуживая исключительно склады или иные устройства частного пользованиям, эксплуатируются на основании особых договорных соглашений с контрагентами (прим. 1).

В соответствии со сказанным, путями необщего пользования на территории торговых портов объявлялись только ветки:

1) частновладельческие, сооруженные юридическими или физическими лицами после 1 февраля 1922 г.;

2) перешедшие в ведение государственных предприятий в порядке постановления СТО от 29 ноября 1924 г.;

3) те, из числа принадлежащих железным дорогам, которые также обслуживали исключительно склады или иные устройства частного пользования, эксплуатировались на основании особых договорных соглашений железных дорог с контрагентами, возмещающими дороге расходы по содержанию и ремонту.

При этом указанный порядок эксплуатации ветки по пункту… мог иметь место лишь в тех случаях, когда вследствие незначительного или неустойчивого грузооборота, содержание и ремонт данного пути не окупалось установленными и в надлежащем порядке станциям за подачу вагонов во всех случаях, когда расходы по содержанию и ремонту пути возлагались на контрагента, платы за подачу по такому пути взыскиваются в соответствующих размерах, указанных в пар. 44 Главных оснований для составления договоров на эксплуатацию и починку подъездных путей частного (необщего) пользования.

В отношении расчетов по восстановлению и ремонту путей, необходимых для подготовки к осенней кампании 1925–1926 бюджетного года, предлагалось руководствоваться постановлением СНК и ЦИК от 27 июня 1926 г. № 23.

С получением данного приказа народный комиссар путей сообщения предлагал соответствующим начальникам портов назначить по каждому порту особые комиссии в составе председателя в лице начальника порта и по два представителя от железной дороги и портового управления для точного установления всего имущества (в том числе складских помещений), остающегося и передаваемого в ведение железных дорог, территорий, предоставляемых в безвозмездное пользование железных дорог в пределах границ портов и распределения железнодорожных путей по указанным пунктам (лит. «А»).

Постановление комиссий с заключением УИ следовало представить в НКПС в шестинедельный срок.

Кроме того, на основании утвержденных постановлений дорогам предписывалось изготовить планы портовых станций с указанием на них:

а) складочных помещений, зданий и сооружений, остающихся и передаваемых в ведение железной дороги;

б) всех железнодорожных путей общего и необщего пользования, с пояснением в отношении первых, которые из них используются для подачи вагонов за особую плату, а в отношении вторых, кому они принадлежат и для какой надобности эксплуатируются;

в) территорий, отведенных железным дорогам в безвозмездное пользование, а также составить ведомости с указанием имущества, добавленного или исключенного по сравнению с этими данными по инвентаризации железных дорог, которые были произведены по соответствующему приказу 1923 г. [7, с. 27–29].

Очевидно, что при нормальной работе как ведомства (НКПС), так и морских торговых портов и железной дороги подобный приказ, при его точном выполнении, мог бы заложить основы для нормального и бесконфликтного сосуществования заинтересованных сторон на территории порта. Однако этого не произошло по следующим причинам:

1) регулярное реформирование высших органов руководства транспортом в СССР в изучаемый период с изменением подведомственности и компетенции как органов управления так и их подразделений на местах;

2) развитие положений о торговых морских портах и правах и обязанностях начальников портов без учета интересов иных ведомств;

3) быстрое изменение конъектуры эксплуатации, а вместе с этим и арендатором с их различным статусом в изучаемый период, когда каждый из них заключал собственные договоры с железной дорогой.

Исходя из этих соображений, а также учитывая нахождение на территории порта собственности и арендованных у порта земель и складов, принадлежащих железным дорогам, следует изучить порядок взаимоотношений таких владельцев с органами железнодорожного транспорта. В этом вопросе до 1 октября 1933 г. действовали общие принципы соглашений между железными дорогами и владельцами подъездных путей необщего пользования, связанных непрерывной рельсовой колеёй с общей сетью железных дорог, об эксплуатации означенных подъездных путей, утверждённых Советом труда и обороны 20 августа 1928 г. [5].

Однако в указанных условиях реформирования деятельности и управления водного транспорта оно требовало доработки и изменений. Соответственно, 3 октября 1933 г. было принято постановление СТО «Об утверждении правил эксплуатации подъездных путей необщего пользования», которым утверждались и вводились в действие с 1 октября 1933 г. разработанные НКПС правила эксплуатации подъездных путей необщего пользования, а также введение их в действие (п. 1). «Правила эксплуатации подъездных путей необщего пользования» состояли из следующих частей:

– «А. Устройство, техническое оборудование и обслуживание подъездных путей» (п. п. 1–18);

– «Б. Подача вагонов на подъездной путь, сроки нагрузки и выгрузки и ответственность» (п. п. 19–34);

– «В. Выход двигателя подъездного пути на станционные пути и прекращение подачи вагонов на подъездной путь» (п. п. 35–37);

– «Г. Расчёты железных дорог и владельца подъездного пути» (п. 37);

– «Д. Прекращение соглашений об эксплуатации подъездных путей и изменение условий этих соглашений» (п. п. 38–47).

Из них для целей настоящего исследования безусловно важными являются части «А» и «Д».

В части «А» устанавливалось, что подъездными путями необщего пользования считаются железнодорожные пути, связанные непрерывной рельсовой колеёй с общей сетью железных дорог, предназначенные для выполнения хозяйственно-производственных перевозок учреждений, предприятий и организаций, которыми данные подъездные пути эксплуатируются (владельцами подъездных путей).

На подъездных путях необщего пользования владельцам их позволялось производить и другие перевозки, о чём, правда, следовало поставить в известность дирекцию дороги.

К подъездным путям необщего пользования также были отнесены арендуемые у дороги тупиковые пути (п. 1).

Каждый подъездной путь необщего пользования делился на две части:

а) первая часть – от пункта примыкания до откидного бруса, если он находился в пределах полосы отвода, либо до границы полосы отвода, если откидной брус находился вне её пределов;

б) вторая часть – от откидного бруса либо от границы полосы отвода до конечного пункта пути.

Первая часть подъездного пути, а также другие пути и сооружения, построенные для примыкания, принадлежали дороге и находятся в исключительном её ведении.

Вторая часть подъездного пути, а также парковые, сортировочные и погрузочные пути и иные сооружения, расположенные за откидным брусом, хотя бы и находящиеся в пределах полосы отвода, но обслуживающие исключительно данный подъездной путь, принадлежали владельцу этого пути (п. 2).

Устанавливалось, что в пользовании владельца подъездного пути находится участок железнодорожной земли, занятый частью подъездного пути от откидного бруса до границы полосы отвода, а также парковыми, сортировочными и погрузочными путями и иными сооружениями в полосе отвода. Этот участок предоставлялся

железной дорогой ветвевладельцу на основаниях, устанавливаемых действующими законами о землях, предоставленных транспорту.

Участок земли, занятый подъездным путём в полосе отвода, определялся шириной его земляного полотна и площадью, необходимой для технических при нём сооружений.

В случае необходимости отвода железной дорогой под подъездной путь по техническим или хозяйственным соображениям дополнительной площади сверх указанной выше, вопрос о размере её следовало решать по соглашению дороги с ветвевладельцами.

Арендная плата за железнодорожную землю, занятую путями ветвевладельца и его сооружениями, не взималась. Однако владелец подъездного пути оплачивал железной дороге по действительной стоимости следующие расходы, фактически производимые дорогой по участку железнодорожной земли, занятой путями и сооружениями ветвевладельца:

а) по устройству или переустройству участка, если это устройство или переустройство вызывались передачей участка в безвозмездное пользование ветвевладельца;

б) по обслуживанию участка (очистка канав, освещение, уборка мусора, снега и пр.) (п. 3).

На подъездном пути, в месте, определённом дорогой, ветвевладелец должен был иметь откидной брус принятого на дороге типа с приспособлением для запирания на замок, причём откидной брус ветвевладельцу следовало оборудовать установленными на дороге сигналами.

Откидной брус и стрелку примыкания подъездного пути полагалось держать постоянно заперты, а ключи от замков хранить на станции примыкания и только по распоряжению дежурного по станции могло производиться открытие стрелки примыкания и откидного бруса на время пропуска вагонов на подъездной путь и обратно (ст. 4).

При необходимости, в целях безопасности движения, устройства на подъездном пути семафоров или других сигналов и приспособлений, а также улавливающих тупиков, ветвевладелец, по указанному дорогой типу, должен был осуществлять такое устройство за свой счёт, своими средствами, из своего материала, в срок, определённый дорогой, причём работы полагалось производить под надзором дороги.

Эти мероприятия могли быть, по особому соглашению, осуществляемы средствами дороги за счёт ветвевладельца (п. 5).

В местах пересечения подъездным путём общественных грунтовых дорог ветвевладелец должен был иметь переезды установленного на железной дороге типа, оборудованные надлежащей сигнализацией, ремонтировать, содержать и охранять их.

Если же переезд железной дороги и подъездного пути совпадал, то дополнительные расходы по его содержанию распределялись между железной дорогой и ветвевладельцем по соглашению (ст. 6).

Когда по условиям эксплуатации встречалась необходимость телефонной связи подъездного пути со станцией примыкания, ее следовало осуществлять или непосредственным телефонным сообщением со станцией, или через городскую телефонную связь.

Определение необходимости наличия телефонной связи и её характер возлагалось на начальника эксплуатационного района.

Движение поездов по подъездному пути предписывалось производить в соответствии с правилами технической эксплуатации железных дорог, открытых для общего пользования, или в порядке особых правил, утверждаемых соответствующим комиссариатом по соглашению с НКПС (п. 7).

Содержание в технической исправности (ремонт текущий и капитальный, очистка от снега и мусора, освещение и т. п.) и обслуживание той части подъездного пути, которая находилась в ведении железной дороги, а также других путей и сооружений, построенных для примыкания и находящихся в ведении железной дороги, и откидного бруса, если он был расположен в пределах полосы отвода, осуществлялись средствами железной дороги.

Содержание в технической исправности и обслуживание находящихся в ведении ветвевладельца части подъездного пути, парковых, сортировочных и погрузочных путей и иных сооружений, а также откидного бруса, если он был за полосой отвода – следовало производить средствами и за счёт ветвевладельца, если последним не было заключено с железной дорогой особого соглашения об осуществлении перечисленных мер средствами железной дороги за счёт ветвевладельца. При этом инспекторский надзор за работами, производимыми ветвевладельцем, осуществляется железной дорогой.

Выполнение железной дорогой работы за счёт ветвевладельца производилось из материалов ветвевладельца, доставляемых им на место работ к указанному дорогой сроку (п. 8).

Подъездной путь и все к нему сооружения следовало содержать в полной исправности, а подъездной путь, кроме того, в таком техническом состоянии, при котором по нему могли бы обращаться вагоны тяжеловесного типа, имеющие регулярное обращение по линии общего пользования, к которой примыкал подъездной путь.

Срок приведения в указанное техническое состояние действующих подъездных путей устанавливался начальником районного управления оперативного планирования и регулирования перевозок (РН) по соглашению с владельцами подъездных путей (п. 9).

Для поддержания подъездного пути в надлежащем техническом состоянии и для развития подъездного пути, железная дорога по возможности обязана была отпускать ветвевладельцу балласт, камень, лесные материалы и металлические предметы верхнего строения пути по себестоимости, определяемой НКПС.

Металлические предметы верхнего строения пути могли предоставляться железной дорогой в арендное пользование на условиях, определяемых соглашением сторон (ст. 10).

Если железная дорога во время действия заключённого договора на примыкание подъездного пути признавала нужным, по условиям эксплуатации, изменить его расположение или пункт примыкания пути, то это изменение следовало согласовать с владельцем подъездного пути.

В этих случаях все необходимые работы по всему подъездному пути полагалось производить дорогой за её счёт (п. 11).

Устройство примыкания к подъездному пути для нужд дороги, устройство пересечений подъездного пути путями железной дороги, а также прокладка под путями трубопроводов или производство других аналогичных работ, вызываемых нуждами железной дороги, следовало производить:

а) в пределах части подъездного пути, принадлежащей железной дороге, – распоряжением дороги с тем, однако, чтобы при этом не была стеснена эксплуатация всего подъездного пути и обслуживающих его сооружений;

б) в пределах части подъездного пути, принадлежащей ветвевладельцу, – по согласованию между дорогой и ветвевладельцем.

В обоих случаях дорога обязана была возместить ветвевладельцу все фактические материальные потери, происшедшие в связи с выполнением вышеозначенных работ (снос его сооружений и т. п.) (п. 12).

Кроме прочего, железная дорога имела право пользоваться подъездным путём как для производства маневровых работ и постановки резерва подвижного состава, так и для перевозки принадлежащих ей хозяйственных грузов с тем, однако, чтобы такое пользование не стесняло операций по перевозкам, производимым самим ветвевладельцем. Время занятия подъездного пути следовало согласовать с владельцем подъездного пути.

При перевозке своих хозяйственных грузов по подъездным путям железные дороги участвовали в расходах по содержанию и ремонту соответствующей части подъездного пути пропорционально грузообороту на нём (п. 13).

Для заведования подъездным путём ветвевладелец обязан был содержать за свой счёт ответственного за состояние подъездного пути заведующего, назначаемого им по согласованию с железной дорогой.

Подъездной путь находился под инспекторским надзором железной дороги на основании правил об этом надзоре, каковой надзор оплачивается ветвевладельцем дороги по ставкам, устанавливаемым НКПС по соглашению с народными комиссариатами тяжёлой, лёгкой и лесной промышленности, комиссариатом снабжения и комитетом по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР (п. 14).

Расположенные при подъездном пути склады ветвевладельца считались приписанными к станции примыкания подъездного пути со дня открытия эксплуатации этого пути (п. 15).

На подъездном пути, по желанию владельца его или по соглашению сторон, могли устраиваться весы для взвешивания отправляемых и прибывающих грузов. Они должны были удовлетворять всем требованиям, предъявляемым к станционным железнодорожным весовым приборам, предназначенным для обслуживания грузовых железнодорожных операций.

Весы ветвевладельца по особому акту следовало передать дороге под технический надзор (периодическую проверку), за осуществление которого взималась плата по расценкам, установленным на железных дорогах, исходя из себестоимости.

Проверка весов в отношении исправности их состояния и соответствия предъявляемым к ним требованиям производилась на общих основаниях, установленных для проверки железнодорожных весов.

Взвешивание грузов или проверка их веса на таких весах производилоась под наблюдением агентов железной дороги и рассматривалось как совершённое на железнодорожных весах.

На время ремонта весов ветвевладельца грузы взвешивались и проверялись на станционных железнодорожных весах, если только не имелось у ветвевладельца других исправных, принятых дорогой весов (п. 16).

Кроме прочего, ветвевладелец обязан был беспрепятственно допускать в любое время на территорию своего подъездного пути агентов железной дороги для осмотра состояния подъездного пути и сооружений на нём, проверки наличия подвижного состава и грузов, заявленных к отправлению с приписных складов, проверки правильности выполнения условий настоящих правил и соглашения дороги с ветвевладельцем и вообще по всем вопросам, вытекающим из условий эксплуатации подъездного пути. Агенты владельца подъездного пути допускаются к осмотру и разметке на станционных путях вагонов, предназначенных к подаче на подъездной путь, но без права снятия пломб до приёма груза от дороги (ст. 17).

Устанавливалось, что на счёт ветвевладельца относятся расходы по содержанию следующих агентов железной дороги:

а) агентов для обслуживания стрелки примыкания и откидного бруса, если они были расположены за пределами входных семафоров или на перегоне, или если стрелка примыкания расположена в пределах входных семафоров, но не могла быть по своей отдалённости включена для обслуживания в один из станционных стрелочных постов;

б) необходимого штата весовщиков, принятых дорогой в порядке §16 настоящих правил для обслуживания весов ветвевладельца или для приёма и выдачи грузов, а равно для обслуживания филиалов товарной конторы, открываемых дорогами на подъездном пути;

в) агентов технических постов (С. СП и др.) при примыкании подъездного пути на перегоне, если этот пост был исключительно открыт для обслуживания данного подъездного пути.

Что касается размеров заработной платы агентов, то они определялись на основе действующих на железной дороге норм. Расходы по содержанию дорогой её агентов ветвевладелец оплачивал в порядке, указанном в §37 этих правил.

Кроме того, предусматривалось, что в договоре может быть указан размер вагонооборота, по достижении которого содержание технического поста относилось за счёт дороги или пост обращался в тарифную станцию (ст. 18).

Что касается части «Д» правил – «Прекращение соглашений об эксплуатации подъездных путей и изменение условий этих соглашений», то устанавливалось, что соглашение об эксплуатации подъездных путей заключается, как правило, не менее чем на три года. О желании возобновить соглашение на новый срок ветвевладелец должен был подать управлению эксплуатационного района железной дороги примыкания письменное заявление за три месяца до окончания срока действия соглашения с указанием желаемых изменений. Дорога же должна была сообщить ответ не позднее двух месяцев со дня получения заявления.

Если ко дню истечения срока действия соглашения новое соглашение не было заключено, то эксплуатация подъездного пути, при отсутствии у железной дороги признанных НКПС технических препятствий к этому, прежним владельцем продолжалась, причём расчёты за время со дня истечения срока соглашения до дня возобновления его действия или заключения нового соглашения производились согласно условиям прежнего соглашения с последующим перерасчётом, согласно

условиям нового соглашения, за исключением расчётов по содержанию дорогой агентов (§ 18 настоящих правил), каковые расчёты следовало производить на условиях прежнего соглашения до заключения нового, без перерасчёта (п. 38).

При прекращении эксплуатации подъездного пути его владелец обязан был в указанный управлением эксплуатационного района дороги примыкания срок, но не менее месячного, освободить за свой счёт железнодорожную землю от проложенного подъездного пути и всех путевых устройств, с приведением поверхности земли по указанию железной дороги в исправный вид.

В случае временной консервации предприятия подъездной путь и сооружения могли быть сохранены с согласия дороги на срок по соглашению.

При неосвобождении владельцем подъездного пути земли в указанный срок железная дорога освобождает земли своими средствами за счёт владельца подъездного пути (п. 39).

В случае перехода подъездного пути от одного владельца к другому соглашение об эксплуатации подъездного пути оставалось в силе и все предусмотренные в нём права и обязанности прежнего владельца считались перешедшими целиком к новому владельцу.

Новый владелец о факте перехода к нему подъездного пути обязан был своевременно представить железной дороге письменное заявление, подписанное также и прежним владельцем, с копией документа, свидетельствующего о состоявшемся переходе подъездного пути.

При этом передача подъездного пути, арендуемого предприятием, учреждением и организацией у железной дороги, могла произойти только с согласия железной дороги.

В случае переименования предприятия, владеющего подъездным путём, владелец последнего должен был своевременно представить железной дороге письменное о том заявление (п. 40).

При издании подлежащими центральными органами распоряжений, изменяющих условия эксплуатации подъездных путей или сдачи в аренду земель, предоставленных железнодорожному транспорту, или размер платы и сборов, обусловленных соглашением об эксплуатации подъездного пути, соответствующие условия эксплуатации и аренды, а также размеры платы и сборов подлежали изменению с момента опубликования таких распоряжений (ст. 41).

Споры, вытекающие из договора перевозки, разрешаются порядком, предусмотренным уставом железных дорог СССР; споры, вытекающие из договоров на эксплуатацию подъездного пути, полагалось разрешать в арбитражном порядке.

Во всех случаях, не предусмотренных как этими правилами, так и соглашениями об эксплуатации подъездного пути, стороны должны были руководствоваться правилами грузовых перевозок, со всеми изменениями и дополнениями к ним, а также постановлениями и распоряжениями центральных органов, относящихся к устройству, содержанию, технической и коммерческой эксплуатации рельсовых путей необщего пользования (ст. 43).

Что касается эксплуатации подъездных путей органами Народного комиссариата по военным и морским делам, то она производилась на основании особых правил, утверждаемых НКПС и этим комиссариатом. Данными правилами определялись

обязательные для всех органов отступления от настоящих правил и дополнения к ним, вызываемые требованиями обороны (п. 45).

На основе данных правил дороги и владельцы подъездных путей заключают соглашения на эксплуатацию подъездных путей, в которых указывались:

а) чьими средствами производится подача на подъездной путь и уборка вагонов с подъездного пути;

б) место сдачи и уборки вагонов на подъездной путь и с подъездного пути;

в) время подачи и уборки вагонов или порядок уведомления о подаче и уборке вагонов;

г) нормы подачи вагонов на подъездной путь;

д) время продвижения вагонов по подъездному пути;

е) штат, обслуживающий подъездной путь;

ж) а также другие условия, вытекающие из Правил (п. 46).

Ну и, в завершение, предусматривалось, что в развитие данных правил НКПС и Народный комиссариат тяжёлой промышленности могут заключать особые соглашения по обслуживанию подъездных путей, принадлежащих крупным предприятиям (п. 47) [5, с. 746–764].

Таким образом, как правило, железнодорожные пути, расположенные на территории морских портов, в исследуемый период были путями общего пользования, а не подъездными (ст. 137 УЖД СССР) и принадлежали соответствующим железным дорогам. Строительство новых и реконструкция существующих железнодорожных путей на территории морских портов осуществлялась железными дорогами, но при условии обязательного согласования соответствующих проектов с заинтересованными портами. В целях уточнения взаимоотношений портов и железных дорог в части содержания и эксплуатации расположенных в порту железнодорожных путей начальниками совместно с начальниками морских портов по каждому пункту перевалки устанавливаются точные перечни путей общего пользования. На этих путях порты производили в основном все работы по погрузке и разгрузке железнодорожных вагонов.

Отнесение портовых железнодорожных путей к путям общего пользования имеет свои юридические последствия. Это касается определения подведомственности ряда споров, возникающих между морскими портами и железными дорогами, поскольку в соответствии со ст. 227 УЖД СССР споры, вытекающие из договоров [6, с. 157], заключаемых железными дорогами с владельцами железнодорожных путей необщего пользования, подлежат органам Госарбитража. В рассматриваемый период судебные органы иногда неосновательно относили расположенные на территории портов железнодорожные пути к путям необщего пользования и на этом основании предлагают рассматривать возникшие между сторонами споры в Государственном арбитраже.

Список литературы:

1. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.

2. Александров-Дольник М. К. Договоры советского транспортного права : Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – М., 1963. – 41 с.

3. Постановление СТО от 15 января 1927 г. «Об установлении порядка обслуживания паровозами подъездных путей промышленных предприятий, находящихся в ведении Высшего Совета Народного

Хозяйства Союза ССР и высших советов народного хозяйства союзных республик». – http://sssr.regnews.org/doc/lw/t8.htm.
4. Постановление СТО СССР от 22 июля 1927 г. «Положение о промышленных железнодорожных путях сообщения, состоящих в ведении Высшего Совета Народного Хозяйства Союза ССР и высших советов народного хозяйства союзных республик. - http://sssr.regnews.org/doc/zw/b4.htm.
5. Постановление Совета труда и обороны от 20 августа 1928 г. «Общие принципы соглашений между железными дорогами и владельцами подъездных путей необщего пользования, связанных непрерывной рельсовой колеёй с общей сетью железных дорог» // С. 3. СССР 1928 г. № 55, ст. ст. 492 и 493.
6. Правовое регулирование деятельности морских торговых портов СССР. – М.: и-во Морской транспорт, 1957. – 160 с.
7. Сборник законов и распоряжений по торговому мореплаванию и портам. НКПС. Центральное управление морским транспортом. – М.: Транспечать, НКПС, 1928. – 380 с.

Lyubinetskiy A. Adjusting of questions of action of organs of railway transport on territory of marine trade ports in the USSR in 1920th // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 93–104.

In this publication the features of the legal adjusting of activity of railway transport open up in trade ports in 1920th Specified, that by basic normative acts the intended for this purpose was become Decision from January, 15 1927 about the order of service by the locomotives of access roads of industrial enterprises; Position about industrial access railway entrance roads, being in a conduct Higher advice of national economy of the USSR and allied republics from July, 22 1927; different orders of the Folk commissariat of ways of report; decision from Octobers, 3 1933 "About claim of rules of exploitation of access roads of the ungeneral use"; Charter of railways of the USSR. It is indicated that the railway ways located on territory of marine ports, in an investigated period were the ways of the general use, but not by an entrance and belonged to the corresponding railways. Building of new and reconstruction of existent railway ways on territory of marine ports came true per rail, but on condition of obligatory concordance of corresponding projects with the interested ports.

Keywords: trade ports, legal adjusting, railways, access roads.

Spisok literatury:

1.Zmerzlyj B.V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v CHernomorsko-Azovskom regione v konce XVIII – nachale HKH v. / B.V. Zmerzlyj. – Simferopol': CHP «Predpriyatie Feniks», 2014. – 512 s.
2.Aleksandrov-Dol'nik, M. K. Dogovory sovetskogo transportnogo prava : Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskih nauk /M. K. Aleksandrov-Dol'nik; Akademiya nauk SSSR.
Institut gosudarstva i prava. -M., 1963. - 41 s.
3. Postanovlenie STO ot 15 yanvarya 1927 g. «Ob ustanovlenii poryadka obsluzhivaniya parovozami pod"ezdnyh putej promyshlennyh predpriyatij, nahodyashchihsya v vedenii Vysshego Soveta Narodnogo Hozyajstva Soyuza SSR i vysshih sovetov narodnogo hozyajstva soyuznyh respublik». - http://sssr.regnews.org/doc/lw/t8.htm.
4. Postanovlenie STO SSSR ot 22 iyulya 1927 g. «Polozhenie o promyshlennyh zheleznodorozhnyh putyah soobshcheniya, sostoyashchih v vedenii Vysshego Soveta Narodnogo Hozyajstva Soyuza SSR i vysshih sovetov narodnogo hozyajstva soyuznyh respublik. - http://sssr.regnews.org/doc/zw/b4.htm.
5. Postanovlenie Soveta truda i oborony ot 20 avgusta 1928 g. «Obshchie principy soglashenij mezhdu zheleznymi dorogami i vladel'cami pod"ezdnyh putej neobshchego pol'zovaniya, svyazannyh nepreryvnoj rel'sovoj koleyoj s obshchej set'yu zheleznyh dorog» // S. 3. SSSR 1928 g. № 55, st. st. 492 i 493.
6. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti morskih torgovyh portov SSSR. – M.: i-vo Morskoj transport, 1957. – 160 s.
7. Sbornik zakonov i rasporyazhenij po torgovomu moreplavaniyu i portam. NKPS. Central'noe upravlenie morskim transportom. – M.: Transpechat', NKPS, 1928. – 380 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 105–111.

УДК 342.72/.73

ПРАВО НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Миронова О. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье на основании анализа научной литературы, текста Конституции и других нормативно-правовых актов исследуются вопросы реализации конституционного права человека на охрану здоровья.

Осуществляется анализ понятия права на здоровье и права человека на охрану здоровья. Утверждается, что право человека на охрану здоровья, наравне с правом на жизнь, является базовым среди природных и неотъемлемых прав. Аргументируется, что право на охрану здоровья индивидуализирует человека и способствует формированию его личной свободы, то есть возможности беспрепятственного выбора разных вариантов поведения в рамках социальных отношений, что, в свою очередь, является одним из условий активной жизнедеятельности человека.

Делается вывод, что государство, признавая на законодательном уровне, в том числе на конституционном, здоровье как необходимое благо, должно закрепить надлежащие правовые механизмы для реализации, охраны и защиты права человека на охрану здоровья.

***Ключевые слова**:* здоровье, право на охрану здоровья, право на жизнь, права человека, правовые гарантии обеспечения прав человека на охрану здоровья.

Права и свободы человека и гражданина, их генезис и реализация являются одной из вечных проблем человечества, важность и актуальность которых не требуют доказательств.

Права человека – это неотъемлемое, неотчуждаемое достижение человеческой цивилизации, сложное многомерное явление эволюционного характера.

Все права человека условно разделяются на группы, среди которых основное место занимают личные права человека. Право на жизнь – базовое право человека. Именно жизнь человека, его честь и достоинство, здоровье являются наивысшей ценностью для государства.

Право на жизнь неразрывно связано с правом на охрану здоровья. Потому что больной человек не может жить в полном значении этого слова, ему приходится существовать. На наш взгляд, право на жизнь и существование – разные по своему внутреннему наполнению.

В условиях формирования социального и правового государства правовое регулирование общественных отношений в сфере охраны здоровья приобретает особое значение. Проблемы охраны здоровья населения и деятельность, направленная на их разрешение, требуют постоянного внимания со стороны государства. Охрана здоровья признана одним из приоритетных направлений государственной политики России, важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности нашего государства. Право на охрану здоровья представляет собой комплексное правомочие, а также одно из конституционных и социальных прав, где человек наделен правом на получение бесплатной медицинской помощи в соответствующих учреждениях. Этому праву соответствует обязанность государства охранять и укреплять

здоровье граждан, развивать систему здравоохранения и медицинского страхования, содействовать развитию современных технологий в области медицины, а также повышать уровень физической культуры и спорта, не забывая при этом и о состоянии окружающей среды, которая непосредственно откладывает отпечаток на состоянии здоровья человека.

В постановлении Верховного Суда РФ от 22 июля 1993 г. № 5489-I «О порядке введения в действие Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» [8] поясняется, что понимается под правом на охрану здоровья. Это право обеспечивается охраной окружающей природной среды, созданием благоприятных условий труда, быта, отдыха, воспитания и обучения граждан, производством и реализацией доброкачественных продуктов питания, а также предоставлением населению доступной медико-социальной помощи. Государство обеспечивает гражданам охрану здоровья независимо от пола, расы, национальности, языка, социального происхождения, должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Государство гарантирует гражданам защиту от любых форм дискриминации, обусловленной наличием у них каких-либо заболеваний.

Правовые гарантии защиты права человека на охрану здоровья закреплены в международном и в отечественном законодательстве. На основе анализа действующих нормативно-паровых актов можно сделать вывод, что при обращении за медицинской помощью и ее получении человек имеет право на:

- уважительное и гуманное отношение со стороны медицинского и обслуживающего персонала;
- обследование, лечение и содержание в условиях, соответствующих санитарно- гигиеническим требованиям;
- проведение по просьбе больного консилиума и консультаций других специалистов;
- облегчение боли, связанной с заболеванием и (или) медицинским вмешательством, доступными способами и средствами;
- сохранение в тайне информации о факте обращения за медицинской помощью, о состоянии здоровья, диагнозе и иных сведений, полученных при его обследовании и лечении;
- информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство;
- отказ от медицинского вмешательства;
- получение информации о своих правах и обязанностях, о состоянии своего здоровья, а также на выбор лиц, которым в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья;
- возмещение ущерба в случае причинения вреда его здоровью при оказании медицинской помощи;
- допуск к больному адвоката или иного законного представителя для защиты его прав;
- отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения, за исключением случаев, предусмотренных законом. При отказе от медицинского вмешательства потребителю или его законному представителю в доступной для него форме должны быть разъяснены возможные последствия. Отказ от медицинского вмешательства с указанием возможных последствий оформляется записью

в медицинской документации и подписывается гражданином либо его законным представителем, а также медицинским работником.

В международно-правовых актах и научной литературе встречаются различные - словосочетания – «право на здоровье» и «право на охрану здоровья», которые в большинстве случаев применяются как синонимы и включают в себя: право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который является необходимым для поддержания здоровья (ч. 1 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека) [7, с. 36–58]; право на наивысший уровень достижения физического и психического здоровья (ч. 1 ст. 12 Международного пакта про экономические, социальные и культурные права) [7, с. 16–27]; право на охрану здоровья (п. «е» ч. 4 ст. 5 Международной конвенции про ликвидацию всех форм расовой дискриминации) [7, с. 28–36]; право на охрану здоровья (ст. 11 Европейской социальной хартии) [7, с. 60–75]; право на пользование наиболее усовершенствованными услугами системы охраны здоровья и методами лечения заболеваний и восстановление здоровья (ч. 1 ст. 24 Конвенции о правах ребенка) [7, с. 82–94]; право на охрану собственного здоровья тем способом, которым это позволяют делать существующие средства профилактики и лечения заболеваний, человек должен иметь возможность достичь наивысшего для себя уровня здоровья (п. 1, 6 ч. 1 Декларации про политику в сфере обеспечения прав пациента в Европе) [7, с. 100–115].

Следует отметить, что ни в одном из проанализированных актов термин «право на здоровье» не употребляется, тогда как научная литература демонстрирует плюрализм в обозначении этого права.

Здоровье является составной частью антропологической природы человека, природным благом, которым он наделен от рождения. То есть, с одной стороны, состояние здоровья человека зависит от его природных особенностей, которые формируются на момент рождения, а с другой – от социальных факторов, наследственных, природных факторов, экономических и политических условий, в которых он живет.

Неотъемлемым аспектом права на здоровье является обязанность уполномоченного субъекта обеспечивать это право каждому. Но, к сожалению, состояние здоровья не может d полной мерt зависеть ни от самого человека, ни от носителей обязанностей. Учитывая структуру этого субъективного юридического права, можно утверждать, что ни своими действиями, ни действиями других лиц это право не может быть удовлетворено, поскольку ни активные действия человека, ни действия других субъектов не могут повлиять на состояние здоровья. Также не стоит обращаться к государству с защитой права на здоровье, принудительным обеспечением права на здоровье, поскольку удовлетворить это требование государство не сможет. Утверждая, что человек имеет право на охрану здоровья, мы имеем в виду его возможность самостоятельно совершать определенные активные действия или прибегать к конкретным мерам, требовать от других субъектов совершения действий (надлежащее предоставление медицинской помощи в учреждениях охраны здоровья, проведенit гражданской экспертизы в сфере охраны здоровья, были обращения за помощью в профессиональные медицинские организации и т. д.), которые были направлены на удовлетворение этого права (возмещение материального и морального убытка, причиненного ненадлежащим предоставлением медицинской помощи,

оспаривание неправомерных действий, решений или бездеятельности служебных или других лиц органов управления охраной здоровья и другие).

Итак, анализ терминологической определенности понятия права на здоровье, призванного обеспечивать такое благо человека, как жизнь и здоровье, дает основания для признания существования именно права человека на охрану здоровья.

Государство, признавая на законодательном уровне это как жизненно необходимое благо, должно закрепить надлежащие правовые механизмы для реализации, охраны и защиты права человека на охрану здоровья.

Право человека на охрану здоровья является одним из определяющих среди природных и неотъемлемых прав. Оно гарантирует каждому человеку как члену общества сферу личной и семейной жизни, защиту его жизни и здоровья, личную неприкосновенность и т. д.

Право человека на охрану здоровья обеспечивает личную свободу, независимость и самостоятельность личности, гарантирует жизнь и защиту от любых форм насилия, жестокого и такого, которое унижает человеческое достоинство, отношения. Это право индивидуализирует человека и способствует его личной свободе, то есть возможности беспрепятственного выбора разных вариантов поведения в пределах социальных отношений, что является одним из условий активной жизнедеятельности.

Жизнь и здоровье – наивысшие социальные ценности, на основе которых формируются, определяются и оцениваются все другие ориентиры и блага современного общества, которые отображают биосоциальное бытие человека. Признавать здоровье важной гуманитарной ценностью означает уважать права человека, а также равность и социальную справедливость.

Здоровье – это благо, без которого в той или иной мере теряют значение другие ценности, поскольку нездоровый человек, так или иначе, ограничен в своей физиологической и социальной активности, в общении, в быте, в выборе места проживания, в обучении, в трудовой деятельности и т. д. Здоровье является одной из самых важных потребностей человека, одной из целей развития общества.

Здоровье также является важным социальным и экономическим фактором, от состояния которого зависят экономические ресурсы, физический, духовный и моральный потенциал общества. Большое значение здоровья как высшего и природного блага обуславливает необходимость его охраны и защиты, в том числе и международно-правового. Здоровье является одним из важнейших показателей социально-экономического и экологического благосостояния общества, его демографического, духовно-культурного, политического, научного, биологического и этического потенциала. Оно также является объективным критерием эффективности мер законодательного и исполнительного органов власти. В целом этот термин охватывает физические, психические, духовные и социальные аспекты жизнедеятельности.

Проанализировав различные дефиниции здоровья, можем дать определение рассматриваемого термина: здоровье – это максимально достижимое и оптимальное физическое и психологическое состояние человеческого организма, необходимое для обеспечения биологического и социального существования, способности к продолжительной активной жизни и восстановлению здорового поколения.

Право человека на охрану здоровья является одним среди природных, неотъемлемых и неотчуждаемых прав человека. Это право индивидуализирует человека и

способствует формированию его личной свободы, то есть возможности беспрепятственного выбора разных вариантов поведения в рамках социальных отношений, что, в свою очередь, является одним из условий активной жизнедеятельности.

Каждое государство несет ответственность за здоровье своих граждан и должно принимать все необходимые меры для обеспечения социальных, правовых и медико-санитарных условий.

В России принят ряд законов и иных нормативно-правовых актов, регулирующих отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан, характеризующие права и обязанности человека и гражданина и отдельных групп населения в сфере охраны здоровья, гарантии реализации этих прав. Среди основных мы можем назвать:

1) Конституция РФ, которая закрепила основы предоставления медицинской помощи на бесплатной основе, а также обязательность общего медицинского страхования для граждан Российской Федерации;

2) ФЗ РФ то 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» – это основной нормативно-правовой акт в сфере предоставления медицинской помощи, который закрепляет основные обязанности и права пациентов и медицинских работников. Определяет виды медицинской помощи и закладывает основы порядка ее предоставления;

3) ФЗ от 29.11.2010 г. № 326-Ф «Об обязательном медицинском страховании граждан в РФ», целью которого является усиление гарантий прав граждан на бесплатную медпомощь. Также законом определяются принципы ОМС. В частности всеобщий характер, доступность и качество медпомощи, автономность финансовой системы. Закрепляется правовой статус участников ОМС и механизм их взаимодействия, полномочия госорганов в этой сфере;

4) Гражданский кодекс РФ и другие.

На основе проведенного анализа нормативно-правовых актов можно сделать **вывод**, что:

1) анализ терминологической определенности понятия права на здоровье, призванного обеспечивать такое благо человека, как жизнь и здоровье, дает основания для признания существования именно права человека на охрану здоровья, а не права на здоровье;

2) право человека на охрану здоровья является одним из определяющих среди природных и неотъемлемых прав. Оно гарантирует каждому человеку как члену общества сферу личной и семейной жизни, защиту его жизни и здоровья, личную неприкосновенность и т. д.;

3) это право индивидуализирует человека и способствует формированию его личной свободы, то есть возможности беспрепятственного выбора разных вариантов поведения в рамках социальных отношений, что, в свою очередь, является одним из условий активной жизнедеятельности;

4) государство, признавая на законодательном уровне, в том числе на конституционном, здоровье как необходимое благо, должно закрепить надлежащие правовые механизмы для реализации, охраны и защиты права человека на охрану здоровья. Важно помнить, что состояние здоровья человека, с одной стороны, зависит от его природных особенностей, которые формируются на момент рождения, а с другой – от социальных факторов, наследственных, природных факторов, экономи-

ческих и политических условий, в которых он живет. И этот фактор напрямую зависит от уровня развития государства и его политики;

5) под здоровьем человека следует понимать максимально достижимое и оптимальное физическое и психологическое состояние человеческого организма, необходимое для обеспечения биологического и социального существования, способности к продолжительной активной жизни и восстановления здорового поколения;

6) здоровье – это, прежде всего, состояние организма, состояние человека в целом (включая и его психическую стабильность), в котором он полноценно исполняет социальные функции и ведет способ жизни, который обеспечивает сохранение, укрепление и развитие этого состояния;

7) в рамках исследуемой темы следует обратить внимание, что понятие охраны здоровья включает общую обязанность общества и государства, в которой органы власти, органы местного самоуправления, предприятия, организации, граждане обязаны обеспечить приоритетность охраны здоровья в личной деятельности. Особое место в жизнедеятельности государства занимают средства массовой коммуникации, которые информируют человека, а информация, как известно, формирует основу жизни человека. Но, зачастую, именно информация и продукты, созданные при использовании инновационных технологий, становятся источником опасности для здоровья. Автоматизация жизни, компьютерные технологии и сама сеть Интернет приводят к нехватке живого общения, возникновению ряда профессиональных заболеваний, развитию депрессивных настроений и потребности разнообразить унылое существование. В нашем современном информационном обществе развиваются заболевания не только связанные с нарушением естественного баланса с окружающей средой, но и процессы, вызванные неправильным образом жизни человека и желанием изменить собственное сознание – в этом кроются причины развития болезней общества.

Список литературы:

1. Долаев Ш. Р. Прогресс в медицине и проблема защиты прав человека: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10. – Москва, 2004. – 176 с.
2. Дюжиков С. А. Конституционное обеспечение права на охрану здоровья в Российской Федерации: диссертация …кандидата юридических наук: 12.00.02. – Ростов-на-Дону, 2001 – 195 с.
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. Л. В. Лазарева). – ООО «Новая правовая культура», 2009 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634/ – Дата обращения 25.07.2018.
4. Мохов А. А. Основы медицинского права Российской Федерации [Текст]: учебное пособие для магистров: [лицензирование, правовой статус пациента, донорство и трансплантация, оказание психиатрической помощи, принудительные меры медицинского характера, медицинские экспертизы] / А. А. Мохов. – Москва: Проспект, 2014. – 374 с.
5. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2010 N 326-ФЗ – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/. – Дата обращения 01.08.2018.
6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/ – Дата обращения 01.08.2018.
7. Права человека: международные договоры, декларации, документы / Состав. Ю. К. Качуренко. – 2-е изд. – К.: Юринформ, 1992. – 198 с.
8. Постановление ВС РФ от 22.07.1993 № 5489-1 «О порядке введения в действие Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-vs-rf-ot-22071993-n-5489-1/ – Дата обращения 12.12.2016.

9. Романовский Г. Б., Романовская О. В. Врач и пациент: права и обязанности. – Специально для системы ГАРАНТ, 2015 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://base.garant.ru/57384800/ – Дата обращения 01.08.2018.
10. Стеценко С. Г., Гончаров Н. Г., Стеценко В. Ю., Пищита А. Н. Медицинское право. Учебник для юридических и медицинских вузов (издание второе дополненное и переработанное) (ответственный редактор д. м. н., д. ю. н. А. Н. Пищита). – «РМАПО». 2011 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://base.garant.ru/57863640/ – Дата обращения 01.08.2018.

Mironova O. A. The right to health protection: the constitutional and legal aspect // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 105–111.

The issues of constitutional rights of a person implementation in health care are studied by analyzing academic literature, the text of the Constitution and other regulations.

The definitions of the notions as the right to health and the right to health care are carried out. The right to health care as well as the right to life is considered to be a fundamental one among natural and inalienable rights.

It is argued that the right to health care makes a person an individual and helps him to form his personal freedom, so it means a free choice of different behaviors in the framework of social relations, which, in its turn, is one of the conditions of active human activity.

It is concluded that the state, recognizing both at the legislative level and at the constitutional level, health as a necessary benefit, should establish appropriate legal mechanisms for the implementation, care and protection of the human right to health care.

***Key words**:* health, right to health care, right to life, human rights, legal regulations to health protection

Spisok literatury:

1. Dolaev SH. R. Progress v medicine i problema zashchity prav cheloveka: dissertaciya ... kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.10. – Moskva, 2004. – 176 s.
2. Dyuzhikov S. A. Konstitucionnoe obespechenie prava na ohranu zdorov'ya v Rossijskoj Federacii: dissertaciya …kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.02. - Rostov-na-Donu, 2001 – 195 s.
3. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii (pod obshch. red. L.V. Lazareva). - OOO "Novaya pravovaya kul'tura", 2009 g. - [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634/ - data obrashcheniya 25.07.2018.
4. Mohov A. A. Osnovy medicinskogo prava Rossijskoj Federacii [Tekst]: uchebnoe posobie dlya magistrov: [licenzirovanie, pravovoj status pacienta, donorstvo i transplantaciya, okazanie psihiatricheskoj pomoshchi, prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera, medicinskie ehkspertizy] / A. A. Mohov. – Moskva: Prospekt, 2014. – 374 s.
5. Ob obyazatel'nom medicinskom strahovanii v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29.11.2010 N 326-FZ - [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/ - data obrashcheniya 01.08.2018.
6. Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 N 323-FZ - [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/ - data obrashcheniya 01.08.2018.
7. Prava cheloveka: mezhdunarodnye dogovory, deklaracii, dokumenty / Sostav. YU. K. Kachurenko. – 2-e izd. – K.: YUrinform, 1992. – 198 s.
8. Postanovlenie VS RF ot 22.07.1993 N 5489-1 "O poryadke vvedeniya v dejstvie Osnov zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ob ohrane zdorov'ya grazhdan"- [EHlektronnyj resurs]- URL: http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-vs-rf-ot-22071993-n-5489-1/ - data obrashcheniya 12.12.2016 g.
9. Romanovskij G.B., Romanovskaya O.V. Vrach i pacient: prava i obyazannosti. - Special'no dlya sistemy GARANT, 2015 g.- [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://base.garant.ru/57384800/ - data obrashcheniya 01.08.2018
10. Stecenko S.G., Goncharov N.G., Stecenko V.YU., Pishchita A.N. Medicinskoe pravo. Uchebnik dlya yuridicheskih i medicinskih VUZov (izdanie vtoroe dopolnennoe i pererabotannoe) (otvetstvennyj redaktor d.m.n., d.yu.n. A.N. Pishchita). - "RMAPO". 2011 g.- [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://base.garant.ru/57863640/- data obrashcheniya 01.08.2018.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 112–125.

УДК 340

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА ОРГАНИЗАЦИИ ЛОЦМАНСКОГО ДЕЛА НА ЮГЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Никитина А. П.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Деятельность лоцманов в Российской империи начала регулироваться многочисленными указами со времени правления Петра I. Каждый из этих них регулировал какую-либо одну или две небольшие проблемы в деле установления правового статуса лоцманов. В результате в начале XIX в. был сформирован общий подход, согласно которому лоцманы были людьми свободными, получали за свою деятельность установленную плату, ничем иным, кроме проводки судов, их нельзя было заставлять заниматься, имели определенные льготы по уплате податей и в отношении поставок рекрутов, устанавливались определенные социальные гарантии, например в отношении престарелых лоцманов; отдельно устанавливались ответственность лоцманов и правила их взаимоотношений с шкиперами. Все эти положения были разрознены и не всегда достаточным образом детализированы, но в последующем именно они были положены в основу большинства лоцманских уставов. Упоминания же о деятельности лоцманов на территории Юга империи появляются в конце XVIII в. и относятся к Днепру и Керченскому проливу.

Ключевые слова: лоцманы, правовое регулирование, Российская империя, указ.

Деятельность лоцманов, являющихся проводниками судов в специфических условиях, является одним из важных средств обеспечения безопасности судоходства в портах, проливах, каналах, реках и морях. Долгое время из-за отсутствия выхода к морю развивалась лишь категория самодеятельных речных лоцманов.

Первые официальные сведения о деятельности русских лоцманов Ю. Мишальченко относит к 1653 г., когда царем Алексеем Михайловичем (отцом Петра I) была дарована грамота архангельскому рыбаку Ивашке Котцову, согласно которой ему и его товарищам разрешалось проводить торговые суда по Белому морю и р. Северная Двина [1]. Однако есть и более ранние источники: так, лоцманы упоминаются в договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, датирующимся 1270 г. [2].

Однако более широкую деятельность отечественные лоцманы, безусловно, получили много позже. Важность их услуг и умений были восприняты еще становившейся морской державой Петра I. Так, 19 июля 1723 г. принят указ, предусмотревший, кроме прочего, взыскания с иностранных кораблей, входящих в Российские гавани без лоцманов (4250) [3, с. 81]. Важность работы лоцманов в деле развития торгового судоходства отмечена и в «Регламенте Коммерц-коллегии» от 31 января 1724 г. Ее ст. 15 предписывала «наблюдать за тем, чтобы не происходило от лоцманов притеснения купечеству» [3, с. 245].

Актуальность для России лоцманского дела подтвердили и следующие указы. Так, указом от 31 декабря 1758 г. (10912) «О записывании в лоцманы для спуска при Вышнем Волочке барок из ямщиков и из разных крестьян» регулировался порядок

записи в лоцманы и подсудность их. Им, в эпоху расцвета крепостного права, разрешалось записываться в лоцманы и получать об этом соответствующие свидетельства ямщикам, монастырским и помещичьим крестьянам. Суд над ними указ предписывал производить у коллежского асессора Сердюкова и Ямскому управлению [4, с. 312]. Таким образом были заложены основы к правовой самостоятельности лоцманов.

Однако очевидно, что не везде с должным уважением относились к представителям данного рода профессии. Так, известны даже лоцманские бунты на этой почве. Для их предотвращения в дальнейшем 22 июня 1765 г. был принят специальный указ «О неупотреблении лоцманов у Боровицких порогов в другие работе, кроме чистки сих порогов и спуска судов». Лоцманов, приписанных к Боровицким порогам, ни в какие работы не употреблять, кроме чистки порогов и спуска судов [5, с. 173–174]. Данным документом лоцманам решили твердо платить приличную плату и не нагружать иной работой.

В то же время формировались правовые основы и ответственности лоцманов за результаты своей деятельности. Так, к примеру, 24 августа 1780 г. принят указ «О поступании с лоцманами за разбитие и оставление барок по указу 1720 года апреля 1». Им предусматривалось наказание лоцманов за разбитие и оставление берок [6, с. 971–972]. Впрочем наказания устанавливали и предыдущие указы от 15 ноября 1742 г., 20 июля 1739 г., 15 октября 1764 г. [7, с. 971–972].

В Уставе купеческого водоходства от 23 ноября 1781 г. проблемы ответственности лоцманов, их права и обязанности помещены в гл. 13 «О крушении или гибели, о награде спасения и о лоцманах». Им (п. 296) установлена ответственность лоцманов за повреждение судна и его груза во время нахождения корабля под их руководством. Пункт же 297 установил обязательность закрепления данных о глубине осадки корабля письменно, что в случае указания неточных данных и произошедших от этого аварии гарантировало правоту лоцмана и даже более. Так, указывалось, если судовщик проводника или лоцмана не «уведомит письменно… или солжет, то по благополучном прибытии к городу, порту или пристани корабельщик или судовщик должен из собственной своей платы заплатить лоцману 5 руб. за каждый дюйм, что утаил или солгал. Если же корабль в случае утайки сведения набежит на камень, мель, берег и будет ему ущерб, то взыскивать не с лоцмана, а с корабельщика». Устав обязывал лоцмана эту записку хранить до якорной стоянки или швартовки судна и проверять ее данные [8, с. 336].

В уставе также указывалось, что «понеже во многих набережных местах суть свидетельствованные портовые или прибережные проводники или лоцманы, кои от их общества получают печатные виды о их способности, знании и дозволении упражняться в провождении кораблей или судов; и для того, когда прибрежные проводники всходят на корабль или судно, корабельщик или судовщик имеет требовать их письменного свидетельства, которое они всегда при себе имеют, и таковых, как надежнее суть, и надлежит ему корабельщику или судовщику принимать преимущественные перед незасвидетельствованными; с того же времени, как портовые или прибережные проводники или лоцманы корабль или судно принимают на свой отчет, они за корабль или судно ответствуют до тех пор, пока корабль или судно станет в безопасном месте на рейд или в порт или пристани; и кораблю или судну учинится вред или ущерб или убыток, пока он на отчет портовых или прибереж-

ных проводников или лоцманов, то корабельщик или судовщик право имеет просить о удовлетворении на них в их обществе или у кого надлежит в той земле, которой они суть; но буде корабельщик или судовщик или штурман учнет портовым или прибережным проводникам или лоцманам прекословить в чем касательно их должности… и они… скажут корабельщику или судовщику, что вследствие такого-то его прекословного поступка, он сдают корабль или судно с своих рук; то корабельщик или судовщик сам остается под ответом или отчетом…» (ст. 41) [8, с. 164–165].

Позже были установлены указами и прочие варианты наказаний для лоцманов. Так, указом от 29 октября 1810 г. (24391) пп. 34, 77 лоцману, кроме прочего, за неявку к работе полагалось 40 ударов палками [9, с. 407]. Устанавливалась и ответственность лоцманов, за повреждение судов от умысла или по небрежению. Лоцман, дознанный виновным, смотря по его поступку, подвергал наказанию, например, запрещает провожать суда: на один сплав; на год; навсегда. Телесному наказанию: приватно, т. е., без судебного приговора; публично, т.е. по произведении над ним суда, которое, правила «не может быть учинено иначе, как только в случае ясно доказанной на лоцмана злоумышленности» [9, с. 409].

Также формированию статуса лоцманов и лоцманской службы послужили указы № 16733 «Об освобождении владеемых лоцманом Матсом Иоанновым состоящих Выборгской Губернии в деревни Кюрлакс земель, от казенных податей с тем, чтобы сии земли почитать принадлежащими званию тамошнего лоцмана»; (19029) «О записке Вышневолоцких лоцманов, и о назначении им умеренной платы»; (20222) «Освобождение от рекрутской повинности лоцманов Выборгской губернии»; (22400) «Обращение в казенное ведомство из помещичей собственности лоцманов Боровицких порогов»; (22507.а) «Освобождение лоцманов при Архангельском порте от взноса хлеба в сельские магазины»; (26797) «Об устройстве Вышневолоцких лоцманов»; (26903) «О снабжении лоцманов Ношкинской и Басугинской пристаней билетами, для сплава судов со Гжатских и Верхневолжских пристаней до Вышняго Волочка и Новгорода»; 6 ноября 1826 г. (650) «О увольнении лоцманов Архангельского порта за старостью лет и болезнями, от сего звания, с освобождением от платежа Государственных податей и повинностей» [10, с. 1170 – 1172] и т. д.

Каждый из этих указов регулировал какую-либо одну или две небольшие проблемы в деле установления правового статуса лоцманов. В результате в начале XIX в. был сформирован общий подход, согласно которому лоцманы были людьми свободными (не крепостными), получали за свою деятельность установленную плату, ничем иным кроме проводки судов их нельзя было заставлять заниматься, имели определенные льготы по уплате податей и в отношении поставок рекрутов, устанавливались определенные социальные гарантии, например в отношении престарелых лоцманов; отдельно устанавливались ответственность лоцманов и правила их взаимоотношений с шкиперами. Все эти положения были разрознены и не всегда достаточным образом детализированы, однако в последующем именно они были положены в основу большинства лоцманских уставов.

Упоминания же о деятельности лоцманов на территории Юга империи и попытки правового регулирования их деятельности появляются в конце XVIII в. При этом, безусловно, следует указать на то, что лоцманское дело было давно знакомо местному населению, занимавшемуся речным плаванием, особенно по Днепру.

Очевидно, что первыми, кто взял на себя профессионально выполнять работу по проводке судов керченским каналом в условиях его контроля Российской империей были представители греческого населения, издавна зарекомендовавшие себя как отличные мореплаватели. Заложен этот процесс был изданием 28 марта 1775 г. именного указа генералу графу Орлову «О дозволении служившим во флоте под предводительством его Грекам поселится в городах Керчи и Ениколе с представлением им особых выгод» (№14282) [11, с. 101 – 103].

Данный процесс был продолжен указами 19 апреля 1795 г. Таврическому генерал-губернатору графу Зубову «Об устроении селения единокровных народов в городе Одессе и окрестностях онаго» (№ 17320) (греков и албанцев) [12, с. 686–688]; а также 30 июня 1795 г., опять-таки, графу Зубову «Об утверждении его мнения, касательно прошения Греков, живущих в Керчи и Еникале» (№ 17348) [12, с. 719–724].

Однако дальнейшее регулирование этого вопроса, в первую очередь в связи со слабым развитием торгового судоходства в этом регионе, получило свое развитие лишь во второй половине XIX в.

Иное дело днепровские лоцманы. Сословие днепровских лоцманов получило свое формальное признание и оформление в 1787 г., во время путешествия Екатерины II через днепровские пороги [13, с. 269]. Жители деревни Каменки, в основном осевшие там запорожцы, пропустили весьма искусно через пороги императорскую флотилию; это было поводом к тому, что Екатерина II повелела составить особую общину днепровских лоцманов, которых исключительное назначение должно было состоять в том, чтобы они пропускали суда через опасные пороги не Днепре. Вслед за этим князь Потемкин-Таврический приказал, на основании Высочайшего повеления, освободить лоцманов от всех повинностей и поставки рекрут.

Всех лоцманов, по переписи середины XIX в., в с. Лоцманской-Каменке и других приднепровских селениях насчитывалось 1,322 души мужского и 1,330 женского пола.

Лоцман еще молодым парнем поступал на службу и продолжал ее до тех пор, пока дряхлость или болезнь не мешали ему отправлять ремесло свое.

Управлялись лоцманы конторой, в которой председательствовал старший атаман с членами. Разумеется, ни одно распоряжение не делалось без одобрения начальника отделения. Атаманы, хотя и избирались громадой, но и тут главную роль играла воля начальника. Смотря по опытности и искусству, эти лоцманы разделялись на 3 разряда. Первой статьи лоцманы занимались проводом через пороги барок и других судов, второй статьи – плотов, а третьей статьи – придавались в виде помощников перво- и второ-статейным. Третьей статьи лоцман, смотря по усовершенствованию, мог быть со временем помещен во вторую и первую статьи.

Каждое судно и каждый плот, предназначаемые к плаванию через пороги, останавливались в с. Каменке и требовали лоцмана. Здесь осматривались суда, определялась их осадка и наряжаются два лоцмана на барку и по одному на плот; эти люди обязывались доставить судно в целости за последний порог (Вильный). Плата за труды и искусство определялась в 4 р. 30 коп. сер., из которой только малая часть доставалась лоцманам на руки.

Плата днепровским лоцманам впервые была официально утверждена лишь в 1836 г. Так, 11 февраля этого года было утверждено положение комитета мини-

стров, составленное по рапорту главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями «О плате днепровским лоцманам за провод через пороги судов и плотов» (8862). В частности, главноуправляющией просил, чтобы назначение платы днепровским лоцманам за провод судов и плотов через пороги Днепра подчинено было тому же правилу, какое существовало для лоцманов по реке Мсте, т. е. чтобы эта плата устанавливалась им на каждое трехлетие, в том числе по 15 руб. ассигнациями на первое трехлетие [14, с. 113–114]. Что и было сделано.

В дальнейшем эта мера нашла свое подтверждение в последующих указах: 27 сентября 1838 г. высочайше утвержденное положение Комитета министров, распубликованное 3 ноября «О плате в 1839, 1840 и 1841 годах лоцманам днепровских порогов за провод через пороги частных судов и плотов» (11561) [16, с. 132]; 11 ноября 1841 г. (15012) «О плате лоцманам за провод частного судна через днепровские пороги» [17, с. 38–39]; 17 апреля 1845 г. «О оставлении без изменения на трехлетие с 1845 г. установленной в 1845 г. платы днепровским лоцманам за провод судов и плотов через пороги реки Днепра» (18933) [18, с. 332–333]; 3 февраля 1848 г. «О оставлении прежней платы днепровским лоцманам за провод каждого частного судна или плота через пороги р. Днепр на трехлетие с 1848 по 1851 г.» (21964) [19, с. 92]; 27 апреля 1851 г. «Плата лоцманам, концевым рабочим за провод судов и плотов через днепровские пороги» (25168) [20, с. 333–334].

Последним упомянутым нами указом устанавливалась такая плата на срок 1851–1854 гг.: а) до пристани у Гадючей Балки 4 руб. 30 коп.; б) до колонии Кичкас 5 руб.; в) далее на расстояние 50–60 верст от Гадючской пристани 6 руб. серебром [20, с. 334].

Важно отметить, что, как сообщали современники, «положение лоцманов вообще не завидное, хотя они избавлены от всех повинностей и пользуются землей». Объяснялось это тем, что время навигации совпадало со временем полевых работ, потому хозяйство их было в упадке, а выработанные деньги далеко не могут заменить потерю хозяйству, тем более, как уже было сказано выше, очень малая доля доставалась им на руки, большая же часть обращалась для приращения процентов и на общественные расходы. Всю поддержку их быта составляли подарки судовладельцев [13, с. 270].

Лоцманы, которые приобрели доверие сплавщиков леса, получали от них плату, подрядясь доставить плот в Кичкас, а иногда и до Никополя. Это бывало летом, когда навигация, по случаю убыли воды, прекращалась по старому казацкому ходу, а открывается по вновь построенным каналам [13, с. 271].

Значение деятельности днепровских лоцманов в этот период трудно переоценить, ведь они были первыми официально признанными лоцманами на территории нашей страны. В иных случаях наличие лоцманов лишь констатировалось, но не поддавалось правовой регуляции.

Так, в качестве примера приведем указ от 12 июля 1826 г. – «Высочайше утвержденное положение о Черкасских лесах, принадлежащих Военным поселениям» (№ 463). В нем, в частности, упоминаются лоцманы «для сплава Черкасских лесов ведомства военных поселений». В п. 310 предписывалось «на каждый плот назначается в первые два года по одному вольному лоцману; а в последующие годы таковые лоцманы, распоряжением начальника дивизии, должны быть приготовлены из неспособных к строевой службе кантонистов, на правилах, в п. 260 предписанных».

Пункт же 311 предусматривал, что «лоцманы нанимаются в городе Крылове Комитетом полкового управления Орденского Кирасирского полка, с требованием от начальства Бугской уланской дивизии употреблённых на сие денег в возврат, из сумм на те строения, для коих материалы назначены, ассигнованных» [10, с. 735–736].

Как видно из этого документа, военное начальство планировало воспитать своих лоцманов, лишь на первое время используя вольнонаемных. Очевидно, что эта мера не имела успеха.

Не посвящено достаточно внимания лоцманам и в других нормативных актах. Так, к примеру, 10 марта 1837 г. были утверждены «Правила для плавания казенных и частных пароходов во всех проходах и реках Российской империи» (10021) [21, с. 164–165]. Однако в них нет совершенно упоминания о лоцманах, да и сами правила весьма коротки и состоят из всего 10 пунктов.

Несмотря на это, предпосылки к дальнейшему развитию лоцманского дела в регионе существовали. Так, понимая важность развития судоходства, правительство озаботилось в 1841–1842 гг. работами по землечерпанию, т. е. углублению фарватера Нового Гирла (р. Конка), после чего глубина на банке была доведена до 10 футов, но для деятельности мореходных судов с грузом требовалось 12 футов [22, с. 308]. По свидетельству современников, «экипажи русских каботажных судов составляются из жителей портовых городов и селений, лежащих по берегам Днепра, Буга и Днестра, преимущественно из украинцев. Шкипера тоже из них и частию из иностранцев, греков и славян…» [22, с. 310]. Главный недостаток этих членов и их шкиперов, при всей их смелости и сметливости, – отсутствие образования: «Эти недостатки были причиною частых кораблекрушений, утраты грузов, нередко гибели экипажа, а с тем вместе и недоверия фрахтовщиков к нашим судам; в настоящее время, если русские суда не участвуют в отправлении внешней торговли, то собственно по неимению образованных шкиперов» [22, с. 311–312].

Лишь к середине XIX в. можно отметить усиление внимания законодателя к проблемам деятельности лоцманов. Так, 4 января 1848 г. был принят указ «О назначении от каждой станицы войска Донского лоцманов для препровождения по реке Северному Донцу пароходов и судов» (№ 21851). В нем имелись в виду от станицы Луганской до станицы Кочетковской. От каждой станицы по приговорам обществ предписывалось приготовить по три лоцмана из служащих казаков. Нахождение казаков в звании лоцмана следовало считать за полевую и внутреннюю службу, полагая срок ее 30 лет. Так как лоцманы находились при своих домах, то указ предписывал не производить им от войска никакого содержания [19, с. 3]. Такой шаг лишал будущих лоцманов всякой заинтересованности в результатах своей работы.

В этом же году законодатель обратил свое внимание и на керченский канал, 8 ноября 1848 г. был принят указ «О установлении в пользу лоцманов сбора за провод через Эникольские мелководия судов» [23, с. 23].

На Днепре, хотя плата лоцманам и была установлена государством, однако на деле в низовой дистанции Днепра на бердины и барки нанимались лоцманы или шкиперы до г. Херсона, она была такой: от к. Кичкас за 40–50 руб., а от Николаева за 30–40 руб. за одну сходку.

Собственно для речного днепровского судоходства, за исключением самых низовьев Днепра, жители Херсонской губернии не нанимались в судорабочие. Частью

причина этого заключалась в социальном положении днепровского прибрежного населения губернии, а частью – в дороговизне рабочих, которые необходимы были самим жителям для хлебопашества. Поэтому судорабочие на Днепре состояли преимущественно из жителей Минской, Могилевской, Черниговской, Киевской и Полтавской губерний и из прусских подданных. По сословиям же они были крестьяне – бывшие помещичьи и казенные, вольноотпущенные, отставные и бессрочно-отпускные нижние чины и мещане. Последние наиболее чаще нанимались в лоцманы и шкиперы, которыми также снабжала суда и Екатеринославская губерния [22, с. 331]. В период с 1850 по 1858 г. было лоцманов 5,218; сходочных – 3,032, коренных – 209 [22, с. 332].

Следует также указать, что между лоцманами, по опытности своей на Днестре, в этот период славились подольские [22, с. 341].

Долгое время проблеме обеспечения безопасности торгового судоходства в этом регионе с помощью лоцманов уделялось мало внимания. Причин к тому, очевидно, несколько: 1) слабость торгового судоходства в конце XVIII – начале XIX в., вызванное низким уровнем развития собственно российского судоходства и частыми войнами в регионе; 2) превалирующее значение в заграничной торговле турок и греков, которые издревле знали все местные воды; 3) военно-морской флот в таких случаях предпочитал обходился своими силами, не обращаясь к частным лицам, а тем более к иностранцам; 4) прибрежное и речное судоходство базировалось в основном на малых судах, иногда даже речного типа, с весьма низкой осадкой, что не требовало наличия сословия лоцманов.

Доказательством нашим предположениям служит тот факт, что впервые комплексно было обращено внимание на важность лоцманской службы в регионе лишь с включением в территорию Российской империи устья Дуная, через которое шла оживленная торговля многих государств. Ее контроль, а также регулирование для регулярного пополнения казны было делом государственной важности. Именно поэтому изданное Положение о управлении Сулинским портом на Дунае от 26 декабря 1851 г. возлагало на капитана порта и «заведование обществом лоцманов в Сулине и установление таксы платежа за провод ими судов по Дунаю» (25851) [24, с. 189–191].

В этот же день было утверждено царем «Учреждение Общества лоцманов при Сулинском порте на Дунае». В общество могли вступать российские подданные и иностранцы, имеющие соответствующие паспорта, а также аттестаты от шкиперов о способности их исполнять обязанности лоцмана и знании Сулинского устья и нижней части реки Дунай. Для поступления в общество следовало получить его согласие и капитана над портом. Для управления обществом избирали старосту из лоцманов, но «главное же заведование обществом» поручалось капитану над Сулинским портом. Если кто из лоцманов самим обществом считался не надежным или неспособным к занятию этим промыслом, то об исключении его из сословия лоцманов общество составляло приговор, утверждавшийся капитаном.

Плату за провод судов лоцманам полагалось получать только по таксе, которую составлял капитан над портом, беря в расчет время года, расстояние провода судов и другие обстоятельства, могущие иметь влияние на размер платы. В конечные счета такса утверждалась новороссийским и бессарабским генерал-губернатором и публиковалась. С учреждением общества лицам, не принадлежащим к нему, занятие проводом судов строго воспрещалось [24, с. 192].

Для настоящего исследования данный документ важен тем, что впервые на законодательном уровне в регионе закрепил отдельные, пусть и пока весьма поверхностные нормы существования и деятельности лоцманского общества.

С развитием судоходства, торговли портов значение различных проливов, рек, каналов и устьев менялось. В последствии были созданы общества лоцманов (на Днепре, Буге, в Керчи и пр.). Обществу же Сулинских лоцманов посчастливилось меньше всего. По результатам Крымской (Восточной) войны Российская империя потеряла контроль над устьем Дуная, а с ним и право организовывать там собственные лоцманские общества.

27 июня 1867 г., на основании решений, принятых в Париже 28 марта 1866 г., по которым устья Дуная оказались в руках Турции, был принят указ «О международном акте касательно судоходства в устьях Дуная» (№ 44776) [25, с. 1055]. Им объявлялось об организации специальной полиции Сулинского рейда, которая взаимодействовала с сулинским лоцманским старшиной [25, с. 1062].

Продолжили череду нормативных актов, регулирующих судоходство, такие документы: 1866 г. 3-го (15-го) декабря «Постановления касательно судоходства по реке Пруту, заключенные между Россией, Австрией и Румынией»; 6 февраля 1873 г. «О обнародовании Положения о судоходстве и судоходной полиции по реке Пруту и временного тарифа судоходных пошлин, составленных в Бухаресте 27 января (8 февраля) и 28 января (9февраля) 1871 года, Прутскою смешанною комиссиею». Положение о судоходстве и судоходной полиции на Пруте, составленное Постоянною смешанною комиссиею, учрежденной на основании Конвенции, подписано в Бухаресте 3/15 декабря 1866 г.

Таким образом, в конце XVIII – первой половине XIX вв. сформированы основные лоцманские общества черноморско-азовского региона: Днепровские, Николаевские, Еникальские и Дунайские (вобравшие в себя в последствии лоцманов Прута и Днестра). Правовое регулирование их деятельности не отличалось обстоятельностью, а также должным вниманием к нему государства по многим причинам (слабое судоходство, особенно на реках и их частях, малоприспособленных для больших судов; отсутствие опыта, сложная система социальных отношений в стране и т. д.), за исключением разве что Дунайских, но уже в тот период, когда они не были в юрисдикции России.

Логическим подтверждением тому служит последующее регулирование деятельности общества Днепровских лоцманов в имперский период. Так, 22 февраля 1879 г. было высочайше утверждено положение Главного комитета об устройстве сельского состояния, объявленное сенату министром путей сообщения 5 марта «Об устройстве Днепровского лоцманского общества» (№ 59344). Им, в частности, предписывалось население Днепровского лоцманского общества включить в общий состав сельских обывателей и подчинить ведению общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским людям учреждений на следующих основаниях:

Во-первых, общественное сельское и волостное устройство и управление в селениях Днепровских лоцманов следовало вести по правилам, указанным в ст. 40–129 общего положения о крестьянах 19 февраля 1861 г. и в дополнительных к оному постановлениях. Во-вторых, одновременно с этим следовало произвести выборы всех должностных лиц сельского и волостного управлений, в том числе волостных судей. В-третьих, увольнение отдельных лиц из сельских обществ, а также припис-

ку к ним следовало производить порядком, установленным в ст. 130, 132–147 общего положения о крестьянах 19 февраля 1861 г. и в дополнительных к нему узаконениях. В-четвертых, распоряжение принадлежащими лоцманам хлебными запасами и денежными капиталами подчинялись правилам, установленным в этом отношении для прочих сельских обывателей. В-пятых, земские и мирские повинности должны были исполняться лоцманами по общим для крестьян правилам, содержащимся в общем положении 19 февраля 1861 г. и в дополнительных к нему постановлениях. В-шестых, отбывание лоцманами воинской повинности следовало производить в силу утвержденного 20 августа 1874 г. (53832) мнения государственного совета, на основании правила, изложенного в ст. 64 устава о воинской повинности.

Устройство на изложенных выше основаниях общественного управления лоцманского населения следовало произвести в течение 3 месяцев со дня обнародования на месте этого постановления, а принятие всех необходимых для сего мер возлагалось, под ближайшим наблюдением местных губернатора и губернского по крестьянским делам присутствия, на те местные учреждения министерства путей сообщения, в которых лоцманское население до сих пор состояло.

Практически уравняв лоцманов с крестьянами, указ предписывал впредь, до особого распоряжения, оставить на населении Днепровского лоцманского общества лежащие на нем обязанности по проводу судов и плотов через днепровские пороги.

При этом следовало:

1) отбытие этой повинности производить существовавшим порядком, под наблюдением местных учреждений министерства путей сообщения;

2) до отмены этой повинности сохранялись за лоцманским населением свобода от казенных податей и повинностей;

3) все прочие обязательные для этого населения работы на порогах немедленно отменялись, с заменой их трудом вольнонаемным.

Понимая неоднозначность принятых мер, указом предписывалось министру путей сообщения, по соглашению с подлежащими ведомствами, составить и не позже 1 января 1880 г. представить на утверждение предположения: 1) об отмене лежащей на лоцманском днепровском населении повинности по проводу судов и плотов через днепровские пороги, с введением, в замен того, других мер, кои обеспечивали бы судоходство по сим порогам и 2) о поземельном устройстве сего населения на основании соответствующих законоположений о других сульских обывателях [26, с. 83–84].

Однако нового положения днепровским лоцманам пришлось ждать более 30 лет. Лишь 9 мая 1911 г. был введен в действие одобренный госсоветом и госдумой закон «Об обществе днепровских лоцманов» (№ 35156). Им, во изменение и дополнение подлежащих узаконений, предписывалось освободить население Днепровского лоцманского общества от лежащей на нем повинности по проводу судов и плотов через днепровские пороги и установить прилагаемое при этом Положение об обществе днепровских лоцманов.

Министру путей сообщения предоставлялось образовать первоначальный состав упоминаемого общества днепровских лоцманов по преимуществу из числа желающих поступить в него жителей селений: Лоцманской Камянки, Старых-Кайдак, Сурских Хуторов и Широкого, Екатеринославских уезда и губернии.

Ему же предписывалось издавать правила, «ближайшим образом определяющие порядок образования и деятельности» нового общества днепровских лоцманов [27, с. 313].

Кроме того, уложение о наказаниях уголовных и исправительных (Свода Зак. Т. ЧМ, изд. 1885 г.) дополнялось статьей 288.1 следующего содержания:

«288.1. Виновные в оскорблении атамана днепровских лоцманов, при исполнении или по поводу исполнения им служебных обязанностей, подвергаются наказаниям, определенным в ст. 288 сего Уложения».

Статью 31 устава о наказаниях, налагаемых Мировыми Судьями (Свода Зак. Т. XV, изд. 1885 г. по Прод. 1906 г.), дополнили так:

«Наказаниям, определенным в сей (31) статье, подвергаются также виновные в оскорблении днепровского лоцмана при исполнении или по поводу исполнения им служебных обязанностей» Т. 31 [27, с. 314].

Вместе с тем было опубликовано одобренное Государственным советом и Государственной думой положение об обществе днепровских лоцманов.

В нем, в частности, указывалось, что общество днепровских лоцманов состоит в ведении министра путей сообщения, которым и определялся порядок ближайшего, на месте, надзора за его деятельностью (ст. 1).

Общество днепровских лоцманов состояло из лоцманов и лоцманских учеников (ст. 2). Наибольшее и наименьшее число лоцманов и лоцманских учеников также определялось министром путей сообщения на каждое трехлетие вперед, по соображению с потребностями судоходства. В случае отсутствия наименьшего числа лоцманов общество лишалось предоставленного ему исключительного права провода судов и плотов через днепровские пороги (ст. 3).

Лица, желающие вступить в общество, принимались в него лоцманскими учениками, при условии, если они достигли восемнадцатилетнего возраста (ст. 4).

В лоцманы переводились лоцманские ученики, проплававшие, в качестве таковых, на днепровских порогах не менее пяти последних навигаций, достигшие двадцативосьмилетнего возраста и выдержавшие испытание в знании лоцманского дела (ст. 5).

Не могли быть приняты в общество и состоять в нем лица: 1) не состоящие в русском подданстве; 2) имеющие физические и другие недостатки, препятствующие управлению судами и плотами; 3) приговоренные судом к наказанию, влекущему за собой лишение или ограничение прав состояния либо исключение из службы, а равно приговоренные судом за кражу, мошенничество, присвоение или растрату вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденного или полученного через обман имущества и ростовщичество, хотя бы после состоявшегося осуждения они и были освобождены от наказания за давностью, примирением, силою всеемилостивейшего манифеста или особого высочайшего повеления; 4) состоящие под следствием или судом по обвинениям в преступных деяниях, означенных в п. 3 этой статьи или влекущих за собой отрешение от должности (ст. 6).

Лица, принятые в общество, приводились к специальной присяге (ст. 7). Члены общества, уклонявшиеся в течение двух лет от исполнения лоцманских обязанностей, исключались из состава общества (ст. 8).

Заведование делами общества принадлежало лоцманскому сходу и атаману днепровских лоцманов. В помощь атаману доцманским сходом избирались помощник атамана, заступающий на место атамана в случае его отсутствия или болезни, а также для ведения письменной и счетной частей – писарь и казначей; для поверки денежных сумм и отчетов общества предусматривалась избираемая ревизионная комиссия (ст. 9).

Лоцманский сход состоял из наличных лоцманов. К предметам его ведения были отнесены: 1) избрание атамана и прочих должностных лиц; 2) избрание ревизионной комиссии; 3) определение размера содержания должностным лицам, а также назначение вознаграждения за службу на сторожевых и спасательных судах; 4) рассмотрение и утверждение отчетов должностных лиц; 5) прием в общество и исключение из него лоцманов и лоцманских учеников; 6) общее распределение обязанностей лоцманов и лоцманских учеников сообразно с потребностями судоходства; 7) учреждение капиталов общества и распоряжение ими; 8) обсуждение вопросов, касающихся упорядочения лоцманского промысла и внутреннего быта общества.

Постановления лоцманского схода приводились в исполнение с утверждения местного судоходного надзора (ст. 10).

К обязанностям атамана днепровских лоцманов были отнесены: 1) созвание лоцманского схода и [27, с. 314] председательствование на нем; 2) приведение в исполнение постановлений лоцманского схода; 3) заведование денежными средствами общества; 4) назначение лоцманов на суда и плоты (ст. 11).

Жалобы на действия лоцманского схода и должностных лиц общества могли приноситься чинам местного судоходного надзора, которые могли подвергать лоцманов и лоцманских учеников за проступки, не влекущие за собою судебной ответственности, но сопряженные с нарушением порядка лоцманской службы, штрафу до 5 руб., аресту до 3-х дней и лишению права провода судов и плотов на срок не выше одной навигации.

Суммы, поступающие от денежных штрафов, обращались на устройство и содержание мест заключения (ст. 12).

Обществу днепровских лоцманов предоставлялось исключительное право проводить суда и плоты через днепровские пороги (ст. 13). Владельцы судов и плотов или их доверенные обязаны были для провода каждого судна или плота через Днепровские пороги брать лоцмана и лоцманского ученика. Освобождение от этой обязанности отдельных судов или категорий судов предоставлялось министру путей сообщения (ст. 14).

За провод судов и плотов взималась с их владельцев плата, размеры которой также определялись министром путей сообщения (ст. 15).

Общество обязывалось для оказания помощи судам и плотам при несчастных случаях содержать, согласно издаваемым по этому вопросу министром путей сообщения правилам, сторожевые и спасательные суда (ст. 16).

К обязанностям лоцманов, кроме проводки судов и плотов, были отнесены: наблюдение за правильностью ограждения фарватеров, сообщение местному судоходному надзору о всех переменах в них, могущих повлиять на безопасность плавания, и оказание помощи судам и плотам в несчастных случаях (ст. 17).

Традиционно устанавливалось, что лоцманы и лоцманские ученики, назначенные на суда или плоты, не имели права входить с владельцами судов и плотов или

их доверенными в соглашения относительно выгрузки и нагрузки плотов, а равно брать на себя торговые поручения этих лиц (ст. 18).

В свою очередь, находящимся на судах и плотах лицам воспрещалось вмешиваться в распоряжения лоцмана по управлению судном или плотом (ст. 19) [27, с. 315].

Как видим, новое положение о днепровских лоцманах лишь отдаленно напоминало действовавшие и разрабатываемые в этот период уставы иных лоцманских обществ. Причиной этого мы считаем особенности их устройства и деятельности. Что касается устройства, то лоцманский промысел, будучи ограниченным во времени, составлял лишь часть работы лоцманов, в остальном они оставались крестьянами. Незначительные по своим размерам проводимые этими лоцманами суда не играли определяющей роли в деятельности торговых путей в эпоху расцвета железных дорог, а любое переустройство днепровских порогов тогда казалось немыслимым.

Отсюда и второй высочайше утвержденный и одобренный государственным советом и государственной думой закон от 9 мая 1911 г. «О поземельном устройстве днепровских лоцманов» (№ 35157). Им все отведенные днепровским лоцманам, образующим четыре общества селений: Лоцманской Камянки, Старых-Кайдак, Сурских Хуторов и Широкого, Екатеринославских уезда и губернии, земли и угодья, в границах действительного пользования ими ко времени обнародования данного узаконения, предоставлялись безвозмездно в собственность означенных четырех сельских обществ, за исключением: 1) участков, находящихся ныне в бесспорном постоянном (неарендном) пользовании, проживающих в упомянутых селениях постороннего звания лиц (разночинцев); 2) земель, отведенных церковным причтам и школам (ст. 1).

Постороннего звания лицам (разночинцам), проживающим ко времени обнародования данного узаконения на состоящих в их бесспорном постоянном (не аренном) пользовании земельных участков в означенных селениях, предоставлялось пользоваться этими участками на прежнем основании (ст. 2).

На предоставляемые в собственность означенным четырем сельским обществам земли предписывалось выдать одну или несколько владетельных записей, применительно к правилам, приложенным к ст. 13 положения о крестьянах на казенных землях (ст. 3). Указанные земли селений Лоцманской Камянки, Старых-Кайдак, Сурских Хуторов и Широкого подчинили действию общих правил о надельных землях, с обязательством платежа по ним подлежащих сборов (государственного поземельного налога и земского сбора) [27, с. 315].

Список литературы:

1.Мишальченко Юрий. Возникновение и развитие «лоцманского дела» // Морское право. – 2004. – № 2. URL: http://www.delta-pilot.ua/node/249
2.История СССР. Договор Новогорода с немецкими городами и Готландом (1270 г.). URL: http://bibliotekar.ru/4-1-14-hrestomatiya-po-istorii/85.htm
3.Полное собрание законов Российской империи. С 1649. Т. VII. 1723–1727. – СПб., 1830. – 922 с.
4.ПСЗРИ. С 1649. Т. XV. С 1758 по 28 июня 1762. – СПб., 1830. – 1050 с.
5.ПСЗРИ. С 1649 года. Т. XVII. С 1765–1766. – СПб., 1830. – 1135 с.
6.ПСЗРИ. С 1649 года. Т. XX. 1775–1780. – СПб., 1830. – 1034 с.
7.ПСЗРИ. С 1649 года. Т. XVI. С 28 июня 1762 по 1765. – СПб., 1830. – 1018 с.
8.ПСЗРИ. С 1649 года. Т. XXI. С 1781 по 1783. – СПб., 1830. – 1083 с.

9.ПСЗРИ. С 1649 г. Т. XXXI. 1810–1811. – СПб., 1830. – 944 с.
10. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. I. С 12 декабря 1825 по 1827. – СПб., 1830. – 1204 с.
11. ПСЗРИ. С 1649 года. Т. XX. 1775–1780. – СПб., 1830. – 1034 с.
12. ПСЗРИ. С 1649. Т. XXIII. С 1789 по 6 ноября 1796 г. – СПб., 1830. – 969 с.
13. Материалы для Географии и Статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Екатеринославская губерния. Составил генерального штаба капитан В. Павлович. Часть первая. Санктпетербург, в военной типографии, 1862. – 351 с.
14. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XI. Отделение первое. 1836. – СПб., 1837. – 893 с.
15. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIII. Отделение первое. 1838. – СПб., 1839. – 1067 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIII. Отделение первое. 1838. – СПб., 1839. – 1067 с.
17. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVI. 1841 г. Отделение первое. – СПб., 1842. – 942 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845 г. Отделение первое. – СПб., 1846. – 1045 с.
19. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXIII. Отделение первое. 1848. – СПб, 1849. – 664 с.
20. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXVI. Отделение первое. 1851. – СПб, 1852. – 752 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XII. Отделение первое. 1837. – СПб., 1838. – 822 с.
22. Материалы для Географии и Статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Херсонская. Составил генерального штаба подполковник А. Шмидт. Часть первая. – Санктпетербург: В военной типографии, 1863. – 601 с.
23. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXIII. Отделение второе. 1848. – СПб., 1849. – 161 с.
24. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXVI. Отделение первое. 1851. – СПб., 1852. – 752 с.
25. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XLI. Отделение первое. 1866. – СПб., 1868. – 1079 с.
26. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. LIV. Отделение третье. С 1879 по 18 февраля 1880 г. Приложения. – СПб., 1881. – 555 с.
27. ПСЗРИ. Собрание третье. Т. XXVIII. 1908 г. Отделение 1. – СПб., 1911. – 1008 с.

Nikitina A. P. The basic principles of the organization of a pilot business to the South of the Russian Empire // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 112–125.

The activities of pilots in the Russian Empire began to be regulated by numerous decrees since the reign of Peter I. Each of these regulated one or two minor problems in establishing the legal status of pilots. As a result, in the early NINETEENTH century. a General approach was formed, according to which pilots were free people, received a set fee for their activities, nothing other than the wiring of the courts they could not be forced to do, had certain benefits for the payment of taxes and in respect of the supply of recruits, established certain social guarantees, for example, in respect of elderly pilots; separately established the responsibility of pilots and the rules of their relationship with the skippers. All these provisions were fragmented and not always sufficiently detailed, but later they were the basis for most pilot charters. Mention about the activities of the pilots in the South of the Empire appear at the end of the XVIII century and belong to the Dnieper and the Kerch Strait.

Key words: pilots, legal regulation, Russian Empire, decree.

Spisok literatury

1.YUrij Mishal'chenko. Vozniknovenie i razvitie "locmanskogo dela" // Morskoe pravo. 2004. №2. URL: http://www.delta-pilot.ua/node/249
2.Istoriya SSSR. Dogovor Novogoroda s nemeckimi gorodami i Gotlandom, (1270 g.). URL: http://bibliotekar.ru/4-1-14-hrestomatiya-po-istorii/85.htm
3.PSZRI. S 1649. T. VII. 1723-1727. – SPb., 1830. – 922 s.
4.PSZRI. S 1649. T. XV. S 1758 po 28 iyunya 1762. – SPb., 1830. – 1050 s.
5.PSZRI. S 1649 goda. T. XVII. S 1765 – 1766. – SPb., 1830. – 1135 s.
6.PSZRI. S 1649 goda. T. XH. 1775 – 1780. – SPb., 1830. – 1034 s.
7. PSZRI. S 1649 goda. T. XVI. S 28 iyunya 1762 po 1765. – SPb., 1830. – 1018 s.
8.PSZRI. S 1649 goda. T. XHI. S 1781 po 1783. – SPb., 1830. – 1083 s.
9.PSZRI. S 1649 g. T. XXXI. 1810 – 1811. – Spb, 1830. – 944 s.
10. PSZRI. Sobranie vtoroe. T. I. S 12 dekabrya 1825 po 1827. – SPb., 1830. – 1204 s.

11. PSZRI. S 1649 goda. T. XH. 1775 – 1780. – SPb., 1830. – 1034 s.
12. PSZRI. S 1649. T. XXIII. S 1789 po 6 noyabrya 1796 g. – SPb., 1830. – 969 s.
13. Materialy dlya Geografii i Statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba. Ekaterinoslavskaya guberniya. Sostavil general'nogo shtaba kapitan V. Pavlovich. CHast' pervaya. Sanktpeterburg, v voennoj tipografii, 1862. – 351 s.
14. PSZRI. Sobranie vtoroe. T. HI. Otdelenie pervoe. 1836. – SPb., 1837. – 893 s.
15. PSZRI. Sobranie vtoroe. T. XIII. Otdelenie pervoe. 1838. – Spb., 1839. – 1067 s.
16. PSZRI. Sobranie vtoroe. T. XIII. Otdelenie pervoe. 1838. – Spb., 1839. – 1067 s.
17. PSZRI. Sobranie vtoroe. T. XVI. 1841 g. Otdelenie pervoe. – SPb., 1842. – 942 s.
18. PSZRI. Sobranie vtoroe. T. XH. 1845 g. Otdelenie pervoe. – SPb., 1846. – 1045 s.
19. PSZRI. Sobranie vtoroe. T. XXIII. Otdelenie pervoe. 1848. – SPb, 1849. – 664 s.
20. PSZRI. Sobranie vtoroe. T. XXVI. Otdelenie pervoe. 1851. – SPb, 1852. – 752 s.
21. PSZRI. Sobranie vtoroe. T. XII. Otdelenie pervoe. 1837. – SPb., 1838. – 822 s.
22. Materialy dlya Geografii i Statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba. Hersonskaya. Sostavil general'nogo shtaba podpolkovnik A. SHmidt. CHast' pervaya. Sanktpeterburg, v voennoj tipografii, 1863. – 601 s.
23. PSZRI. Sobranie vtoroe. T. XXIII. Otdelenie vtoroe. 1848. – SPb, 1849. – 161 s.
24. PSZRI. Sobranie vtoroe. T. XXVI. Otdelenie pervoe. 1851. – SPb, 1852. – 752 s.
25. PSZRI. Sobranie vtoroe. T. XLI. Otdelenie pervoe. 1866. – SPb., 1868. – 1079 s.
26. PSZRI. Sobranie vtoroe. T. LIV. Otdelenie tret'e. S 1879 po 18 fevralya 1880 g. Prilozheniya. – SPb, 1881. – 555 s.
27. PSZRI. Sobranie tret'e. T. XXVIII. 1908 g. Otdelenie 1. – SPb, 1911. – 1008 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 126–132.

УДК 342.56

КАТЕГОРИЯ «РИСК» В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Новикова А. Е.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Современное российское общество характеризуется достаточной степенью самостоятельности и инициативности граждан в различных сферах. Естественно, что всякая деятельность вынуждает идти на риск для достижения определенной цели. В этой связи в науке и практике предметом пристального внимания является категория риска. Разрабатывая в юридической науке теорию рисков, пополняя ее содержанием их различных видов, помимо концептуальных и регулятивных источников, важное значение принадлежит правоприменительным актам. Среди них ключевыми являются решения Конституционного Суда Российской Федерации.

В статье представлены результаты анализа решений Конституционного Суда Российской Федерации на предмет выявления в них подходов к употреблению категории «риск». Автором установлено, что в решениях Конституционного Суда Российской Федерации использование категории «риск» осуществляется в рамках следующих подходов / контекстов: влияние на содержательную трансформацию правовых актов; констатация видового многообразия рисков; конкретизация оснований появления рисков, а также их новых видов.

Ключевые слова: риск, правозащитный риск, постановление, определение, Конституционный Суд Российской Федерации.

Риск относится к тем категориям, которые, имманентно связаны практически со всеми сферами жизнедеятельности; довольно активно расширяют масштабы своего проявления, а также могут способствовать нейтрализации или усилению последствий друг друга [19, с. 15].

В настоящее время к исследованию рисков обращаются специалисты различных научных отраслей [20; 22, с. 26–27]. В этой связи не является исключением и юриспруденция, рассматривающая риск в качестве налогового [27], правового [26, с. 128–136], правозащитного [23, с. 151–157], страхового [25], фискального [24, с. 10–13] и др.

Современная российская правовая система, реагируя на различные проявления рисков, также вводит в законодательные и подзаконные акты нормы [2; 3; 4; 5], связанные с их определением, минимизацией, управлением, последствиями и пр.

Разрабатывая в юридической науке теорию рисков, пополняя ее содержанием их различных видов, полагаем, помимо концептуальных и регулятивных источников, важное значение принадлежит правоприменительным актам. Среди них ключевыми являются решения Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), представляющие собой правовые акты судебной власти, посредством которых Суд осуществляет свои государственно-властные полномочия по обеспечению защиты основ отечественного конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей ее территории [21].

В видовом аспекте Конституционный Суд РФ принимает постановления, определения, заключения и решения по организационным вопросам. Две последние разновидности не имеют нормативного значения. Хотя определения Конституционного Суда РФ и относят к категории иных решений, принимаемых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, тем не менее сложившаяся практика показала, что некоторые виды определений имеют правовой статус, близкий к итоговым решениям (к примеру, позитивные и «квазипозитивные» определения).

В рамках данной статьи с учетом правового значения постановлений и определений Конституционного Суда РФ представим результаты выявления в них подходов / контекстов при обращении к различным видам рисков.

Отметим, что среди проанализированных решений Конституционного Суда РФ было выявлено 12 определений и 1 постановление, содержание которых непосредственно связано с Постановлением ВС РФ от 27 декабря 1991 г. № 2123-1 «О распространении действия Закона РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» на граждан из подразделений особого риска» (далее – Постановление от 27 декабря 1991 г. № 2123-1) [6]. Как видим, наименование самого документа использует формулировку особого риска.

В двух из тринадцати решений Конституционного Суда РФ по указанному поводу содержатся положения, оказавшие влияние на содержательную трансформацию Постановления от 27 декабря 1991 г. № 2123-1.

Так, Определением Конституционного Суда РФ от 7 октября 2005 г. № 385-О установлено, что положения п. 2 Постановления от 27 декабря 1991 г. № 2123-1 и ст. 9 федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ по их конституционно-правовому смыслу, выявленному на основании ранее выраженных Конституционным Судом РФ правовых позиций, в системе действующего нормативно-правового регулирования – не препятствуют получению гражданами из подразделений особого риска, ставшими инвалидами, ежемесячной компенсации в возмещение вреда, причиненного их здоровью радиационным излучением, вызванным испытаниями ядерного оружия либо радиационными авариями, имевшими место до вступления в силу Постановления от 27 декабря 1991 г. № 2123-1 [7].

При этом в силу ст. 6 федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» выявленный в приведенном Определении конституционно-правовой смысл указанных нормативных положений является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике [1].

Что касается постановления Конституционного Суда РФ от 1 июля 2014 г. № 20-П, то в нем абз. 1 п. 2 Постановления от 27 декабря 1991 г. № 2123-1 был признан не соответствующим ст. 7, ч 1 и 2 ст. 19, ч. 1 ст. 39 и ст. 42 Конституции РФ в той мере, в какой он не предполагает в системе действующего правового регулирования предоставления гражданам из подразделений особого риска, ставшим инвалидами, ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием.

Федеральному законодателю было предписано внести в действующее законодательство изменения с целью гарантии гражданам из подразделений особого риска, ставшим инвалидами, право на возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с

радиационным воздействием, на равных условиях с другими гражданами из числа военнослужащих, получивших при исполнении обязанностей военной службы повреждение здоровья в связи с радиационным воздействием и вследствие этого признанных инвалидами [11].

Далее заметим, что Конституционный Суд РФ систематически обращается к видовому многообразию рисков, употребляя их в своих решениях в различном содержательном объеме.

Например, это риск преждевременной утраты трудоспособности. В связи с ним Конституционным Судом РФ конкретизирована обязанность Российской Федерации как правового социального государства принимать дополнительные компенсирующие меры, минимизирующие негативное воздействие, которое оказывает на здоровье человека проживание и осуществление трудовой деятельности в регионах с особыми климатическими условиями, и связанный с этим риск преждевременной утраты трудоспособности [17].

Применительно к риску утраты профессиональной трудоспособности Конституционным Судом РФ подчеркнуто, что в действующей системе пенсионного обеспечения установление для лиц, осуществлявших лечебную и иную деятельность по охране здоровья населения в учреждениях здравоохранения, льготных условий приобретения права на трудовую пенсию по старости направлено, главным образом, на защиту от таких рисков ранее достижения общеустановленного пенсионного возраста [8].

Решения Конституционного Суда РФ последовательно подтверждают устоявшиеся правовые нормы о предпринимательской деятельности с ее неотъемлемым признаком рискового характера [9; 15].

В Определении Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 2798-О встречается формулировка коррупционного риска должности [10].

Радиационный риск согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2017 г. № 40-П употребляется в контексте

– охраны здоровья граждан, оказавшихся в зоне радиационного риска;

– возмещения вреда за риск вследствие проживания и работы на территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению;

– снижения риска радиационного ущерба;

– различий в степени радиационного риска в зонах отчуждения и отселения, обусловливающих применение различного порядка проведения эвакуации и переселения;

– минимизации риска неблагоприятных последствий [18] и др.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях конкретизирует основания появления рисков. В числе таких, например, применение государственного / административного принуждения. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2017 г. № 35-П указано: при установлении порядка исполнения наложенных административных наказаний, включая административные штрафы, законодатель не вправе игнорировать вытекающие из конституционных принципов правового государства, верховенства закона, юридического равенства и справедливости требования, касающиеся конституционных параметров допустимых ограничений прав и свобод граждан, отступление от которых с неизбежностью со-

пряжено с рисками произвольного применения административного принуждения [16].

В 2017 г. Конституционным Судом было подчеркнуто, что в условия миграционного учета не входит обязанность иностранных граждан (лиц без гражданства) находиться лишь в том помещении, адрес которого был зафиксирован при подаче в орган миграционного учета соответствующих документов. Наличие подобного требования, отступление от которого рассматривалось бы как несоблюдение правил миграционного учета, влекущее соответствующие меры ответственности, связало бы их пребывание в России чрезмерно жесткими ограничениями, недопустимыми в правовом демократическом государстве, и допускало бы не отвечающее целям защиты конституционных ценностей ограничение свободы передвижения, сопряженное с риском непредсказуемого, избирательного и произвольного применения мер государственного принуждения [13].

При обусловленном отменой решения суда вышестоящим судом новом (повторном) рассмотрении требования реабилитированного лица факт предыдущего участия судьи в рассмотрении данного требования и принятия им решений в отношении этого лица создает дополнительные риски для оценки правосудия как справедливого [14].

Интересно, что Конституционный Суд РФ в своих решениях указывает и о появлении новых видов риска. Так, Конституционный Суд РФ еще в 1998 г. в своем постановлении от 17 февраля № 6-П сформулировал правовую позицию, в силу которой из ст. 22 Конституции России во взаимосвязи с ч. 2 и 3 ст. 55 вытекает, что задержание иностранного гражданина или лица без гражданства на срок, необходимый для выдворения за пределы Российской Федерации, не должно восприниматься как основание для задержания на неопределенный срок даже тогда, когда решение вопроса о выдворении этого лица может затянуться вследствие того, что ни одно государство не соглашается его принять; в противном случае задержание как необходимая мера по обеспечению исполнения постановления о выдворении лица за пределы Российской Федерации превращалось бы в самостоятельный вид наказания, не предусмотренный законодательством Российской Федерации и противоречащий Конституции Российской Федерации.

Эта правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сохраняющая свою силу и имеющая принципиальное значение для адекватного уяснения конституционных гарантий права каждого на свободу и личную неприкосновенность, до сих пор не нашла должного отражения в законодательном регулировании порядка принудительного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации, сопряженного с помещением подвергаемого соответствующему административному наказанию лица в специальное учреждение до его выдворения за пределы Российской Федерации, что не только расходится с предписаниями ч. 1 ст. 15 и ч. 6 ст. 125 Конституции РФ, но и с неизбежностью порождает риски умаления как самого права на свободу и личную неприкосновенность, так и его судебной защиты [12].

В качестве резюме отметим, что даже представленные на основе краткого анализа немногочисленные решения Конституционного Суда Российской Федерации позволяют содержательно расширить концептуальные представления о заявленном феномене риска в правовом смысле; могут выступить основанием для совершен-

ствования российского законодательства; способствуют императивной систематизации правоприменительной практики различными уровнями власти.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 28.12.2016 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2017. № 1 (Часть I). Ст.
2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017 г.) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
3. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 18.07.2017 г.) // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.
4. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2005 г. № 713 «Об утверждении Правил отнесения видов экономической деятельности к классу профессионального риска» (ред. от 17.06.2016 г.) // СЗ РФ. 2005. № 50. Ст. 5300.
5. Постановление Правительства от 17 августа 2016 г. № 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (ред. от 22.07.2017 г.) // СЗ РФ. 2016. № 35. Ст. 5326.
6. Постановление ВС РФ от 27 декабря 1991 г. № 2123-1 «О распространении действия Закона РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» на граждан из подразделений особого риска» (ред. от 29.06.2015 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 4. Ст. 138; СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3960.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 7 октября 2005 г. № 385-О // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 339.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 2089-О // Документ опубликован не был; www.garant.ru (дата обращения 13.07.2018 г.).
9. Определение Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2017 г. № 2515-О // Документ опубликован не был; www.garant.ru (дата обращения 13.07.2018 г.).
10. Определение Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 2798-О // Документ опубликован не был; www.garant.ru (дата обращения 13.07.2018 г.).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 июля 2014 г. № 20-П // СЗ РФ. 2014. № 28. Ст. 4138.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 мая 2017 г. № 14-П // СЗ РФ. 2017. № 23. Ст. 3473.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № 22-П // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть II). Ст. 4984.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П // Российская газета. 2017, 24 ноября.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2017 г. № 34-П // СЗ РФ. 2017. № 49. Ст. 7532.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2017 г. № 35-П // Российская газета. 2017, 11 декабря.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 38-П // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7913.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2017 г. № 40-П // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7915.
19. Бутяев А. Г. Макроэкономические детерминанты государственной политики России по минимизации интеграционных экономических рисков. Монография. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2007.
20. Глущенко В. В. Управление рисками. Страхование. Железнодорожный: ТОО НПЦ «Крылья», 1999; Лифиренко С. А. Проблемы риска и пути их решения в управленческой деятельности // Административное право и процесс. 2010. № 3.
21. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г. А. Гаджиева. – М.: Норма, Инфра-М, 2012.
22. Мачульская Е. Е. Социальный риск как объективная основа социального обеспечения // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. Право. 1999. № 1.
23. Новикова А. Е. Понятие и сущность правозащитных рисков // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 14 (109). Выпуск 17.
24. Пименов Н. А. Фискальные риски в системе налоговой безопасности предприятий и государства // Налоги. 2010. № 4.
25. Серебровский В. И. Очерки советского страхового права // Избранные труды. – М.: Статут, 1997.
26. Шахбазян А. А. Понятие и значение правовых рисков в гражданском праве и способы их минимизации // Российский юридический журнал. 2011. № 5.

27. Щекин Д. М. Налоговые риски и тенденции развития налогового права / под ред. С. Г. Пепеляева. – М.: Статут, 2007.

Novikova A. E. Category «risk» in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 126–132.

Modern Russian society is characterized by a sufficient degree of independence and initiative of citizens in various fields. Naturally, any activity forces to take risks to achieve a certain goal. In this regard, in science and practice, the subject of close attention is the category of risk. Developing the theory of risks in legal science, adding to its content of their various types, in addition to conceptual and regulatory sources, the importance of law enforcement acts. Among them, the decisions of the constitutional Court of the Russian Federation are key.

The article presents the results of the analysis of the decisions of the constitutional Court of the Russian Federation on the subject of identifying their approaches to the use of the category «risk». The author found that in the decisions of the constitutional Court of the Russian Federation the use of the category «risk» is carried out within the following approaches / contexts: the impact on the substantive transformation of legal acts; the statement of the species diversity of risks; the concretization of the grounds for the emergence of risks, as well as their new types.

Keywords: risk, human rights risk, resolution, ruling, constitutional Court of the Russian Federation.

Spisok literatury

1. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21 iyulya 1994 g. № 1-FKZ «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» (red. ot 28.12.2016 g.) // SZ RF. 1994. № 13. St. 1447; 2017. № 1 (CHast' I). St. 2.
2.Federal'nyj zakon ot 31 maya 2002 g. № 63-FZ «Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» (red. ot 29.07.2017 g.) // SZ RF. 2002. № 23. St. 2102.
3.Federal'nyj zakon ot 27 iyunya 2011 g. № 161-FZ «O nacional'noj platezhnoj sisteme» (red. ot 18.07.2017 g.) // SZ RF. 2011. № 27. St. 3872.
4.Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 1 dekabrya 2005 g. № 713 «Ob utverzhdenii Pravil otneseniya vidov ehkonomicheskoj deyatel'nosti k klassu professional'nogo riska» (red. ot 17.06.2016 g.) // SZ RF. 2005. № 50. St. 5300.
5.Postanovlenie Pravitel'stva ot 17 avgusta 2016 g. № 806 «O primenenii risk-orientirovannogo podhoda pri organizacii otdel'nyh vidov gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii» (red. ot 22.07.2017 g.) // SZ RF. 2016. № 35. St. 5326.
6.Postanovlenie VS RF ot 27 dekabrya 1991 g. № 2123-1 «O rasprostranenii dejstviya Zakona RSFSR «O social'noj zashchite grazhdan, podvergshihsya vozdejstviyu radiacii vsledstvie katastrofy na CHernobyl'skoj AEHS» na grazhdan iz podrazdelenij osobogo riska» (red. ot 29.06.2015 g.) // Vedomosti SND i VS RSFSR. 1992. № 4. St. 138; SZ RF. 2015. № 27. St. 3960.
7.Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 7 oktyabrya 2005 g. № 385-O // SZ RF. 2006. № 3. St. 339.
8.Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28 sentyabrya 2017 g. № 2089-O // Dokument opublikovan ne byl; www.garant.ru (data obrashcheniya 13.07.2018 g.).
9.Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 9 noyabrya 2017 g. № 2515-O // Dokument opublikovan ne byl; www.garant.ru (data obrashcheniya 13.07.2018 g.).
10. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 7 dekabrya 2017 g. № 2798-O // Dokument opublikovan ne byl; www.garant.ru (data obrashcheniya 13.07.2018 g.).
11. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 1 iyulya 2014 g. № 20-P // SZ RF. 2014. № 28. St. 4138.
12. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23 maya 2017 g. № 14-P // SZ RF. 2017. № 23. St. 3473.
13. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19 iyulya 2017 g. № 22-P // SZ RF. 2017. № 31 (CHast' II). St. 4984.
14. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14 noyabrya 2017 g. № 28-P // Rossijskaya gazeta. 2017, 24 noyabrya.
15. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28 noyabrya 2017 g. № 34-P // SZ RF. 2017. № 49. St. 7532.
16. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 4 dekabrya 2017 g. № 35-P // Rossijskaya gazeta. 2017, 11 dekabrya.
17. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 7 dekabrya 2017 g. № 38-P // SZ RF. 2017. № 51. St. 7913.
18. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 13 dekabrya 2017 g. № 40-P // SZ RF. 2017. № 51. St. 7915.
19. Butyaev A.G. Makroehkonomicheskie determinanty gosudarstvennoj politiki Rossii po minimizacii integracionnyh ehkonomicheskih riskov. Monografiya. Rostov-na-Donu: Rostizdat, 2007.
20. Glushchenko V.V. Upravlenie riskami. Strahovanie. ZHeleznodorozhnyj: TOO NPC «Kryl'ya», 1999; Lifirenko S.A. Problemy riska i puti ih resheniya v upravlencheskoj deyatel'nosti // Administrativnoe pravo i process. 2010. № 3.
21. Kommentarij k Federal'nomu konstitucionnomu zakonu «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» (postatejnyj) / pod red. G.A. Gadzhieva. M.: Norma, Infra-M, 2012.

22. Machul'skaya E.E. Social'nyj risk kak ob"ektivnaya osnova social'nogo obespecheniya // Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 11. Pravo. 1999. № 1.
23. Novikova A.E. Ponyatie i sushchnost' pravozashchitnyh riskov // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2011. № 14 (109). Vypusk 17.
24. Pimenov N.A. Fiskal'nye riski v sisteme nalogovoj bezopasnosti predpriyatij i gosudarstva // Nalogi. 2010. № 4.
25. Serebrovskij V.I. Ocherki sovetskogo strahovogo prava // Izbrannye trudy. M.: Statut, 1997.
26. SHahbazyan A.A. Ponyatie i znachenie pravovyh riskov v grazhdanskom prave i sposoby ih minimizacii // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2011. № 5.
27. SHCHekin D.M. Nalogovye riski i tendencii razvitiya nalogovogo prava / pod red. S.G. Pepelyaeva. M.: Statut, 2007.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 133–143.

УДК 351.713 (47+57)

РЕОРГАНИЗАЦИЯ АРЕСТАНТСКИХ РОТ И СОЗДАНИЕ НА ИХ ОСНОВЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX В.

Островский А. А., Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье рассмотрено, что указом от 12 декабря 1863 г. арестантские роты гражданского ведомства переданы в заведование местных губернских правлений, а 28 февраля 1864 г. были утверждены «Временные правила для управления арестантскими ротами гражданского ведомства». Военное управление ротами оставили до особого распоряжения. Работы арестантов приравнивались с условиями вольного труда, но приоритет оставался за государственными работами.

С целью стимулирования труда арестантов 29 июля 1866 г. принят указ «О разрешении, временно в виде опыта, выдавать на руки арестантам арестантских рот гражданского ведомства часть заработанных ими денег». Перестройка деятельности арестантских рот на гражданский манер, с удалением от управления ими военных чинов с переподчинением МВД, заложила основу их дальнейшей эволюции и включения в состав реформируемой гражданской пенитенциарной системы.

Важнейшим шагом в этом направлении стало принятие 31 марта 1870 г. указа «О переименовании арестантских рот гражданского ведомства в исправительные отделения и о введении в них гражданского управления и вольнонаемного надзора». Статьи устава о содержащихся под стражей при этом постепенно перерабатывались.

В 1878 и 1879 гг. вышли указы, ограничившие осуждение в исправительные отделения, а по указу 1889 г. некоторые исправительные отделения были закрыты. Важным шагом на пути формирования централизованной системы управления пенитенциарными заведениями вообще и исправительными отделениями в частности стало создание губернских тюремных инспекций и Главного тюремного управления. Правовые же основы деятельности исправительных отделений были сконцентрированы в своде учреждений и уставов о содержащихся под стражей, где им было посвящено 10 отделений, регламентировавших основные вопросы их жизнедеятельности.

Ключевые слова: арестантские роты гражданского ведомства, реформирование, Российская империя, преобразование.

Как уже указывалось в предыдущих публикациях, в первой половине XIX в. в Российской империи были созданы арестантские роты гражданского ведомства. Цели этих подразделений: организация государственных работ силами заключенных; очистка населенных пунктов от бродяг и преступников; посильное перевоспитание заключенных и т. д. [1–5] Исполнению этих целей зачастую не способствовал тот факт, что персонал руководства и стражников в основном состоял из штатных военных. Этот факт, во-первых, ложился на армию дополнительным бременем; во-вторых, военные выполняли несвойственные им функции, что приводило к низкому качеству такого заключения; в-третьих, возникла необходимость окончательно перенаправить деятельность таких подразделений в помощь губерниям, испытывавшим нужду в дешевой, постоянной рабочей силе.

Очевидно, именно из этих соображений 12 декабря 1863 г. и был принят указ «О передаче арестантских рот гражданского ведомства в заведование местных губернских правлений» (40369). По рапорту главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями для большего удобства и сосредоточенности в министерстве внутренних дел распоряжений по размещению значительного числа преступников арестантские роты гражданского ведомства передавались в заведование местных губернских правлений по тому отделению, в котором производятся прочие дела по арестантской части [6, с. 284].

28 февраля 1864 г. царем были утверждены «Временные правила для управления арестантскими ротами гражданского ведомства» (40643). С передачей арестантских рот гражданского ведомства в заведование местных губернских правления (7 января № 40369) они, во-первых, подчинялись начальникам губерний и градоначальникам с предоставлением им права всех лиц, служащих в составе сих рот, в случае замеченных упущений и злоупотреблений, устранять от службы и делать распоряжения о предании их, через местные губернские правления, суду, доводя о том к сведению подлежащего начальства, или подвергать иным взысканиям. Наблюдение же в хозяйственном отношении и за отчетностью рот возлагалось на губернские правления и канцелярии градоначальников, с предоставлением им всех прав и обязанностей по заведованию арестантскими ротами, какие принадлежали строительным комиссиям, на основании Устава о содержащихся в арестантских ротах главного управления путей сообщения.

Во-вторых, поручалось начальникам губерний и губернским правлениям распорядится о скорейшем приеме арестантских рот на основании распоряжения от 20-го декабря 1863 г. по главному управлению путей сообщения и публичных зданий.

В-третьих, во всех тех случаях, когда строительные и дорожные комиссии и правление 4-го округа путей сообщения входили с представлениями в главное управление путей сообщения и публичных зданий, губернские правления и канцелярии градоначальников обязаны были вносить свои представления, через начальников губерний и градоначальников, в МВД.

В-четвертых, военное управление ротами оставили до особого распоряжения, на существовавших основаниях, с тем, чтобы определение, перемещение и увольнение чинов арестантских рот, впредь до преобразования этих рот, производимо было на том же основании и тем же порядком, какой был установлен для сношений, в подобных случаях, между министерствами внутренних дел и военным о военных чинах карантинной стражи.

В-пятых, ротному командиру и всем чинам роты предписывалось состоять в той же зависимости от губернских правлений и градоначальников, в какой они находились от строительных комиссий.

Военно-судебные дела, возникшие до передачи рот в гражданское ведомство, предписывалось окончить производством и решением в ведомстве путей сообщения и публичных зданий; могущие же возникнуть после передачи решать в тех губерниях, где были военные и генерал-губернаторы, этим главным начальникам, а если в губерниях таковых не было, то военно-судебные дела о чинах арестантских рот следовало решать начальствам внутренней стражи, с тем чтобы в обоих случаях те из дел, решение которых превышало власть командира отдельного корпуса, были вносимы на ревизию в генерал-аудиториат военного министерства.

С целью заботы о постоянном занятии работами арестантов и доставления им возможности к большим заработкам главному управлению путей сообщения и публичных зданий предоставлялось: из работ, при казенных и общественных зданиях, те, которые были возможны для арестантов арестантских рот, производить этими арестантами, но с тем, чтобы эти работы были поставлены в условия вольного труда. Для чего подведомственные главному управлению места и лица должны были входить всякий раз в соглашение с начальством арестантских рот и заключать соответствующие условия о количестве и качестве работ, сроке выполнения и о плате за них, наблюдая, чтобы плата не превышала цен подрядных или хозяйственных. В случае открытия государственных работ МВД предоставлялось, по сношению с тем ведомством, где работы открывались, отправлять на них арестантов, даже вне мест их постоянного содержания, по особым правилам, составление которых также возлагалось на МВД.

Подчинив тем же правилам заключение условий на местах расположения арестантских рот и на частные, более значительные работы, с утверждения начальников губерний, разрешалось обращать все заработанные как на казённых, так и на частных работах деньги в общие суммы каждой из арестантских рот и распределять их в установленном порядке по определениям попечительства, утвержденным начальниками губерний [7, с. 194].

В порядке же заведования ротами МВД предоставили все права и обязанности, какие принадлежали главному управлению путей сообщения и публичных зданий, на основании Устава и особых повелений царя [7, с. 195].

Учитывая, что одной из главных целей арестантских рот гражданского ведомства было перевоспитание заключенных, в этом вопросе пытались делать определенные шаги, хотя и в виде эксперимента. Так, к примеру, 29 июля 1866 г. принят указ «О разрешении, временно в виде опыта, выдавать на руки арестантам арестантских рот гражданского ведомства часть заработанных ими денег» (№ 43524). Им предписывалось из 1/3 поденной платы, выручаемой арестантами арестантских рот гражданского ведомства и остающейся в роте для улучшения содержания арестантов и на пособия выбывающим из роты, выдавалась некоторая часть, но не более упомянутой половины этой 1/3, на руки арестантам, отличившимся хорошим поведением и усердием к работе. Эта мера не распространялась на арестантов, приговоренных к вознаграждению, посредством работ, убытка, причинённого похищением, обманом или подлогом, «или впавших от развратной жизни в неоплатные недоимки», и с тем, чтобы, согласно заключению главноуправляющего вторым отделением канцелярии царя, «мера сия не отменяла пособий, установленных для выбывающих из рот арестантов статьями 1014, 1064, 1087 и 1088. Уст. о сод. под страж….» [8, с. 973–974].

Таким образом, перестройка деятельности арестантских рот на гражданский манер, с удалением от управления ими военных чинов с переподчинением МВД, заложило основу их дальнейшей эволюции и включения в состав реформируемой гражданской пенитенциарной системы.

Важнейшим шагом в этом направлении стало принятие 31 марта 1870 г. указа «О переименовании арестантских рот гражданского ведомства в исправительные отделения и о введении в них гражданского управления и вольнонаемного надзора» (№ 48206) [9, с. 340–342]. Им, в частности, предусматривалось: исправительные

арестантские роты и полуроты гражданского ведомства переименовать в исправительные арестантские отделения, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Устройство управления, на указанных выше основаниях, следовало применить к следующим исправительным отделениям: двум – Киевским и Тверскому – на 300 арестантов каждое; Одесскому – на 250 арестантов; Архангельскому, Владимирскому, Вятскому, Казанскому, Костромскому, Курскому, Новгородскому, Орловскому, Пермскому, Полтавскому, Псковскому, Саратовскому, Симбирскому, Смоленскому, Харьковскому, Ярославскому, Тобольскому, Томскому – на 200 арестантов каждое.

Екатеринославское, Московское, Симферопольское и Херсонское предусматривались на 180 арестантов каждое. Воронежское, Калужское, Польское, Рязанское, Таганрогское и Тульское – на 100 арестантов каждое. Кишиневское на 90 и Керчь-Еникальское – на 80 арестантов. Новое управление следовало вводить министру внутренних дел постепенно.

Во всех прочих отношениях исправительные арестантские отделения подчинялись действующим узаконениям об арестантских ротах гражданского ведомства, МВД следовало пересмотреть соответствующие статьи устава о содержащихся под стражей.

В развитие и исполнение этого указа были изданы несколько положений. Так, 29 ноября 1878 г. вышел указ «О замене заключения в исправительных арестантских ротах и отделениях гражданского ведомства содержанием в тюрьме для лиц, приговоренных к наказанию по первым трем степеням 31 ст. уложения о наказаниях» (№ 59073). Причина такого шага объяснялась в самом указе, в котором находим, что «… общее число лиц, приговоренных к работам в арестантских ротах и отделениях, простирается до 13000 человек, между тем как во всех местах заключения этого рода, в сложности, имеется помещения лишь на 7870 чел.». Занятыми под казармы оказались многие подсобные помещения и даже мастерские [10, с. 262–263].

29 марта 1879 г. издан указ «О замене содержания в арестантских ротах заключением в тюрьму для приговоренных по 4 и 5 степеням 31 ст. Уложения о наказаниях» (№ 59444) [11, с. 270–271]. В 1889 г. принят указ «Об упразднении одних и открытии других мест заключения гражданского ведомства, а также об изменении штата Управлений означенными местами» (5936). Им, кроме прочего, предписывалось Керченское исправительное отделение упразднить [12, с. 163].

Важным шагом на пути формирования системы управления пенитенциарными заведениями вообще и исправительными отделениями в частности стало создание губернских тюремных инспекций. Циркуляром МВД ГТУ губернаторам от 6 июня 1884 г. (№ 15) по этому вопросу писали, что постепенное введение единоначалия на местах по тюремному делу должно способствовать улучшению эффективности все пенитенциарной системы. Приводилось и соотношение действующей системы управления и планируемой. Так, например, отстранение от деятельности в этой области губернского правления, освобождение вице-губернатора от должности председателя попечительствах над исправительными арестантскими отделениями, а все эти обязанности должны были перейти губернскому тюремному инспектору. Предусматривалось также ограничение роли строительного и врачебного отделений губернского правления, передача тюремного персонала из органов полиции в заведование тюремного инспектора и т. д. [13, л. 2–5об.].

Правовые же основы деятельности исправительных отделений были изложены в своде учреждений и уставов о содержащихся под стражей. Его гл. 4 называлась «О содержащихся в исправительных арестантских отделениях». В ней находим положения, которыми предусматривалось, что исправительные арестантские отделения предназначались для содержания и исправления в поведении подлежащих заключению в этих отделениях, по приговорам суда, лиц мужского пола (282-1). Поступающие в исправительные отделения должны были быть не моложе 17 и не старее 60 лет. Женщин, а также тех, которые по старости, дряхлости или иным причинам к работам в арестантских отделениях были не способны, следовало присуждать к заключению в тюрьме (ст. 284).

В исправительные отделения следовало помещать, распоряжением губернаторов, арестанты по приговорам судов тех губерний, в которых эти отделения и находились. Из мест, где исправительные арестантские отделения еще не были учреждены, осужденные, по соглашению с надлежащими начальствами, должны были помещаться в ближайшие к тому месту арестантские отделения (ст. 283). По недостатку места в исправительных отделениях тех губерний, в которых отделения были, и по другим особым обстоятельствам могло допускаться помещение арестантов в отделения других губерний. В случае же отдаленности арестантских отделений или неимения в них места содержание в них заменялось заключением в тюрьме с употреблением на самые тяжкие из установленных в этих местах заключения работы (ст. 286).

Освидетельствование людей, присужденных к отдаче в исправительные арестантские отделения как за бродяжничество, так и за другие преступления, для выявления способности этих людей к работам в означенных учреждениях, следовало производить в городах, где они содержались под стражей, начальником местной полиции с городовым или уездным (окружным) врачом, по специальным правилам.

Заключение о признании арестанта неспособным к работам следовало сообщать местному представителю прокурорского надзора и, в случае его согласия, приводить в исполнение. Если же согласия не последовало, а равно в случае разногласия между лицами, производившими свидетельствование, арестант подвергался переосвидетельствованию в присутствии губернского (областного) правления, при участии членов врачебного управления и местного прокурора.

В градоначальствах Одесском, Керчь-Еникальском и Севастопольском переосвидетельствование арестантов следовало производить в особом совещании, состоящем, под председательством градоначальника, из прокурора, полицмейстера и городового врача (ст. 288). О каждом отдаваемом в исправительное отделение нужно было составлять статейный список, содержащий достоверные показания о: 1) имени, прозвании, возрасте, вероисповедании и приметах отдаваемого; 2) губернии и уезда, откуда он родом; 3) по состоявшемуся когда и в каком судебном месте решению он отдан в исправительное отделение; 4) за что был осужден, не был ли прежде подвергнут наказаниям, каким; 5) на какое время назначен на работу; 6) холост или женат и, в последнем случае, где его жена и дети (ст. 287).

Отделение 3 положения посвящалось хозяйственному содержанию исправительного отделения. Ст. 289 гласила, что подаяния, собираемые в кружках, выставленных у дверей занимаемого отделением здания и в одной из местных церквей, причислялись к доходам отделения для устройства больницы и для пособия выбы-

вающим из отделения арестантам. Там, где на местах была возможность завести огороды для исправительных отделений, собираемые с них продукты следовало обращать частично, «но лишь в самой необходимой мере», на продовольствие отделения, остальные же следовало продавать и вырученные за них деньги причислять к экономическим суммам отделения (ст. 290).

Отпуск провианта и приварочных денег на продовольствие арестантов исправительных арестантских отделений следовало производить на основании особых правил (ст. 291). Материалы одежды и обуви и продовольственные припасы для содержащихся в исправительных арестантских отделениях предписывалось заготовлять по распоряжению соответствующего гражданского начальства, с соблюдением общеустановленного законами порядка для казенных заготовлений и поставок по гражданскому ведомству (ст. 292). Освещение, отопление и содержание зданий, назначенных для исправительных арестантских отделений, полагалось производить по хозяйственному распоряжению местного начальства (ст. 293). Начальник исправительного арестантского отделения по всем хозяйственным надобностям отделения обязан был делать представления и давать в полученном жаловании, одежде, провианте денежных суммах, материалах и инструментах ежемесячные отчеты губернским правлениям или канцеляриям градоначальников (ст. 294).

Отделение 4 главы называлось «О содержании арестантов в исправительном арестантском отделении». Ст. 295 предписывалось, что арестанты разделяются на отделения, причем обращалось внимание на лета арестантов, так, чтобы не помещались в одном отделении люди слишком разных возрастов. Назначение количества отделений и распоряжение о помещении арестантов, исправляющихся особо от прочих, предоставлялось усмотрению начальства исправительного арестантского отделения. Лица, приговоренные к отдаче в исправительные арестантские отделения и до осуждения принадлежавшие к тем разрядам населения, которые были изъяты по правам состояния от телесных наказаний и ранее издания манифеста 11 августа 1904 г., должны были содержаться в особых, для них именно предназначенных исправительных отделениях, а при невозможности исполнения этого – в общих исправительных отделениях, но в особо отведенных для таких лиц камерах. Как в тех, так и в других отделениях эти лица должны были содержаться в общем заключении, но с разобщением на время, свободное от работы, и на ночь. При этом ст. 297 холостым арестантам запрещалось вступать в браки, а женатым – жить вместе с женами.

Отделение 5 посвящалось надзору за исправлением арестантов. Так, ст. 198 возлагала ближайшее наблюдение за нравственным исправлением арестантов, постоянным занятием и их работами, и поиском их, а также за благоустройством вообще исправительных арестантских отделений, на высший надзор губернаторов, а также на особое попечительство над исправительными отделениями, в состав которого входили 2 попечителя из директоров тюремных комитетов и городской голова. В попечительстве председательствовал губернский тюремный инспектор, там, где эта должность была, а в прочих местностях попечительство собиралось под председательством вице-губернатора. Губернатору же предоставлялось право назначать для содействия попечительству: полицмейстера, городского архитектора и техников. Попечительство над Николаевским отделением организовывалось под председательством градоначальника. Начальник исправительного арестантского отделения

обязан был заниматься нравственным исправлением арестантов. Исполнение обязанностей веры и постепенное смягчение наказаний считались к тому главными средствами (ст. 299).

Для исполнения обязанностей попечителей исправительных арестантских отделений следовало ежегодно избирать вице-президентам тюремных комитетов их двух директоров, преимущественно из лиц, имеющих, по своему званию, месту жительства и положению в обществе, достаточно времени и удобства заниматься с успехом делами исправительного отделения (ст. 300). Избранные попечители утверждались в звании министром юстиции (ст. 301).

Директоры тюремных комитетов, состоящие попечителями исправительного арестантского отделения, исполняли эту должность без жалования, но пользовались преимуществами гражданской службы (ст. 302). Каждый из попечителей исправительных арестантских отделений должен был наблюдать в кругу своих обязанностей за точным исполнением установленного порядка, а в случае замеченных отступлений, исправление которых превышало его власть, и вообще по предметам, относящимся до открытия новых работ, постройки каких-либо вещей или приобретения инструментов и т. п., он мог вносить записку вице-губернатору, а в более важных случаях – губернатору. По этим запискам они давали разрешение надписью или исполнительным порядком, что передавалось к исполнению начальнику исправительного арестантского отделения, или для обсуждения в попечительстве, постановление которого представлялось на утверждение губернатора (ст. 304).

Статьи 305–309 были посвящены религиозным права и обязанностям арестантов. Также устанавливалось, что для надзора за поведением начальник исправительного арестантского отделения должен был иметь алфавитный список арестантов, в котором отмечать о каждом особо любое взыскание, которому арестант подвергался во время нахождения в отделении, и в конце каждого месяца давать оценку его поведения. Этот реестр ежемесячно рассматривался попечительством и священником. Они дополняли эти сведения своими замечаниями (ст. 310). Для возбуждения и поддержания в арестантах стремления к исполнению им время от времени читалось наставление христианина и подданного, о степенях наказаний и постепенном облегчении участи раскаивающегося преступника с указанием статей законов (ст. 311).

Отделение 6 посвящалось арестантам отряда исправляющихся. Указывалось, что арестанты, отличившиеся в течение 2 лет пребывания в отделении добрым поведением, исполнением обязанностей веры и прилежанием к труду, или успехами в изучении мастерства, причислялись в отряд исправляющихся. Бродяги в отряд исправляющихся не переводились (ст. 312). Исправляющиеся получали иную одежду. Отличающиеся поведением арестанты отряда исправляющихся могли, по прошествии их испытания, по усмотрению начальника отделения, допускаться к надзору за работами других арестантов. Назначение в отряд исправляющихся делалось по общему совещанию и постановлению попечительства, священника и начальника отделения, с утверждения губернского правления или градоначальника. Арестант дважды бежавший или покушавшийся на побег не мог уже переводиться в разряд исправляющихся. Арестант, со времени поступления в исправительное отделение наказанный более 2 раз телесно, мог быть причислен в исправляющиеся не ранее 2 лет после последнего наказания. Если назначенные в отряд исправляющихся были недо-

стойными этого, то они обращались в число обыкновенных арестантов и с этим лишались преимуществ, приобретенных в отряде исправляющихся, и могли поступить в него не ранее как через 3 года (ст. 312–321).

В Отделении 7 указывалось, что попечение о сохранении благоустройства и благочиния в исправительном отделении возлагалось на его начальника, который в этом отношении руководствовался как общими правилами тюремных заведений, так и особыми постановлениями.

Отделение 8 посвящено призрению больных. Так, ст. 327 гласила, что если в отделении не устроена больница, то больные арестанты, когда это по роду болезни и мнению врача необходимо, отправлялись для лечения

в городские больницы или в больницы, состоящие при тюрьмах, в местах расположения арестантских отделений; в иных случаях – в военные госпитали и лазареты. Вознаграждение за лечение арестантов производилось из доходов отделения. Там, где их было недостаточно – предусматривалась помощь из казначейства.

Отделение 9 регламентировало выбытие арестантов исправительных арестантских отделений. Арестанты выбывали из отделений: 1) по истечении срока, назначенного для их содержания; 2) по совершенной к работам неспособности; 3) по суду; 4) в случае условного досрочного освобождения. Неимущим арестантам, выбывающим из исправительного арестантского отделения по истечении срока или по неспособности к работам, могло выделяться пособие из общих доходов отделения в количестве, не превышающем цены месячного содержания арестанта.

Лица, отбывающие сроки заключения в исправительных арестантских отделениях, если не имели собственных средств для следования в места их постоянного жительства, препровождались туда по этапу с принятием расходов на счет казны. Совершенно неспособными к работам в исправительных арестантских отделениях признавались или неизлечимые припадки, или же такие повреждения, которые препятствовали передвигать тяжести и действовать орудиями, при работах употребляемых, или очевидная слабость, или, наконец, старость. Арестанты, признанные неспособными к работам в исправительных арестантских отделениях, содержались до окончания срока заключения в тюрьмах. Арестанты, учинившие преступления, за которые они по суду должны были подвергнуться новому высшему наказанию, исключались из исправительного арестантского отделения по назначению суда (ст. 328–337).

Отделение 10 посвящено отчетности отделения. По окончании года отчет о состоянии исправительного арестантского отделения как в хозяйственном отношении, так и в отношении к нравственности арестантов предоставлялся начальником и попечительством исправительного арестантского отделения губернскому правлению или канцелярии градоначальника. Денежные обороты исправительных арестантских отделений подлежали на общем основании со стороны государственного контроля ревизии. Губернаторы предоставляли министерству юстиции, по ГТУ, общий отчет о состоянии всех частей исправительных арестантских отделений и о приходе и расходе всех по ним денежных сумм (ст. 338–339) [13, л. 2–6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что указом 12 декабря 1863 г. арестантские роты гражданского ведомства переданы в заведование местных губернских правлений, а 28 февраля 1864 г. были утверждены «Временные правила для управления арестантскими ротами гражданского ведомства». Военное управление

ротами оставили до особого распоряжения. Работы арестантов приравнивались с условиями вольного труда, но приоритет оставался за государственными работами.

С целью стимулирования труда арестантов 29 июля 1866 г. принят указ «О разрешении, временно в виде опыта, выдавать на руки арестантам арестантских рот гражданского ведомства часть заработанных ими денег». Перестройка деятельности арестантских рот на гражданский манер, с удалением от управления ими военных чинов с переподчинением МВД, заложило основу их дальнейшей эволюции и включения в состав реформируемой гражданской пенитенциарной системы.

Важнейшим шагом в этом направлении стало принятие 31 марта 1870 г. указа «О переименовании арестантских рот гражданского ведомства в исправительные отделения и о введении в них гражданского управления и вольнонаемного надзора». Статьи устава о содержащихся под стражей при этом постепенно перерабатывались.

В 1878 и 1879 гг. вышли указы, ограничившие осуждение в исправительные отделения, а по указу 1889 г. некоторые исправительные отделения были закрыты. Важным шагом на пути формирования централизованной системы управления пенитенциарными заведениями вообще и исправительными отделениями в частности стало создание губернских тюремных инспекций и Главного тюремного управления. Правовые же основы деятельности исправительных отделений были сконцентрированы в своде учреждений и уставов о содержащихся под стражей, где им было посвящено 10 отделений, регламентировавших основные вопросы их жизнедеятельности.

В общем же следует указать, что преобразование арестантских рот гражданского ведомства в исправительные отделения в правовом плане лишь несколько упорядочило их деятельность и подчиненность, уточнило задачи и полномочия руководящего и управляющего состава, несколько улучшило условия содержания осужденных. В то же время реформирование арестантских рот в исправительные отделения происходило при совмещении старого и нового законодательства в области реформирования пенитенциарной системы с некоторой демократизацией в содержании.

Список литературы:

1.Островский А. А. Организация содержания в арестантских ротах и исправительных отделениях Российской империи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. Т. 1 (67). – № 2. – С. 33–43.

2.Островский А. А. Правовое регулирование управления рот и исправительных арестантских отделений, надзор за арестантами в Российской империи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. Т. 3 (69). № 1. – С. 72–86.

3.Островский А. А. Распределение арестантов по арестантским исправительным отделениям // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. Т. 2 (68). – № 2. – С. 113–130.

4.Островский А. А. Создание исправительных отделений и правовые основы их деятельности в Российской империи // Власть закона. – 2016. – № 1. – С. 278–291.

5.Островский А. А. Сокращение сроков пребывания в арестантских ротах и исправительных отделениях Российской империи (на материалах Крыма) // Научный журнал КубГАУ, №111(07), 2015. – С. 1–16. (Полиматический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Государство и право. Юридические науки. – С. 1–15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sokraschenie-srokov-prebyvaniya-v-arestantskih-rotah-i-ispravitelnyh-otdeleniyah-rossiyskoy-imperii-na-materialah-kryma

6.Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVIII. Отделение второе. 1863. – СПб., 1866. – С. 284.

7.Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение первое. 1864. – СПб., 1867. – С. 194.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отделение первое. 1866. – СПб., 1868. – С. 973–974.
9.Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Отделение первое. Т. XLV. 1870. – СПб, 1874. – С. 340–342.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. LIII. Отделение второе. 1878. – СПб, 1880. С. 262–263.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. LIV. Отделение первое. С 1879 по 18 февраля 1880 г. – СПб, 1881. – С. 270–271.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. IX. 1889. – СПб., 1891. – С. 163.
13. Государственный архив Республики Крым. Ф. 162. Оп. 2. Д. 1203. Л. 2–5 об.

Ostrovskyi A. A. Reorganization of the prisoners ' companies and creation on their basis of correctional departments in the Russian Empire in the middle of the nineteenth century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 133–143.

In article it is considered that the decree on December 12, 1863 the prisoner companies of civil Department are transferred to management of local provincial boards, and on February 28, 1864 "Temporary rules for management of the prisoner companies of civil Department"were approved. Military control of the companies was left until further notice. The work of the prisoners was equal to the conditions of free labor, but the priority remained for state work.

In order to stimulate the work of prisoners July 29, 1866 adopted a decree " on permission, temporarily in the form of experience, to hand over to the prisoners of the arresting companies of the civil Department of the money earned by them." the restructuring of the activities of the arresting companies in a civil manner, with the removal from the management of their military ranks with the re-subordination of the Ministry of internal Affairs laid the Foundation for their further evolution and inclusion in the reformed civil penitentiary system.

The most important step in this direction was the adoption on March 31, 1870 of the decree " on renaming the prisoner companies of the civil Department in the correctional offices and the introduction of civil administration and civilian supervision." The articles of the Statute on detainees were gradually revised.

In 1878 and 1879, he went decrees, restricting condemnation of the correctional Department, and the decree of 1889, some of the correctional Department was closed. An important step towards the formation of a centralized system of management of penitentiary institutions in General and correctional departments in particular, was the creation of provincial prison inspections and the General prison administration. Legal bases of activity of correctional offices were concentrated in the arch of establishments and charters of detention, where they were dedicated to 10 offices, which regulated the main issues of their life.

Keywords: convict companies of civil authorities, the reform, the Russian Empire, the transformation.

Spisok literatury:

1.Ostrovskij A. A. Organizaciya soderzhaniya v arestantskih rotah i ispravitel'nyh otdeleniyah Rossijskoj imperii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2015. T. 1 (67). – №2. – S. 33–43.
2.Ostrovskij A. A. Pravovoe regulirovanie upravleniya rot i ispravitel'nyh arestantskih otdelenij, nadzor za arestantami v Rossijskoj imperii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2017. T. 3 (69). №1. – S. 72–86.
3.Ostrovskij A. A. Raspredelenie arestantov po arestantskim ispravitel'nym otdeleniyam // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2016. T. 2 (68). – №2. – S. 113–130.
4.Ostrovskij A. A. Sozdanie ispravitel'nyh otdelenij i pravovye osnovy ih deyatel'nosti v Rossijskoj imperii // Vlast' zakona. – 2016. – №1. S. 278–291.
5.Ostrovskij A. A. Sokrashchenie srokov prebyvaniya v arestantskih rotah i ispravitel'nyh otdeleniyah Rossijskoj imperii (na materialah Kryma) // Nauchnyj zhurnal KubGAU, №111(07), 2015. – S. 1–16. (Polimaticheskij setevoj ehlektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. Gosudarstvo i pravo. YUridicheskie nauki. – S. 1-15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sokraschenie-srokov-prebyvaniya-v-arestantskih-rotah-i-ispravitelnyh-otdeleniyah-rossiyskoy-imperii-na-materialah-kryma

6.Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XHKHVIII. Otdelenie vtoroe. 1863. – SPb., 1866. – S. 284.
7.Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XHKHIH. Otdelenie pervoe. 1864. – SPb., 1867. – S. 194.
8.Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XLI. Otdelenie pervoe. 1866. – SPb., 1868. – S. 973-974.
9.Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. Otdelenie pervoe. T. XLV. 1870. – SPb, 1874. – S. 340-342.
10. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. LIII. Otdelenie vtoroe. 1878. – SPb, 1880. S. 262-263.
11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. LIV. Otdelenie pervoe. S 1879 po 18 fevralya 1880 g. – SPb, 1881. – S. 270-271.
12. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. IH. 1889. – SPb., 1891. – S. 163.
13. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym. F. 162. Op. 2. D. 1203. L. 2-5 ob.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 144–152.

УДК 349.235

РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ В XIX ВЕКЕ

Старостин В. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Целью статьи является рассмотрение проблемы продолжительности рабочего времени несовершеннолетних лиц в странах Западной Европы в период индустриального производства.

В условиях машинного производства на фабриках повсеместным и массовым явлением стал дешевый детский труд. Мужскую рабочую силу, которая была необходима ранее на производствах, потеснил детский труд. Детям хорошо давались вспомогательные функции у станков, что постепенно вытеснило квалифицированных мастеров. Со временем детский труд стал одной из причин массового недовольства среди рабочих. Ключевыми причинами являлись, с одной стороны, тяжелейшие условия труда и нерегламентированная продолжительность рабочего времени несовершеннолетних, с другой – сокращение количества рабочих мест для взрослых работников.

Применение детского труда и народные волнения оказали ключевое влияние на необходимость законодательного регулирования трудовых отношений. Массовое привлечение детей для работы приводило к физической и умственной деградации. Поэтому, например, в Пруссии за ограничение детского труда выступали крупные государственные ведомства: вооруженные силы, система образования. Школы, университеты, находясь под контролем церкви и монархии, боролись за возможность обучения детей. Военное ведомство также отстаивало свои позиции. Набор юношей в армию срывался из-за занятости на производствах. Вместо обучения детей в школах и службе в армии большинство трудилось на предприятиях. Им противостояли владельцы промышленных предприятий и некоторые рабочие, уверенные в том, что могут лишиться необходимого дохода – заработка детей. Возникший конфликт политических интересов не сразу был разрешен. Результатом острой политической борьбы стало принятие нормативных актов. Несовершеннолетние работники были определены в качестве особого субъекта трудовых отношений с установлением правового статуса отличного от взрослых рабочих. Это положило начало законодательного регулирования рабочего времени и условий труда несовершеннолетних лиц в Европе.

Ключевые слова: эксплуатация детского труда, условия труда, рабочее время, трудовые отношения, правовой статус несовершеннолетних лиц.

Вопрос о продолжительности рабочего времени несовершеннолетних лиц является актуальным во всем мире. Международная организация труда (МОТ) определила детский труд в качестве «работы, которая умственно, физически, социально или морально опасна и вредна для детей, мешает образованию, так как лишает детей возможности посещать учебные заведения; заставляет их бросить занятия в школе или требует совмещения учёбы с долгим и тяжелым изнурительным трудом» [1].

В настоящее время в целом ряде стран отмечены нарушения в области трудовых отношений, связанные с продолжительностью рабочего времени и возрастом лиц, привлекаемых к труду. Об этом свидетельствует доклад о детском труде, опубликованный МОТ, где отмечено, что 168 миллионов детей во всем мире вынуждены трудиться, чтобы выжить. Такое количество трудящихся детей составило 11 % процентов от всего детского населения планеты. Однако, по данным ЮНИСЕФ, число детей, работающих в различных отраслях экономики, значительно больше – поряд-

ка 246 миллионов. Около 60 % детей трудятся в сельскохозяйственной сфере, а общая прибыль от использования детского труда исчисляется более чем 150 миллиардами долларов в год [2].

Успех современных преобразований в России в сфере правового регулирования рабочего времени несовершеннолетних лиц зависит от того, насколько учитывается опыт развития других стран в указанной сфере. В этой связи исследование основ регулирования продолжительности рабочего времени подростков в промышленности стран Западной Европы и принятие первых законодательных актов о труде приобретают особую актуальность, так как способствуют более глубокому изучению данного вопроса. Обобщение правового опыта в сфере применения детского труда в период индустриальной эпохи, анализ результатов, выявление положительных и отрицательных сторон могут быть полезны для совершенствования правового механизма, с помощью которого регулируются общественные отношения, связанные с использованием труда несовершеннолетних лиц в современной России.

Объектом статьи является исследование правовых отношений в сфере регулирования рабочего времени несовершеннолетних лиц; появление на основе этого первых нормативных актов регулирования рабочего времени, условий труда несовершеннолетних лиц в период индустриального производства в странах Западной Европы в XIX веке.

Предметом является исследование продолжительности рабочего времени, первых нормативных актов о рабочем времени и охране труда несовершеннолетних лиц в Великобритании, Франции, Германии в XIX веке.

Цель данной статьи заключается в изучении причинно-следственной связи между продолжительностью рабочего времени подростков, связанным с этим массовым недовольством работников и появлением первых нормативных актов о продолжительности рабочего времени и охране труда несовершеннолетних лиц.

Исследование проблем рабочего времени, применения детского труда началось в дореволюционный период. Среди работ данной группы центральное место занимали труды В. П. Литвинова-Фалинского, А. Н. Быкова, Л. Н. Нисселовича, М. Г. Лунца, А. Ф. Федорова, И. И. Янжула, Е. М. Дементьева, Л. С. Таля и др. Вышеуказанные авторы по роду своей деятельности сталкивались с проблемами рабочего времени и эксплуатации труда. Они являлись чиновниками, фабричными инспекторами, ревизорами, преподавателями.

Следующий этап исследования указанной проблематики относился к советскому периоду. В это время учеными проводился сравнительный анализ положения несовершеннолетних лиц и взрослых рабочих при социалистическом строе и капиталистическом строе дореволюционного периода. К работам указанного периода можно отнести труды И. И. Шелымагина, К. Н. Тарновского, В. В. Адамова, Ю. И. Кирьянова и других.

Представителями постсоветского периода изучения условий труда, рабочего времени были Б. Н. Миронов, М. А. Фельдман, В. Д. Камынин, Ю. Д. Коробков, Л. В. Куприянова, Е. Б. Хохлов, В. Ф. Цитульский и другие.

Продолжительность рабочего времени несовершеннолетних работников на производствах стран Западной Европы в первой половине XIX века составляла 12–14 часов в сутки. Темпы развития индустриального производства постоянно увеличивались. Основу индустриализации составляло промышленное производство и рабо-

чая сила. Появление машинного производства привело к возможности отказаться от использования физической силы взрослого работника. На смену пришел детский труд, который был менее затратным для собственников предприятий и приносил больше прибыли. Используя детский труд, можно было экономить значительные средства на условиях труда, питании, начислении заработной платы, уменьшая ее различными способами. При этом не ограничивать продолжительность рабочего времени. Таким образом, в целях экономии производственных затрат и получения большей прибыли владельцами предприятий стал использоваться дешевый детский труд. Это подтверждается высказыванием К. Маркса, который указывал причины появления детского труда при капитализме: «Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством применения рабочих без мускульной силы или не достигших полного физического развития, но обладающих более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин!» [3, с. 407].

В связи с этим в условиях распространения машинного производства на фабриках повсеместным и массовым явлением стал дешевый детский труд. Мужскую рабочую силу, которая была необходима ранее на производствах, потеснил детский труд. Детям хорошо давались вспомогательные функции у станков, что постепенно вытеснило квалифицированных мастеров, число которых среди рабочих – мужчин – в середине XIX века едва превышало десять процентов [4]. Высокая доля детского труда характерна для всех стран с фабричной организацией промышленности. В 1839 году 4 6% фабричных рабочих Великобритании не достигли восемнадцатилетнего возраста. По данным 1843 года в Бельгии на прядильной фабрике Брабанта трудились 318 рабочих, в число которых входили 26 детей от 9 до 12 лет. На тюлевой фабрике этого города было 70 рабочих, в том числе 30 девочек в возрасте от 8 до 12 лет. В 1840 году во французском департаменте Нор на различных фабриках работали 11114 детей в возрасте от 4 до 12 лет [5, с. 57].

Продолжительность рабочего дня составляла 13 часов при наличии трех перерывов для приема пищи (1 час на обед и 20 минут на завтрак и ужин). Рабочий день был одинаков для мужчин, женщин и детей. Отпуска не предоставлялись. Привлечение к работе по воскресным дням становилось нормой [5].

Со временем детский труд начал вызывать массовое недовольство среди рабочих. Ключевыми причинами являлись, с одной стороны, тяжелейшие условия труда и нерегламентированная продолжительность рабочего времени, с другой – количество рабочих мест для взрослых работников сокращалось.

В Англии были отмечены различные формы протеста рабочих против эксплуатации. Например, уничтожение станков, поджоги производственных помещений. Рабочий Нед Лудд первым разбил станок, так как считал именно машину виновником нищеты рабочих. Движение получило название «луддизма», стало первым массовым движением рабочих [6, с. 48]. Объективно оно было направлено не против машин, а против владельцев предприятий. Английский парламент по требованию предпринимателей принял закон о смертной казни за порчу машин и о беспощадном подавлении указанного движения. Сорок работников были приговорены к смертной казни.

Постепенно рабочие переходили от разрушения станков к более организованным формам протеста, целенаправленным действиям в защиту своих рабочих прав.

В 1836–1842 гг. в Англии возникло «чартистское движение» [6, с. 59], в ходе которого была основана первая массовая рабочая партия – Национальная чартистская ассоциация. Участники этого движения боролись за трудовые и политические права, ограничение продолжительности рабочего времени взрослых и несовершеннолетних работников, улучшение условий охраны труда. Парламент отвергал все попытки улучшить положение рабочих. Однако со временем правительство вынуждено было перейти к политике компромиссов и частичных уступок. В 1847 г. был принят закон о продолжительности рабочего времени несовершеннолетних лиц, повышена заработная плата некоторым категориям рабочих.

Таким образом, в результате народных волнений, связанных с требованиями сокращения продолжительности рабочего времени и улучшения условий труда, в 1847 году парламентом Англии был принят закон о десятичасовом рабочем дне, в котором указано: «С 1 января 1847 года никакое лицо моложе 18 лет не может быть занято на фабрике или заводе работой более чем на 11 часов в течение суток и более 63 часов в течение недели ... С 1 мая 1848 года никакое лицо менее 18 лет не может быть задействовано на работе более 10 часов в сутки и 58 часов в неделю. Указанные пределы должны приниматься также для женщин» [7, с. 239].

Для решения острых противоречий в сфере применения детского труда парламент Англии как законодательный орган власти выступил в роли посредника между работниками и владельцами предприятий в установлении количества часов работы в сутки. Конечно, законодательной инициативе также способствовали народные волнения, массовое недовольство, стачки. Поэтому первые попытки государства по ограничению детского труда внесли неоценимый вклад в появление фабричного, а затем трудового законодательства. В данном законе четко было установлено рабочее время в часах для несовершеннолетних лиц возрастом до 18 лет и женщин. Сначала 11 часов в сутки и 63 часа в неделю, после – 10 часов в сутки и 58 часов в неделю. Это положение заставило собственников предприятий исполнять принятые нормы рабочего времени несовершеннолетних лиц: нормы рабочего дня, нормы рабочей недели.

В Пруссии применение детского труда оказало ключевое влияние на возникновение законов о регламентации трудовых отношений. Массовое привлечение детей для работы на производствах приводило к их физической и умственной деградации. Поэтому за ограничение детского труда выступили два крупных государственных ведомства. Одно из них – Вооруженные силы. Причиной регулярных недоборов в армию являлось раннее вовлечение подростков в производство. Другим ведомством была система образования, которая с точки зрения воспитания и культурных потребностей населения высказалась за то, чтобы дети до определенного возраста проходили школьное обучение, а, следовательно, в это время не допускались к работе на фабриках [8, с. 125]. Им противостояли владельцы крупных промышленных предприятий и некоторые рабочие, уверенные в том, что могут лишиться необходимого дохода – заработка детей. Школы, университеты Пруссии, находясь под контролем церкви и монархии, боролись за возможность обучения детей. Военное ведомство также отстаивало свои позиции. Набор юношей в армию срывался из-за поголовной занятости на производствах. Вместо обучения детей в школах и службы в армии большинство трудилось на предприятиях. Возникший конфликт государ-

ственных интересов не сразу был разрешен, несмотря на то, что основой прусского национального сознания являлись идеи о сильной власти.

Большой общественно-политический резонанс накануне революционных событий 1848–1849 гг. приобрело восстание рабочих в 1844 г. в Пруссии [8]. Восстание вспыхнуло стихийно, не имея определенной политической окраски. Рабочий, распевавший песню у окон фабриканта, был брошен в тюрьму. Товарищи арестованного потребовали его освобождения и одновременно повышения заработной платы. Хозяин в грубой форме ответил отказом, что привело к разгрому его дома, конторы и складов. Восстание перекинулось на соседние районы. Регулярная армия подавила восставших рабочих. Около 150 участников этих событий были брошены в тюрьмы.

В результате правительство приняло сторону государственных ведомств. Поэтому в Пруссии в 1839 году был принят закон, в котором разрешалось принимать на фабрики и рудники несовершеннолетних работников с 9 лет, с максимальной продолжительностью рабочего дня – десять часов. Однако он почти не применялся. Основное значение получил закон 1853 года, в котором допускалось привлечение детей к работе с 12 лет, рабочее время устанавливалось до 6 часов в сутки [9, с. 135]. Этот закон оказался более действенным ввиду учреждения фабричной инспекции.

Законы в определенной мере защищали права детей в сфере продолжительности рабочего времени. Поэтому со временем распространились и в других германских регионах (Баварии, Вюртемберге, Саксонии). Однако содержали более жесткие нормы рабочего времени. Труд малолетних рабочих разрешили с 10, а не с 12 лет, рабочий день подростков установили в 9–10 часов, а не в 6, как в Пруссии. Прусский фабричный закон распространили на всю территорию Германии только в 1869–1871 годах.

Положение несовершеннолетних рабочих во Франции не отличалось в лучшую сторону. В начале 30-х гг. XIX в. вспыхнули восстания работников ткацких предприятий в г. Лионе и других городах. Основные требования рабочих касались увеличения возраста подростков для привлечения к труду на производствах, уменьшения рабочего времени, улучшения условий труда и повышения заработной платы. Но владельцы предприятий отказались удовлетворить их требования. Тогда рабочими было решено проведить массовую демонстрацию. Утром 21 ноября 1831 г. рабочие, построившись в колонны, двинулись к городской ратуше, но были разогнаны полицией, что заставило их взяться за оружие. В город была введена регулярная армия, которая подавила вооруженное восстание. В апреле 1834 г. рабочие города Лиона вновь поднялись на борьбу, но были разгромлены войсками.

Власти все же были вынуждены пойти на уступки в сфере улучшения условий труда и возрастных ограничений при принятии на работу несовершеннолетних лиц. В связи с массовым недовольством рабочих во Франции в 1841 году был принят специальный закон [10], в котором впервые было указано о сокращении в промышленности продолжительности рабочего дня детей и подростков. Большинством предпринимателей исполнение закона было проигнорировано под предлогом, что во многих производствах взрослый рабочий не может обойтись без помощи малолетних, значит, рабочий день для всех категорий, занятых на фабрике, должен быть одинаковым. Правительство Кавеньяка 9 сентября 1848 года установило границы рабочего времени в пределах 12 часов, причем из этого правила допускалось мно-

жество исключений. На производствах этот декрет выполнялся так же мало, как и закон 1841 года. Исполнение фабричного законодательства на предприятиях в последующие годы было неэффективным. Декреты 1851 и 1864 годов [10] давали возможность даже увеличивать рабочее время в некоторых отраслях промышленности.

Вместе с этим первые меры исправления ситуации были предприняты лишь спустя десять лет властями Третьей республики. В 1874 году признали возраст в 10 лет как минимальный для приема на работу и уменьшили продолжительность детского рабочего дня до 6 часов, а в 1882 году в качестве важнейшего практического шага было введено бесплатное и обязательное обучение детей 6–13 лет. В 1892 году был принят «Закон о труде детей, девушек и женщин на промышленных предприятиях» [11], действие которого распространялось на все виды производства и строительства. В соответствии с ним разрешалось принимать на работу детей с 12 лет, если они получили свидетельство о начальном образовании, и с 13 лет – без такового. Рабочий день рабочих и работниц, не достигших 18 лет, а также женщин определялся в 11 часов в день с обязательным одним или несколькими перерывами на отдых продолжительностью не менее 1 часа. Запрещалось использование детей, несовершеннолетних девушек и женщин на ночных работах, а также в шахтах, рудниках и карьерах. Не допускалось принуждать женщин любого возраста, детей и подростков до 18 лет работать более 6 дней в неделю. Меры регламентации труда не коснулись совершеннолетних работников мужского пола вплоть до 1905 года, когда появился закон [12], установивший для горняков, занятых на подземных разработках, 9-часовой рабочий день. В 1906 году Национальное собрание законодательно потребовало обязательного предоставления наемным работникам одного выходного дня в неделю.

Примеры жестокой эксплуатации детей, неограниченной продолжительности рабочего времени содержатся в произведениях английского писателя Чарльза Диккенса, который сам трудился на фабрике в одиннадцатилетнем возрасте [13]. На протяжении каждого рабочего дня он видел и чувствовал невыносимые условия труда и быта несовершеннолетних работников, которые часто умирали на рабочем месте или становились калеками.

На основании вышеизложенного можно сделать выводы:

1. С началом индустриального развития в Европе в первой половине XIX века, ростом количества предприятий, появлением машинного производства и увеличением потребностей промышленности увеличилась эксплуатация детского труда. Продолжительность рабочего времени несовершеннолетних лиц составляла 12–14 часов в сутки и не ограничивалась законами. Органы государственной власти не осуществляли контроль условий труда и продолжительности рабочего времени несовершеннолетних работников. Причиной увеличения рабочего времени подростков стало появление машинного производства, что позволило владельцам предприятий отказаться от использования физической силы взрослого работника. На смену пришел детский труд, который был менее затратным для собственников предприятий и приносил больше прибыли.

2. Массовое привлечение детей для работы на производствах приводило к их физической и умственной деградации. В связи с этим в ряде стран Западной Европы возникли конфликты между государственными институтами. Например, в Пруссии военное ведомство и система образования имели острую нехватку молодых людей,

которые были заняты на производствах. Раннее вовлечение подростков на производство стало причиной регулярных недоборов в армию. В системе образования считали, чтобы дети проходили школьное обучение, а, следовательно, в это время не допускались к работе на фабриках. Поэтому крупные государственные ведомства Пруссии выступали за ограничение детского труда. Это повлияло на необходимость органов власти приступить к законодательному регулированию рабочего времени.

3. Усиление эксплуатации детского труда в виде неограниченной продолжительности рабочего времени, отсутствия условий охраны труда приводили к народным волнениям. Основными требованиями работников являлись: увеличение возраста несовершеннолетних лиц для привлечения к работам, уменьшение продолжительности рабочего времени, улучшение условий труда, медицинское страхование от несчастных случаев на производстве и другие. Таким образом, массовые недовольства условиями труда заканчивались социально-политической нестабильностью, что вынуждало органы власти Англии, Франции, Пруссии принимать законодательные акты о рабочем времени несовершеннолетних работников и улучшать условия труда. Впоследствии это привело к первым попыткам законодательного регулирования продолжительности рабочего времени несовершеннолетних работников и положило начало формированию трудового законодательства.

4. Особая роль в требованиях рабочих уделялась ограничению рабочего времени несовершеннолетних лиц и главным образом повлияла на законодательные инициативы о труде и рабочем времени в Англии, Франции, Пруссии в XIX веке, стала ключевой причиной острого социального конфликта между лицами наемного труда и буржуазией. В связи с этим массовая эксплуатация подростков на производствах и недовольство работников повлияли на органы власти путем принятия законодательной регламентации рабочего времени.

5. Принятие первых законодательных актов способствовало уменьшению эксплуатации несовершеннолетних работников и положило начало развитию трудового законодательства. Владельцы предприятий были вынуждены подчиниться законодательству, часто в ущерб своим интересам. В этом заключалась гуманистическая и прогрессивная роль принятых законов.

6. Впоследствии несовершеннолетние работники были определены в качестве особого субъекта трудовых отношений, с установлением правового статуса отличного от взрослых рабочих в связи с принятием первых нормативных актов о рабочем времени. Это положило начало законодательному регулированию рабочего времени и условий труда несовершеннолетних лиц. В связи с этим впервые началась разработка норм, направленных на охрану трудовой деятельности несовершеннолетних работников.

Список литературы:

1.Конвенция № 182 Международной организации труда «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда» // Официальный сайт Международной организации труда.
URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention182.shtml (Дата обращения: 11.05.2018)
2. World report on child labour 2015: Paving the way to decent work for young people / International Labour Office. Geneva: ILO, 2015
URL:http://www.refworld.org/docid/558bb1d74.html (Дата обращения: 15.03.2018)

3. «Капитал» К. Маркса и проблемы современного капитализма / М.: Изд-во Московского университета, 1968. – 510 с.
4. Брентано Л. История развития народного хозяйства Англии / Л. Брентано. – М.: Госиздат, 1930. – 312 с.
5. Бризон П. История труда и трудящихся / П. Бризон. – М.: Госиздат, 1921. – 241 с.
6. Поулсен Ч. «Английские бунтари» / Ч. Поулсен. – М.: Прогресс, 1987. – 67 с.
7. Энгельс Ф. «Английский билль о десятичасовом рабочем дне» / Ф. Энгельс. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – 252 с.
8. Ерусалимский А. С. Германская история в новое и новейшее время / А.С. Ерусалимский – М.: Наука, 1970. – 215 с.
9. Кучинский Ю. История условий труда в Германии /Ю. Кучинский – М.: Издательство иностранной литературы,1949. – 532 с.
10. Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции / Ф. В. Потемкин – М.: Наука, 1971. – 197 с.
11. Пономарев Б. Н. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории / М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – 128 с.
12. К. Маркс. К критике политической экономии.
URL: http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/ (Дата обращения: 15.05.2018)
13. Диккенс Ч. Приключения Оливера Твиста. М.: Рипол классик, 2013. – 390 с.

Starostin V. A. The Minors Working Time in Britain, France, Germany in the 19th Century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 144–152.

The purpose of the article is to consider the problem of working hours of minors in Western European countries during the industrial production period. Cheap child labor has become a widespread and mass phenomenon in factories in the conditions of machine production. It was the reason of mass discontent among workers. The main reasons of it were hard working conditions, unregulated working hours of teenager's and reduction of the number of jobs for adult workers. The using of child labour and public unrest had a political influence on the need for legislative regulation of labour relations. The involvement of children in production industry has been resulted in their physical and mental degradation. Therefore, for example, in Prussia the armed forces and the education system were responsible of child labor's limits. Schools and universities were controlled by the church and the monarchy. Also they fought for the possibility of teaching children. The military department also defended their positions. The recruitment of young men was not impossible because of the employment in production factories. They worked in the factories instead of studying at school or serving in the army. The owners of large industrial enterprises and some workers were considered in losing the necessary income – the earnings of children. Nevertheless, the conflict of political interests was not immediately resolved. The result of the intense political struggle was adoption of regulations. Minors were identified as a special subject of labour relations, with the establishment of a legal status other than that of adult workers. It was the beginning of legislative regulation of working time and working conditions of minors in Europe.

Key words: the child labour exploitation, working conditions, working hours, labour relations and the legal status of teenager's.

Spisok literatury:

1. Konventsiya № 182 Mezhdunarodnoi organizatsii truda "O zapreshchenii i nemedlennykh merakh po iskoreneniyu naikhudshikh form detskogo truda" [Convention No. 182 of the International Labour Organization "Concerning the Prohibition and Immediate Action for the Elimination of the Worst Forms of Child Labor"]. Ofitsial'nyi sait Mezhdunarodnoi organizatsii truda.
URL: http://www.ilo.org/ilolex/russian/docs/conv175.htm. (Accessed: 11 of May 2018)
2. World Report on Child Labour 2015: Paving the Way to Decent Work for Young People / International Labour Office. Geneva: ILO, 2015
URL: http://www.ilo.org/ilolex/russian/docs/conv175.htm. (Accessed: 15 March 2018)
3. Marks K. Kapital i problemy sovremennogo kapitalizma [Kapital and Problems of Modern Kapitalizm]. Moscow Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1968, 510 p.
4. Brentano L. Istoriya razvitiya narodnogo khozyaistva Anglii [The History of the National Development Economy of England]. Moscow, Gosizdat, 1930, 312 p.
5. Brizon P. Istoriya truda i trudyashchikhsya [The History of the Labor and Workers ']. Moscow, Gosizdat, 1921, 241 p.

6. Poulsen Ch. Angliiskie buntari [English Rebellious]. Moscow, Progress, 1987, 67 p.
7. Engel's F. Angliiskii bill' o desyatichasovom rabochem dne [English Bill of Ten-Hour Working Day]. Moscow, Izdatel'stvo Politicheskoi Literatury, 1967, 252 p.
8. Erusalimskii A. Germanskaya istoriya v novoe i noveishee vremya [German History in Modern and Contemporary Times]. Moscow, Nauka, 1970, 215 p.
9. Kuchinskii Yu. Istoriya uslovii truda v Germanii [The History of Working Conditions in Germany]. Moscow, Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury,1949. - 532 p.
10. Potemkin F. Promyshlennaya revolyutsiya vo Frantsii [The Industrial Revolution in France]. Moscow, Nauka, 1971, 197 p.
11. Ponomarev B. Mezhdunarodnoe rabochee dvizhenie. Voprosy istorii i teorii [The International Labor Movement. Questions of History and Theory]. Moscow, Mysl', 1976, 128 p.
12. Marks K. K kritike politicheskoi ekonomii [Critique of Political Economy].
URL: http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/ (Accessed: 15 May 2018)
13. Dikkens Ch. Priklyucheniya Olivera Tvista [Adventures Of Oliver Twist]. Moscow, Ripol Klassik, 2013, 390 p.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 153–157.

УДК 342.5

ПРАВОВОЙ СТАТУС КРЫМА В НОЯБРЕ 1918 – АПРЕЛЕ 1919 гг. (К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ КРЫМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ)

Смирнова Е. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье исследованы историко-правовые аспекты правового статуса Крыма в период деятельности Краевого правительства С. Крыма, его нормативно-правовая деятельность. Подчеркивается, что с точки зрения современного конституционного права России государственность в Крыму имела временный, переходный, смешанный характер и находилась в стадии становления. Определена сущность второго периода деятельности правительства, когда в Крыму фактически восстанавливаются репрессивные методы управления.

Ключевые слова: государственность, законодательная деятельность, Краевое правительство, правовой статус, нормативно-правовые акты.

В 2018 г. исполнятся 100 лет Крымской государственности, которая была представлена в 1918 г. двумя государственными образованиями – Советской Республикой Тавридой и Крымской Республикой во главе с С. Крымом. В данной статье поставлена задача проанализировать и уточнить правовой статус государственного образования Второго краевого правительства С. Крыма для осмысления с позиций историко-правовой науки тенденций, особенностей, закономерностей и перспектив государственного устройства Российской Федерации (далее – РФ), места в нем Республики Крым, возможностей Российского государства решать сложные правовые и социально-экономические вопросы исходя из принципов демократии и вхождения России как цивилизованного государства в мировое сообщество.

Конституционно-правовой статус государства представляет собой правовое состояние этого субъекта, включающее в себя систему правовых связей, соответствующих специфике государства как субъекта конституционного права и конституционно-правовых отношений к его главному назначению и функциям.

Государство самостоятельно официально представляет общество как внутри страны, так и за рубежом, во взаимоотношениях с другими государствами. Поэтому правовой статус государства реализуется двумя системами:

- системой внутригосударственного права
- системой международного права.

Государство имеет общий и конкретный правовой статус. Общий статус в системе внутригосударственного права определяется нормами конституции, а в системе международного права – нормами международного сообщества. Что касается конкретного статуса государства, то он зависит от тех конкретных разнообразных правоотношений, участником которых является государство как внутри страны, так и на международной арене.

В соответствии со ст. 1 Конституции Россия является федеративным государством, а ст. 65 и 66 Основного закона определяют конституционно-правовой статус субъектов федерации, в том числе и Республики Крым, как неотъемлемой части РФ. К тому же характеристика ее правового статуса дополняется еще и Конституцией

автономии. Основания для этого имеют место в историческом прошлом крымского региона. На протяжении веков на территории Крыма существовало значительное количество государственных образований, различных по форме правления и устройству, типу политического режима. Поэтому сегодня важно учитывать опыт регионального государственного строительства в Крыму. Это даст основания для научной экстраполяции соответствующих положений конституционных актов, которые нашли положительную или, наоборот, отрицательную апробацию в процессе своей реализации Конституции РФ.

В этом смысле возможно проведение отдельных исторических параллелей с современностью и использование определенных уроков государственного строительства в прошлом, анализ которых поможет избежать подобных ошибок в современном государственном строительстве Республики Крым.

Среди крымских государственных образований 1918–1920 гг. особое место занимает либерально-демократический режим С. Крыма, который в условиях социальных трагедий, по нашему мнению, создавал наиболее приемлемую для большинства населения полуострова форму государственного устройства – республиканскую форму правления и унитарную форму государства.

В конце октября 1918 г. состоялась встреча начальника немецких войск в Крыму фон Эвелина с С. Крымом и В. Оболенским, на которой обе стороны договорились о передаче власти правительству С. Крыма.

14 ноября 1918 г. немецкое оккупационное командование в Крыму официально сообщило в губернскую земскую управу об устранении правительства С. Сулькевича от власти [1, с. 19].

Правительство С. Крыма было сформировано по предложению собраний городских и земских органов самоуправления и межпартийных совещаний и представляло собой высший орган власти суверенного государства. В состав правительства вошло восемь должностных лиц, которые занимали по две министерские должности. Глава правительства С. Крым был одновременно и министром земледелия, и краевого имущества [2, л. 23].

Структура министерств, созданных Крымским краевым правительством, была аналогичной аппарату губернии дореволюционной Российской империи. Министры наделялись правами издавать распоряжения относительно разъяснения и толкования законов, но затем эти нормативно-правовые акты подлежали утверждению Советом Министров.

В начале марта 1919 г. постановлением Совета Министров Краевого правительства был учрежден Краевой экономический совет. В состав совета по должности входили все министры, по одному представителю от губернской управы, уездных земских управ, Симферопольской городской думы, Крымского совета кооперативных союзов, союза потребительских общества, союза инженеров, фруктовой, винной и табачной биржи, союза мукомолов, трех представителей Крымского совета профсоюзов, двух представителей Таврического университета [2, л. 40–42].

В своей программе Краевое правительство проводило курс на формирование государственной инфраструктуры на полуострове. С этой целью провозглашалось, что правительство сохраняет законодательство Российской империи, действовавшее до 25 октября 1917 г. О государственных намерениях правительства С. Крыма свидетельствует уже само название нового правительства – Крымское краевое. Этим

подчеркивалось признание новых границ республики, по есть территория полуострова. В то же время понятие «краевое» определяло Крым как самостоятельный регион с собственным правительством.

Правительство С. Крыма имело определенные признаки государственной легитимности, наличие органов власти, установленных Декларацией Краевого правительства, которая рассматривалась как временная Конституция этого государственного образования [4, с. 78–81].

Одной из ключевых проблем организации государственной власти стала проблема соотношения военной и гражданской власти. В середине ноября 1918 г. немецкие войска были выведены из Крыма, а на полуостров вступили войска генерала А. Деникина, который, с одной стороны, пообещал всестороннюю поддержку Крымскому правительству, а с другой – невмешательство в управление полуостровом. Однако уже через несколько дней возник конфликт между военным и гражданским руководством. Военные требовали срочного введения военного положения на территории Крыма [4, с. 60, 61].

Ситуация осложнялась еще и тем, что при генерале А. Деникине было создано Особое совещание, которое выполняло функции правительства. Однако оно состояло из случайных, мало известных политиков и не могло обеспечивать эффективное управление населением полуострова [3, с. 162, 163].

В связи с этим во второй половине ноября 1918 г. было проведено специальное совещание, на котором в решении были определены принципы взаимоотношений между Краевым правительством С. Крыма и командованием Добровольческой армии [3, с. 165]. На Краевое правительство возлагалась обязанность осуществлять мобилизацию, формировать воинские подразделения для Добровольческой армии, руководить экономикой. Однако в условиях военного положения существенно менялись должностные обязанности гражданского управления и власть полностью переходила командованию Добровольческой армии.

Таким образом, правительство С. Крыма пыталось отделить функции армии и гражданских органов на основании нормативного определения их деятельности в мирное и военное время. Это, в первую очередь, касалось перестройки деятельности государственных правоохранительных органов, которые были обязаны взаимодействовать с командованием Добровольческой армии и Антанты по обеспечению порядка на полуострове. Система органов юстиции, суда, полиции оставалась в Крыму неизменной на протяжении ноября 1918 – марта 1919 годов.

Последним шагом в перестройке государственных органов стал общий проект с командованием Вооруженных сил Юга России по созданию комитета обороны Крыма. Состав совета и его функции утверждены Советом Министров 30.03.1919. Возглавил совет председатель Совета Министров, а в его состав вошли военные министр, министр внутренних дел, министр внешний отношений, начальник штаба Крымско-азовской армии и главноуполномоченный обороны края [2, л. 71].

Но остались нерешенными и два важных направления сотрудничества гражданской и военной власти. Анализ архивных материалов свидетельствует, что вопрос о введении военного положения стал основным поводом для политического противостояния между генералом А. Деникиным и Краевым правительством. Другим поводом к конфликту между военной и гражданской властью стал вопрос о северных уездах Таврической губернии. Здесь был достигнут компромисс – генерал А. Дени-

кин согласился на присоединение к Крыму трех материковых уездов с условием введения на их территории военного положения [4, с. 62–64].

Принципиальные основы процесса законотворчества были очерчены в Декларации Краевого правительства, которая провозгласила, что государственность в Крыму, несмотря на временный характер, базируется на твердых основах закона.

Нормативно-правовая деятельность правительства осуществлялась министерствами, а нормотворчество охватывало процесс создания правовой нормы, начиная с момента зарождения идеи необходимости принятия нормы права в связи с выявлением необходимости правовой регламентации общественных отношений, заканчивая ее принятием и введением в действие. Принятие нормативно-правовых актов проходило несколько этапов. Первый – это принятие решения о необходимости разработки нормативно-правового акта и разработка самого проекта. Второй – обсуждение проекта в соответствующих министерствах. Третий – принятие нормативно-правового акта. Четвертый – введение его в действие.

Что же касается непосредственной процедуры разработки нормативно-правовых актов, то здесь право инициативы имели министерства и органы самоуправления, которые вносили проекты на рассмотрение Совета Министров.

В начале декабря 1918 г. общие положения процесса законотворчества были утверждены постановлением Совета Министров «О порядке утверждения законопроектов. Внесение их в Совет Министров, обсуждение. Утверждение и о форме и порядке обнародований постановлений» [3, с. 180]. В этом постановлении определялись функции правительства в процессе законотворчества, руководство которым возлагалось на административное управление Высшего краевого суда. Для окончательного редактирования законов при Совете Министров была создана Редакционная комиссия во главе с министром юстиции [3, с. 182].

Анализ нормативно-правовой деятельности Краевого правительства С. Крыма свидетельствует о чрезвычайно высокой интенсивности работы, которая осуществлялась на основе законодательства Российской империи. Формой нормативно-правовых актов Совета Министров были законы, постановления, правила, положения, инструкции. Министры издавали приказы, постановления, правила, положения, инструкции, распоряжения и решения. За период деятельности Краевого правительства было принято 1300 постановлений, которые регулировали основные направления служебной деятельности, кадровую работу, социальную защиту служащих, внутреннюю и внешнюю политику [3, с. 160–165].

В марте 1919 г. Краевым правительством были учреждены два официальных печатных органа: «Вестник Крымского правительства» и «Сборник узаконений и распоряжений крымского Краевого правительства», в которых публиковались все нормативно-правовые акты правительства, отдельных министерств и ведомств, органов местного самоуправления [2, л. 89].

Это свидетельствует о том, что Краевое правительство С. Крыма в сложных военно-политических условиях обеспечивало активную нормативно-правовую деятельность, которая формировала достаточно эффективную форму государственного организма, регулировавшего деятельность как центральных органов управления, так и органов местного самоуправления.

Подводя итоги, отметим, что образование Краевого правительства С. Крыма происходило в общем русле общественных отношений, характер которых опреде-

лялся событиями Первой мировой войны и Российской революции. С точки зрения современного конституционного права России государственность в Крыму имела временный, переходный, смешанный характер и находилась в стадии становления. В короткий исторический промежуток были сформированы лишь отдельные элементы государственности. Автором они оцениваются как признаки парламентской республики, с унитарным государственным устройством и либерально-демократическим типом политического режима.

Однако невзирая на внешнюю привлекательность нормативно-правовой деятельности Краевого правительства в социальной сфере, они вызывали неоднозначную реакцию со стороны населения полуострова, особенно в национальном вопросе. С начала 1919 г. правительство С. Крыма быстро теряет авторитет и пытается компенсировать его путем принятия постановлений и распоряжений, которые фактически восстанавливают репрессивные методы управления и возвращают политико-правовую ситуацию на полуострове к начальным стартовым позициям [5, л. 4]. Внешнеполитический курс правительства не имел концептуальной последовательности и менялся в зависимости от ситуации на фронте. Все это после поражения войск Антанты и генерала А. Деникина привело к устранению его от власти.

Список литературы:

1. Велигодский Д. В. Основные направления нормативно-правовой деятельности Краевого правительства Соломона Крыма // Юридическая биографистика: история, современность, перспективы. – Симферополь, 2003. – С. 275–277.
2. ЦГАРК. – Ф.Р. – 1000. Оп. 4. Д. 1.
3. Винавер М. Наше правительство (Крымские воспоминания 1918 – 1919 гг) Издание посмертное. – Париж, 1928. – 260 с.
4. Смирнова Е.В. Организационно-правовые основы восстановления Крымской Автономии // Государство и право. Сб. науч. работ. – Вып. 12. – К., 2001. – С. 156–162.
5. ЦГАРК. – Ф.Р. – 2235. Оп. 1. Д. 146.

Smirnova E.V. Legal status of Crimea in November 1918-April 1919 (the 100th anniversary of the Crimean statehood) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 153-157.

The article examines the historical and legal aspects of the legal status of the Crimea during the activity of the Regional government of Crimea, its normative and legal activity, emphasizes that from the point of view of the modern constitutional law of Russia, statehood in the Crimea was temporary, transitional, mixed and was in the process of formation. The essence of the second period of activity of the government is defined, when repressive methods of management are actually restored in Crimea.

Key words: statehood, legislative activity, Regional government, legal status, normative legal acts.

Spisok literatury:

1.Veligodskij D. V. Osnovnye napravleniya normativno-pravovoj deyatel'nosti Kraevogo pravitel'stva Solomona Kryma // YUridicheskaya biografistika: istoriya, sovremennost', perspektivy. – Simferopol', 2003. – S. 275 – 277.
2.CGARK. – F.R. – 1000. Op. 4. D. 1.
3.Vinaver M. Nashe pravitel'stvo (Krymskie vospominaniya 1918 – 1919 gg) Izdanie posmertnoe. – Parizh, 1928. – 260 s.
4.Smirnova E.V. Organizacionno-pravovye osnovy vosstanovleniya Krymskoj Avtonomii // Gosudarstvo i pravo. Sb. nauch. rabot. – Vyp. 12. – K., 2001. – S. 156 – 162.
5.CGARK. – F.R. – 2235. Op. 1. D. 146.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 158–163.

УДК 342.4

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ (СТРАНЫ СНГ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ)

Сушков А. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В настоящее время категория «государственная поддержка» получает все большее распространение не только в теоретическом срезе, но и в прикладном; ее реализация – сложное и динамичное направление юридически значимой деятельности. Опыт Российской Федерации состоит в том, что Базовый закон в главе о конституционном строе закрепил государственную поддержку применительно к семье, материнству, отцовству и детству, инвалидам и пожилым гражданам. С учетом отечественного опыта в статье осуществлен сравнительный анализ зарубежных конституций на предмет выявления в них норм о государственной поддержке. Историческая общность стала аргументом в пользу исследовательского внимания к странам Содружества Независимых Государств и странам Восточной Европы.

В статье систематизированы различные адресаты заявленной поддержки; выявлены вариативные подходы к конституционному закреплению государственной поддержки. Относительно конституционных формулировок о государственной поддержке в странах Содружества Независимых Государств сделано резюме, что заявленный правовой феномен отличается многообразным подходом: от полного игнорирования до распространения не только на определенные категории населения, но и на отдельные публичные институты. Аналитические выводы о формулировках конституций Восточной Европы указали на аутентичных адресатов государственной поддержки дополнительно к выявленным опытом стран Содружества Независимых Государств.

Ключевые слова: государственная поддержка, конституции, обеспечение, гарантии, незащищенные категории населения, традиции, местное самоуправление.

Конституции современных государств отличаются не только тем, что в своем тексте отражают многообразные субъективные права личности, но также и правовые средства их гарантирующие и обеспечивающие. На наш взгляд, отдельного внимания заслуживает государственная поддержка, которая, безусловно, является одним из специфических обеспечительных юридических ресурсов, адресованных ограниченному кругу лиц или даже субъектов.

Опыт Российской Федерации состоит в том, что Базовый закон в главе о конституционном строе закрепил государственную поддержку применительно к семье, материнству, отцовству и детству, инвалидам и пожилым гражданам (ч. 2 ст. 7) [1]. Таким образом, на государственно-учредительном уровне представлен определенный перечень субъектов такой поддержки. Уточним также, что в российской Конституции государственная поддержка «фигурирует» только в одной указанной норме. В ч. 5 ст. 43 отмечено, что Российская Федерация … поддерживает различные формы образования и самообразования. Конечно, в данном случае глагол «поддерживает» может быть тождественен гарантированию, оказанию содействия. Но в связи с тем, что в России отсутствует легальное определение государственной под-

держки, мы можем интерпретировать совокупность приведенных норм как разновидности заявленной поддержки.

С учетом обозначенного российского опыта, считаем целесообразным обратиться к формулировкам зарубежных конституций с целью проведения сравнительного анализа. Полагаем, историческая общность является аргументом в пользу исследовательского внимания к странам Содружества Независимых Государств и странам Восточной Европы.

Итак, в конституциях Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана искомые нормы о государственной поддержке не обнаружены.

В Конституции Республики Киргизия ст. 9 закрепила, что государство обеспечивает поддержку социально незащищенных категорий граждан, гарантированный минимальный размер оплаты труда, охрану труда и здоровья [2]. Таким образом, в данной норме государственная поддержка адресована как определенным категориям граждан (без конкретизации, каким именно), так и социальным гарантирующим системам.

Оригинальна ст. 37 Конституции Республики Киргизия, в которой закреплена государственная поддержка народных обычаев и традиций, не ущемляющих права и свободы человека.

В конституции Республики Молдова, несмотря на наличие самостоятельной нормы «Право на социальное обеспечение и защиту» (ст. 47), отсутствует типичная формулировка о государственной поддержке [3].

Однако далее в ст. 50 «Защита матерей, детей и молодежи» установлено, что дети и молодежь пользуются особой поддержкой в осуществлении своих прав. Хотя и не указан вид поддержки и от кого она исходит.

В ч. 3 ст. 49 формализовано государственное поощрение и поддержка благотворительности в отношении детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки.

Следует обратить внимание на разновидность государственной поддержки, сопряженной с реализацией свободы совести. Так, в ч. 4 ст. 31 Конституции Республики Молдова закреплено, что религиозные культы самостоятельны, отделены от государства и пользуются его поддержкой, в частности в облегчении религиозного присутствия в армии, больницах, тюрьмах и приютах.

Конституция Республики Туркмения также аутентична в формализации государственной поддержки [4]. Это выражено в ст. 22, в соответствии с которой каждый гражданин имеет право на поддержку государства в получении благоустроенного жилого помещения и в индивидуальном жилищном строительстве.

Более типична ст. 34 Конституции Республики Туркмения. В ней зафиксировано, что многодетным семьям, детям, лишившимся родителей, участникам войн и другим лицам, утратившим здоровье при защите государственных или общественных интересов, предоставляются дополнительные поддержка и льготы из общественных средств. Однако в указанной норме не конкретизирован вид поддержки и то, что она является именно государственной.

В целом же в Конституции Туркмении государственная поддержка коррелируется с многообразными адресатами, а также с реализацией субъективного права жилище.

Интересными представляются нормы о государственной поддержке в Конституции Украины [5]. Так, в ст. 24 в контексте принципа равенства мужчин и женщин

закреплена материальная и моральная поддержкой материнства и детства. Однако отсутствует прямое указание на такую поддержку со стороны государства.

В ст. 52 зафиксированы государственные поощрения и поддержка благотворительной деятельности в отношении детей.

Статья 142 Конституции Украины оригинальна тем, что в ней государственная поддержка адресована местному самоуправлению: государство принимает участие в формировании доходов бюджетов местного самоуправления, финансово поддерживает местное самоуправление.

В качестве резюме по осуществленной части исследования относительно конституционных формулировок о государственной поддержке в странах Содружества Независимых Государств укажем, что заявленный правовой феномен отличается многообразным подходом: от полного игнорирования до распространения не только на определенные категории населения, но и на отдельные публичные институты.

Так, в соответствии с положениями конституций стран СНГ государственная поддержка адресована:

- различным категориям населения (Киргизия);
- социальным обеспечительным ресурсам (гарантированный минимальный размер оплаты труда и охрана труда и здоровья в Киргизии);
- благотворительности в отношении детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки (Молдова, Украина);
- народным обычаям и традициям, не ущемляющим права и свободы человека (Киргизия);
- религиозным культам, в частности в облегчении религиозного присутствия в армии, больницах, тюрьмах и приютах (Молдова);
- субъективному праву на благоустроенное жилое помещение и индивидуальное жилищное строительство (Туркмения);
- местному самоуправлению (Украина).

Переходя к аналитической части исследования о конституциях стран Восточной Европы и формализации в них государственной поддержки, отметим, что базовые законы Албании, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Македонии, Словении, Хорватии, Чехии и Эстонии искомые установления не содержат. Остальные конституционные нормы можно прокомментировать следующим образом.

В ст. 110 Конституции Латвии государство защищает и поддерживает брак – союз между мужчиной и женщиной, семью, права родителей и детей [6].

Более разнообразны установления Конституции Литвы [7]. В ее ст. 39 определено, что государство опекает семьи, воспитывающие детей дома, оказывает им в установленном законом порядке поддержку.

В качестве адресата государственной поддержки в Конституции Литвы определены культура и наука (ст. 42).

Литовское государство оказывает поддержку национальным общинам (ст. 45), общественно полезным хозяйственным усилиям и инициативе (ст. 46), самоуправлениям (ст. 120).

В ст. 7 Конституции Румынии с наименованием «Румыны, проживающие за рубежом» закреплена государственная поддержка упрочения связей с румынами, проживающими за пределами страны [8].

В ч. 5 ст. 29 Конституции Румынии отражено, что религиозные культы автономны по отношению к государству и пользуются его поддержкой, включая благоприятствование религиозной помощи в армии, больницах, местах лишения свободы, приютах и сиротских домах. Вероятно, исходя из приграничного соседства и общности исторического развития, аналогичная норма появилась и в Конституции Молдовы.

Оригинальна ч. 2 ст. 58, в которой закреплена обязанность публичных властей оказывать Адвокату Народа необходимую поддержку при осуществлении им своих полномочий.

Также, как и в Конституции Румынии, ст. 7а Конституции Словакии формализовала положение о том, что Словацкая Республика поддерживает национальное сознание и культурную идентичность проживающих за границей словаков, поддерживает их организации, созданные для достижения этой цели и связи с родиной [9].

В ч. 2 ст. 55 Словацкая Республика защищает и поддерживает экономическую конкуренцию.

Многочисленны формулировки о государственной поддержке в Конституции Венгрии [10]. Так, ст. D Основных пунктов соглашения определено, что … Венгрия должна нести ответственность за судьбу венгров, проживающих вне ее границ, … должна продолжить поддерживать их усилия, направленные на сохранение их венгерской культуры...

В ч. 2 ст. M Основных пунктов соглашения закреплена формулировка «Венгрия поддерживает рождение детей».

В ч. 3 ст. IX непосредственного текста Конституции Венгрии формализована государственная поддержка за счет государственных фондов научной и творческой свободы Венгерской академии наук, Венгерской академии искусств и высших учебных заведений, обеспечения их институциональной автономии в целях ответственного управления доходами и активами государственных учреждений.

На основании ч. 4 ст. XVIII Венгрия поддерживает интегрированную государственную пенсионную систему, основанную на социальной солидарности и функционировании добровольных социальных учреждений.

В ч. 2 ст. XXIX Венгрия поддерживает добровольную систему резервистов для вооруженных сил.

В Конституции Польши поддержка сопряжена не с государством, а с публичными властями [11]. Фрагментарно подобная формулировка нам встречалась в Конституции Румынии.

Так, согласно ст. 68 Конституции Польши публичные власти поддерживают развитие физической культуры, особенно среди детей и молодей.

В ст. 74 закреплено, что публичные власти поддерживают действия граждан, направленные на охрану и улучшение состояния окружающей среды.

В ст. 75 Конституции Республики Польша публичные власти … поддерживают развитие социального строительства, а также действия граждан, направленные на приобретение собственного жилища.

В целом, подводя итоги проведенного исследования и сравнивая формулировки о государственной поддержке в конституциях стран СНГ и Восточной Европы, отметим, что в последних искомые нормы более разнообразны. Сравнительный анализ показал, что государственная поддержка в конституциях стран Восточной Европы,

помимо идентичных адресатов, указанных в конституциях стран СНГ, также сопряжена с:

- браком, семьей, правами родителей и детей (Латвия);
- культурой и наукой (Венгрия, Литва);
- национальными общинами, общественно полезными хозяйственными усилиями и инициативами (Литва);
- упрочением связей с соотечественниками, проживающими за пределами страны (Венгрия, Румыния, Словакия);
- обязанностями публичных властей оказывать Адвокату Народа необходимую поддержку при осуществлении им своих полномочий (Румыния);
- экономической конкуренцией (Словакия);
- пенсионной системой, основанной на социальной солидарности и функционировании добровольных социальных учреждений (Венгрия);
- добровольной системой резервистов для вооруженных сил (Венгрия);
- развитием физической культуры, особенно среди детей и молодей (Польша);
- действиями граждан, направленными на охрану и улучшение состояния окружающей среды (Польша).

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 9. – Ст. 851.
2. Конституция Киргизии от 27 июня 2010 г. // http://russkg.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=95:-27-2010-&catid=27:2010-08-20-08-52-42&Itemid=30 (дата обращения 04.01.2017 г.).
3. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. // http//www.spinform.ru/isp.htm (дата обращения 04.01.2017 г.).
4. Конституция Туркмении от 18 мая 1992 г. // http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2376 (дата обращения 04.01.2017 г.)
5. Конституция Украины от 28 июня 1996 г. // http//www.spinform.ru/isp.htm (дата обращения 04.01.2017 г.).
6. Конституция Латвийской Республики 15 февраля 1922 г. // http://www.krugosvet.ru/node/41814 (дата обращения 04.01.2017 г.).
7. Конституция Литовской Республики от 25 октября 1992 г. // http://worldconstitutions.ru/?p=115&page=3 (дата обращения 04.01.2017 г.).
8. Конституция Румынии от 21 ноября 1991 г. // http://constitutions.ru/archives/184 (дата обращения 04.01.2017 г.).
9. Конституция Словацкой Республики от 1 сентября 1992 г. // http://pandia.ru/text/77/352/37184.php (дата обращения 04.01.2017 г.).
10. Конституция / Основной закон Венгрии от 25 апреля 2011 г. // http://worldconstitutions.ru/?p=298&page=3 (дата обращения 04.01.2017 г.).
11. Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 г. // http://worldconstitutions.ru/?p=112 (дата обращения 04.01.2017 г.).

Sushkov A. V. Foreign experience of constitutional consolidation of public support (cis countries and eastern Europe) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 158–163.

Currently, the category of «state support» is becoming increasingly widespread not only in theoretical terms, but also in the application; its implementation is a complex and dynamic direction of legally significant activities. The experience of the Russian Federation is that the Basic law in the Chapter on the constitutional system has consolidated state support in relation to the family, motherhood, fatherhood and childhood, the disabled and elderly citizens. Taking into account the domestic experience, the article provides a comparative analysis of foreign constitutions in order to identify the norms of state support in them. The historical com-

monality was an argument in favor of the research attention to the countries of the Commonwealth of Independent States and the countries of Eastern Europe.

The article systematizes the various addressees of the declared support; the variative approaches to the constitutional consolidation of the state support are revealed. With regard to the constitutional formulations of state support in the countries of the Commonwealth of Independent States, a summary is made that the claimed legal phenomenon is characterized by a diverse approach: from complete disregard to the spread not only to certain categories of the population, but also to certain public institutions. Analytical conclusions on the wording of the constitutions of Eastern Europe pointed to the authentic recipients of state support, in addition to the experience of the Commonwealth of Independent States.

Key words: state support, constitutions, provision, guarantees, unprotected categories of population, traditions, local self-government.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 5.02.2014 g. № 2-FKZ) // SZ RF. 2014. № 9. St. 851.
2. Konstituciya Kirgizii ot 27 iyunya 2010 g. // http://russkg.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=95:-27-2010-&catid=27:2010-08-20-08-52-42&Itemid=30 (data obrashcheniya 04.01.2017 g.).
3. Konstituciya Respubliki Moldova ot 29 iyulya 1994 g. // http//www.spinform.ru/isp.htm (data obrashcheniya 04.01.2017 g.).
4. Konstituciya Turkmenii ot 18 maya 1992 g. // http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2376 (data obrashcheniya 04.01.2017 g.)
5. Konstituciya Ukrainy ot 28 iyunya 1996 g. // http//www.spinform.ru/isp.htm (data obrashcheniya 04.01.2017 g.).
6. Konstituciya Latvijskoj Respubliki 15 fevralya 1922 g. // http://www.krugosvet.ru/node/41814 (data obrashcheniya 04.01.2017 g.).
7. Konstituciya Litovskoj Respubliki ot 25 oktyabrya 1992 g. // http://worldconstitutions.ru/?p=115&page=3 (data obrashcheniya 04.01.2017 g.).
8. Konstituciya Rumynii ot 21 noyabrya 1991 g. // http://constitutions.ru/archives/184 (data obrashcheniya 04.01.2017 g.).
9. Konstituciya Slovackoj Respubliki ot 1 sentyabrya 1992 g. // http://pandia.ru/text/77/352/37184.php (data obrashcheniya 04.01.2017 g.).
10. Konstituciya / Osnovnoj zakon Vengrii ot 25 aprelya 2011 g. // http://worldconstitutions.ru/?p=298&page=3 (data obrashcheniya 04.01.2017 g.).
11. Konstituciya Respubliki Pol'sha ot 2 aprelya 1997 g. // http://worldconstitutions.ru/?p=112 (data obrashcheniya 04.01.2017 g.).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 164–170.

УДК 342.4

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАВА КАК КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ГЕНЕЗИС

Шахбанов А. А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Степень участия государства в регулировании социально-экономических отношений опосредована уровнем развития экономических и социальных отношений в обществе, усилением (ослаблением) механизма защиты прав и свобод, социальных гарантий граждан, финансовой стабилизации экономики – развития финансового рынка и рынка занятости, сокращения (увеличения) темпов инфляции и прочих факторов. Соответствующая группа социально-экономических прав личности в своей количественной и качественной характеристиках также оказывает влияние на различные аспекты социально-экономических отношений. В этой связи в статье на основе некоторых социально-экономических прав представлен их отечественный конституционный генезис, являющийся имманентной частью динамики социально-экономических отношений в государстве.

В качестве резюме проведенного ретроспективного конституционного анализа выявлена первичная роль решений правящей коммунистической партии (программных установок, решений партийных съездов и т. д.) в формализации социально-экономических отношений; опережающее действие отраслевого законодательства с последующим закреплением на конституционном уровне субъективно-правового и обеспечительного компонентов социально-экономических отношений; корреляция каталога субъективных прав с состоянием и векторами социально-экономических отношений в государстве.

Ключевые слова: социально-экономические отношения, субъективные права, конституция, право на образование, право на жилище, право на материальное обеспечение.

Социально-экономические отношения обоснованно являются важным аспектом взаимодействия личности и государства посредством реализации и обеспечения субъективных прав соответствующей разновидности. Современный формат российских социально-экономических отношений является результатом конституционного развития многообразия их компонентов. В их числе важное место занимают такие социально-экономические права, как право на образование, охрану здоровья, материальное обеспечение, жилище. В рамках данной работы на основе указанных субъективных прав представим их отечественный конституционный генезис, являющийся имманентной частью динамики социально-экономических отношений в государстве.

Итак, задачи советского государства в области образования на высоком государственном уровне впервые были закреплены в Конституции РСФСР 1918 г. В ее ст. 17 было зафиксировано: «В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию РСФСР ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование» [1].

При этом необходимо отметить, что положение не только с образованием, но даже с элементарной грамотностью населения в первые десятилетия советской вла-

сти было катастрофическим. В 1917 г. неграмотные составляли более 70 % населения страны. К 1926 г. еще 43,4 % граждан в возрасте от 9 до 49 лет были неграмотными. В партийных документах впоследствии справедливо отмечалось: «Советское государство провело огромную работу по ликвидации неграмотности. В СССР с неграмотностью не только давно покончено, но и обеспечивалось и всеобщее среднее образование» [12].

В ст. 121 Конституции СССР 1936 г. право на образование было отражено следующим образом: «Граждане СССР имеют право на образование. Это право обеспечивается всеобщеобязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школе на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машинно-тракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся» [3].

Как видно, в Конституции 1936 г. определялась еще достаточно скромная цель введения всеобщего обязательного начального образования. Еще до принятия приведенной Конституции обязательное начальное образование в СССР было введено постановлением ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. В 1935 г. уже было введено всеобщее семилетнее образование в городах, а в 1937 г., то есть после принятия Конституции – в деревне. С 1949 г. семилетнее образование стало обязательным [11].

Вскоре после принятия Конституции 1936 г. постановлением СНК СССР от 26 октября 1940 г. «Об установлении платности» была введена плата за обучение в старших классах, в средних специальных и высших учебных заведениях [8], «учитывая возросший уровень материального благосостояния трудящихся и значительные расходы Советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений», была признана необходимость возложения части расходов по обучению в средних школах и высших учебных заведениях СССР на самих трудящихся. С 1 сентября 1940 г. вводилась плата за обучение в 8, 9 и 10 классах средней школы и в высших учебных заведениях. Для учащихся 8–10 классов средних школ в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик была установлена плата – 200 рублей в год, в остальных городах, а также в селах – 150 рублей в год. Плата в указанных размерах была распространена также на учащихся техникумов, педагогических училищ, сельскохозяйственных и других специальных средних заведений. Плата за обучение в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда и столиц союзных республик составила 400 рублей в год, в других городах – 300 рублей в год.

Результат проведенных преобразований оказался вполне ожидаемым. За годы войны количество выпускников средних школ (8–10 классы), средних специальных учебных заведений и вузов сократилось вдвое. Во время войны ЦК КПСС провел консультации с правительствами союзных республик и решил отменить плату за обучение по национальному признаку для учащихся 8–10 классов средних школ, техникумов и высших учебных заведений. В 1943 г. СНК СССР принял Постановление № 213, которым освобождалась от платы за обучение часть студентов в Казахской ССР, Узбекской ССР, Туркменской ССР и в Кабардинской АССР [17].

Таким образом, платность образования, введенная в 1940 г., явно противоречила ст. 121 Конституции СССР 1936 г. Спустя почти десятилетний период, законом СССР от 25 февраля 1947 г. «Об изменении и дополнении текста Конституции (Основного Закона) СССР» ст. 121 Конституции была дополнена положением о том, что бесплатным является только семилетнее образование, а государственные стипендии выплачиваются только отличившимся учащимся в высшей школе.

Решение об отмене платы за обучение в старших классах средней школы, в средних специальных и высших учебных заведениях, а также о введении обязательного восьмилетнего образования было принято на XX съезде КПСС в 1956 г. [9]. Официально платность образования была отменена с 1 сентября 1956 г. постановлением Совета Министров СССР от 6 июня 1956 г. [14]. Обязательное восьмилетнее образование было введено в 1958 г. законом СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Одновременно было внесено соответствующее дополнение в ст. 121 Конституции СССР [5].

В годы советской власти получила развитие сеть высших учебных заведений, а также система вечерних и заочных вузов. За годы восьмой и девятой пятилеток (1966–1975 гг.) в стране было открыто 100 новых вузов [15]. В девятой пятилетке (1971–1975 гг.) в основном был осуществлен переход к всеобщему среднему образованию, были включены новые учебные программы в общеобразовательных школах, созданы профессионально-технические училища (ПТУ), дающие наряду с профессией законченное среднее образование [19].

Введение всеобщего среднего образования для молодежи провозглашалось в директивах по пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1966–1970 гг., принятых XXIII съездом КПСС, состоявшемся в 1966 г. [9].

Конституция СССР 1977 г. только зафиксировала уже сложившееся положение дел в сфере образования: «Граждане СССР имеют право на образование. Это право обеспечивается бесплатностью всех видов образования, осуществлением всеобщего обязательного среднего образования молодежи, широким развитием профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе связи с жизнью, с производством; развитием заочного и вечернего образования; предоставлением государственных стипендий и льгот учащимся и студентам, бесплатной выдачей школьных учебников; возможностью обучения в школе на родном языке; созданием условий для самообразования» [3].

В четырех союзных республиках – Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской СССР – была установлена даже уголовная ответственность для лиц, которые препятствуют осуществлению всеобщего обязательного образования [20].

Что касается права граждан на охрану здоровья, то оно впервые было закреплено в Конституции СССР 1977 г. следующим образом: «Граждане СССР имеют право на охрану здоровья. Это право обеспечивается бесплатной квалифицированной медицинской помощью, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения; расширением сети учреждений для лечения и укрепления здоровья граждан; развитием и совершенствованием техники безопасности и производственной санитарии; проведением широких профилактических мероприятий; мерами по оздоровлению окружающей среды; особой заботой о здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда, не связанного с обучением и трудо-

вым воспитанием; развертыванием научных исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, на обеспечение долголетней активной жизни граждан».

В условиях советской власти об организации широкой сети пунктов квалифицированного медицинского обслуживания населения было заявлено в программе РКП(б), принятой на XVIII съезде партии [10].

На XII Всероссийском съезде Советов 1925 г. Народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко выступил с докладом, в котором сформулировал принципы здравоохранения в СССР и отнес к ним: государственность; плановость; бесплатность и общедоступность; профилактическую направленность; привлечение широких масс трудящихся; опору на науку [18].

Бесплатность и общедоступность здравоохранения закреплялись в различных нормативных правовых актах, а также в первом кодифицированном общесоюзном акте в сфере здравоохранения – Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении от 19 декабря 1969 г. [4].

Здравоохранение всегда было предметом гордости в официальной идеологии.

Так, в программе КПСС, принятой XXII съездом партии, было записано: «Социалистическое государство – единственное государство, которое берет на себя заботу об охране и постоянном улучшении здоровья всего населения. Это обеспечивается системой социально-экономических и медицинских мероприятий» [16].

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в отчетном докладе XIV съезду КПСС отмечал: «Среди социальных задач нет более важной, чем забота о здоровье советских людей. Наши успехи здесь общеизвестны [13]».

Одновременно подвергалась критике система здравоохранения в капиталистических странах. Так, И. Е. Фарбер отмечал, что в СССР содержание одного больного в день обходится государству в 5–6 руб. (150–180 руб. в мес.) Иное дело в капиталистических странах, где медицинское обслуживание платное, и расходы на них составляют значительную часть бюджета трудящихся. В США за пребывание в госпитале больной платит 37 долларов в сутки (без стоимости лекарств и лечения). Операция аппендицита стоит 300 долларов, пребывание в родильном доме – 600 долларов [20].

Подчеркнем, что рассмотренное субъективное право стало результатом конституционного закрепления после многократной последовательной формализации в текущем советском законодательстве. Данное касается и субъективного права на жилище, впервые зафиксированного в ст. 44 Конституции СССР 1977 г. Было установлено, что это право обеспечивается развитием и охраной государственного и общественного жилищного фонда, содействием кооперативному и индивидуальному жилищному строительству, справедливым распределением под общественным контролем жилой площади, предоставляемой по мере осуществления программы строительства благоустроенных жилищ, а также невысокой платой за квартиру и коммунальные услуги. Граждане СССР должны бережно относиться к предоставленному им жилищу.

Право на жилище и до принятия Конституции 1977 г. предусматривалось текущим жилищным законодательством. Таким образом, также, как и во многих других случаях (включение в состав социалистической собственности имущества обще-

ственных организаций, бесплатность и доступность здравоохранения и др.) Конституция лишь зафиксировала существующее положение дел.

В числе рассматриваемых социально-экономических прав обратим внимание на разновидность, связанную с формализацией материального обеспечения. Так, в ст. 120 Конституции СССР 1936 г. было установлено: «Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также – в случае болезни и потери трудоспособности. Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью трудящимся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов». Выходит, что указанное право в условиях действия Конституции 1936 г. долгое время не являлось всеобщим (материальное обеспечение в старости в случае болезни и потери трудоспособности в течение длительного времени не распространялось на членов колхозов). Только 15 июля 1964 г. был принят Закон СССР «О пенсиях и пособиях членам колхозов» [6].

К тому же право на пособия в случае болезни и потери трудоспособности не было равным. К примеру, в п. 9 постановления СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мерах по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле» [7] было установлено, что рабочим и служащим, не состоящим членами в профессиональных союзах, пособия по временной нетрудоспособности (не считая пособий по беременности и родам) выплачиваются в половинном размере по сравнению с нормами, установленными для членов союза.

Как представляется, в этом положении содержится завуалированное принуждение к вступлению рабочих и служащих в профсоюзы.

Право на материальное обеспечение в многообразии субъектов адресации и мер, обеспечивающих его реализацию, было закреплено в ст. 43 Конституции СССР 1977 г. следующим образом: «Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца. Это право гарантируется социальным страхованием рабочих, служащих и колхозников, пособиями по временной нетрудоспособности; выплатой за счет государства и колхозов пенсий по возрасту, инвалидности и по случаю потери кормильца; трудоустройством граждан, частично утративших трудоспособность; заботой о престарелых гражданах и об инвалидах; другими формами социального обеспечения». Полагаем, данная формулировка является более совершенной по сравнению с предыдущим конституционным периодом и наделяет большим обеспечительным потенциалом реализуемые в государстве социально-экономические отношения.

В качестве резюме проведенного ретроспективного конституционного анализа выявлена первичная роль решений правящей коммунистической партии (программных установок, решений партийных съездов и т. д.) в формализации социально-экономических отношений; опережающее действие отраслевого законодательства с последующим закреплением на конституционном уровне субъективно-правового и обеспечительного компонентов социально-экономических отношений; корреляция каталога субъективных прав с состоянием и векторами социально-экономических отношений в государстве.

Список литературы:
1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 г). Утратила силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) РСФСР, утвержденной Постановлением XII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов от 11.05.1925 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936). Утратила силу в связи с принятием Конституции (Основного Закона) СССР от 07.10.1977 г., утвержденной Декларацией ВС СССР от 07.10.1977 г. № 6365-IX // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977 г). Утратила силу на территории Российской Федерации в связи с принятием Соглашения от 08.12.1991 г. «О создании содружества независимых государств», ратифицированного Постановлением ВС РСФСР от 12.12.1991 г. № 2014-1 // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
4. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении от 19 декабря 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 52. Ст. 466.
5. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «О внесении изменений в статью 121 Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 16.
6. Закон СССР от 15 июля 1964 г. «О пенсиях и пособиях членам колхозов» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 29. Ст. 340.
7. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мерах по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967. С. 672.
8. Постановление СНК СССР от 26 октября 1940 г. «Об установлении платности была введена плата за обучение в старших классах, в средних специальных и высших учебных заведениях» // Собрание постановлений Правительства СССР. 1940.
9. История Коммунистической партии Советского Союза / рук. авт. кол. Б. Н. Понамарев. М. 1982.
10. Касрадзе К. М. Очерки истории программы КПСС. М., 1962.
11. Лазутова М. Н. Реформа образования терпит крах // Независимая газета. 1998, 14 января.
12. Материалы XXIV съезда КПСС. – М., 1971.
13. Материалы XXV съезда КПСС. – М., 1976.
14. Народное образование СССР. Сборник документов. 1917–1973 / сост. А. А. Абакумов. – М., 1974.
15. Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. – М. 1977.
16. Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1961.
17. Савицкая Н. Бесплатное образование – ноу-хау СССР // Независимая газета. 2006, 5 мая.
18. Семашко Н. А. Избранные сочинения. – М., 1967.
19. Социально-экономическая роль Социалистического государства / редкол.: Л. И. Загайнов, Д. А. Керимов, Н. В. Черноголовкин. – М., 1978.
20. Фарбер И. Е. Свобода и права человека в советском государстве. – Саратов, 1974.

Shakhbanov, A. A. Subjective right as a component of socio-economic relations: constitutional and legal genesis // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 164–170.

The degree of state participation in the regulation of socio-economic relations is mediated by the level of development of economic and social relations in society, strengthening (weakening) of the mechanism of protection of rights and freedoms, social guarantees of citizens, financial stabilization of the economy – the development of the financial market and the employment market, reduction (increase) of inflation and other factors. The relevant group of socio-economic rights of the individual in its quantitative and qualitative characteristics also influences various aspects of socio-economic relations. In this regard, the article on the basis of some socio-economic rights presents their domestic constitutional Genesis, which is an immanent part of the dynamics of socio-economic relations in the state.

As a summary of the retrospective constitutional analysis revealed the primary role of the decisions of the ruling Communist party (program guidelines, decisions of the party congresses, etc.) in the formalization of socio-economic relations; the leading effect of sectoral legislation, followed by the consolidation at the

constitutional level of the subjective-legal and security components of socio-economic relations; correlation directory of subjective rights with the state and vectors of socio-economic relations in the state.

Key words: socio-economic relations, subjective rights, Constitution, right to education, right to housing, right to material security.

Spisok literatury

1. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki (prinyata V Vserossijskim s"ezdom Sovetov 10.07.1918 g). Utratila silu v svyazi s prinyatiem Konstitucii (Osnovnogo Zakona) RSFSR, utverzhdennoj Postanovleniem XII Vserossijskogo s"ezda Sovetov rabochih, krest'yanskih, kazach'ih i krasnoarmejskih deputatov ot 11.05.1925 g. // SU RSFSR. 1918. № 51. St. 582.
2. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik (utv. Postanovleniem CHrezvychajnogo VIII S"ezda Sovetov SSSR ot 05.12.1936). Utratila silu v svyazi s prinyatiem Konstitucii (Osnovnogo Zakona) SSSR ot 07.10.1977 g., utverzhdennoj Deklaraciej VS SSSR ot 07.10.1977 g. № 6365-IX // Izvestiya CIK SSSR i VCIK. 1936. № 283.
3. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik (prinyata VS SSSR 07.10.1977 g). Utratila silu na territorii Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Soglasheniya ot 08.12.1991 g. «O sozdanii sodruzhestva nezavisimyh gosudarstv», ratificirovannogo Postanovleniem VS RSFSR ot 12.12.1991 g. № 2014-1 // Vedomosti VS SSSR. 1977. № 41. St. 617.
4. Osnovy zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznyh respublik o zdravoohranenii ot 19 dekabrya 1969 g. // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1969. № 52. St. 466.
5. Zakon SSSR ot 25 dekabrya 1958 g. «O vnesenii izmenenij v stat'yu 121 Konstitucii (Osnovnogo Zakona) SSSR» // Vedomosti VS SSSR. 1959. № 1. St. 16.
6. Zakon SSSR ot 15 iyulya 1964 g. «O pensiyah i posobiyah chlenam kolhozov» // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1964. № 29. St. 340.
7. Postanovlenie SNK SSSR, CK VKP (b) i VCSPS ot 28 dekabrya 1938 g. «O merah po uporyadocheniyu trudovoj discipliny, uluchsheniyu praktiki gosudarstvennogo social'nogo strahovaniya i bor'be so zloupotrebleniyami v ehtom dele» // Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam. T. 2. M., 1967. S. 672.
8. Postanovlenie SNK SSSR ot 26 oktyabrya 1940 g. «Ob ustanovlenii platnosti byla vvedena plata za obuchenie v starshih klassah, v srednih special'nyh i vysshih uchebnyh zavedeniyah» // Sobranie postanovlenij Pravitel'stva SSSR. 1940.
9. Istoriya Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Soyuza / ruk. avt. kol. B.N. Ponamarev. M. 1982.
10. Kasradze K.M. Ocherki istorii programmy KPSS. M., 1962.
11. Lazutova M.N. Reforma obrazovaniya terpit krah // Nezavisimaya gazeta. 1998, 14 yanvarya.
12. Materialy XXIV s"ezda KPSS. M., 1971.
13. Materialy XXV s"ezda KPSS. M., 1976.
14. Narodnoe obrazovanie SSSR. Sbornik dokumentov. 1917-1973 / sost. A.A. Abakumov. M., 1974.
15. Narodnoe hozyajstvo SSSR za 60 let. YUbilejnyj statisticheskij ezhegodnik. M. 1977.
16. Programma Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Soyuza. M., 1961.
17. Savickaya N. Besplatnoe obrazovanie – nou-hau SSSR // Nezavisimaya gazeta. 2006, 5 maya.
18. Semashko N.A. Izbrannye sochineniya. M., 1967.
19. Social'no-ehkonomicheskaya rol' Socialisticheskogo gosudarstva / redkol.: L.I. Zagajnov, D.A. Kerimov, N.V. CHernogolovkin. M., 1978.
20. Farber I.E. Svoboda i prava cheloveka v sovetskom gosudarstve. Saratov, 1974.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 171–180.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.163

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА РЕАБИЛИТАЦИЮ

Головко И. И., Дытченко Г. В.

***Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации***

В статье рассматриваются проблемы реализации права на реабилитацию лиц, подвергнутых незаконному уголовному преследованию. Представлен анализ соответствующих видов судопроизводства, определяющих порядок возмещения вреда при признании права на реабилитацию. Авторы поддерживают идею о публично-правовой природе правоотношений, возникающих при возмещении вреда реабилитированному, происходящей из особой публичной ответственности государства, в связи с чем исследуется роль прокурора в процессе реализации права граждан на реабилитацию.

Ключевые слова: справедливое правосудие, право на реабилитацию, статус реабилитируемого лица, публично-правовой порядок, прокурор в процессе реабилитации.

Справедливое правосудие, несомненно, является одним из главных признаков демократического правового государства. Примечательно, что к понятию справедливости апеллировали если не все, то подавляющее большинство из когда-либо существовавших государств. Очевидно, что в полной мере справедливость проявляется не только при реализации принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление, но и тогда, когда государство способно открыто и бескомпромиссно признавать и устранять собственные судебные ошибки. Однако указанная способность, помимо наличия доброй воли, в значительной степени зависит от разработанности правового механизма, простого, понятного и доступного к реализации, поскольку сама по себе власть мало что значит без механизма ее реализации; в нем скрыта ее эффективность [12, с. 10].

В этой связи нельзя признать эффективным существующий правовой порядок реабилитации граждан, подвергнутых незаконному уголовному преследованию. Анализ законодательства, правоприменительной практики и научных исследований в этой области приводит к выводу о наличии определенных проблем.

Статистические данные свидетельствуют, что свое право на реабилитацию реализовало в 2013 – 14,4 %, в 2014 – 15,7 %, в 2015 – 16,6 %, в 2016 – 15 %, в 2017 – 38 % [4] от числа лиц, за которыми такое право официально признано при вынесении оправдательных приговоров или прекращении судами уголовных дел по реабилитирующим основаниям. При этом не существует официальной статистики реализации права на реабилитацию лицами, незаконное уголовное преследование в отношении которых прекращено на досудебных стадиях, что само по себе должно вызывать тревогу, поскольку без соответствующей информационно-аналитической

деятельности невозможно правильно определить и сформулировать проблему, и, соответственно, выработать эффективные способы ее разрешения.

К основным проблемам, связанным с возмещением вреда при признании права на реабилитацию, в научной литературе традиционно относят: определение понятия и сущности реабилитации; сложность и недостаточную определенность процедуры реализации права на реабилитацию; определение круга участников процесса реабилитации, объем и пределы их компетенции; определение объема и размера вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием; возмещение вреда, связанного с оплатой услуг защитника по уголовному делу и др. [5; 6; 8].

Разрешение указанных проблем затруднено тем, что составляющие их вопросы относятся к предмету изучения различных правовых наук – криминологии, уголовного и гражданского права, уголовного и гражданского процессов, организации судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности. Кроме того, совокупность всех норм различных видов законодательства, содержанием которых является возмещение вреда, образует собой межотраслевой институт возмещения вреда с главенствующей ролью в нем соответствующих норм гражданского и гражданского процессуального права, что, соответственно, требует согласованного и комплексного подхода [3].

Сложность и недостаточная определенность процедуры реализации права на реабилитацию в первую очередь связана с определением вида судопроизводства, в котором эта процедура может быть реализована. Очевидно, что предмет рассмотрения по уголовному делу не совпадает с предметом и основанием ходатайства (иска) о возмещении имущественного и (или) морального вреда, причиненного в результате уголовного преследования, в связи с чем объединение этих вопросов в одном судебном процессе нельзя признать обоснованным.

На основании ст. ст. 133, 135, 136 УПК РФ право на реабилитацию реализуется как в уголовном, так и в гражданском судопроизводстве. Правоприменительная практика по делам о реабилитации противоречива. Кроме того, в последнее время отмечаются некоторые попытки вывести эти вопросы за рамки уголовного и гражданского процессов и сделать предметом рассмотрения в арбитражном процессе (имеется решение арбитражного суда, который частично удовлетворил требования предпринимателя о взыскании неполученного дохода, компенсации морального вреда, обязании опровергнуть порочащие репутацию сведения путем опубликования извинений – постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 19.01.2004 № Ф08-5331/2003), что значительно осложняет положение реабилитированного лица. Так, например, по одному делу по иску индивидуального предпринимателя первоначально суд общей юрисдикции отказал в принятии иска, и, как указал арбитражный суд, отказ в принятии заявления в арбитражном процессе означал бы невозможность реализовать право на судебную защиту (постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 14.03.2014 по делу № А75-4847/2010).

Вопрос о виде судопроизводства, в рамках которого должно реализовываться право на реабилитацию, может быть решен при обращении к правовой природе отношений, которые возникают между государством и реабилитируемым лицом.

Представляется, что правовая природа правоотношений, связанных с возмещением вреда реабилитируемому лицу, не может быть определена как уголовно-правовая или уголовно-процессуальная, поскольку предметом рассмотрения уго-

ловного права всегда является только преступление и связанные с ним последствия. Судебные ошибки и ошибки органов предварительного расследования, если они не вызваны преступными намерениями и действиями их представителей, не образуют состава должностных преступлений, поэтому лица, в отношении которых осуществлено незаконное уголовное преследование вследствие ошибки правоохранительных и судебных органов, не могут быть признаны потерпевшими от преступления. В этой связи наиболее логично реализовывать право на реабилитацию в порядке гражданского судопроизводства. Реабилитация предполагает восстановление имущественных и иных неотчуждаемых прав и свобод человека и других нематериальных благ, которые в силу п. 2 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ защищаются именно гражданским законодательством.

Даже если такой вред причиняется преступлением и его возмещение реализуется в уголовном судопроизводстве, то речь все равно идет *о гражданском иске* в уголовном деле. При этом из анализа статьи 1064 ГК РФ следует, что законодатель, налагая обязанность по возмещению вреда, причиненного личности или имуществу гражданина, а также вреда, причиненного имуществу юридического лица, не делает каких-либо оговорок о том, что вред, причиненный вследствие незаконного уголовного преследования, не подпадает под действие этой нормы. Таким образом, напрашивается вывод, что гражданско-правовая природа правоотношений, возникающих вследствие причинения вреда незаконным уголовным преследованием, должна определять вид судопроизводства, в порядке которого такой вред подлежит возмещению.

Однако следует согласиться с тем, что доводы о природе тех или иных правовых отношений, основанные на том, как эти правоотношения отрегулированы в законодательстве, вряд ли могут быть признаны убедительными [7].

Кроме того, такой критерий, как природа правоотношений, которые становятся предметом рассмотрения суда, не является единственным для выбора вида судопроизводства. Не менее важным является *организационный критерий*, с учетом которого оптимизируются временные, материальные и иные издержки на судебную деятельность. Например, в соответствии с ч. 4 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ иск потерпевшего о возмещении в денежном выражении причиненного ему морального вреда может быть рассмотрен судом как при рассмотрении уголовного дела, так и в порядке гражданского судопроизводства. Преимущества рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного дела объясняются тем, что все обстоятельства причинения вреда, необходимые для рассмотрения иска, уже исследованы судом в рамках уголовного судопроизводства и передача соответствующих материалов для их нового исследования в порядке гражданского судопроизводства нецелесообразна. Во-первых, это усложняет процедуру, влечет дополнительные расходы сил и средств, и, во-вторых, отдаляет на неопределенный срок восстановление потерпевшего в его правах.

Следует признать, что существование нескольких альтернативных способов реализации права на реабилитацию не создает каких-либо существенных дополнительных гарантий, а скорее препятствует его обеспечению. Проблема заключается в том, что подвергнутое незаконному уголовному преследованию лицо, претерпев существенные материальные издержки, нравственные, а порой и физические стра-

дания, ухудшение или даже потерю здоровья, на момент признания за ним права на реабилитацию чаще всего не имеет материальных средств, физических сил (соответствующего состояния здоровья) и твердой воли для осуществления новой судебной тяжбы с государством. Кроме того, не все обладают достаточными юридическими знаниями, чтобы инициировать и осуществить процедуру реабилитации самостоятельно. Сложность инициирования и осуществления соответствующей судебной процедуры затрудняет доступность к правосудию.

Однако по действующему законодательству никто, кроме лица, за которым признано право на реабилитацию (или его представителей), не наделен правом обращения в суд с требованиями о возмещении вреда. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 4 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ суд возбуждает гражданское дело по заявлению лица, обратившегося за защитой своих прав, свобод и законных интересов. Однако в случаях, предусмотренных ГПК РФ, другими федеральными законами, гражданское дело может быть возбуждено по заявлению лица, выступающего от своего имени в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица (ч. 2 ст. 4 ГПК РФ). В настоящее время подобного установления для категории дел о возмещении вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, не имеется.

В свою очередь, особый порядок реабилитации создает предпосылки к ревизии полномочий участвующего в ее реализации прокурора, чье предназначение на протяжении исторического развития отечественной прокуратуры определялось как защитника именно публичных интересов. В соответствии с действующим законодательством прокурор принимает участие в рассмотрении дел указанной категории в уголовном и гражданском судопроизводстве.

Часть 6 ст. 399 УПК РФ, регламентирующая порядок разрешения вопросов в рамках исполнения приговора, наделяет прокурора правом участвовать в деле.

Значимость роли прокурора при рассмотрении вопросов, связных с реабилитацией, отмечена Верховным Судом РФ, который обязал суды извещать прокурора о месте и времени рассмотрении дел указанной категории (пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»).

Глава 47 УПК РФ, регулирующая производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, определяет процессуальное положение и полномочия прокурора недостаточно четко. Часть 7 ст. 399 УПК РФ предусматривает, что прокурор высказывает мнение по вопросам, связанным с исполнением приговора, после объяснений участвующих в деле лиц; ч. 1 ст. 401 УПК РФ наделяет прокурора правом принести представление на постановление суда.

Общее положение ч. 3 ст. 37 УПК РФ о том, что прокурор в ходе судопроизводства по уголовному делу поддерживает государственное обвинение, обеспечивает его законность и обоснованность, не содержит решения указанного вопроса. В связи с этим высказывались опасения, что участвующий в деле прокурор осуществляет обвинительную функцию и будет препятствовать удовлетворению заявленных требований, что, в действительности, уже имеет место на практике [11].

Четкую границу между прокурором – государственным обвинителем и прокурором, участвующим в рассмотрении судом дела по ходатайству реабилитированного

лица, провел Конституционный Суд Российской Федерации, указав, что к моменту рассмотрения вопросов возмещения вреда в связи с реабилитацией уголовное преследование за эти деяния завершено. Прокурор осуществляет особую деятельность, связанную с реализацией последствий оправдания лица или прекращения уголовного дела (уголовного преследования), представляет суду материалы об имевшем место ранее уголовном преследовании, необходимые для решения вопроса о возмещении вреда сведения, но не является стороной по делу, не выступает в качестве процессуального оппонента реабилитированного (пункт 3 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко»).

В связи с этим судами прокурор определяется как лицо, дающее заключение по делу (постановление Президиума Самарского областного суда от 14.06.2018 по делу № 44у-173/2018), привлекается к участию в деле для высказывания мнения (постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 21.08.2017 № 44у-115/2017, постановление Президиума Новгородского областного суда от 16.04.2018 № 44у-7, апелляционное постановление Свердловского областного суда от 25.01.2018 по делу № 22-235/2018, постановление Президиума Московского городского суда от 12.12.2017 по делу № 44у-693/17).

Таким образом, процессуальное положение прокурора, который в данном случае не является стороной по делу, не поддерживает государственное обвинение, не определено законодательно. Также нет однозначного понимания по этому вопросу и у судов, что порождает различные подходы в судебной практике.

В любом случае деятельность прокуроров по участию в рассмотрении судами уголовных дел нацелена на защиту конституционных прав граждан, а также охраняемых законом интересов общества и государства в уголовном судопроизводстве, содействует укреплению законности при осуществлении правосудия по уголовным делам [9, с. 85].

Целями участия прокурора в рассмотрении судами гражданских дел являются обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства [9, с. 9]. При этом ГПК РФ не содержит указаний об особенностях участия прокурора в рассмотрении судами дел о возмещении вреда реабилитированному лицу, о процессуальном положении прокурора. Так как ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, иные федеральные законы не предусматривают обязательного участия прокурора для дачи заключения по делу о возмещении вреда реабилитированному лицу. Для уяснения роли прокурора в процедуре реабилитации следует обратиться к положениям межведомственного приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 12, Министерства финансов РФ № 3н от 20.01.2009 «О взаимодействии органов прокуратуры и Министерства финансов Российской Федерации при поступлении сведений об обращении в суд гражданина с иском (заявлением) о возмещении вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования», который определил, что в гражданском деле по делам о взыскании компенсации морального вреда прокурор участвует в качестве третьего лица, ответчиком является Министерство финансов РФ в лице УФК России (ст. 1071 ГК РФ). Обязанность исполнения решений суда возлагается на Минфин РФ (ст. 165, п. 1 ст. 242.2 БК РФ). Надлежит сде-

лать вывод, что прокурор, участвующий в рассмотрении судом дела о компенсации морального вреда, *наделен правами третьего лица*, установленными ч. 1 ст. 35 ГПК РФ.

На некоторых обязанностях участия прокурора в рассмотрении судом дела о возмещении вреда акцентирует внимание упомянутый межведомственный Приказ: *прокурор должен проявлять активность* при исследовании доказательств, давать пояснения по вопросам, возникающим во время судебного разбирательства и по существу дела в целом. При подготовке к судебному разбирательству – проверить, вступили ли соответствующие постановления суда в законную силу, а также выяснить, не отменены ли постановления органов государства. Прокуроры обязаны своевременно обжаловать незаконные и необоснованные акты суда.

Так, реализуя полномочия, при наличии оснований прокуроры обжалуют судебные акты: в уголовном процессе – приносят апелляционные представления (постановление Президиума Верховного суда Республики Дагестан от 11.05.2016 № 44У-50/2016, постановление Президиума Ростовского областного суда от 10.08.2017 № 44у-188/2017); в гражданском процессе – апелляционные представления (апелляционные определения Санкт-Петербургского городского суда от 15.06.2016 № 33-11329/2016, Московского городского суда от 30.11.2017 по делу № 33-44475/17, Свердловского областного суда от 05.05.2016 по делу № 33-7539/2016, Тульского областного суда от 15.06.2017 по делу № 33-1892/2017, Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 21.12.2015 по делу № 33-4887/15), апелляционные жалобы (апелляционные определения Алтайского краевого суда от 11.07.2017 по делу № 33-7320/2017, Челябинского областного суда от 21.11.2016 по делу № 11-15823/2016, Волгоградского областного суда от 05.07.2017 по делу № 33-10674/2017, Санкт-Петербургского городского суда от 28.03.2016 № 33-5661/2016 по делу № 2-3725/2015, Свердловского областного суда от 24.10.2017 по делу № 33-18167/2017).

Полагаем, что термин «обжалование» применен в указанном Приказе в общем смысле, аналогично статьям 208, 320 ГПК РФ, которые говорят об обжаловании постановлений судов. В то же время ч. 2 ст. 320, ст. ст. 321, 322 ГПК РФ говорят о жалобах лиц и представлении прокурора как различных документах, представляемых соответственно сторонами (другими лицами) и прокурором.

Следует отметить положения пунктов 10.2, 10.3, 15, 20 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 10.07.2017 № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве», которые обязывают прокуроров обжаловать незаконные судебные постановления путем принесения соответствующих постановлений. Таким образом, ГПК РФ и ведомственные нормативные правовые акты единообразно предписывают прокурорам приносить представления.

Подводя итог, следует отметить, что в уголовном процессе и в гражданском процессе прокурор участвует в рассмотрении судами дел о возмещении вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, в формах, не закрепленных законом. Так, в уголовном процессе в суде первой инстанции в силу ч. 3 ст. 37 УК РФ прокурор является государственным обвинителем, а в деле о возмещении вреда – не является стороной по делу, его роль заключается в предоставлении сведений, необходимых для рассмотрения дела. Аналогичная ситуация имеет место в гражданском процессе, на основании частей 1, 3 ст. 45 ГПК РФ в суде первой инстанции проку-

рор может выступить процессуальным истцом или вступить в дело для дачи заключения, но в деле о возмещении вреда прокурор приобретает процессуальное положение третьего лица, дающего пояснения по вопросам, возникающим во время судебного разбирательства и по существу дела в целом. Особое процессуальное положение прокурора является следствием необходимости обеспечения *баланса частных и публичных интересов*.

Вместе с тем процедура реабилитации не вполне отражает ее сущность и предназначение, поскольку реабилитация предполагает не только признание гражданина реабилитированным в соответствующем процессуальном решении, но и принятие во исполнение этого решения мер, которые призваны вернуть невиновному то, что он утратил в связи с необоснованным уголовным преследованием и осуждением: возместить причиненный имущественный и компенсировать моральный вред, восстановить в прежних правах [10, с. 18].

В этой связи представляется, что наиболее справедливым и оптимальным будет такой подход, при котором право *инициирования процедуры реабилитации будет принадлежать государству* и не будет поставлено в зависимость от волеизъявления пострадавшего от незаконной уголовной репрессии лица, которое, в силу вышеприведенных причин, часто оказывается не в состоянии реализовать свои права. Признав судебную ошибку, государство должно самостоятельно и насколько это возможно максимально полно исправить ее. При этом лицо, получившее право на реабилитацию и в итоге реабилитированное, вправе как принять соответствующие материальные и иные компенсации, так и отказаться от них.

Особой поддержки в научном сообществе, по нашему мнению, заслуживает идея о *публично-правовой природе правоотношений*, возникающих при возмещении вреда реабилитированному, происходящей из особой публичной ответственности государства [1], а также *об осуществлении процедуры реабилитации в порядке*, когда государство должно само инициировать и рассмотреть вопрос о возмещении имущественного и морального вреда человеку, незаконно или необоснованно подвергнутому уголовному преследованию, в том числе и осуждению [3].

С 2015 года порядок разрешения дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий, в том числе о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции, или права на исполнение судебного акта суда общей юрисдикции в разумный срок, регулирует Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (части 1, 2 ст. 1 КАС РФ). Представляется возможным рассмотрение вопросов возмещения вреда реабилитированному лицу в этом порядке.

Выжидательная позиция государства по отношению к решению вопроса о возмещении причиненного государством вреда лицу, чье право на реабилитацию оно признало, трудно согласуется с гуманистическими нравственными понятиями и в принципе не приемлема для демократического и правового государства. Таким образом, инициирование процедуры реабилитации лица должно в обязательном по-

рядке осуществляться в публично-правовом порядке по решению дознавателя, следователя или суда, *одновременно* с выносимым ими актом (постановлением, определением, приговором) о признании за этим лицом права на реабилитацию. Такой подход, несомненно, повлечет некоторое увеличение расхода средств, выплачиваемых из казны в качестве возмещения вреда реабилитируемым лицам, но получаемые от этого государством репутационные выгоды, заключающиеся в росте признания обществом справедливости судебной власти, следует признать куда более значимыми.

Представляется, что при поиске возможных способов разрешения проблемы определения вида судопроизводства, в порядке которого следует осуществлять процедуру реабилитации, целесообразно по аналогии обратиться к порядку рассмотрения гражданского иска в уголовном деле. Соглашаясь с тем, что лицо обретает статус юридически реабилитированного не тогда, когда в отношении его процесс реабилитации завершен полностью, а в момент вступления в законную силу юридического решения (акта), дающего в том числе право (требования) на компенсационную составляющую института реабилитации [2], полагаем, что следует сразу же наделять лицо правовым статусом реабилитируемого, с разъяснением порядка реализации прав. Указанные меры позволят существенно оптимизировать процесс и в кратчайшие сроки восстановить реабилитируемого в правах.

В исключительных случаях, когда, например, возникает необходимость в сборе дополнительной информации (о размере вреда или в связи с заявлением реабилитируемым лицом каких-либо дополнительных требований) и судебную процедуру реабилитации невозможно осуществить сразу с признанием права на нее, соответствующие материалы следует выделять из уголовного дела для самостоятельного их рассмотрения в порядке судопроизводства по делам, возникающим из публичных правоотношений.

Если же право на реабилитацию возникает по решению дознавателя или следователя на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, то административный порядок реабилитации мог бы быть осуществлен в порядке судебного контроля по ходатайству дознавателя или следователя, признавшего право на реабилитацию.

Таким образом, при использовании административного порядка, то есть при реализации права на реабилитацию по инициативе дознавателя, следователя или суда, процедуру реабилитации можно будет осуществить следующими способами:

1) в порядке уголовного судопроизводства – судом, который своим актом (оправдательный приговор, постановление) признает за освобожденным от уголовной ответственности лицом право на реабилитацию;

2) в порядке уголовного судопроизводства – судом, в порядке судебного контроля по ходатайству дознавателя или следователя, признавшего право на реабилитацию на досудебных стадиях уголовного процесса;

3) в административном судопроизводстве – судом, в связи с предъявлением реабилитированным лицом каких-либо дополнительных требований по возмещению вреда.

Список литературы:
1. Бойцова Л. В. Гражданин против государства? // Общественные науки и современность. 1994. № 4. – С. 42–50.
2. Гаврилюк Р. В. О противоречиях в нормативном регулировании юридической и компенсационной составляющих института реабилитации в российском уголовном процессе // Юридический мир. 2007. № 6. – С. 77–80.
3. Гуляев А. П. Возмещение вреда: межотраслевой аспект и актуальные проблемы // Российская юстиция. 2012. № 5. – С. 46–48.
4. Данные судебной статистики. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 06.09.2018).
5. Корчагина Л. И. К вопросу о понятии и сущности реабилитационных правоотношений в уголовном судопроизводстве России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. – С. 143–149.
6. Кузнецова А. Д. Признание права на реабилитацию в уголовном процессе России // Российский судья. 2015. № 8. – С. 46–48.
7. Михайленко О. В. О юридической природе отношений по возмещению вреда реабилитированному // Юрист. 2006. № 11. – С. 4–9.
8. Низамов В. Ю. Институт реабилитации в уголовном процессе: проблемы применения и перспективы развития // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3 (45). – С. 213–222.
9. Организация работы органов прокуратуры районного звена: учебное пособие / И. И. Головко, Г. В. Дытченко и др.; под. ред. О. Н. Коршуновой. — Санкт-Петербург: СПб юрид. институт (филиал) Университета прокуратуры РФ. 2018. – 120 с.
10. Пастухов М. И. Реабилитация невиновных. Основы правового института / Пастухов М.И. – Минск: Университетское. 1993. – 176 с.
11. Рогоцкая С. Прокуроры препятствуют возмещению вреда? // Адвокатская газета. 2017. 3 августа. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.advgazeta.ru/novosti/prokurory-prepyatstvuyut-vozmeshcheniyu-vreda/ (Дата обращения – 01.09.2018).
12. Смирнов А. Ф. Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации: учебник / Под ред. проф. А.Ф. Смирнова. – М.: ИПК РК Генеральной прокуратуры РФ. 2004. – 334 с.

Golovko I. I., Dytchenko G. V. Problems of realization of the right to rehabilitation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 171–180.

The article deals with the problems of realization of the right to rehabilitation of persons subjected to illegal criminal prosecution. The analysis of the relevant types of legal proceedings, determining the procedure for compensation of harm in the recognition of the right to rehabilitation. The authors support the idea of the public-legal nature of legal relations arising in the compensation of harm to rehabilitated, originating from the special public responsibility of the state, in connection with which, the role of the Prosecutor in the process of realization of the right to rehabilitation is investigated.

Keywords: fair justice, the right to rehabilitation, the status of the rehabilitated person, public law order, the Prosecutor in the process of rehabilitation.

Spisok literatury
1.Bojcova L. V. Grazhdanin protiv gosudarstva? // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1994. № 4. – S. 42–50.
2.Gavrilyuk R. V. O protivorechiyah v normativnom regulirovanii yuridicheskoj i kompensacionnoj sostavlyayushchih instituta reabilitacii v rossijskom ugolovnom processe // YUridicheskij mir. 2007. № 6. – S. 77–80.
3.Gulyaev A. P. Vozmeshchenie vreda: mezhotraslevoj aspekt i aktual'nye problemy // Rossijskaya yusticiya. 2012. № 5. – S. 46–48.
4.Dannye sudebnoj statistiki. Oficial'nyj sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (data obrashcheniya 06.09.2018).
5.Korchagina L. I. K voprosu o ponyatii i sushchnosti reabilitacionnyh pravootnoshenij v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 7. – S. 143–149.
6.Kuznecova A. D. Priznanie prava na reabilitaciyu v ugolovnom processe Rossii // Rossijskij sud'ya. 2015. № 8. – S. 46–48.
7.Mihajlenko O. V. O yuridicheskoj prirode otnoshenij po vozmeshcheniyu vreda reabilitirovannomu // YUrist. 2006. № 11. – S. 4–9.
8.Nizamov V. YU. Institut reabilitacii v ugolovnom processe: problemy primeneniya i perspektivy razvitiya // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 3 (45). – S. 213–222.

9.Organizaciya raboty organov prokuratury rajonnogo zvena: uchebnoe posobie / I. I. Golovko, G. V. Dytchenko i dr.; pod. red. O. N. Korshunovoj. — Sankt-Peterburg: SPb yurid. institut (filial) Universiteta prokuratury RF. 2018. – 120 s.
10.Pastuhov M. I. Reabilitaciya nevinovnyh. Osnovy pravovogo instituta / Pastuhov M.I. – Minsk: Universitetskoe. 1993. – 176 c.
11.Rogockaya S. Prokurory prepyatstvuyut vozmeshcheniyu vreda? // Advokatskaya gazeta. 2017. 3 avgusta. [EHlektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://www.advgazeta.ru/novosti/prokurory-prepyatstvuyut-vozmeshcheniyu-vreda/ (Data obrashcheniya – 01.09.2018).
12.Smirnov A. F. Osnovy organizacii i upravleniya v organah prokuratury Rossijskoj Federacii: uchebnik / Pod red. prof. A.F. Smirnova. – M.: IPK RK General'noj prokuratury RF. 2004. – 334 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 181–186.

УДК 343.347.4

МОТИВ И ЦЕЛЬ КАК ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБРАЩЕНИЕМ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ, МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ И БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ДОБАВОК

Деревянская Т. П.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье анализируются такие признаки субъективной стороны преступлений, связанных с обращением фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий, как мотив и цель, автор уточняет содержание мотива рассматриваемых преступлений, а также обосновывает необходимость более подробного рассмотрения цели сбыта при ввозе на территорию Российской Федерации незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий.

Ключевые слова: лекарственные средства, медицинские изделия, незарегистрированные лекарственные средства, незарегистрированные медицинские изделия, мотив, цель, сбыт, корыстный мотив, ввоз на территорию Российской Федерации, орфанные лекарства, преступление, незаконное обращение.

Для квалификации действий виновного большое значение имеет не только предвидение или непредвидение им общественной опасности своих действий, желание или нежелание наступления вредных последствий, но также мотив и цель его деятельности. Мотив выступает как важнейший признак субъективной стороны преступления. Именно мотив порождает умысел на совершение преступления. На это обстоятельство указывал еще в 1918 г. Л. А. Саврасов: «Мотив преступления есть та живая, окрашенная эмоциональными тонами, глубоко внедренная в психику идея, которая при известном толчке-импульсе извне порождает в результате более или менее сложного душевного процесса умысел – волю к преступлению» [8, с. 92].

Не все мотивы одинаково влияют на квалификацию деяний, связанных с незаконным обращением лекарственных средств. В уголовном праве нет единого мнения о воздействии мотива на общественную опасность деяния, совершенного лицом. Например, Т. В. Церетели полагает, что объективно одинаковые действия могут рассматриваться как объективно опасные или объективно полезные в зависимости от мотива, для реализации которого они предприняты. В. Н. Кудрявцев считает, что мотив не может увеличивать или уменьшать опасность совершенного поступка, так как понятие «опасность» отражает объективные свойства деяния, независимо от того мотива, с которым оно совершается. Б. С. Волков отмечает решающее значение мотива при определении тяжести содеянного [3]. Приведенные позиции являются крайними. Их дополняет и конкретизирует П. С. Дагель: цель и мотив не могут устранить общественной опасности содеянного, определяемого объективным ущербом, который деяние причинило или могло причинить. Так как мотив и цель определяют социальные позиции лица (позитивные или негативные), то в совокупности с объективными обстоятельствами они способны влиять на характер и степень об-

щественной опасности, следовательно, и на уголовную ответственность [5, с. 192]. Указывая мотив в качестве обязательного признака состава преступления, законодатель стремится отграничить данный состав преступления от смежных составов, подчеркнуть его специфику. В теории уголовного права выделяются три группы мотивов: антиобщественные побуждения (низменные), общественно нейтральные и общественно полезные.

Мотивы рассматриваемых преступлений не относятся к обязательным признакам их субъективной стороны, так как они не указаны в уголовно-правовых нормах и не влияют на квалификацию. Однако данный элемент субъективной стороны учитывается при индивидуализации наказания, кроме того, отдельные исследователи отмечают, что «не может быть сознательного умышленного человеческого действия, в основе которого не было бы какого-нибудь мотива» [2, с. 15]. Именно поэтому необходимо его установление.

Рассмотрение субъективного содержания преступлений, связанных с незаконным обращением лекарственных средств и медицинских изделий, предполагает, что при незаконном производстве, сбыте и ввозе лекарственных средств и медицинских изделий могут иметь место различные мотивации. Так, при производстве лекарственных средств путем переупаковки просроченных лекарственных средств или сбыте лекарств с истекшим сроком годности в качестве мотивации может выступать желание реализовать такие лекарства, а не уничтожать их в порядке, установленном законодательством. Это может быть связано как с необходимостью обеспечения объемов продаж, так и с нежеланием осуществлять сложную и затратную процедуру уничтожения лекарственных средств. Например, в одной из аптек г. Краснокаменска Читинской области, принадлежащей индивидуальному предпринимателю, был выявлен факт реализации лекарственных средств с истекшим сроком годности и без сертификатов соответствия. Изъято из обращения 39 названий лекарственных средств в количестве 1110 штук на сумму 18 102 рубля. Во время расследования было установлено, что мотивом данного преступления выступила необходимость поддержания должного объема продаж лекарственных средств [4].

Исследование мотивационной сферы человека показывает, что иногда лицо, внутренне побуждаемое к действию, вынуждено из множества моделей поведения выбирать один вариант, исходя из собственных установок, ценностных ориентиров. Поэтому, преследуя какую-либо цель, человек может руководствоваться несколькими мотивами. В этом случае для уголовной оценки необходимо учитывать доминирующее побуждение. Считаем, что рассмотренные мотивации хоть и косвенно, но все же указывают на корыстный мотив при совершении рассматриваемых преступлений.

Так, Никитин Ю. В., находясь по месту своей работы в ООО «БиоХимФарм», действуя умышленно, осознавая незаконность своих действий, из корыстных побуждений и личной заинтересованности, выразившейся в желании сохранить своё рабочее место директора общества, стремлении к продолжению развития и функционирования общества и заинтересованности в увеличении оборотных средств общества за счёт производства и сбыта незарегистрированных лекарственных средств для ветеринарного применения, без временных и денежных затрат организации на процедуру регистрации, для решения текущих финансовых проблем, а также из ложно понимаемых интересов работы общества по осуществлению предпринима-

тельской деятельности, игнорируя требования о регистрации медицинских изделий, дал указание подчиненным сотрудникам ООО «БиоХимФарм», не осведомленным о преступных намерениях Никитина Ю. В. о производстве лекарственных средств для ветеринарного применения [1].

В других случаях корысть напрямую выступает мотивом преступлений, связанных с незаконным обращением лекарственных средств и медицинских изделий. При этом речь идет не просто о прибыли, а о получении сверхприбыли за счет сокращения расходов по регистрации, лицензированию, налогообложению и т. п.

Так, по версии следователей, произведенные на заводе «Ферейн» таблетки расфасовывали в упаковки, отпечатанные в типографии того же предприятия. На коробочках значились названия и контактная информация иностранных производителей, хотя упаковка и лекарства были отечественными. Продавалась поддельная продукция через фиктивные фирмы. Следствие считает, что с апреля 2004 г. по май 2005 г. поддельной продукции было изготовлено на сумму больше 80 млн рублей [10].

Корыстным мотивам необходимо уделять особое внимание при расследовании преступлений, связанных с незаконным обращением лекарственных средств. Под корыстным мотивом нужно понимать внутреннее стремление лица к незаконному обогащению, получению материальной выгоды при отсутствии правовых оснований на получение этой выгоды. Особо опасным необходимо признать стремление к обогащению за счет производства фальсифицированных лекарственных средств либо других незаконных действий с лекарствами. Корыстным будет незаконное обращение лекарственных средств не только тогда, когда виновный производит, хранит либо продает фальсифицированные лекарства, чтобы получить непосредственную прибыль от таких действий, но и в том случае, когда он стремиться избавиться от каких-либо материальных затрат и сохранить материальные блага.

Для правильной квалификации незаконных действий, связанных с обращением лекарственных средств и медицинских изделий из корыстных побуждений, большое значение имеет раскрытие содержания этих побуждений. Корыстный мотив при незаконном обращении лекарственных средств охватывает материальную выгоду в широком смысле. Как уже было отмечено, под корыстью следует понимать, помимо приобретения материальной выгоды, получение того, чем не обладал виновный, желание избавиться от материальных затрат, сохранить материальные блага, с которыми в будущем придется расстаться.

Признаками корыстного мотива являются действия, направленные на распространение фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий. К ним относятся: незаконное производство и сбыт лекарственных средств и медицинских изделий, проявляющиеся в производстве, оптовой и розничной продаже. Указанные действия связаны, как правило, с производством крупных партий фальсифицированных лекарственных средств и перемещением на значительные расстояния, что вызывает необходимость не только временного хранения, но и перевозки их. Другим признаком, свидетельствующим о корыстном мотиве, является большое количество лекарственных средств, находящихся в незаконном обращении, а также ингредиентов для их производства, обнаруженных на любом из этапов преступной цепочки распространения фальсифицированных лекарственных средств.

Таким образом, для квалификации деяний лица, связанных с незаконным обращением лекарственных средств и медицинских изделий, установление мотива пре-

ступления значения не имеет, однако для тщательного, всестороннего и объективного изучения обстоятельств дела, а также для индивидуализации ответственности необходимо его установить. Чаще всего мотивом рассматриваемых преступлений выступает корысть.

Мотив преступного поведения тесно связан с другим факультативным признаком субъективной стороны преступления – целью. Если мотив не является обязательным признаком преступлений, связанных с незаконным обращением лекарственных средств и медицинских изделий, то рассматриваемые уголовно-правовые нормы содержат прямое указание на цель. Так, ч. 1 ст. 238^1 УК РФ в качестве обязательного признака субъективной стороны анализируемого состава называет цель сбыта при ввозе на территорию Российской Федерации незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий.

Именно эта цель, по смыслу законодательства, характеризует высокую степень общественной опасности перечисленных действий. Если лицо совершает указанные действия для своего употребления, в таком случае отсутствует состав преступления. Это связано с тем, что нередко незарегистрированные в Российской Федерации лекарственные средства являются жизненно необходимыми для людей, страдающих орфанными заболеваниями. В России разработка и регистрация таких лекарственных средств затрудняется малым количеством пациентов, недостаточным для проведения полноценного исследования, и люди с такими заболеваниями вынуждены приобретать необходимые препараты за границей и ввозить их в РФ.

Важно отметить, что вопрос об установлении цели сбыта при ввозе незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий представляет значительные трудности. В связи с отсутствием специальных разъяснений законодателя для верного понимания цели считаем возможным воспользоваться разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». Согласно п. 13 данного постановления об умысле на сбыт могут свидетельствовать при наличии к тому оснований их приобретение, изготовление, переработка, хранение, перевозка лицом, самим их не употребляющим, их количество (объем), размещение в удобной для сбыта расфасовке либо наличие соответствующей договоренности с потребителями и т. п.

Полагаем, данные положения постановления Пленума невозможно в полной мере применять к ввозу незарегистрированных лекарственных средств. Так, учитывая, что такие лекарственные средства нередко ввозятся на территорию Российской Федерации не самими больными орфанными заболеваниями, а их родственниками или знакомыми в связи с малолетним возрастом больного либо тяжелым состоянием здоровья, считаем, нельзя говорить о таких признаках сбыта, как «приобретение, изготовление, переработка, хранение, перевозка лицом, самим их не употребляющим». Кроме того, такие признаки, как «их количество (объем), размещение в удобной для сбыта расфасовке» также не могут свидетельствовать об умысле на сбыт незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий. Лекарственные средства всегда производятся в определенных формах и дозах и помещаются в заводскую упаковку, а к незарегистрированным медицинским изделиям термин «расфасовка» не может быть применим.

Кроме того, необходимо отметить, что Закон об обращении лекарственных средств урегулировал возможность ввоза в РФ конкретной партии незарегистрированных лекарственных средств, предназначенных для оказания медицинской помощи по жизненным показаниям конкретного пациента. В соответствии с ч. 3 ст. 47 названного Закона ввоз незарегистрированных лекарственных средств производится на основании разрешения по заявлениям лиц. К числу таких лиц отнесены медицинские организации, производители лекарственных средств; организации оптовой торговли лекарственными средствами; научно-исследовательские организации, образовательные организации высшего образования, а также иные, указанные в пп. 1–4 ст. 48 данного Закона лица.

Также согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 29 сентября 2010 г. № 771 «Об утверждении правил ввоза лекарственных средств для медицинского применения на территорию Российской Федерации» установлена возможность ввоза на территорию Российской Федерации незарегистрированных лекарственных средств, приобретенных за пределами территории РФ физическими лицами для личного использования и юридическими лицами для оказания медицинской помощи по жизненным показаниям конкретного пациента, определен порядок осуществления такого ввоза [7]. Для получения разрешения на ввоз на территорию РФ незарегистрированных лекарственных средств для оказания медицинской помощи по жизненным показаниям конкретного пациента заявитель обращается в Минздрав России.

Таким образом, в связи с тем, что существуют обоснованные трудности при установлении цели сбыта при ввозе незарегистрированных лекарственных средств, а порядок ввоза незарегистрированных лекарств физическими лицами для личного использования и юридическими лицами для оказания медицинской помощи по жизненным показаниям конкретного пациента определен законодательно, более обоснованной мерой борьбы с незаконным ввозом незарегистрированных лекарственных средств и медицинских изделий стало бы конструирование уголовной ответственности за ввоз на территорию Российской Федерации незарегистрированных лекарственных средств в нарушении установленных правил.

Список литературы:

1. Архив Собинского городского суда Владимирской области. – Приговор от 19 октября 2017 года.
2. Викторов Б. А. Цель и мотив в тяжких преступлениях. – М., 1963. – С. 155.
3. В Ростовской области пресечено производство фальсифицированных лекарственных препаратов. 2012. URL: http://mvd.ru/mvd/structure1/Glavie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoj_bezop/Publikacii_i_vistuplenija/item/146141/
4. Волков Б. С. Мотивы преступлений. Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование. Казань, 1982. 152 с. ; Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. 380 с. ; Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2007. 128 с.
5. В одной из аптек Читы продавалось лекарство с истекшим сроком годности. 2007. URL: http://news.chita.ru/12248/.
6. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. – Воронеж, 1974. – 243 с.
7. Марцев А. И., Юркина Т. П. Совершенствование уголовной ответственности за незаконное обращение лекарственных средств // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1 (44). С. 19–23.

8. О порядке ввоза лекарственных средств для медицинского применения на территорию Российской Федерации» (вместе с «Правилами ввоза лекарственных средств для медицинского применения на территорию Российской Федерации») : постановление Правительства Российской Федерации от 29 сентября 2010 г. № 771 // Рос.газета. 2010. 8 окт.
9. Саврасов Л. А. Мотив в убийстве. – М., 1998. – 326 с.
10. Своя «ношпа» на срок тянет. 2007. URL: http://www.rg.ru/2007/12/06/bryncalov.html.

Derevyanskya T. P. The motive and objective, as signs of the subjective party of the crimes connected with illegal circulation of medicines, medical devices and dietary supplements // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 181–186.

The article analyzes such features of the subjective side of crimes related to the treatment of counterfeit, substandard and unregistered medicines and medical products as motive and purpose, the author clarifies the content of the motive of the crimes under consideration, and also justifies the need for a more detailed consideration of the purpose of sale when importing unregistered medicines and medical products into the territory of the Russian Federation.

Keywords: crime, drugs, illegal treatment.

Spisok literaturi:

1. Archive of the Sobinsky city court of the Vladimir region. – The sentence of October 19, 2017.
2. Victorov B. A. Purpose and motive in serious crimes. M., 1963. C. 15.5.
3. In the Rostov region production of the forged medicines is stopped. 2012. URL: http://mvd.ru/mvd/structure1/Glavie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoj_bezop/Publikacii_i_vistuplenija/item/146141/
4. Volkov B. S., Motives of crimes. Criminal law and socio-psychological research.Kazan, 1982.152 p.; Tsereteli T. V. Causal relationship in criminal law.M., 1963. 380 S. ;Kudryavtsev, V. N. The struggle of motives in criminal behavior.M., 2007.128 p.
5. In one of the pharmacies cheats sold the drug with expired date. 2007. URL: http://news.chita.ru/12248/.
6. Dagel p. S., Kotov D. P. the Subjective side of the crime and its establishment. Voronezh, 1974. 243 p.
7. Martsev A. I., Yurkina T. P. Improvement of criminal liability for illegal circulation of medicines // Scientific Bulletin of Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2012. No. 1 (44). P. 19-23.
8. About the order of import of medicines for medical application on the territory of the Russian Federation" (together with "Rules of import of medicines for medical application on the territory of the Russian Federation") : the order of the Government of the Russian Federation of September 29, 2010 No. 771 // ROS. newspaper. 2010. 8 Oct.
9. L. A. Savrasov Motive in the murder. M., 1998. 326 p.
10. Its "noshpu" for a period of pull. 2007. URL: http://www.rg.ru/2007/12/06/bryncalov.html.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 187–195.

УДК 343.9

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРИ НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ЭКСПЛУАТАЦИИ СРЕДСТВ ХРАНЕНИЯ, ОБРАБОТКИ ИЛИ ПЕРЕДАЧИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ (СТ. 274 УК РФ)

Евдокимов К. Н.

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей относится не только к числу высоколатентых преступлений в сфере компьютерной информации, но и является одним из самых сложных преступных деяний с точки зрения юридической квалификации как признаков состава преступления, так и совершения деяния в совокупности с другими преступлениями.

Определенные сложности при определении объективных признаков состава преступления возникают у следователей еще на стадии возбуждения уголовного дела.

В научной статье анализируются проблемные вопросы определения объекта и предмета преступного деяния, предусмотренного ст. 274 УК РФ. Автором, с учетом существующих научных позиций, даются собственные определения объекта и предмета преступного посягательства, а также вносятся предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства в части регламентации преступлений в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: преступления в сфере компьютерной информации, средства хранения, обработки или передачи компьютерной информации, информационно-телекоммуникационные сети.

В большинстве современных учебных и научных работ по уголовному праву преобладает «монистический» подход к определению объекта состава преступления, который предполагает, что под объектом преступления следует понимать охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым преступным посягательством причиняется вред или создается угроза причинения такого вреда.

Между тем автор придерживается мнения сторонников [23, с. 179; 28, с. 170–174; 29, с. 82–84] «плюралистического» подхода к пониманию объекта преступного посягательства, считающих, что признание объектом преступления только общественных отношений значительно ограничивает сферу юридической оценки преступного деяния и не всегда отражает его направленность, т. к. понятие объекта преступления является сложной многоаспектной и комплексной правовой категорией, включающей в себя не только «поведенческий» элемент, но и различные материальные и нематериальные социальные блага. Не является исключением и вопрос об определении объекта состава преступления, предусмотренного ст. 274 УК РФ.

При определении понятия родового объекта рассматриваемого преступления следует обратиться к наименованию соответствующего раздела Уголовного кодекса Российской Федерации, который называется «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

В данном случае мы согласны с мнением большинства ученых [18; 19; 23; 28], что, поместив данную главу в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», законодатель определил родовой объект посягательства преступлений в сфере компьютерной информации как общественные

отношения в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка. Поэтому родовой объект состава преступления, предусмотренного ст. 274 УК РФ, можно определить как общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка.

Между тем при определении видового объекта рассматриваемого преступного деяния мнения исследователей не так однозначны.

Одни авторы считают видовым объектом компьютерных преступлений «совокупность общественных отношений по правомерному и безопасному использованию информации» [7, с. 772; 17, с. 9].

Другие высказывают мнение, что видовым объектом является совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе безопасной обработки компьютерной информации [4, с. 100; 27, с. 303; 29, с. 526].

Третьи под видовым объектом преступлений в сфере компьютерной информации понимают «информационную безопасность», т. е. «состояние защищенности информации и информационных ресурсов общества от негативных внутренних и внешних посягательств» [25, с. 28; 28, с. 749].

Четвертые рассматривают в качестве видового (группового) объекта преступлений в сфере компьютерной информации права и интересы личности, общества и государства, выступающих в качестве собственника или владельца, и возникающие отношения по поводу безопасности использования ЭВМ, системы ЭВМ или сети ЭВМ [3, с. 40].

На наш взгляд, наиболее интересной является точка зрения С. В. Бородина, который считает, что «видовым объектом преступлений в сфере компьютерной информации, позволившим выделить их в самостоятельную главу Кодекса, будет являться совокупность охраняемых уголовным законом интересов в области безопасности изготовления, использования и распространения компьютерной информации, информационных ресурсов, информационных систем и технологий» [22, с. 346].

Таким образом, с учетом приведенных точек зрения, мы полагаем, что видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 274 УК РФ, будут выступать права и законные интересы личности, общества и государства в сфере безопасного обращения компьютерной информации, а также функционирования средств создания, обработки, хранения, передачи, защиты компьютерной информации, включая информационные системы и информационно-телекоммуникационные сети.

Продолжая анализ объекта преступного посягательства, предусмотренного ст. 274 УК РФ, следует отметить, что наибольшие споры и научные дискуссии вызывает вопрос определения непосредственного объекта данного состава преступления.

Исследование научных работ, посвященных квалификации и уголовно-правовым средствам борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации, позволило выделить множество научных подходов, точек зрения и мнений по определению непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 274 УК РФ.

В частности, по мнению ученых – юристов в области уголовного права, непосредственным объектом рассматриваемого состава преступления являются:

- общественные отношения, обеспечивающие нормальное безопасное использование компьютерной информации [14, с.704; 30, с. 605];

- общественные отношения, обеспечивающие безопасность в сфере эксплуатации средств вычислительной техники и информационно-телекоммуникационных сетей [5, с. 354];

- безопасность компьютерной информации, компьютерной техники, информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, обеспечиваемая соблюдением правил их эксплуатации, а также безопасность информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечиваемая соблюдением правил доступа к ним [2, с. 82];

- право владельца на неприкосновенность информации (программного обеспечения), безопасность пользования интеллектуальными и вещественными средствами вычислительной техники [10, с. 679];

- общественные отношения, обеспечивающие компьютерную безопасность и защищенность информационных систем [16, с. 6];

- общественные интересы, образующиеся в сфере функционирования информационной среды и обеспечивающие состояние защищенности интересов владельца или собственника информации [28, с. 747];

- общественные отношения, обеспечивающие соблюдение установленных обладателем компьютерной информации правил эксплуатации средств ее хранения, обработки или передачи [26, с. 295];

- общественные отношения, складывающиеся по поводу поддержания общественной безопасности путем обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности компьютерной информации [20];

- общественные отношения по соблюдению правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям [12; 13].

С учетом приведенных научных позиций и действующего законодательства Российской Федерации считаем возможным сформулировать определение непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 274 УК РФ, следующим образом: непосредственным объектом преступлений в сфере компьютерной информации являются охраняемые законом права и интересы пользователей и обладателей компьютерной информации в сфере безопасного создания, обработки, хранения, передачи, защиты компьютерной информации, а также безопасного функционирования компьютерных устройств, информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, автоматизированных систем управления, сетей электросвязи и иных средств создания, использования, распространения компьютерной информации.

Необходимо отметить, что в части 1 ст. 274 УК РФ предусматривается ответственность за причинение крупного ущерба, а в части 2 ст. 274 УК РФ – за деяние, если оно повлекло тяжкие последствия или создало угрозу их наступления.

Тем самым законодатель признал, что преступления в сфере компьютерной информации являются двухобъектными преступлениями и наряду с основным непосредственным объектом существует дополнительные непосредственные объекты преступления (например, общественные отношения, обеспечивающие законные

права и интересы лиц в сфере собственности, интересы службы (государственной, муниципальной, коммерческой и т. д.), жизнь, здоровье человека и др.).

Таким образом, дополнительный непосредственный объект рассматриваемого преступления, на наш взгляд, будет присутствовать всегда, при этом нарушаемые преступным посягательством права и законные интересы личности, общества, государства многочисленны и разнообразны, что должно учитываться при квалификации преступления и оценке тяжести совершенного деяния.

Кроме того, по нашему мнению, деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 274 УК РФ, предполагает существование также факультативного непосредственного объекта, который может включать: экономическую деятельность коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, различные конституционные права и свободы граждан, жизнь и здоровье человека; свободу, честь и достоинство личности, тайну частной жизни, переписки и многое другое.

Авторская позиция о многообъектности рассматриваемого преступления находит свое подтверждение и в научных работах последних лет [5, с. 355; 6, с. 24].

В целях более полного анализа объекта преступления, предусмотренного ст. 274 УК, полагаем необходимым рассмотреть предмет преступного посягательства.

Анализ научной литературы показывает, что в доктрине уголовного права также отсутствует единое мнение о предмете данного вида преступления в сфере компьютерной информации.

Одни считают, что предметом преступления, предусмотренного 274 УК РФ, выступает компьютерная информация [9, с. 704; 28, с. 703].

Другие считают, что предметом компьютерных преступлений является информационная среда, т. е. деятельность субъектов, связанная с созданием, преобразованием и потреблением информации [15, с. 563].

Третьи указывают, что предметом рассматриваемого преступления являются электронные устройства, в которых обрабатывается информация в форме электрических сигналов [13].

Существует мнение, что к предмету исследуемого преступления относится не только компьютерная информация, но и нарушение целостности техники, на которой функционирует данное программное обеспечение, а также повреждение систем связи [21, с. 30].

Существуют мнения, что не следует признавать в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 274 УК РФ, компьютерную информацию. Профессор В. С. Комиссаров указывает, что «машинная информация не отвечает одному из основных критериев предмета преступлений против собственности – она не обладает физическим признаком (не объективирована в конкретно осязаемой форме). Следовательно, ее нельзя похитить, повредить или уничтожить, как другое имущество» [24, с. 523]. Аналогичной позиции придерживается и А. Н. Ягудин [31, с. 20].

Между тем большинство авторов придерживается позиции, что предметом преступления, предусмотренного ст. 274 УК РФ, являются средства хранения, обработки или передачи компьютерной информации, информационно-телекоммуникационные сети и оконечное оборудование [2, с. 94; 5, с. 355].

К средствам хранения, обработки или передачи компьютерной информации, по мнению И. Р. Бегишева, относятся персональные компьютеры и иные информаци-

онно-телекоммуникационные устройства, в которых компьютерная информация обращается [1, с. 15].

В. Н. Степанов-Егиянц считает, что средствами хранения компьютерной информации являются также: карты памяти, USB-флэшнакопители, дискеты, диски и т. п. [26, с. 296].

При этом, например, Р. Р. Гайфутдинов полагает, что средствами хранения, обработки или передачи компьютерной информации по своей сути являются компьютерные устройства. По его мнению, в прим. 2 к ст. 286 Модельного уголовного кодекса СНГ компьютер предлагается именовать как «компьютерное устройство» и понимать под ним универсальное программно-управляемое устройство, предназначенное для хранения, обработки и передачи данных, следуя ряду команд, способное выполнять множественные математические и логические операции, а также выполнять другие задачи манипулирования над символами и другими формами информации и выдающее результаты в форме, воспринимаемой человеком или другим компьютерным устройством. Тем самым, такое понятие является более удачным, в отличие от существующего в нынешней редакции УК РФ, его закрепление видится приемлемым в ФЗ № 149-ФЗ [2, с. 94].

В свою очередь, по мнению А. Н. Ягудина, предложенный законодателем вместо «ЭВМ» термин «средства хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации» не выдерживает критики. Он полагает, что под средством хранения компьютерной информации можно понимать и ящик стола, и картонную коробку, где люди обычно хранят электронные носители компьютерной информации, такие как DVD и CD-диски, карты памяти и прочее [31, с. 53].

С такой упрощенной позицией, где понятие «средство хранения компьютерной информации» подменяется местом ее хранения, сложно согласиться, но с точки зрения буквального восприятия указанной юридической терминологии автор полагает, что действительно требуется законодательное разъяснение термина и понятия «средства хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации». Между тем под информационно-телекоммуникационной сетью, в соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и защите информации», понимается технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники. Понятие оконечного оборудования определяется в Федеральном законе «О связи» как технические средства для передачи и (или) приема сигналов электросвязи по линиям связи, подключенные к абонентским линиям и находящиеся в пользовании абонентов или предназначенные для таких целей.

Возвращаясь к вопросу о предмете преступного посягательства, по нашему мнению, предмет преступления, предусмотренный ст. 274 УК РФ, необходимо рассматривать в широком и узком смысле. В узком смысле предметом преступления будут выступать соответственно средства хранения, обработки, передачи охраняемой компьютерной информации и информационно-телекоммуникационные сети и оконечное оборудование. В широком смысле предметом преступления в сфере компьютерной информации будут выступать IT-технологии (информационные технологии), находящиеся в законном владении, распоряжении, пользовании физических и юридических лиц, которые включают в себя как компьютерные программы и иную

компьютерную информацию, средства защиты компьютерной информации, а также любые средства ее создания, приема, передачи, обработки и хранения (носители компьютерной информации – CD, DVD, флэш-карты; компьютеры, смартфоны, айпады, банкоматы, электронные книги и другие электронно-цифровые устройства), а также государственные и негосударственные компьютерные системы, информационно-телекоммуникационные сети и пр.

Кроме того, разъяснение законодателя в примечании к ст. 272 УК РФ, что под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи, по нашему мнению, не является исчерпывающим, т. к. в настоящее время в сфере IT-технологий используются оптико-волоконные кабели, лазерные устройства; создаются квантовые, гидравлические, биологические компьютеры, работающие на других физических принципах.

Поэтому считаем целесообразным определение «компьютерной информации» в примечании к ст. 272 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме механических, электрических, квантовых, гравитационных, молекулярных и иных сигналов физического характера, независимо от средств их хранения, обработки и передачи».

Рассуждая об объекте преступления, предусмотренного ст. 274 УК РФ, следует помнить, что компьютерная информация и технические средства ее создания, приема, передачи, обработки и хранения (носители компьютерной информации, компьютер, информационная система, информационно-телекоммуникационная сеть и др.) могут находиться во владении, распоряжении и пользовании физических лиц, которые будут считать ее своим имуществом, и любое посягательство на нее рассматривать как нарушение своих прав и интересов в сфере собственности. Поэтому, по нашему мнению, учитывая, что при нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей и оконечного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, присутствует дополнительный непосредственный объект – права и законные интересы физических лиц в сфере собственности, полагаем возможным ввести в качестве обязательного признака объекта состава преступления – потерпевшего, т. е. физическое лицо, которому преступным деянием причиняется материальный, физический или моральный вред.

Признание потерпевшего обязательным признаком непосредственного объекта состава преступления требует дополнения статьи 274 УК РФ новым квалифицирующим признаком – «с причинением значительного ущерба гражданину...», с установлением размера значительного ущерба не ниже 50 000 рублей.

Свою позицию аргументируем тем, что согласно примечанию 2 к ст. 272 УК РФ крупный размер ущерба, причиненного потерпевшему, должен быть не ниже 1 миллиона рублей.

Вместе с тем, учитывая невысокие доходы большинства граждан Российской Федерации, причинение ущерба потерпевшему в указанном размере носят в России единичный характер, что подтверждается данными уголовно-правовой статистики и

судебно-следственной практики, которые показывают, что ежегодно по рассматриваемому виду преступлений возбуждается от 1 до 5 уголовных дел, а в 2011, 2013 годах уголовные дела не возбуждались.

Таким образом, правовая норма, предусмотренная ч. 1 ст. 274 УК РФ, не учитывает и не осуществляет уголовно-правовую охрану прав и законных интересов большинства граждан в сфере собственности, а носит привилегированный характер для небольшой части граждан из числа индивидуальных предпринимателей, а также коммерческих организаций, относящихся к категории «большого бизнеса», что негативно отражается на борьбе с компьютерной преступностью.

Обобщая вышесказанное, хотелось бы обратить внимание на существование тесной взаимосвязи между объектом преступления, предусмотренным ст. 274 УК РФ, и факультативными признаками: предметом преступного посягательства и потерпевшим.

При обособленной от объекта состава преступления юридической оценке потерпевший и предмет преступного посягательства не раскрывают общественной опасности данного деяния. Вместе с тем они выступают предпосылками и необходимыми условиями для существования конкретных общественных отношений, составляющих непосредственный объект преступления, и, тем самым, способствуют полной и правильной квалификации данного вида преступного деяния.

Список литературы:

1. Бегишев И. Р. Ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник УРФО. – Безопасность в информационной среде. 2012. № 1. С. 15–18.
2. Гайфутдинов Р. Р. Понятие и квалификация преступлений против безопасности компьютерной информации: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. – Казань, 2017. – 243 с.
3. Дворецкий М. Ю. Преступления в сфере компьютерной информации (уголовно – правовое исследование). // Дисс… канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. – 192 с.
4. Ефремова М. А. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 200 с.
5. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: дис. … докт. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2018. – 427 с.
6. Карабанова Е. Н. Понятие и особенности многообъектного состава преступления // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 24–27.
7. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации: расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики / под общ. ред. Н.А. Овчинникова. – М.: Издательство «Экзамен», 2007. – 975 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики / под общ.ред. А. П. Новикова. – М.: Издательство «Экзамен», 2006. – 975 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ.ред. д.ю.н., председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева. – М.: Норма, 2006. – 912 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / под ред. д. ю. н., проф. Улезько С. И. – Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2002. – 864 с.
11. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. д. ю. н., проф. А. Г. Королькова. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 1120 с.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Научно-практический (постатейный) (2-е издание, переработанное и дополненное) / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. – М.: Издательство «Юриспруденция», 2013 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.08.2018).
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) (2-е издание). Том 2 / под ред. А. В. Бриллиантова. – М.: Издательство «Проспект», 2015 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.08.2018).
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ.ред. д. ю. н., председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева. – М.: Норма, 2006. – 921 с.

15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. И. Радченко, А. С. Михлина. – СПб.: Питер, 2008. – 784 с.
16. Кузнецов А. П., Гарипова Н. В. Проблемы определения непосредственного объекта в преступлениях в сфере компьютерной информации / А. П. Кузнецов, Н. В. Гарипова // Следователь, 2008. № 7. С. 5–7.
17. Ляпунов Ю., Максимов В. Ответственность за компьютерные преступления // Законность. 1997. № 1. С. 7–12.
18. Михайлов М. А. Будущее следственных действий в эпоху информационных технологий: эволюция или революция // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика : Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 72–74.
19. Михайлов М. А. Оперирование информацией в ходе расследования преступлений: постановка проблемы // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2013. Т. 1. № 26 (65). С. 248–254.
20. Новое в Уголовном кодексе / под ред. А. И. Чучаева. – М.: КОНТРАКТ, 2012. Вып. 2. 114 с.
21. Озерский С. В. Компьютерные преступления: методы противодействия и защиты информации: учебное пособие / С. В. Озерский, Ю. Н. Лазарев, А. Ю. Лавров. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2004. – 113 с.
22. Российское уголовное право . Особенная часть / Под ред. академика В. Н. Кудрявцева и д. ю. н., проф. А. В. Наумова. М., 1997. – 496 с.
23. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2 т. Т. 1. Общая часть. Изд. 3-е, доп. и перераб. – М., 2004. – 496 с.
24. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. А. И. Рарога. – М., 2001. – 872 с.
25. Смирнова Т. Г. Уголовно-правовая борьба с преступлениями в сфере компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 161 с.
26. Степанов-Егиянц В. Г. Методологическое и законодательное обеспечение безопасности компьютерной информации в Российской Федерации (уголовно-правовой аспект): дис. … докт. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2016. – 389 с.
27. Уголовное право. Особенная часть: учебник. – М.,1996. – 560 с.
28. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 640 с.
29. Уголовное право: Общая часть / под ред. А. И. Рарога. – М.: Эксмо, 2009. – 496 с.
30. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов – М., 1999. – 839 с.
31. Ягудин А. Н. Уголовная ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2013. – 201 с.

Evdokimov K. N. Topical issues of definition of object of a criminal assault in violation of rules of exploitation of means of storage, processing or transmission of computer information and information-telecommunication networks (art. 274 of the criminal code) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 187–195.

Violation of rules of exploitation of means of storage, processing or transmission of computer information and information-telecommunication networks applies not only to the number vysokosaharistyh of crimes in sphere of computer information, but is one of the most difficult criminal acts from the point of view of legal qualification, as evidence of a crime and the crime was committed together with other crimes.

Some difficulties in determining the objective elements of the crime arise, the investigators are still at the stage of initiation of criminal proceedings.

In the scientific article analyzes the problematic issues of determination the object and subject of the criminal offence under article 274 of the criminal code. The author, taking into account existing scientific positions, given their own definition of the object and subject of criminal encroachment, as well as proposals for improving Russian criminal law in part of regulation of crimes in sphere of computer information.

Key words: crimes in the sphere of computer information, means of storage, processing or transmission of computer information and telecommunications network.

Spisok literaturi:

1. Begishev I.R. Otvetstvennost' za narushenie pravil ehkspluatacii sredstv hraneniya, obrabotki ili peredachi komp'yuternoj informacii i informacionno-telekommunikacionnyh setej // Vestnik URFO. – Bezopasnost' v informacionnoj srede. 2012. № 1. P.15-18.
2. Gajfutdinov R.R. Ponyatie i kvalifikaciya prestuplenij protiv bezopasnosti komp'yuternoj informacii: dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.08. – Kazan', 2017. – 243 p.
3. Dvoreckij M.YU. Prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii (ugolovno – pravovoe issledovanie). // Diss… kand. yurid. nauk. Volgograd, 2001. – 192 p.
4. Efremova M.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij: monografiya. – M.: YUrlitinform, 2015. – 200 p.

5. Efremova M.A. Ugolovno-pravovaya ohrana informacionnoj bezopasnosti: dis. … dokt. yurid. nauk: 12.00.08. – M., 2018. – 427 p.
6. Karabanova E.N. Ponyatie i osobennosti mnogoob"ektnogo sostava prestupleniya // Rossijskaya yusticiya. 2017. № 3. P. 24 – 27.
7. Kommentarij k Ugolovnomu Kodeksu Rossijskoj Federacii: rasshirennyj ugolovno-pravovoj analiz s materialami sudebno-sledstvennoj praktiki / pod obshch. red. N.A. Ovchinnikova. – M.: Izdatel'stvo «EHkzamen», 2007. – 975 p.
8. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: rasshirennyj ugolovno-pravovoj analiz s materialami sudebno-sledstvennoj praktiki / pod obshch.red. A.P. Novikova. – M.: Izdatel'stvo «EHkzamen», 2006. – 975 p.
9. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Pod obshch.red. d.yu.n., predsedatelya Verhovnogo Suda RF V.M. Lebedeva. – M.: Norma, 2006. – 912 p.
10. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii s postatejnymi materialami i sudebnoj praktikoj / pod red. d.yu.n., prof. Ulez'ko S.I. - Rostov n/D: Izdatel'skij centr «MarT», 2002. – 864 p.
11. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RF / pod red. d.yu.n., prof. A.G. Korol'kova. M.: Izd-vo EHksmo, 2004. – 1120 p.
12. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: Nauchno-prakticheskij (postatejnyj) (2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe) / pod red. S.V. D'yakova, N.G. Kadnikova. – M.: Izdatel'stvo «YUrisprudenciya», 2013 [EHlektronnyj resurs] // SPS Konsul'tantPlyus (data obrashcheniya: 12.08.2018).
13. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: v 2 t. (postatejnyj) (2-e izdanie). Tom 2 / pod red. A.V. Brilliantova. – M.: Izdatel'stvo «Prospekt», 2015 [Elektronnyj resurs] // SPS Konsul'tantPlyus (data obrashcheniya: 12.08.2018).
14. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Pod obshch.red. d.yu.n., predsedatelya Verhovnogo Suda RF V.M. Lebedeva. – M.: Norma, 2006. – 921 p.
15. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Pod red. V.I. Radchenko, A.S. Mihlina. – SPb.: Piter, 2008. – 784 p.
16. Kuznecov A.P., Garipova N.V. Problemy opredeleniya neposredstvennogo ob"ekta v prestupleniyah v sfere komp'yuternoj informacii / A.P. Kuznecov, N.V. Garipova // Sledovatel', 2008. №7. P.5 - 7.
17. Lyapunov YU., Maksimov V. Otvetstvennost' za komp'yuternye prestupleniya // Zakonnost'. 1997. №1. P.7-12.
18. Mihajlov M.A. Budushchee sledstvennyh dejstvij v ehpohu informacionnyh tekhnologij: ehvolyuciya ili revolyuciya // Ugolovnoe proizvodstvo: processual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika : Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2018. P. 72-74.
19. Mihajlov M.A. Operirovanie informaciej v hode rassledovaniya prestuplenij: postanovka problemy // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: YUridicheskie nauki. 2013. T. 1. № 26 (65). P. 248-254.
20. Novoe v Ugolovnom kodekse / pod red. A.I. CHuchaeva. M.: KONTRAKT, 2012. Vyp. 2. 114 p.
21. Ozerskij S.V. Komp'yuternye prestupleniya: metody protivodejstviya i zashchity informacii: uchebnoe posobie / C.B. Ozerskij, YU.N. Lazarev, A.YU. Lavrov. – Saratov: Saratovskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2004. – 113p.
22. Rossijskoe ugolovnoe pravo . Osobennaya chast' / Pod red. akademika V.N. Kudryavceva i d.yu.n., prof. A.V. Naumova. M., 1997. – 496 p.
23. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Kurs lekcij. V 2 t. T.1. Obshchaya chast'. Izd. 3-e, dop. i pererab. – M., 2004. – 496 p.
24. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast' / Pod red. A.I. Raroga – M., 2001. – 872 p.
25. Smirnova T.G. Ugolovno-pravovaya bor'ba s prestupleniyami v sfere komp'yuternoj informacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1999. – 161 p.
26. Stepanov-Egiyanc V.G. Metodologicheskoe i zakonodatel'noe obespechenie bezopasnosti komp'yuternoj informacii v Rossijskoj Federacii (ugolovno-pravovoj aspekt): dis. … dokt. yurid. nauk: 12.00.08. – Moskva, 2016. – 389 p.
27. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik. M.,1996. – 560 p.
28. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnik / pod red. I.EH. Zvecharovskogo. – M.: Norma: Infra-M, 2010. – 640 p.
29. Ugolovnoe pravo: Obshchaya chast' / pod red. A.I. Raroga. – M.: EHksmo, 2009. – 496p.
30. Ugolovnoe pravo Rossii. CHast' Osobennaya: uchebnik dlya vuzov / otv. red. L.L. Kruglikov – M., 1999. – 839 p.
31. Yagudin A.N. Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie pravil ehkspluatacii sredstv hraneniya, obrabotki ili peredachi komp'yuternoj informacii i informacionno-telekommunikacionnyh setej: dis. … kand. yurid. nauk. – M., 2013. – 201 p.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 196–202.

УДК 343.09

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

Евтушенко И. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье приводятся результаты проведенного автором конкретного виктимологического исследования потерпевших от мошенничества в Республике Крым. Изучалась распространенность этого явления после перехода Республики Крым в российскую юрисдикцию, социально-демографические характеристики потерпевших от мошеннических действий, активность правоохранительных органов и степень доверия к ним граждан, вероятность возмещения ущерба потерпевшим, типичные виктимологические ситуации, при которых вероятность стать жертвой мошенников становится выше. По результатам исследования даны рекомендации о совершенствовании профилактической работы с потерпевшими по недопущению распространения новых случаев мошенничеств в Республике Крым. Полученные результаты исследования сравнены с другими аналогичными исследованиями и статистическими данными в других регионах России, что подтверждает достоверность полученных результатов.

Ключевые слова: мошенничество, виктимологические признаки потерпевших, виктимологическая профилактика, Республика Крым.

Мошенничество по итогам 2017 года оказалось самым распространенным преступлением в РФ. «В среднем каждые три минуты регистрировалось одно преступление данного вида. При этом раскрываемость случаев мошенничества составляет 25 %, в то время как общая раскрываемость всех преступлений в России составляет 54 %» [1]. Количество преступлений, совершенных в форме мошенничества (статьи 159–159.6 УК РФ), по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилось на 6,6 % и составило 222772 преступления. Число предварительно расследованных преступлений данного вида увеличилось на 2,6 % и составило 56 178 преступлений, из них по 45 078 преступлениям уголовные дела направлены в суд. Доля мошенничества возросла до 10,8 % в общей структуре преступности [2].

Таблица № 1. Сведения о зарегистрированных, расследованных, прекращенных уголовных делах о мошенничестве в Республике Крым за 2014–2017 годы [3]

	2014 г.			2015 г.			2016 г.			2017 г.		
Ст.	Зарег.	Направлено в суд	Прекр.	Зарег.	Напр. в суд	Прекр.	Зарег.	Напр. в суд	Прекр.	Зарег.	Напр. в суд	Прекращено
159	681	380	19	1479	624	106	1359	506	117	1784	498	84
159.1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	3	1	1
159.2	23	29	3	101	83	57	30	9	10	60	34	4
159.3	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
159.4	2	3	-	3	-	-	6	6	-	-	-	-
159.5	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-
159.6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-

Общественная опасность и распространенность мошенничеств очень велика, особенно с развитием науки и техники, повышением образовательного уровня криминально активной части населения. Поэтому изучение криминологической харак-

теристики мошенничеств и личности потерпевшего, его виктимологических особенностей способны определить основные группы риска и скорректировать профилактическую работу правоохранительных органов.

Однако официальные данные статистики дают лишь обобщенные и косвенные признаки, по которым можно было бы говорить о криминологических признаках мошенничеств и виктимологических особенностях потерпевших. Поэтому для полноценного исследования данного вопроса было проведено конкретное криминологическое исследование потерпевших от мошеннических действий среди жителей Республики Крым.

Общее число респондентов составило 342 человека. Анкета состояла из 15 вопросов, на которые респондентам предлагалось на выбор от 2 до 5 вариантов ответов. В одном из вопросов «Если в отношении Вас имело место мошенничество, то какого вида?(если были разные факты, укажите несколько вариантов)» респондентам было предложено 17 вариантов ответов. Полученные результаты округлялись до 100-х процента.

Одной из задач анкетирования было выявление криминологических характеристик мошенничеств и виктимологических особенностей респондентов, проживающих в Республике Крым.

Также следует обратить особое внимание, что опрос проводился впервые в Республике Крым и отражает также картину событий так называемого украинского периода.

Первые три вопроса – «*Назовите Ваш пол*», «*К какой возрастной группе вы относитесь?*», «*Вы работаете?*» – были направлены на выявление отношения респондента к определенной социальной группе по полу, возрасту и роду занятий. По возрастному критерию категории анкетируемых распределились следующим образом: от 14 до 18 лет – 23 %, от 18 до 30 лет – 41 %, от 30 до 45 лет – 22,6 %, от 45 до 60 лет – 10,2 %, от 60 и более лет – 3,2 %. Из них учащиеся колледжей составили 26 %, студенты – 28 %, работающие – 39 %, предприниматели – 4 %, пенсионеры – 3 %. Доля опрошенных мужчин составила 63 %, женщин – 36 %. Опрошенные относятся к наиболее активной части населения Республики Крым. Таким образом, личность типичного потерпевшего от мошенничества характеризуется следующими параметрами: это мужчины в возрасте от 18 до 45 лет, со средним образованием, являющиеся учащимися или работающими.

Четвертый вопрос – «*Что такое, по-Вашему, мошенничество?*» – позволил выяснить представление респондента о том, что для него представляет собой мошенничество. Для 76 % респондентов мошенничество является преступлением, для 16 % – мелкое хищение, 7,5 % ответили, что это любой обман, 0,5 % выбрали иное. То есть население считает, что мошенничество относится к уголовно наказуемым деяниям в основной его части. Столь высокий показатель говорит о верном представлении в отношении изучаемого вида преступлений в сознании подавляющей части опрошенных и понимания негативного характера данного явления. Шестая часть опрошенных относит мошенничество к категории «мелкое хищение», а именно предусмотренное КоАП РФ хищение имущества, стоимость которого не превышает две с половиной тысячи рублей. Остальные считают мошеннические действия любым обманом.

Пятый и шестой вопросы – «*Сталкивались ли вы со случаями мошенничества?*», «*Сталкивались ли родные, знакомые со случаями мошенничества?*» – были направлены на выяснение степени ознакомления с мошенничеством как преступлением респондентов посредством личного опыта или опыта близких лиц. В результате опроса выяснилось, что 33 % опрошенных лиц сталкивались со случаями мошенничества, 67 % – нет, однако родные и (или) знакомые в 63 % случаев сталкивались с данным преступлением и в 37 % – не сталкивались. То есть 96 % респондентов прямо или косвенно встречались со случаями мошенничества в своей жизни. При этом в официальных данных статистики, как мы отмечали выше, доля мошенничеств составляет 10 %. Это свидетельствует о высокой латентности мошенничеств. По словам главы совета Фонда поддержки пострадавших от преступлений О. Костиной, 49 % потерпевших не заявляют о преступлениях, потому что не верят всей системе восстановления справедливости [4].

Вопрос «*Если сталкивались, то обращались ли в правоохранительные органы?*» был призван проиллюстрировать фактическое доверие граждан, столкнувшихся с мошенничеством, к правоохранительным органам. Опрос в Республике Крым показал, что 58 % граждан даже не обращались за защитой к правоохранителям (полиция, прокуратура, суд), 42 %, соответственно, обратились за помощью. А это значит, что в 58 % случаев факты мошенничества так и остались неизвестными правоохранительным органам в силу разных причин, что подтверждает тезис о высокой латентности данной группы преступлений. Следует учитывать и прямые факты укрывательства данных преступлений: 364 факта по Республике Крым за 2017 год, из них органами внутренних дел укрыто 325 мошенничеств. В среднем по России уровень доверия граждан к полиции составляет 39 %.

Отсюда следует, что население Республики Крым даже вполовину не верит в эффективную работу тех, кто напрямую призван защищать граждан от преступных посягательств, а своевременное обращение в правозащитные органы поможет раскрыть совершенные преступления и предотвратить, предупредить в будущем их совершение. Эти данные соответствуют общероссийским показателям раскрываемости преступлений: за 2017 год по России нераскрытыми остались 68 % случаев мошенничества.

Также в анкете были предусмотрены вопросы, призванные выяснить временной период совершения мошенничеств и обращения в правоохранительные органы. Опрос показал, что сталкивались граждане чаще всего с мошенничеством до 2014 года – 59,3 % респондентов; в 2015 году этот показатель составляет 14,2 %; в 2016 – 13,1 %; ежегодно в каждый из названных периодов – 13,4 %.

Обращение в правоохранительные органы респондентов, друзей, их родных, знакомых также чаще всего было до 2014 года – 50,6 %, в 2015 году – 11, 4 %, в 2016 – 13,7 %, по каждому факту ежегодно – 24,3 %.

Уменьшение случаев распространения мошенничества после 2014 года можно объяснить переходом Республики Крым в состав Российской Федерации, боязнью местных крымских мошенников нового российского законодательства, нового уровня ответственности, сокращением количества пробелов в законодательстве или отсутствием их, другими причинами, связанными с переходом в состав иного государства.

Девятый и десятый вопрос направлены на выяснение причины обращения или, наоборот, необращения в правоохранительные органы. Отказ от обращения в правоохранительные органы был вызван следующими причинами: о том, что ущерб незначительный и много хлопот заявили 33,7 %; респондент сам возвратил свое имущество из владения мошенника – 17,1 %; не верит в эффективность работы правоохранительных органов – 16,5 %; уже не доказать, так как поздно спохватился – 13,8 %, иное – 8,9 %.

Для 9 % опрошенных деятельность правоохранительных органов является единственной надеждой на восстановление законности и справедливости; 44 % рассматривают деятельность сотрудников правоохранительных органов как законную обязанность; 27 % респондентов причиной обращения назвали значительное улучшение работы крымских институтов власти после 2014 года и их коэффициент доверия стал значительно выше; оставшиеся 21 % отметили иную причину. ВЦИОМ сообщил, что «70 % наших соотечественников, пострадавших от противоправных действий, заявили, что им не был каким-либо образом возмещен вред, причиненный преступлением» [4].

Следующий вопрос – «*Если в отношении Вас имело место мошенничество, то какого вида?*» – предполагал 17 вариантов ответа. Чаще всего сталкивались респонденты с мошенничеством на рынке – 15,1 %; в магазине – 12,4 %. Немногим реже жертвой мошенничества респонденты или их родные, знакомые становились при сдаче квартиры в аренду – 12,4 %; присылали СМС с просьбой пополнить счет якобы для близкого (сына, дочери, друга) – 10 %; при покупке товаров через Интернет – 7,9 %; после посещения некоторых сайтов в Интернете со счета (банковского, телефонного, виртуального) исчезли деньги – 7,3 %; телефонные мошенники сказали, что с родными беда и нужны деньги – 7,2 %; при покупке машины – 5,3 %; попросили телефон позвонить (любую другую вещь взаймы) и не вернули – 3,7 %; просили номер банковской карты и ее реквизиты для перечисления денег (задаток, например) – 3,1 %; представились работниками социальной службы и пытались пройти в квартиру – 3,1 %; при игре в карты, другие азартные игры – 2,9 %; при кредитовании – 2,9 %; пользуется услугами Интернета респондента по WI-FI – 2,7 %; при покупке недвижимости – 1,9 %; внесли предоплату за услуги (аренду, покраску машины, ремонт квартиры и т. п.), а услуги не были выполнены – 1,8 %; при страховании (вручили поддельный полис ОСАГО, посредники выплатили респонденту только часть денег, остальное присвоили себе и т. д.) – 0,3 %; иное – при обращении в туристические фирмы, при покупке билетов на экскурсию. Как видно из полученных данных, ответы респондентов не совсем соответствуют официальным данным статистики по зарегистрированным видам мошенничества. «Розыгрыш призов, телефонный обман, хищение с банковских карт, снятие порчи и лечение от болезней – в списке самых популярных видов мошенничества, которые используются в Крыму» [5]. Самыми распространенными являются случаи бытового мошенничества – 25,3%; высокотехнологичное мошенничество в сети Интернет – 17,9 %; СМС-мошенничество – 17,2 %; в сфере кредитования и обращения банковских карт – 6 %; в сфере недвижимости – 14,3 %. Таким образом, местами виктимации чаще всего являются общественные места [6]. Соответственно, именно в этих сферах жизни должна быть построена основная профилактическая работа с населением.

Один из вопросов предусматривал учет мнения респондента на причины мошенничества, условия, способствующие возникновению умысла мошенника и формированию плана совершения мошеннических действий с последующей его реализацией. Большинство граждан, почти четверть респондентов (24,1 %), считают причиной мошенничества излишнюю доверчивость, что в принципе объяснимо. Далее отмечают юридическую неграмотность граждан (17,9 %), которая не позволяет им отличить правомерные действия, предложения, услуги, не содержащие обмана, юридически грамотно составленные документы, подтверждающие правовые основания сделки, от неправомерных, ложных, хотя зачастую таких заманчивых выгодных условиях по сравнению с остальными подобными предложениями. Также выделяют 15,3 % респондентов неинформированность граждан о новых угрозах и способах мошенничества. Отсутствие контроля со стороны руководства, государства отмечают 12,8 % опрошенных. По моему мнению, такая точка зрения сохранилась у многих граждан еще со времен, когда Республика Крым была в составе Украины, когда произвол был делом обычным. Также отмечают такие причины, как общедоступность Интернета (6,7 %), пробелы в законодательстве (5 %), попустительство сотрудников правоохранительных органов (4,9 %), техническая неграмотность потребителей электронных гаджетов (смартфонов, планшетов, компьютеров) – 4,6 %, нарушения регламентов, инструкций и правил сотрудниками предприятий, организаций (3,4 %), ошибки в компьютерных программах (2,8 %) и иные причины (2,5 %).

Ответы на четырнадцатый вопрос – «*Вы опасаетесь стать жертвой мошенничества?*» – оказались довольно неоднозначными. «Да» ответили 58,9 % респондентов, а «нет» – 41,1 %, то есть почти половина опрошенных считает, что мошенники – это то, что точно не тронет его, обойдет стороной, или человек считает себя настолько грамотным, чтобы отличить обман от реальных правомерных действий.

Вопрос «*Где по-Вашему самая большая угроза стать жертвой мошенников?*» предполагал шесть вариантов ответа и был призван выяснить самое опасное место или сферу жизни для встречи с мошенниками. Почти половина респондентов отметили, что Интернет – самая небезопасная зона, раздолье для мошенников (47,5 %). Полагаем, это связано с открытостью и доступностью сети Интернет для широкого круга пользователей, незащищенностью отдельных серверов, созданием дублированных сайтов известных фирм. Причем с учетом данных фактического распространения мошенничества в Интернете лишь единицы сталкивались с ним именно в сети. Здесь срабатывает психологический фактор, описанный выше, а также раскрывается прогноз граждан о развитии мошенничества именно в сети Интернет. Таким образом, такой прогноз полностью соответствует профессиональным прогнозам криминологов о росте преступлений в сети Интернет и с помощью IT-технологий.

Также 33,6 % респондентов выбрали улицу как одно из небезопасных мест, так как там человек открыт для общения, незащищен физически от посягательств, даже о которых гражданин может и не подозревать. Отметили, что на работе их также может постигнуть участь стать жертвой мошенничества 7,9 %, ведь проводя какие-либо сделки, заключая договоры с партнерами, можно потерять кругленькую сумму не только самому, а и принести ущерб организации, от имени которой заключалась сделка. Остальные варианты ответов ранжировались следующим образом: в учебном заведении – 4,5 %, дома – 3,4 %, иные варианты (стихийные рынки, через мобильную связь, в туристических компаниях) – 3,3 %.

В каждой ситуации следует учитывать личностные особенности жертвы мошенничества, его психотип, образ поведения в обществе, социальную роль. Это поможет разобраться в обстоятельствах совершения преступления, учесть возможности его предотвращения, связанные с личностным своеобразием. Условно потерпевшего можно определить как представителя одного из психотипических видов жертвы.

Часто становятся жертвами мошенников люди, жаждущие легкой добычи, несоразмерной выгоды без необходимых усилий, так сказать сами себя цепляют на удочку мошенника. К таким типам мошенничества относятся всевозможные лотереи, игры, финансовые пирамиды различного рода, деловые партнеры с улицы, обещающие надежность, и другие. Проведенное нами исследование показало, что излишняя доверчивость граждан делает возможным осуществление мошенничества в 65 % случаев.

В большинстве ситуаций поведение потерпевшего являлось «провоцирующим». В трети случаев в основе поведения лежала излишняя доверчивость потерпевшего. При этом в двух третях случаев между потерпевшим и преступником не было ни каких межличностных отношений. Они не были ранее знакомы, проживают в разных субъектах РФ.

Основная масса опрошенных нами граждан в целях профилактики мошенничества выделила пропаганду юридических знаний среди населения, информирование населения о возможных новых ситуациях, где они могут стать жертвой мошенничества (на основании данных наиболее участившихся случаев за последний период времени) [8; 9].

Отличительной чертой современного мошенничества является высокий уровень латентности, так как граждане отказываются заявлять о совершенных преступлениях в правоохранительные органы ввиду малозначительности похищенного имущества, нежелания обращаться в правоохранительные органы, неверия в эффективность всей правоохранительной системы, в возможность вернуть похищенное имущество. Правоохранительные органы также стараются не ухудшать статистику и не регистрировать неочевидные преступления, поскольку половина из зарегистрированных мошенничеств так и остается нераскрытой [7].

Таким образом, проведенный анализ позволил конкретизировать сведения о возможных потерпевших от мошенничества в г. Симферополе Республики Крым, ведь к каждому человеку преступник находит особый ключик. Мошенник делает и говорит лишь то, что хочет слышать жертва.

Список литературы:

1. Сержан Э. Генпрокуратура назвала самое распространенное преступление в России // [Интернет ресурс]. Режим доступа: https://m.news.yandex.ru/yandsearch?cl4url=www.gazeta.ru/Fgenprokuratura-nazvala-samoe-rasprostranennoe-prestuplenie-rossii (дата обращения: 7 января 2018)
2. Ежемесячный сборник декабрь 2017 г. // [Интернет ресурс]. Режим доступа: http:// https://genproc.gov.ru/stat/data/1328502/
3. Отчет 4-ЕГС за 2014, 2015, 2016, 2017 г., опубликованные на сайте Прокуратуры РК // [Интернет ресурс]. URL: http://rkproc.ru/ru/content/statisticheskie
4. Артюков О. Нет веры в справедливость: раскрыта реальная статистика преступлений в России // [Интернет ресурс] URL: https://www.pravda.ru/politics/military/29-03-2017/1328951-statistika-0
5. В МВД Крыма составили рейтинг самых популярных видов мошенничества // [Интернет ресурс]. Режим доступа: http://m.crimea.ria.ru/society/20180104/1113383789.html (дата обращения: 04.01.2018).
6. Малыхина Т. А. Виктимологическая характеристика и предупреждение мошенничества // Автореф. дисс. к.ю.н. – Иркутск, 2007. – С. 17.

7. Грудинин Н. С. Криминологическая характеристика имущественной преступности в Российской Федерации // Juvenisscientia, 2018, № 3.
8. Буткевич С. А. Профилактика правонарушений в Республике Крым (теоретико-правовые аспекты) // В сборнике: Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском федеральном округе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. – С. 117–122.
9. Евсикова Е. В., Геращенко А. В. Предупреждение административных правонарушений в Республике Крым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридическиенауки. 2015. – Т. 1. № 4 (67). – С. 149–163.

Evtushenko I.I. Victimological characteristics victims from fraud (on materials of the Republic of Crimea) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 196–202.

The article presents the results of the author's specific victimological study of victims of fraud in the Republic of Crimea. The prevalence of this phenomenon after the transition of the Republic of Crimea to Russian jurisdiction, socio-demographic characteristics of victims of fraud, the activity of law enforcement agencies and the degree of confidence of citizens, the probability of compensation for victims, typical victimological situations in which the probability of becoming a victim of fraud is higher. Based on the results of the study, recommendations were made to improve preventive work with victims to prevent the spread of new cases of fraud in the Republic of Crimea. The results of the study were compared with other similar studies and statistics in other regions of Russia, which confirms the reliability of the results.

Keywords: fraud, victimological signs of victims, victimological prevention, Republic of Crimea

Spisok literaturi:

1. Serzhan E. the Prosecutor General's office called the most common crime in Russia / / [online]. Mode of access: https://m.news.yandex.ru/yandsearch?cl4url=www.gazeta.ru/Fgenprokuratura-nazvala-samoe-rasprostranennoe-prestuplenie-rossii (accessed: January 7, 2018)
2. Monthly collection December 2017 / / [online]. Access mode: http:// https://genproc.gov.ru/stat/data/1328502/
3. Report 4-the EGS for 2014, 2015, 2016, 2017 published on the website of the Prosecutor's office of Kazakhstan // [the Internet resource]. URL: http://rkproc.ru/ru/content/statisticheskie
4. Artyukov A. No faith in justice: disclosed the real statistics of crime in Russia // [the Internet resource] URL: https://www.pravda.ru/politics/military/29-03-2017/1328951-statistika-0
5. The Ministry of internal Affairs of Crimea made a rating of the most popular types of fraud / / [online]. Mode of access: http://m.crimea.ria.ru/society/20180104/1113383789.html (date accessed: 04.01.2018)
6. Malikhina T. A. Victimological characteristics and fraud prevention / / autoref. Diss. K. Yu.N. Irkutsk, 2007.P. 17.
7. Grudinin N. With. Criminological characteristics of property crime in the Russian Federation // Juvenisscientia, 2018, No. 3.
8. Butkevich S. A. crime Prevention in the Republic of Crimea (theoretical and legal aspects) // in the collection: Topical issues of public safety and crime prevention in the Crimean Federal district: materials of the all-Russian scientific and practical conference. Krasnodar University of the Russian interior Ministry. 2016. P. 117-122.
9. Evsikova E. V., Gerashchenko A. B. Prevention of administrative offences of the Republic of Crimea // scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legalscience. 2015. Vol.1. No. 4 (67). P. 149-163.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 203–208.

УДК 343.985

ПРИЗНАКОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТОВ ПОИСКА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Иванов С. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье охарактеризованы различные виды признаковой характеристики преступлений и лиц, их совершающих, которые способствуют успешному и качественному решению задач, стоящих перед правоохранительными органами, по выявлению и предупреждению преступлений. Автором предложена классификация признаков по способу восприятия информации оперативным сотрудником и дана краткая характеристика каждого из них как одного из эффективных инструментов для решения задач оперативно-розыскной деятельности. Также в статье представлена иерархия значимости психологических признаков при выявлении криминальной принадлежности личности сотрудниками органов внутренних дел. Научная разработка вопроса классификации признаковой характеристики позволяет улучшить возможность сотрудников оперативных подразделений замечать и воспринимать признаки объектов, на которые нацелен поиск.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, преступление, предупреждение преступлений, оперативный сотрудник, признаки, признаковая характеристика, поиск, объект поиска, идеальный след, объективная сторона преступления, субъективная сторона преступления.

Решая задачу оперативно-розыскной деятельности по выявлению и предупреждению преступлений и лиц, которые их готовят или совершают, оперативные сотрудники сталкиваются с необходимостью распознавания признаков данной деятельности и таких лиц. Ситуация усложняется в тех случаях, когда лица, участвующие в подготовке или совершении преступлений, применяют различные методы маскировки и конспирации. В первую очередь этим пользуются те, кто имеет опыт совершения преступлений и отбытия наказания, лица, глубоко погруженные в криминальную среду и имеющие знания и опыт в области оперативно-розыскной деятельности. Таким образом, получается, что сложнее всего выявлять и пресекать противоправные действия тех лиц, которые как раз представляют наибольшую общественную опасность. Для поиска решения обозначенной проблемы предлагаем рассмотреть, что из себя представляет деятельность оперативного сотрудника по выявлению признаков готовящегося или совершающегося преступления и признаков лиц, к этому причастных.

Прежде всего возможности человека выявлять искомое связаны с такими процессами, как восприятие получаемой через органы зрения, слуха, обоняния и осязания информации и ее дальнейшей идентификации, отождествления с имеющимися в сознании образами, запечатленными в памяти или сконструированными путем мыслительной интеллектуальной деятельности. Соответственно, успешность деятельности зависит от умения использовать имеющиеся органы восприятия информации, знания признаковой характеристики объектов идентификации и опыта применения целенаправленного поиска необходимой информации и ее отождествления с искомым.

Согласно закону диалектики о переходе количества в качество, чем больше количество признаков искомого способен воспринять и отождествить сотрудник

оперативного подразделения, тем успешнее и качественнее он будет решать стоящую перед ним задачу выявления преступлений и преступников. Логичным продолжением этого суждения является необходимость теоретической разработки вопроса классификации признаковой характеристики и ее научного обоснования.

Говоря о признаковой характеристике определенного вида преступления и о признаках лица, которое готовит, совершает или совершило такое преступление, необходимо четко придерживаться уголовного правового понимания понятия состава преступления и его составных частей. Именно объективная сторона конкретного вида преступления, его субъект и субъективная сторона позволяют сформулировать обязательные для распознавания признаки противоправного поведения лица. Эта позиция также важна и в случаях применения преступниками мер конспирации и маскировки своих преступных действий, поскольку замаскировать или законспирировать они могут только отдельную часть изобличающих их признаков, но при этом они неизбежно должны совершить именно те действия, которые превращают их поведение в преступное, то есть обязательно выполнят объективную часть преступления. Без выполнения таких действий преступник перестает быть преступником.

Любое преступление как факт реальной действительности является результатом индивидуального человеческого поведения. Поскольку поведение человека – это взаимодействие с окружающей средой, опосредованное его внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью, любое преступление является результатом взаимодействия личности и внешней среды [3, с. 127].

Вторым обязательным условием для описания признаковой характеристики преступления является способ его совершения. Как правило, эта часть вопроса хорошо изучена в криминалистике с точки зрения отображения действий преступника в следах, оставленных им на месте совершения преступления. Именно определенный способ действий, используемый преступником для совершения объективной стороны преступления, оставляет соответствующую следовую картину на месте совершения преступления. Кроме этого, способ совершения преступления имеет типичную, обязательную для каждого повторения картину совершаемых преступником действий, являющихся выражением его авторского стиля совершения преступления. Данный стиль находит отображение в признаках поведения преступника как в момент его подготовки к совершению преступления, так и в последующие периоды девиантного и постдевиантного поведения преступника.

Следует отметить, что рисунок поведения преступника не всегда находит свое отображение в материальных следах, оставленных на месте совершения преступления. Большая часть рисунка может быть запечатлена в виде идеальных следов, отображающихся в памяти свидетелей совершения преступления. При этом рисунок поведения преступника обладает набором узнаваемых признаков, позволяющих опытному оперативному сотруднику распознать в них определенные намерения лица, направленные на подготовку, совершение или сокрытие преступления.

Пожалуй, наиболее значимой для оперативной работы является признаковая характеристика психоэмоционального и психофункционального состояния лица, готовящего, совершающего или совершившего преступление. Стоит отметить, что данные вопросы на сегодняшний день в научной литературе изучены недостаточно

широко, но отдельные аспекты рассматривались такими исследователями, как И. И. Аминов [1], В. А. Снетков [4], Ю. В. Чуфаровский [5] и др. Именно поэтому в настоящее время остается актуальным вопрос изучения признаковой характеристики объектов поиска как одного из эффективных инструментов для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

В зависимости от способа восприятия информации оперативным сотрудником признаки могут быть разделены на визуальные, аудиальные, запаховые и кинестетические.

Категория визуальных включает в себя те признаки, которые оперативный сотрудник способен распознать с помощью органов зрения. К ним относятся признаки внешности, поведения, внешние проявления психоэмоционального и психофункционального состояния. Сотрудник оперативного подразделения может увидеть и идентифицировать известные ему признаки внешности разыскиваемого преступника, распознать его особые приметы, опознать преступника по поведению, свидетельствующему о преступных намерениях, или по проявляющимся во внешности преступника эмоциям и отображению психического состояния в координации действий. Также к визуальным признакам относится следовая картина на месте подготовки к совершению преступления или на месте его совершения. Через органы зрения распознается письменная информация, которая может быть представлена в виде выполненного различными способами письменного текста.

К признакам, которые можно получить с помощью органа слуха, относится аудиальная информация, поступающая чаще всего в момент общения с собеседником, а также та, которая может быть услышана случайно, в том числе как сопряженная с визуальной информацией, так и отстраненная от таковой. Оперативный сотрудник имеет возможность узнавать о преступлениях и лицах к ним причастным, проводя опрос лиц, обладающих полезной в оперативном плане информацией, а также получать такую информацию в результате проведения таких оперативно-розыскных мероприятий, как прослушивание телефонных переговоров, обследование зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, электронное наблюдение. Привлечь внимание оперативного сотрудника могут услышанные крики жертвы преступления с просьбами о помощи или крики и взаимные угрозы участников происходящего бытового конфликта.

Поскольку эффективность деятельности сотрудника правоохранительных органов в целом и оперативного сотрудника в частности зачастую прямо связана с успешностью распознавания лиц, причастных к преступной среде, в правоохранительной практике накоплен определенный опыт изучения личности с позиций ее асоциального заражения, опыта, статуса, действенности [2, с. 87–88].

В юридической психологии выявляемые признаки группируются в 3 блока согласно приятой в криминалистике классификации, включающие морфологические (особенности телосложения, строения лица, головы), функциональные (речевое поведение, жаргон, невербальное поведение, знаки визуального тайного общения) и сопутствующие (особенности одежды, обуви, татуировки, шрамы, растительные покровы на лице, голове) [2, с. 87].

Интересным, на наш взгляд, каналом поступления информации о признаках преступления или преступника является обоняние сотрудника оперативного подразделения. Несмотря на то, что чаще всего одерология ассоциируется с

применением служебно-розыскных собак, обоняние человека может также эффективно распознавать некоторые признаки преступлений или преступников. Примером может служить наличие запаха перегара у человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, либо его отсутствие у человека, находящегося в состоянии наркотического опьянения, специфический запах химических веществ, используемых при изготовлении и употреблении наркотиков, и многое другое.

Кинестетические ощущения помогают оперативному сотруднику по температуре исследуемого им объекта сделать выводы о наличии или отсутствии интересующих его признаков. Например, с помощью тактильных рецепторов можно определить температуру капота автомобиля и то, как давно преступник ездил на данном транспорте. Либо по температуре чая в чашке или воды в чайнике определить, как давно преступник его заваривал, и соответственно, как давно разыскиваемый находился в помещении.

Распознаваемые оперативным сотрудником признаки должны способствовать решению задач оперативно-розыскной деятельности. Признаки позволяют сужать круг поиска от неограниченно большого количества возможных вариантов до оптимального минимального количества, которое позволяет найти искомое. Возможность распознать и использовать для идентификации искомого большее количество признаков увеличивает возможность эффективно решить стоящую задачу и минимизирует возможность ошибки в идентификации. Используемые признаки неоднородны по своей значимости в решении задач идентификации. Значение или ценность признака значительно возрастает, когда он точнее позволяет идентифицировать искомый объект, выделив его из общей массы исследуемых объектов.

На примере идентификации личности преступника это может выглядеть следующим образом. Используемыми признаками выступают сведения о персональных данных разыскиваемого либо сопоставимая с ними признаковая характеристика, получаемая оперативным сотрудником через имеющиеся у него каналы поступления информации. Пол и примерный возраст преступника могут быть определены в ходе опроса свидетелей с помощью получения от них аудиальной информации, описывающей преступника, либо при помощи полученной зрительной информации при обследовании места происшествия и исследовании оставленных на месте преступления следов. Указанные признаки позволяют сократить круг поиска по двум характеристикам – полу и возрасту. В свою очередь, точная возрастная характеристика может соответствовать одному из элементов персональных данных лица – его году рождения. Как правило, полная идентификация личности подразумевает получение ответов на вопросы о таких персональных данных лица, как: фамилия, имя, отчество, число, месяц, год рождения, место рождения и место жительства. Совокупность перечисленных данных предполагает точное отождествление разыскиваемого лица, при исключении возможности ошибки и получения двух и более полностью соответствующих поисковым признакам лиц. Каждый из признаков, указанный в перечисленном наборе персональных данных, может быть заменен аутентичным признаком, выражающимся в соответствующей такому признаку поисковой характеристике, получаемой с помощью органов зрения, слуха, обоняния и чувств.

Например, просмотром запечатленной на видеозаписи внешности известного оперативному сотруднику преступника возможно идентифицировать его личность.

По виду объекта, подлежащего распознанию и идентификации, можно разделить признаки: людей, флоры, фауны, предметов, веществ, обстановки. Полученные от свидетеля сведения о том, что преступник скрылся с места совершения преступления на автомобиле с известным свидетелю государственным номером также позволяют установить преступника. В данном случае идентификация преступника происходит при помощи идентификации автомобиля по его регистрационному номеру. По определению роли лица в криминальном событии признаки могут идентифицировать: преступника, соучастника, потерпевшего, свидетеля. Это приобретает актуальность в те моменты, когда сложившаяся на месте происшествия обстановка требует немедленного реагирования с целью изобличения преступника, установления и фиксации персональных данных свидетелей, оказания помощи жертве преступления. По временному отношению к моменту совершения преступления можно выделить признаки подготовки, совершения и сокрытия преступления. По положению объекта идентификации в пространстве признаки можно разделить на статические и динамические.

Воспринимая и оценивая поступающую по различным каналам информацию о признаках готовящихся, совершающихся или совершенных преступлениях, а также о лицах, которые к этому причастны, оперативный сотрудник должен опираться в своих суждениях на целостное восприятие анализируемой информации во взаимосвязи с ранее поступившей и с объективной оценкой сложившейся на конкретный момент времени обстановкой. Нельзя исключать и то, что отдельные признаки, свойственные криминальным событиям или криминальному поведению преступников, могут быть на самом деле не связаны с девиантным поведением и являться случайными признаковыми совпадениями; а также вариант искусственного создания определенной признаковой картины в виде совокупности поступающей по различным каналам информации об определенных признаках. Такие приемы могут использоваться преступниками с целью введения оперативного сотрудника в заблуждение, его дезинформации и дезориентации в правильном восприятии происходящего или происшедшего.

В итоге нашего исследования хотим отметить, что, несмотря на важность каждого из описанных нами признаков, при выявлении криминальной принадлежности личности сотрудниками ОВД по психологическим признакам установлена следующая иерархия их значимости [2, с. 87–88]:

Наименование признака	**Ранг значимости**
I блок. Морфологические признаки	
Строение лица, головы	6
Телосложение	7
II блок. Функциональные признаки	
Речевое поведение (высказывания)	1
Жаргон	3
Невербальное поведение (особенности движений, действий)	2
Знаки визуального тайного общения	5
III блок. Сопутствующие признаки	
Одежда, обувь и пр.	8
Растительные покровы на лице, голове	9,5

Шрамы	9,5
Татуировки	4

Как видим из приведенных данных, большую значимость при выявлении криминальной принадлежности личности сотрудниками ОВД имеют функциональные признаки, а именно: речевое поведение (высказывания), жаргон, невербальное поведение (особенности движений, действий).

Таким образом, подводя итог, можно сделать следующие выводы. Для решения задач ОРД оперативному сотруднику необходимо знать признаковую характеристику объектов поиска. Восприятие поступающей к оперативному сотруднику информации аккумулируется посредством основных чувств человека: зрения, слуха, обоняния, ощущения. Научная разработка вопроса классификации признаковой характеристики позволяет улучшить возможность сотрудников оперативных подразделений замечать и воспринимать признаки объектов, на которые нацелен поиск. Кроме того, научному изучению подлежит вопрос выработки правил системной оценки воспринимаемых оперативным сотрудником признаков с целью уменьшения риска возможных ошибок и заблуждений.

Список литературы:

1. Аминов И. И. Психологическое изучение собеседника в профессиональном общении сотрудника органов внутренних дел: автореф. дис. …канд. псих.наук. – М., 2000. – 23 с.
2. Гирин А. В., Горбунов А. Н. Оперативно-розыскная психология: курс лекций. – Краснодар, 2013. – С. 87–88.
3. Игнатов А. Н. О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 6–7. – С. 127.
4. Снетков В. А. Использование признаков внешности в работе ОВД. – М., 1993. – 53 с.
5. Чуфаровский Ю. В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учеб. пособие. – М., 2006. – 208 с.

Ivanov S. Significant characteristics of objects of operational search activities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 203–208.

The article describes various types of indicative characteristics of crimes and persons who commit them, which contribute to a successful and qualitative solution of the tasks facing law enforcement agencies in the detection and prevention of crimes. The author suggests classification of features by the method of perception of information by an operational employee and gives a brief description of each of them as one of the effective tools for solving operational search tasks. Also, the article presents a hierarchy of the significance of psychological traits in the detection of criminal identity of employees by internal affairs bodies. Scientific development of the issue of classification of the characteristic feature makes it possible to improve the ability of employees of operational units to notice and perceive the characteristics of the objects to which the search is aimed.

Key words: operative-search activity, crime, crime prevention, operational officer, signs, characteristic characteristics, search, object of search, ideal trace, objective side of crime, subjective side of crime.

Spisok literaturyi

1. Aminov I.I. Psihologicheskoe izuchenie sobesednika v professional'nom obshchenii sotrudnika organov vnutrennih del: avtoref. dis. …kand. psih.nauk. – M., 2000. – 23 s.
2. Girin A.V., Gorbunov A.N. Operativno-rozysknaya psihologiya: kurs lekcij. – Krasnodar, 2013. – S. 87.
3. Ignatov A.N. O kategoriyah «mekhanizm prestupnogo povedeniya», «mekhanizm prestupleniya» i «mekhanizm sovershеniya prestupleniya» // Gumanitarnye, social'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2017. – № 6-7. – S. 127.
4. Snetkov V.A. Ispol'zovanie priznakov vneshnosti v rabote OVD. – M., 1993. – 53 s.
5. CHufarovskij YU.V. Psihologiya operativno-rozysknoj i sledstvennoj deyatel'nosti: ucheb. posobie. – M., 2006. – 208 s.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 209–214.

УДК 343.847

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ

Косьяненко Е. В.

Алтайский институт экономики

Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией является проявлением либерализации уголовного законодательства. Данный вид освобождения от отбывания наказания имеет свои основания и условия, при наличии которых возможно предоставление отсрочки. Анализ нормы об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией выявил спорные вопросы реализации данного института права. В статье автор обращает внимание на правовое и социальное значение отсрочки от отбывания наказания больным наркоманией в целях прохождения курса лечения и реабилитации. Рассматриваются основания и условия отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. Анализируются основные проблемы, возникающие в ходе применения нормы об отсрочке наказания больным наркоманией. Автор делает вывод о том, что имеющиеся проблемы применения данной уголовно-правовой нормы требуют разрешения, а методика реабилитации больных наркоманией нуждается в совершенствовании.

Ключевые слова: отсрочка наказания, больной наркоманией, основания и условия отсрочки, реализация отсрочки.

Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией была введена в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, а вступила в действие с 1 января 2012 года [5]. Появление в законодательстве такого вида освобождения от уголовного наказания социально обусловлено необходимостью индивидуального подхода к исправлению лиц, больных наркоманией, которые под угрозой реального отбывания наказания в местах лишения свободы мотивируются на прохождение курса лечения и реабилитации. В течение 2013–2016 гг. по ст. 82.1 УК РФ отсрочка предоставлялась в отношении 300 человек, причем 298 из них обвинялись по ст. 228 УК РФ [2].

Как и другие виды освобождения от уголовного наказания, норма об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией содержит в себе основания и условия для ее применения. Под основаниями следует понимать объективные обстоятельства, регулируемые УК РФ, а условиями – субъективные обстоятельства, обусловленные личностью преступника.

В качестве оснований отсрочки по ст. 82.1 УК РФ выступают: совершение любого из преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 или ст. 233 УК РФ, а также то, что за данные преступления наказание в виде лишения свободы назначается впервые. К условиям применения отсрочки относят: признание лица больным наркоманией и изъявление виновным желания добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию. Только при наличии совокупности указанных оснований и условий возможно предоставление отсрочки отбывания наказания больным наркоманией.

Анализ деяний, за которые возможно предоставление отсрочки, показывает, что все они являются преступлениями небольшой тяжести. Совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 или ст. 233 УК РФ рассматривается судебной практикой как совершение одного из этих трех преступлений, так и со-

вершение их в совокупности [8]. Как правило, указанные преступления совершаются лицом больным наркоманией и для личного потребления наркотиков. Включение в перечень преступлений только этих трех деяний, безусловно, вызывает закономерный вопрос: «Почему только они?». Действительно, в наркотическом опьянении могут совершаться и иные преступления. Соглашаясь с позицией ряда ученых [3, с. 22; 12, с. 15, 142], отметим целесообразность расширения перечня преступлений, по которым возможно предоставление отсрочки больным наркоманией за счет добавления преступлений небольшой и средней тяжести.

Следующим основанием для предоставления отсрочки выступает то, что наказание в виде лишения свободы за данные преступления назначается впервые. В ответах на вопросы, поступившие из судов,… утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г., отмечалось, что под совершением впервые преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ, понимается лицо, впервые совершившее одно или несколько преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ, при условии, что ни за одно из них не осуждено [8]. Однако указанное толкование несколько сужает содержание ч. 1 ст. 82.1 УК РФ. В норме речь идет о впервые назначенном наказании в виде лишения свободы, тогда как в определении Верховного Суда РФ акцент переведен на лицо, впервые совершившее преступление. Между тем рассматриваемые термины не являются синонимами и, соответственно, несут разную смысловую нагрузку.

Суть понятия лица, впервые совершившего преступление, сводится к отсутствию судимости по указанным в законе преступлениям [10]. Содержание понятия «впервые назначенное наказание в виде лишения свободы» шире, оно включает в себя ситуацию осуждения в прошлом лица к наказанию, не связанному с лишением свободы, при этом судимость за данное преступление не снята и не погашена. Лицо может иметь судимость за любое преступление (даже по статьям 228, 231, 233 УК РФ), но наказание за ранее совершенное преступление должно быть иное, не связанное с реальным отбытием лишения свободы. Это, например, штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и др.

При предоставлении отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, как и в любом другом случае освобождения от наказания, должна учитываться личность виновного. Отсрочка явно не достигнет своей цели, если к осужденному ранее применялась ст. 72.1 или ч. 5 ст. 73 УК РФ.

Таким образом, в ст. 82.1 УК РФ речь идет о том, что лицо ранее не находилось в местах лишения свободы. Аналогичное понимание термина «впервые назначенное наказание в виде лишения свободы» встречается в судебной практике. Так, апелляционным постановлением Липецкого областного суда от 10 октября 2017 г. по делу № 22-1381/2017 осужденному по ч. 1 ст. 228 УК РФ Догаеву С. А. обоснованно было отказано в отсрочке отбывания наказания в порядке ст. 82.1 УК РФ. Основанием послужило наличие непогашенной судимости по приговору Правобережного районного суда г. Липецка от 6 мая 2014 г. за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 158 и ч. 1 ст. 228 УК РФ, по которым выносилось наказание с применением ч. 2 ст. 69 УК РФ в виде лишения свободы на 1 год 6 месяцев [13].

Как уже было отмечено, основанием применения отсрочки является осуждение лица именно к лишению свободы. Данное положение объясняется тем, что при назначении наказания, не связанного с изоляцией от общества, или при условном

осуждении суд также может возложить на осужденного обязанности пройти курс лечения от наркомании и медико-социальную реабилитацию в порядке ст. 72.1 или ч. 5 ст. 73 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ в связи с этим разъясняет, что суд при наличии оснований обязан выяснить желание не только подсудимого, но и осужденного пройти курс лечения и реабилитации [8]. Следовательно, применение данного вида отсрочки возможно до осуждения лица еще на стадии вынесения приговора, когда прокурор запросил для такого лица наказание в виде лишения свободы. Вопрос об отсрочке исполнения приговора решается судом по ходатайству осужденного, его законного представителя, близких родственников, защитника либо по представлению прокурора. В случае отсутствия ходатайства или представления суд самостоятельно инициирует выяснение у лица, обвиняемого в совершении впервые преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 или ст. 233 УК РФ, его желание пройти курс лечения от наркомании (ст. 398 УПК РФ).

При отсрочке отбывания наказания больным наркоманией перед осужденным встает выбор между лечением и реальным лишением свободы, т. е. этот вид освобождения является своего рода правовой мерой, направленной на создание дополнительных стимулов для больных наркоманией принимать решение о лечении от наркомании и медико-социальной реабилитации.

Нерассмотрение вопроса отсрочки для больных наркоманией является нарушением. Так, постановлением президиума Белгородского областного суда от 24 августа 2017 г. по делу № 44У-64/2017 был отменен приговор Октябрьского районного суда города Белгорода от 14 февраля 2017 года в отношении Манина С. А. в связи с тем, что судом не разъяснялось положение ст. 82.1 УК РФ. Между тем преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, им совершено впервые и согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы он нуждается в прохождении лечения от наркомании, а также медицинской и социальной реабилитации. Дознавателем Манину С. А. была разъяснена ст. 82.1 УК РФ и он дал согласие на медико-социальную реабилитацию с целью лечения от наркомании. Однако данные обстоятельства судом во внимание не приняты, вопрос о возможности отсрочки Манину С. А. отбывания наказания не обсуждался [14].

Диагноз «наркомания» должен быть подтвержден соответствующим заключением судебно-психиатрической экспертизы, которое подлежит оценке судом наряду с иными собранными по делу доказательствами. Заключение эксперта, помимо вывода о наличии диагноза, также содержит указание об имеющихся или неимеющихся медицинских противопоказаниях для проведения лечения больного наркоманией. Срок, необходимый для проведения курса лечения конкретного больного от наркомании и его реабилитации, также устанавливается в заключении эксперта [11]. В случае осуждения лица по ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 или ст. 233 УК РФ и отсутствии в деле данных о том, что он болен наркоманией, суд в подготовительной части судебного заседания в порядке ст. 267 УПК РФ обязан разъяснить права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ и ст. 82.1 УК РФ.

Изъявление виновным желания добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию является одним из условий применения ст. 82.1 УК РФ. При этом осужденный самостоятельно может выбрать клинику: частную (имеющую лицензию) или государственную. Основные положения медико-социальной реабилитации больных наркоманией изло-

жены в приказе Министерства здравоохранения РФ от 22 октября 2003 г. № 500 «Об утверждении протокола ведения больных “Реабилитация больных наркоманией”»[7]. Для лиц, зависимых от наркотических средств или психотропных веществ, реабилитация состоит из трех направлений: медико-социального, профессионально-трудового и социального [1]. Медико-социальную реабилитацию должны осуществлять специализированные лечебные учреждения наркологического профиля. Суд же в своем решении должен указать конкретное учреждение для прохождения лечения [8]. Желание подсудимого добровольно пройти курс лечения от наркомании может быть выражено как письменно, так и устно (в этом случае такое ходатайство отражается в протоколе судебного заседания) на любой стадии процесса до удаления суда в совещательную комнату.

Совокупность указанных оснований и условий позволяет отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы больным наркоманией до окончания курса лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации, но не более чем на пять лет. В дальнейшем, согласно ч. 3 ст. 82.1 УК РФ, такой осужденный, при наличии объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой после окончания лечения и медико-социальной реабилитации составляет не менее 2 лет, освобождается судом от отбывания наказания или оставшейся части наказания. Следовательно, суд окончательно решает вопрос об освобождении осужденного от наказания или от оставшейся части наказания лишь при наличии объективно подтвержденных результатов ремиссии, длительность которой составляет не менее 2 лет после прохождения им лечения и реабилитаций. Основанием такого освобождения выступает существенное снижение либо полная утрата осужденным общественной опасности.

Встречающиеся в научной литературе высказывания о том, что окончательный период рассмотрения вопроса об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания может затянуться и на большее время, вплоть до 7 лет [4, с. 67; 9, с. 110] не соответствует букве закона, поскольку ч. 1 ст. 82.1 УК РФ предусматривает срок не более 5 лет. В приказе Минздрава РФ от 22 октября 2003 № 500 «Об утверждении протокола ведения больных “Реабилитация больных наркоманией”» отмечается, что весь лечебно-реабилитационный процесс может быть условно разделен на следующие основные комплексы: восстановительный, собственно реабилитационный и профилактический. Максимальная продолжительность восстановительного и реабилитационного периода составляет 2 года, продолжительность профилактического строго индивидуальна и определяется стабильностью интегрированности больного в общество, но должна быть не менее одного года [7]. Таким образом, если рассматривать максимальный период с точки зрения медицины, то речь идет о трех и более годах. Во взаимосвязи с ч. 3 ст. 82.1 УК РФ, где акцент сделан на ремиссии, составляющей не менее 2 лет, указание на 5 лет отсрочки вполне обосновано.

По прохождению лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации с учетом заключения лечащего врача и поведения осужденного, уголовно-исполнительная инспекция, которая весь период отсрочки осуществляла за осужденным контроль, направляет в суд представление об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания [6]. Суд, на основе указанного представления, принимает окончательное решение.

Таким образом, отсрочка отбывания наказания больным наркоманией представляет собой одну из форм реализации уголовной ответственности для лиц, злоупотребляющих психоактивными веществами. Анализ практики применения нормы обнаруживает ряд проблем, связанных с тем, что реабилитация и социализация лиц больных наркоманией находится в зачаточном состоянии, а все усилия направлены на лечение, что свидетельствует о некоторой декларативности нормы. Между тем опасность рецидива у лиц, проходивших лечение от наркомании, высока и вопросу реабилитации, ее методикам должно уделяться не меньшее значение, иначе достижение конечной цели в виде стойкой длительной ремиссии, улучшения физического состояния и ресоциализации становится не возможным.

Список литературы:

1. ГОСТ Р 54990-2012. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Реабилитационные услуги лицам, зависимым от наркотических средств, психотропных веществ и алкоголя. Основные виды социальных услуг: Приказ Росстандарта от 18.09.2012 № 327-ст. М.: Стандартинформ, 2012.
2. Данные судебной статистики о состоянии судимости в России за 2013–2016 гг // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79.
3. Звонов А. В., Пикин И. В. Некоторые вопросы применения и исполнения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 2 (35). – С. 21–25.
4. Землюков С.В., Ермакова О.В. Проблемы реализации отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // Известия алтайского государственного университета. – 2015. – № 2 (86). – С. 66-68.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 50. – ст. 7362.
6. Об утверждении Порядка осуществления контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания осужденными, признанными в установленном порядке больными наркоманией: Приказ Минюста России № 169, Минздрава России № 425н от 7 июля 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru, 22.07.2015.
7. Об утверждении протокола ведения больных «Реабилитация больных наркоманией»: приказ Министерства здравоохранения РФ от 22.10.2003 № 500 // Бюллетень Минюста РФ. – 2004. – № 1.
8. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ и «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 11.
9. Примак А.А. Правовая природа отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2015. – № 2 (19). – С. 106–113.
10. Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (в ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8.
11. Пункты 35.1 и 35.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами (в ред. от 16.05.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 8.
12. Смеленко Э.М. Особенности уголовной ответственности лиц, злоупотребляющих психоактивными веществами: дисс. …канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2015. – 236 с.
13. Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]: Судебная практика по уголовным делам, 2018. URL: http://sudact.ru/regular/doc/SdoOCzPgQJL4/.
14. Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]: Судебная практика по уголовным делам, 2018. URL: http://sudact.ru/regular/doc/o2ep67Oh3clN/.

Kosyanenko E.V. Bases and conditions of application of a delay of serving sentence by the patient with drug addiction // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 209–214.

The delay of serving sentence by the patient with drug addiction is manifestation of liberalization of the criminal legislation. This type of release from serving sentence has the reasons and conditions in the presence

of which granting a delay is possible. The analysis of provisions of norm on a delay of serving sentence by the patient with drug addiction has revealed controversial issues of realization of this institute of the right.

Key words: punishment delay, sick drug addiction, bases and conditions of a delay, realization of a delay.

Spisok literaturyi

1. GOST P 54990-2012. National standard of the Russian Federation. Social service of the population. Rehabilitation services to the persons dependent on drugs, psychotropic substances and alcohol. Main types of social services: Order of Rosstandart 18.09.2012 of 327-st. M.: Standartinform, 2012.
2. Data of judicial statistics on a condition of criminal record in Russia for 2013 – 2016 years // The Official site of Judicial department at the Supreme Court of the Russian Federation [An electronic resource]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79.
3. Zvonov A.V., Pikin I.V. Some questions of application and execution of a delay of serving sentence by the patient with drug addiction // Bulletin of the Vladimir legal institute. – 2015. – № 2 (35). – P. 21-25.
4. Zemlyukov S.V., Ermakova O.V. Problems of realization of a delay of serving sentence by the patient with drug addiction // News of the Altai state university. – 2015. – № 2 (86). – P. 66-68.
5. About introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and separate acts of the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation from 07.12.2011 №. 420-Fl // Collection of the legislation of the Russian Federation. – 2011. – №. 50. – Art. 7362.
6. About the statement of the Procedure of control of observance of conditions of a delay of serving sentence by the convicts recognized in accordance with the established procedure as patients with drug addiction: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation №. 169, Russian Ministry of Health № 425n of July 7, 2015 [An electronic resource]. URL: http://www.pravo.gov.ru, 22.07.2015.
7. About the adoption of the protocol of maintaining patients «Rehabilitation of patients with drug addiction»: order of the Ministry of Health of the Russian Federation from 22.10.2003 №. 500 // Bulletin of the Ministry of Justice of the Russian Federation. – 2004. – № 1.
8. Answers to the questions which have arrived from vessels on application of the federal laws «About Introduction of Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation» of March 7, 2011 № 26-Fl and «About introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and separate acts of the Russian Federation» of December 7, 2011 №. 420-Fl // The Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2012. – № 11.
9. Primak A.A. Legal nature of a delay of serving sentence by the patient with drug addiction // Bulletin of the Siberian legal institute FSKN of Russia. – 2015. – № 2 (19). – P. 106-113.
10. Paragraph 2 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 № 19 «About application by vessels of the legislation regulating the bases and an order of release from criminal liability» (in an edition from 29.11.2016) // The Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2013. – № 8.
11. Paragraphs 35.1 and 35.2 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2006 № 14 «About jurisprudence on cases of the crimes connected with drugs, psychotropic, strong and toxic agents» (in an edition from 16.05.2017) // The Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2006. – № 8.
12. Smelenko E.M. Features of criminal liability of the persons abusing psychoactive substances: diss. … candidate of Law Sciences. – Stavropol, 2015. – 236 p.
13. Judicial and regulations of the Russian Federation. [Electronic resource]: Jurisprudence on criminal cases, 2018. URL: http://sudact.ru/regular/doc/SdoOCzPgQJL4/.
14. Judicial and regulations of the Russian Federation. [Electronic resource]: Jurisprudence on criminal cases, 2018. URL: http://sudact.ru/regular/doc/o2ep67Oh3clN/.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 215–219.

УДК 34-343

АНАЛИЗ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

Куприяшина А. О.

Кемеровский государственный университет

Согласно данным статистической отчетности, современное состояние преступности в исправительных колониях все же остается высоким, что вызывает беспокойство. Пенитенциарная преступность по своему характеру является совокупностью разнообразных преступлений, совершаемых осужденными в период исполнения наказания в виде лишения свободы. Она разнообразна и достаточно неоднородна по своей структуре. Значительная часть совершенных преступлений не попадает под статистику, имея высокую латентность. В статье анализируются преступления, совершенные в исправительных колониях, группы преступлений, возрастные категории осужденных, тяжесть совершенных преступлений, а также опыт совершения преступлений осужденными. Анализ вышеуказанных данных позволяет обратить внимание на необходимость более эффективной работы в сфере предупреждения и выявления преступлений в исправительных колониях, а также их качественное расследование.

Ключевые слов: пенитенциарное преступление, исправительные колонии, анализ криминологической обстановки.

В исправительных колониях всегда существует риск совершения осужденными различных преступлений в отношении самих осужденных, а также сотрудников данных учреждений.

Основными целями в уголовном праве Российской Федерации являются восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений осужденным и иными лицами. Разберемся, насколько достигаются цели, проведя анализ криминологической обстановки.

Согласно данным статистической отчетности, современное состояние преступности в исправительных колониях все же остается высоким. Так, уровень преступности 2017 года при расчете на 1000 осужденных немногим меньше показателя 2006 года. В таблице № 1 представлены показатели, свидетельствующие о высоком уровне преступности 2017 года в исправительных колониях.

Таблица № 1. Показатели преступности в исправительных колониях за 12 лет

Год	Количество осужденных, содержащихся в исправительных колониях для взрослых на конец года	Количество преступлений, совершенных в исправительных колониях для взрослых на конец года
2006	696862	1231
2007	716427	1134
2008	863292	964
2009	724085	894
2010	694638	944
2011	639548	800
2012	585040	887
2013	559841	865
2014	551118	754
2015	525056	838

2016	519601	851
2017	495139	875

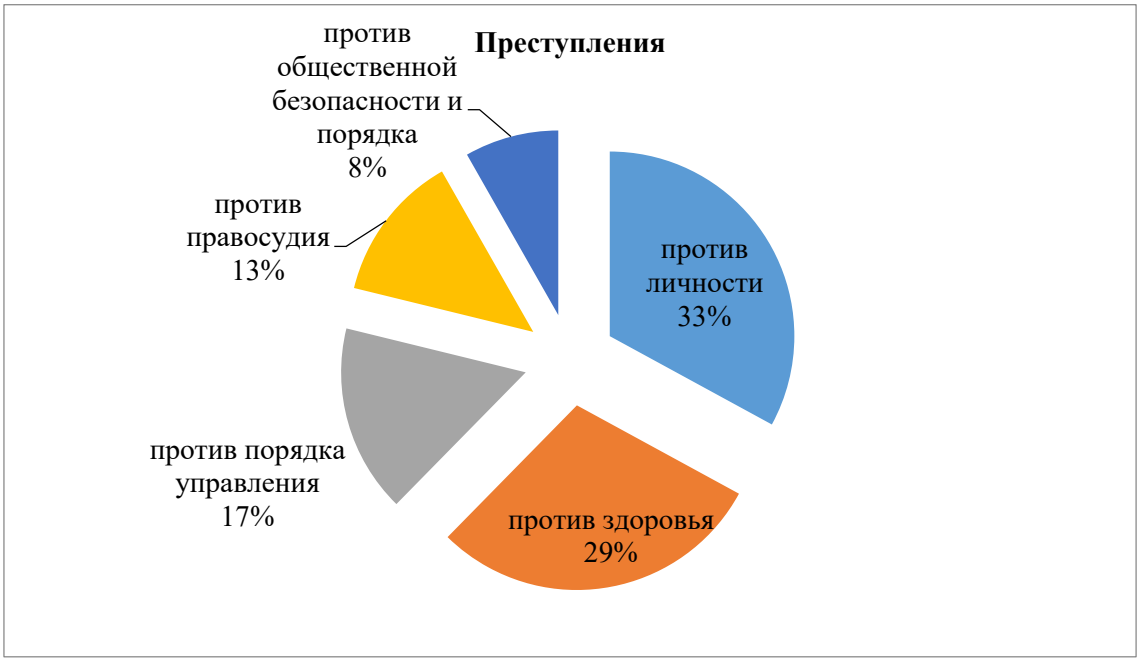
Обратить внимание стоит и на последовательное снижение численности осужденных в исправительных колониях (таблица 1). Сопоставляя 2016 (на 1000 человек – 1,63) и 2017 (на 1000 человек – 1,76) год, можем также видеть рост преступности. Данный факт вызывает большое беспокойство.

Пенитенциарная преступность по своему характеру является совокупностью разнообразных преступлений, совершаемых осужденными в период исполнения наказания в виде лишения свободы. Она не только разнообразна, но и достаточно неоднородна по своей структуре. В нее входят как преступления против общественной безопасности, общественного порядка, личности, здоровья, собственности, правосудия, но также против порядка управления и другие.

Определенно, чаще всего регистрируются преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, побеги и т. д. Стоит отметить, что отдельные преступления имеют большее распространение в исправительных колониях.

Согласно проведенному анализу можем выделить группы, которые отображают наиболее распространенные пенитенциарные преступления.

Таблица № 2

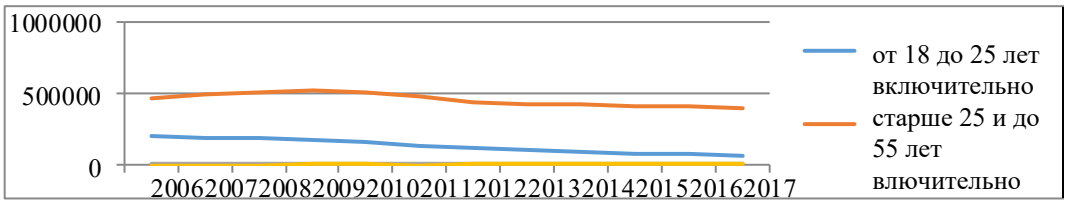


Таким образом, преобладают преступления против личности, а именно: посягающие на жизнь (статьи 105–110 УК РФ), посягающие на здоровье (статьи 111–119 УК РФ), посягающие на честь и достоинство (статьи 129–130 УК РФ), преступления, посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу (статьи 131–133 УК РФ).

Не стоит забывать и о том, что администрация уголовно-исполнительных учреждений умалчивает об уголовно-наказуемых деяниях, совершенных на режимной территории, маскируя их под рядовые конфликты. Не подлежат учету и специфические преступления с высоким уровнем латентности, например: насильственные акты (клевета, оскорбление, истязание и другие). Таким образом, значительная часть совершенных преступлений не попадает под статистику. Так, К. И. Сазонова и А. П. Некрасов отмечают, что официальная статистика преступности в местах лишения свободы не соответствует действительности и является во многом заниженной [1]. В. С. Ишигеев также отмечал данный факт, утверждая, что приведенные в ведомственных источниках темпы и показатели статистического снижения преступности в действительности не соответствуют настоящему положению дел в исправительных учреждениях [2].

Характеризуя осужденных, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, обратимся к таблице 2, где, проследив период в 12 лет, видим, как менялся спецконтингент. С 2006 года до 2017 можно наблюдать, что в исправительных колониях для взрослых в основном содержатся осужденные возрастной категории старше 25 и до 55 лет включительно. Затем идет возрастная категория от 18 до 25 лет включительно. И, наконец, наименьшее количество осужденных в категориях старше 55 до 60 лет включительно, старше 60 лет. Каждая категория имеет свои психологические особенности, на которые стоит обращать внимание как до совершения преступления, в период расследования преступлений, так и при отбывании наказания осужденными.

Таблица № 3. Характеристика осужденных по возрасту



Так, большую часть лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, составляет возрастная категория наиболее высокой потенциальной трудовой активности: старше 25 и до 55 лет включительно. Количество самой молодой категории заключенных от 18 и до 25 лет включительно с каждым годом сокращается. По отношению к 2006 году в 2017 численность самой молодой категории сократилась практически в 1,5 раза. Что же касается оставшихся двух категорий – старше 55 и до 60 лет и старше 60 лет, – число спецконтингента имеет тенденцию к постоянному увеличению.

В случае осужденных, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, возраст имеет немаловажное значение. Возраст является не только количественным понятием, но и абсолютным. Он позволяет индивидуализировать воспитательное воздействие на ту или иную возрастную категорию осужденных, дифференцировать систему отбывания наказания, проводить эффективную психокоррекцию при работе с осужденными и в целом проводить качественную работу по предупреждению и выявлению пенитенциарных преступлений.

Не приходится говорить об успехах борьбы с преступностью в исправительных колониях для взрослых, не только анализируя таблицу 2, но и в связи с увеличением количества спецконтингента совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления.

Следующая немаловажная характеристика осужденных – характеристика по срокам заключения, так как увеличение числа осужденных, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, является одним из факторов роста количества преступлений в исправительных колониях. Обратим внимание, как менялась общественная опасность с 2010 до 2017. В таблице 3 можно видеть, что большее количество осужденных отбывают наказание за тяжкие преступления – умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации (далее УК РФ), превышает пять лет, но не превышает десяти лет лишения свободы.

Таблица № 4. Характеристика осужденных по срокам заключения (наказания)

	2010	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**
1 год	14134	15094	15182	17579	18650	13338	15715	17467
От 1 до 3 лет	143039	128350	112654	110687	112611	101313	104634	100087
От 3 до 5 лет	168590	149135	133258	125780	123986	122991	122117	114208
От 5 до 10 лет	260002	243570	225019	210164	201465	193234	183732	172268
От 10 до 15 лет	78143	72603	67483	63143	62490	62244	61744	61187
От 15 лет	30780	30809	31441	32208	31931	31962	31676	29932

В результате видим, что криминогенный состав осужденных ухудшается, происходит концентрация социально опасных лиц. Учитывая вышеперечисленные характеристики осужденных, содержащихся в исправительных колониях для взрослых, отметим, что основная масса – это психологически зрелые люди, осужденные за совершение умышленных уголовно-наказуемых деяний.

В исправительных колониях для взрослых содержатся осужденные, имеющие выраженную специфику субъекта преступлений, с устоявшимся образом жизни, а также имеющие знания и опыт в сфере совершения преступлений, обладающие высоким уровнем латентности. Об этом говорит М. К. Гайдай и Ю. Р. Герасимова: «В местах лишения свободы остаются наиболее криминализированные осужденные, социально запущенные личности, для которых нарушение норм и запретов – основа жизни, сущностная черта» [3]. Данный фактор можно проследить в период с 2013 по 2017 год (таблица 5).

Таблица № 5. Характеристика осужденных, которые осуждены к лишению свободы

	2013	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**
Впервые	200786	201101	194310	192421	185718
Второй раз	156110	142172	131300	125218	115944
3 и более раз	202965	207860	199472	201979	193487

Так, в исправительных колониях для взрослых большая часть осужденных содержалась за преступления, совершенные 3 и более раз, что свидетельствует об их устойчивой криминальной мотивации, а также нежелании вести законопослушный образ жизни. Такие критерии осужденных говорят об их социальной неорганизованности, искаженном представлении о справедливости. Это усложняет процесс исполнения наказаний.

Проанализированные статистические данные говорят о том, что в исправительных колониях происходит концентрация социально опасных лиц на небольших территориях, что создает благоприятные условия для совершения преступлений. Укрытие статистического учета дает возможность избежать осужденным должного наказания. В понимании все большего количества осужденных насилие становится нормой в повседневной жизни. Все это являет собой факторы негативных процессов, возникающих в среде осужденных, препятствуя исполнению наказания в виде лишения свободы.

Казалось бы, реформирование уголовно-исполнительной системы должно было привести к улучшению криминогенной обстановки в исправительных колониях, но происходит констатация высокой криминальной активности в исправительных колониях (без учета латентных преступлений), неиспользование возможностей учреждений, слабой эффективности профилактической деятельности, недостаточность уровня профессиональной подготовки сотрудников, а также неучтенных особенностей преступности в исправительных колониях.

Список литературы:

1. Гайдай М. К., Герасимова Ю. Р. Пенитенциарная преступность: цифры и факты. – URL: https://cyberleninka.ru/article/v/penitentsiarnaya-prestupnost-tsifry-i-fakty 25.04.2018.
2. Ишегеев В. С. Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность. – URL: http://www.dissercat.com/content/penitentsiarnye-prestupleniya-kharakteristika-preduprezhdenie-otvetstvennost.
3. Некрасов А. П., Сазонова К. И. Незаконный оборот наркотиков в местах лишения свободы- проблема современности // Рос.следователь. 2011. № 18. С. 30.
4. Шалагин Е. А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в местах лишения свободы. – URL: https://cyberleninka.ru/article/v/kriminologicheskaya-harakteristika-i-preduprezhdenie-prestupleniy-sovershaemyh-v-mestah-lisheniya-svobody.
5. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. – URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/.

Kupriashina A.O. Analysis of criminological situation in penal colonies // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 215–219.

According to statistical reports, the current state of crime in penal colonies remains high, which is a cause for concern. Penitentiary crime by its nature is a set of various crimes committed by convicts during the execution of the sentence of deprivation of liberty. It is diverse and quite heterogeneous in its structure. A significant part of the crimes committed do not fall under the statistics, having a high latency. The article analyzes the crimes committed in penal colonies, groups of crimes, age categories of convicts, the severity of the crimes committed, as well as the experience of committing crimes by convicts. The analysis of the above data allows us to draw attention to the need for more effective work in the field of prevention and detection of crimes in correctional colonies, as well as their qualitative investigation.

Key words: penitentiary crime, correctional colonies, analysis of criminological situation.

Spisok literatury

1. Gajdaj M. K., Gerasimova YU. R. Penitenciarnaya prestupnost': cifry i fakty. – URL: https://cyberleninka.ru/article/v/penitentsiarnaya-prestupnost-tsifry-i-fakty 25.04.2018.
2. Ishegeev V. S. Penitenciarnye prestupleniya: harakteristika, preduprezhdenie, otvetstvennost'. – URL: http://www.dissercat.com/content/penitentsiarnye-prestupleniya-kharakteristika-preduprezhdenie-otvetstvennost.
3. Nekrasov A. P., Sazonova K. I. Nezakonnyj oborot narkotikov v mestah lisheniya svobody- problema sovremennosti // Ros.sledovatel'. 2011. №18. S. 30.
4. SHalagin E. A. Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh v mestah lisheniya svobody. – URL: https://cyberleninka.ru/article/v/kriminologicheskaya-harakteristika-i-preduprezhdenie-prestupleniy-sovershaemyh-v-mestah-lisheniya-svobody.
5. Harakteristika lic, soderzhashchihsya v ispravitel'nyh koloniyah dlya vzroslyh. – URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 220–225.

УДК 343.72

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ

Никульченкова Е. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье поднимаются проблемы толкования и применения на практике ст. 159.2 УК РФ, в рамках которых исследованы объект и предмет мошенничества при получении выплат, понятие социальных выплат, понятие «иных выплат», особенности диспозиции указанного состава преступления и спорные вопросы включения пенсий в состав диспозиции ст. 159.2 УК РФ. Сформулирован вывод, что объектом ст. 159.2 УК РФ являются общественные отношения в сфере получения государственных социальных выплат, а предметом – денежные средства, предназначенные для социальных выплат, а также иное имущество, предназначенное для передачи физическим лицам в качестве мер социального обеспечения, установленных законами и иными правовыми актами.

Ключевые слова: мошенничество при получении выплат, социальные выплаты, «иные выплаты», компенсации, социальные пособия, пенсии, объект, предмет преступления.

Учеными справедливо отмечается, что разнообразие мошеннических уловок, непрекращающиеся процессы их видообразования и постоянного приспособления к изменяющейся экономике являются одной из криминогенных закономерностей рынка. Эта закономерность определяет процесс усложнения непосредственных объектов мошенничества [1, с. 9].

В теории уголовного права объектом преступления являются общественные отношения, охраняемые уголовным законом. В диспозиции ч. 1 ст. 159.2 УК указывается на хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем предоставления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

Сложность применения данной нормы на практике состоит в том, что правоприменителю необходимо обращаться к многочисленным законам, где дается законодательное определение видов социальных гарантий и компенсаций, определяется круг лиц, имеющих право на получение таких выплат, а также условия, при которых данные выплаты можно получить.

Мошенничество при получении социальных выплат предполагает хищение средств при получении пособий, гарантий, компенсаций и других выплат социального характера, выплачиваемых из социальных фондов страхования, которые установлены трудовым и социальным законодательством России.

Вместе с тем, по мнению некоторых ученых, использование термина «выплата» для обозначения процесса передачи нуждающимся лицам в качестве мер социальной защиты не денежных средств, а иного имущества (медикаменты, протезы, транспортные средства и т. п.) является некорректным с точки зрения юридической

техники. Буквальное толкование ст. 159.2 УК позволяет сделать вывод о том, что в ней предусмотрена ответственность только за совершение хищения, но не установлена ответственность за приобретение права на чужое имущество. Последнее означает, что право на имущество не относится к предмету данного вида мошенничества. Такое решение законодателя не совсем понятно. Ограничив предмет хищения только социальными выплатами, законодатель в качестве обязательного дополнительного объекта данного преступления определил общественные отношения в сфере социального обеспечения [2, с. 87].

Ввиду указанного полагаем, что объектом анализируемого преступления выступают общественные отношения в сфере охраны социальных выплат различного характера из государственного или муниципального бюджета. В силу большого количества видов данных социальных выплат в объекте анализируемого деяния идет прямое указание на предмет преступления, которым выступают денежные средства и иное имущество.

Формулировка диспозиции ст. 159.2 УК РФ представляется не совсем удачной, поскольку содержит термин «иные социальные выплаты», не раскрывающийся законодателем, что требует дополнительного анализа.

Так, С. Петров полагает, что к таким выплатам относятся любые выплаты, целью которых является обеспечение гарантий социальной защиты граждан, установленной Конституцией РФ в качестве одной из основных обязанностей государства, а также пенсии, выходные пособия, доплаты и иные материальные средства, предоставление которых обусловлено социальной поддержкой граждан государством, предприятиями и организациями [3, с. 81].

Данное утверждение представляется спорным, так как не все социальные выплаты могут быть предметом преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ.

В соответствии со ст. 12 Федерального закона «О государственной социальной помощи» [4] государственная социальная помощь осуществляется в виде предоставления малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам социальных пособий, социальных доплат к пенсии, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров.

Виды государственной помощи осуществляются путем денежных выплат или натуральной помощью. Социальное пособие предполагает безвозмездное предоставление гражданам определенной денежной суммы из средств какого-либо бюджета страны (федерального, регионального, местного). Выплата субсидий имеет несколько иное значение – у нее целевое назначение и предоставляется она в виде полной или частичной оплаты услуг, например коммунальных (жилищная субсидия) и других.

На получение социальной доплаты к пенсии имеют право пенсионеры в виде определенной денежной суммы до величины прожиточного минимума пенсионера. Кроме того, это может быть ежемесячная денежная выплата, включающая стоимость набора социальных услуг.

Гражданам могут предоставляться субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в том случае, если их расходы на оплату превышают величину, соответствующую максимально допустимой доле расходов граждан на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в совокупном доходе семьи [5].

В соответствии с Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [6] государство предоставляет следующие пособия на детей:

- пособие по беременности и родам;
- единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности;
- единовременное пособие при рождении ребенка;
- ежемесячное пособие по уходу за ребенком;
- пособие на ребенка;
- единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью;
- единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву;
- ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву.

Федеральным законом «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [7] установлены следующие выплаты:

- пособие по временной нетрудоспособности;
- пособие по беременности и родам;
- единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности;
- единовременное пособие при рождении ребенка;
- ежемесячное пособие по уходу за ребенком;
- социальное пособие на погребение [8].

В соответствии с Федеральным законом «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [9] работники, пострадавшие во время выполнения трудовых обязанностей в результате несчастного случая или получившие профессиональное заболевание, имеют право на получение следующих видов страховых выплат:

- пособие по временной нетрудоспособности, назначаемое в связи со страховым случаем;
- единовременной страховой выплаты;
- оплату дополнительных расходов, связанных с медицинской, социальной, профессиональной реабилитацией застрахованного на его лечение, приобретение лекарственных препаратов, осуществление домашнего и медицинского ухода, проезда к месту получения лечения и социальной реабилитации, изготовление протезно-ортопедических изделий, обеспечение техническими средствами реабилитации.

Вместе с тем все перечисленные виды пособий не могут выступать предметом мошенничества при получении выплат, так как относятся к страховым выплатам.

В диспозиции ст. 159.2 УК не обозначены отдельно в качестве предмета преступления пенсии, которые являются социальными выплатами в соответствии с пенсионным законодательском России [10].

Мнения ученых-правоведов по поводу включения пенсий в состав диспозиции ст. 159.2 УК неоднозначны. Так, профессор В. Болдырев указывает, что в настоящее время пенсионная система России имеет сложную структуру, так как включает государственный и негосударственные пенсионные фонды. Кроме того, структура самой пенсии включает базовую (социальную), страховую часть и накопительную,

которой может сам пенсионер распоряжаться по своему усмотрению, то есть передавать ее для инвестирования в негосударственный пенсионный фонд. Такое запутанное положение дел заставило законодателя воздержаться от прямого упоминания пенсии в числе социальных выплат при конструировании статьи 159.2 УК [11, с. 10].

Мы поддерживаем позицию профессора В. Болдырева о том, что мошенничество с целью получения трудовой пенсии по старости, инвалидности, потери кормильца, социальной пенсии по нетрудоспособности или пенсии, выплачиваемые государственным служащим, сотрудникам правоохранительных органов в порядке государственного пенсионного обеспечения должны квалифицироваться по ст. 159.2 УК [12, с. 11].

Денежные средства на социальные выплаты могут предоставляться из всех видов бюджетов: федерального, регионального, местного.

В рамках анализа объекта и предмета преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК, проблемы толкования вызывает понятие «компенсации», используемое в диспозиции ст. 159.2 УК. В соответствии со ст. 164 Трудового кодекса РФ (далее – ТК) компенсации – это денежные выплаты, установленные в целях возмещения затрат работника, связанных с исполнением им трудовых обязанностей или поручений работодателя.

Перечень компенсационных выплат, хотя и не в полном объеме, указан в ст. 165 ТК. Такими выплатами будут являться командировочные расходы работника (оплата проезда, оплата проживания, оплата питания в период командировки) или расходы, которые работник понес на приобретение защитной формы одежды для выполнения работы. И здесь возникает вопрос: а можно ли данные компенсации относить к предмету преступления, предусмотренного ст. 159 ч. 2 УК? Ведь здесь речь не идет о социальных выплатах из социальных фондов. Ответ на данный вопрос был дан в Апелляционном определении Московского городского суда от 4 сентября 2013 года, который указал, что компенсация расходов по командировке – это не социальная выплата, а обязанность работодателя по отношению к работнику, которая не подпадает под действие норм социального права, следовательно, не может квалифицироваться по ст. 159 ч. 2 УК, а должно квалифицироваться как простое мошенничество по ст. 159 УК.

Следовательно, мы можем сделать вывод, что не все виды компенсаций могут являться предметом ст. 159.2 УК, а лишь такие, которые подпадают под действие норм социального права и где источниками при получении выплат являются средства государственного или муниципального бюджета либо средства внебюджетных фондов России.

Таким образом, подводя итог анализу объекта и предмета преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК, можно отметить, что, несмотря на все многообразие федеральных законов РФ, устанавливающих государственные социальные выплаты, гарантии и компенсации различного характера, объектом указанного преступления являются общественные отношения в сфере получения государственных социальных выплат. А предметом преступления являются денежные средства, предназначенные для социальных выплат, а также иное имущество, предназначенное для передачи физическим лицам в качестве мер социального обеспечения, установленных законами и иными правовыми актами.

Список литературы:
1. Безверхов А. Мошенничество и его виды: вопросы законодательной регламентации и квалификации / А. Безверхов // Уголовное право. – 2015. – № 5. – С. 8–14.
2. Прозументов Л. Ошибки законодательного построения ст. 159.2 УК РФ / Л. Прозументов, А. Архипов // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 86–88.
3. Петров С. Ответственность за мошенничество в отечественном уголовном законодательстве: вопросы квалификации соучастия и содержания терминологии // Уголовное право. – 2015. – № 5. – С. 80–81.
4. Федеральный закон РФ от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (с изм.) // РГ. – 1999. – № 142.
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. – 2005. – № 1 (часть I). – Ст. 14.
6. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (с изм.) // СЗ РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1929.
7. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (с изм.) // СЗ РФ. – 2007. – № 1 (Часть I). – Ст. 18.
8. Федеральный закон от 12 января 1996 года № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (с изм.) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 146.
9. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (с изм.) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3803.
10. Федеральный закон от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в РФ» (с изм.) // СЗ РФ. – 2001. – № 51. – Ст. 4831; Ст. 5. Федеральный закон от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в РФ» (с изм.) // СЗ РФ. – 2001. – № 51. – Ст. 4832.
11. Болдырев В. Мошенничество с целью получения социальных выплат: предмет преступления / В. Бодырев // Уголовное право. – 2014. – № 3. – С. 4–12.
12. Болдырев В. Указ. соч.
13. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (Часть I). – Ст. 3.
14. Апелляционное определение Московского городского суда от 4 сентября 2013 года по делу № 10-7921/13 [Электронный ресурс]. URL.: http://www.garant.ru/2018.

Nikulchenkova E. V. Problems of interpretation of object and fraud object at payment of payments // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 220–225.

The article raises the problems of interpretation and application in practice art. 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, within the framework of which the object and subject of fraud in the process of receiving payments were investigated, the concept of social payments, the concept of "other payments", the peculiarities of disposing of the specified crime and the controversial issues of including pensions in the composition of art. 159.2 of the Criminal Code. The conclusion is drawn that the object of Art. 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation are public relations in the sphere of receiving state social payments, and the subject is money intended for social payments, as well as other property intended for transfer to individuals, as social security measures established by laws and other legal acts.

Keywords: fraud when receiving payments, social payments, "other payments", compensation, social benefits, pensions, object, subject of crime.

Literature:
1. Bezverkhov A. Fraud and its types: issues of legislative regulation and qualification / A. Bezverkhov // Criminal law. - 2015. - No. 5. - P. 8-14.
2. The arguments of L. Errors of legislative construction Art. 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation / L. Prozumov, A. Arkhipov // Criminal Law. - 2015. - No. 1. - P. 86 - 88.
3. Petrov S. Responsibility for fraud in the domestic criminal legislation: questions of qualification of complicity and content of terminology // Criminal law. - 2015. - No. 5. - P. 80- 81.
4. Federal Law of the Russian Federation of 17.07.1999 No. 178-FZ "On State Social Assistance" (as amended) // RG. - 1999. - No. 142.
5. Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004, No. 188-FZ (amended) // SZ RF. - 2005. - No. 1 (Part I). - Art. 14.
6. Federal Law of May 19, 1995, No. 81-FZ "On State Benefits for Citizens with Children" (amended) // SZ RF. - 1995. - No. 21. - Art. 1929.

7. Federal Law of December 29, 2006, No. 255-FZ "On compulsory social insurance in case of temporary incapacity for work and in connection with maternity" (with amendment) // SZ RF. - 2007. - No. 1 (Part I). - Art. 18.
8. Federal Law of 12 January 1996 No. 8-FZ "On Burial and Funeral Affairs" (amended) // SZ RF. - 1996. - No. 3. - Art. 146.
9. Federal Law of July 24, 1998, No. 125-FZ "On Compulsory Social Insurance Against Occupational Accidents and Occupational Diseases" (amended) // SZ RF. - 1998. - No. 31. - Art. 3803.
10. Federal Law of December 15, 2001, No. 166-FZ "On State Pension Provision in the Russian Federation" (amended) // SZ RF. - 2001. - No. 51. - Art. 4831; Art. 5. Federal Law of December 15, 2001, No. 167-FZ "On Mandatory Pension Insurance in the Russian Federation" (amended) // SZ RF. - 2001. - No. 51. - Art. 4832.
11. V. Boldyrev. Fraud for the purpose of receiving social benefits: the subject of the crime / V. Bodyrev // Criminal law. - 2014. - No. 3. - P. 4-12.
12. V. Boldyrev. Decree. Op.
13. The Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ (amended) // SZ RF. - 2002. - No. 1 (Part I). - Art. 3.
14. Appeal determination of the Moscow City Court of September 4, 2013 in case No. 10-7921 / 13 [Electronic resource]. Access mode: URL.: http://www.garant.ru/2018.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 226–231.

УДК 343

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МАКСИМАЛЬНОГО ВОЗРАСТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Рудик М. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В представленной работе анализируется проблема применения уголовного наказания к лицам, достигшим на момент совершения преступления возраста 60 лет, и отнесение данного критерия в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, в соответствии с закрепленным в уголовном законе принципом гуманизма; данная тенденция распространена не только в нашей стране, но и за рубежом. Это, в свою очередь, становится детерминантом увеличения численности людей пожилого возраста и продолжительности человеческой жизни. Кроме этого, на основании проведенного в статье исследования личности и психологического типа преступника, можно с уверенностью объяснить, описать и проанализировать «пожилую» преступность, а также сделать прогнозы ее состояния в недалеком будущем.

Ключевые слова: преступление, пожилой возраст, наказание, уголовная ответственность, обстоятельства, смягчающие наказание.

Анализируя демографическую ситуацию в Российской Федерации за последние годы, можем прийти к выводу, что сегодня наиболее выражено проявляется тенденция старения населения. Причем стоит упомянуть и том, что данная тенденция распространена не только в нашей стране, но и за рубежом. Это, в свою очередь, становится детерминантом увеличения численности людей пожилого возраста и продолжительности человеческой жизни.

Так, согласно данным статистики с 1950 года по 1999 год по всему миру число лиц в возрасте старше 60 лет увеличилось с 204 млн до 593 млн человек. Можем наблюдать тенденцию, которая демонстрирует увеличение практически в 2 раза. По сегодняшним данным это лишь 10 % от населения мира. Кроме того, Организация Объединенных Наций дает некий прогноз, согласно которому к 2050 году количество вышеуказанной категории лиц может достигнуть 22 % населения нашей планеты, а в наиболее развитых странах может достигать и порядка 33 %. Если подвести небольшие подсчеты, то окажется вполне очевидным, что общее число лиц пожилого возраста будет близко к 2 млрд человек [7, с. 2].

Что касается Российской Федерации, то рассматриваемая категория населения, по мнению исследователей, является наиболее динамичной. Указанный тезис подтверждается следующими цифрами: начиная с 1950 года и заканчивая 1980 годом численность лиц в возрасте старше 60 лет увеличилась в два раза – с 9,4 млн до 18,7 млн человек [7, с. 2].

Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации максимального возраста, по достижению которого нецелесообразно привлекать к уголовной ответственности лицо, не установлено, поэтому, фактически, вполне могут привлечь к уголовной ответственности 80- и 90-летних стариков, если те окажутся здоровыми по результатам психолого-психиатрической экспертизы.

Так, согласно ст. 19 УК РФ, «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». И согласно ст. 20 УК РФ – это, по общему правилу, 16 лет, в случаях четко предусмотренных законом (ч. 2 ст. 20 УК РФ) – 14 лет. То есть законодатель определяет только нижний (начальный) возрастной предел.

Также есть ограничение по двум видам наказания, которые не могут быть назначены мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста, это:

1) пожизненное лишение свободы (ч. 2 ст. 57 УК РФ);

2) смертная казнь (ч. 2 ст. 57 УК РФ).

На практике же к таким лицам суд всегда относится более снисходительно и назначает наименее строгие наказания. Так судили престарелого отца, убившего сына наркомана (осудили именно по ч. 1 ст. 105 УК РФ) и дали условный срок. Или же вообще прекращают дело за деятельным раскаянием (где позволяет категория преступления), что в отношении молодых граждан практически не применяется.

На основании изучения данного вопроса отделом населения департамента экономики и социального развития ООН было проведено исследование, целью которого являлось изучение различных вариантов демографического развития России в XXI веке. Согласно одному из вариантов, существует точка зрения о том, что российское общество претерпит значительные изменения, но наиболее всего в возрастной структуре. По данным ученых, это произойдет, в основном, за счет уменьшения численности трудоспособного населения. Так, по настоящим прогнозам исследователей, с 2000 года по 2050 год численность детей и подростков (до 19 лет) сократится с 26,3 до 19,6 %; численность трудоспособного населения (с 19 до 59 лет) также уменьшится: с 55,2 до 47 %; приблизительно вдвое увеличится численность пожилого населения: с 18,5 до 33,4 % [4, с. 28].

В нынешней литературе делается акцент на изменении возрастной дифференциации населения, которая оставляет отпечаток как на количественных характеристиках преступности, так и на интенсивности преступности лиц отдельных возрастных групп. Такое резкое увеличение числа лиц пожилого возраста, по большому счету, сказывается и на активности данной возрастной группы во всех сферах жизни, в том числе и в совершении преступлений. В. Н. Кудрявцев справедливо отмечает, что увеличение количества пожилых лиц выступает условием, не порождающим преступность, но влияющим на ее количественные показатели [5, с. 349].

В связи с чем актуальным на сегодняшний день является рассмотрение комплекса всевозможных мер по совершенствованию уголовно-правовой политики, дифференциации уголовной ответственности, оптимизации применения мер уголовно-правового характера в отношении лиц названной выше возрастной категории.

Анализ судебной и следственной практики демонстрирует следующую картину. Так, проанализировав большой массив уголовных дел, выявили, что 79 % лиц впервые совершили преступления только в пожилом возрасте, 9 % лиц имеют непогашенные судимости, 12 % – один и более раз совершали преступления в молодом и зрелом возрасте, на момент совершения преступления непогашенных судимостей не имели. Кроме сказанного, имеет место быть практически в половине случаев внезапное возникновение умысла на совершение преступления. К примеру, «23.01.2006 г. Суджанским районным судом В., 1938 г. р., был признан виновным в совершении

преступления, предусмотренного 4.4 ст.111 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет. Как следует из материалов дела, в гости к В. приехал С., брат его жены. Во время застолья С. стал чересчур настойчиво угощать В. привезенной в подарок рыбой. Последнему это не понравилось и, устав отказываться от угощения, он набросился на родственника и стал жестоко его избивать. Получив около 50 ударов, С. умер на месте» [2, с. 94].

Стоит отметить и то что, преступность пожилых лиц практически не имеет различий с преступностью иных возрастных групп. Однако стоит помнить о том, что возраст так или иначе сказывается на поведении человека, его интересах, психологии, физическом состоянии, определении целей и перспектив на будущую жизнь.

Казалось бы, представители старшего поколения и тем более пожилого возраста обладают уже сформировавшимися личностными чертами, свойствами характера и поведения, но на основании проведенного исследования личности данного социального и психологического типа преступника можно с уверенностью объяснить, описать и проанализировать «пожилую» преступность, а тем более и сделать прогнозы ее состояния в недалеком будущем.

К сожалению, не во всех случаях можно четко разграничить особенности преступности пожилых лиц от преступности других возрастных групп, используя только возрастной критерий и традиционно присущие пожилому возрасту признаки. Так, существует мнение, что для молодежи более характерны импульсивность и агрессивность, которые выявляются в результате проведения многих исследований преступников молодого возраста [3, с. 164]. Однако и в изучении механизма подавляющего большинства убийств, совершенных лицами старше 50 лет, как оказалось, присутствовали чувства, связанные с проявлением внезапно вспыхнувшей агрессивности вовне (обида, месть и др.). Что и демонстрирует пример из судебной и следственной практики, изложенный выше.

Основываясь на изложенном и анализе вопроса о возрасте наступления уголовной ответственности, многие авторы обращают внимание на то, что необходимо учитывать как категорию лиц пожилого возраста, так и категорию лиц старческого возраста. Однако изучив большой массив литературы, касающейся данного вопроса, выяснилось, что различий в этих категориях нет. Они являются своего рода синонимами, определяющими лиц, достигшего возраста, установленного законодательством Российской Федерации для назначения пенсии по старости. В связи с этим важным является употребление как в законодательстве, так и в научной литературе более корректных тезисов, чтобы исключить двоемыслия. Как известно, большое количество работ в рамках уголовного права посвящено лишь минимальной границе возраста наступления уголовной ответственности. Сказанное определяется тем, что вопросы, связанные с пожилым возрастом субъекта преступления, в юридической литературе были освещены лишь в последние годы.

Наука уголовного права не располагает единым мнением относительно вопроса о необходимости установления предельной возрастной границы уголовной ответственности для лиц, совершивших преступление в пожилом и старческом возрасте [1, с. 23; 9, с. 22]. Так, большинство ученых полагают, что нет сегодня потребности в специальном уголовно-правовом механизме по реализации ответственности пожилых людей за совершенные преступные деяния. Существуют и иные точки зре-

ния. Так, психолог О. Д. Ситковская, наоборот, отмечает важность и необходимость установления верхнего предела уголовной ответственности.

На наш взгляд, наиболее интересна по данному вопросу позиция Р. И. Михеева, согласно которой «установление же в нормативном акте общей нормы, определяющей максимальный возрастной предел уголовной ответственности, нецелесообразно и противоречило бы уголовно-правовому принципу виновной ответственности. Вина и уголовная ответственность, например пожилых, престарелых или стариков, может исключаться в силу предусмотренных законом обстоятельств (например вследствие невменяемости, вызванной старческим маразмом), а не в силу достижения лицом определенного возрастного предела (например 60 или 70 лет)».

Однако с указанным мнением, на наш взгляд, можно согласиться лишь в некоторой части, поскольку, исходя из предложенного ученым определения максимальной возрастной границы, не следует однозначно факт исключения ответственности лица, достигшего указанного в законе возраста. Считаем справедливым закрепить в уголовном законе дифференцированную ответственность для лиц, достигших определенного возраста, исключить понимание о безответственности таких лиц.

Количественно преступность пожилых, по некоторым физиологическим показателям, значительно уступает, например, преступности несовершеннолетних, однако это является поводом для того, чтобы не совершенствовать законодательство. Ведь попросту недопустимо измерение актуальности исследования и важности того или иного вопроса и, соответственно, совершенствования его согласно законодательству нашего государства. Здесь приоритетом выступает защита интересов рассматриваемой группы лиц как наименее защищенной в правовом отношении категории граждан в современной России и защита интересов лиц, затронутых во время совершения преступлений указанной категорией лиц.

Абсолютно все исследователи различным образом предлагают варианты установления максимального предела пожилого возраста, позволяющего привлекать такое лицо к уголовной ответственности за совершенные им деяния. Так, например, О. В. Барсукова считает, что преступность лиц старше 60 лет (для женщин – 55 лет) является «старческой преступностью» и поэтому вполне обосновано, по ее мнению, установление таких же максимальных возрастных границ наступления уголовной ответственности [3, с. 182].

Интересен, на наш взгляд, опыт зарубежных стран в решении данного вопроса. Согласно классификации Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения пожилым возрастом у мужчин признан возрастной период с 61 года до 74 лет, а у женщин – с 55 до 74 лет; с 75 лет наступает старость. Люди старше 90 лет считаются долгожителями.

Возникает вопрос – какой максимальный возраст наступления уголовной ответственности будет оптимальным и уместным. Как известно, пенсия по старости достигается лицом в 55 лет (для женщин) либо в 60 лет (для мужчин). Основываться на этом тезисе не совсем удачно, а аргументировать – тем более.

Возраст во многом определяет потребности, жизненные цели людей, круг их интересов, образ жизни. Конечно, возраст не является основанием, предопределяющим преступное поведение индивида; однако достижение определенного возрастного порога вносит изменения в характер, меняет отношение лица к девиантному поведению [8, с. 54]. Психологи сходятся во мнении, что у людей пожилого возрас-

та ослабевает процесс внутреннего торможения, что проявляется в многословии, несдержанности, эмоциональной агрессии, раздражительности. В обычных условиях пожилой человек играет роль спокойного наблюдателя, однако в определенных ситуациях способен проявлять крайнюю агрессивность, враждебность в ответ на аморальное (по мнению пожилого) поведение какого-либо лица [6, с. 137].

В пожилом возрасте возможны нарушения в волевой сфере: прежде всего ошибки в понимании определенных ситуаций, в прогнозировании своих и чужих поступков. У некоторых лиц происходят необратимые психофизиологические изменения – в разные возрастные сроки в разной степени. Чаще всего такие изменения личности незаметны, однако у некоторых они могут быть существенными и выступать основанием для признания их ограниченно вменяемыми. В отдельных случаях может наступать полное и необратимое изменение личности и, как следствие, невменяемость.

В данной ситуации, на наш взгляд, целесообразно рассматривать такое состояние пожилых лиц с точки зрения ограниченной вменяемости, поскольку такие лица хотя и приобрели какое-то психическое расстройство в силу возраста, однако полностью еще не утратили способность осознавать свои действия и руководить ими. То есть такие лица являются вменяемыми, однако к ним применяются некоторые ограничения.

При всем сказанном, возраст 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин является оптимальным, поскольку в таком возрасте существенных волевых изменений, изменений характера еще не происходит и, как правило, лица в таком возрасте в большом количестве случаев еще могут отдавать отчет своим действиям. Но при установлении уголовного наказания пожилому лицу не стоит учитывать лишь возраст, но и необходимо прибегать к помощи психологов, которые смогут выявить признаки невменяемости либо проявления каких-либо отклонений в психике, поведении, мышлении и др.

Ярким примером последнего может служить еще один пример из следственной и судебной практики: «Приговором Щигровского районного суда от 27.11.2002 К., 1934 г. р., был осужден по ч. 1 ст. 167 УК РФ к лишению свободы на срок 1 год и 3 месяца. Судом при назначении наказания были учтены “общественная опасность совершенного К. преступления, а также смягчающие обстоятельства – аморальное поведение потерпевшего и совершение К. преступления впервые”. Тот факт, что к моменту совершения преступления К. достиг 68-летнего возраста, судом при вынесении приговора во внимание не принят».

Основываясь на приведенных выше аргументах, считаем необходимым прямо закрепить достижение лицом, совершившим преступление, возраста 60 лет, в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, добавив соответствующий пункт в ст. 61 УК РФ. На необходимость учитывать смягчающие наказание обстоятельства и данные о личности виновного (пожилой возраст) неоднократно обращал внимание и Верховный суд РФ. На наш взгляд, предложенный вариант полностью соответствует принципу гуманизма и исключает возможность игнорировать пожилой возраст субъекта преступления, как это часто случается на практике.

Список литературы:
1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Антонян Ю. М., Волкова Т. Н. Преступность стариков. Монография. – Рязань.: Академия права и управления ФСИН, 2005. – 160 с.
3. Барсукова О. В. Старческая преступность и преступления против лиц пожилого возраста (Криминологические и уголовноправовые проблемы): дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук: 12.00.08. / Барсукова О. В.; Дальневосточный государственный университет – Владивосток: 2003. – 203 с.
4. Бондаренко И. Н. Социально-демографические аспекты проблемы старения населения России и универсальные гуманитарные нормы // Материалы Международного семинара. М., 1995. – С. 28–29.
5. Криминология: Учебник /Под ред. акад. В. Н. Кудрявцева, проф. В. Е. Эминова. – М.: Юрист, 1995. – 512 с.
6. Разумов П. В. Криминологическая характеристика геронтологической преступности и меры ее предупреждения: дисс. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук: 12.00.08. / Разумов П. В.; Ставропольский государственный университет – Ставрополь: 2005. – 192 с.
7. Старение населения в цифрах и фактах - [Електрон. ресурс]. – Способ доступа – URL-http://un.by/ru/unfpa /press-folder /factlist (Дата обращения 06.07.2018 г.).
8. Тарасов К. Е., Галкин В. А. К вопросу о возрастных группах и принципах их классификации // Советское здравоохранение. – 1968. – № 2. – С. 52–56.
9. Тирский В. В., Войтина Н. В. Криминологическое и уголовно правовое значение пожилого возраста // Правовые вопросы борьбы с преступностью. – Томск: Издательство Томского университета, 1984. – С. 20–27.

Rudik M. V. To the question of the establishment of the maximum age of attraction to criminal responsibility // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 226–231.

The article analyzes the problem of applying criminal punishment to persons who reached the age of 60 years at the time of committing a crime and attributed this criterion as a circumstance mitigating punishment in accordance with the principle of humanism enshrined in the criminal law. Taking into account that this trend is widespread not only in our country, but also abroad. This, in turn, becomes the determinant of the increase in the number of older people and the duration of human life. In addition, based on the study of the personality and the psychological type of the offender, it is possible to explain with confidence, describe and analyze "old" crime, and even more so to make forecasts of its condition in the near future.

Key words: crime, old age, punishment, criminal responsibility, circumstances mitigating punishment.

spisok literatury:
1. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on December 30, 2015) // Collection of the legislation of the Russian Federation. - 06/17/1996. - No. 25. - Art. 2954.
2. Antonyan Yu. M., Volkova TN Crime of the elderly. Monograph. - Ryazan: Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, 2005. - 160 p.
3. Barsukova O. V. Old crime and crimes against the elderly (Criminological and criminal law problems): dis. to the soisk. scientist. step. Cand. jurid. Sciences: 12.00.08. / Barsukova OV; Far Eastern State University - Vladivostok: 2003. - 203 p.
4.Bondarenko I. N. Socio-demographic aspects of the aging of the population of Russia and universal humanitarian norms // Proceedings of the International Seminar. M., 1995. - P. 28-29.
5. Criminology: A Textbook / Ed. acad. V.N. Kudryavtseva, prof. V.E. Eminova. - M .: Lawyer, 1995. - 512 p.
6. Razumov P. V. Criminological characteristics of gerontological crime and measures to prevent it: diss. to the soisk. scientist. step. Cand. jurid. Sciences: 12.00.08. / Razumov PV; Stavropol State University - Stavropol: 2005. - 192 p.
7. Aging of the population in figures and facts [Electron. resource]. - Access mode - URL http://un.by/en/unfpa/press-folder / factlist (Date of circulation 06.07.2018).
8. Tarasov KE, Galkin V.A. On the issue of age groups and the principles of their classification / / Soviet health. - 1968. - No. 2. - P. 52-56.
9. VV Tirsky, N. Loginova. Criminological and criminal law value of the elderly // Legal issues of combating crime. - Tomsk: Tomsk University Press, 1984. - P. 20-27.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 232–239.

УДК 34:347.34

ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ЖИЗНИ (ЗДОРОВЬЮ) ПАЦИЕНТА ВСЛЕДСТВИЕ МЕДИЦИНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Старчиков М. Ю.

Юрист, полковник юстиции запаса, Симферополь, Российская Федерация

В статье рассматриваются законодательные пробелы в регламентации вреда, причинённого пациентам вследствие медицинского вмешательства, как одного из условий гражданско-правовой ответственности медицинских организаций. Выделяется и аргументируется специфика вреда, причинённого жизни (здоровью) пациента вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи (услуг). В статье предлагается авторское определение вреда жизни (здоровью), причинённого пациентам в здравоохранительной сфере как умаления принадлежащих им нематериальных (жизни, здоровья, соответствия их внешности общепринятым эстетическим критериям и других) или материальных (обусловленных непредвиденными расходами для восстановления здоровья) благ, а также причинения им физических или нравственных страданий вследствие действий (бездействия) медицинских работников. Автором сделаны предложения по совершенствованию законодательной регламентации возмещения морального вреда пациентам, пострадавшим от ненадлежащего врачевания, в том числе – расширению арсенала возможных форм возмещения морального вреда, использованию зарубежной практики ведения правовых реестров по так называемым врачебным делам.

Ключевые слова: пациент, медицинская организация, вред, моральный вред, возмещение вреда, гражданско-правовая ответственность

При рассмотрении понятия вреда как одного из условий гражданско-правовой ответственности следует констатировать, что в цивилистике отсутствует его легальное определение.

В целом, как правильно отмечается некоторыми авторами, «в юридической литературе понятие вреда не является однозначным и строго определённым» [1, с. 70].

Вместе с тем, как правильно указывает К. В. Егоров, «учёные, рассматривая данную категорию как основание или условие гражданско-правовой ответственности, понимают под вредом неблагоприятные для субъекта гражданского права имущественные или неимущественные последствия» [2, с. 45].

Нами также разделяется точка зрения авторов, подразумевающих под вредом в широком смысле ущерб, выражающийся как в уменьшении имущества потерпевшего, так и всякое умаление нематериального блага, к которому, прежде всего, относятся жизнь и здоровье [3, с. 44].

Согласно определению судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 января 2015 года по делу № 81-КГ14-19, «по смыслу ст. 1064 ГК РФ вред рассматривается как всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любое неблагоприятное изменение в охраняемом законом благе, которое может быть имущественным или неимущественным (нематериальным)».

В соответствии с пунктом 1 статьи 1085 ГК РФ при повреждении здоровья гражданину возмещению подлежит утраченный заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное пи-

тание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных транспортных средств, подготовка к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет права на их бесплатное получение.

Следует отметить несомненную специфику вреда, причинённого жизни (здоровью) пациента вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи (услуг).

Во-первых, субъектами возникающего по этому поводу отношения выступают пациент (заказчик) и медицинская организация.

Во-вторых, объектом правонарушения являются важнейшие нематериальные блага, принадлежащие пациенту – его жизнь и здоровье; кроме того, могут быть нарушены имущественные права пациента (например несением им материальных затрат для устранения последствий обострившегося заболевания, исправления допущенных дефектов в лечении и т. п.).

В-третьих, любое медицинское вмешательство в организм человека может носить вредоносный характер.

В-четвёртых, как правило, вред жизни (здоровью) пациента причиняется внешне правомерными действиями медицинских работников.

Как вполне логично отмечает К. В. Егоров, «пределы правомерности вреда в рамках медицинского вмешательства предопределяются добровольным информированным согласием пациента и надлежащим (непротивоправным) осуществлением медицинской деятельности» [4, с. 37].

В некоторых подзаконных нормативных актах сделаны попытки дать определение вреда (ущерба), причиняемого гражданину (физическому лицу).

В соответствии с пунктом 2 Правил определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека (далее – Правил), и Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (далее – Медицинских критериев) под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды.

Однако в данных Правилах и Медицинских критериях понятие вреда указывается с точки зрения определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека (а не только пациента), в том числе, например, вследствие преступных действий вне здравоохранительной сферы.

Лишь немногими авторами сделаны попытки раскрытия сути категории «вред» применительно к гражданско-правовой ответственности в области медицинской деятельности.

Так, в трактовке В. С. Абдулиной, вред в сфере оказания медицинских услуг – «неблагоприятные последствия противоправных действий лица, возникшие в имущественной и неимущественной сферах жизни и деятельности потерпевшего субъекта» [5, с. 197].

К. В. Егоров считает, что в качестве данного вреда следует рассматривать умаление личного неимущественного блага (жизни, здоровья, физической неприкосновенности и человеческой индивидуальности), вызванное врачебным вмешательством, не предусмотренным законом или проведенным без согласия дееспособного

пациента, а равно тем, которое не имеет медицинских показаний, осуществлено небезопасными или некачественными врачебными действиями, а также таким вмешательством, для осуществления которого лечащий врач не отвечает необходимым личным или профессиональным требованиям [6, с. 9].

Е. О. Костиковой под вредом в широком смысле предложено понимать «повреждение здоровья или смерть пациента в результате медицинской ошибки и связанные с повреждением здоровья или смертью пациента негативные имущественные и (или) неимущественные последствия, а под вредом в узком смысле – неблагоприятные последствия (имущественные и неимущественные), возникающие в результате повреждения здоровья, смерти пациента как следствия поведения медицинского работника, не направленного к восстановлению здоровья, сохранению жизни пациента и (или) выходящего за пределы необходимого при оказании медицинской помощи» [7].

Следует полностью согласиться с мнением о том, что «отсутствие адекватного аутентичного толкования термина “вред здоровью” создаёт не только теоретические проблемы медико-юридического характера, но и порождает существенные трудности в правоприменительной практике и доказывает научную необходимость научной разработки названной проблемы» [8, с. 81].

Для разработки определения вреда жизни (здоровью), причинённого пациентам в здравоохранительной сфере, необходимо провести как анализ указанной выше нормативно-правовой базы, так и выводов, сделанных иными авторами.

Так, недостатками дефиниции К. В. Егорова является то, что под вредом им понимается умаление лишь личного неимущественного блага человека. Однако вред как следствие оказания медицинских услуг может привести к нарушению имущественных прав пациента (например непредвиденным расходам для восстановления здоровья, необходимостью приобретения дорогостоящих медикаментов и т. п.).

Кроме того, медицинская помощь оказывается не только лечащими врачами, но и иными категориями медицинских работников.

В. С. Абдулина вообще не выделяет как специальный субъект причинения вреда в данной сфере (медицинского работника), так и специальный объект (пациента).

Определение вреда Е. О. Костиковой в ракурсе «следствия поведения медицинского работника, не направленного к восстановлению здоровья, сохранению жизни пациента», охватывает слишком широкий круг действий (например, когда машина скорой помощи случайно совершает наезд на пациента).

Раскрывая понятие и сущность вреда как одного из условий наступления гражданско-правовой ответственности медицинских организаций вследствие ненадлежащего врачевания, особо выделим такую его разновидность, как моральный вред.

Как правильно отмечается некоторыми авторами, ныне «значительно возросло количество исковых заявлений, содержащих, наряду с требованием возмещения материального ущерба, причиненного ненадлежащим оказанием медицинской помощи, требование о компенсации морального вреда» [9, с. 108].

В статье 151 ГК РФ моральный вред достаточно кратко определяется как физические или нравственные страдания, причинённые гражданину.

Более подробно суть данной категории раскрывается в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 1 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», согласно которому под мо-

ральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, связанный с ненадлежащим врачеванием, может заключаться и в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием врачебной тайны, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

Например «чувство боли в области шеи, осиплость голоса у пациента, пострадавшего в результате повреждения возвратного нерва при операции по удалению зоба, является моральным вредом…» [10, с. 108].

Судами общей юрисдикции достаточно часто принимаются решения об удовлетворении морального вреда, причинённого пациентам медицинскими организациями.

Так, согласно апелляционному определению судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 03 августа 2017 года по делу № 33-11294/2017, «при определении размера компенсации морального вреда судебная коллегия принимает во внимание все вышеизложенные обстоятельства, учитывает длительный (более 2 лет) период лечения истца в целях восстановления здоровья, неоднократные стационарные госпитализации и перенесенные оперативные вмешательства, систематическое употребление лекарственных средств, что, безусловно, повлекло для истца испытание тяжелых физических и нравственных страданий».

Законом ныне предусмотрена лишь возможность денежной компенсации причинённого морального вреда, в том числе – вследствие оказания ненадлежащей медицинской помощи (статья 151, пункт 1 статьи 1001 ГК РФ).

Из пункта 2 статьи 1001 ГК РФ усматривается, что размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости.

Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

Как отмечается по этому поводу в Постановлении Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П, к числу способов защиты личных неимущественных прав гражданина, если нарушающими эти права действиями ему причинен моральный вред, статья 151 ГК Российской Федерации относит возложение судом на нарушителя обязанности денежной компенсации.

Однако единственная форма возмещения морального вреда пациентам, пострадавшим от ненадлежащего врачевания, не способствует полноте реализации компенсаторной функции данного правового института.

В решении Советского районного суда города Новосибирска от 28.12.2017 по делу № 2-1586/17 справедливо указывается, что моральный вред по своему характеру не предполагает возможности его точного выражения в деньгах.

Гораздо эффективнее в ряде ситуаций могут быть иные формы возмещения морального вреда: например прохождение пострадавшим пациентом реабилитационного курса психологического профиля, организация его повторного лечения, приобретение необходимых лекарственных препаратов и т. п.

К тому же далеко не всегда суд имеет возможность точно определить размер возмещения морального вреда (именно в денежной форме), полностью достаточный для фактической ликвидации его последствий для пациента.

Это может быть обусловлено как факторами, связанными с состоянием медицинской науки (в отношении диагностирования заболевания, степени тяжести его последствий, продолжительности и сложности лечения и т. п.), так и иными обстоятельствами (например инфляционными процессами).

Законодательное закрепление не только денежной формы возмещения морального вреда даст возможность суду обязать медицинскую организацию выполнить конкретные действия (или обеспечить их оплату) в пользу пациента с указанием желаемого результата (например – до устранения рубцов вследствие неудачной пластической операции), за ненадобностью, не определяя их точную стоимость.

Как правильно отмечается некоторыми исследователями, с учетом «специфической сферы рассматриваемых правоотношений… у пострадавшего в результате ненадлежащего оказания медицинской помощи пациента должно быть право выбора вида компенсации морального вреда» [11, с. 108].

Другой проблемой практического использования вышеуказанных законодательных положений является ситуация с определением размера компенсации возмещения морального вреда в денежной форме.

Согласно данным судебной практики, по схожей категории «врачебных дел» размер морального вреда, подлежащего взысканию с медицинских организаций в пользу пациентов может различаться в десятки раз.

Так, например, моральный ущерб, причинённый пациентам вследствие ненадлежащего оказания медицинских услуг в сфере стоматологии при установке имплантатов, был определён некоторыми судами общей юрисдикции при рассмотрении гражданских дел следующим образом: 10 тысяч рублей (решение Центрального районного суда г. Оренбурга от 16 мая 2917 года по делу № 2-232/2016); 25 тысяч рублей (решение Ленинского районного суда Санкт-Петербурга от 14 июля 2017 года по делу № 2-199/2017); 75 тысяч рублей (решение Свердловского районного суда г. Красноярска от 07 апреля 2017 года по делу № 2-435/2017 (2-7633/2016); 290 тысяч рублей (решение Кашинского городского суда Тверской области от 26 июля 2017 года по делу №2-126/2017 года).

Вряд ли можно посчитать целесообразным ввести «систему таксовых компенсационных выплат за вред, причинённый пациенту…например,… размер компенсации за потерю здорового зуба может составлять…50 тыс. руб. …» [12, с. 209], или руководствоваться, кроме иного, материальным положением лица [13, с. 220] и т. п.

В первом случае достаточно сложно сопоставить размер «таксовых» страданий, причинённых ребёнку или взрослому человеку, мужчине или женщине (каждая личность уникальна); во втором – уменьшение размера возмещения морального вреда у пациента с большими доходами вряд ли логично, поскольку от этого фактора не зависит степень перенесённых данным лицом моральных страданий.

Вместе с тем при определении размера, подлежащего возмещению в денежной форме морального вреда, возможно применить зарубежный опыт ведения так называемых правовых реестров.

Так, особенностью подхода немецкой судебной практики к размеру возмещения морального вреда является то, что судами «учитываются размеры сумм, определенные судами по аналогичным делам…извлечения из таких решений систематизируются и публикуются, что предоставляет судам основу для формирования позиций … относительно однообразного применения законодательства в аналогичных делах. Причем сумма компенсации… соотносится с изменениями общеэкономической и социальной ситуации в стране» [14].

1. Принимая во внимание результаты проведённого анализа, мы предлагаем:

а) изложить статью 151 ГК РФ в следующей редакции: «Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда, если иная форма компенсации не предусмотрена законом»;

б) дополнить статью 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» следующим понятием: «Вред, причинённый пациентам при медицинском вмешательстве – умаление принадлежащих им нематериальных (жизни, здоровья, соответствия их внешности общепринятым эстетическим критериям и других) или материальных (обусловленных непредвиденными расходами для восстановления здоровья) благ, а также причинение им физических или нравственных страданий вследствие действий (бездействия) медицинских работников»;

в) изложить пункт 9 части 5 статьи 19 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в следующей редакции: «Возмещение вреда, причиненного здоровью при оказании ему медицинской помощи, в том числе – в денежной форме».

2. Для обеспечения единообразной правоприменительной практики предлагается создать реестр судебных решений по делам, связанным с возмещением морального вреда гражданам (в том числе – от вредоносного врачевания).

Список литературы:

1. Даутбаева-Мухтарова А. Е. Гражданско-правовая ответственность при причинении вреда жизни и здоровью пациента. – Право и государство. – 2016. – № 1 (70). – С. 69–73.
2. Егоров, К. В. Правомерное и неправомерное причинение вреда в сфере медицинской деятельности: гражданско-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ Егоров Константин Валентинович. – Казань, 2006. – 190 с.
3. Цыганова, О. А., Мартынов, Е. А., Ившин И. В. Гражданско-правовая ответственность медицинских работников за причинение вреда здоровью пациентов при осуществлении профессиональной деятельности: учебное пособие/ под редакцией Т. Г. Светличной / О. А. Цыганова, Е. А. Мартынов, И. В. Ившин. – Архангельск: Издательство Северного государственного медицинского университета, 2009. – 177 с.

4. Егоров К. В. Вред как условие деликтной ответственности в сфере медицинской деятельности // Практическая медицина. – 2006. – № 16. – С. 37–38.
5.Абдуллина В. С. Условия гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере медицинских услуг // Казанский медицинский журнал. – 2007. – № 2. Том 88. – С. 197–200.
6. Егоров К. В. Вред как условие деликтной ответственности в сфере медицинской деятельности // Практическая медицина. – 2006. – №16. – С. 37–38.
7. Костикова Е. О. Возмещение вреда, причинённого жизни или здоровью граждан вследствие медицинской ошибки [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2009. 26 с. // dissercat – электронная библиотека диссертаций: сайт. URL: http://www.dissercat.com/ (дата обращения: 05.08. 2018).
8. Авдеев А. И., Прутовых В. В. Современное законодательство как основа для определения «вред здоровью» // Дальневосточный медицинский журнал. – 2012. – № 3. – С. 80–83.
9. Владимирова А. В. Актуальные вопросы и проблемы компенсации морального вреда, причиненного при оказании медицинской помощи, и пути их решения // Молодой ученый. – 2017. – № 44. – С. 107–109.
10. Абдуллина В. С. Условия гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере медицинских услуг // Казанский медицинский журнал. – 2007. – № 2. Том 88. – С. 197–200.
11. Коробко К. И. Правовое регулирование частной медицинской практики [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Санкт-Петербург, 2010. 180 с. // Dissercat: электронная библиотека диссертаций. URL: http://www.dissercat.com (дата обращения: 02.08.2018)
12. Тоточенко Д. А. Компенсация морального вреда при ненадлежащем оказании медицинской помощи в России и за рубежом // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 2 (26). – С. 206–211.
13. Копик М. И. Проблемы определения размера компенсации морального вреда жертвам терроризма // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2011. – № 2 (15). – С. 220–222.
14. Кравченко Е. Моральный вред: история и реальность // Юридическая практика: газета украинских юристов. 2005. № 33 (399). URL: http://pravo.ua (дата обращения: 25.07.2018).

Starchikov M. Y. Harm reduced bv living (health) of the patient after the medical intervention: legislative gaps and the ways of their response // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 232–239.

The article deals with legislative gaps in the regulation of harm caused to patients as a result of medical intervention, as one of the conditions of civil liability of medical organizations. The specificity of the harm caused to the life (health) of the patient due to inadequate medical care (services) is allocated and argued. The article proposes the author's definition of harm to life (health) caused to patients in the health care sector as a diminution of their non-material (life, health, compliance with their appearance to the generally accepted aesthetic criteria and others) or material (due to unforeseen expenses for the restoration of health) benefits, as well as causing them physical or moral suffering due to the actions (inaction) of medical workers. The author made proposals to improve the legislative regulation of compensation for moral harm to patients affected by improper medical treatment, including the expansion of the Arsenal of possible forms of compensation for moral harm, the use of foreign practice of legal registers on the so – called "medical cases".The article deals with legislative gaps in the regulation of harm caused to patients as a result of medical intervention, as one of the conditions of civil liability of medical organizations. The specificity of the harm caused to the life (health) of the patient due to inadequate medical care (services) is allocated and argued. The article proposes the author's definition of harm to life (health) caused to patients in the health care sector as a diminution of their non-material (life, health, compliance with their appearance to the generally accepted aesthetic criteria and others) or material (due to unforeseen expenses for the restoration of health) benefits, as well as causing them physical or moral suffering due to the actions (inaction) of medical workers. The author made proposals to improve the legislative regulation of compensation for moral harm to patients affected by improper medical treatment, including the expansion of the Arsenal of possible forms of compensation for moral harm, the use of foreign practice of legal registers on the so – called "medical cases".

Keywords: patient, medical organization, harm, moral harm, compensation of harm, civil liability.

Spisok literatury:

1. Dautbaeva-Muhtarova A. E. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' pri prichinenii vreda zhizni i zdorov'yu pacienta. - Pravo i gosudarstvo. - 2016. - № 1 (70). S. 69-73.
2. Egorov, K. V. Pravomernoe i nepravomernoe prichinenie vreda v sfere medicinskoj deyatel'nosti: grazhdansko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03/ Egorov Konstantin Valentinovich. – Kazan', 2006. – 190 s.
3. Cyganova, O. A., Martynov, E. A., Ivshin I. V. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' medicinskih rabotnikov za prichinenie vreda zdorov'yu pacientov pri osushchestvlenii professional'noj deyatel'nosti: uchebnoe

posobie/ pod redakciej T. G. Svetlichnoj / O. A. Cyganova, E. A. Martynov, I. V. Ivshin. – Arhangel'sk: Izdatel'stvo Severnogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta, 2009. – 177 s.
4. Egorov K. V. Vred kak uslovie deliktnoj otvetstvennosti v sfere medicinskoj deyatel'nosti // Prakticheskaya medicina. - 2006. - №16. - S.37-38.
5.Abdullina V. S. Usloviya grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za narusheniya v sfere medicinskih uslug //Kazanskij medicinskij zhurnal. - 2007. - № 2/tom 88. - S. 197-200.
6. Egorov K. V. Vred kak uslovie deliktnoj otvetstvennosti v sfere medicinskoj deyatel'nosti // Prakticheskaya medicina. - 2006. - №16. - S.37-38.
7. Kostikova E.O. Vozmeshchenie vreda, prichinyonnogo zhizni ili zdorov'yu grazhdan vsledstvie medicinskoj oshibki [EHlektronnyj resurs]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. Moskva, 2009. 26 s. // dissercat – ehlektronnaya biblioteka dissertacij: sajt. URL: http://www.dissercat.com/ (data obrashcheniya: 05.08. 2018).
8. Avdeev A. I., Prutovyh V. V. Sovremennoe zakonodatel'stvo kak osnova dlya opredeleniya «vred zdorov'yu» // Dal'nevostochnyj medicinskij zhurnal. - 2012. - № 3. - S.80-83.
9. Vladimirova A. V. Aktual'nye voprosy i problemy kompensacii moral'nogo vreda, prichinennogo pri okazanii medicinskoj pomoshchi, i puti ih resheniya // Molodoj uchenyj. 2017. №44. S. 107-109.
10. Abdullina V.S. Usloviya grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za narusheniya v sfere medicinskih uslug //Kazanskij medicinskij zhurnal. - 2007. - № 2/tom 88. - S. 197-200.
11. Korobko K. I. Pravovoe regulirovanie chastnoj medicinskoj praktiki [EHlektronnyj resurs]: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.03. Sankt-Peterburg, 2010. 180 s. // Dissercat: ehlektronnaya biblioteka dissertacij. URL: http://www.dissercat.com (data obrashcheniya: 02.08.2018)
12. Totochenko D. A. Kompensaciya moral'nogo vreda pri nenadlezhashchem okazanii medicinskoj pomoshchi v Rossii i za rubezhom // Aktual'nye problemy ehkonomiki i prava. - 2013. - №2 (26). -S.206-211.
13. Kopik M. I. Problemy opredeleniya razmera kompensacii moral'nogo vreda zhertvam terrorizma // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2011. - № 2 (15). - S. 220-222.
14. Kravchenko E. Moral'nyj vred: istoriya i real'nost' // YUridicheskaya praktika: gazeta ukrainskih yuristov. 2005. № 33 (399). URL: http://pravo.ua (data obrashcheniya: 25.07.2018).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 240–244.

УДК 346

К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ В СФЕРЕ ЖКХ

Титова К. А.

Краснодарский университет МВД России

При расследовании уголовных дел о хищениях в сфере жилищно-коммунального хозяйства часто возникает вопрос о возмещении ущерба потерпевшим. Автор отмечает, что термин «вред» не закреплен понятийно в УПК РФ, несмотря на его упоминание в нем. Анализируются виды вреда, установленные в УПК РФ. Многогранность рассматриваемых проблем позволила автору осветить вопросы, касающиеся возмещения имущественного вреда потерпевшим, как наиболее часто встречающиеся в практической деятельности следователей.

На основе обобщения судебно-следственной практики приведены основные меры обеспечительного характера, предпринимаемые следователями в процессе предварительного расследования рассматриваемых уголовных дел. Показаны факторы, оказывающие негативное влияние на применение мер обеспечительного характера при расследовании уголовных дел данной категории и предложены пути решения, направленные на их преодоление

Предложены оригинальные изменения в УПК РФ, касающиеся создания отдельной главы 14.1 УПК РФ «Обеспечительное производство», которая позволит оптимизировать работу по возмещению ущерба по делам данной категории.

Ключевые слова: преступления, жилищно-коммунальное хозяйство, расследование уголовных дел, хищение, размер причиненного вреда, судебные экспертизы, ущерб, способы подготовки, совершение и сокрытие хищений, предварительная проверка материалов, наложение ареста на имущество.

Жилищно-коммунальное хозяйство для страны и общества является очень важным сектором экономики, «однако в нем продолжают наблюдаться негативные тенденции, направленные на снижение уровня соблюдения режима законности в данной сфере, лицами, выполняющими организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, несмотря на все меры, предпринятые государственными и правоохранительными органами, по их недопущению» [1, с. 7].

В средствах массовой информации постоянно происходит освещение вопросов, касающихся роста коррупции, хищений в сфере ЖКХ. Так, в Иркутской обл. «в связи с некачественным предоставлением коммунальных услуг и отказе в перерасчете платы за них Нижнеудинской межрайонной прокуратурой в интересах 14 собственников жилых помещений многоквартирного дома в суд предъявлены исковые заявления к управляющей организации о компенсации морального вреда, взыскании неустойки (в размере 3 % за каждый день просрочки) и штрафа (в размере 50 % от присужденной судом суммы в пользу потребителя). Иски прокурора удовлетворены, во исполнение судебных решений гражданам произведен перерасчет указанной платы и выплачены денежные средства на общую сумму более 33 тыс. рублей» [3].

На борьбу с данными проявлениями подключаются не только органы прокуратуры всей страны, но органы предварительного расследования.

В сфере ЖКХ встречаются различные экономические преступления, но наиболее распространенными являются хищения и присвоения денежных средств, в том числе внесенных собственниками жилья в многоквартирных домах в счёт оплаты на текущий и капитальный ремонт общего имущества. Преступления данной категории носят резонансный характер. Зачастую расследование таких уголовных дел берется на особый контроль в связи с многочисленными пострадавшими гражданами, и число таких пострадавших с каждым годом неуклонно растет.

В уголовно-процессуальном законодательстве в п. 1 ч. 1 ст. 6 закреплено, что одним из основных назначений уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в том числе и по уголовным делам о хищениях в сфере ЖКХ. На органы предварительного расследования и суд возложена обязанность устанавливать характер и размер вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), в том числе принимать меры к обеспечению возмещения имущественного вреда потерпевшей стороне. (ч. 3 ст. 42 УПК РФ) и т. д.

Следует отметить, что понятие «вред», которое так часто встречается в УПК РФ, не было включено законодателем в ст. 5. Однако согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ физическому лицу может быть причинен физический, имущественный, моральный вред, а юридическому лицу – вред его имуществу и деловой репутации.

В гражданском праве под вредом понимается всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага (например жизни, здоровья, чести, достоинства и т. д.). Гл. 59 ГК РФ прописывает возмещение убытков, возникающих вследствие причинения вреда. В частности, в ст. 15 ГК РФ установлено, что лицо, право которого нарушено (в том числе совершением преступления), может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

УПК РФ, регулируя возмещение физического, материального и морального вреда, причиненного потерпевшему от преступления, дублирует общие правила, установленные для разрешения иска в гражданском процессе:

1) имущественный вред, причиненный преступлением, возмещается на основании ч. 3 ст. 42, ст. 44, ч. 1 ст. 299 УПК РФ и ст. 1064–1083 ГК РФ [4];

2) физический вред, причиненный преступлением жизни или здоровью гражданина, возмещается на основании ст. 1084–1094 ГК РФ [4];

3) моральный вред (физические или нравственные страдания), причиненный преступлением нематериальным благам и личным неимущественным правам потерпевшего, возмещается на основании п. 1 ст. 151 ГК РФ и ч. 1 ст. 44 УПК РФ [4; 5]. «В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 “Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда” разъяснено, что нематериальными благами являются жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. д., неимущественными правами – право на пользование своим именем, право авторства, другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности» [2].

Моральным вредом признаются физические или нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими имущественные права гражданина. Так, согласно ч. 4 ст. 42 УПК РФ по иску потерпевшего возмещению в денежном выражении подлежит моральный вред независимо от того, какие права (блага) его нарушены: неимущественные или имущественные. Согласно ст. 1099–1101 ГК РФ моральный вред подлежит не возмещению, а компенсации.

В данной работе хотелось бы остановиться на некоторых проблемах возмещения имущественного вреда по делам о хищениях в сфере ЖКХ.

Как правило, потерпевшие, которым преступлением был причинен имущественный вред, желают, чтобы им был возмещен данный ущерб.

Вопрос о возмещении материального ущерба по делам о хищениях в сфере ЖКХ является очень важным направлением в деятельности органов предварительного расследования.

Анализ судебно-следственной практики по делам о хищениях в сфере ЖКХ позволяет выделить ряд факторов, оказывающих негативное влияние на применение мер обеспечительного характера:

Во-первых, латентность данных видов преступлений и их продуманная схема, связанная с выбором способов подготовки, совершения и сокрытия хищений имущества, денежных средств, принадлежащих управляющим компаниям, ТСЖ.

Во-вторых, при проведении предварительной проверки не всегда принимаются соответствующие оперативные меры, направленные на установление похищенного имущества, денежных средств, подлежащих аресту.

В-третьих, отсутствует эффективное взаимодействие с оперативными работниками ОБЭП и ПК, привлекаемых как при оперативном сопровождении материалов предварительной проверки, так и во время предварительного расследования.

В-четвертых, у подозреваемых, обвиняемых лиц отсутствует похищенное имущество либо они, например, успели перевести денежные средства на счета других подставных лиц, офшоры или распорядиться ими по-своему усмотрению.

Следует отметить, что эффективность работы по возмещению ущерба должна начинаться именно со стадии возбуждения уголовного дела. Именно на этом этапе должна максимально собираться необходимая информация, касающаяся движимого и недвижимого имущества, денежных средств на счетах в банках, принадлежащих лица, в отношении которых проводится данная проверка. Данные меры будут способствовать оперативному реагированию со стороны следователя, оперативного работника и подбору комплекса мер, направленных на возмещение ущерба.

Опрос следователей, расследующих уголовные дела данной категории, показал, что ими применяются следующие основные меры обеспечительного характера:

1) устанавливается имущество и денежные средства подозреваемых (обвиняемых) лиц и накладывается на них арест;

2) в ходе выемок и обысков изымается имущество, добытое преступным путем;

3) причиненный преступлением ущерб возмещается добровольно подозреваемым (обвиняемым) лицом.

Следователи, расследующие уголовные дела о хищениях в сфере ЖКХ, разъясняют подозреваемым (обвиняемым) право добровольного возмещения причиненного ущерба, что, несомненно, учитывается судами и указывается в приговоре по уголовному делу и является обстоятельством, смягчающим наказание.

Если не происходит добровольного возмещения ущерба, то в такой ситуации следователи, как правило, дают оперативным работникам поручение о производстве обысков в жилище, с целью установления похищенного имущества, направляют письменные запросы в банковские учреждения и в другие организации, занимающиеся регистрацией прав на движимое, недвижимое имущество (ГИБДД, ФСГГК и К и др.), регистрацией счетов.

В то же время при рассмотрении ходатайств следователей о наложении ареста на имущество суд не всегда согласовывает данные обращения. Прежде всего такими причинами, выступающими в данной ситуации, являются:

1) расчетные счета в банковских организациях принадлежат юридическим лицам (УК, ТСЖ и др.);

2) не в полном объеме собраны материалы, подтверждающие принадлежность имущества подозреваемому (обвиняемому);

3) потерпевшие по уголовному делу не заявили исковые требования.

Для оптимизации работы судебных органов по рассмотрению ходатайств следователей о наложении ареста на имущество следует внести изменение в действующее законодательство, а именно предложить отдельно выделить главу 14.1 УПК РФ «Обеспечительное производство», предусмотрев в данной главе порядок наложения ареста на имущество подозреваемого (обвиняемого), конфискацию имущества, а также меры по обеспечению гражданского иска.

Систематизация данных норм в законе позволит эффективнее осуществлять работу, направленную на возмещение ущерба по делам данной категории.

Список литературы:

1. Гавло В. К., Титова К. А. Проблемы теории и практика предварительного и судебного следствия по делам о хищениях, совершаемых лицами с использованием служебного положения, в сфере жилищно-коммунального хозяйства: монография. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2011. – С. 7.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 4. С. 5–9.
3. Прокурорский надзор в сфере ЖКХ в Иркутской обл.» <http://jkhrus.ru/analitics/5445/> (последнее посещение – 20 апреля 2018 г.).
4. Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51–ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации»// Российская газета. 1994. № 238-239.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – Москва: Проспект, 2018.

Titova K. A. On the issue of compensation for damage in cases of embezzlement in the housing and communal services sector // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 240–244.

When investigating criminal cases of embezzlement in the sphere of housing and communal services, there is often a question of compensation for the victims. The author notes that the term "harm" is not fixed conceptually in the Code of Criminal Procedure, despite its mention in it. The types of harm established in the Code of Criminal Procedure are analyzed. The multifaceted nature of the problems under consideration allowed the author to cover issues related to compensation of property damage to the victims, as most often encountered in the practical activities of investigators. .Based on the generalization of the forensic investigation, the main security measures taken by investigators in the preliminary investigation of the criminal cases under consideration are listed. The factors that have a negative impact on the application of security measures in the investigation of criminal cases in this category are shown and solutions for overcoming them have been proposed. Proposed original changes in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation concerning the creation of a separate chapter 14.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation "Security Production", which will allow to optimize the work on compensation for damage in this category.

Key words: crimes, housing and communal services, investigation of criminal cases, theft, the amount of damage caused, forensic examinations, damage, ways of preparing, committing and concealing theft, preliminary verification of materials, seizure of property.

Spisok literatury:

1.Gavlo V. K., Titova K. A. Problemy teorii i praktika predvaritel'nogo i sudebnogo sledstviya po delam o hishcheniyah, sovershaemyh licami s ispol'zovaniem sluzhebnogo polozheniya, v sfere zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva: monografiya. – M.: Izd-vo «YUrlitinform», 2011. S.7

2.Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 20 dekabrya 1994 № 10 «Nekotorye voprosy primeneniya zakonodatel'stva o kompensacii moral'nogo vreda». Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 1994. № 4. S. 5–9.

3.Prokurorskij nadzor v sfere ZHKKH v Irkutskoj obl.» <http://jkhrus.ru/analitics/5445/> (poslednee poseshchenie – 20 aprelya 2018 g.)

4. Federal'nyj zakon ot 30 noyabrya 1994 g. № 51–FZ «Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii»// Rossijskaya gazeta. 1994. № 238-239.

5. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii. - Moskva: Prospekt, 2018.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 245–256.

УДК 343.351

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА В МИРЕ

Филонов А. В.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье рассматриваются исторические условия и причины социально-экономического и политического характера, обусловившие возникновение и дальнейшее развитие терроризма в мире. Анализ действия этих факторов строится на выяснении исторической обстановки, в которой находил своё проявление каждый из этапов терроризма в мире. Предпринята попытка отделить терроризм как социально-политическое явление от ряда преступлений, имеющих некоторые признаки терроризма, которые совершались в древности. Уделяется внимание идейным течениям, использованным террористами для обоснования своих целей и методов деятельности. Сделан вывод о тесной связи интенсивности терроризма и возможностей распространения в обществе сведений, имеющих высокую социальную значимость. Рассматривается влияние уровня жизни в определённых странах и регионах мира на радикализацию социальных процессов. Затрагивается обусловленность терроризма сильными позициями экстремистских политических сил религиозной и националистической направленности.

Ключевые слова: терроризм, социальное явление, политические движения, информационная среда, идеологическое обоснование, глава государства и высокопоставленные чиновники, исторические причины и условия, политические причины и условия, социально-экономические причины и условия, тайные организации, террористические методы, убийство, взрывы, захват заложников, радикальные движения.

Рассматривая те или иные аспекты терроризма как социального явления, невозможно его объективно оценить без учёта тех социально-политических причин и условий, которые привели к его появлению и обусловили его существование до настоящего времени. В итоге будет сложно получить адекватное представление о сущности процесса, который развивался в течение столетий и был следствием целого ряда социально-экономических причин, не затронув истории появления и развития этого явления. Рассматривая подходы учёных России и стран СНГ – И. Г. Яковенко, М. Д. Литвинова, В. А. Серденёва, в которых освещаются истоки терроризма, по нашему мнению, уместно согласиться с позицией И. Г. Яковенко, который высказал мнение, что, обращаясь к истории, большинство авторов, как правило, чрезмерно углубляются в прошлое, приписывая признаки терроризма отдельным случаям и явлениям, имеющим лишь опосредованную причастность к терроризму. На этом основании представляется целесообразным разделить процессы генезиса терроризма на два этапа: предысторию и собственно историю.

Действительно, преступления глубокой древности (например деятельность сикариев и асассинов на Ближнем Востоке), имеющие ряд признаков, делающих их похожими на террористические акты, сложно рассматривать как прямые аналоги современных террористических действий. Одна из основных причин такого положения вещей состоит в отсутствии в древнюю эпоху технологических возможностей для придания деянию максимального резонанса в обществе. При сравнительно небольшом распространении сведений о деянии к минимуму стремится его эффект в виде формирования в обществе обстановки страха. Итак, важным условием формирования терроризма, по нашему мнению, можно считать существование определённой информационной среды, способствующей воздействию на психическое со-

стояние как минимум правящей элиты общества, а максимум – на широкие социальные слои.

С нашей точки зрения, временем предыстории терроризма была эпоха Средневековья, когда разворачивалась борьба клерикальных сил, сплотившихся вокруг Святого престола, с влиятельными королевскими династиями Европы. В этих условиях авторитетные представители католической церкви обосновали правомерность убийства монархов подданными, выдвинув теорию, получившую название монархомахии (от греч. μόναρχος и греч. μάχομαι – «борцы против монархии»). Явление монархомахии в науке принято рассматривать в узком и широком смысле. Так, в узком смысле под ним понимаются взгляды публицистов и политиков второй половины XVI – начала XVII века, а также деятелей эпохи религиозных войн, делавших своеобразную попытку обосновать социальное движение против абсолютной монархии, происходившее во Франции, Нидерландах, Испании, Германии, Шотландии против притязаний. К XVI в. идеи монархомахии получили определенную популярность: считается, что именно под их влиянием были уничтожены монархи, проводившие антикатолический курс – Генрих III Валуа (1589) и Генрих IV (1610) во Франции.

В широком смысле термин монархомахия понимается как практика борьбы против тирании. При этом цели осуществления подобной практики могут быть различны. Это может быть служение идеалам естественного права, проведение в жизнь интересов католической церкви или же стремление ликвидировать любого тирана или узурпатора. Сказанное позволяет считать следующим условием социального характера, благоприятствующим распространению терроризма, создание теорий и концепций, направленных на оправдание применения насильственных методов.

В эпоху европейских революций буржуазного характера видоизменённые идеи монархомахии продолжали вдохновлять приверженцев экстремизма. Ярким примером реализации практики монархомахии могут служить покушения, совершённые во время Великой французской революции. С этого времени практика осуществления террористических актов постепенно стала принимать форму индивидуального террора со стороны организаций и лиц, оппозиционно настроенных к власти, против государственных деятелей правящего режима. Так, в июле 1793 г. Шарлотта Корде д'Армон заколола Жан-Поля Марата.

Со времени возникновения преступлений, имеющих террористический характер, среди деструктивно мыслящих сил общества укрепляется идея о возможности воздействовать на общество путём устранения ключевых политических фигур, в первую очередь правителей и высокопоставленных чиновников.

На наш взгляд, период Великой Французской революции и наполеоновских войн может считаться своеобразной хронологической границей, которая разделяет предысторию и собственно историю терроризма. К тактике индивидуального террора против политических противников начинает присоединяться массовый террор. В эпоху Французской революции массовый террор, осуществляемый от имени революционного режима, стал классическим примером реализации государственного террора, продемонстрировал определённую модель осуществления управления обществом с помощью страха и стал основой механизма формирования тактики терроризма как инструмента достижения политических целей сил, находящихся в оппозиции существующему режиму.

Практика реализации террористических актов для достижения политических целей после завершения наполеоновских войн не только не прекратилась, но и была продолжена, причём она стала приобретать системные черты в пределах международно-правовой системы, возникшей после завершения борьбы с Наполеоном.

Так, в 1820-х в Италии образовались тайные организации, преследовавшие определённые политические задачи. На Сицилии зародилось преступное сообщество – мафия, которая в качестве декларативной ставила цель борьбы с господством Бурбонов в Италии, на деле же ограничивавшаяся доходом от совершения широкого спектра преступлений. В Неаполе в конце XVIII – начале XIX в. возникли организованные преступные группировки или так называемая каморра (название часто производят от итал. camorra – схватка, ссора, хотя общепринятая этимология этого термина отсутствует), распространившая влияние на весь юг Апеннинского полуострова [1, с. 227]. Среди задач обеих организаций было осуществление подкупа и запугивание государственных служащих, прежде всего сотрудников пенитенциарной системы. В определённой мере родственным перечисленным организациям по методам достижения целей было братство карбонариев, создавшее в первой половине XIX века сравнительно широкую сеть первичных организаций на Апеннинском полуострове. Основной декларируемой целью этого объединения была защита сельхозработников от произвола собственников земли. Карбонарии, прибегая к террору, действовали необычно для своего времени: они сначала предупреждали о своих требованиях, а затем, если они не выполнялись, подвергали насилию вплоть до убийства тех, кто не согласился с ними. Деятельность организации карбонариев постепенно приобрела политический характер. В число её целей стала входить борьба с определёнными монархическими режимами, существовавшими на Апеннинском полуострове. Итак, большинство отмеченных нами организаций в той или иной степени использовали террористические методы, запугивая тюремщиков, землевладельцев, офицеров полиции и государственных чиновников.

Однако применение террористической тактики в первой половине XIX в., по нашему мнению, нельзя считать одним из главных методов осуществления политической деятельности, но стремление прибегнуть к ней со стороны различных радикальных организаций усиливалось. В первой половине XIX в. в нескольких европейских странах был осуществлена серия преступлений террористического характера. Так, на короля Франции Луи-Филиппа было совершенно семь покушений, во время одного из них (1835 г.) было убито 18 и ранено 22 человека.

Мы можем констатировать, что уже к середине XIX в. стали совершаться преступления, имевшие большинство признаков террористических актов. Среди таких деяний были попытки убийства (в том числе достигавшие цели) европейских монархов, членов их семей и высших должностных лиц европейских стран, среди которых Наполеон III (1858 г.), герцог Пармский (1854 г.), Фердинанд III Неаполитанский, испанская королева Изабелла (1856 г.), сербский князь Михаил III Обренович (1868 г.), прусский король Вильгельм I и канцлер Германии Отто фон Бисмарк.

Таким образом, мы можем сказать, что к середине XIX в. расширяется диапазон политических движений, которые использовали тактику терроризма. Это можно объяснить действием новых социальных факторов. Среди них усиление антимонархических движений, появление радикального национализма, который до настоящего времени способствует терроризму. К числу террористических по своей сути идеоло-

гий относится также анархизм, формирование которого в целостную политико-философскую доктрину происходило на протяжении 40-х – 70-х гг. XIX в. Примерно в тот же период происходило складывание марксизма, лидеры которого призывали к революционным изменениям существующей общественной системы, что, с нашей точки зрения, уже в этот период не исключало применение террористических методов. Отмеченные тенденции привели к постепенной активизации сторонников терроризма в политике. Это прослеживается в период 1880–1890-х и в начале XX века в европейских странах и США.

Так, в 24 июня 1894 г. в результате террористического акта погиб президент Франции Сади Карно. В 1881 г. также в результате теракта смертельно ранен президент США Джеймс А. Гарфильд, а в 1901 г. – убит президент Мак-Кинли. В отмеченный период террористы прибегали к практике подрыва взрывчатых устройств в многолюдных местах, продолжали убивать государственных деятелей и т. д.

Последствия осуществления радикальными силами практики терроризма в XIX в. заключаются, по нашему мнению, в том, что терроризм приобрёл характер одного из факторов политической жизни. Кроме того, отметим, что период конца XIX – начала XX в. характеризуется относительной активизацией и качественным изменением терроризма с точки зрения его идеологии и методов осуществления. К террористической тактике прибегают различные политические силы, действовавшие во многих государствах Европы, Северной и Латинской Америки, Азии. Именно в это время, на наш взгляд, начинают формироваться международные связи террористов. Кроме того, терроризм в начале XX в. начинает превращаться в своеобразный фактор межгосударственного противостояния. Так, террористические движения в начале XX в. стали получать поддержку от стран, которые выступали как противник государства – объекта террористических посягательств. Таким образом, мы можем сделать вывод, что терроризм последней четверти XIX века можно условно разделить на глобально и локально ориентированный. На начало XX в. приходится формирование политических движений, имеющих собственные политические (фашистские и леворадикальные группировки) или материальные (преступные сообщества, занятые нелегальной торговлей) интересы во многих районах земного шара. При этом для достижения собственных целей или реализации общественных идеалов такие движения стали активно использовать тактику терроризма. В хронологическом порядке это: коммунистические, фашистские и исламско-радикальные движения, которые впоследствии получают международный характер [2].

Первая мировая война и сопутствовавшие ей политические события породили комплекс факторов, обусловивших существование и дальнейшее развитие терроризма уже в межвоенную эпоху.

Важной тенденцией после завершения Первой мировой войны стала поддержка террористических группировок со стороны спецслужб авторитарных и тоталитарных режимов. Стала расширяться территориальная сфера действия терроризма. На наш взгляд, это было следствием целого ряда нерешённых национальных проблем и появления новых противоречий в данной сфере. Это вовлекало в орбиту деятельности террористических организаций новые регионы мира, одним из них в межвоенный период стал Ближний Восток.

Государственный терроризм в качестве одного из способов сохранения власти стали последовательно применять авторитарные и тоталитарные режимы, возникшие в первой половине XX в. В Германии примерами осуществления террора были действия штурмовиков Рема с момента прихода Гитлера к власти и до «ночи длинных ножей», когда наиболее активные члены отрядов штурмовиков были уничтожены (30 июня 1934 г.).

С другой стороны, и политика «экспорта революции» была тесно связана с использованием тактики терроризма. В течение 1920-х гг. при Коминтерне создавались школы для западноевропейских и американских коммунистов, где осуществлялось обучение методам террора. И. Г. Яковенко утверждает, что ответственность за взрыв в Софии (1925 г.) несёт компартия Болгарии, находившаяся под влиянием спецслужб СССР [2]. Данное событие в столице Болгарии можно, по нашему мнению, расценивать как неудачную попытку совершить государственный переворот. Вместе с тем сходную тактику использовали и оппоненты революционных движений. Так, в 1934 г. при попытке фашистского переворота в Австрии, сторонники аншлюса при поддержке отряда СС, члены которого были переодеты в австрийскую форму, совершили убийство канцлера Э. Дольфуса. А 9 октября 1934 террористическая хорватская организация усташей совершила в Марселе убийство югославского короля Александра I Карагеоргиевича и французского министра иностранных дел Л. Барту. Формально борясь за независимость Хорватии, усташи в ряде случаев действовали в контакте со спецслужбами фашистской Германии. Однако теракт 1934 г. был, по нашему мнению, направлен на подрыв стабильности международных отношений в целом. Кроме Италии и Германии, терроризм правого или фашистского типа проявил себя в деятельности румынской организации «Железная гвардия» (которая в 1934 г. осуществила убийство премьер-министра Румынии Иона Дуки). Причиной убийства стал запрет премьера на участие в парламентских и местных выборах националистической партии «Легион Архангела Михаила». Фашистские организации Венгрии и Франции во многих случаях также использовали тактику террора.

В США на межвоенный период приходится определённая активизация известной расистской организации Ку-Клукс-Клан. Её сторонники совершали теракты против религиозных и расовых меньшинств, осуществляя покушения на общественных деятелей, которые пропагандировали расовое равенство [2].

Эпоху, начавшуюся после Второй мировой войны, можно считать качественно новым этапом в развитии терроризма. В послевоенный период терроризм распространяется практически по всему миру, значительно трансформируясь. До Второй мировой войны объектами терроризма преимущественно являлись государственные и политические деятели, высокопоставленные должностные лица и военные. Социальные слои, не связанные с властью в зарубежных странах, как правило, не становились объектом террора со стороны радикальных сил и движений. Однако новая характерная черта терроризма была, по нашему мнению, связана с тем, что Вторая мировая война, Холокост и ядерные бомбардировки японских городов кардинально изменили восприятие ценности человеческой жизни в глобальных масштабах. Следствием этого было формирование терроризма почти в его современном виде. Именно в этот период субъектом терроризма становятся организационно оформленные и военизированные политические структуры, имеющие возможность полу-

чать поддержку со стороны определённого государства. Объектами терроризма становятся граждане собственной страны, известные иностранцы, дипломатические учреждения и их сотрудники. Совершение теракта было превращено его организаторами в инструмент давления на официальные власти страны, реализуемое через общественное мнение и международный резонанс.

На развитие послевоенного терроризма оказывал влияние целый ряд факторов, формирующих условия для террористической деятельности. Следует отметить, что после Второй мировой войны национальные проблемы на некоторое время становятся основной проблемой восточных государств. Прекратили существование ряд фашистских режимов, поддерживающих терроризм. Вместе с тем значительную поддержку террористическим движениям стали оказывать государства, принадлежащие к социалистическому лагерю. Кроме того, в 1960-х терроризм стали поддерживать некоторые исламские государства. Во главе этих стран зачастую стояли как сторонники панарабских националистических идей светского характера, так и исламские фундаменталисты.

Несмотря на переход национальных проблем в государства Азиатско-Тихоокеанского региона и в Африку, некоторые очаги национализма сохранились и в Европе. В результате организационное оформление получил ряд сепаратистских движений, признающих одним из главных методов деятельности терроризм. К ним принадлежат ИРА «Ирландская республиканская армия», военизированная группировка, целью которой является достижение полной самостоятельности Северной Ирландии от Великобритании, и ЭТА (Euskadi ta Ascatasuna – «Страна басков и свобода») – леворадикальная организация, ведущая борьбу за полную независимость провинций Бискайя и Гипускоа от Испании. Пик активности ЭТА приходится на 1960–1980-е гг. Одной из её самых известных акций было убийство премьер-министра Испании К. Бланко в 1973 г. Кроме этого, к числу террористических можно причислить организации бретонских и корсиканских сепаратистов во Франции, валлонских в Бельгии [2].

Характерным явлением истории послевоенного Запада стал «левый» терроризм. Он охватил Испанию, Португалию, Францию, Италию, ФРГ, Японию, США, где действовал ряд организаций марксистского, троцкистского и маоистского толка. Очень часто «левые» радикалы стремились внедриться в движения молодёжного и студенческого протеста и даже делали попытки возглавить «молодых бунтарей». Наиболее резонансным преступлением «левых» террористов принято считать похищение и последующее убийство лидера итальянских христианских демократов Альдо Моро (1978 г.).

Большой интерес для исследования причин и условий терроризма представляет переход к тактике террора ряда политических движений, действовавших в странах Латинской Америки. В этом регионе часто сочетались существование военных режимов, возглавляемых диктаторами и хунтами, и сравнительно высокая популярность идеологий левого толка, вплоть до самых крайних. В Бразилии, например, действовали несколько самостоятельных террористических организаций, члены которых совершали покушения, нападения на военные склады оружия, банки, представительства иностранных компаний, вооруженные нападения на должностных лиц полиции и офицеров армии, систематически похищали иностранных дипломатов с выдвижением политических требований. Но бразильская полиция в начале

1970-х годов смогла прекратить действие большинства террористических группировок на территории страны.

В конце 1960-х была создана уругвайская организация «Тупамарос». Её характерной чертой было проведение раздачи денег представителям беднейших слоёв населения, черпая их из средств, экспроприированных в результате вооружённых ограблений. Этой организацией, кроме того, широко практиковалось похищение известных политических деятелей, иностранных бизнесменов и дипломатов. Особенностью этой террористической организации было стремление избегать излишнего насилия. Полиция ликвидировала эту организацию в 1972 г.

Аналогичные по идеологии и методам действия группы возникали и в ряде других стран Южной Америки – Боливии, Колумбии, Чили, Перу, Аргентине. Особого упоминания заслуживает перуанская организация «Сендеро луминосо» («Сияющий путь»), возникшая в 1960г. Ее основатель А. Гусман создал данное политическое движение как «марксистско-ленинскую организацию нового типа». По сути «Сендеро луминосо» представляет террористическую организацию маоистского толка, её идеология впитала в себя положения трудов Мао Цзэдуна и Л. Д. Троцкого, а также были восприняты методы «красных кхмеров» Кампучии. В итоге террор сочетался с партизанскими действиями против правительственных сил. Социальную опору организации представляли индейцы, студенты и преподаватели университета в наиболее бедных департаментах Перу. Конечной целью политической борьбы руководство «Сендеро луминосо» объявило ликвидацию всех видов городских поселений, возвращение к натуральному хозяйству, отказ от современной техники и архитектуры. В середине 1980-х годов против организации «Сендеро луминосо» полицией Перу во взаимодействии с вооружёнными силами были предприняты активные действия. При этом «силовые» ведомства Перу получили поддержку населения. Во время правления президента Альберто Фухимори и его преемника правительство провело кампанию вооружения крестьян департаментов, где действовали отряды «Сендеро Луминосо». Однако в начале XXI века данная организация продолжила совершение террористических актов и антиправительственную борьбу. В период 2012–2015 гг. руководители «Сендеро луминосо» были арестованы, считается, что после этого организация практически полностью прекратила свою деятельность.

Таким образом, основными условиями развития террористических организаций в Латинской Америке, по нашему мнению, является относительно низкий уровень жизни значительной части населения, распространение «левых» идей и взглядов, эклектическое сочетание общественных идеалов троцкизма, маоизма и местных теоретиков марксистского толка, слабость национальной экономики, проникновение на рынок зарубежных и транснациональных компаний, которым приписывался образ врага. Важной особенностью терроризма в данном регионе было ведение на более или менее постоянной основе повстанческой борьбы против военно-диктаторских режимов. Террористы также в определённой мере поддерживали связи с организованными преступными группировками, производящими и ведущими торговлю наркотическими веществами. При этом в ряде случаев террористы выступали в роли сообщников наркокартелей, стремясь получить долю от сбыта наркотиков и обратить полученные средства для достижения своих политических целей.

Собственную специфику имеет терроризм в странах, где друг на друга накладываются национальные и социальные проблемы. Одним из характерных примеров

является ситуация, сложившаяся в Турции. Наряду с курдскими сепаратистами, здесь действовали как «правые», так и «левые» террористические организации. В 1970-х страна вступила в стадию экономической модернизации, сопровождающейся кризисными явлениями, подчас весьма острыми. Это, в том числе, находило проявление в противостоянии правого и левого экстремизма. Террор, широко практиковавшийся экстремистскими организациями, приобрёл безадресный характер: как правило, осуществлялись взрывы в многолюдных местах. Пик активности террористических формирований пришёлся на конец 1970-х гг. Затем правительство нашло способы локализации деятельности турецких террористов. Однако полного прекращения их деятельности не произошло. Вместе с тем в Турции активно развивалось курдское сепаратистское движение, возглавляемое «Курдской рабочей партии», лидером которой долгое время являлся А. Оджалан. Успешное противодействие курдскому терроризму стало возможно только после ареста их лидера 15 февраля 1999 г. Антиправительственные действия курдских сепаратистов, включающие террор, генетически связаны с национально-политическими проблемами, доставшимися Турции после Первой мировой войны и распада Османской империи.

Как мы уже отмечали выше, один из эпицентров терроризма возник на Ближнем Востоке. Главным фактором, порождающим эскалацию экстремизма и терроризма в этом регионе, является палестинская проблема, до настоящего времени не получившая окончательного разрешения. Так, террористическая организация ФАТХ (Harakat at-Tahrir al-Watani al-Filastini) ведёт с Израилем постоянную борьбу, преследуя цель его уничтожения и создания независимого палестинского государства. Эта организация возникла в 1950-х гг. на территории Египта, использовавшего антиизраильскую направленность ФАТХ и снабжавшего движение оружием. Именно в Египте возникли первые учебные лагеря ФАТХ, работавшие под руководством египетских инструкторов. В конце 1950-х гг. движение ФАТХ значительно расширилось, его базы были созданы в целом ряде арабских стран – Алжире, Тунисе, Ливии, Ливане, Иордании. В середине 1960-х начались поставки оружия ФАТХ из КНР. В 1968 г. была сформирована «Организации Освобождения Палестины» (ООП), председателем которой в 1969 г. становится лидер ФАТХ Ясир Арафат. В конце 1960-х – первой половине 1970-х годов ООП получала определённую помощь от СССР. Палестинские боевики проходили обучение в спеццентре в Балашихе и туркменском городе Мары. Кроме СССР, палестинское движение финансово поддерживали Египет и Китай, а Румыния вела поставки оружия. ООП вела долгую и упорную борьбу, включавшую в себя активное ведение террора. Конечной целью этой борьбы было создание палестинской государственности. Возникновение Палестинской автономии (1993 г.) стало возможно благодаря заключению политического компромисса, состоящего в отказе ООП от стремления ликвидировать израильскую государственность и прекращения террора. Вместе с тем террористическую практику до настоящего времени проводит ряд палестинских группировок («Хамас», «Исламский Джихад» и другие), действующих активно и скоординировано.

В данном случае терроризм стал следствием итогов Первой мировой войны и Версальско-Вашингтонской политической системы. Передавая территории на Ближнем Востоке, которые принадлежали Османской империи, так называемые великие державы не учитывали возможность усиления в будущем сионистского движения и возникновения Израиля. Таким образом, основными факторами, обусло-

вившими возникновение и развитие в ближневосточном регионе терроризма, стали международные процессы.

В последние годы сложилась так называемая дуга нестабильности, простирающаяся от Индонезии и Филиппин до Боснии и Албании, практически по всей её протяжённости с различной интенсивностью совершаются террористические акты, связанные с исламскими радикальными и экстремистскими группировками. На наш взгляд, можно согласиться с объяснением названных событий и процессов, выдвинутым известным социологом и политологом С. Хантингтоном, трактовавшим их как межцивилизационное противостояние исламского мира и Запада. Причём государства, принадлежащие к мусульманской цивилизации, находятся в состоянии так называемого кризиса модернизации, а западная цивилизация продолжает динамичное развитие [3, p. 83–85.].

Важным современным фактором, воспринимаемым террористами как благоприятный для их деятельности, является глобализация информационного пространства. Поэтому весьма часто террористы избирают мишенью своих действий европейские страны, где, благодаря сложившемуся информационному обществу, есть возможность получить быстрый и широкий резонанс от проведенного теракта.

Существенным условием возникновения терроризма является постепенное превращение традиционных обществ в модернизированные, ориентированные на либеральные ценности. Характерно, что завершение модернизационных преобразований одновременно означает исчезновение условий для терроризма [2]. Терроризм, как правило, формируется на стыке различных культур либо на рубежах эпох исторического развития. Один из характерных примеров представляет ситуация в Израиле и Палестинской автономии, где исламский мир сталкивается с созданным в результате еврейской эмиграции на Ближний Восток территориальным формированием, во многом имеющем черты европейской цивилизации. С другой стороны, палестинское общество, основанное на традиционных исламских религиозных, культурных, хозяйственных и семейных ценностях, конфликтым образом взаимодействует с социальной структурой Израиля, имеющей целый ряд современных черт. С. Хантингтон проанализировал причины эскалации современного терроризма и для объяснения некоторых причин этого процесса ввёл в научный оборот понятие «цивилизационные разломы». Согласно его концепции в мире существует своеобразное противостояние между различными региональными типами цивилизации – североамериканским, американским, европейским, евразийским, южно-азиатским, юго-восточно-азиатским и австралийским регионами [5, с. 25].

На наш взгляд, необходимо также учитывать влияние национально-освободительных движений на политические процессы. Также существует мнение, что существование международного терроризма является одним из показателей степени несовершенства современной системы регулирования международных отношений в условиях глобализации и информатизации многих сфер жизни мирового сообщества [6, с. 47].

К числу причин, порождающих современный терроризм, как правило, относят ряд социальных противоречий, обусловленных ходом исторического развития. Среди них экономическое неравенство, социальная дифференциация и высокая степень имущественного расслоения общества, социальная напряженность, конфликтность общественных отношений, политические противоречия, слабость и неустойчивость

институтов власти, резкое изменение социальных укладов и осуществления процессов модернизации.

Также выделяется комплекс причин цивилизационного порядка. Несмотря на глобальность, взаимосвязь современного мира, по-прежнему сохраняются значительные различия между многими государствами, регионами и центрами современной цивилизации; народы и государства находятся на разном уровне социально-экономического развития.

В то же время следует учитывать оппозиционные политические организации, использующие террор, которые не возникают в тоталитарных и авторитарных социумах. Образно выражаясь, можно сказать, что авторитаризм и тоталитаризм пользуются собственной монополией на террор. В определенной степени исключением можно считать попытки террористической деятельности уйгурских организаций в Китае.

Также можно сказать, что терроризм, возникнув, сравнительно быстро прекращает существование в странах, где институты власти переживают деградацию или распадаются, исчезает территориальная целостность, нарастают явления гуманитарной катастрофы. Характерными примерами являются Сомали или Афганистан. Можно считать, что перечисленные факторы препятствуют формированию какой-либо стойкой идентичности – национальной или религиозной, террористы не могут сформулировать либо взять на вооружение определённую идеологию.

Важным условием для возникновения и развития деятельности террористических организаций является наличие поддержки или сочувствия со стороны социальных слоёв, которые террористы считают своей опорой. Экстремисты либо рекрутируют из социально или национально близкой среды последователей, либо демонстрируют проведение интересов таких социальных слоёв или групп. В этой связи определённую опасность таят неконтролируемые миграционные и демографические процессы, поскольку их результатом может быть складывание социальной опоры для терроризма [6, с. 39].

Терроризм как массовое и политически значимое явление может рассматриваться как результат утраты в обществе потери идеологических и ценностных ориентиров, когда отдельные группы в обществе приобретают возможность поставить под сомнение законность и легитимность государства и на этом основании оправдывают переход к террору как средству достижения собственных целей [7, с. 86].

В этом отношении интересна точка зрения исследователей терроризма в Российской империи Н. Литвинова и А. Литвиновой, которые отмечают, что антигосударственный террор в большинстве случаев базируется на некоторой экстремистской идее, содержащей цель и мотивацию террористической деятельности. Концептуальное обоснование получает не только тактика терроризма. На основании идей и теорий проводится посттеристичная дискредитация объектов и жертв террора, возвеличиваются террористы [8, с. 39].

По нашему мнению, не следует сбрасывать со счетов условия возникновения терроризма сугубо экономического характера. Так В. А. Романюк, И. Б. Березовский основными условиями применения террора считают процессы интернационализации капитала и структурной перестройки экономических систем развивающихся стран. Изменение роли экономики той или иной страны в системе мирового хозяйства может осуществляться весьма противоречиво и болезненно. Следствием про-

цесса деколонизации часто является изменение места национальной экономики в международном разделении труда. Часто прямой колониальный вывоз ресурсов заменяется сложными методами неоколониального воздействия, проводимых транснациональными корпорациями. Реакцией на эти процессы, как правило, становится формирование национально-освободительных движений, которые могут превращаться в радикально-националистические или религиозно-экстремистские.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие современного терроризма обусловлено, во-первых, укреплением роли религии как следствием процесса изменения ценностных ориентиров во внутренней жизни ряда стран мира; во-вторых, развитием транснациональной организованной преступности и связанной с ней нелегальной торговлей оружием, радиоактивными материалами, наркотическими и психотропными средствами и т. д.; в-третьих, последствиями научно-технического прогресса и совершенствованием глобальных информационных технологий; в-четвёртых, высокими темпами урбанизации в мире [9].

Как социально-политическое явление терроризм обусловлен процессами, происходящими в обществе, и в первую очередь противоречиями в различных его областях. На возникновении и развитии терроризма обозначаются как долгосрочные общественные противоречия, так и мимолетные явления общественной жизни [10]. Среди разного рода условий, характеризующих развитие той или иной страны или региона, могут быть выделены те условия (факторы), которые или обуславливали возникновение и существование терроризма (большая острота, непримиримость межгосударственных или внутренних – в той или иной стране или её части противоречий; колониализм и его рудименты, такие как система политического, национального и социального угнетения; угроза господствующему положению в обществе тех или иных социальных групп и др.), либо способствовали ему (неэффективность международной или внутригосударственной системы борьбы с преступностью и терроризмом, низкая политическая и правовая культура населения, распространение идеологии насилия как метода решения общественных проблем, ухудшение межгосударственных отношений и рост социальной напряженности и т. п.).

Касаясь мотивов действий террористических организаций, А. Жалинский отмечает, что террористов в силу их особого морально-нравственного и ценностного подхода к совершению преступления целесообразно выделить в отдельную группу преступников [11, с. 22]. В. Емельянов по поводу уголовно-правовой характеристики терроризма высказывает мысль, что «всякий терроризм – уголовный и никакого не наказуемого уголовно терроризма не существует» [12, с. 65].

Современная политическая ситуация в мире свидетельствует о возникновении новых форм терроризма, которые динамично развиваются, в результате чего растёт их общественная опасность. Активизация проявлений терроризма в современных условиях вызывает потребность глубокого научного изучения и обобщения деятельности как террористических групп и движений, так и государственных органов, противодействующих им, с учетом исторического и правового развития нашей страны.

Список литературы:

1. Юридична енциклопедія в 6-ти томах. / Гл. ред.: Ю. С. Шемшученко, М. П. Зяблюк, В. Д. Горбатенко та ін. – К.: Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, 1999. – Т. 3. – С. 227.
2. Яковенко И. Г. Терроризм. // Энциклопедия Кругосвет. / И. Г. Яковенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/TERRORIZM.html Дата обращения: 10.04.2018
3. Huntington Samuel P. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. / S. Huntington. – Cambridge: Harvard University Press: 1957. – P. 83–85.

4. Яковенко И. Г. Указ. соч.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 2. – С. 25.
6. Феофанов К. А. Цивилизационные истоки международного терроризма. / К. А. Феофанов // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 3. – С. 47.
7. Конов Д. В. Особенности государственного терроризма в современных условиях: дисс. на уч. ст. канд. полит. наук / Д. В. Конов. – Московский государственный открытый педагогический университет им. М. А. Шолохова. – М., 2006. – С. 86.
8. Литвинов Н. Антигосударственный террор в Российской империи: Исторический очерк. / Н. Литвинов, А. Литвинова // Новый Мир. – 2003. – № 11. – С. 39.
9. Романюк В. О., Березовський І. Б. Проблема тероризму в сучасному політичному процесі. / В. О. Романюк, І. Б. Березовський [Електронний ресурс]. // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). Науково-практичний журнал. – 2003. – № 8. – С. 123.
10. Терроризм и политический экстремизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vimpel-v.com/security/sec_terror/460-terrorizm-i-politicheskiy-ekstremizm.html Дата обращения: 10.04.2018
11. Жалинский А. Терроризм: психологические корни и правовые оценки / А. Жалинский // Государство и право. – 1995. – № 4. – С. 22.
12. Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности: Монография. / В. П. Емельянов. – Харьков: Рубикон, 1997. – С. 65.

Filonov, A. V. Socio-economic and political causes and conditions of terrorism in the world // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P.245-256.

The article examines the historical conditions and causes of socio-economic and political nature, which led to the emergence and further development of terrorism in the world. The analysis of the effect of these factors is based on clarifying the historical situation in which each of the stages of terrorism in the world has manifested itself. An attempt was made to separate terrorism as a socio-political phenomenon from a number of crimes that have some signs of terrorism that were committed in antiquity. Attention is paid to the ideological currents used by terrorists to justify their goals and methods of activity. it was concluded that there is a close connection between the intensity of terrorism and the possibilities of disseminating information of high social significance in the society. The influence of the standard of living in certain countries and regions of the world on the radicalization of social processes is considered. The conditionality of terrorism is affected by strong positions of extremist political forces of a religious and nationalistic orientation

Keywords: terrorism, social phenomenon, political movements, information environment, ideological background, head of state and high-ranking officials, historical reasons and conditions, political reasons and conditions, socio-economic causes and conditions, secret organizations, terrorist methods, murder, explosions, seizure hostages, radical movements.

Spisok literatury:

1. YUridichna enciklopediya v 6-ti tomah. / Gl. red.: YU.S. SHemshuchenko, M.P. Zyablyuk, V.D. Gorbatenko ta in. [Tekst]. – K.: Ukraïns'ka enciklopediya im. M.P. Bazhana, 1999. – T. 3. – S. 227.
2. YAkovenko I.G. Terrorizm. // EHnciklopediya Krugosvet. / I.G. YAkovenko [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/TERRORIZM.html Data obrashcheniya: 10.04.2018
3. Huntington Samuel P. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. / S. Huntington [Text]. – Cambridge: Harvard University Press: 1957. – P. 83-85.
4. YAkovenko I.G. Ukaz. soch.
5. Hantington S. Stolknovenie civilizacij. / S. Hantington [Tekst]. // Polis. – 1994. – № 2. – S. 25.
6. Feofanov K.A. Civilizacionnye istoki mezhdunarodnogo terrorizma. / K.A. Feofanov [Tekst]. // Social'no-gumanitarnye znaniya. – 2004. – № 3. – S. 47.
7. Konov D.V. Osobennosti gosudarstvennogo terrorizma v sovremennyh usloviyah: diss. na uch. st. kand. polit. nauk / D.V. Konov [Tekst]. – Moskovskij gosudarstvennyj otkrytyj pedagogicheskij universitet im. M.A. SHolohova. – M., 2006. – S. 86.
8. Litvinov N. Antigosudarstvennyj terror v Rossijskoj imperii: Istoricheskij ocherk. / N. Litvinov, A. Litvinova [Tekst]. // Novyj Mir. – 2003. – № 11. – S. 39.
9. Romanyuk V.O., I.B. Berezovs'kij Problema terorizmu v suchasnomu politichnomu procesi. / V.O. Romanyuk, I.B. Berezovs'kij [Elektronnij resurs]. // Borot'ba z organizovanoyu zlochinnistyu i korupcієyu (teoriya i praktika). Naukovo-praktichnij zhurnal. – 2003. – № 8. – S. 123.
10. Terrorizm i politicheskij ehkstremizm [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://vimpel-v.com/security/sec_terror/460-terrorizm-i-politicheskiy-ekstremizm.html Data obrashcheniya: 10.04.2018
11. ZHalinskij A. Terrorizm: psihologicheskie korni i pravovye ocenki / A. ZHalinskij [Tekst]. // Gosudarstvo i pravo. – 1995. – № 4. – S. 22.
12. Emel'yanov V.P. Terrorizm i prestupleniya terroristicheskoj napravlennosti: Monografiya. / V.P. Emel'yanov [Tekst]. – Har'kov: Rubikon, 1997. – S. 65. .

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 257–261.

УДК 343.983

ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И ЭКСПЕРТИЗЫ

Чернецкий О. К.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Важным заданием уголовного судопроизводства является усовершенствование порядка проведения следственных действий, образование наиболее оптимальной их системы и повышение эффективности ее реализации. Существенную роль в системе следственных действий играет следственный эксперимент. Однако уже на протяжении продолжительного времени происходит дискуссия о его роли, месте и значении. Сегодня проведение данного следственного действия регламентировано уголовно-процессуальным законодательством как свидетельство того, что следственный эксперимент является следственным действием, которое находится на стадии формирования юридической природы, и отмежёвывает его от других следственных действий.

Ключевые слова: следственный эксперимент, самостоятельное следственное действие, экспертиза.

Научный интерес вызывает подход, представители которого рассматривают следственный эксперимент как самостоятельное следственное действие, которое отличается от других следственных действий своими задачами, содержанием и тактикой проведения, сущность которой, в первую очередь, состоит в проведении опытов [1; 2, с. 53; 3, с. 16; 4; 5, с. 53; 6, с. 40; 7, с. 150; 8, с. 304–305; 9, с. 246; 10; 11, с. 144; 12, с. 203–220; 13; 14, с. 339; 15, с. 330; 16, с. 230].

По нашему мнению, представленная позиция достаточно четко раскрывает сущность следственного эксперимента, его основные конструктивные элементы (деятельность лица, которое проводит эксперимент; предмет экспериментального исследования; экспериментальный характер этого следственного действия), указывается методика экспериментирования, цели следственного эксперимента. Таким образом, «поскольку эксперимент составляет основу, сущность действий следователя, поэтому он выступает как самостоятельное следственное действие» [17, с. 5–6].

Относительно нормативного урегулирования следственный эксперимент в уголовно-процессуальном законодательстве РФ регламентируется в пределах ст. 181 УПК и предусматривает уже самостоятельное следственное действие. Существующий процессуальный порядок проведения является неудовлетворительным, нуждается в доработке и усовершенствовании, поскольку недостаточно полно отображает сущность следственного эксперимента и ограничивает его познавательные возможности. В связи с этим же возникают проблемы при проведении следственного эксперимента. Кроме этого, следственный эксперимент имеет и другие цели: проверка версий, получение новых доказательств, решение тактических задач расследования, принятие тактических решений и т. п.

Исследуя природу следственного эксперимента, обратим внимание на механизм познания события преступления во время данного следственного действия, которое имеет определенные особенности. Речь идет о том, что следователь наблюдает непосредственно не за преступлением, а лишь за его результатом сквозь призму восприятия отображений (материальных или идеальных следов), на основании которых формируется представления о картине преступления и отдельных его элементов. Подчер-

кивая индивидуальность следственного эксперимента, необходимо заметить, что во время следственного эксперимента, в отличие от других следственных действий, происходит наблюдение за не следами преступления, а непосредственно за действиями, способностями или явлениями, аналогичными, подобным, которые, согласно сформированному представлению о картине преступления, возможно, имели место в связи с совершением противоправного действия.

Следственный эксперимент по своему характеру близок к экспертизам, которые в процессе своего проведения требуют осуществления опытов. Применение следственного эксперимента и экспертизы нередко смешиваются. Существуют случаи, когда для решения отдельных вопросов в деле необходимо назначать экспертизу, а проводится следственный эксперимент, или наоборот. «Если следственный эксперимент имеет задачу установить, могло или не могло произойти определенное событие, действие, явление, то и на назначение экспертизы выносится этот же вопрос» [4, с. 6–7]. В связи с этим появляется необходимость в размежевании таких действий, как экспертиза и следственный эксперимент.

Отличие экспертизы от следственного эксперимента состоит в процессуальной природе. Так, экспертиза, в отличие от следственного эксперимента, проводится экспертом на основании обращения стороны уголовного производства или суда. Кроме этого, одной из отличий является то, что следственный эксперимент осуществляется на уровне чувствительного познания, то есть не всегда нуждается в использовании специальных знаний. Но в случае необходимости следователь может привлечь к следственному эксперименту специалиста. В процессе его проведения используется преимущественно экспериментальный метод исследования с использованием научно-технических средств. При проведении экспертизы закон предусматривает использование экспертом специальных знаний в определенной области науки, но методика ее проведения не регламентируется уголовно-процессуальным законом, в то время как при проведении и оценке следственного эксперимента закон не требует от следователя таких знаний, а общий порядок его проведения предусмотрен УПК РФ [12, с. 205]. В этом смысле справедливым будет утверждение Р. С. Белкина о том, что «наглядность, очевидность полученных в результате проведения следственного эксперимента выводов позволяют самому следователю оценить их» [18, с. 19]. Таким образом, субъекты, которые осуществляют названные процессуальные действия, находятся в разном процессуальном положении и могут проводить только те действия, которые входят в них компетенции. Кроме этого, при проведении экспертизы эксперт на основе специальных знаний предоставляет научное объяснение (обоснование) тем или другим фактам путем подведения их под общее опытное положение специальной области знаний, которой он владеет. «В случае, когда нет такого подведения фактов дела под опытное положение и установления таким путем нового факта, – нет и экспертизы» [19, с. 799]. Следственный эксперимент не нуждается в применении такого же опытного положения: в процессе проведения следственного эксперимента устанавливается единичный факт [20, с. 250–251].

При проведении следственного эксперимента следователь занимает активную позицию, то есть непосредственно осуществляет подготовительные действия, руководит, наблюдает за ходом их проведения и результатами (фактами), что отображается им в протоколе следственного действия. Речь идет о высоком (активном) уровне управления следственным экспериментом следователем. Процесс же проведения экс-

пертных исследований и выводы следователь воспринимает опосредованно, поскольку они содержатся в выводах эксперта.

Однако эксперты при проведении судебной экспертизы могут осуществлять опытные действия. По этому поводу в литературных источниках исследовались отдельные вопросы определения сущности, юридической природы и значения эксперимента в пределах проведения экспертизы [21, с. 348; 22, с. 32–33; 23, с. 18–19; 24, с. 9]. Эти опыты Р. С. Белкин называл научным экспериментом: «Опыты, которые проводятся экспертом в процессе исследования, являются научными экспериментами» [18, с. 19]. Следственный эксперимент необходимо отличать от экспертного эксперимента. В этом смысле, кроме различия по субъекту их проведения, необходимо заметить, что «экспертный эксперимент представляет собой стадию, этап экспертного исследования, результаты которого еще не являются результатами всего исследования, не имеют и самостоятельного доказательного значения. Экспертный эксперимент невозможен без владения специальными знаниями в определенной области» [21, с. 34–35]. Таким образом, экспертный эксперимент как метод исследования – «решающее условие при криминалистической экспертизе вещественных доказательств» [25, с. 12]. Однако, несмотря на различие между представленными формами применения экспериментального метода исследования в уголовном процессе, им присущи и общие признаки. Так, во-первых, они являются экспериментами, то есть, в сущности, действиями опытного характера. Во-вторых, они направлены на исследования судебных доказательств. В-третьих, они служат целям уголовного судопроизводства – установлению истины [23, с. 18–19].

Кроме того, следственный эксперимент отличается определенным образом от такого процессуального действия, как получение образцов для сравнительного исследования. Так, полученные экспериментальные образцы всегда нуждаются в экспертном анализе. В оценке же объектов и результатов следственного эксперимента не применяется такой анализ. Кроме того, доказательственное значение процессуального действия – получение образцов для сравнительного исследования – имеет проявление лишь в экспертном выводе [23, с. 21]. Отличие между следственным экспериментом и получением образцов для сравнительного исследования состоит также и в методах, которые применяются с целью проверки фактических данных. В частности, в результате проведения следственного эксперимента применяется специфический метод познания – эксперимент. Для получения результатов другого процессуального действия используется метод сравнения.

Исследуя природу следственного эксперимента, необходимо обратить внимание на механизм познания события преступления во время данного следственного действия, которое имеет определенные особенности. Речь идет о том, что следователь наблюдает непосредственно не за преступлением, а лишь за его результатом сквозь призму восприятия отображений (материальных или идеальных следов), на основании которых формируется представление о картине преступления и отдельных его элементов. Подчеркивая индивидуальность следственного эксперимента, необходимо заметить, что во время следственного эксперимента, в отличие от других следственных действий, происходит наблюдение не следов преступления, а непосредственно действий, способностей или явлений, аналогичных, подобных, которые, согласно сформированному представлению о картине преступления, возможно, имели место в связи с совершением противоправного действия.

Список литературы:
*1.*Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. – М.: Юрид. лит., 1964. – 223 с.
2.Гаврилин Ю. В., Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты): учеб. пособие. – М.: Кн. мир, 2006. – С. 53.
3.Гродзинский М. М. Советский уголовный процесс и криминалистика // Вопросы криминалистики. – М., 1961. – № 1/2. – С. 16;
4.Гуковская Н. И. Следственный эксперимент: пособие для следователя. – М.:Госюриздат, 1958. – 96 с.
5.Гусаков А. Н., Филющенко А. А. Следственная тактика (в вопросах и ответах): учеб пособие. – Свердловск: Изд-во Урал ун-та, 1991. – С. 53.
6.Колмаков В. П. Тактика производства следственного осмотра и следственного эксперимента. – Харьков: Юрид. ин-т, 1956. – С. 40.
7.Криминалистика: учеб. / под ред. А. Г. Филиппова. – М.: Юриспруденция, 2000. – С. 150.
8.Криміналістика: підручник / за ред. П.Д. Біленчука. – 2-ге вид., випр. і допов. – К.: Атіка, 2001. – С. 304–305.
9.Криміналістика: підручник / за ред. В. Ю. Шепітька. – 4-е вид., переробл. і допов. – Х.: Право, 2008. – С. 246.
10. Миньковский Г. М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1956. – 116 с.
11. Настільна книга слідчого. – 2-ге вид., переробл. і допов. – К. : Ін Юре, 2007. – С. 144;
12. Радянська криміналістика. Криміналістична техніка і слідча тактика / за ред. В. П. Колмакова. – К.: Вища шк., 1973. – С. 203–220.
13. Терзиев Н. В. Некоторые вопросы следственного осмотра места преступления*:* учеб. пособие. – М.: ВЮЗИ, 1955. – 62 с.
14. Юридическая психология: терминолог. слов. / под ред. А. М. Бандурки. – Харьков: Тимченко, 2005. – С. 339;
15. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев. – М.: Совет. энцикл., 1984. – С. 330;
16. Яблоков Н. П. Криминалистика*:* крат. учеб. курс. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2002. – С. 230.
17. Глазырин Ф. В., Кругликов А. П. Следственный эксперимент: учеб. пособие. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1981. – С. 5–6.
18. Белкин Р. С. Теория и практика следственного эксперимента. – М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1959. – *С*. *19*.
19. Чельцов М. А., Чельцова Н. В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1954. – С. 79.
20. Бахарев Б. М. Вопросы следственного эксперимента и проверка показаний на месте преступления в новом уголовно-процессуальном законодательстве // Труды / Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. – М., 1963. – Т. 2: Вопросы права, истории и философии. – С. 250–251.
21. Юридична енциклопедія*:* в 6 т. – К.: Укр. енцикл., 1999. – Т. 2. – С. 348;
22. Белкин Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. – М.: Юрид. лит., 1964. – С. 32–33.
23. Белкин Р. С., Белкин А. Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве: метод. пособие. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – С. 18–19.
24. Тригулова А. Х. Экспертное исследование как процесс познания . автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Харьков, 1987. – С. 9.
25. Винберг А. И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. – М.: Госюриздат, 1949. – С. 12.

Chernetsky O. The main differences in the investigative experiment and examination // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 257–261.

An important task of criminal proceedings is to improve the order of investigative actions, the formation of the most optimal system and increase the efficiency of its implementation. The investigative experiment plays a significant role in the system of investigative actions. However, for a long time there has been a discussion about its role, place and significance. At present, the conduct of this investigative action is regulated by the criminal procedure legislation, as evidence that the investigative experiment is an investigative action, which is at the stage of formation of the legal nature, and separates it from other investigative actions. Unlike other investigative actions, when characterizing the investigative experiment, there is no unity of views on its goals, characteristic distinctive features, tactics.

Keywords*:* investigative experiment, independent investigative action, expertise.

Spisok literatury:

1. Arocker L. E. Ispol'zovanie dannyh kriminalistiki v sudebnom razbiratel'stve ugolovnyh del. – M.: YUrid. lit., 1964. – 223 s.
2. Gavrilin YU. V., Pobedkin A. V., YAshin V. N. Sledstvennye dejstviya (ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie aspekty): ucheb. posobie. – M.: Kn. mir, 2006. – S. 53.
3. Grodzinskij M. M. Sovetskij ugolovnyj process i kriminalistika // Voprosy kriminalistiki. – M., 1961. – № 1/2. – S. 16.
4. Gukovskaya N. I. Sledstvennyj ehksperiment: posobie dlya sledovatelya. – M.: Gosyurizdat, 1958. – 96 c.;
5. Gusakov A. N., Filyushchenko A. A. Sledstvennaya taktika (v voprosah i otvetah): ucheb posobie. – Sverdlovsk: Izd-vo Ural un-ta, 1991. – S. 53.
6. Kolmakov V. P. Taktika proizvodstva sledstvennogo osmotra i sledstvennogo ehksperimenta. – Har'kov: YUrid. in-t, 1956. – S. 40.
7. Kriminalistika: ucheb. / pod red. A. G. Filippova. – M.: YUrisprudenciya, 2000. – S. 150.
8. Kriminalistika: pidruchnik / za red. P.D. Bilenchuka. – 2-ge vid., vipr. i dopov. – K.: Atika, 2001. – S. 304–305.
9. Kriminalistika: pidruchnik / za red. V. YU. SHepit'ka. – 4-e vid., pererobl. i dopov. – H.: Pravo, 2008. – S. 246.
10. Min'kovskij G. M. Predely dokazyvaniya v sovetskom ugolovnom processe. – M.: Gosyurizdat, 1956. – 116 c.
11. Nastil'na kniga slidchogo. – 2-ge vid., pererobl. i dopov. – K. : In YUre, 2007. – S. 144.
12. Radyans'ka kriminalistika. Kriminalistichna tekhnika i slidcha taktika / za red. V. P. Kolmakova. – K.: Vishcha shk., 1973. – S. 203–220.
13. Terziev N. V. Nekotorye voprosy sledstvennogo osmotra mesta prestupleniya: ucheb. posobie. – M.: VYUZI, 1955. – 62 c.
14. YUridicheskaya psihologiya: terminolog. slov. / pod red. A. M. Bandurki. – Har'kov: Timchenko, 2005. – S. 339.
15. YUridicheskij ehnciklopedicheskij slovar' / gl. red. A. YA. Suharev. – M.: Sovet. ehncikl., 1984. – S. 330;
16. YAblokov N. P. Kriminalistika: krat. ucheb. kurs. – M. : NORMA-INFRA-M, 2002. – C. 230.
17. Glazyrin F. V., Kruglikov A. P. Sledstvennyj ehksperiment: ucheb. posobie. – Volgograd: Izd-vo VSSH MVD SSSR, 1981. – S. 5–6.
18. Belkin R. S. Teoriya i praktika sledstvennogo ehksperimenta. – M.: Izd-vo VSH MVD SSSR, 1959. – S. 19.
19. CHel'cov M. A., CHel'cova N. V. Provedenie ehkspertizy v sovetskom ugolovnom processe. – M.: Gosyurizdat, 1954. – S. 79.
20. Baharev B. M. Voprosy sledstvennogo ehksperimenta i proverka pokazanij na meste prestupleniya v novom ugolovno-processual'nom zakonodatel'stve // Trudy / Vsesoyuz. yurid. zaoch. in-t. – M., 1963. – T. 2: Voprosy prava, istorii i filosofii. – S. 250–251.
21. YUridichna enciklopediya: v 6 t. – K.: Ukr. encikl., 1999. – T. 2. – S. 348;
22. Belkin R. S. EHksperiment v sledstvennoj, sudebnoj i ehkspertnoj praktike. – M.: YUrid. lit., 1964. – S. 32–33;
23. Belkin R. S., Belkin A. R. EHksperiment v ugolovnom sudoproizvodstve: metod. posobie. – M.: INFRA-M-NORMA, 1997. – S. 18–19;
24. Trigulova A. H. EHkspertnoe issledovanie kak process poznaniya . avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. – Har'kov, 1987. – S. 9.
25. Vinberg A. I. Osnovnye principy sovetskoj kriminalisticheskoj ehkspertizy. – M.: Gosyurizdat, 1949. – S. 12.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 262–268.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 347.232.11

БЕСХОЗЯЙНЫЕ НЕДВИЖИМЫЕ ВЕЩИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аблятипова Н. А., Кравцова А. А.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматриваются актуальные проблемы определения и правового регулирования бесхозяйных недвижимых вещей. Исследованы трудности, связанные с возможностью реализации установления права собственности путем давностного владения бесхозяйной недвижимой вещью, которые обуславливают необходимость совершенствования гражданско-правового механизма обеспечения реализации прав лиц, непосредственно владеющих либо заинтересованных во владении бесхозяйной недвижимой вещью.

Ключевые слова: бесхозяйные недвижимые вещи, приобретательная давность, владение, переход вещи в муниципальную собственность, частная и публичная собственность.

Конституция Российской Федерации и гражданское законодательство закрепляют и гарантируют один из важнейших принципов – принцип неприкосновенности собственности, который не только взаимосвязан с абсолютным характером права собственности, но и имеет непосредственную связь с объектом, без которого он не может существовать [1; 2]. Объекты гражданских правоотношений многообразны, многогранны и имеют свою уникальную специфику. Бесхозяйные недвижимые вещи представляют собой особый гражданско-правовой объект, однако многим проблемам, связанным с правовым режимом данной категории вещей, не уделено необходимого внимания, существует необходимость в совершенствовании механизма их правового регулирования, что обуславливает актуальность данной работы.

Изучением бесхозяйных недвижимых вещей занимался ряд отечественных и зарубежных юристов. Среди отечественных исследователей важную роль в изучении данной проблемы сыграли работы Э. А. Гряды, Е. П. Чорновола и Н. Ю. Челышевой, О. И. Баженовой, Э. С. Искужиной, М. Г. Ишбулатова, З. К. Кондратенко, И. Б. Кондратенко, А. Б. Елизарова, Н. В. Кляус. Среди зарубежных ученых важный вклад в исследование категории бесхозяйных недвижимых вещей внес О. А. Абрамович. Проблема определения и правового регулирования бесхозяйных недвижимых вещей характеризуется средней степенью разработанности в научной литературе, поскольку большинство работ посвящено в целом категории недвижимых вещей, отдельно недвижимым вещам приобретательной давности, способам установления права собственности на недвижимые вещи, тем не менее многие проблемные вопросы бесхозяйных недвижимых вещей остаются неосвещенными.

Целью исследования является рассмотрение и изучение проблемных вопросов определения и правового регулирования бесхозяйных недвижимых вещей.

Гражданско-правовое законодательство закрепляет следующие черты, которые характеризуют вещь как бесхозяйную: 1) вещь не имеет собственника; 2) собственник вещи неизвестен; 3) собственник отказался от права собственности на вещь, если иное не предусмотрено законами [2].

Следует подчеркнуть, что факт того, что собственник непосредственно не владеет вещью либо не нуждается в ней, не означает, что собственник отсутствует. Независимо от указанных факторов и притязаний третьих лиц исключительно собственник правомочен независимо определять юридическую судьбу вещи. Критерий «нуждаемости» никоим образом не может выступать в качестве основания приобретения либо прекращения права собственности на вещь.

В общем виде можно выделить следующие важные проблемы определения и правового регулирования бесхозяйных недвижимых вещей.

Одной из проблем является отсутствие четких критериев отграничения понятия недвижимой вещи от понятия движимой вещи, в частности в отношении специфичных объектов гражданско-правового регулирования, таких как передвижной дом, затонувшее имущество.

Условный характер термина «бесхозяйная вещь», поскольку отсутствие фактического владения хотя и формально относит вещь к категории бесхозяйной, тем не менее не влечет лишение права собственности на вещь. Существенного различия не возникает и при осуществлении отказа от права собственности, ст. 236 ГК РФ подчеркивает, что до момента приобретения права собственности на такое имущество иным лицом за собственником сохраняются его права и обязанности [2]. Данная проблема поддерживается Грядой Э. А [3].

Гражданское законодательство предусматривает возможность поступления бесхозяйного недвижимого имущества в частную и государственную собственность только в силу приобретательной давности, в то время как для его поступления в муниципальную собственность (в собственность города федерального значения), кроме того, предусмотрено и в судебном порядке. В связи с этим актуален следующий вопрос: является ли требование о признании судом права муниципальной собственности (собственности города федерального значения) правом органа местного самоуправления или закон возлагает на него обязанность. Данная проблема находит поддержку в работах Э. А. Гряды [3], А. Б. Елизарова [4]. Кроме того, Кляус Н. В. в своей работе отражает позицию о том, что данное требование представляет собой законный интерес органов местного самоуправления [5].

Вышеуказанная проблема обуславливает следующее обстоятельство: при определении права собственности на недвижимую бесхозяйную вещь выявлен конфликт между приобретением права муниципальной собственности (собственности города федерального значения) путем постановления на учет недвижимой вещи в качестве бесхозяйной (п. 3, п. 4 ст. 225 ГК РФ) и приобретательной давностью (п. 2 ст. 225, ст. 234 ГК РФ) [2]. Представляется необходимым разграничение параметров приобретения права собственности на бесхозяйные недвижимые вещи в административном порядке и частно-правовом. Кто будет иметь приоритет: фактический владелец или орган местного самоуправления?

Неоднозначный характер носит отсутствие сведений о собственнике или законном владельце в публичных реестрах как основание для постановления на учет объекта недвижимости в качестве бесхозяйной вещи с целью последующего признания

права муниципальной собственности (собственности города федерального значения). Вопрос о правильности данного основания обусловлен потенциальным наличием таких существенных обстоятельств, как несвоевременная подача регистрирующему органу правоустанавливающих документов в случае перехода права собственности на недвижимую вещь; фактическое владение некоторого лица. Данную проблему поддерживает Кондратенко З. К. [6]. Представляется, что учет перечисленных обстоятельств является необходимым, отсутствие сведений в публичных реестрах не является достаточным основанием для признания недвижимой вещи бесхозяйной и обращения ее в муниципальную собственность (собственность города федерального значения).

Проблемный характер носят различные доктринальные подходы к пониманию условий приобретения права собственности в силу приобретательной давности, которые включают разные позиции в отношении объединения и разграничения понятий приобретательной давности и добросовестности приобретения, момента начала течения срока приобретательной давности, проблемы увеличения срока необходимого фактического владения вещью для приобретения на нее права собственности по причине виндикационного требования. Данный вопрос исследует З. К. Кондратенко и И. Б. Кондратенко [7].

Проблемными являются правовой режим и судьба недвижимых вещей, которые приняты на учет и относятся к категории бесхозяйных, однако публичный властный орган не реализует предоставленное ему абзацем 2 п. 3 ст. 225 ГК РФ [2] право: не обращается в суд в целях признания за ним права собственности на данные вещи. Кроме того, подчеркивается отсутствие правовой регламентации необходимых оснований для принятия решения о таком обращении. Особое значение данная проблема имеет в отношении объектов, которые могут представлять опасность для окружающей среды и непосредственно населения муниципального образования. Данная проблема поддерживается Э. А. Грядой [3], А. Б. Елизаровым [4], Э. С. Искужиной, М. Г. Ишбулатовым [8].

Дискуссионный характер носит термин «признание» судом права муниципальной собственности (собственности города федерального значения), поскольку решение суда является правоустанавливающим, как отмечает Гряда Э. А., оно «носит не констатирующий характер, а конститутивный (создающий)» [3], подобной позиции придерживается Кляус Н. В., подчеркивая, что моментом возникновения права собственности органов местного самоуправления считается не вступление решения суда в законную силу, государственная регистрация такого права на основании судебного решения [5].

Представляется, что одной из важнейших проблем является вопрос о возможности установления права собственности путем давностного владения бесхозяйной недвижимой вещью и вытекающая из этого проблема о праве органов местного самоуправления (городов федерального значения) или возложении на них обязанности принять в свою собственность бесхозяйное недвижимое имущество. Обуславливается это тем, что такая ситуация влечет конфликт приоритетов частной и публичной собственности, нарушение принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав, принципа равенства субъектов. Рассмотрим эти проблемы детальнее.

Гражданское законодательство предусматривает возможность установления права собственности на вещь путем давностного владения ею. Однако, по мнению

Е. П. Чорновол и Н. Ю. Челышевой, данная возможность исключается в случае, если данная вещь относится к категории бесхозяйной недвижимой, и органы местного самоуправления намерены установить на нее право собственности [9]. Законодателем делается исключение для публичных гражданско-правовых субъектов, предусматривается возможность перехода права собственности на бесхозяйную недвижимую вещь к муниципальным образованиям (городам федерального значения), на территории которых данная вещь находится – получает закрепление правило об «оккупации» [10].

Соответствующие органы, осуществляющие государственную регистрацию права на недвижимое имущество, принимают на учет бесхозяйные недвижимые вещи, по заявлению указанные в п. 3 и п. 4 ст. 225 ГК публичных субъектов. Данные субъекты по истечении года со дня постановки на учет бесхозяйной недвижимой вещи могут обратиться в суд с требованием о признании права муниципальной собственности на эту вещь. Гражданское законодательство прямо не предусматривает основания отказа в удовлетворении данного иска судом. Таким образом, ставятся под угрозу права лиц, которые хотя и не являются собственниками, но открыто и добросовестно владеют такой недвижимой вещью, а также возможность реализации установления права собственности на нее по давности владения; поскольку нет оснований не признать данные недвижимые вещи бесхозяйными и не поставить их на учет в качестве таковых соответствующими регистрационными органами в силу того, что п. 1 ст. 225 ГК РФ содержит следующее предписание: «Бесхозяйной является вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен, либо если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которую собственник отказался» [2].

Сторонники мнения, что на органы местного самоуправления вопреки диспозитивному характеру ст. 225 ГК РФ возлагается обязанность принять бесхозное имущество в муниципальную собственность, аргументируют свою позицию тем, что такая обязанность может быть закреплена в ином федеральном законе, обязывание, в отличие от управомочивания, позволяет избежать нарушения прав и законных интересов субъектов права. Кроме того, считается, что именно обязывание позволяет достичь такую цель, как преодоление препятствий, обусловленных отсутствием собственника, в осуществлении своих полномочий органами местного самоуправления [3].

С данной точкой зрения нельзя согласиться, поскольку в случае признания таковой обязанности за органами местного самоуправления следует придание приоритета публичному праву собственности перед частным, которым могут быть наделены лица по давности владения, что противоречит частноправовой природе гражданского права. Кроме того, в случае, если недвижимое имущество является бесхозяйным и лицо открыто владеет и пользуется им, если принятие такого рода собственности органами местного самоуправления относится к их обязанности, то лицо лишается правомочия владеть и потенциальной возможности в будущем быть признанным собственником по давности владения, что нарушает принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав.

Следовательно, возможность перехода бесхозяйного недвижимого имущества в муниципальную собственность, обращение органов местного самоуправления в суд о признании за ними права собственности на данное имущество необходимо рас-

сматривать как правомочие. Переход бесхозяйного недвижимого имущества в муниципальную (публичную) собственность должен носить субсидиарный (восполняющий) характер с целью обеспечения прав и законных интересов участников гражданских правоотношений, непосредственно заинтересованных во владении таким имуществом, только при отсутствии таких лиц необходимо передавать бесхозяйное недвижимое имущество в муниципальную собственность во исполнение органами местного самоуправления (городов федерального значения) своих полномочий и обеспечение интересов граждан.

Следующим подтверждением правомочия, а не обязанности органов местного самоуправления является и то, что абзац 3 п. 3 ст. 225 ГК РФ хоть и не закрепляет конкретных оснований отказа в удовлетворении иска о признании поступившей в муниципальную собственность бесхозяйной недвижимой вещи, тем не менее предусматривает такую возможность и правовые последствия, которые свидетельствуют о защите прав оставившего ее собственника и использования приобретательной давности другими лицами [2]. Кроме того, в постановлении Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ говорится, что предварительная постановка бесхозяйного недвижимого имущества государственным регистратором по заявлению публичного субъекта (органа местного самоуправления или города федерального значения), на территории которого оно находится, и последующий отказ судом права собственности этими субъектами на данную вещь «не являются необходимым условием для приобретения права частной собственности на этот объект третьими лицами в силу приобретательной давности» [11]. Среди доказательств рассматриваемого деяния как меры возможного поведения публичных субъектов является и отсутствие сроков, в течение которых органы местного самоуправления (городов федерального значения) обязаны принять бесхозяйное недвижимое имущество в свою собственность.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы: термин «бесхозяйная недвижимая вещь» носит условный характер; гражданское право наделяет органы местного самоуправлениями (городов федерального значения) правом принять в свою собственность бесхозяйную недвижимую вещь, но не обязанностью; гражданско-правовое законодательство нуждается в совершенствовании механизма обеспечения реализации прав лиц, непосредственно владеющих либо заинтересованных во владении бесхозяйной недвижимой вещью, обеспечении баланса интересов между публичными и частными субъектами по поводу бесхозяйных недвижимых вещей, гарантий принципа равенства данных субъектов.

Данное обстоятельство позволяет выделить такие перспективные направления исследований, как разработка концепции механизма обеспечения прав и защиты законных интересов лиц, добросовестно и открыто владеющих бесхозяйной недвижимой вещью; правовой режим и судьба недвижимых вещей, принятых на учет государственным регистратором в качестве бесхозяйных, но в отношении которых публичный субъект не реализует право принятия в муниципальную собственность (собственность городов федерального значения); правовое регулирование отдельных объектов недвижимости, обладающих определенной спецификой.

Список литературы:
1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая: текст с изменениями и дополнениями на 1 октября 2018 года. – Москва: Эксмо, 2018. – 608 с.
3. Гряда Э. А. Основания приобретения права собственности на бесхозяйные недвижимые вещи // Власть Закона. – 2013. № 2 (14). – С. 63–76.
4. Елизаров А.Б. Административно-правовой статус бесхозяйного имущества // Вестник Омской юридической академии – 2010. – № 2 (13). – С. 6–18.
5. Кляус Н. В. Некоторые проблемы предмета судебной защиты в гражданском процессе по делам особого производства // Арбитражный и гражданский процесс – 2006. – №8. – С. 14–20.
6. Кондратенко З. К. К вопросу об условиях приобретения права собственности на бесхозяйные недвижимые вещи // Правовое развитие России XXI века: актуальные задачи юридической науки и практики: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летнему юбилею институту права Челябинского государственного университета (Челябинск, 24–26 мая 2016). Челябинск: ООО «Полиграф-мастер», 2016. – С. 189–194.
7. Кондратенко З. К., Кондратенко И. Б. Условия приобретения права собственности на бесхозяйные недвижимые вещи в силу приобретательной давности – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-priobreteniya-prava-sobstvennosti-na-beshozyaynye-nedvizhimye-veschi-v-silu-priobretatelnoy-davnosti
8. Искужина Э. С., Ишбулатов М. Г. Бесхозяйная недвижимая вещь // Кадастр недвижимости и мониторинг природных ресурсов: 5-я Всероссийская научно-техническая интернет-конференция. Под редакцией И.А. Басовой (Тула, 23–27 декабря 2015). Тула: Тульский государственный университет, 2015. – С. 64–66.
9. Челышева Н. Ю., Чорновол Е. П. Приобретение права собственности по давности владения: становление, состояние и перспективы развития правового регулирования // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 37–43.
10. Возникновение, прекращение и защита права собственности: Постатейный комментарий глав 13, 14, 15 и 20 Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. П. В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2009. – 254 с. (Комментарии к Гражданскому кодексу Российской Федерации)
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://study.garant.ru/#/document/1795065/paragraph/67:2

Ablyatipova N.A., Kravtsova A.A. The ownerless immovable thing: problems of definition and legal regulation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 262–268.

The important problems of definition and legal regulation of the ownerless immovable thing are analyzed. The article provides an investigation of difficulties related to the possibility of establishing the right of ownership by way of acquisitive prescription of the ownerless immovable thing, which determine the necessity of improvement of civil-legal mechanism of guarantee of rights of persons directly owning or interested in the possession of the ownerless immovable thing.

Keywords: ownerless immovable thing; acquisitive prescription; possession; transfer of items in the municipal property; private and public property.

Spisok literatury:

1. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 04.08.2014, № 31, st. 4398.
2. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Chasti pervaya, vtoraya, tret'ya i chetvertaya: tekst s izmeneniyami i dopolneniyami na 1 oktyabrya 2018 goda. – Moskva: Eksmo, 2018. – 608 s.
3. Gryada E.A. Osnovaniya priobreteniya prava sobstvennosti na beskhozyainye nedvizhimye veshchi // Vlast' Zakona. – 2013. № 2 (14). – S. 63-76.
4. Elizarov A.B. Administrativno-pravovoi status beskhozyainogo imushchestva // Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii – 2010. – № 2 (13). – S. 6-18.
5. Klyaus N.V. Nekotorye problemy predmeta sudebnoi zashchity v grazhdanskom protsesse po delam osobogo proizvodstva // Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess – 2006. №8. – S. 14-20.
6. Kondratenko Z. K. K voprosu ob usloviyakh priobreteniya prava sobstvennosti na beskhozyainye nedvizhimye veshchi // Pravovoe razvitie Rossii XXI veka: aktual'nye zadachi yuridicheskoi nauki i praktiki: sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 25-letnemu yubileyu instituta prava Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta (Chelyabinsk, 24-26 maya 2016). Chelyabinsk: OOO "Poligraf-master", 2016. – S. 189-194.
7. Kondratenko Z.K., Kondratenko I.B. Usloviya priobreteniya prava sobstvennosti na beskhozyainye nedvizhimye veshchi v silu priobretatel'noi davnosti – [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-priobreteniya-prava-sobstvennosti-na-beshozyaynye-nedvizhimye-veschi-v-silu-priobretatelnoy-davnosti
8. Iskuzhina E.S., Ishbulatov M.G. Beskhozyainaya nedvizhimaya veshch' // Kadastr nedvizhimosti i monitoring prirodnykh resursov: 5-ya Vserossiiskaya nauchno-tekhnicheskaya internet-konferentsiya. Pod redaktsiei I.A. Basovoi (Tula, 23-27 dekabrya 2015). Tula: Tul'skii gosudarstvennyi universitet, 2015. – S. 64-66.
9. Chelysheva N.Yu., Chornovol E.P. Priobretenie prava sobstvennosti po davnosti vladeniya: stanovlenie, sostoyanie i perspektivy razvitiya pravovogo regulirovaniya // Vestnik Ural'skogo ridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 1. – S. 37-43.
10. Vozniknovenie, prekrashchenie i zashchita prava sobstvennosti: Postateinyi kommentarii glav 13, 14, 15 i 20 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii / Pod red. P.V. Krasheninnikova. – M.: Statut, 2009. – 254 s. (Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii)
11. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF i Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 29 aprelya 2010 g. N 10/22 «O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh v sudebnoi praktike pri razreshenii sporov, svyazannykh s zashchitoi prava sobstvennosti i drugikh veshchnykh prav» – [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://study.garant.ru/#/document/1795065/paragraph/67:2

.

Ученые записки Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 269–276.

УДК 336.2

О ВЗЫСКАНИИ НАЛОГОВОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ С КОНЕЧНЫХ БЕНЕФИЦИАРОВ

Васильева Е. Г.

СКФ ФГБОУВО Российский государственный университет правосудия, г. Краснодар

В статье освещаются правовые аспекты взыскания налоговой задолженности с конечных бенефициаров. Автором исследован новый механизм в статье 45 НК РФ воздействия на недобросовестных лиц – взыскивать неуплату напрямую уже не только с зависимых организаций, но и с физических лиц – выгодоприобретателей деятельности компаний, уклонявшихся от уплаты налогов. Проанализированы основные изменения, внесенные Федеральным законом от 30.11.2016 № 401-ФЗ, расставившего весьма четко приоритеты государства. Путем рассуждений и результатов исследований отмечено, что реализация Федерального закона от 30.11.2016 № 401-ФЗ приведет к неурегулированности спорных вопросов, по этой причине автор остановился и осветил проблемы, возникающие в результате его правоприменения. Автор считает, что необходима глубокая теоретическая проработка проблематики ответственности физического лица по налоговым обязательствам компании и активное воздействие на формирование судебной практики, невзирая на отрицательные прецеденты. На основе проведенного исследования автор полагает, что КС РФ все же обратит внимание на данную проблему и рассмотрит положения статьи 45 НК РФ, поскольку все эти законодательные новшества совершенствуют взыскание долгов, но не направлены в целом на гармонизацию права.

Ключевые слова: «перенос» налоговых обязательств компании, бенефициары, зависимые организации, выгодоприобретатели.

Российское налоговое законодательство на протяжении нескольких лет неуклонно движется в направлении ужесточения контроля за уплатой налогов. Действующие новации направлены на борьбу со злоупотреблениями по уклонению от уплаты налогов. Наметившиеся тенденции в стране соотносятся с мировой практикой разрешения подобных дел, предъявлением претензии по долгам организаций выгодоприобретателям от их деятельности. Норма о взыскании налоговой задолженности с аффилированных организаций была введена в 2013 году [1] (вступила в силу по истечении одного месяца со дня официального опубликования Федерального закона) для борьбы с распространенной практикой банкротства компаний, которым были предъявлены крупные претензии по результатам налоговых проверок. До введения в действие данной нормы бизнес не прекращался, а перевоплощался в новое юридическое лицо, куда переводились активы, персонал и прочее. Правовые средства и рычаги давления отсутствовали, что-то предпринять налоговым органом не представлялось возможным.

В настоящее время положение дел изменилось с принятием Федерального закона от 30.11.2016 № 401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. Введен новый механизм воздействия на недобросовестных лиц – взыскивать неуплату напрямую уже не только с зависимых организаций, но и с физических лиц – выгодоприобретателей деятельности компаний, уклонявшихся от уплаты налогов. Теперь взыскание недоимки будет обращено на «лиц, признанных судом иным образом зависимыми с налогоплательщиком», тем самым поправка в ст.45 Налогового кодекса РФ расширяет границы «иной зависимости». Она позволяет обращаться в суды с исками напрямую к гражданам, в пользу которых выведе-

но имущество или выручка компании-должника. Произведенный анализ изменений, внесенных Федеральным законом от 30.11.2016 № 401-ФЗ, еще раз расставил приоритеты государства.

В результате изложенного, у налоговых органов возникает право предъявлять требования о субсидиарной ответственности (финансовой ответственности дополнительного должника по долгам основного) сразу к собственникам и иным лицам неплатежеспособных компаний. Подход к установлению любой зависимости между налогоплательщиком-должником и сторонней организацией был обусловлен выявлением зависимости, основанной на отношениях власти и подчинения (дочерние и аффилированные лица) в том понимании, которое предоставляет гражданское законодательство. Можно предположить увеличение налоговых споров, в которых суммы налоговых доначислений будут взыскиваться с лиц, взаимозависимость которых основана не на правилах гражданского законодательства об аффилированных и дочерних обществах, а на обстоятельствах, указывающих на наличие фактов, свидетельствующих о перевод активов и бизнеса с должника на иное юридическое лицо (т. е. активный «перенос» налоговых обязательств с самого налогоплательщика на его «материнские», «дочерние» и «сестринские» компании).

Обратившись к истории возникшего вопроса, отметим, что до 2006 года не было возможности предъявлять претензии к кому-то, кроме самого налогоплательщика. Затем в ст. 45 Налогового кодекса РФ появилась норма, позволяющая взыскать недоимку дочерней или материнской компании, если было установлено поступление выручки на одну из них от той организации, которая не гасила налоговый долг.

Полагаю необходимым отметить, что дальнейшая реализация Федерального закона от 30.11.2016 № 401-ФЗ приведет к неурегулированности спорных вопросов, поэтому следует остановиться и осветить следующие проблемы, которые могут возникнуть в правоприменении.

- Как соотнести данный закон с положениями ГК РФ в части положений абз. 3 п. 1 ст. 53 ГК РФ, предусматривающего возможность выступать от имени юридического лица сразу нескольким лицам (это необходимо будет указать в уставе). Пункт 1 ст. 53 ГК РФ допускает наличие у организации нескольких директоров, действующих совместно или независимо друг от друга. Помимо этого, для последних установлена ответственность – по требованию юридического лица, его учредителей (участников) они будут обязаны возместить убытки, причиненные организации по их вине п. 8 ст. 1 Закона) [3], ст. 53.1 ГК РФ). Причем связка этих лиц тоже может разниться: в каких-то случаях обязательно необходимо согласие двух лиц на принятие каких-то решений, а в каких-то случаях каждый в пределах своей компетенции будет представлять юридическое лицо. Это во многом заимствовано из зарубежной практики.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что возникнут проблемы при соотношении положений Федерального закона от 30.11.2016 № 401-ФЗ с существующей в цивилистике имущественной ответственностью руководителей, учредителей (проблема так называемой «двойной ответственности»).

- Как сопоставить положения Федерального закона от 30.11.2016 № 401-ФЗ с существующей практикой обращения налоговых органов с гражданскими исками в рамках уголовного судопроизводства (признание налогового органа в качестве потерпевшего и дающего возможность обратиться с соответствующим иском). Так, в

качестве ответчика по гражданскому иску, вытекающему из совершения преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ, может быть привлечено физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с законодательством (ст. 1064 и 1068 ГК РФ) несет ответственность за вред, причиненный преступлением (ст. 54 УПК РФ, п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления») [4].

Анализ законодательства и сложившейся устоявшейся судебной практики позволяет говорить о том, что возникнут проблемы с существующим, действующим и урегулированным порядком взыскания вреда, осуществляемым налоговым органом, по гражданскому иску в рамках уголовного дела.

- При рассмотрении спора о законности и обоснованности привлечения физических лиц к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве стоит остановиться на следующем. Законодательство о банкротстве дает дополнительные возможности налоговым органам и при отсутствии дела о банкротстве предъявлять требования о субсидиарной ответственности (финансовой ответственности дополнительного должника по долгам основного). Важно и такое нововведение, как распределение прав на взыскание с субсидиарного ответчика между кредиторами. Это общемировая тенденция – выявление бенефициаров, возложение на них ответственности за злоупотребление правами. В настоящее время институт субсидиарной ответственности постоянно развивается. Следовательно, в настоящее время привлекать к такой ответственности можно не только директоров организаций, но и любое лицо, которое признано контролирующим, то есть имеющим возможность влиять на деятельность компании.
- Важно помнить о том, что при такой недоимке возможно привлечение руководителя организации и к уголовной ответственности и вынесение обвинительного приговора в отношении контролирующих организацию лиц, по которому они обязаны будут возместить причиненный своими действиями ущерб бюджету, если взыскать доначисления иным способом не представилось возможным, в т. ч. в рамках банкротства. Возможность не платить и избежать последствий есть только в одном случае – это успешно оспорить решение налогового органа по проверке в суде, что также должно снять вину с контролирующих налогоплательщика лиц по уголовному делу, если таковое было возбуждено. Как правило, для избавления от таких долгов проводится процедура реорганизации компании. Вновь созданной компании передается часть активов и обязанностей реорганизуемой компании без прекращения деятельности последней (п. 1 ст. 55 Закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ).

В настоящее время налоговые органы все чаще пытаются привлекать к ответственности физических лиц по долгам организации. Такая возможность появляется при банкротстве общества путем взыскания с собственника долга, превышающего имущество организации и его уставный капитал. Руководители и иные контролирующие лица все чаще привлекаются налоговыми органами к субсидиарной ответственности в рамках Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ [5]. Отметим, что по общему правилу юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя, а учредитель юридического лица не отвечает по обязательствам юридического лица (п. 2 ст. 56 ГК РФ) [6]. Акционеры несут субсидиарную ответственность по обязательствам акционерного общества (далее –

АО) в случае его несостоятельности (банкротства). Однако в случае, если банкротство АО вызвано действиями (бездействием) его акционеров, то на указанных акционеров в случае недостаточности имущества общества может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам АО. При этом должна быть установлена причинная связь между действием (бездействием) лиц, которые вправе давать обязательные для АО указания или иным образом имеют возможность определять его действия, и наступившей несостоятельностью (банкротством) АО (п. 3 ст. 3 Закона № 208-ФЗ). Аналогичные положения содержатся и в п. 3 ст. 56 ГК РФ. Абзац второй п. 3 ст. 56 ГК РФ относит к лицам, которые могут выступать субъектами субсидиарной ответственности, учредителей (участников), собственника имущества юридического лица и других лиц, которые имеют право давать обязательные для этого юридического лица указания либо иным образом имеют возможность определять его действия. Кроме того, п. 4 ст.10 Закона о банкротстве прямо относит к числу субъектов ответственности также руководителя должника. Следовательно, в случае недостаточности имущества должника на определенных законом субъектов может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

При этом в соответствии с п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» [7] заявление руководителя должника принимаются арбитражным судом к рассмотрению независимо от наличия решения органа, уполномоченного в соответствии с учредительными документами должника на принятие решения о ликвидации должника. В целях возложения на руководителя организации субсидиарной ответственности определяется его противоправное поведение, которое проявляется в том, что в результате руководитель не исполняет обязанности, влекущие убытки для организации и ее кредиторов. Вина руководителя организации при ее несостоятельности (банкротстве) выражается в неисполнении обязанностей принимать должные меры, направленные на соблюдение прав третьих лиц, а также соблюдения должной степени разумности, заботливости и осмотрительности. Согласно п. 2 ст. 402 ГК РФ отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство, то есть именно данное лицо должно доказывать, что оно не должно было и не могло предвидеть наступление этих последствий. Непроявление должной меры заботливости и осмотрительности означает наличие вины в причинении убытков кредиторам юридического лица – банкрота (абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ). В силу п. 2 ст. 9 Закона о банкротстве заявление должно быть направлено в арбитражный суд в кратчайший срок, но не позднее чем через месяц с даты возникновения соответствующих обстоятельств (Постановление ФАС Уральского округа от 29.04.2010 № Ф 09-3031/10-С4 [8]). При рассмотрении подобных арбитражных дел суд учитывает разъяснения, изложенные в п. 2 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». Если невыгодность сделки обнаружилась впоследствии по причине нарушения возникших из нее обязательств, то директор отвечает за соответствующие убытки, если будет доказано, что сделка изначально заключалась с целью ее неисполнения либо ненадлежащего исполнения [9]. И при доказанности фактов, что директор либо акционер действовал недобросовестно и неразумно (например осуществил безвозмездную передачу недвижимого имущества и всех основных средств АО), суды приходят к выводу о наличии оснований для привле-

чения этих лиц к субсидиарной ответственности (например постановление АС Северо-Западного округа от 14.07.2016 № А56-4970/2013).

Также многие налогоплательщики совершенно забыли о существовании статьи 49 НК РФ в неизменном виде с момента принятия кодекса: «Если денежных средств ликвидируемой организации недостаточно для исполнения в полном объеме обязанности по уплате налогов и сборов, пеней и штрафов, остающаяся задолженность должна быть погашена участниками указанной организации». С учетом изложенного представляется, что организация находится в зоне риска, если размер задолженности по налогам превышает 300 000 рублей, а срок погашения более трех месяцев. Организации следует предпринять все меры для выплаты долга или заявить о признании ее банкротом, иначе это сделает налоговый орган, но уже с требованием признать виновными руководителя и/или учредителей.

Так, в определении ВС РФ от 27.01.2015 № 81-КГ14-19 [10] суд признал ответственным руководителя и единственного владельца за неуплату НДС в крупном размере и подтвердил законность взыскания с физического лица ущерба государству в размере неуплаченной суммы налога (о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением в виде неуплаченного налога). Это решение стало судебным прецедентом, после которого все подобные дела рассматриваются аналогично (определение ВС РФ от 02.11.2015 и др.) [11]. Учредитель же, кроме обязанности выплаты самого долга, получает ещё и судимость. Как видим, судебная коллегия ввела новое основание для субсидиарной ответственности руководителя организации за неуплату налогов – вынесение приговора суда по обвинению в уклонении от уплаты налогов.

Необходимо указать о недавно вынесенном постановлении КС РФ от 08.12.2017 № 39-П [12], в котором рассматривалась возможность взыскания налоговых долгов в гражданско-правовом порядке. КС РФ еще раз подтвердил правомерность взыскания налоговой задолженности юридического лица с руководителя, осужденного за налоговые преступления. В качестве правового обоснования КС РФ привел положения ст. 1064 «Общие основания ответственности за причинение вреда» ГК РФ.

Несомненно, такие действия вытекают по причине отсутствия в законе иных механизмов привлечения третьих лиц к ответственности по обязательствам организации.

Налоговый орган незамедлительно прокомментировал вынесенное постановление и в установленном порядке довел его до нижестоящих налоговых инспекций (письмо ФНС России от 09.01.2018 № СА-4-18/45@ «О направлении для использования в работе постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2017 № 39-П») [13].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующее. Получается, что публично-правовой деликт – неисполнение обязанности по уплате налога – служит основанием для гражданско-правовой ответственности. Конечно, не вызывает сомнения то обстоятельство, что недоимка – это всегда ущерб, причиняемый казне. Обоснованно и правомерно ли возмещать такой ущерб по правилам гражданского законодательства? Полагаю неуместным в данном случае говорить об ущербе в гражданско-правовом смысле как умалении имущественной сферы участника гражданского оборота, поскольку существует п. 3 ст. 2 ГК РФ. ГК РФ не регулиру-

ются вопросы возмещения вреда, причиненного государству путем неуплаты налогов (вытекает из анализа положений п. 3 ст. 2, ст. 1064, 1068 ГК РФ).

При таких обстоятельствах важно отметить, что ст. 76.1 УК РФ говорит об ущербе бюджетной системе РФ, причиненном в результате уклонения от уплаты налогов. В перечне прав налоговых органов на обращение в суд (подп. 14 п. 1 ст. 31 НК РФ, п. 11 ст. 7 Закона РФ от 21.03.1991 № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации» [14]) отсутствует общее право предъявлять иски о возмещении убытков, причиненных неисполнением налоговых обязанностей, данное право вытекает из положений УПК РФ. Подп. 14 п. 1 ст. 31 НК РФ допускает предъявление налоговыми органами исков о возмещении банками ущерба, причиненного казне, вследствие неправомерного неисполнения решений о приостановлении операций по счетам налогоплательщиков. В указанных случаях ущерб казне возмещается в судебном порядке по искам налоговых органов с применением правил гражданского законодательства. По существу здесь законодатель прямо допускает использование гражданско-правовых механизмов для защиты публичного имущественного интереса. Как представляется, ни одна из действующих или предлагаемых норм, регламентирующих ответственность руководителя, за исключением подп. 2 п. 2 ст. 45 НК РФ, не упоминает получения руководителем выручки, денежных средств, иного имущества, то есть материальной выгоды как обоснования взыскания с директора сумм, эквивалентных налоговой недоимке организации. В случае оставления без изменений положений ст. 45 НК РФ в редакции Федерального закона от 30.11.2016 № 401-ФЗ обоснованно будет закрепить в УПК РФ право государства в лице уполномоченного органа на возмещение ущерба, причиненного таким преступлением, с условием, что оно может быть реализовано только в форме иска о взыскании налоговой недоимки, условием удовлетворения которого является получение виновным лицом (аффилированным) выручки, денежных средств, иного имущества в результате данного преступления. При таком подходе будет справедливо говорить о недопустимости повторного взыскания с компании налогов, взысканных с руководителя в связи с привлечением к уголовной ответственности.

Представляется, что вопрос о взыскании задолженности с физических лиц должен рассматриваться в пределах налоговых отношений. Можно предположить, что новый инструмент (положения Федерального закона от 30.11.2016 № 401-ФЗ) будет применяться в исключительных случаях, когда будет доказано, что действительно переводилась выручка или бизнес. Несомненно и оправданно, чтобы налоговые обязательства следовали за источником их возникновения.

Надеемся, что положения Федерального закона от 30.11.2016 № 401-ФЗ станут предметом рассмотрения КС РФ. На мой взгляд, требуется максимально широкое обсуждение юридическим сообществом положений Федерального закона от 30.11.2016 № 401-ФЗ, глубокая научно-теоретическая проработка проблематики ответственности физического лица, взаимозависимого, аффилированного по налоговым обязательствам компании, чтобы не допускать взыскания налоговых недоимок юридических лиц с физических лиц под видом возмещения вреда бюджету РФ.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2014) // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.
2. Федеральный закон от 30.11.2016 № 401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6844.
3. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»// СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3, март.
5. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) //СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Специальное приложение к Вестнику ВАС РФ. 2005. № 12.
8. Постановление ФАС Уральского округа от 29.04.2010 года № Ф 09-3031/10-С4 // СПС Гарант.
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // СПС Гарант.
10. Определение Верховного Суда РФ от 27.01.2015 № 81-КГ14-19 // СПС Гарант.
11. Определение Верховного Суда РФ от 02.11.2015 № 305-КГ15-13737 // СПС КонсультантПлюс.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева» // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7914.
13. Письмо ФНС России от 09.01.2018 № СА-4-18/45@ «О направлении для использования в работе постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2017 № 39-П» // СПС КонсультантПлюс.
14. Закон РФ от 21.03.1991 № 943-1 (ред. от 03.07.2016) «О налоговых органах Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

Vasilyeva E. G. The recovery of tax debt with the ultimate beneficiaries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 269–276.

The article highlights the legal aspects of tax debt collection from the final beneficiaries. The author investigates a new mechanism in article 45 of the tax code of the impact on unscrupulous persons-to recover non - payment directly not only from dependent organizations, but also from natural persons-beneficiaries of companies that evaded taxes. The main changes made by the Federal law of 30.11.2016 № 401-FZ, which set very clear priorities of the state, are analyzed. By reasoning and research results it was noted that the implementation of the Federal law of 30.11.2016 № 401-FZ will lead to unresolved disputes, for this reason the author stopped and highlighted the problems arising from its enforcement. The author believes that it is necessary to study in depth the theoretical problems of individual liability for tax liabilities of the company and the active impact on the formation of judicial practice, despite the negative precedents. Based on the study, the author believes that the RF CC will still pay attention to this problem and consider the provisions of article 45 of the RF tax code, since all these legislative innovations improve debt collection, but are not aimed at harmonization of law in General.

Keywords: «transfer» of tax liabilities of the company, beneficiaries, dependent organizations, beneficiaries.

Spisok literatury

1. Federal'nyj zakon ot 28.06.2013 № 134-FZ (red. ot 21.07.2014) «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti protivodejstviya nezakonnym finansovym operaciyam» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2014) // SZ RF. 2013. № 26. St. 3207.
2. Federal'nyj zakon ot 30.11.2016 № 401-FZ «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2016. № 49. St. 6844.
3. Federal'nyj zakon ot 5 maya 2014 g. № 99-FZ «O vnesenii izmenenij v glavu 4 chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i o priznanii utrativshimi silu otdel'nyh polozhenij zakonodatel'nyh aktov Rossijskoj Federacii»// SZ RF. 2014. № 19. St. 2304.
4. Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2007. № 3, mart.
5. Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ (red. ot 07.03.2018) «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» // SZ RF. 2002. № 43. St. 4190.
6. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 29.12.2017) //SZ RF. 1994. № 32. St. 3301.
7. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 15.12.2004 № 29 (red. ot 21.12.2017) «O nekotoryh voprosah praktiki primeneniya Federal'nogo zakona «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» // Special'noe prilozhenie k Vestniku VAS RF. 2005. № 12.
8. Postanovlenie FAS Ural'skogo okruga ot 29.04.2010 goda № F 09-3031/10-S4 // SPS Garant.
9. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 30.07.2013 g. № 62 «O nekotoryh voprosah vozmeshcheniya ubytkov licami, vhodyashchimi v sostav organov yuridicheskogo lica» // SPS Garant.
10. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 27.01.2015 № 81-KG14-19 // SPS Garant.
11. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 02.11.2015 № 305-KG15-13737 // SPS Konsul'tantPlyus.
12. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 08.12.2017 № 39-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij statej 15, 1064 i 1068 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii, podpunkta 14 punkta 1 stat'i 31 Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii, stat'i 199.2 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i chasti pervoj stat'i 54 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan G.G. Ahmadeevoj, S.I. Lysyaka i A.N. Sergeeva» // SZ RF. 2017. № 51. St. 7914.
13. Pis'mo FNS Rossii ot 09.01.2018 № SA-4-18/45@ «O napravlenii dlya ispol'zovaniya v rabote postanovleniya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 08.12.2017 № 39-P» // SPS Konsul'tantPlyus.
14. Zakon RF ot 21.03.1991 № 943-1 (red. ot 03.07.2016) «O nalogovyh organah Rossijskoj Federacii» // SPS Konsul'tantPlyus.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 277–283.

УДК 342.95

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «АДМИНИСТРАТИВНО-НАКАЗАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»

Цындря В. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализирована потребность в совершенствовании административно-деликтной терминологии. Выделены основные подходы к пониманию сущности административно-наказательной политики, а также приведены примеры дефиниций более общих категорий. Выявлены признаки, раскрывающие содержание этой категории, в том числе и такие: государственно-властный характер; концептуальность, логичность и обоснованность; соответствие индивидуальным, общественным и государственным интересам, отражающим уровень развития общественных отношений; публично-правовое, в том числе и принудительное, обеспечение; научная обоснованность; взаимосвязь с другими видами государственной политики; наличие системы субъектов в её формирования и реализации.

Сформулировано определение понятия «административно-наказательная политика». Определено место административно-наказательной политики среди других видов политик: конституционно-правовой, административной, уголовной, уголовно-исполнительной, бюджетной и др. Выделены научный, нормативный и прикладной аспекты, отображающие содержание этой категории, а также предложено их понятие.

***Ключевые слова**:* административно-деликтная политика, административно-наказательная политика, определение понятия, дефиниция.

Основное предназначение современного государства состоит в создании такой системы взаимоотношений между властью и человеком, при которой каждому предоставляется возможность наиболее полно раскрыть свой творческий потенциал, свободно, пользуясь всемерной поддержкой государственных органов, реализовывать законные интересы, защищать их от посягательств, чувствовать себя защищенными от внешних и внутренних угроз [1]. Реальное проявление политической воли лидера нашего государства нашло свое отражение в определении национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации на период до 2024 года [2]. Интерпретируя содержание соответствующего Указа, можно констатировать, что приоритетами для нашего государства в ближайшие 6 лет будут являться: осуществление прорывного научно-технологического и социально-экономического развития РФ, увеличение численности населения страны, повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека.

Препятствиями для прорывного развития России выступают различные деструктивные явления, среди которых, по нашему мнению, ухудшение административно-деликтной ситуации, проявляющееся в росте административных правонарушений: как в целом, так и отдельных разновидностей (например только количество правонарушений в сфере безопасности дорожного движения за 2013–2016 гг. выросло на 22,4 млн случаев).

Своевременное достижение этих задач и приоритетов предусматривает не только их учет при разработке новых и корректировке реализуемых видов государ-

ственных политик, но и проведение правовых исследований, обновление существующих научных концепций, приведение положений законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере государственной власти, гарантии прав, свобод и законных интересов участников правовых отношений к современным реалиям.

Активизировались и научные дискуссии о концептуальном обеспечении развития различных отраслей законодательства, в том числе и административно-деликтного, а также отсутствие окончательно сформулированной единой концепции развития административно-деликтной политики в целом и ее подвидов в частности.

Среди них наибольший интерес представляют вопросы: общей и специальной административно-деликтной терминологии; уточнения роли административной ответственности в механизме правозащиты, ее соотношения с другими видами юридической ответственности, в первую очередь уголовной; перспектив кодификации административно-деликтного законодательства; эффективности применения норм КоАП РФ как материальных, так и процессуальных; административной ответственности за отдельные виды административных правонарушений; расширения и оптимизации системы административных наказаний; механизма внедрения современных технических и информационных технологий; соотношения федерального и субъектового административно-деликтного законодательства и др.

Рассматривая состояние научной разработки очерченной нами проблемы, следует отметить, что Е. В. Додиным, Л. В. Ковалем, А. С. Дугенцом, А. И. Остапенко, В. Е. Севрюгиным, А. П. Шергиным обоснована как самостоятельность административно-деликтного права, так и необходимость формирования административно-деликтной политики.

В дальнейшем теория административно-деликтного права развивалась в монографических трудах Э. Е. Гензюка, В. В. Денисенко, А. Н. Дерюги, И. Ш. Килясханова, А. В. Кирина, С. Н. Клепикова, О. С. Клепиковой, В. К. Колпакова, Д. М. Лукьянца, И. В. Максимова, Д. Н. Мышляева, М. И. Никулина, П. П. Серкова, Ю. П. Соловья, Ю. Н. Старилова, А. С. Родионовой, О. С. Рогачевой, А. Ю. Якимова и некоторых других.

Считаем, что формулировка определения понятия «административно-наказательная политика» требует раскрытия его соотношения с более общей категорией – административно-деликтной политикой.

Учитывая многообразие дефиниций «административно-деликтной политики», приведем ряд ее определений, наиболее принимаемых учеными-административистами.

Так, одним из основоположников административной деликтологии Е. В. Додиным административно-деликтная (административная) политика определяется как «часть общегосударственной политики, представляющая собой деятельность государства и общества по выработке и осуществлению мер, направленных на борьбу с административными правонарушениями и их предупреждение» [3, с. 49].

По мнению А. П. Шергина, в узком «наказательном» смысле – это «научно обоснованная совокупность мер административной ответственности в России», которая «выражает отношение государства к деяниям как административно наказуемым» [4, с. 15].

Как «целенаправленную прогностическую деятельность государства по определению и теоретическому обоснованию потребностей во введении и отмене запретов на действия физических и коллективных субъектов; установлению и корректи-

ровке ответственности в административном порядке за их нарушение; а также формированию, функционированию и научному обеспечению административно-деликтного законодательства в соответствии с государственной правовой политики» рассматривает эту категорию В. К. Колпаков [5].

В. Г. Татарян характеризует ее как «совокупность официальных взглядов на цели, задачи и принципы противодействия административной деликтности» [6].

Системно к определению административно-деликтной политики подошел и И. Ш. Килясханов, интерпретирующий её в широком и узком аспектах. В первом аспекте – это « совокупность единых научно обоснованных и прикладных подходов, оформленных в завершенные рекомендации и предложения по вопросам применения законодательства об административной ответственности, способствующих его полной и эффективной реализации», во втором – «система концептуальных идей и взглядов на правовые, организационные и тактические аспекты борьбы с административными правонарушениями» [7].

Контекстный поиск рассматриваемого словосочетания в Интернете показывает также, что оно используется и другими авторами в связи с рассмотрением особенностей административной ответственности и наказания, исследованием соотношения с уголовно-правовой, уголовно-исполнительной политиками, а также для обозначения совокупности правоотношений, формирующихся в ходе реализации административно-процессуальных норм.

Отмечено, что отдельные авторы допускают частичное использование его содержания применительно к собственным исследованиям, что также влечет размытость его общей формулировки.

Кроме этого, существует и подход, при котором между «административной», «административно-деликтной» и «административно-наказательной политикой» ставится знак равенства.

Следует предположить, что основой общепринятого понимания административно-деликтной политики является признание ее предметом государственной деятельности по урегулированию административно-деликтных отношений, содержанием которых является обязанность нарушителя нести ответственность и правомочие субъектов административной юрисдикции применить к нему предусмотренную законом меру административного наказания [8].

О комплексном, многоаспектном характере политики противодействия административной деликтности справедливо говорит и М. И. Никулин, который выделил ее следующие уровни: 1) государственная политика (доктрина) предупреждения административных правонарушений, выраженная в соответствующих директивных актах (законах, указах Президента, постановлениях Правительства); 2) научная теория и синтез соответствующих политических, социологических и правовых знаний; 3) особый вид социальной деятельности государства, направленный на активное, наступательное противодействие совершаемым административным правонарушениям [9, с. 17].

Можно также свидетельствовать о том, что научные основы этой политики в целом сформированы, однако их правовое закрепление в виде нормативного документа (проекта концепции, основ) все еще находится в стадии обсуждения.

Признавая самостоятельность административно-деликтного права, существование объективных условий для структурирования общественных отношений предме-

та регулирования, наличие относительно обособленных групп норм, регулирующих эти отношения, предлагается административно-наказательное право рассматривать как институт этой отрасли права, а административно-наказательную политику – частью соответствующей разновидности правовой политики.

Например теоретик права А. В. Малько отмечает, что «особую значимость в последнее время приобретает карательная правовая политика (правовая политика в сфере наказаний)», которая представляет собой «научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных органов и институтов гражданского общества в данной сфере» [10].

Уточняя эту позицию, под карательно-правовой политикой понимаем «научно обоснованную, последовательную и комплексную деятельность государственных и негосударственных структур по дальнейшему развитию системы правовых наказаний и юридической ответственности, по совершенствованию отдельных видов наказания, по установлению эффективного механизма применения правовых наказаний на практике» [11, с. 36; 12, с. 137].

При формулировании дефиниции «административно-наказательная политика» необходимо учитывать определения аналогичных понятий, имеющиеся в арсенале других юридических наук.

Например, по мнению большинства исследователей, рассматривать в отрыве друг от друга проблемы административных и уголовных наказаний, без учета их взаимообусловленности, по меньшей мере нелогично.

Исследующий вопросы административной деликтности В. В. Денисенко неоднократно акцентировал внимание на необходимости выработки единства подходов к осуществлению уголовной и административно-деликтной политики, одновременной и согласованной кодификации уголовного и административно-деликтного законодательства. «Фактически, – говорит он, – речь должна идти о выработке единых подходов к осуществлению деятельности государства по защите граждан и общества от преступных и административно-деликтных посягательств, от преступности и административной деликтности в целом. Соответственно, содержанием уголовной и административно-деликтной политики является разработка согласованных целей и задач, средств и методов противодействия преступности и административной деликтности» [13; 14].

Отдельные авторы предлагают также и дефиницию административно-наказательной политики. Так, Д. С. Нагорнов в широком смысле под ней понимает «государственную концепцию по созданию эффективного механизма противодействия административным правонарушениям путем формирования действенного административно-деликтного законодательства, регулирования практики его применения, а также путем выработки и реализации административно-правовых мер, направленных на предупреждение административных деликтов» [15].

Развивая позицию А. П. Шергина, А. Ю. Якимов предлагает использовать иной термин – «административно-наказательная политика», под которой понимается «глубоко продуманная система административных наказаний за совершение различного рода административных правонарушений, имеющая концептуальную, логично обоснованную основу» [16].

В данном определении понятия автором определены: государственный характер этой разновидности политики; форма её проявления – концепция; цель – созда-

ние эффективного механизма противодействия административным правонарушениям; средства достижения указанной цели – формирование действенного административно-деликтного законодательства; регулирование практики его применения; выработка и реализация административно-правовых мер, направленных на предупреждение административных деликтов.

Кроме этого, в качестве цели может быть выделено и «построение модели правового регулирования этой группы административно-деликтных отношений» [17].

Таким образом, нами предлагается к признакам административно-наказательной политики относить: государственно-властный характер; системность, концептуальность, логичную обоснованность; нормативно-правовое закрепление основных положений; соответствие индивидуальным, общественным и государственным интересам, отражающим уровень развития общественных отношений; публично-правовое (преимущественно принудительное) обеспечение; научную обоснованность; взаимосвязь с другими видами государственной политики; наличие субъектов её формирования и реализации.

Также, развивая подход М. И. Никулина к выделению уровней политики противодействия административной деликтности, нами предлагается рассматривать административно-наказательную политику в нормативном, научном и практическом аспектах.

В нормативном аспекте административно-наказательная политика – это принятый в установленном порядке нормативный правовой акт, содержащий модель регулирования административно-деликтных правоотношений, складывающиеся в ходе разработки, нормативного закрепления, применения, исполнения и оценивания эффективности административных наказаний.

Как научная категория административно-наказательная политика представляет собой комплекс имеющих административно-правовую природу научных идей, концепций, подходов, отражающих соответствующий уровень познания ее правовой природы, сущности и содержания, а также перспектив дальнейшего развития.

Административно-наказательная политика в практическом аспекте – урегулированная нормами деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по разработке, нормативному закреплению, применению, исполнению административных наказаний.

Таким образом, административно-наказательная политика является сложным политико-правовым явлением, содержание которого определяется как доминирующими в обществе идеями, взглядами на сущность и состав административных наказаний, критерии их установления, порядок исполнения, так и системой нормативных правовых актов, регулирующих основы их претворения в правовую действительность.

Она тесно взаимодействует с другими видами правовой политики – конституционно-правовой, административной, уголовной, уголовно-исполнительной, налоговой, бюджетной и др. Эти взаимосвязи необходимо учитывать как для совершенствования указанных отраслей законодательства, так и в процессе правоохранительной и судебной практики.

Список литературы:
1. Послание Президента Российской Федерации В. Путина Федеральному Собранию, 01.03.2018. – URL: http: //kremlin.ru/events/president/news/56957.
2. Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – URL: http: //kremlin.ru/events/president/news/57425.
3. Додин Е. В. Понятие и причины административной деликтности // Проблемы административного права и совершенствование административной деятельности органов внутренних дел. Сб. науч. трудов / отв. ред. В. А. Демиденко. – Киев, 1981.
4. Шергин А. П. О Концепции административной политики // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Сборник тезисов статей. – М., 2003.
5. Колпаков В. К. Деликтный феномен в административном праве Украины: автореф. дис… д-ра. юрид. наук: 12.00.07 / В. К. Колпаков, Киев. – 2005. – 39 с.
6. Татарян В.Г. Проблемы кодификации административно-деликтного законодательства государств-участников содружества независимых государств : автореф. дис. ... д. юрид. наук : 12.00.14 / В. Г. Татарян. – Москва, 2005. – 60 с.
7. Килясханов И. Ш., Керимов М. К. Административно-деликтная политика как содержательная составляющая судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-deliktnaya-politika-kak-soderzhatelnaya-sostavlyayuschaya-sudoproizvodstva.
8. Шергин А. П. Размышления об административно-деликтном праве // Актуальные проблемы российского права, 2017, № 5 (78) май. С. 175–182.
9. Никулин М. И. Проблемы науки административной деликтологии*:* автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.14 / М. И. Никулин. – М., 2005. – 52 с.
10. Малько А. В. Правовая политика в сфере выстраивания системы наказаний в современной россии // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 1(12). – С. 17–20.
11. Малько А. В., Ныркова В. В., Родионова А. С. Система правовых наказаний: общетеоретический подход к формированию понятия // Наказание и ответственность в российском праве / под ред. А. В. Малько. – М., 2014.
12. Родионова А. С. Система наказаний в российском праве (общетеоретический аспект): дис. …канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.С Родионова. – Саратов, 2013.
13. Денисенко В. В. От рассогласованности к единству подходов к осуществлению уголовной и административно-деликтной политики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2016. – С. 148–153.
14. Денисенко В. В. Метаморфозы института административной ответственности в контексте перманентных изменений административно-деликтного законодательства, невнятной и противоречивой административно-деликтной политики // Теория и практика административного права и процесса: материалы X Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. В. Д. Сорокина (Небугские чтения) (пос. Небуг Краснодарского края, 1–3 октября 2015) / отв. ред. В. В. Денисенко. – Челябинск: Цицеро, 2016. – С. 71–82.
15. Нагорнов Д. С. Административные наказания в административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Д.С. Нагорнов. – Ростов-на-Дону, 2010. – 31 с.
16. Якимов А. Ю. Формирование административно-наказательной политики : концептуальная основа //Административное право и процесс. – 2006. – № 2. – С. 26–29.
17. Цит. по: Шульга Е. В. Теоретико-правовые основы административно-деликтной политики государства. – URL: http: // http://www.lj.kherson.ua/2017/pravo06/part_3/10.pdf.

Tsyndrya V.N. To the definition of the concept of «administrative-punishment policy"// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 277–283.

The need for improving the administrative and delictual terminology is actualized in the article. The main approaches to understanding the essence of administrative and punitive policy are outlined, and examples of definitions of more general categories are given. The signs revealing the content of this category are revealed, including such as: state-imperious character; conceptual, logical and valid; conformity to individual, public and state interests, reflecting the level of development of social relations; public-law, including coercive, security; scientific validity; interrelation with other types of state policy; presence of a system of subjects in its formation and implementation.

The definition of the term "administrative-punitive policy" is formulated. The place of administrative and punitive policy among other types of policies is defined: constitutional-legal, administrative, criminal, criminal-executive, budgetary, etc. The scientific, normative and applied aspects that reflect the content of this category are singled out, and their concept is proposed.

***Keywords*:** administrative and delictual policy, administrative-punitive policy, definition of concept, definition.

Spisok literatury

1.Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii V. Putina Federal'nomu Sobraniyu, 01.03.2018. - URL: http: //kremlin.ru/events/president/news/56957.
2.Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07 maya 2018 g. №204 «O nacional'nyh celyah i strategicheskih zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda». - URL: http: //kremlin.ru/events/president/news/57425.
3.Dodin E. V. Ponyatie i prichiny administrativnoj deliktnosti // Problemy administrativnogo prava i sovershenstvovanie administrativnoj deyatel'nosti organov vnutrennih del. Sb. nauch. trudov / otv. red. V. A. Demidenko. - Kiev, 1981.
4.SHergin A.P. O Koncepcii administrativnoj politiki // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava: Sbornik tezisov statej. M., 2003.
5.Kolpakov V. K. Deliktnyj fenomen v administrativnom prave Ukrainy: avtoref. dis… d-ra. yurid. nauk: 12.00.07 / V.K. Kolpakov, Kiev. – 2005. - 39 s.
6.Tataryan V.G. Problemy kodifikacii administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva gosudarstv-uchastnikov sodruzhestva nezavisimyh gosudarstv : avtoref. dis. ... d. yurid. nauk : 12.00.14 / V.G. Tataryan. - Moskva, 2005. - 60 s.
7.Kilyaskhanov I. SH., Kerimov M. K. Administrativno-deliktnaya politika kak soderzhatel'naya sostavlyayushchaya sudoproizvodstva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2009. №4. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-deliktnaya-politika-kak-soderzhatelnaya-sostavlyayuschaya-sudoproizvodstva.
8.SHergin A.P. Razmyshleniya ob administrativno-deliktnom prave // Aktual'nye problemy rossijskogo prava, 2017, № 5 (78) maj, S.175-182.
9.Nikulin M.I. Problemy nauki administrativnoj deliktologii: avtoref. dis. ... d-ra. yurid. nauk : 12.00.14 /M.I. Nikulin. - M., 2005. - 52 s.
10. Mal'ko A.V. Pravovaya politika v sfere vystraivaniya sistemy nakazanij v sovremennoj rossii // Vektor nauki TGU. Seriya: YUridicheskie nauki. - 2013. - №1(12). - S.17-20.
11. Mal'ko A.V., Nyrkov V.V., Rodionova A.S. Sistema pravovyh nakazanij: obshcheteoreticheskij podhod k formirovaniyu ponyatiya // Nakazanie i otvetstvennost' v rossijskom prave / pod red. A.V. Mal'ko. M., 2014.
12. Rodionova A.S. Sistema nakazanij v rossijskom prave (obshcheteoreticheskij aspekt): dis. …kand. yurid. nauk : 12.00.01 /A.S Rodionova. - Saratov, 2013.
13. Denisenko V.V. Ot rassoglasovannosti k edinstvu podhodov k osushchestvleniyu ugolovnoj i administrativno-deliktnoj politiki: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Krasnodar, 2016. - S.148-153.
14. Denisenko V.V. Metamorfozy instituta administrativnoj otvetstvennosti v kontekste permanentnyh izmenenij administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva, nevnyatnoj i protivorechivoj administrativno-deliktnoj politiki //Teoriya i praktika administrativnogo prava i processa: materialy H Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj pamyati prof. V.D. Sorokina (Nebugskie chteniya) (pos. Nebug Krasnodarskogo kraya, 1-3 oktyabrya 2015) / otv. red. V.V. Denisenko. CHelyabinsk: Cicero, 2016. - S. 71-82.
15. Nagornov D.S. Administrativnye nakazaniya v administrativno-yurisdikcionnoj deyatel'nosti organov vnutrennih del : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.14 / D.S. Nagornov. - Rostov-na-Donu, 2010. - 31 s.
16. YAkimov, A. YU. Formirovanie administrativno-nakazatel'noj politiki : konceptual'naya osnova //Administrativnoe pravo i process. – 2006. - № 2, S. 26 – 29.
17. Cit. po: SHul'ga E.V. Teoretiko-pravovye osnovy administrativno-deliktnoj politiki gosudarstva. - URL: http: // http://www.lj.kherson.ua/2017/pravo06/part_3/10.pdf.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 284–290.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 343.85

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ГРАЖДАН МОНГОЛИИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ[1]

Гармаев Ю. П., Попова Е. И., Гулина Е. В.

В статье анализируется проблема нарушения гражданами Монголии, пребывающими на территории Российской Федерации, законодательства РФ в области безопасности дорожного движения. Граждане дружественной страны, хоть и имеющей схожее законодательство, нарушают Правила дорожного движения в России, поскольку дорожная обстановка в Монголии имеет свои особенности. Авторы обобщают данные статистики и проведенного анкетирования среди граждан соседнего государства, предлагаю пути решения поставленной проблемы. По мнению респондентов – граждан Монголии, наиболее действенными средствами правового просвещения могут быть информационные буклеты и стенды, а также специально созданные приложения для смартфонов и занятия с теми, кто намерен выехать за пределы страны. Авторы в рамках гранта РФФИ разрабатывают и внедряют памятки для граждан, которые помогают соблюдать законодательство страны пребывания, не совершать преступлений и административных правонарушений.

Ключевые слова: граждане Монголии, пересечение границы, пункты пропуска, законодательство Российской Федерации, Правила дорожного движения, ответственность за нарушения законодательства, безопасность дорожного движения, правовое просвещение.

Россия и Монголия традиционно воспринимаются как страны, имеющие давние связи друг с другом, получившие особенное развитие в советский период. Руководители двух стран в официальных выступлениях не раз указывали, что с учетом длительной истории дружбы и сотрудничества, взаимной комплиментарности народов [1], обе страны должны стремиться к формированию положительного имиджа в глазах граждан-гостей. Особое внимание должно уделяться вопросам обеспечения правовых гарантий защиты прав иностранного гражданина, временно пребывающего на территории соседней страны. В обоих дружественных государствах основополагающим является принцип, согласно которому иностранные граждане пользуются теми же правами и несут те же обязанности, что и граждане собственного государства, за исключением случаев, предусмотренных национальным законодательством [6]. «В связи с тем, что Монголия соседствует с Россией с юго-восточной стороны, а её история и культура тесно переплетаются с историей и культурой населения таких регионов, как Республика Бурятия, Иркутская область, Республика Тыва, Забайкальский край Российской Федерации, весьма интересно наблюдать за изменениями, происходящими у соседей» [14].

[1] *Данная статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта «Защита прав и законных интересов граждан Монголии на территории Российской Федерации и граждан России на территории Монголии» (грант номер 16-23-03006; номер государственной регистрации научно-исследовательской темы проекта: № АААА-А16-116040760004-9).*

Новый виток взаимоотношений между государствами обеспечили недавние политические решения, направленные на укрепление экономических и культурных связей. На текущий момент поток граждан Монголии, пребывающих на территорию нашей страны, существенно увеличился. Так, например, если десять дет назад (в 2008 году) в Республику Бурятия (один из соседствующих регионов РФ, посещаемых нашими соседями) въехало 110039 монгольских граждан, то в 2017 году эта цифра составила 327112 человек, а за 6 месяцев 2018 года уже 139123 (информация предоставлена МВД России по Республике Бурятия по запросу исполнителей гранта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований «Защита прав и законных интересов граждан Монголии на территории Российской Федерации и граждан России на территории Монголии»; грант номер 16-23-03006; номер государственной регистрации научно-исследовательской темы проекта: № АААА-А16-116040760004-9).

Интересно, что посещают Россию представители самых различных слоев населения: учащиеся, студенты, служащие, рабочие, бизнесмены (предприниматели), фермеры, представители системы образования, здравоохранения, культуры, правоохранительных органов, а также домохозяйки, временно неработающие, пенсионеры и другие категории граждан. При этом в числе основных целей приезда в Россию граждане Монголии называют не только туризм и поклонение святыням (на территории России в Республике Бурятия, как известно, располагается Иволгинский дацан – место нахождения нетленного тела Хамбо-ламы Итигэлова – известное место паломничества буддистов, а также иные святые места), посещение родных и знакомых, но и учебу, коммерческую деятельность, вступление в брак, получение медицинской помощи.

Следует отметить, что на увеличение числа гостей из Монголии существенное влияние оказали следующие основные причины:

- заключение в 2014 году соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии об условиях взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан Монголии [12]. Это соглашение установило безвизовый режим пребывания граждан Монголии на территории России в течение 30 дней непрерывно;

- определенное снижение в последние годы уровня жизни в Монголии. В результате, с учетом возможностей, обозначенных в предыдущем пункте, наши соседи, зачастую пересекая границу Российской Федерации, преследуют цель приобретения товаров широкого потребления. Причем одежда, продукты, бытовая химия и другие товары закупаются ими не только для собственных нужд, но и для предпринимательской деятельности у себя дома (реализация товаров, приобретенных в России). В основном такого рода предприниматели пересекают границу на автомашинах преимущественно через многосторонний автомобильный пункт пропуска (МАПП) «Кяхта» (Республика Бурятия). Реже граждане Монголии въезжают на территорию нашей страны через МАПП «Ташанта» (Республика Алтай), «Соловьёвск» (Забайкальский край) и др.

Не зная всех своих прав и обязанностей, имея языковой барьер и социокультурные различия, гости зачастую становятся жертвами преступлений и правонарушений в России. Так, согласно статистическим данным Министерства внутренних дел РФ, в 2014 году количество преступлений в отношении иностранных граждан

возросло на 6,1 % и составило 14 тыс. преступлений. В первом полугодии 2015 года количество преступлений возросло на 24,6 % и составило 7,7 тыс. Иностранцы становятся жертвами не только «общеуголовных» преступлений (кражи, грабежи, убийства) [5; др.], но и иных: экономических, коррупционных и должностных. Подобные проблемы существуют и в Монголии в отношении российских граждан.

Российское и монгольское законодательство можно охарактеризовать как достаточно схожие между собой. Это, как известно, связано с тем, что существенное влияние на формирование нормативно-правовых актов соседнего государства в свое время оказало законотворчество Советского Союза. Однако, характеризуя правоприменительную деятельность Монголии, необходимо упомянуть и о том, что в стране сильны традиции, в результате чего типичны ситуации, когда закон и обычай вступают в некую конкуренцию. Причем зачастую победа остается за последним.

Так, например, несмотря на достаточно строгое законодательство в области дорожного движения на родине, монгольские водители зачастую позволяют себе его нарушать. По данным проведенного нами анкетирования практически любой гражданин России, побывавший в Монголии, с уверенностью может заявить о распространенности следующих ситуаций: число пассажиров в автомашине, особенно в общественном транспорте, превышает (порой значительно) количество посадочных мест; всадники на конях свободно передвигаются на дороге, создавая препятствия автомобилям; участники движения не уступают друг дорогу тем, кто имеет преимущество согласно установленным правилам, и т. п.

В результате, приезжая в Россию на личном автотранспорте, граждане Монголии достаточно часто не соблюдают требования главы 12 КоАП РФ «Административные правонарушения в области дорожного движения». Типичными административными нарушениями являются: пользования телефоном водителем транспортного средства (ст. 12.36.1 КоАП РФ); непредоставление преимущества в движении пешеходам или иным участникам дорожного движения (12.18 КоАП РФ); несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги (ст. 12.16 КоАП РФ); нарушение правил проезда перекрестков (ст. 12.13 КоАП РФ) и правил маневрирования (ст. 12.14 КоАП РФ) и другие.

С учетом изложенного интересны результаты анкетирования монгольских граждан, 91 % из которых, как они сами утверждают, имели опыт общения с российскими сотрудниками ГИБДД. Респондентам был задан вопрос: «С какими проблемами вы столкнулись в России как водитель транспортного средства?». При ответе на него 5 % граждан Монголии отметили, что не знают особенностей российских правил дорожного движения, 14 % указали, что не обладают информацией об административной ответственности за нарушение российских правил дорожного движения, 21 % выбрали ответ «языковой барьер при общении с сотрудниками ГИБДД», 10 % выбрали вариант ответа «языковой барьер при взаимодействии с иными участниками дорожного движения и лицами, с которыми пришлось сталкиваться и к услугам которых приходилось прибегать в процессе управления автомобилем (пешеходы, водители, работники станций технического обслуживания, работники автозаправочных станций и др.)», 21 % указали на отсутствие информации о необходимости и особенностях страхования транспортных средств, 18 % отметили, что не испытывали никаких проблем.

В то же время 30 % респондентов были убеждены, что российские сотрудники ГИБДД нарушали их права и законные интересы. Как полагают наши гости, это выражалось в том, что им указывали на нарушения правил дорожного движения, которые ими допускались (7 % респондентов); не оказывали помощи, когда они обращались с целью ее получения (8 % респондентов); требовали передать им незаконное денежное вознаграждение (взятку) в обмен на несоставление протокола об административном правонарушении (2 % из числа лиц, вовлеченных в процесс анкетирования). Также отдельные респонденты указывали на то, что сотрудники ГИБДД, пользуясь незнанием ими российских законов, злоупотребляли правами, обманывали (например без достаточных оснований налагали штраф, проводили освидетельствование на наличие состояния опьянения, требовали предъявить документы, наличие которых не требуется для управления автомобилем в России, проводили незаконный досмотр транспортного средства).

На вопрос «Нарушали ли вы законодательство России в области дорожного движения, пусть и неумышленно?» большинство граждан Монголии (82 %) ответили отрицательно, затруднились ответить 9 % респондентов. 6 % из числа лиц, принявших участие в анкетировании, выбрали ответ «не знаю», остальные на этот вопрос не ответили. В то же время назвать монгольских граждан бесправными и беззащитными перед российским законодательством решились 12 % респондентов, 29 % от ответа на этот вопрос воздержались, по мнению остальных 59 % респондентов о бесправности в этом смысле говорить не приходится.

Безусловно, приведенные данные вряд ли можно назвать абсолютно объективными, реально отражающими ситуации на дорогах, с которыми сталкивались граждане Монголии, находясь на территории нашей страны. Вместе с тем вряд ли вызовет несогласие тезис о том, что нарушения ПДД гостями из соседнего государства все-таки допускаются, причем подчас они обуславливаются банальным незнанием требований российского законодательства. Обращают на это внимание и сами граждане Монголии. На вопрос «Что, по Вашему мнению, необходимо делать в направлении защиты прав иностранных граждан, пребывающих на территорию России на личном автотранспорте?» были выбраны следующие варианты ответов: организовать распространение полезной информации на границе (в форме видеороликов, информационных стендов, буклетов и пр.) – 25 % респондентов; организовать просветительскую деятельность граждан в этой сфере еще до выезда за пределы своей страны – 25 % респондентов; создать специальные центры защиты прав иностранных граждан на территории России – 11 % респондентов. При этом от респондентов поступили комментарии типа: «иностранцам надо делать послабления, слишком много в отношении нас требований у российских властей», «надо доводить до сведения монгольских граждан требования российских законов при оформлении виз, например об особенностях страхования автовладельцев, распространённости камер фиксации дорожного движения», «нужны специалисты, которые бы помогали разрешать конфликты между гражданами Монголии и российскими сотрудниками ГИБДД».

По мнению опрошенных, наиболее предпочтительной формой распространения информации о действующем законодательстве России в области дорожного движения среди монгольских туристов могут быть информационные буклеты (56 %) и стенды (60 %), а также создание специальных приложений для смартфонов (34 %),

занятия с теми, кто намерен выехать за пределы страны (39 %). Другим формам распространения обозначенной просветительской информации респонденты отдают меньшее предпочтение: видеоролики – 12 % респондентов, «горячая линия» по вопросам разъяснения российского законодательства – 10 %. При этом в числе приемлемых способов распространения обозначенной информации граждане Монголии назвали и ее размещение на официальных сайтах государственных органов, консульства Монголии в России, периодические передачи в средствах массовой информации, распространение в туристических фирмах.

Приведенные данные послужили основой для определения направлений в рамках грантового проекта, одной из основных составляющих которого является защита прав граждан Монголии, пребывающих на территории России. Участниками коллектива, реализующего обозначенный проект, к настоящему времени разработана краткая Памятка [в рамках работы по гранту также были разработаны и другие памятки: 8; 13], в которой в доступной форме на трех языках (русском, монгольском, английском) излагается информация о том, какие документы необходимы гражданам Монголии, планирующим передвигаться по территории Российской Федерации за рулем автомобиля (иного автомототранспортного средства); перечень правонарушений, совершение которых согласно российскому законодательству может повлечь административную ответственность, предусмотренную КоАП РФ; перечень и признаки типичных дорожно-транспортных преступлений; условия оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории РФ; правила, которых следует придерживаться лицам, ставшим участниками ДТП; рекомендации по устранению технических неполадок транспортных средств; информация о том, куда следует обращаться в разнообразных ситуациях, с которыми могут столкнуться иностранные автомобилисты [7].

В процессе создания памяток авторы консультировались с гражданами Монголии, а также с филологами, представителями науки «Монголоведение», обращались к их публикациям (Campbell Michael и Oyunsuren Gungaadash, 2015; Legrand Jacques, n.d.; Баттулга Ч. и Лайхо Мика, 2008; Атсанавонг С. Г., 2014; Ким Сон Чоль, 2013), использовали концепцию правового просвещения населения разных стран (Кошелев Н. Г. и Мазеина Ю. В., 2013; Козлов А. П., 2010; Жидких А. А., 2010; Долинина И. Г. и Шакирова Е. А., 2013). Обозначенные Памятки для граждан Монголии бесплатно распространяются на многостороннем автомобильном пункте пропуска «Кяхта». Решается вопрос размещения таких Памяток в электронном виде для бесплатного скачивания на сайте Генерального консульства Монголии в городе Улан-Удэ. В настоящее время идет работа по подготовке мобильных приложений, которые будут содержать не только информацию в области дорожного движения, но и, как предполагается, включать разделы (вкладки) по вопросам предупреждения коррупции.

Безусловно, обозначенные результаты, хотя и призваны способствовать защите прав и законных интересов граждан Монголии, находящихся на территории России, вряд ли смогут решить все проблемы в области дорожного движения, с которыми сталкиваются иностранцы в нашей стране. Однако смеем надеяться, что они будут способствовать предупреждению и разрешению неблагоприятных ситуаций, с которыми сталкиваются монголы в России, прежде всего, путем правового просвещения

монгольских граждан в части разъяснения законодательства и особенностей правоприменительной практики.

Список литературы:

1.Борисова И. Д. Российско-монгольские отношения и государственная трансформация Монголии в начале XX в. // История государства и права. – 2010. – № 16. – С. 41–44.
2.Гармаев Ю. П. Восточное направление» в научной деятельности юридического факультета Бурятского госуниверситета / Ю. П. Гармаев, Э. Л. Раднаева, Ю. И. Скуратов // Advances in Law Studies. – Том 5. – № 4. – 2018. – С. 406–408.
3.Гармаев Ю. П. Проблемы защиты прав и законных интересов граждан Монголии на территории Российской Федерации и граждан России на территории Монголии: теоретические и организационные основы решения // Международное публичное и частное право. – 2016. – № 6. – С. 46–49.
4.Гулина Е. В. Уголовная ответственность за взяточничество в России и Монголии и проблемы правового просвещения иностранцев, въезжающих на территорию РФ / Е. В. Гулина, Е. И. Попова // Тенденции развития науки и образования. Научный журнал. В выпуске собраны материалы XXXII международной научной конференции «Тенденции развития науки и образования» 30 ноября 2017 г. Часть 1 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2017. – С. 5–9.
5.Гэрэлбаатар Д. Основные причины и условия совершения корыстно-насильственных преступлений в Монголии / Д. Гэрэлбаатар // Российский следователь. – 2008. – № 19. – С. 23–24.
6.Миникес И. А. Конституция Российской Федерации и Конституция Монголии: сравнительный анализ в аспекте индивидуального правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 8. – С. 35–38.
7.Памятка для граждан Монголии на территории России. Безопасность дорожного движения: учебно-практическое пособие / сост. Ю. П. Гармаев, Ю.В. Хармаев, Е. И. Попова, Е.В. Гулина, Н. Гантулга. - Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2017. – Вып. 2. – 12 с.
8.Памятка для граждан Монголии на территории России. Предупреждение коррупции: учебно-практическое пособие / сост. Ю. П. Гармаев, Ю.В. Хармаев, Е. И. Попова, Е.В. Гулина, Н. Гантулга. - Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2017. – Вып. 3. – 10 с.
9.Попова Е. И. Особенности вовлечения в административный и уголовный процесс граждан Монголии, пребывающих на территории России // Международный научный журнал. Eurasia: statum et legem (Евразия: государство и право). – 2016. – № 6. – С. 106–112.
10. Попова Е. И. Особенности разъяснения порядка возмещения ущерба монгольским гражданам, потерпевшим от преступных хищений на территории Российской Федерации // Российский следователь. – 2017. – № 21. – С. 49–52.
11. Попова Е. И., Гулина Е. В. Уголовная ответственность за взяточничество в России и Монголии и проблемы правового просвещения иностранцев, въезжающих на территорию РФ // Тенденции развития науки и образования. 2017. – № 32-1. – С. 5–9.
12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии об условиях взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан Монголии <http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-47/44136> (последнее посещение – 20 августа 2018 г.).
13. Юридическая памятка для граждан Монголии на территории России / сост. Ю.П. Гармаев, Э.Л. Раднаева, Е. И. Попова, н. Гантулга. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2016. Выпуска 1. – 30 с.
14. Inter-branch concept of protection of rights and legitimate interests of Mongolian citizens in the territory of the Russian Federation and the citizens of Russia in the territory of Mongolia/ Yury Vladimirovich Kharmaev, Lydia Petrovna Chumakova, Yury Petrovich Garmaev// Espacios. – Vol. 39. – 2018.

Garmaev Y. P., Popova E. I., Gulina E. V. The problems of legal education of citizens of Mongolia on the territory of the Russian Federation in the field of road safety // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 284–290.

The article analyzes the problem of violation by the citizens of Mongolia, staying on the territory of the Russian Federation, of the legislation of the Russian Federation in the field of road safety. Citizens of a friendly country, though having similar legislation, violate the Rules of the Road in Russia, since the road situation in Mongolia has its own characteristics. The authors summarize the statistics and the survey conducted among the citizens of the neighboring state, suggest ways to solve the problem. According to respondents - citizens of

Mongolia, the most effective means of legal education can be information booklets and stands, as well as specially created applications for smartphones and classes with those who intend to travel outside the country. Authors within the framework of the RFBR grant develop and implement memos for citizens who help to observe the legislation of the host country, not commit crimes and administrative offenses.

Keywords: citizens of Mongolia, border crossing, checkpoints, legislation of the Russian Federation, traffic rules, responsibility for violations of legislation, road safety, legal education.

Spisok literatury:

1. Borisova I. D. Rossijsko-mongol'skie otnosheniya i gosudarstvennaya transformaciya Mongolii v nachale XX v. // Istoriya gosudarstva i prava. – 2010. – № 16. – S. 41 - 44.
2. Garmaev YU. P. Vostochnoe napravlenie» v nauchnoj deyatel'nosti yuridicheskogo fakul'teta Buryatskogo gosuniversiteta / YU.P. Garmaev, EH.L. Radnaeva, YU.I. Skuratov // Advances in Law Studies. – Tom 5. – № 4. – 2018. – S. 406-408.
3. Garmaev YU. P. Problemy zashchity prav i zakonnyh interesov grazhdan Mongolii na territorii Rossijskoj Federacii i grazhdan Rossii na territorii Mongolii: teoreticheskie i organizacionnye osnovy resheniya // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. – 2016. – № 6. – S. 46-49.
4. Gulina E. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za vzyatochnichestvo v Rossii i Mongolii i problemy pravovogo prosveshcheniya inostrancev, v"ezzhayushchih na territoriyu RF / E.V. Gulina, E.I. Popova // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. Nauchnyj zhurnal. V vypuske sobrany materialy XXXII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya» 30 noyabrya 2017 g. CHast' 1 Izd. NIC «L-ZHurnal», 2017.- S. 5-9.
5. Gehrehlbaatar D. Osnovnye prichiny i usloviya soversheniya korystno-nasil'stvennyh prestuplenij v Mongolii / D. Gehrehlbaatar // Rossijskij sledovatel'. – 2008. – № 19. – S. 23-24.
6. Minikes I. A. Konstituciya Rossijskoj Federacii i Konstituciya Mongolii: sravnitel'nyj analiz v aspekte individual'nogo pravovogo regulirovaniya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2009. - № 8. – S. 35-38.
7. Pamyatka dlya grazhdan Mongolii na territorii Rossii. Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya: uchebno-prakticheskoe posobie / sost. YU. P. Garmaev, YU.V. Harmaev, E. I. Popova, E.V. Gulina, N. Gantulga. - Ulan-Udeh: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2017. - Vyp. 2. - 12 s.
8. Pamyatka dlya grazhdan Mongolii na territorii Rossii. Preduprezhdenie korrupcii: uchebno-prakticheskoe posobie / sost. YU. P. Garmaev, YU.V. Harmaev, E. I. Popova, E.V. Gulina, N. Gantulga. -Ulan-Udeh: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2017. - Vyp. 3. - 10 s.
9. Popova E. I. Osobennosti vovlecheniya v administrativnyj i ugolovnyj process grazhdan Mongolii, prebyvayushchih na territorii Rossii // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. Eurasia: statum et legem (Evraziya: gosudarstvo i pravo). – 2016. - № 6. – S. 106-112.
10. Popova E. I. Osobennosti raz"yasneniya poryadka vozmeshcheniya ushcherba mongol'skim grazhdanam, poterpevshim ot prestupnyh hishchenij na territorii Rossijskoj Federacii // Rossijskij sledovatel'. – 2017. - № 21. – S.49-52.
11. Popova E. I., Gulina E. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za vzyatochnichestvo v Rossii i Mongolii i problemy pravovogo prosveshcheniya inostrancev, v"ezzhayushchih na territoriyu RF // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2017. № 32-1. S. 5-9.
12. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Mongolii ob usloviyah vzaimnyh poezdok grazhdan Rossijskoj Federacii i grazhdan Mongolii <http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-47/44136> (poslednee poseshchenie – 20 avgusta 2018 g.).
13. YUridicheskaya pamyatka dlya grazhdan Mongolii na territorii Rossii / sost. YU.P. Garmaev, EH.L. Radnaeva, E. I. Popova, n. Gantulga. – Ulan-Udeh: Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. Vypuska 1. - 30 c.
14. Inter-branch concept of protection of rights and legitimate interests of Mongolian citizens in the territory of the Russian Federation and the citizens of Russia in the territory of Mongolia/ Yury Vladimirovich Kharmaev, Lydia Petrovna Chumakova, Yury Petrovich Garmaev// Espacios. -Vol. 39. - 2018.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 291–297.

УДК 341.98

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ИЗОЛИРОВАННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОММЕРЧЕСКИЕ АРБИТРАЖИ: ОБЗОР ПРАКТИКИ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Демирчян В. В., Новикова Т. В.

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье анализируются два вида международного коммерческого арбитража: институциональный и изолированный. В рамках анализа институциональных международных коммерческих арбитражей авторы последовательно характеризуют Международный арбитражный суд при Международной торговой палате, Арбитражный институт Торговой палаты г. Стокгольма, Центр арбитража и посредничества Торговой палаты Швейцарии и Лондонский международный арбитражный суд. Особое внимание уделяется последней практике Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, в том числе по спорам, которые возникают между лицами одного иностранного государства. В рамках анализа изолированных международных коммерческих арбитражей авторы делают вывод о том, что широкая автономия воли сторон в части определения процедуры арбитража *ad hoc* может рассматриваться не только как его преимущество, но и как существенный недостаток – в том случае, когда стороны спора не ведут себя в духе сотрудничества и взаимодействия. По итогам исследования авторы обобщают отличительные черты институционального и изолированного международных коммерческих арбитражей по критериям периода действия, порядка третейского разбирательства и процедуры избрания арбитров.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, международное третейское разбирательство, институциональный арбитраж, арбитраж ad hoc, арбитражное соглашение, международные экономические связи, период действия арбитража, порядок третейского разбирательства, процедура избрания арбитров.

Международный коммерческий арбитраж, представляющий собой негосударственный орган, который призван рассматривать частноправовые споры с иностранным элементом, построен на концепции автономии воли сторон – соглашение сторон, выступающее основанием его компетенции, одновременно предусматривает и вид избираемого арбитража. Традиционно выделяют два вида международного третейского разбирательства (и, соответственно, международного коммерческого арбитража): институциональное и изолированное.

Институциональный международный коммерческий арбитраж – это постоянно действующий негосударственный орган, создаваемый при торгово-промышленных палатах, ассоциациях или союзах, «функционально являющихся международными» [1, с. 620]. Зарубежные специалисты подчеркивают, что институциональный арбитраж – это некое специализированное учреждение, которое берет на себя роль «администратора арбитражного процесса» [2], осуществляющего техническую и административную помощь сторонам в организации всех процедур рассмотрения спора. Так, например, согласно ст. 1 Арбитражного регламента Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма указанный Арбитражный институт *отвечает за администрирование споров* в соответствии с Регламентами ТПС: Арбитражным регламентом и Правилами ускоренной арбитражной процедуры Торговой палаты

г. Стокгольма, а также иными процедурами или регламентами, согласованными сторонами [3].

К характерным чертам институционального международного коммерческого арбитража можно отнести следующие: его создание на основании устава или положения, определяющих его правовой статус; наличие арбитражного регламента, фиксирующего правила процедуры данного арбитража и, соответственно, порядок рассмотрения переданных ему споров [4, с. 612]; а также формирование списка арбитров, из которых в установленном порядке избирается состав арбитража (по общему правилу в количестве одного или трех арбитров) для рассмотрения конкретного дела [5, с. 621].

В настоящее время насчитывается более сотни институциональных международных коммерческих арбитражей, в числе которых можно выделить следующие. Международный арбитражный суд при Международной торговой палате (*ICC International Court of Arbitration*) является одним из ведущих международных коммерческих арбитражей в мире. По данным официального сайта Международной торговой палаты к настоящему моменту Международный арбитражный суд рассмотрел 23 000 дел с участием сторон из 142 юрисдикций [6].

Арбитражный институт Торговой палаты г. Стокгольма (*Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce*) выступает одним из популярных международных коммерческих арбитражей, в том числе для рассмотрения споров с участием сторон из Российской Федерации [7]. По данным официального сайта Арбитражного института в 2017 г. в Торговую палату г. Стокгольма поступило 200 дел, из которых 96 (48 %) были международными спорами [8].

Центр арбитража и посредничества Торговой палаты Швейцарии (*Swiss Chambers' Arbitration Institution*) также является одним из авторитетных международных коммерческих арбитражей [9]. По данным официального сайта Центра арбитража и посредничества за период с 2004 по 2015 гг. на его рассмотрение было передано 937 дел, из которых 389 завершились вынесением итогового решения. При этом 90 % всех дел составили международные споры [10].

Лондонский международный арбитражный суд (*London Court of International Arbitration*) завершает перечень избранных нами примеров иностранных международных коммерческих арбитражей [11]. Идея, лежащая в основе его образования, была сформулирована в 1893 г. следующим образом: «Эта палата призвана обладать всеми достоинствами, коих не хватает закону. Она должна быть быстрой там, где закон медленный; дешевой там, где закон дорогой; простой там, где закон формализованный; выступать миротворцем, а не подстрекателем борьбы» [12]. По данным официального сайта Лондонского международного арбитражного суда в 2017 г. на его рассмотрение поступило 285 дел, при этом 80 % сторон принадлежали юрисдикциям за пределами Великобритании [13].

Ведущими институциональными международными коммерческими арбитражами в Российской Федерации являются Международный коммерческий арбитражный суд (далее – МКАС) [14] и Морская арбитражная комиссия (далее – МАК) [15], функционирующие при Торгово-промышленной палате Российской Федерации на основании Федерального закона РФ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [16] и Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» [17].

По данным официального сайта МКАС в 2017 г. количество дел в данном международном коммерческом арбитраже достигло 363 (включая национальные споры) [18], что составляет наибольший показатель за период с 2006 по 2017 гг. и превышает аналогичные показатели Лондонского международного арбитражного суда (285 дел за 2017 г.) и Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма (200 дел за 2017 г.). Основные категории иностранных сторон в делах МКАС в 2017 г. составили представители Содружества Независимых Государств (34 %) и Европейского союза (33 %) [18]. По предметному критерию наиболее значительные группы образовали дела из договоров поставки (64 %), оказания услуг (13 %) и подряда (9 %) [18].

Важно указать, что в последнее время отмечается рост количества споров между иностранными компаниями, которые передаются на рассмотрение в МКАС как в нейтральное арбитражное учреждение, что в свою очередь свидетельствует об увеличении популярности МКАС в вопросе рассмотрения споров, в том числе без участия российской стороны [19, с. 310].

В рамках исследования институционального международного коммерческого арбитража необходимо отметить, что сам термин «международный» носит условный характер, «поскольку не выступает явлением международно-правовым (межгосударственным), а отражает лишь общий характер существующих в его рамках отношений, т. е. юридически связанных с правопорядками различных государств и характеризующихся проявлением такой связи» [20, с. 147–148].

В силу ч. 3 ст. 1 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» в такой арбитраж могут передаваться споры, возникающие при осуществлении международных экономических связей. При этом закон конкретизирует, что наличие указанных связей будет установлено в определенных случаях:

1) если коммерческое предприятие хотя бы одной стороны находится за границей; либо

2) если любое место, где должна быть исполнена значительная часть обязательств, вытекающих из отношений сторон, или место, с которым наиболее тесно связан предмет спора, находится за границей; а также

3) в отношении споров, возникших в связи с осуществлением иностранных инвестиций на территории Российской Федерации или российских инвестиций за границей.

В этой связи особый интерес представляет вопрос о международном статусе дел по спорам, которые возникают между лицами одного иностранного государства. Так, в деле МКАС № 148/2014 истец являлся компанией из Гонконга (особого административным района Китая), а ответчик – компанией из Китая. Соответственно, перед единоличным арбитром встал вопрос, «обладает ли МКАС при ТПП РФ компетенцией в ситуации, когда сторонами спора являются компании из одного и того же иностранного государства» [21, с. 215]. Единоличный арбитр выявил, что «поставляемый по договору товар предназначался к поставке за пределы Китая» (в данном деле – в Польшу), и на основании одного этого обстоятельства признал, что «спор связан с международной торговлей и возник из международных экономических отношений» [21, с. 215].

Более того, необходимо отметить, что в настоящее время МКАС вправе администрировать не только международный коммерческий арбитраж, но также внут-

ренние, корпоративные и спортивные споры [22]. Однако, как указывает п. 1 Положения о МКАС (которое является Приложением I к Закону РФ «О международном коммерческом арбитраже»), данные споры будут рассматриваться в порядке «немеждународного», ординарного третейского разбирательства исключительно на основании Федерального закона РФ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

Резюмируя изложенное, определим институциональный международный коммерческий арбитраж как постоянно действующее арбитражное учреждение, которое рассматривает частноправовые споры на основании соглашения сторон; осуществляет свою деятельность в соответствии законами, уставами, положениями, регламентами и иными документами, определяющими порядок третейского разбирательства; обладает административно-техническими и консультативными ресурсами, а также списком арбитров, избираемых в установленном порядке для рассмотрения споров.

Изолированный международный коммерческий арбитраж, или арбитраж *ad hoc* (от лат. «специально для этого», «по особому случаю»), носит временный характер, создается самими сторонами спора и прекращает существование после его рассмотрения [23, с. 405].

Важной чертой арбитража *ad hoc* является то, что в нем стороны самостоятельно определяют порядок третейского разбирательства, место его проведения, арбитра, который будет рассматривать спор, в силу чего крайне важно при избрании данного вида третейского разбирательства максимально детально прописать его процедуру в соглашении сторон. Альтернативой подробного описания арбитражной процедуры может стать ссылка на типовые регламенты существующих институциональных арбитражей, а также обращение к их списку арбитров. Особой популярностью в международной практике пользуется обращение к «автономному» типовому регламенту третейского разбирательства – Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ [24].

Анализируя изолированный международный коммерческий арбитраж, следует особо остановиться на преимуществах и недостатках этого вида международного третейского разбирательства. Очевидное преимущество арбитража *ad hoc* составляет широкая автономия воли сторон в части определения его процедуры. Однако мы полагаем, что указанное преимущество может составить существенный недостаток в том случае, когда стороны спора не ведут себя в духе сотрудничества и взаимодействия. Особо проблемный характер организация арбитража *ad hoc* может приобрести в том случае, когда между сторонами спора не было предварительно заключено соглашение, регламентирующее все аспекты процедуры третейского разбирательства.

При этом сторонам необходимо учитывать, что наличие действительного арбитражного соглашения (если стороны совместно не откажутся от него впоследствии), вне зависимости от определенных процедурных сложностей его исполнения, исключает возможность передачи соответствующего спора на рассмотрение в государственный суд. Так, в Обзоре судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц Высший Арбитражный Суд РФ разъяснил: «Арбитражный суд оставляет иск без рассмотрения в случае наличия во внешнеэкономическом контракте арбитражной оговорки о том, что споры по контракту раз-

решаются в международном коммерческом арбитраже *ad hoc*». Следовательно, в данном случае сторонам арбитражного соглашения надлежит «принять соответствующие меры к рассмотрению спора в порядке арбитража *ad hoc*» (п. 14 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 февраля 1998 г. № 29).

По этой причине справедливым представляется высказывание Г. К. Дмитриевой о том, что «при наличии спорных и запутанных разногласий... использование данного вида арбитража может привести к неуверенности сторон, особенно по процедурным вопросам, и к принятию неудовлетворительного решения», на основании чего ученый делает обоснованный вывод: «В сложных делах институционный арбитраж становится более предпочтительным» [1, с. 621].

По итогам проведенного анализа следует обобщить некоторые отличительные черты рассмотренных видов международного третейского разбирательства (и, соответственно, международного коммерческого арбитража). Во-первых, по критерию периода действия институциональный международный коммерческий арбитраж действует на постоянной основе, а изолированный – временно (для рассмотрения конкретного спора). Во-вторых, по критерию порядка третейского разбирательства в институциональном международном коммерческом арбитраже он определяется регламентом в зависимости от избранного сторонами арбитража (например Регламентом МКАС [25]), а в изолированном – такой порядок устанавливается сторонами по собственному усмотрению в соглашении или определяется ссылкой на регламент действующего институционального международного коммерческого арбитража или на «автономный» типовой арбитражный регламент (например Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ). В-третьих, по критерию процедуры избрания арбитров в институциональном международном коммерческом арбитраже такое избрание осуществляется в установленном порядке из списка арбитров в зависимости от арбитража (например список арбитров по международным коммерческим спорам МКАС размещен на его официальном сайте [26]), а в изолированном оно не ограничено персонально и осуществляется самостоятельно сторонами.

Список литературы:

1.Международное частное право: Учебник / Под ред. Г. К. Дмитриевой. – М.: Проспект, 2016. – 680 с.
2.Green S., Savage D. Ad Hoc v. International Arbitration <https://www.charlesrussellspeechlys.com/en/news-and-insights/insights/real-estate/2013/ad-hoc-v-international-arbitration> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).
3.Арбитражный регламент Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма 2010 г. <https://sccinstitute.se/media/40121/arbitrationrules_ru_webbversion.pdf> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).
4.Ерпылева Н. Ю. Международное частное право: Учебник. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 655 с.
5.Богуславский М. М. Международное частное право: Учебник. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 672 с.
6.Официальную информацию о Международном арбитражном суде при Международной торговой палате можно найти на официальном сайте палаты на английском языке <https:// iccwbo.org/dispute-resolution-services/icc-international-court-arbitration> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).
7.Официальный сайт Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма на русском языке <https://sccinstitute.com/ru> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).
8.Статистика ТПС 2017 <https://sccinstitute.com/ru/статистика> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).
9.Официальный сайт Центра арбитража и посредничества Торговой палаты Швейцарии <https://www.swissarbitration.org> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).

10. SCAI Statistics 2015 and 2004-2015 <https://www.swissarbitration.org/files/515/Statistics/SCAI%20Statistics%202015%20and%202004_2015_20160731.pdf> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).
11. Официальный сайт Лондонского международного арбитражного суда <http://www.lcia.org> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).
12. Цит. по: LCIA History <http://www.lcia.org/LCIA/history.aspx> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).
13. LCIA Facts and Figures – 2017 Casework Report <http://www.lcia.org/News/lcia-releases-2017-casework-report.aspx> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).
14. Официальный сайт Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации <http://mkas.tpprf.ru/ru> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).
15. Официальный сайт Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации <http://mac.tpprf.ru/ru> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).
16. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – № 1 (ч. I). Ст. 2.
17. Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже» // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 32. – Ст. 1240.
18. Статистика 2017 год <http://mkas.tpprf.ru/ru/Stat/page.php> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).
19. Радецкая М. В. Краткий комментарий к решению МКАС при ТПП РФ от 7 июля 2016 г. по делу № 271/2015 // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2017. – № 1. – С. 310-327.
20. Ануфриева Л. П. Международное частное право: В 3-х т. Т. 3. Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс: Учебник. – М.: Издательство БЕК, 2001. – 768 с.
21. Жильцов А. Н. Краткий комментарий к решению МКАС при ТПП РФ от 27 февраля 2015 г. по делу № 148/2014 // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2015. – № 2 / 2016. – № 1. – С. 215–216.
22. Федеральный закон РФ от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона “О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”» // СЗ РФ. – 2016. – № 1 (ч. I). – Ст. 29.
23. Нешатаева Т. Н. Международное частное право и международный гражданский процесс: Учебный курс в трех частях. – М.: Издательский дом «Городец», 2004. – 624 с.
24. Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (пересмотрен в 2010 г.) <https://www.uncitral.org/pdf/ russian/texts/arbitration/arb-rules-revised/arb-rules-revised-r.pdf> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).
25. Регламент Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (утвержден Приказом ТПП РФ от 18 октября 2005 г. № 76) <http://mkas.tpprf.ru/ru/materials> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).
26. Арбитры <http://mkas.tpprf.ru/ru/arbitry> (последнее посещение – 10 августа 2018 г.).

Demirchyan V. V., Novikova T. V. Institutional and isolated international commercial arbitration: review of practice and comparative characteristics // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 3 (70). № 4. – P. 291–297.

The article analyzes two types of international commercial arbitration: institutional and isolated. As part of the analysis of institutional international commercial arbitrations, the authors consistently characterize the international court of arbitration at the international chamber of Commerce, the Arbitration Institute of the Stockholm chamber of Commerce, the arbitration and mediation Center of the Swiss chamber of Commerce and the London international arbitration court. Particular attention is paid to the latest practice of the International commercial arbitration court at the chamber of Commerce and industry of the Russian Federation, including disputes that arise between persons of one foreign state. As part of the analysis of isolated international commercial arbitrations, the authors conclude that the broad autonomy of the will of the parties in determining the ad hoc arbitration procedure can be considered not only as its advantage, but also as a significant drawback – in the case where the parties to the dispute do not behave in a spirit of cooperation and interaction. According to the results of the study, the authors summarize the distinctive features of institutional and isolated international commercial arbitration according to the criteria of the period of validity, the procedure of arbitration and the procedure of election of arbitrators.

Keywords: international commercial arbitration, international arbitration, institutional arbitration, ad hoc arbitration, arbitration agreement, international economic relations, the period of arbitration, the procedure of arbitration, the procedure for the election of arbitrators.

Spisok literatury:

1.Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Uchebnik / Pod red. G. K. Dmitrievoj. – M.: Prospekt, 2016. – 680 s.
2.Green S., Savage D. Ad Hoc v. International Arbitration <https://www.charlesrussellspeechlys.com/en/news-and-insights/insights/real-estate/2013/ad-hoc-v-international-arbitration> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
3.Arbitrazhnyj reglament Arbitrazhnogo instituta Torgovoj palaty g. Stokgol'ma 2010 g. <https://sccinstitute.se/media/40121/arbitrationrules_ru_webbversion.pdf> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
4.Erpyleva N. YU. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Uchebnik. – M.: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2015. – 655 s.
5.Boguslavskij M. M. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Uchebnik. – M.: NIC INFRA-M, 2016. – 672 s.
6.Oficial'nuyu informaciyu o Mezhdunarodnom arbitrazhnom sude pri Mezhdunarodnoj torgovoj palate mozhno najti na oficial'nom sajte palaty na anglijskom yazyke <https:// iccwbo.org/dispute-resolution-services/icc-international-court-arbitration> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
7.Oficial'nyj sajt Arbitrazhnogo instituta Torgovoj palaty g. Stokgol'ma na russkom yazyke <https://sccinstitute.com/ru> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
8.Statistika TPS 2017 <https://sccinstitute.com/ru/statistika> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
9.Oficial'nyj sajt Centra arbitrazha i posrednichestva Torgovoj palaty SHvejcarii <https://www.swissarbitration.org> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
10. SCAI Statistics 2015 and 2004-2015 <https://www.swissarbitration.org/files/515/Statistics/SCAI%20Statistics%202015%20and%202004_2015_20160731.pdf> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
11. Oficial'nyj sajt Londonskogo mezhdunarodnogo arbitrazhnogo suda <http://www.lcia.org> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
12. Cit. po: LCIA History <http://www.lcia.org/LCIA/history.aspx> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
13. LCIA Facts and Figures – 2017 Casework Report <http://www.lcia.org/News/lcia-releases-2017-casework-report.aspx> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
14. Oficial'nyj sajt Mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazhnogo suda pri Torgovo-promyshlennoj palate Rossijskoj Federacii <http://mkas.tpprf.ru/ru> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
15. Oficial'nyj sajt Morskoj arbitrazhnoj komissii pri Torgovo-promyshlennoj palate Rossijskoj Federacii <http://mac.tpprf.ru/ru> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
16. Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2015 g. № 382-FZ «Ob arbitrazhe (tretejskom razbiratel'stve) v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. – 2016. – № 1 (ch. I). St. 2.
17. Zakon RF ot 7 iyulya 1993 g. № 5338-I «O mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe» // Vedomosti s"ezda narodnyh deputatov Rossijskoj Federacii i Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii. – 1993. – № 32. – St. 1240.
18. Statistika 2017 god <http://mkas.tpprf.ru/ru/Stat/page.php> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
19. Radeckaya M. V. Kratkij kommentarij k resheniyu MKAS pri TPP RF ot 7 iyulya 2016 g. po delu № 271/2015 // Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha. – 2017. – № 1. – S. 310-327.
20. Anufrieva L. P. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: V 3-h t. T. 3. Transgranichnye bankrotstva. Mezhdunarodnyj kommercheskij arbitrazh. Mezhdunarodnyj grazhdanskij process: Uchebnik. – M.: Izdatel'stvo BEK, 2001. – 768 s.
21. ZHil'cov A. N. Kratkij kommentarij k resheniyu MKAS pri TPP RF ot 27 fevralya 2015 g. po delu № 148/2014 // Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha. – 2015. – № 2 / 2016. – № 1. – S. 215-216.
22. Federal'nyj zakon RF ot 29 dekabrya 2015 g. № 409-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshim silu punkta 3 chasti 1 stat'i 6 Federal'nogo zakona “O samoreguliruemyh organizaciyah” v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona “Ob arbitrazhe (tretejskom razbiratel'stve) v Rossijskoj Federacii”» // SZ RF. – 2016. – № 1 (ch. I). – St. 29.
23. Neshataeva T. N. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo i mezhdunarodnyj grazhdanskij process: Uchebnyj kurs v trekh chastyah. – M.: Izdatel'skij dom «Gorodec», 2004. – 624 s.
24. Arbitrazhnyj reglament YUNSITRAL (peresmotren v 2010 g.) <https://www.uncitral.org/pdf/ russian/texts/arbitration/arb-rules-revised/arb-rules-revised-r.pdf> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
25. Reglament Mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazhnogo suda pri Torgovo-promyshlennoj palate Rossijskoj Federacii (utverzhden Prikazom TPP RF ot 18 oktyabrya 2005 g. № 76) <http://mkas.tpprf.ru/ru/materials> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).
26. Arbitry <http://mkas.tpprf.ru/ru/arbitry> (poslednee poseshchenie – 10 avgusta 2018 g.).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 298–302.

УДК 342.1

СТАТУСНОЕ КОНСТИТУИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Нифанов А. Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Комплексный подход к определению территории в государстве предполагает не только решение вопросов политической организации государства, разработки категориального аппарата, отвечающего проблемам современного конституционного строительства, но также сравнительно-правовое исследование конституционно-правовых разноаспектных установлений о территории в государстве на основе сопоставимых критериев.

В этой связи в статье представлены результаты анализа конституций стран Содружества Независимых Государств на предмет выявления в них норм о территории в государстве с учетом статусных, принципиальных и трансформирующих положений. Автором установлено фрагментарное конституционное регулирование статуса территории в государстве положениями исследованных конституций. В качестве положительного аспекта выступает примерно однородный состав конституционных принципов территории в странах постсоветского пространства. Отрицательный аспект – отсутствие системного подхода на уровне конституции, отражающего последовательное регулирование статуса территорий: от состава и завершая порядком изменения границ.

Ключевые слова: территория, государственная территория, состав территории, изменение границ, административное территориальное устройство, принципы территории, местное самоуправление.

Содружество Независимых Государств как региональное межгосударственное объединение является одной из системообразующих структур на постсоветском пространстве, позволяющей большинству входящих государств согласовывать свои позиции и с той или иной степенью эффективности совместно решать общие вопросы. Хотя не отрицаем отсутствие к ней интереса у ряда стран постсоветского пространства, которые либо изначально не интегрировались в организацию, либо в последующие годы отказались от членства в ней.

Отдельное от иных унитарных государств рассмотрение вариантов конституционно-правового закрепления норм о территории в странах СНГ обусловлено тем, что на момент прекращения существования Советского Союза «как геополитической реальности» [1] республики, обретшие суверенитет, находились в сопоставимой системе политических и юридических координат.

Таким образом, в рамках данного участка исследовательское внимание сосредоточено на выявлении конституционного формата норм о территории в государствах-членах и участниках СНГ (Армения, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдова, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан).

Проведенный анализ показал наличие группы учредительных актов, в которых обособлен специальный раздел (глава) о статусных особенностях территории в государстве. Однако данные нормы посвящены территории опосредованно, их прямое назначение – либо регулирование управления в рамках определенной территории, либо определение административно-территориального устройства.

Так, в Конституции Республики Узбекистан предусмотрена отдельная Глава XVI «Административно-территориальное устройство Республики Узбекистан» [9]. В ее ст. 68 с точки зрения критерия территориального управления и самоуправления (хотя в наименовании главы заявлено только управление) указано, что Республика Узбекистан состоит из областей, районов, городов, поселков, кишлаков, аулов а также Республики Каракалпакстан. Отметим, что конструкция указанной конституционной нормы, несмотря на заявленное территориальное устройство, все-таки не содержит таких формулировок, как «*территория* Республики Узбекистан состоит из *территорий* областей, районов» и т. д.

В рассматриваемую группу актов также, на наш взгляд, целесообразно включить Конституцию Молдовы в связи с тем, что в ней выделена самостоятельная ст. 3 с наименованием «территория» [6]. Она отражает принцип неотчуждаемости территории Республики Молдова, а также положения о границах государства («границы страны закреплены органическим законом с соблюдением общепризнанных принципов и норм международного права»).

Как видим, в информативном плане указанная статья имеет важность только при определении некоторых статусных особенностей территории государства Молдова. О ее видовом многообразии, порядке изменения статуса и других деталях в анализируемой статье установлений нет.

Далее, на наш взгляд, целесообразно обратить внимание на закрепление в конституциях фокусной группы государств принципов территории.

Итак, в конституции Азербайджана в ст. 11 (ч. 1) определено, что территория Азербайджанской Республики едина, неприкосновенна и неделима (ч. 1).

В ст. 1 Конституции Беларуси сформулирован принцип территориальной целостности [4]. Далее в ч. 2 ст. 9 указано, что территория Беларуси едина и неотчуждаема.

В ч. 2 ст. 3 Конституции Казахстана установлено, что государство обеспечивает целостность, неприкосновенность и неотчуждаемость своей территории [5].

В ч. 1 ст. 8 Конституции Киргизии закреплено положение, что территория Кыргызской Республики в пределах существующей границы целостна и неприкосновенна [2].

Согласно Конституции Таджикистана территория является неделимой, неприкосновенной и целостной (ст. 7) [7].

В Конституции Узбекистана сделан акцент на неприкосновенности и неделимости не только территории, но и государственной границы (ст. 3).

Специфика юридической конструкции ст. 1 Конституции Туркменистана состоит в том, что единство и неделимость относятся и к государственному суверенитету, и к территории Туркменистана [8]. Далее же указано, что государство защищает территориальную целостность Туркменистана.

Таким образом, видно, что состав принципов в анализируемых учредительных актах является примерно одинаковым:

– целостность (во всех конституциях, кроме Узбекистана и Молдовы);

– неприкосновенность (во всех конституциях, кроме Беларуси, Туркмении и Молдовы);

– неделимость (отсутствует в конституциях Беларуси, Казахстана, Киргизии, и Молдовы);

– единство (наличествует в конституциях Беларуси, Туркмении и Украины);

– неотчуждаемость (наличествует в конституциях Азербайджана, Беларуси, Казахстана и Молдовы).

Следует уточнить, что в Конституции Армении искомые принципы отсутствуют. На наш взгляд, это существенный недостаток учредительного акта, требующий корректировок.

Отдельного внимания заслуживают конституционные положения, позволяющие сделать вывод о наличии муниципальной территории.

Исходя из анализа конституций стран-членов и участников СНГ, следует наличие четырех принципиальных форматов представления местного самоуправления: специальная глава (раздел) о нем; совокупно с местным государственным управлением или местным управлением; фрагментарное упоминание по тексту конституции; замещение понятия «местное самоуправление» иными юридическими конструкциями. Таким образом, при наличии во всех анализируемых учредительных актах различных вариаций правового закрепления института местного самоуправлении, логично предположить и наличие в этих государствах муниципальной территории.

Дальнейшее исследование конституций фокусной группы стран позволило выявить типичный прием в закреплении видового многообразия территории исходя из ее административно-территориального деления (вне специального раздела или главы):

– «административно-территориальными единицами Республики Армения являются марзы (области) и муниципалитеты» (ст. 121 Конституции Армении [3]);

– «территория делится на области, районы, города и иные административно-территориальные единицы. Административно-территориальное деление государства определяется законодательством» (ч. 2 ст. 9 Конституции Беларуси);

– «в целях организации государственного управления и местного самоуправления территория Кыргызской Республики делится на определяемые законом административно-территориальные единицы» (ч. 2 ст. 8). При этом города Бишкек и Ош являются городами республиканского значения, их статус определяется законом;

– «Туркменистан по административно-территориальному устройству состоит из: велаятов, городов с правами велаята, этрапов, городов с правами этрапа, городов в этрапе, посёлков, генгешликов. Территория одного или нескольких сёл образует генгешлик» (ст. 16).

Исключением здесь является ч. 2 ст. 11 Конституции Азербайджана, в которой перечислен лишь состав территории: внутренние воды Азербайджанской Республики, принадлежащий Азербайджанской Республике сектор Каспийского моря (озера), воздушное пространство над Азербайджанской Республикой.

Относительно порядка изменения территории в государстве установлено, что он определен только в Конституции Азербайджана. В ч. 3 ст. 11 указано, что Азербайджанская Республика никому ни в какой части и ни в каком виде не передает свою территорию; государственные границы могут изменяться только путем референдума, проводимого по решению Милли Меджлиса Азербайджанской Республики среди всего населения Азербайджана, на основе волеизъявления народа Азербайджана

В ст. 69 Конституции Узбекистана определено, что изменение границ Республики Каракалпакстан, областей, города Ташкента, а также образование или упразднe-

ние областей, городов, районов производится с согласия Олий Мажлиса Республики Узбекистан.

Полагаем, сложившаяся ситуация с отсутствием конституционного закрепления порядка изменения статуса территории в остальных заявленных государствах связана с законодательным регулированием.

В целом необходимо констатировать фрагментарное конституционное регулирование статуса территории в государстве положениями исследованных конституций. В качестве положительного аспекта выступает примерно однородный состав конституционных принципов территории в странах постсоветского пространства. Отрицательным аспектом считаем отсутствие системного подхода на уровне конституции, отражающего последовательное регулирование статуса территорий: начиная от состава и завершая порядком изменения границ.

Список литературы:

1.Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (Минск, 8 декабря 1991 г.) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 1. С. 6.
2.Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. // http://worldconstitutions.ru/?p=128 (дата обращения 17.06.2018 г.).
3.Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. // http://worldconstitutions.ru/?p=132 (дата обращения 17.06.2018 г.).
4.Конституция Республики Белоруссии от 15 марта 1994 г. // http://worldconstitutions.ru/?p=131 (дата обращения 17.06.2018 г.).
5.Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. // http://worldconstitutions.ru/?p=129 (дата обращения 17.06.2018 г.).
6.Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. // http://worldconstitutions.ru/?p=127 (дата обращения 17.06.2018 г.).
7.Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. // http://worldconstitutions.ru/?p=125 (дата обращения 17.06.2018 г.).
8.Конституция Республики Туркменистан от 18 мая 1992 г. // http://worldconstitutions.ru/?p=124 (дата обращения 17.06.2018 г.).
9.Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. // http://worldconstitutions.ru/?p=123 (дата обращения 17.06.2018 г.).

Nivanov A. Status the constitution of the territory in the countries of the commonwealth of independent states // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 298–302.

An integrated approach to the definition of territory in the state involves not only the solution of the political organization of the state, the development of a categorical apparatus that meets the problems of modern constitutional construction, but also a comparative legal study of constitutional and legal provisions of different aspects of the territory in the state on the basis of comparable criteria.

In this regard, the article presents the results of the analysis of the constitutions of the Commonwealth of independent States in order to identify their rules on the territory in the state, taking into account the status, principle and transforming provisions. The author has established a fragmentary constitutional regulation of the status of the territory in the state by the provisions of the studied constitutions. A positive aspect is the approximately homogeneous composition of the constitutional principles of the territory in the post-Soviet countries. The negative aspect is the lack of a systematic approach at the level of the Constitution, reflecting the consistent regulation of the status of the territories, starting from the composition and ending with the order of changing borders.

Keywords: territory, state territory, composition of territory, change of borders, administrative territorial structure, principles of territory, local self-governmen.

Spisok literatury

1.Soglashenie o sozdanii Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv (Minsk, 8 dekabrya 1991 g.) // Informacionnyj vestnik Soveta glav gosudarstv i Soveta glav pravitel'stv SNG «Sodruzhestvo». 1992. № 1. S. 6.
2.Konstituciya Kyrgyzskoj Respubliki ot 27 iyunya 2010 g. // http://worldconstitutions.ru/?p=128 (data obrashcheniya 17.06.2018 g.).
3.Konstituciya Respubliki Armeniya ot 5 iyulya 1995 g. // http://worldconstitutions.ru/?p=132 (data obrashcheniya 17.06.2018 g.).
4.Konstituciya Respubliki Belorussii ot 15 marta 1994 g. // http://worldconstitutions.ru/?p=131 (data obrashcheniya 17.06.2018 g.).
5.Konstituciya Respubliki Kazahstan ot 30 avgusta 1995 g. // http://worldconstitutions.ru/?p=129 (data obrashcheniya 17.06.2018 g.).
6.Konstituciya Respubliki Moldova ot 29 iyulya 1994 g. // http://worldconstitutions.ru/?p=127 (data obrashcheniya 17.06.2018 g.).
7.Konstituciya Respubliki Tadzhikistan ot 6 noyabrya 1994 g. // http://worldconstitutions.ru/?p=125 (data obrashcheniya 17.06.2018 g.).
8.Konstituciya Respubliki Turkmenistan ot 18 maya 1992 g. // http://worldconstitutions.ru/?p=124 (data obrashcheniya 17.06.2018 g.).
9.Konstituciya Respubliki Uzbekistan ot 8 dekabrya 1992 g. // http://worldconstitutions.ru/?p=123 (data obrashcheniya 17.06.2018 g.).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 303–311.

УДК 67.3

ДОГОВОР АБАРСАЛА И ЭБЛЫ КАК ДРЕВНЕЙШИЙ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОГОВОР В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В СЕРЕДИНЕ III ТЫС. ДО Н. Э.

Кошман В. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса о древнейшем международном договоре. По мнению автора, таковым можно считать договор между древними государствами Месопотамии Эблой и Абарсалем, датируемый серединой XXIV в. до н. э. В статье приведена краткая характеристика упомянутых государств, а также произведено детальное рассмотрение самого документа. В его тексте автором выделены три смысловые части и дана их развёрнутая характеристика. Так, детально охарактеризованы положения об ответственности за преступления, о торговле между государствами и о принятии обязательств Абарсалем. В связи с последней главой выдвинуто предположение, что договор был заключён по итогам военных действий, в которых государство Эбла оказалось победителем. В финальной части статьи произведено сравнение рассматриваемого договора с другими правовыми памятниками этого периода, в частности с соглашением между Эламом и Аккадом. Значительный объём статьи также посвящён анализу текстов, касающихся конфликта между Уммой и Лагашем. После детального рассмотрения этих источников автор приходит к выводу об их несоответствии понятию международного договора. В заключении договор между Эблой и Абарсалем постулируется как древнейший международный договор.

Ключевые слова: древнейший международный договор, Месопотамия, государство, торговые отношения, мирный договор.

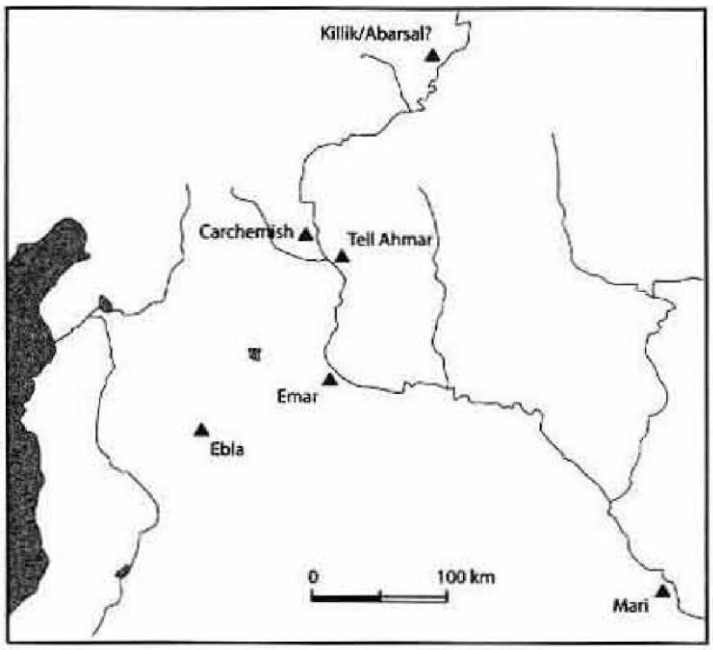
Родиной наиболее древнего международного договора между Уммой и Лагашем, датируемого серединой III тыс. до н. э., является Месопотамия. В свою очередь, малоизвестным остается другой договор того же периода, который появился в северной части Месопотамии, на территории современной Сирии. Это договор Эблы с Абарсалем. Следует отметить, что нами используется наиболее точный и современный перевод данного текста 2003 года Пелио Фронзароли [9] с рядом пояснений и уточнений Альфонсо Арчи, так как не все термины, использованные при переводе на итальянский, можно точно перевести на русский.

Прежде чем приступить к анализу положений договора, считаем необходимым дать краткую характеристику субъектам заключения договора, так как без этого понимание ряда положений документа будет неясно. Так, Эбла расположена в провинции Идлиб на территории Сирии и известна под названием Телль Мардих. Ее расцвет приходится на XXVI в. до н. э. – конец XXIV в. до н. э., а закат связан с тотальным разрушением города около 2300 г до н. э. Считается, что это было сделано Саргоном Аккадским, однако данное положение является весьма спорным в свете того, что он был правителем союзного города Киша. Кроме этого, перед самым разрушением в Киш была отправлена для женитьбы принцесса из Эблы. Мы присоединяемся к мнению, что Эбла была разрушена ее заклятым соперником Мари [5].

Основой благосостояния государств Северной Месопотамии была торговля: как караванная, так и по реке Евфрат, которая была главной артерией для сообщения с Южной Месопотамией. Один из путей в Северную Месопотамию, шедший через Нагар (Тель-Брак), контролировался Эблой [5, с. 13]. Торговля велась не только соответствующим служащими, но и частными лицами, а также подчиненными полукочевыми народами. Особое значение в экономике Эблы имело отгонное скотоводство. При этом основными животными были козы и овцы, которые использовались как для питания, так и для производства шерсти [12, с. 416]. Это связано с тем, что, хотя в то время и было значительно больше осадков, чем сейчас [6, с. 52], но основным видом земледелия было богарное земледелие. Также особенности многих территорий, находящихся в зоне рискового земледелия, вынуждали местное население в качестве резерва вести в существенном объеме скотоводство.

Об Абарсале известно крайне немного, так как его точное местоположение не установлено до сих пор. По одной из версий это Телль Чуэра [11, с. 31], по другой – Телль Ахмар, а по третьей– Барзало (Барсалиум) [13, с. 50]. Мы склоняемся к последней версии, так как она основана на наиболее последних данных. Стоит отметить, что он также был важным пунктом в поставке ряда

Карта с приблизительным обложением Абарсала, с разрешения Guy Bunnens из его статьи



товаров из Анатолии в Месопотамию. Абарсал управлялся королем, вместе с которым был «ba-da-lum», заместитель, «ugula». Среди его чиновников в экономических документах упоминают курьеров, «kas», садовников, «nu-kiri», NE.DI [4, с. 410].

Договор между Эблой и Абарсалем дошел до нас почти в полном объеме. Он состоит из 63 строк основного текста и около 5 заключительного. В структуре договора не разделяются преступления и отношения, возникающие из торговых сношений.

Интерес представляет то, что в нем закреплено неравноправное положение сторон, хотя прямых пассажей о подчиненности нет, и такая практика имела место. Это можно проследить на примере договора между Аккадом и Эламом. Для удобства изложения нами выделены в договоре три основных блока: положения, касающиеся ответственности за преступления, положения, касающиеся торговых взаимоотношений, положения, касающиеся обязательств правителя Абарсала.

Как правовой памятник он представляет собой договор между двумя городами, которые имели в прямом подчинении и другие населенные пункты. Однако перед нами встает вопрос о том, как классифицировать сам документ ввиду разнообразия точек зрения на момент возникновения международных отношений и государства в частности. Так как в рамках ограниченного объема не хватит места для этой крайне сложной проблемы, а целью является рассмотрение самого договора в контексте того времени, то мы презюмируем и Эблу, и Абарсал как государства. Следует принять во внимание, что Эбла была развитым урбанистическим центром созрелой бюрократии, далеко зашедшим социальным расслоением и крупной территорией, поэтому и классифицировать ее как государство представляется обоснованным. По мнению же автора, современная теория государства, как и теория международных отношений, фокусируют свое внимание на нации-государстве, которая является продуктом развития государственности Западной Европы с XVI века и доминирующей формой организации общества на данный момент. В связи с этим существенная часть споров вокруг государственных образований сводится к поиску подобного в современности. Также говоря о договоре Эблы и Абарсала следует принимать во внимание, что он именуется нами древнейшим международным договором, но точнее было бы говорить о межгосударственном договоре. Это позволяет подчеркнуть не только статус самих договаривающихся сторон, но и указать на то, как они воспринимали друг друга в тот период времени.

Особую ценность табличка с документом представляет ввиду того, что она является оригиналом договора [4, с. 410]. Важную информацию дает и то, где она была найдена. Табличка находилась на деревянной полке в «Великом Архиве» во дворце правителя Эблы. Рядом с данным договором хранилась переписка с государством Мари. Это позволяет утверждать, что договор классифицировался как предмет международной переписки особой важности. Последнее подтверждает сам характер данного архива, в котором хранились лишь наиболее важные документы, преимущественно о доставке драгоценных металлов, систематически собираемые с позволения министра [4, с.80]. Также датировку договора можно уточнить, учитывая то, что Эбла была уничтожена около 2300 г. до н. э. и сведения, приводимые А. Арчи [5, с. 10]. Это позволяет датировать его не позднее 2340 г. до н. э., т. е. отнести к середине XXIV в. до н. э.

Текст договора начинается перечислением городов и крепостей, которые принадлежат Эбле. В то же время, как заметил П. Фроназароли, в договоре отличается фактическое владение (контроль) и признание права на тот либо иной населенный пункт или крепость [9, с. 57]. Тем самым, вероятно, данный договор заключался по результатам военных действий, которые закончились очевидно не в пользу Абарсала, так как, кроме явно подчиненного положения, в нем должны были совершаться службы божеству Эблы, что в то время обозначало признание верховенства. Также верховенство проявилось в следующем:

– правитель Абарсала должен был сообщать обо всех предлагаемых ему союзах против Эблы;

– исключительно с разрешения Эблы Абарсал мог позволить кому-либо путешествовать в ее сторону;

– односторонняя обязанность по бесплатному предоставлению запасов еды в случае задержки каравана свыше 20 дней, если правитель хотел их задержать дольше, а также даче воды всем просящим путешественникам;

– села, подчиняющиеся Абарсалу, должны предоставлять просимое правителем Эблы.

Прежде чем давать характеристику положениям об ответственности за преступления и положениям, касающимся торговых взаимоотношений, обратим внимание на характер формулировки ответственности. Люди того периода не разделяли уголовную и гражданскую ответственность, а исходили из общих, в своей основе религиозных, представлениях об ущербе. Причем ущерб мог носить не только материальный, но и ритуальный характер. Соответственно, что при убийстве, что при некачественном товаре размер ответственности устанавливался в количестве овец. Это является свидетельством в пользу того, что право тогда еще не рассматривалось в качестве самостоятельного явления. Согласно другому аспекту, применение именно овец как меры ответственности, говорит об их значимости для экономики государств данного региона, хотя уже в тот период подавляющее большинство расчетов велось в серебре.

Анализ текста договора позволяет выявить наличие норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений. Если сравнивать нормы о преступлениях с наиболее ранним известным правовым памятником – Кодексом Ур-Намму [2], то видно, что они имеют одинаковую конструкцию, причем многие нормы сформулированы по схеме гипотеза–санкция (иногда с диспозицией), что, принимая во внимание их характер, позволяет говорить о том, что данные нормы являются правовыми, то есть устанавливаемые государством как правила, применяемые на регулярной основе и ответственность за нарушение которых наступала со стороны государства (в данном контексте одной из договаривающихся сторон). Это позволяет утверждать то, что задолго до кодекса Ур-Намму существовала традиция закрепления норм об ответственности за преступления, свидетельством чего и выступает рассматриваемый нами договор. Само собой, мы не можем говорить о том, что это были правовые нормы в современном понимании. Это связано с тем, что современное понимание государства и права происходит из конкретной традиции эпохи Просвещения Европы, для которой, в том числе, характерно разделение светского и религиозного аспекта, что в мировой истории является скорее исключением, чем практикой.

С другой стороны, в договоре силен ритуальный аспект ответственности, на что указывает положение «если после того, как его поразит насмерть ударом аморрейского кинжала либо же копьем, при отсутствии быков или ослов для проведения обряда очищения, должное предоставление должно будет производиться с использованием овец; а если и овец для проведения обряда очищения нет, то должное предоставление должно будет производиться с использованием голубей». Такой ритуал проводился в случаях убийства одного человека другим, например перед боевыми действиями все войска участвовали в данном ритуале. Кроме того, масло как

один из товаров, упоминаемых среди поставок от Абарсала Эбле, применялось в ритуале. В связи с этим становится ясным, почему именно напитки и масло подлежали замене Абарсалем в случае их некачественности.

В отличие от кодекса Ур-Намму, в договоре с Абарсалем проводится различие между посягательством на частную и государственную собственность. Так, если при грабеже дома житель Эблы убьет жителя Абарсала, то он платит 50 баранов, а кража в крепости, вратах, оливковых садах и других местах (на табличке отсутствует часть надписи) наказывается смертью. К публичной сфере относился и правитель. Его особый статус подчеркивается тем, что его оскорбление, равно как богов и страны, наказывалось смертью. Всеобъемлющий характер ответственности правителя как воплощения и источника государственной власти носит положение о том, что на нем лежит ответственность за убийство кем-либо из Абарсала от его имени. При этом личность правителя понимается отдельно от государства.

В договоре содержатся особенности ответственности в зависимости от статуса лица. Если влиятельный человек оскорблял правителя одного из городов, то он передавался властям своей страны, где подлежал смертной казни. Неравное положение Абарсала в данном аспекте проявляется в другом положении: в случае оскорбления одного из командира групп (военачальника) Эблы оскорбивший был обязан заплатить 50 овец, а вот начальник крепости свое добро, таран и повозку.

Порогом ответственности, с которого начиналось вмешательство правителя, была стоимость 10 овец, так как именно в случае кражи из эблаитского стада такого количества животных предполагалась ответственность правителя.

Особое внимание и значительный объем договора касаются торговли. Кроме упоминаемых норм в отношении караванов с обязательствами со стороны правителя Абарсала, подобная обязанность устанавливалась для начальника крепости в случае задержки каравана, которым передавалось его добро. Он был обязан предоставить быков и овец в дар. Это лишало представителей каравана возможности получения запасов на обратный путь. Важной мерой по защите полукочевых жителей был запрет на продажу и пользование товарами, скотом и членами семьи в случае гибели путешественников (мужчин). Это исключало возможность не только присвоения товаров, но и продажи в рабство лиц, относящихся к Эбле.

Более низкое положение Абарсала проявлялось в установлении запрета на торговлю по реке, ведущей к Эбле, в то же время для товаров и соответствующего лица предоставлялось место на рынке и барже. Для Эблы же никаких ограничений не было.

Отдельные вопросы поставки товаров и их качества также нашли свое отражение в договоре. Так, ввиду особой ценности леса, устанавливался большой штраф за превышение ожидаемого объема в размере 12 овец. В случае наличия некоторых вопросов к качеству товара, а, именно, быка или осла, если он был крутого нрава и имел обыкновение наносить увечья, то продавцу из Абарсала при продаже покупателю из Эблы необходимо было добавить 20 овец. Таким образом, можно утверждать о том, что Эбла добивалась для себя и своих поданных торговых привилегий.

Рассмотрение договора не может быть полным без сравнения его со считающимся на данный момент наиболее древним договором между Уммой и Лагашем. Однако прежде чем их сравнивать, мы остановимся на спорном моменте, касающемся самого договора. Во-первых, в ряде источников даются различные даты,

вплоть до 3100 г. до н. э., во-вторых, источник называют договором Месалима. Что касаемо датировки, то она связана со второй проблемой, так как даты старше самих источников появились в связи с предполагаемым временем правления Месалима, правителя города Киш, который установил знак, устанавливавший границу между Уммой и Лагашем. Однако сам монумент, как и его текст, до нас не дошел, что полностью исключает какие-либо датировки раньше, чем наиболее древний памятник, дошедший до нас – Стелла Стервятников, т. е. 2450 г. до н. э. [10]. Хотя, несомненно, данный монумент упоминается в других источниках времен Эанатума и его племянника Энментены, касающихся конфликта Уммы и Лагаша.

При ознакомлении с переводом всех источников, касающихся вышеуказанного конфликта, приведенных в работе Д. С. Купера [7, с. 43–54], обращаем внимание на огромную разницу между ними и договором Абарсаля. В то время как положения договора построены по той же структуре, что и поздние правовые памятники Месопотамии, источники невозможно назвать правовыми памятниками вовсе. Договор носит четкий характер с перечислением прав и обязанностей сторон, происходя из принятой межгосударственной переписки того периода. При этом назвать это явление сугубо эблаистким нельзя, так как письменность ими была перенята только в конце XXV в. до н. э. из региона современного Ирака, соответственно есть все основания полагать, что Эбла продолжала уже существовавшие традиции. Источники, касающиеся конфликта Уммы и Лагаша, по нашему мнению, договорами по своей сущности назвать нельзя, так как они являются триумфальными текстами, прославляющими победы Эанатума и Энментены, что видно из структуры и высокопарного стиля, в отличие от предельно лаконичного и точного текста Договора Абарсала, а также характера самих источников. Несомненно, в текстах Лагаша описывается процедура заключения мирного договора, а также сакральное обоснование действий правителей, подаваемое как праведное возмездие, направляемое богом Нингирсу, через них за нарушение клятвы правителем Уммы перед богами. Клятва перед богами презюмируется и в договоре Абарсала, а в заключительной части содержатся положения-проклятия, повествующие о гневе богов. Однако если принять позицию о том, что тексты Лагаша являются текстами договоров, то тогда следует признать, что документы, упоминающие процедуру заключения договора между Мари и Эблой, также являются договорами. Само собой, с такой позицией мы не можем согласиться. Поэтому считаем, что древнейшим дошедшим до наших дней текстом международного договора является договор Эблы с Абарсалем. Более того, как мы уже упоминали, существуют все основания считать данную глиняную табличку оригиналом договора, что тем больше подчеркивает его ценность в качестве источника. Кроме того, структура его положений, аналогичная Законам Хамураппи и Кодексу Ур-Намму, позволяет говорить о том, что это и древнейший письменный памятник права.

Для сравнения стоит привести и другой документ, являющийся древнейшим дошедшим до нас мирным договором – договором Нарам-сина. Данный правовой памятник в исторической литературе, в том числе в книге (1989 г.) крупнейшего шумеролога СССР И. М. Дьяконова [1, с. 78], считается древнейшим международным договором. Данное обстоятельство легко объясняется тем, что тексты, касающиеся Уммы и Лагаша, а также Аккада и Элама, были найдены в начале XX века, в то время как договор Абарсала в 1975 году. С другой стороны, свидетельство Дья-

конова подтверждает наш вывод о том, что тексты, касающиеся конфликта Уммы и Лагаша, соответствующими специалистами за международный договор не считались, так как договор Нарам-Сина датируется 2250 г. до н. э. [14].

Последний документ отличается от Абарсала своим изложением и характером. Будучи договором о мире, он однозначно и прямо закрепляет подчиненное положение Элама по отношению к Аккаду. В нем упор делается на военный характер помощи, вплоть до выделения постоянного войска во главе с генералом. В начале каждого положения следует клятва правителей перед богами: «Короли произносят свои клятвы пред богами. Как: король, преданный Нахити, (как) король покорный Иншушинак, (как) король верный Шиашум, Напир и Нанмде» [8, с. 172], что близко порядку заключения, описанному в текстах о конфликте Уммы и Лагаша. В то же время явно ритуальный характер ответственности и соблюдения договора прослеживается и здесь. Так, король Элама берет на себя обязательство по сооружению статуи Нарам-Сина: «В признание его даров, мои подчиненные [должны поддерживать тех, кто связан договором с Нарам-Сином]. Я сделаю статую тебя, она будет посвящена [богам Сузы]. Я буду предохранять ее от вреда. Никто здесь ее не разрушит…. Я сделаю статую тебя…» [8, с. 172]. Это служит подтверждением того, что положение в договоре Абарсала о совершении ритуала божеству Эблы говорит о его подчиненном положении и в сакральном измерении. Также совпадают по назначению положения о недопущении враждебных действий со стороны подчиненной стороны и ее подданных.

Существенным отличием договора Нарам-Сина выступает указание на получение и отсылку даров, что отсутствует в положениях договора Абарсала, однако практика отсылки даров была известна Эбле также, как и торжественное принесение клятвы главному божеству города, и применялась при отношениях с Мари: «Это естественно показало необходимость заключения договора, которому представители Мари поклялись в храме Куры, главного бога Эблы. Такая же церемония была произведена в Мари. Следующий пассаж, который регистрирует дары для делегации, прибывшей из Мари, показывает, что табличка с договором была размещена в храме города» [5, с. 10].

Учитывая то, что Эбла и Мари были частью письменной культуры Месопотамии, мы считаем, что в будущем возможны находки еще более древних памятников права и международных договоров. Также стоит обратить внимание на то, что памятники, касающиеся договоров и переписки между правителями, не опечатывались вплоть до появления Аккадского государства[1]. Данное обстоятельство является интересным, так как многие памятники протописьменности Ура и Элама являлись буллами и несли на себе оттиски печатей, а активное применение печатей в административной практике восходит к первой половине IVтыс. до н. э., в том числе на памятниках в Сирии вроде Храма Серого Глаза в Тель-Браке[2]. С другой стороны, данное обстоятельство говорит о сравнительно позднем появлении письменной переписки между правителями, которая, по нашему мнению, исходя из того, в каком контексте была обнаружена табличка с договором Абарсала, являлась источником, из которого вышли международные договоры.

[1]Сведения полученные при личном общении с Альфонсо Арчи.

[2]Akkermans Peter M. M. G., Schwartz, Glenn M. The archaeology of Syria: from complex hunter-gatherers to early urban societies (c. 16,000–300 BC). – . Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 199.

Договор Абарсала представляет особый интерес как древнейший межгосударственный договор. Он свидетельствует о существовании в XXIVв. до н. э. развитого регулирования отношений между государствами, которое уже не имело исключительно ритуально-сакрального характера, а было унормировано устоявшимися обычаями взаимоотношений между ними. Последнее нашло свое выражение в межгосударственной переписке как особом виде документооборота ввиду обособленности хранения и наличия специальных ответственных лиц. Хотя в то время право не знало деления на гражданское и уголовное, тем не менее существовало понятие ответственности, отличное от ритуального характера, деление на государственную и частную собственность. Данные обстоятельства подтверждаются и тем вниманием, которое было уделено торговле и привилегиям, которых добивалась Эбла. С другой стороны, это выступило фактором, определяющим принципиально разное содержание с договором Нарам-Сина, также заключенным по итогам войны. Для торговых государств привилегии были существенно важнее военной помощи. Впрочем это не отменяет внимания, уделенного установлению территорий, и помещение этих положений в самое начало текста.

Список литературы:

1. История древнего мира: в 3 кн. / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. – 3-е изд., испр и доп. – М. : Наука, 1989. – Кн .: 1: Ранняя древность / отв. ред. И. М. Дьяконов. – 470 с.
2. Коношкин Д. Кодекс царя Ур–Намму : [Электронный ресурс] / Д. Коношкин. – Режим доступа: http://engur.ru/5793
3. Akkermans Peter M. M. G The archaeology of Syria: from complex hunter-gatherers to early urban societies (c. 16,000–300 BC) / Peter M. M. G Akkermans, Glenn M Schwartz. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
4. Alfonso Archi La ville d'Arbasal / Archi Alfonso // Ebla and Its Archives : Texts, History, and Society. – Berlin : De Gruyter, [2015].
5. Archi Alfonso A victory over Mari and the fall of Ebla / Alfonso Archi, Maria Giovanna Biga // Journal oURLf Cuneiform Studies. – 2003. – Vol. 55. – P. 1–44.
6. Cantelli, L. Geomorphologic approach to the eblaite Chora / L. Cantelli, V. Picotti, V.M.L. Martina // Ebla and its landscape : early state formation in the ancient Near East. – Walnut Creek, California : Left Coast Press, Inc., 2013.
7. Cooper, Jerrold S. Reconstructing history from ancient inscriptions : the Lagash-Umma border conflict / Jerrold S. Cooper. – Malibu: Undena Publications. – 1983. – P. 43–54.
8. Foster, Benjamin R. The Age of Agade: Inventing Empire in Ancient Mesopotamia / Benjamin R. Foster. – New York NY: Routledge, 2016. – 438 p.
9. Fronzaroli, Pelio Testi di Cancelleria: i rapporti con le città (Archivi Reali di Ebla Teesti XIII) | / Pelio Fronzaroli. – Roma, 2003. – No. 5. – P. 43–76.
10. Stele of vultures: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.louvre.fr/en/oeuvre-notices/stele-vultures
11. Matthiae, P. The Royal palace. Functions of the Quarters and the Government of the Chora / P. Matthiae // Ebla and its landscape : early state formation in the ancient Near East. – Walnut Creek, California : Left Coast Press, Inc., 2013. – P.
12. Minniti, C. Exploiting Animals The Zooarchaeological Evidence through the Early Bronze Age at Ebla / C. Minniti // Ebla and its landscape : early state formation in the ancient Near East. – Walnut Creek, California : Left Coast Press, Inc., 2013.
13. Site hierarchy in the Tishrin Dam area and third millennium geopolitics in Northern Syria_Euphrates River Valley Settlement: The Carchemish Sector in the Third Millennium BC, Levant. Supplementary Series 5. – Oxford : ed. E. J. PELTENBURG, 2007.
14. Treaty between Naram-Sin and Elam: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.livius.org/pictures/iran/susa/susa-museum-pieces/treaty-between-naram-sin-and-elam/

Koshman V. A. Treaty between Abarsal and Ebla as most ancient interstate treaty in formation of international legal regulation in Near East in middle of III millennium BC // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 303–311.

The article is devoted to the question about the most ancient international treaty. According to the author, a treaty between ancient Mesopotamia state of Ebla and state of Abarsal could be considered such an agreement, dated back to XXIV cen. B.C. A brief characteristic of states mentioned is given in an article, alongside with the detailed consideration of the treaty itself. The text is divided into three semantic parts by an author, and detailed characteristic of each is given. The three semantic parts explained are the crimes penalties, the interstate trade rules and the commitments of the state of Abarsal. According to the last one, author gives an assumption that the treaty sums up the hostilities between states mentioned, and marks the victory of Ebla. In the final part of the article, a comparison between treaty and other legal monuments of the period is made. The legal monument chosen for comparison are the treaty between state of Elam and state of Akkad, alongside with the texts linked to conflict between Umma and Lagash states. After the detailed review of the sources mentioned, author concludes that they don't meet the requirements for an international treaty. In conclusion, the treaty between state of Ebla and state of Abarsal is stated as the most ancient international treaty.

Keywords: the most ancient international treaty, Mesopotamia, state, trade relations, peace treaty.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 312–325.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 34

Международная научно-практическая конференция «Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства» в выступлениях участников секции «Актуальные проблемы уголовного права и процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и прокурорского надзора»

Михайлов М. А., Омельченко Т. В., Ануфриева Е. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;
Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Международная научно-практическая конференция «Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства», приуроченная к 80-летию Новосибирской области, была проведена по инициативе заместителя председателя правительства области, министра юстиции региона, доктора юридических наук Омелехиной Н. В. Организаторы нашли единомышленников среди руководителей вузов Новосибирска, занимающихся подготовкой юристов и научно-исследовательской работой в сфере юриспруденции. В числе организаторов также выступили университеты из Германии и Узбекистана.

В гостях у сибиряков собрались представители разных регионов страны. Авторы этого обзора прибыли из Республики Крым не только ради участия в работе конференции, но и для подготовки соглашения о сотрудничестве с новосибирскими вузами.

По нашему мнению, подобные обзоры нельзя считать дублированием материалов научного форума. Трибуна конференции зачастую используется участниками научного форума для апробации своих гипотез и смелых научных решений, для выражения озабоченности состоянием дел в той или иной сфере, для высказывания предложений по преодолению тех или иных проблем. Поэтому настоящая статья является своего рода отчетом о том, как проходила работа конференции (точнее отдельной ее секции) и дополняет изложенное в материалах своеобразной стенограммой того, что было сказано во время выступлений, ответов на вопросы, передает атмосферу завязавшейся дискуссии. Это помогает не упустить важных мыслей и предложений, возникших уже по ходу работы секции, становится своеобразной обратной связью для выступавших, дает им самим представление, насколько доходчиво они объяснялись и как были поняты.

В статье изложен ход и основные положения выступлений на секции «Актуальные проблемы уголовного права и процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и прокурорского надзора», а также вопросы к выступавшим и ответы на них.

Ключевые слова: уголовное право, криминология, уголовный процесс, криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность.

Работа самой многочисленной на конференции секции «Актуальные проблемы уголовного права и процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и прокурорского надзора» проходила на площадке юридического факультета Новосибирского государственного технического факультета и модерировалась **деканом юридического факультета Поляковым С. В.**, а также **доктором юридических наук, профессором Плоховой В. И.**, представлявшей Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

Секция начала заседание с выступления заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета **Давыдова Сергея Ивановича,** доктора юридических наук, доцента, который поделился с собравшимися своими соображениями об особенностях такой научной специальности, как оперативно-розыскная деятельность (ОРД) [2, с. 225–228]. При этом он затронул три проблемных вопроса:

- преподавание ОРД в «гражданских» вузах;
- состояние научных исследований в сфере оперативно-розыскной теории и их эффективность;
- отдельные актуальные для практиков вопросы правового регулирования ОРД.

Давыдов С. И. считает, что необходимость преподавания оперативно-розыскной деятельности в неведомственных вузах назрела. Речь идет не о дисциплине в полном объеме, а хотя бы об основах ОРД или правовом регулировании ОРД. Выпускники этих вузов также становятся следователями, прокурорами, судьями и должны иметь представление, каким образом еще до возбуждения дела формируются выходы на источники доказательств. Практика показывает, что эти категории сотрудников не обладают достаточными данными в данной сфере, что нередко приводит к курьезным ситуациям. Так, например, в Смоленском районе Алтайского края конфидента вызвали по повестке в суд для дачи показаний по делу о незаконном обороте наркотиков. Оперативные работники из Казани обратились в юридический институт с просьбой о консультации, как им отказать следователю, который вынес постановление о выемке дел оперативного учета на конфидента. Другой стороной этой проблемы является провокация при проведении оперативных мероприятий по тем же наркотикам и взяточничестве. Эти факты уже неоднократно становились объектом рассмотрения в Европейском суде по правам человека.

Было обращено внимание и на неправильное оформление результатов оперативно-розыскной деятельности. Например, по делам о взяточничестве документирование факта проводилось в рамках такого оперативно-розыскного мероприятия, как наблюдение, хотя фактически это был оперативный эксперимент.

Выступающий высказал свою точку зрения о необходимости более широкого признания результатов ОРД доказательствами, хотя процессуалисты нередко считают такие доказательства недопустимыми. Однако они уже широко используются и упоминаются в приговорах судов. Уже есть решение Конституционного суда о том, что допустимость сведений, полученных в результате ОРД, в каждом конкретном случае должен определять суд общей юрисдикции. Подводя итог сказанному по первой проблеме, Давыдов С. И. заявил о необходимости преподавания ОРД в «гражданских» вузах в определенном объеме для того, чтобы следователи, прокуроры и судьи, получившие такое образование, имели об этой сфере правоохранительной деятельности необходимое представление.

О второй проблеме, заявленной выступающим, было отмечено, что теория ОРД зачастую развивается параллельно практике, не пересекаясь в нужной степени для взаимообогащения. Изданные учебники и рекомендации быстро устаревают и недостаточно оперативно обновляются. А преступность стремительно осваивает новые ниши, такие как, например, киберпространство. Да и средства и методы раскрытия преступлений быстро меняются. Оперативные сотрудники уже широко используют

информацию из баз мобильной связи, камер видеонаблюдения, прибегают к помощи экспертов, ДНК-идентификации и т. п.

По мнению выступающего, теория ОРД может более действенно помогать практикам в противодействии преступности. Однако этого не происходит по нескольким причинам. Одна из них – это режим секретности. У многих исследователей просто нет доступа к литературе под грифом. Даже своими публикациями подобного характера докладчик не вправе распорядиться, рекомендовать их он может не каждому. Сегодня некоторые авторы открытых публикаций по ОРД свои рекомендации преподносят в завуалированных формах, что нельзя признать нормальным.

Выступающий заострил внимание аудитории и на том, что методики раскрытия и расследования преступлений должны быть комплексными и адресоваться как оперативным сотрудникам, так и следователям. Первые должны понимать, как будут использованы результаты их работы, а вторые – представлять, что происходило до этого и что стало источником доказательств. Первый опыт уже есть и разрабатывается такое направление, как оперативно-розыскное обеспечение судопроизводства.

И, наконец, раскрывая третью проблему правового регулирования ОРД, С. И. Давыдов напомнил, что Федеральный Закон «Об ОРД», действующий с 1995 года, свидетельствует о том, что эта деятельность не выполняет какие-то вспомогательные или обеспечивающие функции, а имеет государственно-правовой статус, государство официально разрешает и регламентирует используемые методы. Конституционный суд после рассмотрения уже более двухсот жалоб на положения этого Закона не нашел в них несоответствий Конституции Российской Федерации.

Но это еще не свидетельствует о том, что закон совершенен и его положений достаточно для эффективного применения всех оперативно-розыскных средств и методов, считает выступающий. Он обратил внимание на уже упоминавшуюся ранее многозначность трактовки содержания оперативного эксперимента. Этими разночтениями зачастую пользуется сторона защиты, сводя на нет усилия по получению доказательств. Другую проблему доктор юридических наук С. И. Давыдов обозначил как возможность применения мер принуждения в рамках ОРД. Без принудительных мер невозможно осуществление целого ряда оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), а эти действия нельзя считать уголовно-процессуальным задержанием, причем Конституционный суд определил, что чисто в ОРД вообще никаких задержаний быть не может.

Докладчик озвучил опыт соседних стран по преодолению этих проблем, не определившись, однако, с их оценкой. Так, в УПК Грузии, Украины, Казахстана появились так называемые негласные следственные действия, являющиеся по своей природе ОРМ, которые уполномочили проводить следователя. В то же время в Омской академии МВД был подготовлен проект Оперативно-розыскного кодекса, основным разработчиком которого стал В. Ф. Луговик. Этот проект после длительного обсуждения в кругу специалистов был направлен в Государственную Думу, но не прошел из-за отсутствия заключения Правительства.

Докладчик сослался на исследования московского профессора Шумилова А. Ю., который проанализировал диссертации, защищенные по ОРД, и пришел к выводу, что ни одно из предложений по совершенствованию законодательства, выносившееся на защиту, не получило продолжения, за исключением идеи разработки и принятия Оперативно-розыскного кодекса.

В завершение выступления С. И. Давыдов выразил надежду на то, что усилия ученых и практиков в этом направлении все же увенчаются успехом.

Отвечая на вопрос об украинском УПК, предоставившем следователю право совершать действия, которые ранее были возможны только в рамках ОРД, вплоть до привлечения к негласному сотрудничеству, С. И. Давыдов указал, что не разделяет эту точку зрения. Необходимо проявлять больше доверия к оперативному работнику, который более профессионально справится с этими задачами.

На вопрос о том, совершенствование какого нормативно-правового акта позволило бы снизить риск провокации при проведении ОРМ, выступающий ответил, что дело не в улучшении законодательства. Уже и Европейский суд по правам человека и Верховный суд РФ дали понять практикам, что необходимо работать так, чтобы преступный умысел фигуранта реализовывался им независимо от того, подключились ли правоохранительные органы к документированию его преступной деятельности или нет. Необходимо не провоцировать его на преступные действия, а совершенствовать свое мастерство по их фиксации.

На вопрос об излишней секретности в определении оперативно-розыскных мероприятий С. И. Давыдов согласился, что все это уже тайной не является. Секретными должны оставаться фигурант, время и место.

В своем выступлении доктор юридических наук, профессор **Павлик Михаил Юрьевич,** заведующий кафедрой уголовного права и процесса Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина коснулся не только заявленных в программе аспектов борьбы с угонами и хищениями транспортных средств [7, с.293], но и затронул целый ряд актуальных проблем уголовной политики России в целом.

Прежде всего, он отметил, что Конституция 1991 года и ныне действующее уголовное законодательство отошли от приоритетов 60-х годов, когда на первом месте было государство. Сегодня их можно обозначить как личность – общество – государство. В нашей стране принцип признания преступником только по приговору суда теперь соблюдается неукоснительно, что также является большим достижением после произвола 30-х годов. Однако анализ судебно-следственной практики, по мнению выступающего, свидетельствует и о наличии серьезных проблем в сфере противодействия преступности и особенно преступлениям против собственности, доля которых составляет 44 %. Из них две трети – это кражи. Эффективность их раскрываемости очень низка. Например по кражам автомототранспорта в Санкт-Петербурге она составляет лишь 4 %. У налогоплательщика, подчеркнул выступающий, возникает обоснованный вопрос, зачем нужны правоохранительные органы, если убытки может возместить страховая компания.

Другой проблемой в выступлении была названа коррупция. Многочисленные ее примеры на самых разных уровнях, вплоть до губернаторов и федерального министра, свидетельствуют о том, что это не из ряда вон выходящие криминальные проявления отдельных лиц, а сложившийся стереотип, когда коррупция стала непременным атрибутом той или и ной государственной должности. И мнение о том, что коррупция даже закреплена у нас в отдельных нормах, не случайно.

Профессор Павлик М. Ю. указал, что уголовная политика, являясь частью социальной политики государства в борьбе с преступностью, имеет цель – минимизация роста преступности и задачу – обеспечение безопасности личности, общества и гос-

ударства. Уголовная политика включает в себя комплекс взаимосвязанных и вместе с тем самостоятельных составляющих. Это – уголовно-правовая политика, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная и оперативно-розыскная. Уголовная политика в этом комплексе доминирует, но, по мнению некоторых ученых, таких как Э. Ф. Побегайло, С. Ф.Милюков, Я. И. Гилинский, зашла в тупик. Соглашаясь с ними, докладчик иллюстрирует это примером с ч. 6 ст. 15 УК РФ, позволяющей судье, в зависимости от фактических обстоятельств, снижать категорию тяжести преступления на одну ступень, чем серьезно попирается закон. Признание состояния алкогольного опьянения также уже не относится к отягчающим обстоятельствам, а может быть признано таковым лишь по усмотрению судьи (ч. 1.1. ст. 63 УК РФ). Профессор Павлик М. Ю. считает, что слишком многое сейчас передается на усмотрение судьи, что влечет коррупционные риски.

Было обращено внимание и на вред, причиняемый необдуманными решениями по принятию, а затем отмене изменений в Уголовный кодекс. Это касалось и декриминализации, и возвращения в УК клеветы ст. 129 УК (декабрь 2011 – июль2012), и снижения возраста потерпевшей с 16 до 14 лет при совращении несовершеннолетней ст. 134 УК в 1996–2003 гг, и в отмене конфискации имущества с ее возвращением в иные меры уголовно-правового характера.

Что касается гуманизации уголовной политики, то выступающий отметил два момента этой тенденции. Уголовным правом должны заниматься специалисты, а не историки и философы, как это сейчас нередко происходит. Гуманизация уголовной политики – это в первую очередь защита законопослушных граждан, а уж затем ее влияние должно быть направлено на лиц, совершивших преступление. Необходимо реформировать правоохранительные органы, считает профессор Павлик М. Ю. Не сокращать их, увеличивая нагрузку на полицейских и, в частности, на участковых, а проводить рациональные реформы. И второе – государство должно возместить ущерб, причиненный имущественным преступлением потерпевшему независимо от того, найден преступник или нет. Это положение действует уже во многих цивилизованных странах.

В заключение выступления М. Ю. Павлик высказал мнение, что если действующее законодательство не отвечает требованиям современности, то нужны конкретные его изменения. Нужно решить задачу уголовной политики – обеспечение безопасности личности, общества и государства. У нас есть положительный пример такого решения – Чечня. Там был беспорядок, а сегодня порядок там наведен.

На вопрос о его отношении к изменениям, касающимся введению в Уголовной кодекс проступков, М. Ю. Павлик ответил, что он противник подобных новаций. Отрицательно он отнесся и к предложению о расширении в УК применения абсолютно определенных санкций. В отношении последнего модератор С. А. Поляков высказал собственное мнение о том, что абсолютно определенные санкции помогли бы снизить коррупционную составляющую и устранить давление на судью при вынесении приговора.

Свое выступление «Типология современных источников криминалистически значимых сведений» [4, с. 277–280] **Михайлов М. А.,** один из авторов настоящей публикации, построил на анализе реалий широкого внедрения во все сферы жизни и деятельности человека информационных и коммуникационных технологий, приборов и оборудования, позволяющих всеобъемлюще фиксировать все происходящее

вокруг. Сведения, получаемые из этих источников, могут отображать и противоправную деятельность, что существенно облегчает расследование правонарушений. Выступающий отметил, что сегодня создается и широко внедряется специальное оборудование, предназначенное для борьбы с правонарушениями, например системы видеонаблюдения за дорожным движением. Порядок и правовые основания использования информации таких систем постоянно и целенаправленно совершенствуются, чего не скажешь в отношении технологий, где информация о противоправной деятельности фиксируется случайно. Доступ к такой информации, ее применение для раскрытия и расследования преступлений сопровождается многочисленными пробами и ошибками, в зависимости от наработанного опыта. Отсутствие правовой регламентации в этой сфере, а нередко и знаний о характере информации, имеющейся в этих источниках, сложности с доступом к ней, медленное внедрение специальных технологий, в отдельных сферах противодействия преступности вынуждают правоохранителей прибегать к использованию серых баз данных, доступу к требуемой информации через игровые и развлекательные сервисы, имеющиеся в глобальной информационной сети Интернет. Выступающий привел пример опыта крымских следователей, которые в целях оперативного установления данных базовой станции сотовой связи в районе места происшествия использовали сведения из открытого сайта игры «Нетмониторинг». Не дожидаясь внедрения в правоохранительную деятельность современных технологий и оборудования для распознавания лиц, уже сегодня возможно обращение к игровому сервису Findface для поиска человека в социальных сетях по его фотоснимку.

Выступающий высказал мнение, что в данных случаях цель получения криминалистически значимой информации оправдывает средства, использование которых не противоречит требованиям закона, но пожелал при этом ускорения разработки и внедрения профессиональных криминалистических средств, имеющих прямое предназначение.

Было предложено осуществлять постоянный мониторинг новаций современных информационных технологий с целью использования их достижений для получения криминалистически значимых сведений при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений, с оценкой их возможностей и приемлемой достоверности получаемых результатов.

Выступающий отметил, что классическая структура частных методик расследования отдельных видов преступлений также требует совершенствования. Ее необходимо дополнить элементами, содержащими рекомендации по использованию современных информационных технологий.

В выступлении отмечалось, что для эффективного использования плодов современных технологий в ОРД и криминалистике, особенно при расследовании неочевидных преступлений, следует разработать алгоритмы поиска таких источников в зависимости от следственной ситуации, вида преступления, особенностей места и времени его совершения, а также характеристики личности потерпевшего и его окружения.

По мнению выступавшего, для разработки техник и тактики работы с ними, устранения ошибок и нарушения законодательства необходима разработка классификации таких источников криминалистически значимой информации по различным критериям.

Было предложено семь критериев такой классификации.

По содержанию фиксируемой информации:

- с фиксацией места и времени события (приобретение билета, прохождение бандероли через учреждения почтового сервиса);
- с фиксацией признаков внешности и иных биометрических данных (статических – автоматическая фотосъемка пользователя банкомата, также динамических – камеры видеонаблюдения; группа крови – по базе данных донора, пальцевый узор – по данным системы охраны, использующей дактоключ, и т. д.);
- с фиксацией иной информации (госномера автомобиля, номера абонента мобильной связи).

По форме хранения информации:

- с отражением результатов на материальном носителе и в электронном виде (кассовый аппарат);
- с отражением только в электронном виде (видеорегистратор).

По форме отображения результатов:

- пригодные для непосредственного восприятия (текстовая, фото- видеоформа);
- требующие дополнительного преобразования (штрихкод на контейнере с медицинскими анализами, QR-код в рекламном объявлении).

По срокам хранения информации:

- длительного хранения (банковская информация);
- среднесрочного хранения (базы данных сотовых операторов);
- краткосрочного хранения (камеры видеонаблюдения);
- непредусматривающие хранения (webкамеры в общественных и иных местах).

По возможности фиксации перемещений объекта:

- динамической фиксации (видеоаппаратура, навигаторы);
- статической фиксации (фототехника> в т. ч. с возможностью геотегинга[1], системы пропуска и охраны, базы операторов сотовой связи).

По связи информации об объекте с фигурантом:

- прямая (базы систем пересечении рубежей охраны по пальцевому узору, сетчатке глаза иным биометрическим данным, фотоснимки и видеозаписи);
- опосредованная (базы операторов сотовой связи, расчетов банковской картой).

По наличию законодательной охраны информации:

- охраняемая законодательством (базы сотовой связи, банковской информации);
- свободного доступа (открытые страницы социальных сетей, видеорегистраторы).

Было высказано пожелание продолжения этой работы и обмена накапливаемой информации.

В заключение выступавший ответил на вопросы. В частности, о пожелании изменения законодательства по доступу к каким-либо источникам информации была

[1] Геотегинг – от geo – «земля» и tag – «ярлык, этикетка, бирка; метить») – процесс присоединения географических координат к параметрам цифрового фотоснимка.

предложено отменить необходимость получения судебного разрешения на доступ к информации о соединениях абонентов сотовой связи в порядке ст.186-1 УПК РФ. Указывалось на необходимость устранить разночтения трактовки доступа к информации, уже хранящейся в смартфоне. Такая информация, по мнению выступавшего, может быть получена в ходе осмотра предмета, т. е. самого средства сотовой связи, изъятого по уголовному делу, без каких-либо дополнительных разрешений.

Предложение об отмене необходимости получения судебного разрешения на информацию о соединениях абонентов стало и ответом на вопрос, не является ли доступ к информации обо всех соединениях сотовой связи в окрестностях места происшествия в определенное время нарушением тайны переговоров неопределенного круга лиц. Тайной переговоров может быть лишь само содержание переговоров, а не техническая информация об их условиях.

Омельченко Т. В., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, свое выступление посвятил теме «Система конституционных гарантий прав и законных интересов личности в уголовном процессе» [6, с. 277–280]. Докладчик обратил внимание, что значение конституционных принципов судоустройства в системе гарантий обеспечения прав и свобод человека состоит в том, что они характеризуют внешний уровень независимости судебной власти, которая призвана удерживать две другие ветви власти в рамках законности, осуществлять конституционный надзор и судебный контроль за ними.

Выступающий отметил, что именно суд обязан обеспечивать эффективность восстановления нарушенных прав и свобод человека при осуществлении правосудия и судебного контроля. Среди конституционных принципов судоустройства необходимо выделять такие принципы: а) разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную; б) осуществление правосудия только судом; в) независимость, несменяемость и неприкосновенность судей; г) осуществление правосудия профессиональными судьями, и, в предусмотренных законом случаях, и присяжными; д) социально-экономическая независимость осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом и др. (ст.ст. 10, 118, 120, 121, 122, 123, 124 Конституции).

Если конституционные принципы судоустройства характеризует внешний уровень независимости суда, то конституционные принципы судопроизводства устанавливают основные требования по процедуре, форме осуществления правосудия, то есть характеризуют внутренний уровень независимости судебной власти. Анализ указанных принципов позволяет ответить на вопрос: «Каким образом осуществляется защита прав и свобод человека?» Среди конституционных принципов судопроизводства необходимо выделять: а) высшая юридическая сила Конституции; б) законность; в) состязательность и равноправие сторон; г) право на пересмотр приговора вышестоящим судом; д) право на квалифицированную юридическую помощь и др. (ст.ст. 15, 50, 123 Конституции).

Анализ содержания конституционных обязанностей государства, его органов и должностных лиц позволяет говорить о концепции взаимоотношений государства и человека, об обеспеченности реализации прав и свобод личности, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства, об ответственности государства в случае их нарушения. К таким обязанностям относятся: а) признание, соблюдение и защита

прав и свобод человека и гражданина; б) обязанность соблюдения законов органами государственной власти, должностными лицами; в) в предусмотренных законом случаях получать бесплатную юридическую помощь; д) возмещение вреда, причинённого незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц; е) компенсация потерпевшим причинённого ущерба и др. (ст.ст. 2, 15, 48, 52, 53 Конституции).

Конституционный судебный контроль позволяет решить споры между ветвями власти по различным аспектам охраны, защиты и восстановления прав и свобод человека, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Общими принципами такого контроля являются: а) высшая юридическая сила Конституции; б) прямое действие норм Конституции; в) потеря юридической силы актами или их отдельными положениями в случае признания их неконституционными (ст.ст. 15, 125 Конституции) и др.

Значение конституционных основ несудебного контроля как гарантии прав и свобод человека в сфере уголовного судопроизводства заключается в установлении в обществе независимых от ветвей власти общественных институтов, основной целью деятельности которых является реагирование на известные им случаи нарушения прав и свобод человека. С конституционными принципами несудебного контроля за деятельностью государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, мы относим: а) право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов; б) обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты; г) парламентский контроль и др. (ст. 30, 46, 102 Конституции).

Завершая свое выступление, Омельченко Т. В. резюмировал, что особое место в системе конституционных гарантий прав и законных интересов личности вообще и в сфере уголовного судопроизводства в частности занимает конституционное право каждого на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции). Данное право является общеотраслевым и не может быть ограничено (ст. 56 Конституции). Важность этого права обусловлена тем, что оно является элементом механизма правовой защиты. Его своеобразие заключается и в том, что оно является дополнительной гарантией соблюдения иных прав и законных интересов человека. Основанием для возникновения правоотношений по реализации права на квалифицированную юридическую помощь является не корреспондирующие права и обязанности человека и государства, а соглашение о предоставлении такой помощи – свободное волеизъявление сторон. Право на квалифицированную юридическую помощь нельзя недооценивать, поскольку оно является дополнительной гарантией обеспечения прав и свобод человека. Реализация этого права укрепляет доверие граждан к судебной власти и к самому государству. Его закрепление в Конституции России является необходимым шагом к усилению авторитета государственной власти.

Дудко Н. А., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, посвятила свой доклад теме «О реформировании суда присяжных в Республике Казахстан» [3, с. 231–233]. Дудко Н. А. отметила: с 1993 года в Российской Федерации, а с 2007 года в Республике Казахстан достаточно широко применяется суд присяжных заседателей. При этом изучение законода-

тельства данных государств позволяет сделать вывод о наличии общих тенденций совершенствования производства в суде присяжных. Среди них Дудко Н. А. выделила: 1) изменение количественного состава суда присяжных; 2) изменение перечня составов преступлений, которые подсудны суду присяжных. При этом Дудко Н. А. отметила, что в целом находит суд присяжных заседателей достаточно позитивным институтом в российском уголовном процессе. Дудко Н. А. подчеркнула, что присяжными должны быть именно лица, не имеющие юридического образования и опыта работы в правоохранительных органах. Также она высказала озабоченность низкой подготовкой районных судов Российской Федерации к введению суда присяжных.

В конце своего выступления Дудко Н. А. сделала вывод, что концептуальные вопросы по дальнейшему совершенствованию суда присяжных как в Республике Казахстан, так и в Российской Федерации могут быть разрешены только на основе сравнительно-правовых исследований и обобщения практики рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей.

Яшина Т. В., соискатель кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, выступила с докладом на тему «Проблемные вопросы правового регулирования института дознания в сокращенной форме» [9, с. 343–347]. Яшина Т. В. обозначила, что изначально целью введения данного института являлось упрощение процедуры расследования уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести, а также повышение эффективности деятельности органов предварительного расследования. Вместе с тем возникают некоторые проблемы, которые осложняют практику применения норм, которые регламентируют осуществление процессуальной сокращенной формы. Среди основных таких проблем Яшина Т. В. выделила следующие: 1) проблема сроков осуществления дознания в сокращенной форме; 2) допустимость использования объяснений в качестве доказательств по делам данной категории.

Подводя итог своему выступлению, Яшина Т. В. отметила, что институт дознания в сокращенной форме в существующем виде не обеспечивает реализацию прав и законных интересов участников процесса и, в свою очередь, нуждается в совершенствовании.

В ходе работы секции также были проанализированы современные проблемы судебно-экспертной деятельности.

Никитина И. Э., заведующий отделом научно-методического обеспечения производства экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, в своем выступлении осветила тему «Современные тенденции развития сотрудничества государств по линии экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности» [5, с. 280–282]. В настоящее время все мировое сообщество столкнулось с проблемой противодействия терроризму, экстремизму и стремительно эволюционирующей киберпреступности. Современная стратегия сотрудничества государств и международных организаций по линии экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности становится деятельность по профилактике и предупреждению таких преступлений. Никитина И. Э. подчеркнула, что для того, чтобы эффективно противостоять угрозам международной преступности, государствам необходимо объединить усилия в направлении сближения национальных законодательств и правоприменительной практики.

В стратегии сотрудничества правоохранительных органов по линии оперативно-розыскной деятельности в целях предупреждения транснациональных преступлений от 21 апреля 2014 года рассматриваются два основных подхода к сближению правовых позиций совместной деятельности государств:

- установление межгосударственного обмена оперативно-розыскной информацией;
- учреждение «наднационального» органа, принимающего обязательные решения в указанной сфере.

Никитина И. Э. пояснила, что в настоящее время приоритет отдается первой из указанных позиций. Кроме того, особую актуальность сейчас приобретает деятельность по реализации непроцессуальных форм использования специальных знаний в судебно-экспертной деятельности – экспертной инициативе, экспертному прогнозированию и экспертной профилактике. Никитина И. Э. считает, что экспертную инициативу, прогнозирование и профилактику следует воспринимать как систему научного знания по непроцессуальным формам экспертно-криминалистической деятельности, требующую глубоких теоретических исследований. В этой связи, по мнению Никитиной И. Э., важно включение ее положений в систему подготовки экспертных кадров. В своем выступлении Никитина И. Э. также обратила внимание на необходимость приобретения российскими экспертами авторитета на международном правовом поле.

Чеснокова Е. В., заместитель заведующего отделом научно-методического обеспечения производства экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России**,** выступила с докладом «Анализ экспертных ошибок субъективного характера» [8, с. 341–343]. Тема экспертных ошибок в криминалистической литературе освещена достаточно широко и привлекает внимание многих ученых. Традиционно экспертные ошибки связываются с основной профессиональной некомпетентностью эксперта, то есть незнание экспертных методик, неумение применять современные экспертные технологии и т. д.

Однако не менее важными Чеснокова Е. В. считает ошибки, связанные с определенными чертами личности эксперта, например уровни чувств, неординарное психологическое состояние эксперта, измененное сознание, психоэмоциональные свойства личности эксперта, стремление проявить экспертную инициативу, логические дефекты умозаключений эксперта, дефекты в организации и планировании экспертного исследования пр.

Причины экспертных ошибок, по мнению Чесноковой Е. В., следует рассматривать на трех уровнях: 1 – проблема в руководстве, 2 – проблема в отделе, 3 – проблема в эксперте.

Чеснокова Е. В. обратила внимание, что профессиональная деятельность экспертов, сотрудников ведомственных экспертных учреждений также связана с эмоциональными перегрузками, с частыми стрессовыми ситуациями, дефицитом времени, высоким уровнем ответственности за выводы эксперта. Профессионализм также тесно связан с моральной сферой жизни, и, прежде всего, с трудовой моралью (личная честность, объективность, независимость, четкое выполнение служебного долга, дисциплинированность).

Чеснокова Е. В. отмечает, что согласно исследованиям психологов в течение трудовой деятельности возможна деформация в содержании морально-

нравственных норм личности конкретных профессий, связанных с издержками профессиональной деятельности, которые наблюдаются при профессиональном выгорании на стадии деперсонализации, проявляясь в деформации отношений с другими людьми. В связи с тем, что решать профессиональные задачи сотруднику судебно-экспертных учреждений часто приходится в условиях жесткого дефицита времени, это психологически создает «легкость перехода» на привычный путь решений.

В качестве вывода Чеснокова Е. В. отметила, что для эффективности деятельности эксперта, в том числе по вопросу о субъективных ошибках, важен баланс между его профессионализмом, личными ожиданиями и получаемыми возможностями со стороны коллектива, учреждения, в котором он работает, и в целом государства.

Также Чеснокова Е. В. в своем выступлении затронула вопрос о различии в методиках проведения судебных экспертиз экспертно-криминалистическими учреждениями системы МВД России и системы Минюста России. Было отмечено, что важное значение имеет рассмотрение вопроса о переходе к международному опыту стандартизации судебной экспертизы и сертификации лабораторий, что позволит не только устранить трудности использования выводов экспертов из разных систем экспертно-криминалистических учреждений, но и обеспечит принятие выводов российских экспертов на международной арене.

Балко В. И., преподаватель кафедры правовых и социально-гуманитарных дисциплин колледжа «Кайнар» (г. Семей, Казахстан), выступил с докладом на тему «Варианты положения тела человека при традиционном получении отпечатков пальцев ног» [1, с. 24–27]. Балко В. И. отметил, что в расследовании преступлений следы босых ног встречаются довольно редко, однако это не уменьшает их информационных возможностей. Следы босых ног могут быть использованы для идентификации оставившего их человека или для установления отдельных его диагностических характеристик, например роста, направления и темпа движения, физических недостатков.

Балко В. И. подчеркнул, что практически во всех случаях при назначении экспертиз, объектами исследования которых являются следы подошв босых ног или следы с отображением эджескопических и пороскопических признаков, у следователей возникают особые трудности из-за незнания специфики отбора образцов для сравнительного исследования. В доступной литературе информации об этом недостаточно, особенно о получении отпечатков пальцев ног. Выступающий отметил, что технически получение отпечатков пальцев босой ноги представляет собой значительно более трудоемкий процесс, нежели получение отпечатков пальцев рук. Кроме того, в настоящее отсутствуют технико-криминалистические средства для дактилоскопической идентификации лиц по отпечаткам пальцев ног.

Балко В. И. представил вниманию присутствующих разработанную им и апробированную на практике методику получения отпечатков пальцев подошв ног в различных полужениях тела дактилоскопируемого: стоя, полулежа, лежа. Выбор дактилоскопирующим положения тела дактилоскопируемого, как уточнил докладчик, зависит от конкретных обстоятельств: пола, возраста, сопутствующих заболеваний; от техники приемов дактилоскопирования пальцев ног. Также в своем выступлении Балко В. И. затронул вопрос о необходимости введения обязательной биометрической регистрации, а также предложил использовать дактилоскопирование пальцев ног в качестве одного из методов биометрической регистрации.

Список литературы:

1. Балко В. И. Варианты положения тела человека при традиционном получении отпечатков пальцев ног // Современная криминалистика: проблемы теории, практики, обучения: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2017. – С. 24–27.
2. Давыдов С. И. Ситуационные основы частных оперативно-разыскных методик раскрытия преступлений // Материалы междунар. науч.-практич. конф. Новосиб.гос.ун-та Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства.- Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – С. 225–228.
3. Дудко Н. А. О реформировании суда присяжных в Республике Казахстан // Материалы междунар. науч.-практич. конф. Новосиб.гос.ун-та Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства.- Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – С. 231–233.
4. Михайлов М. А. Типология современных источников криминалистически значимой инфомации // Материалы междунар. науч.-практич. конф. Новосиб.гос.ун-та Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства.- Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – С. 277–280.
5. Никитина И. Э. Современные тенденции развития сотрудничества государств по линии экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности // Материалы междунар. науч.-практич. конф. Новосиб.гос.ун-та Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства.- Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – С. 280–282.
6. Омельченко Т. В. Система конституционных гарантий прав и законных интересов личности в уголовном процессе Материалы междунар. науч.-практич. конф. Новосиб.гос.ун-та Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства.- Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – С. 277–280.
7. Павлик Е. М., Павлик М. Ю. Уголовно-правовое и криминологические аспекты борьбы с угонами и хищениями транспортных средств//Материалы междунар. науч.-практич. конф. Новосиб.гос.ун-та Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства.- Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – С. 289–293.
8. Чеснокова Е. В. Анализ причин экспертных ошибок субъективного характера // Материалы междунар. науч.-практич. конф. Новосиб.гос.ун-та Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства.- Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – С. 341–343.
9. Яшина Т. В. Проблемные вопросы правового регулирования института дознания в сокращенной форме // Материалы междунар. науч.-практич. конф. Новосиб.гос.ун-та Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – С. 343–347.

Mikhailov M. A., Omelchenko T. V., Anufrieva E. A. International scientific and practical conference "Innovations of legal science and practice as a factor of harmonization of relations between the individual, society and the state" in the speeches of the participants of the section " Actual problems of criminal law and procedure, criminology, investigative activities and prosecutorial supervision» // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 312–325.

International scientific and practical conference "Innovations of legal science and practice as a factor of harmonization of relations between the individual, society and the state", dedicated to the 80th anniversary of the Novosibirsk region was held on the initiative of the Deputy Chairman of the regional Government, the Minister of justice of the region, doctor of legal Sciences Omelekhina N. In. The organizers found like-minded people among the heads of universities of Novosibirsk engaged in the training of lawyers and research work in the field of law. The organizers also included universities from Germany and Uzbekistan.

Visiting Siberians gathered representatives of different regions of the country. The authors of this review came from the Republic of Crimea, not only to participate in the conference, but also to prepare an agreement on cooperation with Novosibirsk universities.

In our opinion, such reviews cannot be considered as duplication of materials of the scientific forum. The rostrum of the conference is often used by the participants of the scientific forum to test their hypotheses and bold

scientific solutions, to Express concern about the state of Affairs in a particular area, to make proposals to overcome certain problems. Therefore, this article is a kind of report on how the work of the conference (or rather its separate section) took place and complements the materials with a kind of transcript of what was said during the speeches, answers to questions and conveys the atmosphere of the ensuing discussion. This helps not to miss important thoughts and suggestions that have arisen in the course of the work of the section, becomes a kind of feedback for speakers, and gives them an idea of how clearly they were explained, and how they were understood.

The article describes the course and the main provisions of speeches at the section "Actual problems of criminal law and procedure, criminology, operational-search activity and Prosecutor's supervision", as well as questions to the speakers and answers to them.

Keywords: criminal law, criminology, criminal process, criminology, forensic activities, operational investigative activities.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 326–332.

СРОЧНО В НОМЕР

УДК 342.83

ПОЛИТИКА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА И ПАРТИЙНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Адельсеитова А. Б., Сильванович Ю. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются особенности реализации правового статуса женщин-парламентариев на территории Российской Федерации и ряда зарубежных государств, таких как США, Федеративная Республика Германия и Швеция. Обосновывается актуальность рассматриваемой проблематики. Реализован комплексный анализ законодательства: как национальных нормативно-правовых актов, так и источников права зарубежных стран. На основе статистического метода правового регулирования был осуществлен сбор данных, отображающих реальное представительство женщин в парламентах в современный период. Актуализируется проблема отсутствия фактической реализации декларативно закрепленного принципа равенства мужчин и женщин в их политических правах, а также возможные причины данного негативного явления. Сформулированы предложения по решению выше озвученной проблемы путем внесения изменений в законодательство РФ в виде нормативного закрепления процентного представительства мужчин и женщин в избирательных списках.

Ключевые слова: политика гендерного равенства, процентное представительство, женщины-парламентарии, социальная защита населения.

Политика гендерного равенства на сегодняшний день набирает все большую популярность. Причиной такой тенденции роста интереса среди различных слоев населения является, прежде всего, желание и фактическая возможность реализации одного из основных конституционных принципов любого современного демократического государства: принципа равенства мужчины и женщины. Основной закон государства, как правило, служит идеализированной моделью того нормативно закрепленного строя, к которому должно стремиться каждое государство, позиционирующее себя в качестве правового и демократического государства.

Именно тенденция в сторону увеличения стремления граждан к выражению и защите своих прав порождает актуальность рассматриваемого вопроса. Несмотря на достаточно полное международно-правовое закрепление правового статуса как женщин, так и мужчин, (который исходит из конституционно закрепленных положений о равноправии полов (как в своих правах, так и в возможностях для их реализации). Последние далеко не всегда находят свое нормативное закрепление и реальное отражение в правоприменительной сфере. Одним из первых международных документов, закрепивший равноправие женщин и мужчин, это Устав ООН 1945 г., где было определено, что народы объединенных наций должны вновь утвердить веру в основные права, обеспечить равноправие полов, создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам [1]. Указанные положения явились фундаментом для развития принципов равенства и недискриминации. Однако следует отметить, что основная

часть международных документов и деятельность международных организаций были направлены на защиту прав женщин, подверженных гендерной дискриминации, так как на протяжении долгих лет женщины находились в неравном положении с мужчинами. В обществе женщина была представлена в определенной социальной роли, например как мать, хранительница очага. В большинстве случаев национальное законодательство государств ограничивало права женщин в общественной политической сфере. В этой связи особый интерес представляет исследование вопроса правового статуса женщин-парламентариев, который практически не охватывался и не освещался в научных кругах учеными-юристами. Безусловно, некоторый вклад в развитие данной проблемы внесли такие ученые, как С. О. Авакьян, А. О. Безуглова, Н. А. Богданова и др. Отдельное немаловажное внимание было отведено понятию «парламентской этики», демонстрирующей «состояние законности» членов парламента, в том числе и женщин [2, с. 12]. Но, как правило, лишь незначительные детали в общих работах по правовому статусу парламентариев косвенно затрагивали вопрос правового статуса женщин, не раскрывая его должным образом.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на правовой статус женщин-парламентариев на территории Российской Федерации (далее – РФ). Наиболее наглядно данный вопрос можно осветить, обратив внимание на его правовую регламентацию на законодательном уровне. Так, в частности, статья 94 Конституции РФ определяет парламент Российской Федерации – Федеральное Собрание, который является бикамеральным и состоит из Совета Федераций и Государственной Думы. «Депутатом Государственной Думы может быть избран гражданин Российской Федерации, достигший 21 года и имеющий право участвовать в выборах. Порядок выборов депутатов Государственной Думы устанавливается федеральным законом» [4, с. 111]. «Членом Совета Федерации может быть избран (назначен) гражданин Российской Федерации, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, и достигший возраста 30 лет» [12, ст. 1]. Далее следует обратить внимание на ч. 4 статьи 8 Федерального Закона РФ «О политических партиях», где определено: «Политические партии должны создавать мужчинам и женщинам, гражданам Российской Федерации разных национальностей, являющимся членами политической партии, равные возможности для представительства в руководящих органах политической партии, в списках кандидатов в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления» [13]. Таким образом, как видно из выше указанных требований к кандидатам, закон не ограничивает прав участия в выборах женщин по гендерному признаку. Однако реальное положение дел говорит об ином. Еще в начале 1990-х годов Комиссия ООН по улучшению положения женщин настоятельно рекомендовала, чтобы количество женщин в парламентах государств составляло не менее 30 %. Солидарным с мнением Комиссии ООН является и нынешний президент Российской Федерации В. В. Путин, который в одном из своих интервью заявил: «Законодательные органы власти начинают работать эффективно и

эффективно решать вопросы социальной защиты населения, если там работает не менее 20 % женщин» [7].

Однако, к сожалению, современные реалии и статистика говорят о несоблюдении такой «гендерной политики». «Доля женщин в Госдуме VI созыва не превышает 14 %. Для думских фракций различных созывов не характерна какая-либо ярко выраженная динамика участия женщин, этот показатель можно назвать стабильно низким. Только фракция “Единая Россия” демонстрирует некоторую тенденцию к “феминизации”: за 12 лет процент женщин в ее составе вырос почти в 2,5 раза… Прогресс в Совете Федерации более заметен, но и старт более “низкий”. Всего сейчас в верхней палате парламента работают 28 женщин» [12]. В Государственной Думе РФ из общего числа в 450 депутатов, женщин – 69.

Большой интерес представляет анализ правового положения женщин-парламентариев на территории одного из ныне наиболее развитых государств мира – Соединенных Штатов Америки.

Несмотря на принадлежность к англо-саксонской правовой системе (в отличие от РФ, которая является ярким представителем романо-германской правовой семьи), данные государства обладают некоторыми сходствами, начиная от общепризнанной и нормативно закрепленной правовой ценности личности и равенства всех и каждого перед законом и заканчивая сходной двухуровневой структурой парламента.

Анализ положений Конституции США дает возможность определить, что представительную и законодательную власть в США осуществляет парламент Соединенных Штатов Америки – Конгресс, который состоит из Сената и Палаты представителей. В совокупности они образуют единый орган народного представительства. «Сенатором может быть избран любой гражданин США со стажем гражданства не менее 9 лет, достигший 30-летнего возраста и проживающий в пределах своего штата…

Членом Палаты представителей может быть избран любой гражданин США со стажем гражданства не менее 7 лет, достигший 25-летнего возраста и проживающий в том штате, от которого он баллотируется (как правило, он должен проживать и в соответствующем избирательном округе)» [3, с. 366].

США относят к группе с достаточно развитым гендерным законодательством. Именно там хорошо заметна политика доминирующего вовлечения женщин в процесс управления государством. Так, представительство женщин в нижней палате парламента (Конгресс США) за последние 10 лет выросло почти в 2,5 раза. Верхняя палата (Сенат США) увеличила эту цифру практически в 4,5 раза. Так, в Сенате на сегодняшний день из 100 членов представлено 17 женщин, а в Конгрессе США из 435 представителей – 76 женщин.

На сегодняшний день в США процентное представительство женщин в парламенте следующее:

- 16,9 % женщин – нижняя палата парламента;
- 17% – верхняя палата парламента [14, с. 15].

Кроме того, если обратить внимание на проводимые социологические опросы в преддверии президентских выборов 2016 года, можно заметить, что достаточно большой процент населения склонялся к появлению в своем государстве женщины-президента.

С целью проведения сравнения статистических данных представительства женщин в органах публичной власти нами была проанализирована возникшая «гендерная ситуация» на территории иного государства, которое также, как и РФ, принадлежит к романо-германской правовой семье. Это Федеративная Республика Германия. Исходя из положений Основного закона ФРГ можно отметить следующее: «Все люди равны перед законом. Мужчины и женщины равноправны» [8, ст. 3]. Также, основываясь на положения Основного закона, можно сделать вывод, что парламент ФРГ представлен одной палатой – Бундестаг. «Депутаты Германского Бундестага избираются путем всеобщих, прямых, свободных, равных и тайных выборов. Они являются представителями всего народа, не связаны наказами или указаниями и подчиняются лишь своей совести» [15, ст. 38]. Членами парламента могут быть лица, достигшие к моменту выборов двадцатипятилетнего возраста. Бундестаг избирается сроком на 4 года. «Избирательный закон устанавливает определенное число депутатов Бундестага — 656 (на практике их всегда больше в силу особенностей германской избирательной системы…)» [2, с. 508]. Так, на сегодняшний день, согласно данным официального сайта Бундестага ФРГ, в парламенте находится 711 депутатов, из этого количества 219 человек являются женщинами [6]. Также важно отметить, что столь высокую должность в Германии, как федеральный канцлер, на сегодняшний день также занимает женщина – Ангела Меркель.

Завершающей данный сравнительный анализ страной выступит Швеция. Данное государство наряду с несколькими другими было выделено в самостоятельную – скандинавскую правовую семью. Швеция также, как и ФРГ, известна однопалатным парламентом. Согласно конституции Швеции «общество должно заботиться о том, чтобы демократические идеи оставались направляющими во всех общественных сферах. Общество должно обеспечивать мужчинам и женщинам равные права, а также защиту личной, частной и семейной жизни» [10, гл. 1, п. 2]. Как известно, в Швеции «высшим органом государственной власти является парламент Риксдаг, однопалатный представительный орган из 349 депутатов» [16, с. 763]. Члены парламента избираются сроком на 4 года. Каждый член Рикстага обязан иметь своих заместителей. Правом быть избранным обладает гражданин Швеции, достигший ко дню выборов восемнадцатилетнего возраста.

На официальном сайте парламента Швеции представлены полные списки депутатов с указанием их партийной принадлежности. Согласно этим данным, на сегодняшний день из 349 депутатов около 155 являются женщинами [16]. Эти цифры действительно впечатляющие, т. к. представляют практически половину от общих партийных списков.

Несмотря на то, что Швеция является страной с монархической формой правления, она весьма успешно реализует те демократические принципы, которые закреплены в статьях ее конституции. Рикстаг, в свою очередь, как высший представительный орган осуществляет огромный перечень полномочий, определяя Швецию как парламентскую монархию. И, безусловно, женщины-парламентарии сыграли и продолжают играть значительную роль в его успешном существовании.

Нами был проведен статистический анализ представительства женщин-парламентариев в Российской Федерации, Соединенных Штатах Америки, Федеративной Республике Германии, а также Швеции. Из положений конституций

всех указанных государств можно сделать вывод, что в них отсутствует регламентация количественного состава, представляемого от мужчин или женщин. По сути при изложении конституционных положений в этом нет необходимости, т. к. существуют общепризнанные нормы о равноправии мужчин и женщин. Однако в дальнейшем реализация политических прав женщин и мужчин определяется в национальном законодательстве, которое влияет на формирование представительных и иных органов. А, как можно заметить, в разных государствах одинаковые принципы реализуются по-разному.

Если воссоздать локальный «пьедестал», определяющий иерархию государств по их фактической реализации принципа равенства полов на парламентарном уровне, то, на наш взгляд, он должен выглядеть следующим образом: Швеция; ФРГ; США; Россия.

Такие выводы были сделаны исходя из учета количества фактического представительства женщин в парламентах, а также основываясь на данных о возможностях, и, что немаловажно, – стремлении женщин к власти. Так, если в Швеции фактическое представительство практически достигает отметки в 50 %, в Германии – порядка 30 %, в США – 17 %, то Россия остановилась на 14 % от числа общего количества депутатов.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что политика гендерного равенства в сфере государственного управления более успешно на данный момент осуществляется на территории Швеции. Почему же, несмотря на внешне равное нормативное закрепление равенства возможностей всех и каждого в управлении делами государства, в практической плоскости о равенстве говорить неуместно? На наш взгляд, можно выделить две основные причины.

Первая обусловлена историческими особенностями становления и развития государств и общества. Так, на сегодняшний день практически во всех постсоветских странах наблюдается явное доминирование мужчин в сфере политики и государственного управления. Этот факт наводит на мысль о том, что повсеместно распространенная Советским Союзом в свое время «эпоха социализма» сделала свой вклад к явному пренебрежению гендерными принципами государств с развитой рыночной экономикой.

Вторая причина представляет собой следствие первой и заключается во внутреннем правосознании граждан. Так, на сегодняшний день, как мы уже заметили, на законодательном уровне отсутствует какой-либо правовой запрет на участие женщин в политической жизни государства. Однако подобный «ограничитель» существует в сознании. Ведь привлечь женщин к участию в борьбе за власть нетрудно. Гораздо сложнее найти женщин, готовых действительно участвовать в политической деятельности страны. Дань ли это устаревшим традициям разделения обязанностей по половому признаку, нехватка ли сил и времени на соперничество или же просто отсутствие необходимой мотивации? Ответ на данный вопрос каждый определяет для себя сам.

Однако данная проблема существует и, на наш взгляд, требует разрешения. Стоит отметить, что попытки усовершенствования законодательства в данной сфере на территории РФ уже предпринимались. Так, на рассмотрение Государственной Думы выносился новый проект редакции Закона от 12 июня 2002 года № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав», где предлагалось указать, что партийные

списки не могут вмещать более 70 % представителей одного пола. Но поддержки данная инициатива не нашла и проект был отклонен. Исходя из предыдущего опыта, следует еще раз обратиться к проекту редакции Закона «Об основных гарантиях избирательных прав» и удовлетворить решение о проценте представительства в партийных списках. Но не следует забывать, что никакие изменения в законодательной плоскости не будут эффективными до тех пор, пока у населения РФ (точнее, его женской половины) будет прослеживаться внутренний «барьер» перед стремлением к управлению государством. Все мы нуждаемся не только в правоприменительных «новшествах», но и во внутренней силе воли, которая позволит оставить эпоху советского социализма и его патриархальных устоев в прошлом.

Список литературы:

1. Устав Организации Объединенный Наций 1945 года. [Электронный ресурс] - Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/, (20 апреля 2018 г.)
2. Адельсеитова А. Б. Порівняльно-правовий аналіз деяких питань відповідальності парламентаріїв України та республіки Білорусь / А. Б. Адельсеитова. – Издательство: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь) ISSN: 2413-1733
3. Баглай М. В. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / проф. М. В. Баглай, д. ю. н., проф. Ю. И. Лейбо, д. ю. н., проф. Л. М. Энтина. – М.: Норма, 2004. – 832 с.
4. Безруков А. В. Конституционное право России: учебное пособие / А. В. Безруков. – М.: Юстицинформ, 2015 – 155 с.
5. Информационное агентство России [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: ТАСС: http://tass.ru/politika/3576455 (9 декабря 2017 года).
6. Конституция Швеции (Королевства Швеция) от 27 февраля 1974 г., НОРМА, 2001г. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/konstitucija_shvecii (9 декабря 2017 года).
7. Новости законотворчества [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://www.gazeta.ru/parliament/news/16879.shtml (9 декабря 2017 года)
8. Основной закон Федеративной Республики Германии, 23 мая 1949г. [Электронный ресурс] – \ \ http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru (9 декабря 2017 года)
9. Рихтер Д. Российское женское движение и западные деньги / Д. Рихтер // Гендерные отношения в России: история, современное состояние, перспективы: Материалы междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 мая 1999 г. – Иваново, 1999. – С. 23–26.
10. Сухарев А. Я. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / А. Я. Сухарев. – М., 2003. – 816 с.
11. Чикалова И. Р. Гендерный подход в науках о человеке и обществе: смещение исследовательских парадигм / И. Р. Чикалова // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 3 / рэдкал. : У. Н. Сідарцоў, С. М. Ходзін (адк. рэдактары) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2007. – С. 89–100.
12. Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138549/ (9 декабря 2017 года).
13. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О политических партиях» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (9 декабря 2017 года).
14. Atlas of Electoral Gender Quotas / International Institute for Democracy and Electoral Assistance [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://www.idea.int/publications/catalogue/atlas-electoral-gender-quotas (9 декабря 2017 года) – 268 с.
15. Deutscher Bundestag [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.bundestag.de/en/members (9 декабря 2017 года).
16. Swedish Riksdag [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.riksdagen.se/en/members-and-parties/ (9 декабря 2017 года).

Abelseitova A. B., Silvanovich Yu.N. **Gender equality policy and party representation** // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 326–332.

In this article were considered the features of the legal status of women parliamentarians in the Russian Federation and a number of foreign countries, such as the United States, the Federal Republic of Germany and Sweden. The relevance of the problem is substantiated. A comprehensive analysis of the legislation of both

national regulatory legal acts and sources of law of foreign countries is implemented. A statistical method of legal regulation was used to collect data showing the real representation of women in parliaments as of today. The problem of the lack of de facto realization of the declaratory principle of equality of men and women in their political rights, as well as the possible causes of this negative phenomenon, was raised. Measures were proposed to address the above-mentioned problem by amending the legislation of the Russian Federation in the form of normative fixation of the percentage of men and women in the electoral lists.

Keywords: gender equality policy, interest representation, women parliamentarians, social protection of the population.

Spisok ispolzovannyih istochnikov i literaturyi:

1. Ustav Organizatsii Ob'edinennyiy Natsiy 1945 goda. [Elektronnyiy resurs] - Rezhim dostupa. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/, (20 aprelya 2018 g.)
2. Adelseitova, A.B. Porivnyalno-pravoviy analiz deyakih pitan vIdpovIdalnostI parlamentarIYiv UkraYini ta respublIki Bilorus / A.B. Adelseitova. - Izdatelstvo: Kryimskiy federalnyiy universitet im. V.I. Vernadskogo (Simferopol) ISSN: 2413-1733
3. Baglay, M.V.Konstitutsionnoe pravo zarubezhnyih stran: Uchebnik dlya vuzov / prof. M. V. Baglay, d. yu. n., prof. Yu. I. Leybo, d. yu. n., prof. L. M. Entina. — M.: Norma, 2004. — 832 s
4. Bezrukov, A.V. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnoe posobie / A.V. Bezrukov. - M.: Yustitsinform, 2015 – 155 s
5. Informatsionnoe agentstvo Rossii [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: TASS: http://tass.ru/politika/3576455 (9 dekabrya 2017 goda)
6. Konstitutsiya Shvetsii (Korolevstva Shvetsiya) ot 27 fevralya 1974 g., NORMA, 2001g. [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/konstitucija_shvecii (9 dekabrya 2017 goda)
7.Novosti zakonotvorchestva [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://www.gazeta.ru/parliament/news/16879.shtml (9 dekabrya 2017 goda)
8.Osnovnoy zakon Federativnoy Respubliki Germanii, 23 maya 1949g. [Elektronnyiy resurs] - \ \ http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru (9 dekabrya 2017 goda)
9. Rihter, D. Rossiyskoe zhenskoe dvizhenie i zapadnyie dengi / D. Rihter // Gendernyie otnosheniya v Rossii: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivyi: Materialyi mezhdunar. nauch. konf., Ivanovo, 27–28 maya 1999 g. Ivanovo, 1999. S. 23–26
10. Suharev, A.Ya.. Pravovyie sistemyi stran mira: Entsiklopedicheskiy spravochnik / A.Ya. Suharev. , 2003 g. – 816 s
11. Chikalova, I. R. Gendernyiy podhod v naukah o cheloveke i obschestve: smeschenie issledovatelskih paradigm / I. R. Chikalova // KryinItsaznaўstva I spetsyiyalnyiya gIstaryichnyiya dyistsyiplInyi : navuk. zb. Vyip. 3 / redkal. : U. N. SIdartsoў, S. M. HodzIn (adk. redaktaryi) [I Insh.]. — MInsk : BDU, 2007. — S. 89–100
12. Federalnyiy zakon ot 5 avgusta 2000 g. N 113-FZ "O poryadke formirovaniya Soveta Federatsii Federalnogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii" [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138549/ (9 dekabrya 2017 goda)
13. Federalnyiy zakon ot 11.07.2001 N 95-FZ (red. ot 28.12.2016) "O politicheskih partiyah" [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (9 dekabrya 2017 goda)
14. Atlas of Electoral Gender Quotas / International Institute for Democracy and Electoral Assistance [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: https://www.idea.int/publications/catalogue/atlas-electoral-gender-quotas (9 dekabrya 2017 goda) – 268 s
15. Deutscher Bundestag [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: http://www.bundestag.de/en/members (9 dekabrya 2017 goda)
16. Swedish Riksdag [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: http://www.riksdagen.se/en/members-and-parties/ (9 dekabrya 2017 goda)

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 333–337.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННАЯ ФОРМАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ СЛОВА В КОНСТИТУЦИЯХ ГОСУДАРСТВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Гелуненко В. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В данной статье автором рассмотрен опыт пятнадцати восточноевропейских государств, касающийся конституционного закрепления «свободы слова». Будучи отраженной во всех конституциях указанной группы стран, свобода слова получила лексические сопряжения с иными свободами или со способами ее реализации. Систематизация вариантов конституционной артикуляции свободы слова позволила выявить два принципиальных подхода – закрепление свободы слова и детализация свободы слова. В рассмотренных конституциях типичной является формулировка «свобода слова», которая дополняется свободой выражения «мнения», «убеждения», «своих взглядов», «мысли», «мышления и мысли», распространения «идеи, мнения, убеждения, информации». Выявлено, что в ряде конституций свобода слова артикулируется через право, что создает условия для излишней ее регламентации. Конституционным адресатом свободы слова традиционно выступают «каждый».

Ключевые слова: конституция, конституционное закрепление, права и свободы, личные права и свободы, политические права и свободы, свобода слова, выражение мнений, выражение убеждений, выражение своих взглядов, публичное выражение мысли, распространение идеи, распространения информации, цензура, право на информацию.

Свобода слова, несмотря на очевидность сопряжения с человеком, тем не менее представляет собой сложное и многогранное конституционно-правовое явление. Ограничение данной свободы нередко трактуется как посягательство со стороны публичной власти. Не зря свободу слова относят к элементам «защиты от произвола государственной власти, от чрезмерного вмешательства в сферу личной свободы» [10, с. 169]. При этом неограниченная и бесконтрольная свобода слова оборачивается анархией.

В контексте указанного противоречия свобода слова нашла отражение в основополагающих международных документах, которые явились основой для дальнейшего развития свободы слова в национальных доктринах и конституционных актах. Так, Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. [1] с ценностных позиций уделила внимание свободе слова уже в преамбуле, конкретизировав ее в ст. 19 через «право на свободу убеждений и на свободное выражение их». Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [2] (ст. 10) и Международный пакт о гражданских и политических правах1966 г. [3] (ст. 19) выразили свободу слова через «право свободно выражать свое мнение».

В конституционно-правовой доктрине на развитие содержания свободы слова повлияли интерпретации последней. В учебной литературе свобода слова раскрывается, как правило, в контексте личных прав и свобод [5, с. 200–201; 9, с. 169]. При этом рассматриваемая нами свобода может приобретать и политический характер [6, с. 217; 7,134–142].

В научной литературе сопряжения свободы слова с политическими правами и свободами встречаются чаще [4, с. 12–20; 7, 134–142; 8, 693–696]. Так, С. А. Авакьян рассматривает свободу слова как часть общественно-политической жизни, уточняя, что, будучи «первой в ряду публично-политических прав и свобод, свобода мысли и слова как бы символизирует связь личной жизни и индивидуальной свободы человека с его переходом в сферу публичной жизни».

По нашему мнению, данная свобода действительно несет двойственную содержательную нагрузку: с точки зрения адресата («каждый») – свобода слова предстает как личная, с народовластной точки зрения – как политическая.

Полагаем интересным рассмотреть конституционные подходы восточноевропейских стран к формулированию и закреплению свободы слова, которая, как известно, воспринимается в качестве атрибута демократического общества и государства. Поскольку конституции стран Восточной Европы считаются конституциями «нового поколения», предполагается, что в них отражены современные стандарты формализации свободы слова.

Анализ конституций пятнадцати стран Восточной Европы [11] показал, что все из них наряду с закреплением свободы слова включают положения о запрете ограничения свободы слова. Так, в Конституции Болгарии (ст. 38), наряду с правом выражать свое мнение посредством слова – письменно или устно – закреплен запрет на ограничение его в связи со своими убеждениями. Конституция Литвы (ст. 25) установила запрет на ограничение свободы выражения убеждения, получения и распространения информации. Конституция Румынии (ст. 30) в связи со свободой слова ввела запрет на ограничение печатных изданий. Однако такие запреты не означают поддержку «словесной вседозволенности». В частности, в конституциях Словакии (ст. 26) и Чехии (ст. 17) свобода слова, как и свобода распространения информации, может быть «ограничена законом в целях охраны прав и свобод других лиц». Более пространный перечень оснований ограничения свободы слова представлен в Конституции Румынии (ст. 30). Так, установлена группа запретов: на нанесение ущерба достоинству, чести, личной жизни лица; на распространение клеветы на страну и нацию, призывы к агрессивной войне, национальной, расовой, классовой или религиозной вражде, подстрекательству к дискриминации, территориальному сепаратизму или публичному насилию. Попытка предостеречь от вседозволенности в реализации свободы слова путем перечисления запретов вполне понятна и заслуживает поддержки, но целесообразнее это делать не через их «закрытый» перечень.

Помимо этого, в конституциях Албании (ст. 22), Латвии (ст. 100), Польши (ст. 54), Словакии (ст. 26), Хорватии (ст. 38), Чехии (ст. 17) свобода слова сопряжена с запретом цензуры. Думается, что этот запрет касается политической, идеологической, культурной, иной цензуры. Мы считаем, что такой запрет устанавливает границы от посягательства на свободу слова, к которому нередко стремится публичная власть. Отметим, что упоминание о «цензуре» вызывает у человека, скорее всего, негативные ассоциации. В этой связи, полагаем, заслуживает акцента конституционная версия Румынии (ст. 30), где свобода слова представлена через ее «неприкосновенность», подобно императиву личной неприкосновенности, неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны.

Анализ конституционных текстов заявленной группы стран позволил выявить закономерность: свобода слова конкретизирована в сопряжении с иными свободами или способами их реализации. При этом нами выделены две группы подходов. К первой отнесены конституции Албании, Боснии и Герцеговины, Литвы, Польши и Венгрии, прямо закрепляющие свободу слова, ко второй – Болгарии, Кипра, Македонии, Румынии, Словакии, Словении, Латвии, Чехии, Хорватии и Эстонии, детализирующие свободу слова.

Так, в Конституции Албании (ст. 22) прямо, без какого-либо конституционно-процедурного механизма гражданам «гарантируется свобода слова». Конституция Боснии и Герцеговины (ст. 2 п. «g») наделяет «граждан правом свободы выражения мнения» без упоминания способов реализации. Отметим, что в обеих конституциях, свобода слова адресована исключительно гражданам. Это дает основания полагать, что иностранцы ограничены в данной свободе. В Конституции Венгрии (ст. 8) право на свободу слова вкупе со свободой мысли адресуется каждому. В Конституции Литвы (ст. 25) «человек имеет право на свои убеждения и свободное их выражение». В Конституции Польши (ст. 54) свобода слова определяется, как «свобода выражения своих взглядов, гарантированная каждому».

Таким образом, различие адресатов (гражданин или каждый), наличествующее в конституциях названных стран, прибавляет дополнительные аргументы в пользу отнесения свободы слова к политическим (для граждан) или личным (для каждого) свободам. Отсутствие в них способов реализации также может трактоваться двояко: с одной стороны, значимость свободы слова предполагает механизм ее реализации, с другой, – такой свободе имманентен тезис «разрешено все, что не запрещено законом».

Во второй группе конституций восточноевропейских стран раскрывается содержание и способы реализации свободы слова. Так, Конституция Болгарии (ст. 39) определяет право каждого на выражение и распространения своего мнения своего мнения «письменно или устно, посредством звука, изображения или иным способом». В Конституции Кипра (ст. 19) гарантирует «каждому право на свободу слова и ее реализацию любым способом» и охватывает «свободу мнения, получение и передачу информации и идей, без вмешательства любой власти». В Конституции Македонии (ст. 16) гарантируется свобода слова «посредством публичного выступления, информирования общественности и свободного учреждения средств информации». В Конституции Румынии (ст. 30) свобода слова определяется, «как свобода публичного выражения мысли, мнений или верований и свобода любого рода творчества посредством речи, письма, образов, звуков или любыми другими способами общения». Хотелось бы отметить, что в данном случае свобода слова рассматривается не только в политическом ключе, но и как творческая деятельность человека.

В Конституции Словении (ст. 39) свобода слова определяется в связи с гарантируемой свободой выражения мысли и установлением способов реализации – свободы публичного выступления, печати и других средств массовой информации. Помимо этого, каждому гарантируется свобода получения и распространения информации. По Конституции Латвии (ст. 100), каждый имеет право на свободу слова, которая включает в себя право на получение, владение и распространение информации, высказывание своих взглядов.

В конституциях Словакии (ст. 26) и Чехии (ст. 17) свобода слова гарантируется посредством выражения своих мнений «устно, письменно, в печати, посредством изображения». При этом в первом случае представлен открытый перечень способов реализации свободы слова, что, на наш взгляд, более предпочтительно, а во втором – закрытый. Конституция Хорватии (ст. 38) закрепляет свободу слова через свободу мышления и выражения мысли, включая в себя «прежде всего свободу печати и иных средств информации, свободу слова и публичного выступления, а также свободное учреждение средств массовой информации». В Конституции Эстонии в (ст. 45) под свободой слова понимается право каждого «свободно распространять идеи, мнения, убеждения и иную информацию устно, печатно, изобразительным или иным способом».

Отметим, что в конституциях второй группы стран наиболее внятно прослеживается сопряжение свободы слова с правом на информацию. Такая конституционная трактовка адекватна современным процессам информатизации общества и может расцениваться как закономерность.

Анализ текстов конституций стран Восточной Европы показал, что во всех рассматриваемых нами конституциях свобода слова находит свое отражение. Между тем лексические решения в конституционном закреплении данной свободы разнятся. Помимо типичной формулировки «свобода слова» в рассматриваемых конституциях используются и сопряжения со свободой выражения «мнения» (Босния и Герцеговина), «убеждения» (Литва), «своих взглядов» (Польша), «мысли» (Румыния, Словения), «мышления и мысли» (Хорватия), а также распространения «идеи, мнения, убеждения, информации» (Эстония).

Необходимо отметить, что в текстах некоторых конституций свобода слова артикулируется через право: «каждый имеет право выражать свое мнение» (Болгария), «каждый имеет право на свободу слова» (Кипр), «человек имеет право на свои убеждения» (Литва). Основываясь на том, что права человека отличаются большей законодательной регламентацией, чем свободы человека, полагаем, формулировка свободы слова через «право на свободу…» создает условия для излишней ее регламентации.

Адресатами свободы слова традиционно выступают «каждый» или «человек». Гражданин в этом смысле является, скорее, исключением.

Отметим, что свобода слова нередко закрепляется в связке с информационными правами, что считаем вполне логичным.

Список литературы:

1.Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 05 апреля 1995.

2.Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. ст. 163.

3.Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol

4.Авакьян С. А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 1. – С. 12–20.;

5.Баглай М. В Конституционное право Российской Федерации // Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА, 1998.

6.Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник – 5-е изд., перебар и доп. – Москва: Проспект, 2018.

7.Кочев В. А., Эктумаев А. Б. Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 36. – С. 134–142.
8.Курячая М. М., Воробьева Е. И. Свобода слова как одна из форм реализации публично-политических прав и свобод граждан Российской Федерации // Молодой ученый. – 2016. – № 3 (107). – С. 693–696.
9.Смоленский М. Б., Мархгейм М. В., Тонков Е. Е. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. Б. Смоленский, М. В. Мархгейм, Е. Е. Тонков. Изд. 2-е. испр. и доп. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
10. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ / пер. с нем. Е. А. Сидоровой. – М.: Юрид. лит., 1981.
11. Конституции государств (стран) мира Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. Сайт. URL: http://worldconstitutions.ru

Galunenko V. V. The constitutional formalization of freedom of speech in the constitutions of Eastern European states // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 333–337.

In this article the author considers the experience of fifteen Eastern European States concerning the constitutional consolidation of "freedom of speech". Being reflected in all the constitutions of this group of countries, freedom of speech received lexical connections with other freedoms or with the ways of its realization. Systematization of variants of the constitutional articulation of freedom of speech allowed to identify two fundamental approaches-the consolidation of freedom of speech and detailing freedom of speech. In the considered constitutions, the wording "freedom of speech" is typical, which is supplemented by the freedom of expression of "opinion", "belief", "own views", "thoughts", "thinking and thought", dissemination of "ideas, opinions, beliefs, information". It is revealed that in a number of constitutions freedom of speech is articulated through law, which creates conditions for its excessive regulation. The constitutional addressee of freedom of speech is traditionally "everyone".

Keywords: Constitution, constitutional consolidation, rights and freedoms, personal rights and freedoms, political rights and freedoms, freedom of speech, expression of opinion, expression of opinion, expression of one's views, public expression of thought, dissemination of ideas, dissemination of information, censorship, right to information.

Spisok literaturyi:

1. Vseobschaya deklaratsiya prav cheloveka (prinyata Generalnoy Assambleey OON 10.12.1948g.) // Rossiyskaya gazeta. 05 aprelya 1995.
2. Konventsiya o zaschite prav cheloveka i osnovnyih svobod (Zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950) (s izm. ot 13.05.2004) // Sobranie zakonodatelstva RF. 08.01.2001. # 2. st. 163.
3. Mezhdunarodnyiy pakt o grazhdanskih i politicheskih pravah (Prinyat 16.12.1966 Rezolyutsiey 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii Generalnoy Assamblei OON) //
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol
4. Avakyan S. A. Svoboda obschestvennogo mneniya i konstitutsionno-pravovyie garantii ee osuschestvleniya // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. 2013. # 1. s. 12–20.;
5. Baglay M. V Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii // Uchebnik dlya yuridicheskih vuzov i fakultetov Izdatelskaya gruppa NORMA–INFRA, M. 1998.
6. Kozlova E. I., Kutafin O. E. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik – 5-e izd., perebar i dop. – Moskva : Prospekt. 2018.
7. Kochev V. A., Ektumaev A. B. Pravo na svobodu slova kak osnovnoe pravo // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2017. # 36. S. 134-142.
8. Kuryachaya M. M., Vorobeva E. I. Svoboda slova kak odna iz form realizatsii publichno-politicheskih prav i svobod grazhdan Rossiyskoy Federatsii // Molodoy uchenyiy. 2016. # 3 (107). S. 693-696.
9. Smolenskiy M. B., Marhgeym M. V., Tonkov E. E. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii : uchebnik / M.B. Smolenskiy, M. V. Marhgeym, E. E. Tonkov Izd. 2-e. ispr. i dop. Rostov n/D : Feniks. 2009.
10. Hesse K. Osnovyi konstitutsionnogo prava FRG / per. s nem. E. A. Sidorovoy. M.: Yurid. lit., 1981.
11. Konstitutsii gosudarstv (stran) mira Internet-biblioteka konstitutsiy Romana Pashkova. Sayt. URL: http://worldconstitutions.ru

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 338–343.

УДК 34:930.25

ЦЕННЫЕ И УНИКАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В АРХИВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Скреля К. Ю., Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Необходимость рассмотрения места ценных и уникальных документов в системе архивного законодательства Российской Федерации обусловлена тем, что ценные и уникальные документы представляют культурное наследие государства, отображают систему ценностей народа, его историю, духовные воззрения, в то же время могут содержать сведения, составляющие государственную тайну. Ценные и уникальные документы необходимо охранять, регулировать их отбор, хранение и передачу, совершенствовать законодательную базу их определения, хранения, передачи и уничтожения. Однако вызовы XXI века состоят в том, что убыстряется развитие информационных технологий, в том числе электронных носителей для хранения и передачи информации будущим поколениям. Система права не успевает отобразить новые носители информации, а также определить важность тех или иных документов в массиве информации, объем которой с каждым годом растёт. Нашей целью является изучение вопросов правового урегулирования ценных и уникальных документов в законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: архивное право, архивное законодательство, правовая база архивного дела, ценные и уникальные документы.

С целью установить особенности национального законодательства в области архивоведения необходимо определить основные компоненты архивоведения, которыми являются «архивная система», «система архивных учреждений», «сеть архивных учреждений». Все они имеют отношение к организации архивного дела на уровне государства или его отдельных регионов и, так или иначе, отражают в себе особенности и традиции национального архивного дела.

Архивная система – это совокупность главных принципов организации и технологий архивного дела, которая обеспечивает урегулированное, целостное функционирование всех архивных учреждений.

Целью архивной системы является выявление, сохранение, доступность и эффективное использование архивных документов обществом.

Работа архивной системы регулируется на современном этапе развития целенаправленно государством, юристами, архивоведами, что позволяет комплексно решать проблемы, возникающие при работе с архивными документами. Ее основы определяются в рамках законодательства каждой страны, однако в целом архивная система все же не юридическое понятие. Она имеет четкий конкретно-исторический смысл, является производной от таких факторов, как социально-политическое устройство государства, политический режим, степень бюрократизации общества, степень открытости общества (демократичность и уровень развития институтов гражданского общества), уровень развития рыночных отношений, уровень технологической оснащенности общества, традиции делопроизводства и интенсивность до-

кументооборота, национально-культурные традиции и особенности государства, уровень грамотности населения [3].

Все эти факторы, так или иначе, влияют на архивную систему и отражаются в ней.

В современном мире существуют два типа архивных систем – централизованные и децентрализованные.

Централизованными архивными системами называют такие системы, где управление архивным делом осуществляется единым государственным органом на общих основаниях, зафиксированных в законодательстве.

Децентрализованные архивные системы – это системы, которые не имеют единого органа управления и внутренней иерархии и состоят из отдельных подсистем, которые могут иметь свои собственные основания и принципы работы.

В чистом виде таких систем не существует, так как предусмотреть все особенности будущей работы невозможно, так как помимо государственных, существуют частные, коммерческие и муниципальные фонды, которые стремятся к автономии. Однако для всех фондов существуют базовые общие принципы работы, что позволяет говорить о склонности архивной системы к централизации.

Кроме того, в их основе лежат сложившиеся традиции, а также комплекс устоявшихся в рамках национальной системы законодательства взглядов архивистов и юристов на функционирование архивного дела. Таким образом, в действительности существуют лишь смешанные системы, которые сочетают централизацию с децентрализацией.

Основными компонентами современной архивной системы являются:

– архивный фонд;
– система архивных учреждений;
– система подготовки кадров и научно-методического обеспечения архивного дела;
– совокупность национальных традиций и норм делопроизводства и архивного дела.

Наиболее развитая архивная система из всех стран СНГ сложилась в Российской Федерации. Она начала формироваться сразу же после распада СССР в 1991 г. В основе её формирования лежат Указ президента от 24 августа 1991 г. о переводе архивов КПСС и КГБ на государственное хранение, Постановление от 19 июля 1992 г. об открытии всех архивов для граждан, Закон о культуре от 9 октября 1992 г., который превратил архивные фонды в культурное достояние, Основы законодательства РФ об Архивном фонде и архивах от 7 июля 1993 г. и Федеральный закон об архивном деле в РФ от 27 октября 2004 г.

Эти акты лежат в основе работы современной российской архивной системы. Управление архивным делом осуществляют высшие федеральные органы власти и органы субъектов федерации.

Непосредственное руководство архивным делом и государственной системой архивов осуществляет Федеральная архивная служба России (Росархив), который обладает следующими полномочиями: вводит государственное регулирование в области архивного дела, организует и обеспечивает формирование, хранение и использование Архивного фонда РФ, организует и координирует деятельность федеральных архивов, научных и других учреждений по архивному делу и делопроиз-

водству, ведет государственный учет документов Архивного фонда РФ и т. п. Руководитель Росархива назначается президентом РФ [1].

В состав Федеральной архивной службы входят Коллегия для обсуждения и решения вопросов, связанных с развитием архивного дела в России, Научный совет, Центральная экспертно-проверочная комиссия для определения состава архивного фонда РФ.

Главный принцип организации архивной системы в современной России – это приоритет государства и жесткая иерархическая централизация, а также существование трёхуровнего законодательства: федерального, законодательства субъектов Российской Федерации и муниципального. Среди проблем нормативного урегулирования работы архивных фондов следует отметить несоответствия законодательной базы разных уровней, а также отсутствие согласованности в работе разных ведомств, к ведению которых так или иначе относится архивное дело и работа с памятниками исторического наследия и культуры.

Так, законодательная база Российской Федерации насчитывает более 90 актов, которые, так или иначе, регулируют вопросы архивного дела. К таковым относятся законодательные акты о культуре, информатизации и защите информации; государственной тайне; службе внешней разведки; оперативно-розыскной деятельности; авторском и смежных правах; о правовой охране программ для ЭВМ и многие другие [1; 2; 5].

Осуществление экспертизы ценности непосредственно в учреждениях, организациях, предприятиях на сегодняшний день регулируется «Правилами работы архивных подразделений органов государственной власти, местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций», которые были утверждены в 2001 г. В общей характеристике «Правил» отмечается, что вопросы экспертизы ценности документов, а именно правовой статус, задачи и функции экспертных комиссий, основные требования к практическому проведению ЭСД, предоставляются в четвертом разделе. В третьем разделе представлена методика формирования номенклатуры дел. Данный раздел имеет название: «Требования к составлению номенклатур дел и формирования документов в дела». Здесь представлена общая информация о видах номенклатур дел, порядок составления индивидуальной номенклатуры дел учреждения.

В четвертом разделе «Экспертиза ценности документов в учреждениях» детально определяются компетенция, порядок создания и организация деятельности экспертных комиссий. Следует отметить, что задачи и функции, особенности создания более детально регулируются по ЭК соответствующими типовыми положениями. Важным в нормировании ЭСД в учреждении является определение в «Правилах» порядка проведения экспертизы ценности документов и оформление ее результатов [2; 4].

Среди основных законодательных актов Российской Федерации, которые регулируют работу с ценными и уникальными документами, следует выделить:

1. Регламент Государственного реестра уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации (2001 г.), который включает:

– методические указания по определению уникальных документов, подлежащих включению в Государственный реестр;

– методические рекомендации по работе с особо ценными документами в государственных архивах Российской Федерации (2004 г.);

2. Инструкция о выявлении, учете, описании и хранении особо ценных документов (2007 г.)

В 2007 году был утверждён Административный регламент исполнения государственной функции по ведению Государственного реестра уникальных документов АФ РФ.

В настоящее время эта электронная база данных «Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации» содержит сведения о 590 уникальных документах, хранящихся в 14 федеральных архивах и 22 государственных архивах субъектов РФ.

В законодательных актах РФ обозначены обязательные критерии для выявления ценных и уникальных документов:

- время создания документа;
- ценность содержащейся в документах информации;
- юридическая сила, подлинность документов;
- значение фондообразователя;
- авторство (и адресат) документа;
- наличие палеографических, художественных и других особенностей документа [3].

Современная нормативно-правовая и методическая база по вопросам консервации архивных документов представлена следующими документами: ГОСТ 7.50-2002. «Консервация документов», ГОСТ Р 7.0.2-2006. «Консервация документов на компакт-дисках», ГОСТ Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», «Основные правила работы архивов организаций», «Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» и, безусловно, Федеральный Закон «Об архивном деле в Российской Федерации».

ГОСТ 7.50-2002. «Консервация документов» устанавливает общие требования к консервации документов, в том числе к режиму хранения, технологическим процессам стабилизации и реставрации, используемым при этом материалам. Документ предоставляет следующее определение «консервации документов»: «консервация документов обеспечивает их сохранность посредством режима хранения, стабилизации, реставрации и изготовления копий» [1].

Также подробно в нём описывается процедура хранения документов разных видов, в том числе современные технологии хранения аудиовизуальных документов, электронных документов [7].

Кроме того, нельзя не отметить связь между различными ведомственными структурами при работе с ценными и уникальными документами. Так, Росархив задействован в реализации таких значимых федеральных целевых проектов, как «Культура России», государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» и государственной программы «Развитие культуры и туризма». Кроме того, до 2020 г. действует целевая программа по информати-

зации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений [6, с. 17–19].

Умберто Эко в своём диалоге с Жан-Клодом Карьером, который затем был опубликован в виде книги «Не надейтесь избавиться от книг», рассуждал об электронных носителях так: «Нет ничего недолговечнее, чем долговременные носители информации»; указывая на то, что каждый год на смену новых электронных носителей приходят более новые, что приводит к следующему: у людей есть множество разнообразных носителей информации, но аппараты для их декодификации устаревают, потому прочесть информацию через некоторое время не представляется возможным [8, с. 207]

Кроме того, смена носителей информации, закупка новых электронных систем, несмотря на свои несомненные плюсы, в частности такие, как долговременность и относительная безопасность хранения, возможность продлить жизнь тех бумажных ценных и уникальных документов, что подверглись серьёзным повреждениям, уберечь их от стихийных бедствий и предумышленного уничтожения, однако является финансово затратной для государства. Далеко не все фонды хранения ценных и уникальных документов могут себе это позволить. Кроме того, до сих пор отсутствует правовое поле в области вопросов автоматизации хранения и передачи ценных и уникальных документов, совершенствования электронной системы отбора, учёта, хранения и передачи ценных и уникальных документов, а также урегулирование интеллектуального, авторского права и координации разных отраслей права для руководства архивной системой [7].

Таким образом, мы приходим к выводам, что, несмотря на значительный скачок в развитии законодательства РФ в области архивного дела, многие вопросы остаются вне нормативной базы. Кроме того, зачастую обнаруживается несоответствие в координации работы с ценными и уникальными документами на разных уровнях и при необходимости задействования разных отраслей права, нет чёткого разграничения полномочий государства и субъектов, а также разных ведомств в отношении регулирования работы с ценными и уникальными документами. Все эти вопросы требуют решения.

Список литературы:

1. ГОСТ 7.50-2002. Консервация документов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.storehouse.ru/gost.htm (дата обращения: 27. 09. 2018)

2. Отбор на постоянное хранение аудиовизуальных документов: Методические рекомендации / Федер. Арх. агентство; ВНИИДАД. – М., 2004. – 90 с.

3. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук. – М., 2007. – 186 с.

4. Рекомендации по созданию Интернет-каталогов архивных документов / И. В. Караваев, Н. В. Глищинская. – Москва, 2012. – 29 с.

5. Сравнительный анализ аналоговых и цифровых технологий для выработки и применения технологических решений, обеспечивающих восстановление угасающих текстов архивных документов. Аналитический обзор / исполнители: Харитонов А. Г., ведущий научный сотрудник ВНИИДАД, к. т. н. Ткаченко Н. А., зав. отделом ЭТОАД ВНИИДАД. – Москва, 2012. – 51 с.

6. Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» от 11.02.2013 N 10-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-22102004-n-125-fz-ob/ (дата обращения: 27.09.2018)

7. Черешня А. Г. О совершенствовании методологии и методики экспертизы ценности и отбора на постоянное хранение научно-технической документации. Вестник архивиста. 2002. – № 6 (72). – С. 40–50.
8. Эко Умберто, Карьер Жан-Клод «Не надейтесь избавиться от книг», Симпозиум. − 2010. − 336 с.

Skrelya K. Yu., Klimenko K. P. Valuable and unique documents in the archival legislation of the Russian Federation // Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70) № 4. – P. 338–343.

The need to consider the place of valuable and unique documents in the system of archival legislation of the Russian Federation is due to the fact that valuable and unique documents represent the cultural heritage of the state, reflect the system of values of the people, its history, spiritual views, at the same time may contain information constituting a state secret. Valuable and unique documents should be protected, their selection, storage and transfer should be regulated, the legal framework for their identification, storage, transfer and destruction should be improved. However, the challenges of the XXI century are that the development of information technologies, including electronic media for storage and transmission of information to future generations, is accelerating. The system of law does not have time to display new media, as well as to determine the importance of certain documents in the array of information, the volume of which is growing every year. Our goal is to study the issues of legal regulation of valuable and unique documents in the legislation of the Russian Federation.

Key words: archival law, archival legislation, legal base of archival business, valuable and unique documents.

Spisok literatury:

1. GOST 7.50-2002. Konservatsiya dokumentov [Elektronnyy resurs]. – URL: http://www.storehouse.ru/gost.htm (data obrashcheniya: 27. 09. 2018)
2. Otbor na postoyannoye khraneniye audiovizualnykh dokumentov: Metodicheskiye rekomendatsii / Feder. Arkh. agentstvo; VNIIDAD. – M., 2004. – 90 s.
3. Pravila organizatsii khraneniya. komplektovaniya. ucheta i ispolzovaniya dokumentov Arkhivnogo fonda Rossiyskoy Federatsii i drugikh arkhivnykh dokumentov v gosudarstvennykh i munitsipalnykh arkhivakh. muzeyakh i bibliotekakh. organizatsiyakh Rossiyskoy akademii nauk. – M., 2007. – 186 s.
4. Rekomendatsii po sozdaniyu Internet-katalogov arkhivnykh dokumentov / I.V. Karavayev. N.V. Glishchinskaya. – Moskva, 2012. – 29 s.
5. Sravnitelnyy analiz analogovykh i tsifrovykh tekhnologiy dlya vyrabotki i primeneniya tekhnologicheskikh resheniy. obespechivayushchikh vosstanovleniye ugasayushchikh tekstov arkhivnykh dokumentov. Analiticheskiy obzor / ispolniteli: Kharitonov A.G.. vedushchiy nauchnyy sotrudnik VNIIDAD. k.t.n.. Tkachenko N.A.. zav. otdelom ETOAD VNIIDAD. – Moskva, 2012. – 51 s.
6. Federalnyy zakon «Ob arkhivnom dele v Rossiyskoy Federatsii» ot 11.02.2013 N 10-FZ [Elektronnyy resurs]. – URL: http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-22102004-n-125-fz-ob/ (data obrashcheniya: 27.09.2018)
7. Chereshnya A.G. O sovershenstvovanii metodologii i metodiki ekspertizy tsennosti i otbora na postoyannoye khraneniye nauchno-tekhnicheskoy dokumentatsii. Vestnik arkhivista, 2002. – № 6 (72). – S. 40 – 50.
8. Eko Umberto. Karyer Zhan-Klod «Ne nadeytes izbavitsya ot knig». Simpozium. – 2010. – 336 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 344–353.

УДК 343.9.02

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА БОРЬБУ С НЕЮ

Суденко В. Е.

Российский университет транспорта (МИИТ)

Рассматриваются проблемные вопросы борьбы с организованной преступностью как наиболее опасным видом преступности вообще. Особое внимание уделяется организованной преступности, действующей в сфере экономической деятельности. Автор показывает, что экономическая организованная преступность причиняет наиболее крупный ущерб и вред по сравнению с общеуголовной преступностью, посягающей на чужую собственность. Раскрываются структурные особенности организованной преступности, в том числе принципы объединения группировок, входящих в организованную преступность. Кратко показан генезис организованной преступности: с советских времён до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: преступность, организованная преступность, преступные организованные группы, экономика и преступность, организованная преступность в экономике.

Восьмидесятые годы прошлого столетия ознаменовались тем, что организованная преступность в Российской Федерации начинает вторгаться не только во многие сферы экономической, социальной и политической жизни страны, но и осуществляет свою криминальную деятельность, по сути, параллельно с общественной и государственной деятельностью. Без преувеличения можно сказать, что организованная преступность проникла почти во все секторы рыночных отношений (к сожалению, пока не ставших действительно рыночными), в том числе в такие отрасли, как получение и реализация государственных бюджетных средств при осуществлении наиболее финансово ёмких государственных проектов, строительного бизнеса, жилищно-коммунального хозяйства в виде различного рода управляющих компаний, распространение компьютерных программ. Особую опасность представляет совершение компьютерных преступлений с использованием сети Интернет, компьютерных преступлений, посягающих на банковские структуры, в том числе на крупнейшие банковские учреждения – Сбербанк, банк ВТБ, банк «Россия» и др. Продолжается преступный захват чужого имущества, особенно объектов теневой экономики: подпольной швейной отрасли (выпуск спортивной и иной одежды под маркой известных зарубежных брендов), производство и реализации алкогольной продукции, строительных материалов, не отвечающих безопасности, алкогольной продукции, лекарственных препаратов и т. д.

Организованную преступность стали отличать и такие организационные особенности, как её постепенная трансформация в более опасную форму – организованная преступность юридических лиц, то есть она перерождается в корпоративную преступность. А это влечёт за собою появление нового субъекта состава преступления – юридического лица. Привлечение к уголовной ответственности юридических лиц имеет место во многих государства, в том числе в Англии, Бельгии, Дании, Голландии (Нидерландах), Грузии, Канаде, Люксембурге, Китае, США, Франции и

др. В определённой мере уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена в Латвии, Литве, Молдове, Эстонии [1]. На необходимость в современных экономических условиях нашей страны предусмотреть юридических лиц в качестве субъекта преступления указывал Председатель Следственного комитета России профессор А. И. Бастрыкин [2].

Состояние организованной преступности на сегодняшнем этапе жизни нашей страны, её влияние на все сферы и области жизни привели к тому, что для успешной борьбы с этим явлением требуются самые неотложные организационные, законодательные и управленческие решения. Помимо этого, правоохранительные органы необходимо снабдить действенными научными методическими рекомендациями для целей повышения результативности их деятельности в деле выявления, раскрытия и расследования преступлений, которые в своей совокупности составляют организованную преступность. Нынешнее же состояние борьбы с организованной преступностью в России вряд ли можно назвать удовлетворительным по многим причинам, как правило, независящим от самих органов, осуществляющих эту борьбу. Причинами сложившегося в правоохранительных органах положения дел являются не всегда глубоко продуманные решения власти, к которым можно отнести довольно частую реорганизацию как самих правоохранительных органов, так и их подразделений и служб, которые осуществляют выявление, раскрытие, расследование и предупреждение преступлений; до настоящего времени недостаточно действенная криминалистическая разработка методических пособий по решению предупредительно-профилактической и оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой оперативно-розыскными и следственными службами и подразделениями; малочисленность методических рекомендаций, подкрепляемых практикой по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению криминальной деятельности организованных преступных группировок и формирований. Всё это является одной из причин почти победоносного движения организованной преступности по нашей стране [3, с. 27–36].

Подтверждением недостаточности научно-методических рекомендаций по противостоянию этому виду преступности является отсутствие глубоких научных исследований в этой области. Несмотря на то, что имеется довольно много работ по борьбе с преступностью организованного характера [4; 5; 6], наиболее удачной является монография, посвящённая проблемам борьбы с подобными видами преступлений «Основы борьбы с организованной преступностью» [5]. В указанной монографии наиболее эффективно сочетаются рекомендации и подходы к борьбе с этим видом преступной деятельности, которые выработаны криминалистикой, криминологией, уголовным и уголовно-процессуальным правом, а также оперативно-розыскной деятельностью. В то же время особенности организованной преступности современного этапа её развития требуют от правоохранительных органов новых подходов и соответствующих им новых научно-методических рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых не только организованными преступными формированиями, состоящими только из физических лиц, но и юридическими лицами криминальной направленности. Имеющиеся на сегодняшний день монографии, диссертационные исследования, другие работы, посвящённые проблемам борьбы с организованной преступностью, вышедшие после указанной выше монографии, почти не содержат никаких криминалистических ре-

комендаций по расследованию преступлений, совершаемых организованной преступностью, они посвящены лишь уголовно-правовой и криминологической характеристике таких деяний, а нередко являются повторением ранее сказанного.

Организованная преступность – разновидность групповой преступности, в основании которой лежит соучастие как институт уголовного права, и поэтому расследование преступления, совершённого организованной преступной группой, проводится с использованием криминалистической методики расследования просто групповых преступлений. Совершение преступления группой лиц представляет собой бóльшую общественную опасность по сравнению с совершением такого же преступления лицом-одиночкой. Групповое преступление совершается одновременно двумя или более лицами, которые могли заранее договориться о совершении преступления совместно, при этом перед ними стоит общая чёткая преступная цель, объединяющая их. Групповое участие в совершении преступления характеризуется определённой спецификой его механизма и другими составляющими преступной деятельности, но основное в групповом преступлении – это закономерное и неизбежное наступление, как правило, более тяжких последствий.

Говоря о самой простой преступной группе, отметим, что она является одной из разновидностей небольших социальных групп отдельных индивидов, совершающих преступление совместно. Любая преступная группа, будь то группа лиц, заранее сговорившихся о совершении преступления, организованное преступное сообщество или преступная организованная группа, объединённая для достижения единой для них цели по разным мотивам, в том числе и по мотивам преступного характера, имеет хотя бы временно устоявшиеся межличностные отношения. И это превращает её в единый субъект преступной деятельности, иными словами, она становится групповым субъектом преступления, которому присущи иные свойства, методы криминального поведения, возможности, цели и т. п., не характерные для отдельного криминального индивида.

В групповом преступлении объединены присущие каждому соучастнику общие и специальные знания, преступные и профессиональные навыки, особенности характера и т. д. Если после совершения первого преступления группа не распадается, продолжая криминальную деятельность, то со временем происходит разделение преступного труда с учётом умений, навыков, способностей каждого соучастника. Нередко простое разделение преступного труда со временем перерастает в профессиональный труд, то есть когда преступная деятельность соучастников становится основным их занятием, а преступные доходы – основным источником существования [8, с. 44].

Необходимо отметить, что в сáмой простой группе преступников групповые действия соучастников не являются простым механическим сложением деяний каждого из субъектов, поскольку обязательно проявляются качественно новые действия, цели, интересы, присущие только групповому преступлению. При этом заметим, что групповые интересы, цели группы, а иногда и её действия могут значительно отличаться от действий, целей и интересов каждого отдельно взятого соучастника данной преступной группы [7, с. 146].

При разделении криминального труда в преступной группе её члены используют более совершенные, заранее продуманные и подготовленные способы совершения преступлений, сокрытия не только следов преступления и приобретённого пре-

ступным путём, но довольно часто и сокрытие групповых преступных действий. Члены преступных групп с разделением труда коллективно выбирают объекты преступного посягательства и, как правило, тщательно готовят подходящую для совершения преступления обстановку. Всё это независимо от тех или иных особенностей групповых преступных посягательств, то ли это кражи, разбойные нападения, грабежи, вымогательство, мошенничество, незаконный оборот наркотиков и т. д. Кропотливые подготовка, исполнение и сокрытие следов совершённого преступления создают соответствующие условия для успешной реализации задуманного и достижения планируемой цели, что не всегда возможно и доступно одному индивиду. Наиболее тщательно подготавливаются, а потом совершаются и укрываются преступления организованных преступных групп в сфере экономики.

В связи с повышенной общественной опасностью групповых преступлений они отдельно рассматриваются в научной литературе, а также определяются в уголовном законодательстве (в Уголовном кодексе РФ), а поэтому к лицам, совершающим групповые преступления, применяются более строгие санкции, особенно в случае рецидива преступлений. В части 7 ст. 35 УК РФ предусмотрено, что совершение любого преступления группой лиц без сговора, группой лиц, предварительно сговорившихся о совершении преступления, организованной группой либо преступным сообществом должно влечь уголовное наказание более строгое, чем совершение преступления одиночкой, но в границах санкций, установленных соответствующими статьями Особенной части УК, с учётом требований Общей части УК РФ. В то же время необходимо отметить, что данные в ст. 35 УК РФ определения групповых преступлений не раскрывают, да и не могут раскрыть полностью все социальные и психологические особенности преступных групп. В настоящее время наиболее полно описываются особенности организованной преступности в изданном в 2014 г. учебном пособии Н. П. Яблокова [8].

В криминалистической науке иногда подразделяют преступные группы на традиционные группы, преступные группы типа компаний, преступные группы с распределением ролевых функций и соподчинённостью и, наконец, преступные формирования и группировки организованной преступности. Проведём краткий анализ названных видов преступных групп, за исключением относящихся к организованной преступности, о которых было сказано выше, и их анализ будет проведён ниже [9, с. 498–517].

В современной оперативно-розыскной и следственной практике чаще всего встречаются так называемые *традиционные преступные группы*, которые могут быть разнообразных видов. Создание самых простых преступных групп возможно в результате совместного времяпрепровождения будущих соучастников преступления, на которых воздействуют какие-либо эмоциональные факторы. В подобных группах предварительный сговор о совместном совершении преступления чаще всего происходит перед тем, как его совершить, а потому и преступная цель, общая для них, наиболее примитивна, сиюминутная, не требующая длительной подготовки к её достижению. При этом в преступной группе отсутствует разделение ролей, не распределены обязанности каждого соучастника, нет явного лидера, а решение о совместном совершении преступления принимается коллегиально. Такие преступные группы, совершив одно или несколько преступлений, прекращают свою групповую деятельность, то есть они малоустойчивы.

Указанные преступные группы, как правило, характерны для групповой преступности несовершеннолетних, которые в одиночку совершают преступления в очень редких случаях. Профессор И. И. Карпец указывает, что такие группы появляются вследствие «извращённой тяги к социальности незрелых людей» [10, с. 18], коими в своём большинстве и являются несовершеннолетние. Данные виды традиционных преступных групп, как было сказано, недолговечны и быстро распадаются.

Рассмотрим организационно и структурно более *сложные преступные группы*, которые создаются или как бы самостоятельно возникают вследствие тщательного анализа будущими соучастниками или некоторыми из них конкретной ситуации, что и приводит к предварительному сговору между индивидами о совместном совершении одного или нескольких преступлений. Это более устойчивые преступные группы, но не настолько, чтобы её члены обременялись конкретными обязательствами друг перед другом или перед группой. В таких группах может быть ядро руководителей из числа наиболее активных и авторитетных соучастников. Члены подобных групп придерживаются традиционных профессиональных взглядов уголовного характера и поддерживают специфические преступные способы и методы для достижения своих преступных целей. У них, как правило, отсутствуют коррупционные связи и взаимодействие с представителями властных структур и правоохранительных органов. Подобные связи ими сурово осуждаются по причине уголовных традиций и опасения разоблачения. Несмотря на то, что в преступной деятельности изредка встречаются подобные связи с правоохранителями и властными функционерами, это не характерно для данного вида преступных групп, совершающих традиционные преступления общеуголовного характера [11, с. 72]. Для данных групп характерны такие признаки, как их неустойчивость, отсутствие долгосрочных планов преступной деятельности, наличие в них вполне зрелых членов, довольно редкие случаи участия в них несовершеннолетних лиц.

К следующей группе нами отнесены *преступные группы с наличием распределения ролей* среди их членов и их соподчинённостью, являющиеся намного устойчивее, нежели предыдущие группы. Данные преступные группы имеют ярко выраженные преступные цели, совпадающие у всех их участников. При вступлении в подобную группу в отношении претендента выполняются определённые ритуалы, ему присваивается определённая кличка. В общении между собой члены таких групп используют преступный жаргон, так называемую «феню». Во главе группы стоит её лидер, определяющий нормы межличностных отношений между её участниками. К таким криминальным формированиям относятся воровские, бандитские, мошеннические группы.

Особенность данных преступных групп в том, что они, как правило, не поддерживают коррумпированные связи с властными органами и их представителями, что отличает их от современных преступных организованных групп. Кроме того, такие группы не имеют серьёзной денежно-финансовой базы, также они не стремятся к постоянному совершению преступлений в сфере экономической деятельности. В своей криминальной деятельности их члены стараются соблюдать общепринятые преступные навыки и опираются на криминальные идеи и обычаи. Главное устремление в функционировании таких групп – скрытность их преступной деятельности и полное отсутствие у руководства группы и их членов даже поползновений относи-

тельно влияния на политику страны, у них отсутствуют претензии быть лидерами в определённых сферах экономики и социальной жизни. Изредка в таких преступных группах встречаются случаи установления коррумпированных связей, но только в правоохранительных органах.

Подводя итог рассмотрения характеристики данных преступных группировок, отметим, что о них можно говорить как о профессиональных криминальных формированиях общеуголовной направленности.

Обращаясь к состоянию групповой преступности в нашей стране, необходимо хотя бы кратко вернуться к освещению её состояния в бывшем Советском Союзе. В первые годы советской власти, а точнее в 20–30-е годы прошлого столетия, существовали отдельные преступные группировки в виде бандитских групп, шаек и других формирований, основой преступной деятельности которых являлись мошенничество, кражи, грабежи, разбойные и бандитские нападения. Возглавляли такие группы ранее судимые лица, имеющие преступный опыт, то есть «авторитеты» (в преступном сообществе их ещё называли «жиганы»). Однако указанную преступную деятельность названых группировок вряд ли можно отнести к организованной преступности в её современном понимании. Своеобразие существовавшей в те годы групповой преступности в том, что она имела только некоторые черты, свойственные современной организованной преступности. Организованность такой преступности носила узконаправленный характер, присущий лишь отдельным бандитским группам, шайкам воров, грабителей, мошенников в кредитно-банковской области. Последние могли функционировать только во время существования НЭПа (новой экономической политики государства). Со свёртыванием НЭПа мошенничество в кредитно-банковской сфере само по себе перестало жить.

В эти годы в местах лишения свободы «формируются группировки “воров в законе”, которые разрабатывают “воровские законы”, правила и обычаи, регулирующие деятельность преступного мира» [14, с. 17]. Всё это привело к повышению уровня организованности преступных групп. В поздний советский период времени, с конца пятидесятых до восьмидесятых годов, в стране действовали преступные группы, совершавшие крупные хищения государственной (чаще всего) и иной (намного меньше) собственности. Постепенно деятельность крупных преступных групп переключалась на хозяйственно-экономическую деятельность, что привело к развитию коррупции среди чиновников партийных и советских органов. Идёт совершенствование организованности преступной деятельности и её перерастание в профессиональную преступность.

К закату советской власти организованные преступные группы осваивают теневую экономическую деятельность, перерастая в своём большинстве в экономическую организованную преступность, одной из особенностей которой становится весьма чёткая управляемость преступных групп и их организованность. Структура криминальных группировок и формирований экономической направленности постоянно усложнялась, в их деятельности появляется согласованность деятельности различных организованных преступных групп наряду с плановостью их криминальной деятельности.

Сложная ситуация в экономике и вообще в жизни советского общества не отвечала чаяниям народа, требовала энергичного противодействия со стороны партийных и советских органов, а также более эффективной деятельности правоохрани-

тельных органов. Тем не менее идеология партийно-советского строя стояла на своём – в обществе, строящем коммунизм, нет социальных причин для преступности вообще и тем более для организованной преступности. Кроме того, в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. не было даже понятия организованных преступных групп и преступных сообществ, несмотря на нередкие случаи коррупционных преступлений со стороны партийных и советских чиновников нередко довольно высокого ранга. Например в Краснодарско-Сочинском деле были объединены десятки уголовных дел о коррупции среди партийных, советских правоохранительных органов, в которых были замешаны сотни чиновников от партии и исполнительной власти. По результатам труднейшего по причине колоссального давления со стороны руководителей высших партийных органов и органов МВД Генеральная прокуратура расследовала эти дела, в результате чего было уволено с занимаемых постов и исключено из партии свыше 5 000 чиновников всех рангов, почти 1500 осуждены к значительным срокам лишения свободы, снят первый секретарь крайкома КПСС Медунов, которого спасли от суда лишь дружеские отношения с генеральным секретарём ЦК КПСС Л. Брежневым, секретарём ЦК КПСС К. Черненко и другими высшими чиновниками.

В таких условиях, естественно, и уголовно-правовая наука вряд ли могла проводить глубокие исследования профессиональной, но уже с зачатками организованности преступности, а потому отсутствовало её научное прогнозирование, не поддерживались разработки методов борьбы с организованными преступными группами и группировками, что было следствием отсутствия формирования государственной политики по борьбе с данным социальным явлением. В то же время организованная преступность и порождённая ею коррупция продолжала расти, что начало приводить к постепенному сращиванию немалого числа чиновников госаппарата с экономической организованной преступностью. Особенностью российской организованной преступности позднего советского периода является то, что она возникала и распространялась внутри страны, без поддержки и вмешательства со стороны подобной зарубежной преступности.

Российское общество в этот период времени не имело возможности знать о существовании организованной преступности, её состоянии и масштабах. Лишь в результате публикации на закате восьмидесятых годов истекшего века СМИ серьёзных статей об организованной преступности [15, с. 25; 16; 17; 18] замалчивание наличия этого явления стало практически невозможным. С этого времени начинается осознание людьми нашей страны той остроты состояния преступности, которая сложилась в результате замалчивания наличия организованной преступности и её опасности как для отдельного человека, так и для общества в целом и даже для государства. Многие учёные приступают к глубокому исследованию феномена организованной преступности, публикуют статьи, монографии, диссертации по этой проблеме. Органы законодательной и исполнительной власти, в том числе правоохранительные органы осознали тревожную криминальную ситуацию и приступают к разработке методов борьбы с организованной преступностью. Однако одного желания борьбы с этим социальным явлением было недостаточно, требовались немалые организационные и, самое главное, финансовые возможности и, кроме того, выработка специальной государственной программы по борьбе с организованной преступностью, а также разработка криминалистических методов противодействия ор-

ганизованным преступным группам и формированиям. При этом руководство страны не проявило достаточную политическую волю по решению вопросов борьбы с организованной преступностью, пустив дело на самотёк, что привело к невосполнимому вреду для всего государства. Вместо быстрой и относительно малозатратной работы по определению и изучению психологии групповой преступности, пока она ещё не доросла до своей самоорганизации и не достигла усложнения внутренней структуры, органы власти ограничивались лишь общими фразами, лозунгами и словесной шумихой о якобы ведущейся борьбе с организованной преступностью.

С выходом из тени организованной преступности, когда расширился ареал и масштабы её криминальной деятельности, она стала приобретать качественно опасные для общества характеристики. В середине девяностых годов прошлого столетия законодательная власть спохватилась и ввела в УК РСФСР понятие организованной преступной группы, что подтолкнуло теоретиков и практиков к научным исследованиям этого опаснейшего социального явления [19, с. 156–166].

В настоящее время точно установлено, что данный вид преступности вырос до того, что её организующей силой стали юридические лица в виде объединений профессиональных юристов, финансистов, экономистов и других, хорошо владеющие своими знаниями, специалисты. А это значительно увеличивает эффективность способов и механизмов совершения крупных хищений, в том числе мошенничества с государственными и частными денежными средствами, их вывода за границу и сокрытие от контроля со стороны российских контролирующих органов. Получила широкое распространение легализация преступных доходов за рубежом. В подавляющем большинстве криминальная деятельность организованной преступности переросла в транснациональную.

Основным направлением деятельности организованной преступности в нашей стране стала экономика, когда организованные преступные группировки так включаются, встраиваются в социальную и экономическую деятельность, что нередко нивелируется граница между непреступной и преступной, между законной и нелегальной деятельностью. Не будет преувеличением, если сказать, что в наше время ни один сектор экономики практически не защищён по-настоящему от воздействия организованной преступности. Всё это приводит к тому, что в государственном бюджете ежегодно теряется огромнейшая часть средств, которые различными путями выводятся из федеральной финансовой системы. Организованная преступность в виде организованных криминальных групп и сообществ направляет свои главные усилия на такие отрасли в экономике, в которых вращаются огромные денежные средства, текут их огромные потоки. К таковым относятся финансируемые государственные программы, инвестиции, внешнеэкономическая деятельность, кредитно-финансовая система, сырьевая и перерабатывающая промышленность, область оборота драгоценных металлов и камней, развлекательный бизнес и др.

Деятельность организованной преступности в России в наши дни продолжает осложнять и нагнетать криминальную обстановку, крайне отрицательно влияя на национальную безопасность. Организованные преступные группы и формирования всё активнее вмешиваются в экономическую деятельность, продвигают своих ставленников в органы представительной и исполнительной власти, устанавливают тесные связи с транснациональными преступными организациями, прежде всего в сфере незаконного оборота наркотических средств и сильнодействующих веществ. В

своей криминальной деятельности организованная преступность нередко переплетается с экстремистскими сообществами, а также с террористическими организациями не только Северного Кавказа и Поволжья, но и других регионов. К сожалению, приходится отметить, что организованная преступность во всех формах её проявления трансформировалась в относительно самостоятельную самоорганизующуюся опасную для государства социально-политическую систему. При этом организованные преступные группы и формирования приобрели весьма внушительный иммунитет от устоявшихся форм и методов оперативно-розыскной и следственной деятельности и иных учреждений социального контроля.

Список литературы:

1. Суденко В. Е. Уголовное право. Общая часть. Альбом схем / В. Е. Суденко. Московский гос. ун-т путей сообщ. (МИИТ), Юридический ин-т. Москва, 2011.
2. Бастрыкин А. И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц / http://sledcom.ru/blog/bastrikin/item/888481/ (дата обращения 20.04.2018).
3. Суденко В. Е. Теория причинности в уголовном праве // Сервис plus. 2010. № 4.
4. Мохов Е. А. Организованная преступность и национальная безопасность России. – М.: Вузовская книга, 2006. – 222 с.
5. Попов В. И. Противодействие организованной преступности, коррупции, терроризму в России и за рубежом. – М.: СГУ, 2007. – 581 с.
6. Скобликов П.А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. – М. : НОРМАю М., 2007. – 272 с.
7. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. - М., 1996.
8. Гуров А. И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. – М., 1990.
9. Лукашевич В. Г. К вопросу о квалификации преступных групп и пути дальнейшего совершенствования деятельности органов внутренних дел. – Киев, 1978. – С. 146.
10. Яблоков Н. П. Организованная преступная деятельность: теория и практика расследования. Учебное пособие. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2014. – 224 с.
11. Суденко В. Е. Криминалистика. – Пятигорск, 2008. – С. 498–517.
12. Карпец И. И. Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью. – М., 1990.
13. Организованная преступность. Проблемы. Дискуссии. Предложения. – М., 1989.
14. Раззаков Ф. Бандиты времён социализма. Хроника российской преступности. 1917–1991 гг. – М., 1997.
15. Бирюков В. Что такое организованная преступность? // Соц. законность. 1988. № 6.
16. Щекочихин Ю., Гуров А. Лев прыгнул. Диагноз – организованная преступность. Проведены первые исследования // Литературная газета. 1988. 20 июля.
17. Николаев Н. О. О проблемах борьбы с организованной преступностью // Социалистическая законность. 1988. № 9.
18. Гуров А. И. Организованная преступность и меры борьбы с ней. – М., 1989.
19. Чеботарева Г. В. Развитие научных представлений об уголовной политике // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 3.

Sudenko V. Features of organized crime and their influence on the fight against it // Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70) № 4. – P. 344 – 353.

The problematic issues of combating organized crime as the most dangerous type of crime in General are considered. Particular attention is paid to organized crime operating in the field of economic activity. The author shows that economic organized crime causes the largest damage and harm in comparison with ordinary crime, which encroaches on someone else's property. Structural features of organized crime, including the principles of Association of the groups entering into organized crime are revealed. Briefly shown is the Genesis of organized crime, from Soviet times to the present day.

Key words: crime; organized crime; criminal organized groups; economy and crime; organized crime in economy.

Spisok literaturyi

1. Sudenko, V. E. Criminal law. Common part. Album schemas / V. E. Sudenko. Moscow state University of ways of messages. (MIIT), Legal Institute Moscow, 2011.
2. Bastrykin A. I. on the issue of introduction of criminal liability of legal entities in Russia / http://sledcom.ru/blog/bastrikin/item/888481/ (date of circulation 20.04.2018).
3. Sudenko V. E. theory of causality in criminal law // Service plus. 2010. No. 4.
4. Mokhov E. A. Organized crime and national security of Russia. - M.: University book, 2006. - 222 p.
5. Popov V. I. Counteraction to organized crime, corruption, terrorism in Russia and abroad. - M.: SSU, 2007. - 581 p.
6. Skoblikov p. A. Actual problems of fight against corruption and organized crime in modern Russia. – M. : Norma M., 2007. - 272 p.
7. Basics of the fight against organized crime / ed. V. S. Ovchinsky, V. E. Eminova, N. P. Yablokov. - M., 1996.
8. Gurov A. I. Professional criminality. Past and present. - M., 1990.
9. To the question of qualification of criminal groups and ways of further improvement of the activity of the internal Affairs bodies. - Kiev, 178. - P.146.
10. Yablokov N. P. Organized criminal activity: theory and practice of investigation. Textbook. M. : NORMA, INFRA-M, 2014. - 224 p.
11. Sudenko, V. E. Forensics. - Pyatigorsk, 2008. - Pp. 498-517. - 576 p.
12. Karpets I. I. Actual problems of fight against organized crime. - M., 1990.
13. Organized crime. Problems. Discussions. Proposals. - M., 1989.
14. Razzakov F. Bandits of times of socialism. Chronicle of Russian crime. 1917-1991-M., 1997.
15. Biryukov V. what is organized crime? // Soc. legality. 1988. No. 6.
16. Yuri Shchekochikhin, Gurov A. Leo jumped. Diagnosis-organized crime. The first studies were conducted / / Literary Gazette. 1988. July 20.
17. Nikolaev N. About problems of fight against organized crime // the socialist legality. 1988. No. 9.
18. Gurov A. I. Organized crime and measures to combat it. - M., 1989.
19. Chebotareva G. V. Development of scientific ideas about criminal policy // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky Legal Sciences. - 2017. - vol. 3 (69). - № 3.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 354–359.

УДК 343.131

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАЗУМНОСТИ СРОКОВ В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Тихомирова Т. О.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье анализируется проблема соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства в России, раскрываются особенности процессуального и разумного сроков. Автор обращает внимание на необходимость преодоления декларативного подхода к реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Обосновывается вывод о том, что принцип разумности реализуется через уголовно-процессуальные сроки. Делается вывод о необходимости в действующем УПК РФ закрепить разумность не только в качестве требования к процессуальным срокам, а как общее начало уголовного судопроизводства, основанное на принципе пропорциональности и обеспечивающее защиту прав и свобод личности в сфере уголовного преследования. Раскрываются причины необоснованных задержек при производстве по уголовному делу. Отсутствие четкой регламентации положений о сроках в уголовном судопроизводстве является результатом необоснованного затягивания разбирательства дел по существу. Сделан вывод о том, что появление в действующем процессуальном законодательстве Российской Федерации принципа «разумный срок» является необходимым условием реализации механизма защиты права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

***Ключевые слова*:** уголовное судопроизводство, разумный̆ срок, процессуальный̆ срок, качество правосудия, критерий разумности, участники уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальная деятельность, как любой иной вид деятельности, кроме прочих характеристик имеет и временную характеристику. Не только в целом судопроизводство должно осуществляться в течение определённого времени, но и отдельные действия в рамках процессуальной деятельности для решения задач уголовного процесса должны выполняться в определенное время. Их выполнение за пределами установленных сроков в некоторых случаях может не иметь важного значения (собственно для чего и устанавливаются сроки), а в некоторых случаях не будет иметь юридического значения.

Необходимость установления конкретных сроков расследования и разрешения уголовных дел обусловлено несколькими причинами. Прежде всего – это необходимость приблизить момент совершения преступного деяния к моменту наказания. Деятельность субъектов процесса проходит в жестких временных рамках. Одна из насущных проблем правоприменителя – найти разумное соотношение сроков расследования и разрешения уголовных дел.

Составляющими проблемы времени в уголовном процессе являются: 1) действие уголовно-процессуального закона во времени; 2) временная характеристика фактов, подлежащих доказыванию по уголовному делу (например время совершения преступления, возраст лица и т. п.); 3) временной отрезок уголовно-процессуальной деятельности.

В юридической литературе обращалось внимание на некоторые проблемы исчисления сроков в уголовном процессе. Одной из таких проблем является проблема принятия процессуальных решений за пределами рабочего времени. Нередко следователи, дознаватели и судьи принимают процессуальное решение не в официально установленное рабочее время, а после его истечения. Является ли это нарушением закона или нет – предмет отдельного исследования.

Не нашел разрешения в теории уголовного процесса и вопрос исчисления процессуальных сроков в разных часовых поясах. Можно ли считать достигшим возраста уголовной ответственности лицо, родившееся в Калининграде и совершившее преступление в день своего рождения в Хабаровске? Ведь фактически разница во времени составит 8 часов. По мнению А. Р. Михайленко, эти часы имеют важное значение для определения законности привлечения к уголовной ответственности [1, с. 110]. Полагаем, что данная проблема должна найти нормативное разрешение.

Фактор времени может иметь и уголовно-правовое значение. Так, Уголовный кодекс РФ устанавливает сроки давности привлечения к уголовной ответственности, сроки погашения судимости и т. д. Время совершения преступления может влиять на квалификацию преступления, так, усиливаются санкции в военное время за отдельные составы преступлений.

Длительное время в законодательстве не раскрывалось уголовно-процессуальное понятие и содержание «сроков», что привело к многообразию точек зрения в специальной литературе. Так, М. А. Чельцов сроки в уголовном судопроизводстве раскрывал в широком и узком смысле. В широком смысле слова это определенный промежуток времени, в течение которого данное действие должно быть выполнено субъектом процессуальной деятельности. В узком смысле процессуальные сроки предназначены для выполнения какого-либо действия сторонами [2, с. 33–36; 3, с. 80]. И. М. Гуткин, Л. А. Мариупольский, И. М. Шереметьев полагают, что уголовно-процессуальные сроки – это установленное законом время, в течение которого органы дознания, следствия, прокуратуры, суда и участники процесса не только должны (обязаны), но и могут (имеют право) совершить конкретные процессуальные действия [4, с. 57].

Современные авторы в целом не добавили кардинально нового в понимание содержания процессуальных сроков, наполняя определения конкретизирующими признаками. Так, И. В. Маслов под уголовно-процессуальным сроком понимает установленный уголовно-процессуальным законом на основе положений Конституции Российской Федерации, исчисляемый в соответствии с его предписаниями промежуток времени, в течении которого орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор суд, судья, а также подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, другие участники уголовного процесса имеют право либо обязаны совершить определенные процессуальные действия, а в некоторых случаях воздержаться от их производства, и имеющий своей целью обеспечить своевременное выполнение назначения уголовного судопроизводства, соблюдение конституционных и иных предоставленных законом прав лиц, являющихся участниками уголовного процесса [5, с. 19, 20].

Временная характеристика в уголовном судопроизводстве может оказывать существенное влияние на дифференциацию уголовной процессуальной формы. Так, изменение только срока дознания или следствия по отдельной категории дел в сторону уменьшения приводит к появлению сокращенной формы судопроизводства,

даже если при этом существенно не изменяется содержание уголовно-процессуальной деятельности.

Определяющее значение для уголовно-процессуальной деятельности и характеристики судопроизводства в целом являются сроки применения мер пресечения, особенно наиболее строгой – в виде заключения под стражу, длительность содержания под стражей до вступления приговора в законную силу, длительность судопроизводства с момента выявления преступления и привлечения виновных к уголовной ответственности и возмещению вреда потерпевшим. Основная масса критических замечаний направленна именно на эти сроки. В меньшей мере в процессуальной литературе рассматриваются и обосновываются сроки производства конкретных процессуальных действий. Установление того или иного срока преследует цель обеспечения выполнения задач судопроизводства и обеспечения прав лица, вовлеченного в судопроизводства. В некоторых случаях сроки, установленные еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., не поддаются переосмыслению. Например о произведенном задержании орган дознания дознаватель или следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде в течение 12 часов с момента задержания подозреваемого. При этом не обосновывается, почему именно срок в 12 часов является достаточным и необходимым для отправления уведомления прокурору. Почему одновременно с составлением протокола задержания нельзя направить прокурору уведомление о произведенном задержании. Хотя в данном случае целесообразней установить срок проверки прокурором законности задержания, а не время отправления уведомления.

Интерес к уголовно-процессуальным срокам в российской процессуальной науке вновь проявился в связи с деятельностью Европейского суда по правам человека. Конвенция о защите прав человека и основных свобод содержит положение, согласно которому по уголовному делу должно быть проведено публичное разбирательство дела в разумный срок (п. 1 ст. 6). При этом европейское законодательство не содержит формализированных определений для признания того или иного срока судопроизводства разумным или нет. По делу «W. против Швейцарии» содержание под стражей четыре года по мнению ЕСПЧ было признано не нарушающим Конвенцию, а уже по делу «Калашников против Российской Федерации» Европейский суд признал неразумными сроки: а) содержания под стражей в течение четырех лет, одного месяца и четырех дней; б) производства по делу в течение 5 лет, 1 месяца и 23 дней [6]. В то же время по делу «Летелье (Letellier) против Франции» содержание под стражей в течение двух лет и девяти месяцев было признано неоправданной задержкой [7].

Вероятно, правильным является подход установления не конкретного срока, а критериев нарушения разумности срока. Так, правовые позиции ЕСПЧ по разумности срока рассмотрения уголовного дела основываются на особенности конкретного уголовного дела, где права личности на справедливый процесс оказались нарушены.

Судебная практика ЕСПЧ в качестве критериев разумности срока уголовного судопроизводства определяет:

1) сложность уголовного дела – неожиданное и непредвиденное увеличение объема материалов дела, число расследуемых эпизодов, количество обвиняемых, потерпевших и свидетелей и т. п.;

2) поведение заявителей – действия по «затягиванию» процесса: подача многочисленных жалоб, заявлений, апелляций; просьбы о продлении сроков подачи

письменных возражений; систематическое заявление отводов судьям, совершение обвиняемым новых правонарушений и другие;

3) наличие исключительных обстоятельств, которые индивидуальны для каждого случая по конкретному уголовному делу;

4) поведение властей.

Вероятно, нельзя признать соблюдением принципа разумности сроков уголовного судопроизводства неоднократное продление сроков предварительного расследования по одним и тем же основаниям либо продление сроков расследования при отсутствии реально проведенных процессуальных действий.

Результатом взаимодействия практики ЕСПЧ и российского законодательства стало «появление» принципа разумности срока уголовного судопроизводства. На основании Федерального закона РФ от 30 апреля 2010 г. № 69–ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”» УПК РФ был дополнен новой статьей 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства», в которой содержатся критерии определения разумности сроков уголовного судопроизводства.

Нормативное закрепление в качестве принципа положения о разумности сроков уголовного судопроизводства, по нашему мнению, существенно не улучшило защиту прав как обвиняемых, так и потерпевших. И судебная, и следственная волокита осталась. В юридической литературе предлагается минимизировать риски судебной волокиты путем отказа от законодательного установления сроков дознания, предварительного следствия и установить процессуальные сроки только для процедур, связанных с выдвижением обвинения, принятием мер принуждения, иных действий, с которыми сопряжено уголовное преследование [8]. По мнению А. С. Александрова, подготовка уголовного иска должна быть осуществлена соответствующими должностными лицами в разумный срок, что позволяет сделать российский уголовный процесс более гармоничным и справедливым [9].

В юридической литературе предлагается установить предельный срок предварительного расследования, механизма его продления в определенных случаях [10, с. 71]. Целесообразность или пагубность такого новшества можно будет проанализировать на основе законодательства иных стран. Так, на Украине сделана попытка установления предельного срока досудебного уголовного производства. И уже на стадии обсуждения и принятия данной поправки к УПК Украины началась оживленная, подчас ожесточенная дискуссия по поводу ее целенаправленности. Несмотря на существенные отличия в построении судебной системы в РФ и на Украине, установление предельного срока досудебного производства и негативные (или положительные) моменты позволят уже с учётом практики применения данной нормы обосновывать необходимость аналогичных нововведений в российском уголовном судопроизводстве.

В соответствии с УПК РФ в судебных стадиях устанавливаются следующие сроки: принятия решения по поступившему уголовному делу в суд, назначения судебного заседания без проведения предварительного слушания, извещения о судебных заседаниях, проведения судебного разбирательства, сроки содержания под стражей на период судебного разбирательства, сроки подачи апелляционной, кассационной

жалоб или представлений, сроки подачи возражений на апелляционные жалобы или представления и т. д. Безусловно, законодательная регламентация каждого из этих сроков существенно влияет на справедливость правосудия, разумность срока привлечения к уголовной ответственности и обеспечения прав потерпевших от преступных деяний, а потому их совершенствование возможно при наличии достаточной аргументации.

Одной из проблем, как нами указывалось выше, является неопределенность длительности, в том числе и предельной, сроков судебного разбирательства. Если вопрос о предельном сроке предварительного расследования, представляется, не должен решаться положительно, то срок судебного разбирательства не должен быть больше или значительно больше сроков предварительного расследования. Судебное разбирательство может длительно продолжаться по разным причинам. Например в суде недостаточно оборудованных залов для проведения слушаний по преступлениям, совершенным в соучастии несколькими подсудимыми, сложности в организации доставки содержащихся под стражей в судебное разбирательство, систематическая неявка участников разбирательства, возрастающая нагрузка судей и, как следствие, «объективная» волокита и т. п. И это только объективные условия. Мы не включаем сюда недобросовестные, а иногда и незаконные действия судей по организации судебных разбирательств, так как усовершенствовать именно в этой сфере представляется мало реализуемым. Тогда как объективные причины несоблюдения сроков разумности уголовного судопроизводства могут устраняться путем внесения соответствующих изменений в законодательства, совершенствование материально-технического обеспечения судов и иных правоохранительных органов, чья деятельность непосредственно влияет на эффективность деятельности судов.

В качестве предложений по совершенствованию разумности сроков судебного разбирательства уголовных дел можно предложить, например, штрафные санкции за неявку в судебное заседание потерпевших или свидетелей. При этом штрафные санкции могут выражаться не столько в наложении денежных штрафов, сколько улучшении положения подсудимого. Например по уголовным делам небольшой или средней тяжести неявка свидетелей без уважительных причин должна приводить к невозможности оглашения их показаний, а неявка потерпевшего к исключению возможности применять арест. В данном случае сторона обвинения предпримет все необходимые меры для осуществления доставки в суд свидетелей и потерпевших.

Четкий механизм осуществления привода и соответствующая регламентация сроков переноса судебных заседаний позволит не допускать длительных перерывов в рассмотрении дела. Нередки случаи, когда судьи в силу своей загруженности судебные заседания назначают раз в месяц. Полагаем, что задача государства – обеспечить такое количество судей, которое б могло рассмотреть уголовные дела в определенном регионе в более сжатые сроки.

Список литературы:

1. Михайленко А. Р. Расследование преступлений: законность и обеспечение прав граждан. Научно-практическое издание. – К.: Юринком Интер, 1999. – 448 с.
2. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. – 2-е изд., пере-раб. – М.: Госюриздат, 1951. – 512 с.
3. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс: Учебник для юридических институтов и факультетов. – 4-е изд., исправл. и перераб. – М.: Госюриздат, 1962. – 504 с.
4. Гуткин И. М., Мариупольский Л. А., Шереметьев И. М. Советский уголовный процесс: Учебник для средних юридических школ. – М.: Госюриздат, 1962. – 318 с.

5. Маслов И. В. Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 222 с.
6. Решение Европейского суда по правам человека от 26 января 1993 г. по делу «W. против Швейцарии» [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461449.htm; Решение Европейского суда по правам человека от 15 июля 2002 г. по делу «Калашников против Российской Федерации» // Российская газета. – 2002. – 17 октября.
7. Решение Европейского суда по правам человека от 26 июня 1991 г. по делу «Летелье (Letellier) против Франции» [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461412.htm
8. Александров А.С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 54–62
9. Александров А. С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 39.
10. Ягофаров С. М. Международные стандарты по правам человека и российское уголовное судопроизводство: Учебное пособие / Под ред. доктор юрид. наук, проф. А. П. Гуськовой. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. – С. 71.

Tichomirova T. O. Implementation of the principle of reasonableness of terms in the judicial stages of criminal proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 354–359.

This paper analyzes the issue of compliance with a reasonable period of criminal proceedings in Russia, reveals features of procedural and reasonable periods. The author draws attention to the necessity of overcoming the declarative approach to implementing the principle of a reasonable period of the Criminal Justice. The necessity is grounded that principle of reasonableness will be realized through the terms criminal proceedings. The conclusion about need for the existing Criminal Procedure Code of the Russian Federation to fix a rationality not only as the requirement to procedural terms is drawn and as the general beginning of criminal legal proceedings based on the principle of proportionality and providing protection of the rights and personal freedoms in the sphere of criminal prosecution. The reasons of undue delay in the criminal case. Lack of clear regulation of provisions dealing with timing of criminal proceedings results from unreasonable protraction in trials of cases on the merits. It is concluded that appearance of the principle of «reasonable time» in the current laws of procedure of the Russian Federation is a prerequisite for implementation of a mechanism for protecting the right to legal proceedings within a reasonable time or the right for a judicial act to be enforced within a reasonable time.

Keywords: criminal procedure, reasonable period, procedure period, quality of justice, criterion of reasonability, parties to criminal procedure.

Spisok literatury

1. Mihajlenko A. R. Rassledovanie prestuplenij: zakonnost' i obespechenie prav grazhdan. Nauchno-prakticheskoe izdanie. – K.: YUrinkom Inter, 1999. – 448 s.
2. CHel'cov M.A. Sovetskij ugolovnyj process. – 2-e izd., pere-rab. – M.: Gosyurizdat, 1951. – 512 s.
3. CHel'cov M.A. Sovetskij ugolovnyj process: Uchebnik dlya yuridicheskih institutov i fakul'tetov. – 4-e izd., ispravl. i pererab. – M.: Gosyurizdat, 1962. – 504 s.
4. Gutkin I. M., Mariupol'skij L. A., SHeremet'ev I. M. Sovetskij ugolovnyj process: Uchebnik dlya srednih yuridicheskih shkol. – M.: Gosyurizdat, 1962. – 318 s.
5. Maslov I. V. Aktual'nye problemy pravovoj reglamentacii processual'nyh srokov v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam: dis. … kand. yurid. nauk. – Saratov, 2004. – 222 s.
6. Reshenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 26 yanvarya 1993 g. po delu «W. protiv SHvejcarii» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461449.htm; Reshenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 15 iyulya 2002 g. po delu «Kalashnikov protiv Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. – 2002. – 17 oktyabrya.
7. Reshenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 26 iyunya 1991 g. po delu «Letel'e (Letellier) protiv Francii» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.garant.ru/euro/DOC_2461412.htm
8. Aleksandrov A.S. Kakim ne byt' predvaritel'nomu sledstviyu // Gosudarstvo i pravo. – 2001. – № 9. – S. 54 – 62
9. Aleksandrov A.S. Ponyatie i sushchnost' ugolovnogo iska // Gosudarstvo i pravo. – 2006. – № 2. – S. 39.
10. YAgofarov S.M. Mezhdunarodnye standarty po pravam cheloveka i rossijskoe ugolovnoe sudoproizvodstvo: Uchebnoe posobie / Pod red. dok. yur. nauk, prof. A.P. Gus'kovoj. Orenburg: Izdatel'skij centr OGAU, 2006. – S. 7

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 4. – С. 360–367.

УДК 347.79

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РАДИОТЕЛЕГРАФНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РАДИОСВЯЗИ НА МОРЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА В СССР

Шармоянц А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Работа посвящена особенностям правового регулирования радиосвязи на море в период ее внедрения в начале XX века: в дореволюционной России, позже – в СССР, на международном уровне. Базисом этого процесса стали международные радиотелеграфные конференции, активным участником которых была царская Россия, а в дальнейшем и советская власть. В статье анализируются международные радиотелеграфные конференции 1904 и 1906 гг. в Берлине, 1912 года в Лондоне, участие в которых принимала царская Россия. Рассматривается первая после Первой мировой войны международная радиотелеграфная конференция в Вашингтоне 1927 года. Участие в ней, ввиду сложной политической обстановки, СССР не принимал, однако впоследствии, участвуя в международной конференции по охране человеческой жизни на море 1929 года в Лондоне и ратифицировав принятую на ее основании Конвенцию СОЛАС, смог устранить отставание в правовом регулировании обеспечения безопасности на море от передовых морских держав, которое возникло в том числе и в сфере правового регулировании радиосвязи после пропущенной в 1927 году советским государством международной радиотелеграфной конференции в Вашингтоне.

Ключевые слова: радио, правовое регулирование, торговое судоходство, безопасность торгового мореплавания, морское судно, нормативно-правовой акт, международное право, международная конференция.

Важным этапом в повышении безопасности торгового мореплавания в начале XX века как в России, так и во всем мире стало широкое внедрение и распространение радиосвязи. В России основы правового регулирования деятельности радиоустановок в целях обеспечения безопасности судоходства были заложены еще до захвата большевиками власти, в самом начале XX в. Базисом этого процесса стали международные радиотелеграфные конференции, активным участником которых была царская Россия, а в дальнейшем и советская власть. Данный процесс нуждается в более детальном изучении и анализе для учета богатого и по большей части положительного исторического опыта.

Цель работы заключается в том, чтобы проанализировать основные международные радиотелеграфные конференции, проводимые в начале XX века, и оценить их роль в правовом регулировании деятельности радиоустановок как важного элемента системы по обеспечению безопасности торгового мореплавания как на международном уровне, так и в рамках отечественного государства. В ходе работы учитываются исследования ученых, которые прямо или косвенно касались поставленной темы: В. Г. Воронин, А. А. Глущенко, В. Н. Гуцуляк, С. А. Гурьев, И. В. Зенкин, Б. В. Змерзлый и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6]. В работах отечественных и зарубежных авторов исследование данного вопроса в обозначенном нами аспекте и временных рам-

ках не проводилось или же проводилось поверхностно в рамках изучения другой проблемы.

В 1903 г. в Берлине собралась Первая международная радиотелеграфная конференция. Кроме делегации Германии, присутствовали представители Австро-Венгрии, Великобритании, Испании, Италии, России, США и Франции. Кроме принятия различных решений, данная конференция также рекомендовала использовать телеграфный сигнал бедствия – «SSS DDD» (вместо «CQ» – «Come Quick», применявшегося по негласному соглашению ранее).

Однако в 1904 г. фирма «Marcony International Marine Communication Company» к радиостанциям ее производства продолжала прикладывать свой собственный «Регламент связи» (был утвержден 7 января 1904 г. «Циркуляром № 57»), в котором сигнал бедствия выглядел как «CQD», к которому морские радисты быстро подобрали фразу («Come Quick, Danger» – «Идите быстрее, опасность». Позже стало ясно, что сигнал CQD очень неудобен для передачи: в нем слишком много знаков.

3 октября 1906 г. снова в Берлине собралась ездународная конференция (было 105 делегатов из 29 стран), на которой делегацией Германии был предложен сигнал «SOE», но и его забраковали, т. к. букву Е («точку») легко пропустить на фоне сильных помех. Был забракован и предложенный американцами сигнал «NC» и было продолжено использование сигнала «CQD». Там же была принята и «Международная радиотелеграфная конвенция», в которой для связи с судами были отведены волны длиной 300 и 600 м.

Телеграфный сигнал бедствия «SOS» был введен в международную практику профессиональной радиосвязи в 1908 г. и неофициально расшифровывается как «Save Our Souls» («Спасите наши души»), «Save Our Ship» («Спасите наш корабль) или «Stop Other Signals» («Остановите другие сигналы»). Этот сигнал очень удобен и прост при передаче азбукой Морзе («три точки – три тире – три точки»). Его принятие себя полностью оправдало – 10 июня 1909 г. у Азорских островов затонул пассажирский корабль «Кунард», сигналом бедствия был выбран именно «SOS», что в немалой степени поспособствовало успешному спасению всех членов экипажа.

Но по инерции радисты кораблей некоторых компаний продолжали использовать и сигнал «CQD».

Анализ работы и результатов Берлинской радиотелеграфной конференции 1906 года свидетельствует о двойственном объеме принятых на себя ее участниками обязательств: с одной стороны, большинство государств согласилось на обязательный радиообмен как береговых и судовых радиостанций друг с другом, так и последних между собой, с другой стороны, Великобритания и ее сторонники приняли на себя обязательство радиообмена независимо от системы радиотелеграфа лишь в отношении обмена береговых и судовых станций.

Этой раздвоенности обязательств положила конец Лондонская конвенция 1912 г., поскольку отпала непримиримая позиция компании Маркони. Перед началом Лондонской конференции была достигнута договоренность двух основных конкурировавших в то время компаний – общества Маркони и Телефункен. Ими была образована дочерняя компания – немецкое общество по эксплуатации радиотелеграфии (Дебег). Этот факт, обеспечивший за обществом Маркони его прибыль, предопределил исход Конференции [3, с. 143].

Лондонская радиотелеграфная 1912 года длилась ровно месяц и закончилась 5 июля 1912 года. За это время состоялся ряд пленарных заседаний конференции и ее трех комиссий: по разработке регламента, тарифов и редакционной. В ходе работ конференции выделялись еще особые подкомиссии, имевшие определенную задачу. Всего за время работы состоялось 9 пленарных заседаний, 10 заседаний комиссии по регламенту, 6 заседаний тарифной комиссии и т. д. [3, с. 154].

По своему содержанию Лондонская конференция продолжила дело Берлина. Вопросы, вызывавшие споры на конференции 1906 года, были разрешены. В частности, отпало, по указанным выше причинам, противопоставление Англии и Италии большинству других стран. В связи с этим отпала необходимость в Дополнительном обязательстве 1906 года, поскольку все участники согласились установить обязательность радиотелеграфного обмена между судовыми станциями независимо от применяемой этими последними системы радиотелеграфа.

Получил свое разрешение и оставшийся в 1906 году неразрешенным порядок голосования на конференции.

Конференция не приняла выдвигавшихся на ней предложений об обязательности радиоустановок на морских судах, ссылаясь, впрочем, на то, что это мероприятие должно быть принято подготовлявшейся тогда конференцией о спасении жизни на море.

Конференция ограничилась лишь принятием пожелания, выдвинутого британской делегацией, об установлении обязанности иметь радиоустановку для некоторых категорий судов [3, с. 155].

Редакция статьи 21 Конвенции 1912 г. содержала следующие уточнения. Она указывала, что постановления Конвенции не распространяются не только на военно-морские и военные станции, но и на установки, обеспечивающие радиосвязь между континентальными пунктами.

Таким образом, подчеркивалось, что в Конвенции речь идет лишь о морских радиосообщениях. Новые абзацы 3 и 4 этой статьи указывали следующее: если береговые станции обеспечивают одновременно с публичной корреспонденцией с судами в море сообщения с континентальными пунктами, они не подчиняются при выполнении этой последней службы постановлениям Конвенции за исключением ее статьей 8 и 9 (т. е. подчиняются обязанности бороться с помехами и обязанности первоочередных приема и передачи сигналов бедствия).

В то же время, согласно абзацу 4, воспроизводя ту борьбу, которая, как было указано, велась на конференции между германской и британской делегациями, континентальная станция не должна отказываться от обмена радиограммами с другой аналогичной станцией вследствие системы, принятой этой последней; сохраняется, впрочем, полная свобода каждой страны в том, что касается организации службы корреспонденции между земными пунктами и определением рода корреспонденций между станциями, предназначенными для этой службы.

Остальные поправки к Конвенции 1906 г. представлялись по преимуществу редакционными, поскольку Конвенция 1912 г. как по количеству статей (также 23 статьи), так и по своему содержанию во многом совпадала с Конвенцией 1906 года (вместе с Дополнительным обязательством и частично Заключительным протоколом 1906 г.).

В отличие от Конвенции, которая не вносила существенных изменений, Регламент был существенно переработан, что вполне естественно при столь стремительном развитии радиотелеграфа за прошедшие пять лет.

Среди изменений в Регламенте, внесенных с 1906 года, необходимо выделить следующие.

1. Статья 2 Регламента в новой редакции предусматривала, что одна из двух волн береговой станции должна быть нормальной, допускала употребление волны в 1800 м для связи судна с отдаленной береговой станцией [3, с. 160]. Помимо этого, предусматривалось употребление специальными станциями волны не свыше 150 м для посылки сигналов, предназначенных определить положение судов в море.

Статья 3 Регламента предусматривала такое оборудование судовых станций, при котором они могли бы посылать и принимать не только на волне 300 м, но и на нормальной для них волне 600 м, т. е. на двух волнах, как и береговые станции.

С разрешения соответствующей администрации волна 600 м могла быть заменена волной меньшей длины. Для судов небольшого тоннажа вместо волны 600 м разрешено пользоваться для передачи волной 300 м, но с обязательством иметь оборудование для приема также и на волне 600 м.

Новая статья 4 Регламента указывала, что при обмене сообщений между береговой и судовой станциями или между судовыми станциями, в случае трудности установления связи, обе станции могут, по общему согласию, перейти на другую разрешенную им длину волны; по окончании обмена обе станции переходят на нормальную длину волны.

2. Чрезвычайно острые прения вызвало предложение французской делегации, обязывавшее морские суда, находящиеся в зоне той или иной береговой станции, сноситься лишь с ней как с ближайшей. Статья 35 Регламента указала те случаи, когда судовая станция может установить радиотелеграфную связь с более отдаленной береговой станцией (см. ст. 30 Регламента 1906 г.): а) если радиотелеграмма направляется в страну, где расположена береговая станция, с судна, носящего флаг этой страны; б) при условии применения волны 1800 м; в) если передача на этой волне не мешает передаче на той же волне любой ближайшей береговой станции, г) если судовая станция находится в расстоянии более 50 морских миль от всех береговых станций. Это последнее расстояние может быть уменьшено до 25 морских миль при условии (с. 161), что мощность станции не превысит 5 кВт, а сокращение расстояния не может иметь место в морях, бухтах и заливах, берега которых принадлежат одной стране и выход из которых в открытое море имеет менее 100 морских миль.

3. Большое внимание уделила конференция, как в пленарных заседаниях, так и в заседаниях особой комиссии, вопросу о тарифах. Статья 16 Регламента содержала положение аналогичное тексту Конвенции 1906 г. (ст. 10) положение о пословной оплате на основе справедливого возмещения радиотелеграфной работы.

В отношении размера максимума таксы, береговой и судовой, повторялись постановления Регламента 1906 г. (ст. 12). Однако, как это уже было в статье 10 Конвенции 1906 г., администрации получили право взимать оплату выше установленного максимума в случае, если район действия станции превысит 400 морских миль (в тексте 1906 г. было 800 км) или в случае убыточности станций.

При наличии промежуточной станции статья 17 Регламента 1912 года уточняла порядок взимания такс за радиограммы. Статья 42 Регламента 1912 г. – о взаимных расчетах – дополнена сравнительно со статьей 36 Регламента 1906 г., но эта последняя статья в основном осталась в силе. Ее дополнение потребовалось для того, чтобы учесть различные виды специальных такс, неизвестных Регламенту 1906 г., а также наличие промежуточных станций.

При передаче радиотелеграммы посредством двух промежуточных судовых станций каждая из них дебетует судовую станцию отправления, если речь идет о радиограмме на сушу, или станцию назначения, если речь идет о телеграмме, адресуемой на судно, – на сумму судовой таксы, причитающейся за транзит.

Осуществление расчетов, связанных с радиообменом между судовыми станциями, производится непосредственно эксплуатирующими эти станции компаниями, станция отправления дебетуется станцией назначения.

4. Статья 10 Регламента развивала изложенные в Регламенте 1906 г. (ст. 6) правила о радиотелеграфистах, допуская удостоверения, выданные не только правительством, которому подчинено судно, но в случае спешности или для одного рейс, также другим договаривающимся правительством.

Теперь удостоверения были разделены на 2 класса. Для удостоверения первого класса требования Регламента 1906 г. оставались неизменными, а для выдачи удостоверения второго класса телеграфист, на него претендующий, должен был быть способным отправлять и принимать сообщения со скоростью не менее 12–19 слов в минуту. Телеграфисты второго класса допускались на суда, пользующиеся радиосвязью лишь для их собственного обслуживания и для корреспонденции экипажа, в частности, на рыболовные суда.

На другие суда телеграфисты второго класса допускались в качестве помощников при наличии на судне хотя бы одного телеграфиста первого класса [3, с. 162].

На судах, имеющих круглосуточное несение радиовахты, должно было быть не менее двух телеграфистов первого класса. Изложенная статья отразила большие споры на конференции и явилась компромиссом в результате выступления ряда делегаций (германской, английской, датской и др.). Спор этот отражал, с одной стороны, интересы радиотелеграфных компаний, заинтересованных в правильной эксплуатации радиостанций и вследствие этого предъявлявших высокие требования к радиотелеграфистам и станционно-эксплуатационной службе станций, а с другой стороны – интересы судовладельцев, желавших снизить свои расходы по оплате штатного состава радиостанций и, если возможно, возложить обязанности по радиотелеграфному обмену на членов экипажа.

Остальные многочисленные изменения Регламента 1906 г. не вызвали на конференции 1912 г. столь острых столкновений.

Конвенция и другие акты 1912 г. были ратифицированы 41 правительством из 43 их подписавших, в числе ратифицировавших была и царская Россия [3, с. 164].

Принятие Россией участия в международных конференциях, посвященных радиосвязи в дореволюционный период, в целом мало успело сказаться на обеспечении безопасности торгового судоходства, так как количество торговых судов, оснащенных радиостанциями, было еще крайне мало. Основное, что успели сделать в этом отношении – это обеспечивать основные порты, а вместе с ними и находящие-

ся там суда сводками и прогнозами погоды, как это было, к примеру, в Черном и Азовском морях [7, с. 306–316].

В общем же можно отметить, что Лондонская конференция ввела более жесткий «Регламент радиосвязи», включающий требования круглосуточной радиовахты на судах и обязанность иметь запасную аварийную радиостанцию. Для ускорения радиообмена был введен «Q-код». Было принято решение об обязательном наличии на всех судах без исключения дополнительного приемника на 600 м (500 кГц). С этого времени, 48 раз в сутки, на три минуты в эфире прерывалась передача любых радиограмм (ежечасно – с 15-й по 18-ю минуты и с 45-й по 48-ю) и радисты всего мира настраивались на частоту 500 кГц в ожидании возможных сигналов бедствия.

В 1927 г. состоялась первая после Первой мировой войны международная радиотелеграфная конференция в Вашингтоне, на которой была расширена таблица распределения частот (до 60 000 кГц), а также включены полосы частот для радиовещания и для ряда служб, использующих радиосвязь (морские и авиационные подвижные станции, широковещательные радиостанции, любительские и экспериментальные). Также было узаконено требование о круглосуточном дежурстве на судовых и радиостанциях. Кроме того, каждый час в течение шести минут (от пятнадцатой до восемнадцатой и от сорок пятой до сорок восьмой) на частоте 500 кГц (т. н. «частоте бедствия») все судовые радиостанции обязаны были прослушивать эфир для приема возможных сигналов «SOS». На этой конференции ввели сигнал срочности – «XXX», предваряющий срочное сообщение и сигнал безопасности – «TTT», предваряющий сообщения по навигации и о погоде. Рассматривались вопросы борьбы с вредными помехами. Было принято решение о создании международного консультативного комитета по радио (МККР) для «изучения технических и других вопросов, касающихся радиосвязи». Ввиду сложной политической обстановки СССР не был приглашён на конференцию и по-прежнему руководствовался положениями Лондонской конвенции 1912 года.

Среди других международных конференций, оказавших влияние на правовое регулирование радиосвязи, в том числе и в СССР, следует отметить международную конференцию по охране человеческой жизни на море, проводимую в Лондоне в 1929 году, по итогу которой была принята Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС, с англ. – «SOLAS», International Convention for the Safety of Life at Sea). Участниками данной Конвенции были ведущие государства мира: Германия, Австралия, Бельгия, Канада, Дания, Испания, Ирландия, Соединенные Штаты Америки, Финляндия, Франция, Соединенные Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Индия, Италия, Япония, Норвегия, Нидерланды, Швеция и Советский Союз.

Несмотря на то, что Конвенция была посвящена гораздо более широкому кругу вопросов, правовому регулированию радиосвязи в ней отводилась целая глава (глава IV «О радиотелеграфе»). Конвенцией закреплялись положения действующей на тот период Международной радиотелеграфной конвенции (Вашингтонской 1927 года) и предусматривалось обязательное оснащение всех пассажирских и грузовых (более 1600 регистровых тонн) судов радиотелеграфной установкой установленного образца (ст. 28), а также наличие квалифицированного оператора. Требования к квалификации оператора наряду с отсылкой к положениям Международной радиотелеграфной конвенции (ст. 29) содержались в общей форме в статье 30 конвенции,

предусматривающей условия выдачи правительствами договорившихся стран свидетельств радиотелеграфиста [6].

В 60 статье Конвенции СОЛАС 1929 горда отмечалось, что она заменяет и отменяет Конвенцию об охране человеческой жизни на море, подписанную в Лондоне, и в случае противоречия ранее заключенным договорам, конвенциям или соглашениям, государства-участники признают высшую юридическую силу за постановлениями настоящей Конвенции.

Таким образом, Конвенции СОЛАС фактически позволила унифицировать и консолидировать законодательство ведущих государств мира в сфере обеспечения безопасности на море, отказаться от устаревших и разрозненных принятых ранее межгосударственных договоров, конвенций и соглашений и вывести правовое регулирование в сфере безопасности мореплавания в мире на новый уровень. Значение ее для Советского Союза было гораздо больше, так как ее принятие фактически устраняло отставание в правовом регулировании обеспечения безопасности на море от передовых морских держав, которое возникло в том числе и в сфере правового регулировании радиосвязи после пропущенной в 1927 году Советским государством международной радиотелеграфной конференции в Вашингтоне. Все это позволило СССР повысить безопасность на море до мировых стандартов, активно участвовать в международной торговле и занять достойное место среди ведущих морских держав.

Список литературы:

1. Воронин В. Г. Административно-правовое регулирование организации и управления морской безопасностью в Российской Федерации : дис. на соискание учен. степени к. ю. н. : спец. 12.00.14 / В. Г. Воронин. – Ростов н/Д., 2006. – 171 с.
2. Морское право. Учебное пособие / В. Н. Гуцуляк. – М. : РосКонсульт, 2000. – 325 с.
3. Глущенко А. А. Место и роль радиосвязи в модернизации России (1900-1917 гг.). Часть 1 из 5 / А. А. Глущенко. – СПб.: ВМИРЭ, 2005. – 193 с.
4. Гуреев С. А. Международное морское право : Учебное пособие / С. А. Гуреев, И. В. Зенкин, Г. Г. Иванов ; отв. ред. С. А. Гуреев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфра-М, Норма, 2011. – 432 с.
5. Зенкин И. В. Международно-правовое регулирование обеспечения безопасности на море : автореферат дис. на соискание учен. степени д. ю. н. 12.00.10 / И. В. Зенкин. – Москва., 1993. – 48 с.
6. Международная Конвенция по охране человеческой жизни на море (1929) от 31.05.1929, Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Международная_Конвенция_по_охране_человеческой_жизни_на_море_(1929)
7. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX вв. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь, 2014. – 660 с.

Sharmoyants A. The international radiotelegraphic conferences in legal regulation of the radio communication at the sea in the first half of the XX century in the USSR // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2018. – T. 4 (70). № 4. – P. 360–367.

In the work one researches the legal regulation of the radio communication at the sea during her introduction at the beginning of the 20th century as in pre-revolutionary Russia, and later in the USSR, and at the international level. The international radiotelegraphic conferences which active participant was Imperial Russia, and further and the Soviet power became basis of this process. In article analyzed the international radiotelegraphic conferences 1904 and 1906 of in Berlin, 1912 in London which active participant was Imperial Russia. The International radiotelegraphic conference, the first after World War I, in Washington of 1927 is considered. In a type of a difficult political situation, the USSR didn't accept participation in her, however in a consequence, participating in International a conference on protection of human life at the sea of 1929 in Lon-

don and having ratified, the Convention SOLAS adopted on her basis, could eliminate lag in legal regulation of safety at the sea from the advanced sea powers which has arisen including in the sphere legal regulation of a radio communication, after passed in 1927 by the Soviet state International a radiotelegraphic conference in Washington.

Keywords: radio. legal regulation, merchant shipping, safety of merchant shipping, sea craft, legal act, normative legal act, international law, international conference.

Spisok literatury

1. Voronin V. G. Administrativno-pravovoe regulirovanie organizacii i upravleniya morskoj bez-opasnost'yu v Rossijskoj Federacii : dis. na soiskanie uchen. stepeni k. yu. n. : spec. 12.00.14 / V. G. Voronin. – Rostov n/D., 2006. – 171 p.
2. Morskoe pravo. Uchebnoe posobie / Guculyak V. N. – M. : RosKonsul't, 2000. – 325 p.
3. Glushchenko A. A. Place and role of radio in the modernization of Russia (1900-1917 gg.). Part 1 of 5 / Glushchenko. – SPb.: VMIRE, 2005. – 193 p.
4. Gureev S. A. Mezhdunarodnoe morskoe pravo : Uchebnoe posobie / S. A. Gureev, I. V. Zenkin, G. G. Ivanov ; otv. red. S. A. Gureev. – 2-e izd., pererab. i dop. – M: Infra-M, Norma, 2011. – 432 p.
5. Zenkin I. V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie obespecheniya bezopasnosti na more : avtorefe-rat dis. na soiskanie uchen. stepeni d. yu. n. 12.00.10 / I. V. Zenkin. – Moskva., 1993. – 48 p.
6. Mezhdunarodnaya Konvenciya po ohrane chelovecheskoj zhizni na more (1929) ot 31.05.1929, Rezhim dostupa: https://ru.wikisource.org/wiki/Международная_Конвенция_по_охране_человеческой_жизни_на_море_(1929)
7. Zmerzlyj B. V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v CHernomorsko-Azovskom regione v konce XVIII – nachale XX vv. / B. V. Zmerzlyj. – Simferopol', 2014. – 660 p.

.

НАШИ АВТОРЫ

Аблятипова Н. А.	*к. ю. н., доцент, заслуженный юрист Республики Крым, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*
Адаховская С. В.	*к. ю. н., доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел ФГБОУ ВО «Нижегородская академия МВД России»*
Адельсеитова А. Б.	*к. ю. н., доцент кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Анохин А. Н.	*к. ю .н., доцент кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Архипов С. И.	*д. ю. н., профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университетат, приглашенный профессор университета Paris Ouest Nanterre La Defense*
Ануфриева Е. А.	*доцент кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*
Васильева Е. Г.	*к. ю. н., доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*
Велигодский Д. В.	*к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Гармаев Ю. П.	*д. ю. н., профессор, старший советник юстиции (в отставке)*
Гелуненко В. В.	*аспирант кафедры конституционного и международного права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета*
Головко И. И.	*к. ю. н., доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юри-*

	дического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
Гулина Е. В.	*аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Бурятского государственного университета*
Демирчян В. В.	*к. ю. н., доцент кафедры международного права Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*
Деревянская Т. П.	*к. ю. н., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Дытченко Г. В.	*к. ю. н., доцент, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Евдокимов К. Н.	*к. ю. н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Евсикова Е. В.	*к. ю. н., старший преподаватель кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*
Евтушенко И. И.	*к. ю. н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Иванов С. А.	*заведующий Петродворцовым филиалом коллегии адвокатов «Санкт-Петербург»*
Иванов С. И.	*к. ю. н., начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Иващенко Е. А.	*аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Змерзлый Б. В.	*д.и.н., д.ю.н., профессор кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Кащенко С. Г.	*д. и. н., профессор кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО*

	«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Клименко Е. П.	*к. ю. н., старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Коваль А. В.	*аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Косьяненко Е. В.	*к. ю. н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Алтайского института экономики*
Кошман В. А.	*преподаватель кафедры теории и истории права и государства КрФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»*
Кравцова А. А.	*студентка 3 курса Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*
Куприяшина А. О.	*аспирант Кемеровского государственного университета*
Курабцева А. П.	*к. ю. н., доцент кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Любинецкий А. Н.	*аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Миронова О. А.	*к. ю. н., доцент, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Михайлов М. А.	*к. ю. н., доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Никитина А. П.	*к. ю. н., доцент, заведующий кафедрой «Морское и таможенное право» Юридического института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»*

Никульченкова Е. В.	*к. ю. н., доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Нифанов А. Н.	*к. ю. н., доцент кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета*
Новикова А. В.	*к. ю. н., доцент кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета*
Новикова Т. В.	*к. ю. н., заведующий кафедрой международного права Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*
Островский А. А.	*аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Омельченко Т. В.	*к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Попова Е. И.	*к. ю. н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления*
Рудик М. В.	*доцент, старший препаватель кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Сильванович Ю. Н.	*студентка юридическго факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Смирнова Е. В.	*к. ю. н., доцент кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Старчков М. Ю.	*юрист, полковник юстиции запаса, г. Симферополь*
Старостин В. А.	*преподаватель первой квалификационной категории Таврического колледжа (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*

Суденко В. Е.	*Юридический институт Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая I, г. Москва*
Сушков А. В.	*соискатель кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета*
Таран П. Е.	*к. ю. н., к. филос. н., заведующий кафедрой истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Титова В. А.	*к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России*
Тихомирова Т. О.	*старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Филовнов А. В.	*д. ю. н., профессор кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*
Цындря В. Н.	*к. ю. н., старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Чернецкий О. К.	*к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Шармоянц А. Н.	*к. ю. н., доцент кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Шахбанов А. А.	*соискатель кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Адаховская С. В.
Проявления нигилистического отношения к праву в образовательных учреждениях МВД России 3
Анохин А. Н., Курабцева А. П.
О значении юридического прогнозирования в совершенствовании системы правового регулирования 11
Архипов С. И.
Представление о государстве как субъекте права: зарождение, развитие и кризис идеи 19
Велигодский Д. В.
Совершенствование работы по противодействию коррупции в Российской Федерации в 2018–2020 годах 28
Евсикова Е. В.
К вопросу о формировании, функционировании и деятельности общественного совета по осуществлению общественного контроля в сфере установления, администрирования, взимания и уплаты курортного сбора в Республике Крым 35
Иванов С. А.
Конституционно-правовое регулирование видового многообразия помощи в Российской Федерации 57
Кащенко С. Г., Таран П. Е.
Регулирование внутрисемейных отношений в Ветхом Завете Библии 66
Клименко Е. П.
Правовая организация погрузочных работ акционерным обществом «Экспортхлеб» в 1923 г 78
Коваль А. В.
Положение об управлении торговыми портами в РСФСР 1922 г 85
Любинецкий А. Н.
Регулирование вопросов действия органов железнодорожного транспорта на территории морских торговых портов в СССР в 1920-х гг 93
Миронова О. А.
Право на охрану здоровья: конституционно-правовой аспект 105
Никитина А. П.
Основные начала организации лоцманского дела на юге Российской империи 112
Новикова А. Е.
Категория «риск» в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 126
Островский А. А., Змерзлый Б. В.
Реорганизация арестантских рот и создание на их основе исправительных отделений в Российской империи в середине XIX в 133
Старостин В. А.
Рабочее время несовершеннолетних лиц в Великобритании, Франции, Германии в XIX веке 144

Смирнова Е. В.
Правовой статус Крыма в ноябре 1918 – апреле 1919 гг. (к 100-летию образования крымской государственности).....153
Сушков А. В.
Зарубежный опыт конституционного закрепления государственной поддержки (страны СНГ и Восточной Европы).....158
Шахбанов А. А.
Субъективные права как компонент социально-экономических отношений: отечественный конституционно-правовой генезис 164

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Головко И. И., Дытченко Г. В.
Проблемы реализации права на реабилитацию 171
Деревянская Т. П.
Мотив и цель как признаки субъективной стороны преступлений, связанных с незаконным обращением лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок.....181
Евдокимов К. Н.
Актуальные вопросы определения объекта преступного посягательства при нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ) 187
Евтушенко И. И.
Виктимологические особенности потерпевших от мошеннических действий (по материалам Республики Крым) 196
Иванов С. И.
Признаковая характеристика объектов поиска в оперативно-розыскной деятельности.....203
Косьяненко Е. В.
Основания и условия применения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией 209
Купряшина А. О.
Анализ криминологической обстановки в исправительных колониях 215
Никульченкова Е. В.
Проблемы толкования объекта и предмета мошенничества при получении выплат 220
Рудик М. В.
К вопросу об установлении максимального возраста привлечения к уголовной ответственности.....226
Старчиков М. Ю.
Вред, причинённый жизни (здоровью) пациента вследствие медицинского вмешательства: законодательные пробелы и пути их устранения.....232
Титова К. А.
К вопросу о возмещении ущерба по делам о хищениях в сфере ЖКХ 240
Филонов А. В.
Социально-экономические и политические причины и условия возникновения терроризма в мире 245

Чернецкий О. К.
Основные различия проведения следственного эксперимента и экспертизы.....257

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Аблятипова Н. А, Кравцова А. А.
Бесхозяйные недвижимые вещи: проблемы определения и правового регулирования.....262
Васильева В. Г.
О взискании налоговой задолжности с конечных бенефициаров.....269
Цындря В. Н.
К определению понятия «административно-наказательная политика».....277

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Гармаев Ю. П., Попова Е. И., Гулина Е. В.
Проблемы правового просвещения граждан Монголии на территории Российской Федерации в области безопасности дорожного движения.....284
Демирчян В. В., Новикова Т. В.
Институциональные и изолированные международные коммерческие арбитражи: обзор практики и сравнительная характеристика.....291
Нифанов А. Н.
Статусное конституирование территории в странах Содружества Независимых Государств.....298
Кошман В. А.
Договор Абарсала и Эблы как древнейший межгосударственный договор в контексте формирования правового регулирования международных отношений на Ближнем Востоке в середине III тыс. до н. э.....303

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Михайлов М. А., Омельченко Т. В., Ануфриева В. А.
Международная научно-практическая конференции «Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства» в выступлениях участников секции «Актуальные проблемы уголовного права и процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и прокурорского надзора».....312

СРОЧНО В НОМЕР

Адельсеитова А. Б., Сильванович Ю. Н.
Политика гендерного равенства и партийное представительство.....326
Гелуненко В. В.
Конституционная формализация свободы слова в конституциях Восточной Европы.....333

Скреля К. Ю., Клименко Е. П.
Ценные и уникальные документы в архивном законодательстве Российской Федерации.....338
Суденко В. Е.
Особенности современной организованной преступности, влияющие на борьбу с нею.....344
Тихомирова Т. О.
Реализация принципа разумности сроков в судебных стадиях уголовного Судопроизводства.....354
Шармоянц А. Н.
Международные радиотелеграфные конференции в правовом регулировании радиосвязи на море в первой половине XX века в СССР.....360